В.С. БУШИН

ЧЕСТЬ
И БЕСЧЕСТИЕ НАЦИИ

Москва
Издательство "Республика" 1999

ББК 66.2(2Рос) Б94
Бушин В.
Б94 Честь и бесчестие нации. — М.: Республика, 1999. — 480 с.
ISBN 5—250—02695—8

В книгу включены публицистические работы известного писателя В. Бушина, написанные им в период так называемых радикальных реформ в России. Его острые статьи, эссе, памфлеты, посвященные современной российской действительности, всегда вызывают живой, заинтересованный отклик читателей.

Можно не сомневаться, что новая книга не оставит равнодушными ни тех, кто солидарен с его позицией, ни идейных противников.

ББК 66.2(2Рос)
ISBN 5—250—02695—8
© Издательство "Республика", 1999

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Имя писателя Владимира Бушина известно российским читателям по многим публикациям прошлых лет — статьям, сборникам стихов, прозы.

Сегодня его знают больше как одного из самых ярких публицистов, чьи статьи, появляющиеся в основном в оппозиционной печати, не могут оставить равнодушными даже тех, кто не разделяет его идейных позиций и не скрывает своего неприятия "красного" писателя.

В этот сборник вошли его работы последних лет, которые в совокупности своей образуют широкую панораму этих страшных дней в жизни России на историческом фоне сравнительно недавнего прошлого. Ход и перепады времени читатель увидит через невольное сопоставление многих и разных фигур — от Ленина и Сталина до Горбачева и Ельцина, от маршала Жукова до генерала Грачева. Перед нами проходит галерея демократических оборотней, лжецов, фальсификаторов, правителей, лишенных всякого понятия чести и совести, реформаторов, обрушивших народ в беспросветную нищету.

Глубокая убежденность патриота-государственника помогла ему рассеять страх людей перед властью, вернуть многим из них силу стойкости, самоуважение. Достаточно перелистать почту с откликами на статьи В. Бушина, чтобы понять, сколь велика и сегодня сила правдивого слова, как до сих пор ценится неподкупность таланта! Вот лишь некоторые строки из писем: "Так в России не пишет никто!"... "Помилосердствуйте! Вы заставляете хохотать до слез, до колик даже старух на завалинке"... "На чтение Ваших книг установилась очередь"... "Газету с любой Вашей статьей рвут из рук"... "Я буквально вцепилась в Вашу статью"... "Ваши доказательства и аргументация не уступают математическим"... И в то же время: "Ваши статьи

— это "луч света в грозовую темень"... "Вы даже не представляете, как я жду Ваших статей!"... "Со слезами на глазах читаю и перечитываю"... "Статью о Павлике Морозове не мог осилить сразу — сердце подступало к горлу"... Или: "Раньше таких писателей называли выразителями народных дум"... "Спасибо за труд по спасению русской нации!"... "Если бы не такие, как Вы, нам нечем было бы дышать и жить"... "Мы умерли бы, если бы не читали Вас"... "Вы — пример для нас. В страшные дни 91-го и 93-го годов, когда все трусливо разбежались по своим демократическим норам, вы стояли во весь рост

на виду у противника и не дрогнули. А такое, поверьте, выше всяких запоздалых раскаяний политиков..."

В одной из его книг читаем: "Просыпаясь поутру и зная, сколь мерзостный день тебя ждет, хотелось звать смерть. Было невтерпежь, саднило и жгло душу. Спасала только эта возможность — на газетных страницах защитить достоинство человека, сорвать роскошные одеяния с ничтожества, высмеять неуместные почести, назвать ложь ложью, глупость — глупостью..." Таково творческое кредо писателя.

При всей спорности ряда оценок событий, характеристик "героев", бесспорно, на наш взгляд, одно: взяв в руки эту книгу, читателю не придется скучать...

ОБ АВТОРЕ КНИГИ

Владимир Сергеевич Бушин родился 24 января 1924 года в рабочем поселке Глухово Московской области. Мать в молодости — работница на ткацкой фабрике Арсения Морозова, позже — медицинская сестра. Отец после окончания реального училища поступил в Алексеевское офицерское училище и окончил его в 1916 году. В Октябрьскую революцию, как и тысячи русских офицеров, встал на сторону народа. Позже — член коммунистической партии.

Лучшую пору детства будущий писатель провел в доме деда — хлебопашца, плотника, солдата японской войны, беспартийного председателя колхоза им. Марата в деревне Рыльское Тульской области на Непрядве, в двенадцати верстах от Куликова поля.

Школу окончил в Москве за несколько дней до Великой Отечественной войны. С осени 1942 года на фронте. В составе 50-й армии прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга. Потом — Маньчжурия, война с Японией — дедовская стезя. На фронте вступил в партию, публиковал свои стихи в армейской газете "Разгром врага". После возвращения с войны окончил Литературный институт им. Горького и Московский юридический (экстерном). Печататься начал на фронте. Опубликовал несколько книг прозы, публицистики и поэзии: "Эоловы арфы", "Колокола громкого боя", "Его назовут Генералом", "Клеветники России", "Победители и лжецы", "В прекрасном и яростном мире", "Окаянные годы"...

Учился в аспирантуре, работал в "Литературной газете", в газете "Литература и жизнь" (ныне "Литературная Россия"), на радио, в журналах "Молодая гвардия", "Дружба народов". В годы застоя был в течение нескольких лет "отлучен" от литературы. Сегодня Владимир Бушин — один из самых интересных публицистов, представляющих патриотическую оппозицию.

Награжден орденами Отечественной войны, "Защитнику Советов", медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", "За победу над Германией", "За победу над Японией", "За взятие Кенигсберга" и другими.

БАРДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА VII СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ 14 декабря 1990 г.

— Поскольку мы с вами, уважаемые товарищи, все тут завзятые плюралисты, и не только в сфере содержания, но, надеюсь, и формы, то я счел возможным в своем выступлении обратиться непосредственно к нашему президенту.

Дорогой Михаил Сергеевич! Сегодня заканчивается седьмой съезд писателей России. В своих последних речах и выступлениях, в частности во время встречи с деятелями культуры 28 ноября, вы вдруг стали вспоминать, что вы русский. И один дед, которого раскулачили, был у вас русский, и дед другой, который сидел

в тюрьме, — тоже русский. *(Движение в зале.)* Поэтому наш съезд вроде бы должен заинтересовать вас не только как руководителя страны. Все четыре дня мы работали в Центральном театре Советской Армии. Это невольно приводило на ум разного рода воспоминания и соображения военного характера. В частности, некоторые из нас вспоминали, что вы имеете звание полковника. *(Оживление в зале.)*

Это звание, как стало недавно известно из военной прессы, вы получили в 1978 году, когда Брежнев и Суслов взяли вас, молодого и энергичного строителя "казарменного социализма", как теперь вы сами выражаетесь, из Ставрополя в Москву и сделали секретарем ЦК партии по сельскому хозяйству. Зачем секретарю по сельскому хозяйству полковничье звание, это известно разве что только такому знатоку сельской жизни, как народный депутат Юрий Черниченко, и такому спецу по цековским нравам и обычаям, как народный депутат Федор Бурлацкий — известный хрущевско-брежневский спичрайтер.

8

Но как бы то ни было, а факт остается фактом. И надо думать, что тогда, двенадцать лет назад, вам выдали шинель и китель с погонами, папаху, сапоги со шпорами и бинокль. Последний предмет был для вас просто необходим: с его помощью вы могли лучше видеть, как зреют на полях страны урожаи и как выполняется Продовольственная программа, которой вы семь лет руководили. *(Смех в зале.)*

На протяжении всей работы съезда мы ждали от вас, высокого русского лидера, доброй весточки. И мы не удивились бы, а только обрадовались, если в один из этих четырех дней распахнулась бы входная дверь и вы, поскрипывая сапогами, позвякивая шпорами, поправляя рукой кобуру, прошли бы в президиум и сели рядом с полковником в отставке Михалковым. *(Шум в зале, смех.)*

Увы, мы не дождались ни вашего прихода, ни даже весточки. Но мы не в обиде, мы понимаем, как много у вас дел. Как раз в эти дни проходил съезд энергетиков — надо же было послать им правительственную телеграмму. Умер Арманд Хаммер, драгоценный печальник России, — надо было выразить соболезнование. Какой-то негодяй ранил в плечо известного журналиста ленинградского телевидения Александра Невзорова — нельзя было и это оставить без вашего высокого внимания, как в свое время вы не обошли, кажется, вниманием сотни безвестных жертв Сумгаита, Баку, Оша, Ферганы, Намангана, Дубоссар... А тут еще, видимо, вы не в силах были оторваться от замечательной книги газетных статей Евгения Евтушенко "Политика — привилегия всех", о которой так проникновенно сказали, еще не дочитав ее, на помянутой встрече с деятелями искусств. Судя по всему, книга кормчего нашей поэзии произвела на вас гораздо большее впечатление, чем письмо 74 писателей о бедах Родины (потом к нему присоединились сотни, тысячи авторов), на которое вы не ответили. *(Оживление в зале.)*

Словом, нет, мы не обиделись. Кое-кто в кулуарах съезда говорил, что надо было послать вам персональное приглашение. Но другие считают, что это бесполезно. Пригласили же вас недавно на свой съезд шахтеры, но вы все равно не смогли порадовать их своим присутствием: надо было принять премьер-министра Люксембурга, еще разочек проштудировать статью Солженицына "Как нам обустроить Россию", побеседовать с очаровательной Джейн Фонда... Короче говоря, дел было, как всегда, по завязку.

9

Да, повторяю, мы не в обиде. Больше того, пользуясь случаем, мы от души поздравляем вас с Нобелевской премией. А тот факт, что от вашего имени ее получил в Осло накануне нашего съезда член Союза писателей известный поэт-мидовец Анатолий Ковалев, особенно радует нас. Мы расцениваем это как

выражение особого доверия к Союзу писателей России. *(Смех в зале.)*

Заодно мы поздравляем вас также с индийской премией Индиры Ганди, с ирландской премией "Конвент мира", с испанской премией принца Астурийского, с итальянской премией Фьюджи, с немецкой золотой медалью Отто Хана. *(Оживление в зале.)* Теперь, полковник, международных наград у вас больше, чем было Золотых Звезд у маршала Брежнева. *(Смех в зале.)* Поздравляем и с этим. Но должны отметить одну странную закономерность: чем хуже положение у нас в стране, тем более высокую и престижную премию вам дают. С чего бы это?*

Здесь, в Театре Советской Армии, с благодарностью вспомнили мы и о том, Михаил Сергеевич, что из своих гонораров вы пожертвовали изрядную сумму на памятник Василию Теркину — литературному герою Великой Отечественной войны. Из статьи "Известий", бодро озаглавленной "Автор неустрашимого Чонкина вновь москвич", мы узнали, что вы приняли живое участие в житейских делах, в частности квартирных, создателя этого самого Чонкина — другого литературного героя войны.

Итак, одной рукой — за Теркина, другой — за Чонкина. Прекрасно! Кто же после этого может обвинить вас в односторонности! Хочется думать, видя такую вашу широту, что теперь вы поможете с квартирой и своему товарищу по Политбюро И. К. Полозкову, которому Попов и Станкевич не дают московской прописки. Чем черт не шутит, может, вступитесь и за Литфонд Союза писателей России, который как раз в те дни, когда автор Чонкина получал ордер на новую благоустроенную квартиру, был вышвырнут из помещения на Красноармейской улице. *(Аплодисменты.)*

Со своей стороны мы готовы делить с вами все заботы и тяготы нынешних дней. Это не слова. Вот конкрет-

* Через несколько дней после нашего съезда М. С. Горбачев получил еще одну премию — "Награду мира" Всемирного методического совета религиозных организаций. А потом — "Звезду Давида" и множество других регалий.

ное доказательство. После того как от имени нашей страны ваш друг и единомышленник Шеварднадзе проголосовал за резолюцию Совета Безопасности № 678, вы, вероятно, озабочены тем, где найти воинские контингенты, чтобы после 15 января во исполнение этой резолюции бросить их, если потребуется, против Ирака, с которым у нас с 1972 года договор о дружбе, — бросить в войну, спланированную американцами.

Так вот, желая помочь вам, мы здесь на съезде уже изыскали один такой контингент. Это — около двухсот народных депутатов России, которые на своем съезде, как выявило поименное голосование, не нашли нужным возражать против нашего военного участия в кризисе на Ближнем Востоке. *(Смех, аплодисменты.)*

Но это не все. Вы знаете, что из 18 членов Президентского совета только двое служили в армии, а из 24 членов нового Политбюро только трое. Для более ясного осознания этих фактов примем в расчет, что, допустим, в Священном Синоде Русской православной церкви картина обратная той, что мы видим в Президентском совете: там лишь двое НЕ служили в армии, ибо в духовные семинарии и академии принимают только тех, кто уже отслужил действительную. *(Смех, аплодисменты.)*

Это с одной стороны. С другой — посмотрите на Америку. Сегодня нас то и дело призывают к этому. Там первым президентом после войны был Эйзенхауэр — главнокомандующий союзными войсками. Потом был Кеннеди, который тоже воевал, был ранен, чуть не утонул. Нынешний президент воевал летчиком, был сбит, едва остался жив. Словом, все это настоящие мужики, доказавшие свою верность родине так, как мужикам подобает. Руками, окрепшими на военной службе, они вели и ведут свой государственный корабль. *(Аплодисменты.)*

Разумеется, мы вовсе не хотим бросить тень на всех, кто не служил в армии. Причины могут тут быть разные, в том числе и такие уважительные, как белый билет. Но все-таки трудно надеяться, что команда, составленная почти целиком из белобилетников, во главе с полковником-белобилетником, главнокомандующим-белобилетником, может вывести народ из окружения бед, несчастий, катастроф. *(Аплодисменты.)*

Однако в конкретной ситуации, созданной голосованием Шеварднадзе в ООН, специфический состав Президентского совета и Политбюро представляется немалым преимуществом. Ведь из их членов, не изможденных сол-

11

датской службой, заряженных энергией нового мышления, можно составить еще один отряд и при нужде бросить в сыпучие пески Аравийской земли, где когда-то, как писал поручик Лермонтов *(смех),* "три гордые пальмы высоко росли". За это вам могут дать еще и Ленинскую премию мира. *(Смех, аплодисменты.)*

В сиянии наград, что сыплются на вас из-за "бугра", выглядят совершенно непонятно и крайне огорчают такие, например, ставшие известными на последнем Пленуме ЦК КПСС факты, как все более громкие и многочисленные голоса, выражающие вам недоверие и даже требующие вашей отставки. А на последнем съезде депутатов России известный всей стране писатель Василий Белов сказал: "В жесткой, изнуряющей политической борьбе наши лидеры мало думают о русском народе. И вы, депутаты, должны, обязаны выдвинуть из своей среды новых энергичных, умных и молодых лидеров". В сущности, это тоже требование дать отставку и вам, и Ельцину, и Яковлеву, и Хасбулатову со Старовойтовой.

Некоторые злопыхатели доходят до того, что перестройку, ваше любимое и непредсказуемое детище, называют катастройкой, контрперестройкой и даже контрреволюцией. Это что же у них получается? Выходит, что Яковлев, лучший идеолог всех времен и народов, это контрреволюционер № 1, вы контрреволюционер № 2, Шеварднадзе — № 3, Ненашев — № 4, Ельцин, который все время подчеркивает, что расходится с вами только тактически, № 5?.. Боже милостивый, и все это говорят люди, у которых нет даже медали "За спасение утопающих"! *(Взрыв смеха.)*

Надо заметить, что в этой ситуации очень странно выглядят люди, в том числе отдельные писатели, которые совсем недавно на страницах "Московских новостей" клялись вам в дружбе и верности, — Григорий Бакланов, Александр Гельман, Даниил Гранин, Элем Климов, академик Сагдеев, Михаил Ульянов. Помните их коллективное "Открытое письмо" накануне 1989 года? Они писали: "Через три месяца нам предстоит избрать тех, в чьи руки будет передана вся полнота государственной власти. Мы еще не знаем, какие имена будут внесены в избирательные бюллетени. Точно знаем только одно: каждый из нас весной 89-го года будет голосовать за вас..." "Даже если кандидатура М. С. Горбачева окажется не в тех бюллетенях, которые мы получим..." Подумать только, избирательная кампания еще не начиналась, кандидатуры не выдвинуты, а они уже спешили, уже заверяли на шести

12

языках мира в своей преданности, уже мчались за сковородкой, дабы угостить вас яичницей сразу, как только снесет яичко та курочка, которая пока еще в гнезде. *(Взрыв смеха.)*

Так вот, не странно ли, что теперь, когда вас так резко критикуют, когда требуют вашей отставки, эти суетливые курощупы глухо молчат?

Допустим, Роальд Сагдеев, наш академик в экспортном исполнении, сейчас за океаном, занят укреплением советско-американской дружбы посредством несколько поздноватого брачного союза с американской миллионершей. Но что молчат Бакланов и Гельман? Почему на Съезде народных депутатов не возвысят

гневный голос в вашу защиту Гранин и Ульянов? Ну, уж Гранин-то ладно, его герой Тимофеев-Ресовский мог во время войны жить в Германии и работать на фашистов. Но Ульянов? Всю жизнь играл в кино роль маршала Жукова. Того самого, который в свое время защитил и спас Хрущева. Где же, спрашивается, у дважды народного Ульянова связь между искусством и жизнью? *(Смех, аплодисменты.)*

Молчат и обласканные вами академики: Арбатов, Аганбегян, Гольданский, Емельянов, Заславская... Вопреки вашим надеждам, какими же все они оказались неперспективными! *(Смех в зале*.)*

Впрочем, Михаил Сергеевич, обижаться на всех этих народных курощупов, не защищающих вас, вы едва ли вправе. Ведь за шесть лет своего лидерства вы и сами никого не защитили. Так, как это надлежит Генеральному секретарю, Президенту, Главнокомандующему, вы не защитили от клеветы и поношения ни партию, которая подняла вас на самую высокую вершину, ни армию, которая в 1943 году спасла вашу семью от оккупации и порабощения, ни сам русский народ, кровь которого течет в ваших жилах.

* Теперь мы знаем, что все они, эти ученые депутаты, трусливо молчали и 17 декабря, когда чеченка Сажи Умалатова, бригадир с машиностроительного завода, поднялась на трибуну Съезда и сказала: "Руководить дальше страной М. С. Горбачев не имеет морального права. Нельзя требовать с человека больше, чем он может. Все, что мог, Михаил Сергеевич сделал. Развалил страну, столкнув народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой... Уважаемый Михаил Сергеевич! Народ поверил вам и пошел за вами, но он оказался жестоко обманутым. Вы несете разруху, развал, голод, холод, кровь, слезы, гибель невинных людей... Вы должны уйти ради мира и покоя нашей многострадальной страны".

Вы не защитили даже своих ближайших товарищей по работе — ни Лигачева, ни Рыжкова, ни Афанасьева, ни хотя бы того же Яковлева, которого вы принародно на Ивановской площади Кремля называли Сашей. Конечно, каждый из них за что-то заслуживает критики, но ведь не зря Тарас Бульба (кстати, как и вы, полковник) говорил: "Нет уз святее товарищества!.. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей". Нет, не зря так говаривал беспартийный полковник Бульба. *(Аплодисменты.)*

Вы помните, как казнили попавшего в плен его сына Остапа? "Палач сдернул с него ветхие лохмотья: ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки... Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение казацкой нации. Но власть короля и иных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своей необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление..." Не знакомо ли вам, Михаил Сергеевич, все это по нынешней поре: и жестокость, и мщение, и необдуманность, недальновидность, ничтожная гордость и, наконец, сейм, превращенный в сатиру на правление?

"Остап выносил терзания и пытки как исполин. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему руки и ноги, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленных зрителей... Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, одобрительно говорил: "Добре, сынку, добре!"

Но когда подвели Остапа к последним смертным мукам — казалось, будто стала подаваться его сила... "О Боже! — повел он очами вокруг себя. — Все неведомые, все чужие лица!" Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы услышать рыданий и сокрушений слабой матери или безумных воплей супруги, хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою, и

воскликнул в душевной немощи:

— Батько! Где ты? Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно мгновение вздрогнул..." *(Взрыв аплодисментов.)*

14

Не так ли и нашу Родину возводят ныне на эшафот, не так ли и ей ломают руки да ноги, не так ли и к вам, президент, несутся, заглушая ужасный хряск, отчаянные клики со всех концов державы на всех языках, что ни есть в ней: "Батько! Где ты! Слышишь ли ты?" Если раздавалось бы в ответ громовое полковничье "Слышу!", то весь трехсотмиллионный народ вздрогнул бы в одно мгновение и воспрял духом. Но нет никакого ответа, и только летят над страной, словно из уст Андрия, мертвые слова: "консенсус"... "приватизация"... "чубайс"... "ваучер"... Вот что я, капитан запаса, хотел сказать с этой всероссийской трибуны вам, полковник. *(Бурные аплодисменты.)*

P. S. Выступивший с репликой народный депутат СССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии Виктор Астафьев назвал мое выступление "диким вздором, недостойным этого собрания и всего человечества" (Известия. 1990. 16 декабря). Из стенографического отчета о съезде (Литературная Россия. 1990. № 50—52) выступление было изъято. Впервые опубликовано в журнале "Кубань", № 1, 1991 г.

ПИСЬМА ПОЭТУ, КОТОРЫЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Дорогой Евгений Евтушенко!

Ныне со всех газетно-журнальных и телеперекрестков несутся призывы каяться. Вы их слышите, конечно. Порой это даже не призывы, а требования и ультиматумы. Александр Солженицын, например, требует покаяния от всего человечества. По моим наблюдениям, особенно усердны в таких призывах ученые люди. Одни из них (например, академик Д. С. Лихачев) считают, что покаяться должен весь русский народ. Другие (например, член-корреспондент Академии наук И. Р. Шафаревич) гораздо умереннее: они полагают, что достаточно, если покается только компартия. Третьи (например, академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов) еще скромнее: требуют покаяния от председателей колхозов и колхозных кладовщи-

15

ков. Четвертые (например... Забыл имя, но точно помню: тоже ученый человек) хотят совсем немногого: пусть покается столетний Каганович, и в этом наше спасение!.. Некоторые из тех голосов не так уж и громки, но все вместе они образуют мощный и страшноватенький хор...

Не знаю, что решат русский народ, компартия, кладовщики и грешный старец Каганович, а я лично на днях пришел к твердому выводу, что все-таки надо покаяться. Пора! И не как-то там вообще, абстрактно, неизвестно перед кем и не совсем понятно в чем, а в своих вполне конкретных грехах, конкретно перед Вами, Евгений Александрович. И не подумайте, мой дорогой, будто делаю это лишь потому, что недавно узнал о Вас, причем из Ваших собственных уст, нечто такое, что способно ошеломить и повергнуть ниц любого.

Слониха и крольчиха

Оказывается, когда исполнилось сорок лет Вашего поэтического парения, у Вас вышло 311 книг стихов и прозы, оригинальных и переводных. Если принять в расчет, что первый сборник стихов, в котором Вы с такой чистосердечностью

писали: "Мой лучший друг живет в Кремле", был издан в 1952 году, еще при жизни Вашего лучшего друга, то получается: все последующие годы каждый месяц у Вас выскакивало по книге. Каждые тридцать дней, включая выходные, праздники и время, проведенное в зарубежных поездках. Например, поехали Вы в США, покалякали там с Эдвардом Кеннеди, потом заглянули в Доминиканскую Республику, попили чайку с Гусманом или Балагером, оттуда — на Кубу, порыбачили с Фиделем Кастро. И ушло на это, допустим, четыре месяца. Так вот, за это время из разных издательских щелей выскочили и расползлись по стране четыре Ваших книги. Сказка!.. А кроме того, у Вас куча песен, оратории, фильмы и роли в них... Пожалуй, Вы более плодовиты, чем Лопе Феликс де Вега, Агата Кристи, Юлиан Семенов и Феликс де Чуев, вместе взятые. Де Вега, например, написал более двух тысяч пьес, но если их издать штук по десять—двенадцать в книге, то будет гораздо меньше, чем 311.

Когда-то Александр Архангельский писал об Эренбурге:

Монументален, как слониха,
И, как крольчиха, плодовит.

16

Пожалуй, с гораздо большим основанием это можно сказать о Вас.

Но плодовитость, как теперь всем стало понятно после Вашего публичного разъяснения, не единственное свидетельство Вашей грандиозности. Много и других. Оказывается, например, рядом со шкафом, в котором Вы разместили 311 своих прекрасных книг, у Вас стоит платяной шкаф, где висят четыре профессорские мантии, почтительно и щедро накинутые в разное время на ваши широкие плечи в разных университетах и колледжах Западного полушария. В том числе — в университете Санто-Доминго, столицы Доминиканской Республики, где Вы баловались чайком с президентом Гусманом. Доводилось мне слышать, что в этой стране, 70 процентов населения которой неграмотно, Вам и памятник поставили. Или это в Израиле?

Но что там профессорские мантии! Как мы узнали от Вас, Вы еще и почетный член Испанской академии изящных искусств. Надо полагать, попали туда главным образом благодаря отмеченному творческому сходству с Лопе де Вега в смысле плодовитости. Но, видимо, на испанцев произвело также большое впечатление нечто общее и в ваших биографиях. Например, Лопе де Вега за свои эпиграммы в молодости был изгнан из Мадрида, и Вас в юности изгнали из Литинститута. Великий испанец вступил добровольцем в "Непобедимую Армаду", созданную для завоевания Англии, и Вы вступили добровольцем в "Неукротимый Апрель", созданный для завоевания ЦДЛ. Правда, "Непобедимая Армада" потерпела поражение, Англию не завоевала и погибла, а "Неукротимый Апрель" хотя и пролил немало своей голубой крови для завоевания ЦДЛ, но до сих пор, несмотря на аритмию, жив. Важную роль в достижении этой победы сыграл В. Оскоцкий, многолетний автор сусловско-брежневской "Правды", теперь вдруг ставший одним из умнейших лидеров демократов. Великую известность он приобрел своим свирепым заявлением, которое сделал, клацая зубами, с балкона ресторана "Москва": прав, дескать, был мой учитель и великий защитник демократии Рональд Рейган: "Россия — это империя зла!" Действительно, в тот день выпить в ресторане было что, а закусить — хоть шаром покати.

Однако и испанской академией дело не ограничивается. Как обнаружилось, Вы еще и почетный член американской академии. Правда, из Ваших слов не совсем ясно,

17

какой именно. Ведь их там, кажется, много. Говорят, в знак протеста против Вашего появления там из числа академиков почему-то вышел Иосиф Бродский,

Нобелевский лауреат, которого Вы когда-то по мере возможности и при удобном случае порой так пламенно защищали. Какая неблагодарность!

Да, все это и многое другое, столь же ошеломительное, я теперь с Ваших слов знаю. Но поверьте, что нет, не они, эти бесспорные свидетельства высоты Вашего парения, заставляют меня каяться перед Вами, нет!

Дело совсем в другом. В годы "перестройки" произошел невероятный всплеск Вашей политической, публицистической и издательской активности, отсутствием чего Вы, вообще-то говоря, не страдали и раньше. В это же распрекрасное время мне довелось напечатать две-три статьи, в которых среди прочего нашли место некоторые суждения, оценки, замечания по поводу кое-каких аспектов Вашей активности и в прошлом, и в настоящем. Так вот, под воздействием не чего-то иностранного, а живой жизни, вечного и самого мудрого нашего учителя, одну из своих оценок, упомянутых выше, я решительно пересмотрел, признал ошибкой, и от всей души хочу в этом повиниться перед Вами.

Вальпургиева ночь в Переделкино

Возможно, Вы тотчас подумали, что я собрался объявить ошибкой то, что писал когда-то о Вашем поведении в истории Пастернака. Сейчас при каждом подходящем и неподходящем случае Вы о нем возглашаете: великий! гениальный! народный! А Вам яростно вторят Вознесенский, Нагибин, Каверин. Очень хорошо. Но что все Вы говорили и делали, когда столь высоко чтимого Вами поэта исключали из Союза писателей? На страницах "Военно-исторического журнала" в марте 1990 года я констатировал: "Евгений Александрович и тогда вел себя не слишком храбро: не только отмолчался на собрании, осудившем Пастернака, но и потом долгие годы молчал. Хоть бы стишок сочинил да пустил по рукам: дескать, вы, жадною толпою стоящие у кассы!.." Вон же А. Вознесенский напечатал в ноябре 1960 года в номере газеты "Литература и жизнь", целиком посвященном 50-летию со дня смерти Льва Толстого, стихи "Крона и корни". И все думали, естественно, что в них молодой поэт

горевал о великом писателе земли русской, но недавно, по прошествии почти тридцати лет, он вдруг объявил нам, тугодумам: "Да вы что, ослепли? Это же я о Пастернаке писал". Все были поражены фактом столь тщательно замаскированного мужества. Но, слава богу, хоть через 30 лет все стало ясно...

А у Вас в 1981 году вышла книга "Точка опоры" — сборник статей типа литературных портретов. Тут оказались рядом покойные классики и живые современники: Блок, Маяковский, Есенин, Смеляков, Твардовский, Мартынов, Кедрин, есть даже названный "большим поэтом" Щипачев, чья поэма "Павлик Морозов" в те годы всегда лежала у Вас под подушкой. Тут еще и Хемингуэй, еще и Маркес. А Пастернака, увы, нет. Ну, как же в такой обширной галерее не найти было места для любимейшего из любимых! Хоть бы под видом Щипачева вывел его.

Тем более что Вы всегда считали Пастернака, как стало известно из Ваших слов, к сожалению, только теперь, "самым знаменитым русским поэтом XX века", а роман "Доктор Живаго", который когда-то сильно вас отвратил, по Вашему нынешнему мобильному убеждению, "самый значительный в XX веке".

Тем более что Вы были с Пастернаком на дружеской ноге, запросто — раза два! — заходили к нему домой, раза три здоровались с ним на улице, а один раз даже звонили ему по телефону и поздравили поэта, если не ошибаюсь, с 42-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, Вашего любимого праздника. В ответ Пастернак горячо поблагодарил и крепко обнял,

кажется, даже поцеловал. Правда, через домработницу.

Он так бурно увлекся Вашей поэзией и Вашей из ряда вон выходящей личностью, что однажды на даче в Переделкино чуть не целые сутки подряд слушал Ваши стихи. Заедая их цыпленком табака, запивая грузинским вином, иногда взволнованно вскакивая, чтобы обнять и расцеловать суперталантливого гостя за оригинальную рифму ("собака" — "кошка" и т. п.), самый знаменитый поэт XX века не отпускал Вас и все слушал, слушал, а Вы все читали, читали с 11 утра 2 мая 1959 года до 5 утра 3 мая того же, к сожалению, года. Восемнадцать часов без роздыха!

А Пастернаку шел в ту пору уже семидесятый год. Ох, как нелегки в таком возрасте хмельные ночи, проведен-

19

ные в обществе цыплят! Но несмотря на это... На даче Мариэтты Шагинян, обожавшей курятину, пропели третьи петухи. Вы поняли, что пора, наконец, исчезнуть, и с досадой сказали очень доброму и невероятно выносливому хозяину: "Через два часа я должен лететь в Тбилиси". И хозяин, несмотря на все пережитое этой ночью, решительно заявил, что тоже летит с Вами!

Спрашивается: зачем? Неужто еще за одной бутылкой грузинского? О, нет! В ту застойную пору это вино безо всяких поповских талонов и собчаковских купонов было доступно любому даже в переделкинской, воспетой Смеляковым, забегаловке "Голубой Дунай", или, как мы говорили, "У Никишки". Помните?

После бани в день субботний,
Отдавая честь вину,
Я хожу всего охотней
В забегаловку одну...

Так зачем же в то росное майское утро Пастернак рвался на Кавказ? Как видно, только затем, чтобы продлить дружескую беседу двух мудрецов, двух самых знаменитых русских поэтов XX века.

Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви...

Судя по Вашему, Евгений Александрович, искреннему свидетельству, мысль о разлуке с Вами была для Пастернака непереносима. Не удивлюсь, что при этом, уже собирая дорожные пожитки, он твердил: "О, если б знал, что так бывает!.." Да, любовь зла...

Кстати, Евгений Александрович, выступая по телевидению, Вы сказали, что Пастернак — не в ту ли достославную ночь? — остерегал Вас: "Женя, никогда не пишите в стихах о своей смерти. Дело в том, что слово поэта обладает магической силой. Оно, Женечка, имеет свойство сбываться". Не знаю, что именно могло дать тогда Пастернаку повод для такого остережения: разве у Вас уже были большой силы стихи о своей смерти? Словом, не все мне было понятно, однако слушал Вас и не мог наслушаться. Это объясняется, главным образом, тем, что еще лет десять тому назад я читал нечто весьма похожее в воспоминаниях Натальи Ильиной. Разница только та, что у нее фигурируют не Пастернак и Евтушенко, а Цветаева и Ахматова. Да еще, в отличие от

20

Вашего увлекательного рассказа, там точно назван повод, заставивший Цветаеву сказать примерно то же самое, что Вы вложили в уста Пастернака, — известное стихотворение Ахматовой "Молитва":

Дай мне долгие годы недуга,
Задыханье, бессонницу, жар,

Отними и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облачком в свете лучей.

После таких стихов трудно возвращаться к прозе. Но, пожалуй, еще труднее понять, Евгений Александрович, почему, повторю снова, Пастернак остерегал Вас. Ведь он-то, мастер и сердцевед, лучше, чем кто бы ни было, видел, что в Вашем песенном и ораторском даре (но не в самой фигуре, о чем я упомяну дальше) уж так мало таинственного, что хоть плачь. Ну разве что вот такие телефокусы, которые Вы демонстрировали в передаче 21 ноября. Уверенно и запросто швыряли с экрана то "цитату из Аристотеля", то "цитату из Вольтера", то "цитату из Мирабо" и т. д. На первый взгляд казалось, ах, какое изысканное угощение, какие прекрасные цитаты "табака"! Но потом приходило сомнение: откуда эта чисто яковлевская легкость в обращении с мудростью веков? Ну откуда?.. Оставим, однако, этот вопрос и вернемся в то дивное майское утро.

...Пять часов. Вы дочитываете восьмую по счету поэму. Хозяин дома, неотрывно слушая Вас, собирает дорожные пожитки, чтобы лететь с Вами. Прекрасно! Но в этот момент, как Вы рассказываете, появилась его жена, Зинаида Николаевна, и гневно бросила Вам в лицо: "Вы — убийца Бориса Леонидовича! Мало того, что вы его спаиваете целую ночь, Вы еще хотите его умыкнуть (о 18-часовой пытке стихами интеллигентная женщина промолчала. — *В. Б.)*... Не забывайте, сколько лет ему и сколько Вам (напомнить о том, кто он и кто Вы, воспитанная женщина не решилась. — *В. Б.)"*. Только после этих слов Вы наконец исчезли. Улетели то ли в Тбилиси, то ли на Лысую Гору, то ли на Броккен.

Конечно, если бы после той вальпургиевой ночи, что Вы устроили старому поэту, он прожил бы еще несколько лет, хотя бы пять-шесть, то слова его жены "Вы — убий-

ца Бориса Леонидовича..." могли бы легко затеряться в Вашей памяти. Но ведь Пастернак очень скоро после этой 18-часовой экзекуции слег в больницу и всего через год — ровно! — умер. Неудивительно, что слова его жены так врезались Вам в память. И на Вашем месте всякого, у кого есть за душой хоть крупица совести, они преследовали бы до гробовой доски: "Вы — убийца Бориса Леонидовича... Вы — убийца Бориса!.. Вы — убийца!! Вы!!!"

И вот при всем этом, при очевидных терзаниях совести не написать о Пастернаке даже в книге литературных портретов, вышедшей в 1981 году, спустя почти четверть века после его осуждения и более двадцати лет после его смерти! Справедливости ради можно заметить, что Вы упоминали и даже цитировали в этой книге покойного поэта, но — не чаще и не больше, чем товарища Леонида Ильича Брежнева, который тогда благополучно здравствовал и славно правил страной, не забывая своими милостями тех, кто почтительно цитировал его.

Из всего сказанного видно, что причин каяться за то, что я писал о Вашем поведении в истории Пастернака, у меня, Евгений Александрович, увы, нет.

Бил ли старый Константин Федин молодого вольтерьянца Евтушенку?

Тогда, может быть, Вы подумали, что я хочу повиниться перед Вами за те неласковые слова, которые сказал о Вашем поведении в 1963 году? Вот за эти: "Евтушенко опубликовал в ФРГ свою исповедь

— "Автобиографию рано созревшего человека". Этот поступок и сейчас озадачивает, ибо в те дни поэт говорил: "У нас самый лучший читатель в мире,

это одно из величайших завоеваний социализма". Зачем же было лишать лучшего в мире читателя возможности воспользоваться величайшим завоеванием социализма?

Иначе говоря, через пять лет после Пастернака, который, кстати, до обожания любил соотечественников, но ничего не говорил о лучших в мире читателях, Вы повторили его драматический поступок, но, естественно, в фарсовом виде. "Доктор Живаго" был использован во всем мире как знамя антисоветизма. Использовать с той же

22

целью Вашу "Автобиографию" было совершенно невозможно по причине ее лилипутско-хлестаковского содержания. Никакого вселенского звона не состоялось. И тем не менее на ближайшем пленуме правления Союза писателей Вы стали каяться, бить себя в грудь и обещали больше не шалить со спичками: "Я еще раз убедился, к чему приводит меня мое позорное легкомыслие... Я совершил непоправимую ошибку... Тяжелую вину я ощущаю на своих плечах... Это для меня урок на всю жизнь... Я хочу заверить писательский коллектив, что полностью понимаю и осознаю свою ошибку..." Совсем как Ельцин на октябрьском Пленуме ЦК 1987 года.

Ваше раскаяние со слезой всех тогда растрогало и умилило. Еще бы! Ведь какие сильные эпитеты и определения Вы нашли: "позорное легкомыслие", "непоправимая ошибка", "тяжелая вина", "полностью понимаю", "хочу заверить коллектив", "урок на всю жизнь"! На всю! Но вот, Евгений Александрович, жизнь-то еще не вся вышла, еще не кончилась, а Вы, пользуясь нынешней обстановкой, столь благоприятной для клятвопреступников, казнокрадов и гомосексуалистов, переиздали под другим названием свою "Автобиографию", и притом — для самого лучшего в мире читателя. Иначе говоря, свое позорное легкомыслие Вы теперь выдаете за достойное глубокомыслие, ошибку — за пророчество, вину — за правоту... Что же думать об этом и писательскому коллективу, и лучшему в мире читателю?

Дальше я писал о Вас: "И вот спрашивается, если он сам чуть ли не проклял себя за свое лилипутское вольтерьянство, то как же у него ныне поворачивается язык называть "предателями", "палачами" тех, кто осудил поступок Пастернака, имевший неизмеримо более серьезные последствия? Право же, это очень большая поэтическая вольность, в просторечии называемая где ханжеством, где демагогией, где борьбой за перестройку".

Что ж, я готов раскаяться за эти обвинения, но при одном условии: если Вы докажете, что накануне того пленума Вас затащил в свой кабинет К. А. Федин, тогдашний председатель правления Союза писателей, и, требуя осудить "Автобиографию", костлявыми старческими руками жестоко избил молодого поэта. Ну а если доказательств у Вас нет, то я подожду с покаянием и здесь.

23

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Евгений Александрович!

Что ж Вы делаете со мной? Только настроился я на покаянный лад, решил очистить душу от грехов и прегрешений перед Вами и 30 января, накануне Афанасия Великого, уже начал было на страницах "Советской России" это богоугодное дело, как вдруг происходят одно за другим несколько сокрушительных Ваших вторжений в мою жизнь, и все душеспасительные планы рассыпаются прахом!

Любимая книга президента

Ну, во-первых, Ваша книга "Политика — привилегия всех". Иду я недавно по Божедомке мимо газетного киоска, чувствую — кто-то пристально смотрит на меня. Оглянулся — это Вы с обложки своей книги ласково взываете человеческим взглядом: "Остановись! Купи! Не пожалей три с полтиной!" Подошел я, полистал. 625 страниц. Тираж 200 тысяч. Ого-го! Поработал корифей. Но это же вроде одни газетные статьи? Нет, с меня хватит статей Марка Захарова и Гавриила Попова. Положил увесистый том и пошел дальше. Но дня через два где-то в центре снова ловлю на себе тот же призывный взгляд. Потом в Измайлове, потом — в Мытищах, потом... Словом, в самых разных концах Большой Москвы и окрестностей лежите Вы на прилавках и взываете, а я — мимо.

Но однажды иду по подземному переходу у метро "Аэропорт". Как раз жуткие афанасьевские морозы. 30 градусов. Тороплюсь. Слышу молодой голос: "Любимая книга президента! Последние три экземпляра! Цена по договоренности!" Я остановился, смотрю издали на парня за самодельным немудрящим лотком. Весь заиндевел, а в руках Ваша книга, Ваш гипнотический взгляд. Он тотчас заметил меня цепким взглядом миллионера Тарасова. "Любимая книга президента, вице-президента!.." Я стою, колеблюсь, размышляю. "Любимая книга президента, вице-президента и министра иностранных дел!.." Я сделал маленький шажок к лотку. Парня это вдохновило: "Любимая книга президента, вице-президента, министра иностранных дел и Галины Старовойтовой!"

24

Я подошел и зло проговорил:

— Что ты врешь, шельмец! При чем здесь Горбачев?

— Какой Горбачев? — вскинул белые брови парень.

— Я имею в виду вовсе не его, а президента Буша. А также вице-президента Куэйла и министра иностранных дел Бейкера.

— Не ври! Ты же знаешь, что Горбачев на встрече с деятелями искусства 28 ноября хвалил эту книгу.

— Товарищ президент знает, кого хвалить, но меня это не касается, я на встрече не был.

— Хорошо, — примирительно сказал я. — А Старовойтова при чем здесь?

— Вы, дядя, видно, замшелый сталинист, — засмеялся парень. — Вы что ж, отрицаете предприимчивость, рекламу?

— Могу дать два рубля, — жестко сказал я.

— Побойтесь Бога! — взмолился коммерсант.

— Здесь одних фотографий больше полусотни, я продавал по пять рублей, — и раскрыл книгу там, где Вы, Евгений Александрович, запечатлены на трибуне Съезда народных депутатов СССР между Государственным гербом и президентом, приветственно поднявшим руку.

— Больше двух не дам.

— Хотите ограбить бедного сироту перестройки? Не стыдно наживаться на моей любви к искусству? Вот все вы, сталинисты, такие!

— Но у меня только два рубля и есть, — сказал я, и это была сущая правда.

— Хорошо, — согласился подземный Тарасов, — потом занесете остальные. Коммерция невозможна без доверия и риска.

Я сунул ему две потертые бумажки, схватил том (заметив при этом, что рядом их полный ящик) и побежал...

Политика — привилегия всех.
Политиканство — привилегия немногих

Это сочинение Ваше, приобретенное в подземном переходе, в некоторой близости к инфернальному миру, я проглотил, Евгений Александрович, в тот же

вечер. В подробности сейчас вдаваться не могу, но скажу сразу: по ее страницам буйным штормом прошелся роковой ветер наших перестроечно-перекрасочных дней, выметая все старое и громоздя новое. Это отчетливо видно, если
25
даже бегло сопоставить ее хотя бы по некоторым данным с такого же типа книгой "Точка опоры", о которой я уже упоминал.

Например, если в "Точке" помещено только 27 Ваших фотографий, то в "Политике" — 53. Рост на 200 процентов! А нам все твердят, что нет сдвигов. В Вашей работе они налицо. Много сдвигов еще более существенных и многозначительных. Там Вы фигурировали в обществе то Щипачева, то Мартынова, то Смелякова — своих лучших друзей, здесь их вытеснили Антокольский, Высоцкий, Окуджава — Ваши лучшие друзья. (Кстати, тогда Вы говорили о Щипачеве: "Большой поэт!" Теперь Вы пишете о нем: "Небольшой поэт, но большой человек!" Кто удивится, если на новом повороте "перестройки" Вы скажете о нем: "Мелкая поэтическая сошка, но — не брал взятки!")

Сопоставим еще несколько фотографий. В той книге — любимые Вами Хикмет и Распутин, в этой — вместо них Апдайк и Миллер, любимые Вами. Там — наш композитор Эдуард Колмановский, с которым Вы сочиняли совсем неплохие песни, здесь — американский композитор Пол Винтер, с которым Вы ничего не сочиняли. В той — коммунисты Фидель Кастро и Луис Корвалан, с которыми Вы чуть не в обнимку, в этой — антикоммунисты Ричард Никсон и Генри Киссинджер, с которыми Вы чуть не лобызаетесь.

В прежней книге было несколько фотографий, запечатлевших Вас среди дорогих Вам представителей рабочего класса, как советского, так и американского, причем снимков с нашими рабочими Вы поместили в три раза больше. Что же мы видим теперь? Американские рабочие как были, так и остались, а советских — словно ветром сдуло! Вылетели из круга Ваших интересов и симпатий строители Колымской ГЭС, магнитогорские металлурги, портовики Лены... Действительно, что делать этим "русским коалам" в таком прогрессивном сочинении?

Да, книга "Политика — привилегия всех" явилась подлинным вторжением в мою жизнь, от которого до сих пор не могу прийти в себя. А тут еще вскоре в "Литературной газете", визжа и приплясывая, выскочила Ваша статья "Фехтование с навозной кучей". И все мои прекрасные планы тотчас опять полетели в тартарары. Нельзя же столь грандиозную кучу (в двух номерах, на трех полосах, с двумя портретами!) обойти молча.
26

Петрушка: "Ты слышишь меня, Женя?!"

Прежде всего замечу, меня несколько удивляет Ваша чрезмерная приверженность навозной теме или, как выражаетесь Вы, "субстанции слишком пахучей". Конечно, тут были примеры для подражания. Маяковский писал: "Я ассенизатор и водовоз..." Но обратите внимание: и водовоз. То есть, выполнив работу "золотарика", он мог умыться свежей ключевой водой и с чистыми руками сесть за письменный стол. А всегда ли Вы моете руки?

Вы начинаете свое "Фехтование" или, лучше сказать, свою "Кучу" со слов о том, что в августе 1968 года были в Доме творчества "Коктебель". Известно, что жизнь ужас до чего горазда на невероятные совпадения. Вы и сами немало приводите их здесь. Например: "Случилось забавное совпадение: именно в тот день, когда мы трудились на Красной площади (снимали фильм "Детский сад". — *В. Б.),* в Кремле мне должны были вручить орден Трудового Красного Знамени". Или вот покойный Борис Балтер там, в Коктебеле, в ночь на 21 августа 1968 года сказал Вам, как Вы пишете: "Женя, Женя, какой ты все-таки идеалист... Может

быть, именно в эту минуту наши танки уже пересекают чехословацкую границу". И точно — именно в эту минуту все и произошло! Дальше еще разительней. Утром 21 августа включаете Вы приемник, и вдруг, по вашим словам, раздается голос знакомого чехословацкого журналиста, именно к Вам обращенный: "Женя Евтушенко, ты слышишь меня? Помнишь, как мы сидели с тобой у костра?.. Женя!.." Ну а еще одно совпадение прямо-таки бросило меня в дрожь. Однажды в 1969 году продирались Вы, как рассказываете, двое суток сквозь таежные чащобы. И вдруг навстречу Вам матерая медведица с медвежонком... Столкнулись нос к носу на узенькой тропке два крупных млекопитающих, и кто страшней — неизвестно. Вы пишете: "Слава Богу, пожалела она меня". А медведица, поди, тоже возблагодарила небеса: "Слава Богу, пожалел нас Женя. Ведь он опасен не только когда голоден. Сытость-то даже особую свирепость в нем распаляет". Может быть, вечером, укладывая спать медвежонка, она наставляет его: "Запомни, Мишатка, этого человека, и никогда не попадайся ему на пути. Он — председатель "Апреля". Может обидеть, может надругаться. Чрезвычайно опасен всегда, в любое время года, при любой погоде, но больше всего — когда выходит на охоту, выражаясь его словами,

"аж дрожа от предвкушаемого разоблачительного оргазма". В один момент может спустить с тебя твою роскошную шубку. Спи, сынок, спи. И пусть не приснится тебе никто из "апрелевцев".

Так вот, после таких Ваших собственных удивительных примеров Вы, смею надеяться, легко поверите и моим, по сравнению с Вашими совсем простеньким. Итак, Вы были в Коктебеле в августе 1968 года, а я приехал туда же в сентябре. Получил у кастелянши ключ и пошел в предоставленную мне комнату. Там еще шла уборка. Уборщица Маша, всегда любезная и обходительная, на сей раз была сердита и без конца чертыхалась. В чем дело? Оказывается, в комнате стоял такой дух, в нос шибало такое амбре, словно тут жил не писатель, а гоголевский персонаж Петрушка, лакей Чичикова. Помните? Он имел обыкновение спать не раздеваясь и всегда носил с собой "какой-то свой особенный воздух, своего собственного запаха".

Но мысль о Петрушке, разумеется, была всего лишь литературной реминисценцией, причем довольно натянутой. Действительно, как он, не будучи членом Союза писателей, работником ЦК партии или завсекцией ГУМа, мог бы оказаться в писательском Доме творчества?

Зрела в уме версия, кажется, наиболее правдоподобная: потому царит в этой комнате дух, родственный духу гоголевского Петрушки, что жилец ее все 24 дня путевочного срока неутомимо фехтовал с навозной кучей, но после этого в душ не ходил, а сразу — к пишущей машинке. Такая приверженность, такой образ жизни любого писателя, право же, достойны великого изумления.

Лауреат премии имени Кащенко

Но не только это, а еще и многое другое очень удивило меня в процессе изучения Вашей новой книги. Например, приверженность автора, опять-таки чрезмерная, к эпистолярному жанру в его весьма специфическом варианте. Так, в 1963 году Михаил Калатозов и Сергей Урусевский ставили по Вашему сценарию фильм "Я — Куба". Вам что-то не понравилось в работе этих выдающихся мастеров, которые и по возрасту, и по художественному опыту годились Вам в отцы. И что же? Вы, как стало известно, сели за машинку и отстукали письмецо. Куда — на киностудию? в министерство? О нет, это для Вас мелко! Вы стучите прямехонько товарищу Ильичеву, секретарю ЦК по идеологии.

Прошло несколько лет. Эльдар Рязанов задумал снять фильм "Сирано де Бержерак". Претендентов на заглавную роль было много, и притом какие: Смоктуновский! Юрский! Миронов! Кваша!.. Но режиссеру почему-то хотелось снять именно Вас. Сейчас Вы пишете, что он тогда сказал: "Не вижу в этом фильме никого другого". Руководство же думало иначе и предлагало утвердить на роль кого-то из названных выше претендентов. Право, понять это нетрудно: с одной стороны — прославленные мастера, с другой — стихотворец, причастность которого к съемкам лишь в том, что он очень любит фотографироваться. Тут задумаешься. Тем более что в кино каждый шаг — это денежки, и еще какие!

Забегая вперед, можно напомнить, что позже Вы не раз снимались в кино, сыграли много ролей, но, положа руку на сердце, признайтесь, Евгений Александрович, ведь ни один из созданных Вами образов не вошел ни в золотой, ни в алмазный фонд нашего искусства. И тем не менее, как рассказывает сейчас сам Э. Рязанов, стремясь во что бы то ни стало устранить конкурентов и получить роль, со всей присущей энергией "Женя начал действовать по своим каналам" ("Советский экран", № 10, 1990 г.). Ну, каналы Ваши хорошо известны. Сели Вы за машинку и, как прежде, настучали пахучими пальцами очередную эпистолу. И опять не на студию, не в министерство, даже не какому-то там секретарю ЦК, а теперь уже самому Михаилу Андреевичу Суслову — второму лицу в государстве. Но, увы, и всемогущий Суслов, знаток диалектики, не смог никого убедить, что Вы замечательный артист и несравненный Сирано.

По этому поводу Вы написали длинное стихотворение, концовка которого печальна и глубокомысленна, как эпитафия:

Только когда я дышать перестану
И станет мне все навсегда все равно,
Россия поймет, что ее, как Роксану,
Любил я, непонятый, как Сирано.

Какого артиста не оценила любимая, но такая непонятливая матушка-Русь!

На одном юбилее (если не ошибаюсь, на шестидесятилетии Анатолия Софронова) Вы читали это стихотворение группе гостей. Упреком тугодумке-родине оно не исчерпывалось. В нем, кроме того, Вы расправились с тем, кто уберег советский экран от Сирано-Евтушенко...

Изрыгая строку за строкой, Вы обрушивали на своего супостата ругательства, прямо называя его по имени: "труп!"... "евнух!"... "труп!"... "питекантроп!"... "труп!" Это о живом-то, многим известном человеке! Ну, и конечно, Вы объявили его угнетателем, грабителем России. Действительно, украл у нее такой шедевр актерского искусства! Созерцать этот эпилептический припадок в духе гениального девиза Солженицына "Главное — первым плюнуть!" было тяжко. Кажется, никто и не смог вытерпеть до конца. А тот, кто все-таки вытерпел, сказал Вам: "Женя, если у нас в стране учредили бы литературную премию имени Петра Петровича Кащенко, то Вы по заслугам бы ее самым первым получили".

И вот сейчас принесли эти стихи любимого Вами пестицидного жанра в писательскую газету Ф. Бурлацкому. И тот напечатал их безо всяких усечений. Даже не счел нужным убрать слова "Посвящается Э. Рязанову". Естественно. Кому же еще! Слава Богу, что не матери родной...

Поэт Евтушенко и губернская секретарша Мерчуткина

А с матерью связан еще один Ваш эпистолярный подвиг, поведанный в "Кучке". Когда она, по Вашему выражению, "старейший газетный киоскер страны", дослужилась до пенсии, Вы захотели получше ее обеспечить, скрасить

печали старости... Что ж, благородный порыв! Возможностей у Вас тут немало. Можно было, например, построить ей на черноморском берегу скромненькую дачку с бассейном круглогодичного пользования или подарить свою; можно, допустим, брать с собой в увлекательные зарубежные поездки, в Дома творчества, на курорты, на банкеты и т. д. Но Вы, подумав как следует, все взвесив, избрали почему-то несколько иной путь: решили добиться маме почетного звания, дающего определенные льготы и преимущества. Прекрасно! И волки сыты, и овцы почти целы, хоть немного и опечалены.

Итак, решение блестящее. Но как его осуществить? По давно заведенному порядку, о присвоении почетного звания ходатайствует перед соответствующими инстанциями руководство того предприятия или организации, где человек работает. В данном случае руководство почему-то не спешило. И Вы взялись за дело сами, хотя,

конечно, возникла картина несколько экзотичная: сынок выколачивает почетное звание для мамы. В ослеплении своей жертвенной сыновней любви Вы не подумали, что последствия тут могут быть совершенно непредвиденными. Представьте себе, если, узнав о Вашей удаче, допустим, моя дочь начнет хлопотать о присвоении мне звания генералиссимуса. И вдруг добьется? И тогда свою новую просветительскую статью о Вас я уже подпишу так: "В. Бушин, генералиссимус". Ведь это будет уже не статья, а приказ, директива. И что тогда?..

Увы, не подумали Вы об этом и начали действовать по своим испытанным каналам. Написали письмо-ходатайство и пришли с ним в Министерство культуры РСФСР, разумеется, не в какой-нибудь там отдел, не к какому-то там заму, а прямехонько к самому министру Ю. С. Мелентьеву.

Когда министр письмо прочитал, он, надо полагать, был сильно удивлен и наверняка сразу вспомнил Настасью Федоровну Мерчуткину из водевиля Чехова "Юбилей". Ее муж, губернский секретарь Мерчуткин пять месяцев болел, и ему, как это водится в цивилизованном обществе, живущем по законам прославленного академиком Шаталиным рынка, дали отставку, а при расчете вычли из жалованья 24 рубля 36 копеек. Вот Настасья Федоровна, борец за права человека не хуже известного Сергея Ковалева, и пришла в банк и требует у его управляющего господина Шипучина, чтобы мужа восстановили в должности и вернули деньги.

Кто не помнит божественную Зуеву, воспетую Пастернаком, в этой роли, у кого до сих пор не стоит в ушах ее прекрасный, иезуитский проникновенный голос: "Ваше превосходительство! Пожалейте меня сироту! Я женщина слабая, беззащитная... Замучилась до смерти... На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой. Кофей сегодня пила, и безо всякого удовольствия".

Читал министр Ваше письмо, Евгений Александрович, и, возможно, отчетливо слышался голос Зуевой-Мерчуткиной. Почему? Да потому, что муж Настасьи Федоровны служил по военно-медицинскому ведомству, а она приперлась в банк — совершенно не по назначению. Шипучин ей объяснял: это все равно что прошение о разводе подать в аптеку. И Вы, знаменитый во всем мире поэт, обладатель четырех профессорских мантий, поступили точно так же, как губернская секретарша Мерчут-

кина: Ваша матушка работала в "Союзпечати", то есть по ведомству Министерства связи, а не культуры. Ну что общего-то? Может, и Вам случится разводиться, так неужели каждый раз бегали к Ферейну на Никольскую? А последнее венчание Ваше не в "Апреле" же под председательством Приставкина

состоялось, не утверждали же бракосочетание поименным голосованием. Право, хочется сказать Вам словами Шипучина: "Как не понять это!"

С Мерчуткиной обошлись в банке очень грубо. Бухгалтер Хирин, сталинист проклятый, орал на нее: "Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру!" Потом кинулся на бедную старушку: "Вон отсюда! Ловите! Бейте! Режьте ее!"

А разве Вы, Евгений Александрович, пережили такое унижение, такой ужас? Разве на Вас кричали "старая кикимора!"? Разве за Вами бегали с ножом? Совсем наоборот! Ваше прекрасное письмо, достойное лучшего стенда музея матери и ребенка, т. Мелентьев направил по назначению. Вам бы сказать, подобно Мерчуткиной, которая все-таки получила 25 рублей: "Покорнейше благодарю, ваше превосходительство". А Вы вместо этого поносите человека: "Не постеснялся того, что не помог моей матери — старейшему киоскеру Северного полушария..."

Как хотите, Евгений Александрович, но некоторым нашим писателям, даже лауреатам-депутатам, по своему культурному уровню и деликатности еще далеконько до губернской секретарши Мерчуткиной.

Поэт и история

Бросается в глаза, что при Вашей исключительной любви к эпистолярному жанру и вообще к переписке Вы не всегда отдаете себе отчет в том, что тут ценно для истории, а что едва ли заинтересует потомков. Например, полностью приводите текст телеграммы Э. Рязанова о том, чтобы Вы явились репетировать роль Сирано. Ну, кому интересен этот чисто служебный деловой документик? Но вот Вы пишете, что в связи с вводом наших войск в Чехословакию послали гневную телеграмму протеста Брежневу и телеграмму пламенного сочувствия, поддержки — в чехословацкое посольство. А где тексты? Вот их-то как раз было бы очень увлекательно прочитать.

Надеемся, Вы опубликуете то и другое. Как и письма Ильичеву, Суслову, Мелентьеву... Между прочим, вот говорят: застой. Да как же ему не быть, если руководство страны не успевало отбиваться от жалоб, просьб и донесений Евтушенко. Ни на что другое не оставалось ни сил, ни времени.

Пожалуй, еще сильнее, чем пристрастие к эпистолярному жанру, меня удивили в Вашей "Куче" многочисленные свидетельства того, как, увы, ослабла у Вас память. В чем дело? Ведь не дряхлый еще человек.

Вспомните хотя бы весьма живописную главку "Прозорливый дон Алехандро". В ней Вы рассказываете, в частности, что в 1961 году на Кубе вели на испанском языке интересные беседы о литературе с нашим послом Александром Ивановичем Алексеевым. Дорогой поэт, увы, этого не могло быть хотя бы по той причине, что из двух гипотетических собеседников только один знал испанский. Вы пишете, что А. И. Алексеев, познакомившись с Фиделем Кастро в Мексике, "сделал все, чтобы убедить Москву финансировать Фиделя", т. е. приход его к власти. И этого не могло быть хотя бы по той причине, что Алексеев никогда не был в Мексике, а с Фиделем познакомился лишь после его прихода к власти. Наконец, я должен Вам сообщить, что в 1961 году, когда Вы вели с кем-то фантастические беседы на своем фантастическом испанском языке, нашим послом на Кубе был не А. И. Алексеев, а Кудрявцев Сергей Михайлович. А ведь в Вашем рассказе не только Вы, но и сам Алексеев заявляет: "Запомни, я все еще советский посол!" В какое же положение Вы поставили пожилого и заслуженного человека...

Неистовые благодарители партии

Обратимся теперь к созданному Вами образу Василия Аксенова. Вы рисуете своего друга преимущественно в пьяном виде, и он у Вас на чем свет стоит поносит власти, существующий порядок и даже трудовой народ. Не будем останавливаться на этих инвективах, ибо что взять с человека, который, как Вы уверяете, упивался буквально до положения риз, до того, например, что однажды в общественной столовой будто бы вскочил на стол, влез правой ногой в тарелку с винегретом и в такой позе обрушил свой гнев на простых работяг, стоявших в очереди к кассе: "Вы знаете, кто вы такие? Вы жалкие
33
рабы. Вы рабы... Вы рабы... Вы рабы..." Это он выражал протест против вступления наших войск в Чехословакию. Право, такое не водилось даже за самыми знаменитыми выпивохами советской литературы. Ну, пошумят бывало в ресторане ЦДЛ, съездят по физиономии отъевшемуся нэпману или скорбному критику, все это так понятно, но чтобы по политическим побуждениям унижать посетителей дешевых забегаловок — никогда! Тем паче что ответственность писателя за дела в стране поболе, чем рядового работяги.

Вы назвали эту выходку "речью, достойной Перикла". Но, дорогой поэт, Перикл, в отличие от Вашего друга, во-первых, когда пил, то хорошо закусывал. Во-вторых, никогда не произносил политических речей в нетрезвом виде, да еще со ступней, погруженной в винегрет. В-третьих, он глубоко уважал своих соотечественников. Впрочем, не путаете ли вы Перикла с Суллой? Если уж все-таки сравнивать, то я сказал бы, что речь Вашего Аксенова достойна Казимира Самуэлевича Паниковского. Но только частично! Ибо при всей любви к таким выражениям, как "жалкая и ничтожная личность", Паниковский никогда не адресовал их трудовому народу.

Одну из речей, подобных упомянутой, Аксенов произносит у Вас в дружеском кругу 8 марта 1963 года после участия во встрече с Н. С. Хрущевым, на которую попал сразу после возвращения из Латинской Америки. "Банда! — кричит. — Банда! Эта банда способна на все!" Правда, он опять в стельку пьян, к тому же дело происходит на темной лестнице, "пахнущей кошками и мочой". Прекрасно! По крайней мере распугал всех кошек.

Но всего за два месяца до этого, в декабре 1962 года, на предыдущей встрече с Хрущевым, на которую он попал сразу после возвращения из Японии, Ваш друг, как свидетельствует опубликованная ныне в "Известиях ЦК КПСС" стенограмма, не перед кошками и собаками, а перед большой аудиторией и, надо полагать, в трезвом виде говорил несколько иное. Например, о том, что "в Японии вызывает изумление и восхищение уровень духовной жизни нашего народа. Многое из наших рассказов просто поражало японцев... Это для них совершенно необычно, невероятно". Или вот: "Я разговаривал в Японии с одним буржуазным интеллигентом... Он спросил меня, как вы считаете, вот нам здесь иногда кажется, что те перемены, которые происходят в вашей стране, они
34
в какой-то степени сближают вас с нами? Вы как бы идете к нам — к капиталистическому искусству? Я ему ответил: все обстоит как раз наоборот... Это как раз победа нашей идеологии". Вот они, слова, достойные Перикла!

Дальше оратор уверенно заявил (и это прозвучало особенно веско в устах человека, побывавшего в Японии и в других странах), что все "свидетельствует о том, что они стихийно, подспудно, но все-таки идут к социализму". Ну, на это не решился бы и Перикл! Разве что только блистательный Алкивиад мог бы сказать такое после возвращения из Персии.

А как прекрасно говорил Ваш друг о единстве советских писателей и всего

народа: "Наше единство в нашей марксистской философии, в нашем историческом оптимизме, в верности идеям XX и XXII съездов". Сейчас Аксенов профессорствует в каком-то американском университете. Надо полагать, в лекциях студентам он не забывает о своей старой любви к марксизму.

Тема единства народа была развита оратором основательно: "Некоторые критики говорят, что советская молодежь, молодые советские литераторы не помнят своего родства, что мы отвергаем то, что завоевано нашими отцами, не уважаем своих отцов, что вообще советская молодежь, дескать, противопоставляет себя своим отцам. Особенно любит такие выводы на Западе буржуазная реакционная пресса. Мне хочется по этому поводу сказать, что все это неверно, все это глубоко неправильно. Мы уважаем своих отцов и любим своих отцов". Какая мужественная, сокрушительная отповедь реакционерам! Напечатать бы это сейчас в "Комсомолке" хотя бы под псевдонимом "Алкивиад".

Ярко, смело, нелицеприятно сказал Аксенов и о тех, кого в обществе котов и кошек назвал бандой, и о самом главаре ее: "Я благодарен партии и Никите Сергеевичу Хрущеву за то, что я могу с ним разговаривать (даже за это только! — *В. Б.),* за то, что я могу с ним советоваться". И еще: "Мы слышали слова Никиты Сергеевича о том, что сейчас главное значение имеет борьба за умы людей, а литература в этой борьбе играет не очень маленькую роль".

В свою "Кучу" вы затащили и Эрнста Неизвестного, он тоже у Вас копошится в ней и произносит сокрушительные слова. Возможно, так и было. Но вот что писал он 21 декабря 1962 года: "Дорогой Никита Сергеевич, я благодарен Вам за отеческую критику. Она помогла

мне. Да, действительно, пора кончать с чисто формальными поисками и перейти к работе над содержательными монументальными произведениями, стараясь их делать так, чтобы они были понятны и любимы народом... Никита Сергеевич, я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых теплых и нежных слов (так в тексте. — *В. Б.)...* Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться не покладая рук..."

Конечно, между декабрем и мартом прошло время, но как можно, рассказывая о той поре, даже не упомянуть о таких вещах, как процитированные выше речи и письма? Разве они принадлежали другим людям? Или это происходило в прошлом веке? В другой стране? Вы же не раз говорили: нужна полная правда!

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

За победу идей ленинизма — в морду самому себе

Итак, Аксенов и Неизвестный несколько более многомерны, чем изображены Вами. А Вы лично? Хоть о своих-то речах той поры помните? Вы уверяли недавно, что в 1958 году в связи с делом Пастернака Вам "выкручивали руки". А сейчас пишете, что в 1962 году было еще страшней: "Нас уже брали за глотку". Однако смотрите, какие слова с хрипом вырывались из Вашей свирепо стиснутой глотки именно в том 1962 году на встрече с Хрущевым: "Товарищи, когда-то Маяковский, выдающийся поэт нашей революции, четко определил задачу социалистического искусства: "И песня и стих — это бомба и знамя..." Мы никогда не должны забывать эта слова". А дальше Вы, поэт-бомбист, сказали так: "Меня глубоко тронули, заставили задуматься слова Никиты Сергеевича о том, что у нас не может быть мирного сосуществования в области идеологии. Это действительно правда, что вся наша жизнь — борьба, и если мы забудем, что должны бороться неустанно, каждодневно за окончательную победу идей

ленинизма, выстраданных нашим народом, — мы совершим предательство по отношению к народу". Боже мой, как сказано! Да это хоть сейчас вставляй в речь секретаря ЦК компартии России.

Дальше еще красивей: "Бой за Советскую власть не окончен. Бой за Советскую власть продолжается... Я, как никогда, понимаю, что мы отвечаем за завоевания революции, за каждую ниточку знамени нашей революции. И на наших плечах сегодня, как никогда, лежит большая ответственность перед ленинскими идеями, перед завоеваниями революции, как никогда!.." Евгений Александрович, где Ваша бомба, полученная из рук Маяковского? Дайте мне. Я швырну ее в Гавриила Попова, как только увижу его рядом с Галиной Старовойтовой. Дайте! Это они отрицают все завоевания революции!

В своей речи, как и Аксенов, Рождественский, Вы не могли умолчать также о том, "как многие представители западной прессы, эти проститутки капитализма, пытаются очернить советскую молодежь, пытаются изобразить советскую молодежь детьми, которые якобы выступают против отцов. Они идут при этом на самые гнусные подделки и фальшивки". Тут каждое слово, как говорится, было пропущено сквозь собственную душу, особенно слова "проститутки капитализма". Как известно, они мало чем отличаются от проституток социализма. Ну, разве что никогда не берут орденами Трудового Красного Знамени, а всегда только наличными.

А вот это Вы помните: "Есть подонки вроде Есенина-Вольпина, сочинившего грязную, отвратительную книжечку. После того как мне подсунули под дверь в Лондоне эту книжку, я мыл руки с мылом и мне все казалось, что исходит гнилостный запах от этой книжки". Ах, если бы прекрасную привычку мыть руки с мылом — книжка-то действительно мерзкая — и после фехтования принимать душ Вы сохранили до нынешних дней!..

И опять: "Есть подонки, привлекающие к себе иногда глупых, заблуждающихся парней, которые издают журналы вроде "Синтаксиса"... Но они не определяют лицо нашей молодежи. Не они!" Поразительно, как это все Вам удалось сказать при стиснутом властями горле. Неужто оно у Вас и впрямь луженое?

Дальше в Вашем выступлении было нечто такое, равное чему я не знаю во всей мировой литературе. Один из выступавших, как свидетельствует стенограмма, не называя имен, сказал, что о Хрущеве сочиняют анекдоты, поносят его, говорят, что он затеял грандиозные встречи с творческой интеллигенцией лишь для того, чтобы замаскировать провалы своих великих экспериментов в сель-

ском хозяйстве. Это отчасти совпадает с тем, что мы читаем сейчас в "Куче". "Сегодня утром, — говорит у Вас Хрущев, — я получил сообщение, что вчера в ресторации некий писатель, присутствующий, между прочим, сейчас в этом зале, разглагольствовал о том, что Хрущев напал на художников и писателей якобы для того, чтобы отвлечь внимание от плохих дел в сельском хозяйстве". По Вашему теперешнему рассказу, заявление Хрущева никаких последствий, кроме большого оживления в зале, тогда не имело. Но стенограмма свидетельствует об ином.

Оказывается, Вы решительно встали на защиту варварских хрущевских экспериментов и гневно обрушились на анекдотчика: "Если бы я увидел человека, который посмел рассказывать подобные анекдоты, я прежде всего дал бы ему в морду, и хотя я никогда (так в тексте! — *В. Б.)* не писал заявлений, потом написал бы заявление на этого человека, и написал бы совершенно искренне". Доносы нередко пишут совершенно искренне.

Но кто же все-таки был этот бесстрашный анекдотчик? В своей "Куче" Вы

дерзко срываете покров с тридцатилетней тайны: "Именно я говорил эти слова", то есть поносил и высмеивал Хрущева. И было это будто бы "вчера в ресторане ВТО", то бишь "У бороды", как мы тогда говорили. Что же получается? Выходит, это Вы самому себе грозились "дать в морду" за Хрущева, на самого себя готовы были написать донос. Пожалуй, окажись у Вас в тот момент веревка, Вы сами намылили бы ее и попросили Аксенова с Неизвестным повесить Вас. Ну, скажите, известно ли Вам что-нибудь подобное во всем мировом искусстве? Разве что опера Глинки "Жизнь за царя"...

Тайна бессонной ночи поэта

Нельзя обойти молчанием еще кое-что из Ваших деяний той и нынешней поры. Сейчас Вы пишете: "Шовинисты после опубликования "Бабьего Яра" меня обвинили в том, что в стихотворении не было ни строки о русских и украинцах, расстрелянных вместе с евреями". Допустим, Вас и впрямь всегда критикуют одни только шовинисты. Но ведь иногда и шовинисты могут говорить правду: в стихотворении действительно не нашлось ни одной строки для украинских и русских жертв. А когда Д. Д. Шостакович написал симфонию, в которую вошло это стихотворение, то и тут нашлись шовинисты: Евгений

Мравинский, выбранный композитором, отказался дирижировать, а Борис Гмыря отказался петь. Вы уверяете, что им "пригрозили антисемиты". А я думаю, что они отказались только потому, что первый из них — русский, а второй — украинец, и оба не лишены были национального чувства.

Исполнение симфонии, пишете Вы, оказалось под угрозой. Накануне Кирилла Кондрашина, взявшегося дирижировать, "вызвали куда-то "наверх" и сказали, что не разрешат исполнение, если в тексте не будет упоминания о русских и украинских жертвах...". Вы негодуете: "Это было грубым бестактным вмешательством..." Вы беззащитны, Вас вынуждают капитулировать: "Что оставалось делать? Я с ходу (!) написал четыре строки:

Я здесь стою, как будто у криницы,
Дающей веру в наше братство мне.
Здесь русские лежат и украинцы,
С евреями лежат в одной земле".

Таким образом Вы, Шостакович и Кондрашин оказались жертвами самого бесцеременного административного насилия, ультиматума. "Не могу сказать, что эти строки поэтически что-то добавляют к стихотворению. Но они ничего не меняют в стихотворении", — рассуждаете Вы. Конечно, ни уподобление братской могилы чистому роднику, ни такая рифма, как "мне — земле", ничего и не могут добавить поэтически, но весьма существенно изменилось содержание: раньше речь шла только о евреях, а теперь — не только. Вы называете эти строки компромиссом, на который вынуждены были пойти под принудительным давлением. Но совершенно непонятно, почему Вы так сопротивлялись этому, — ведь знали же, что действительно рядом с евреями лежали русские и украинцы. Простое упрямство?..

Ваша трудная судьба осложнялась еще тем, что Вы, как уверяете сейчас, перечили Хрущеву, спорили с ним, иной раз даже прямо-таки сажали его на место. Но вот что Вы говорили согласно проклятой стенограмме проклятого 1962 года: "Я человек самоуверенный. Меня трудно в чем-либо переубедить. Пока я сам внутренне не убежден, я никогда не переделаю, кто бы меня ни уговаривал". Так же говорил, кажется, Данте. Очень достойно. Дальше Вы сказали: "Но после большой речи Никиты Сергеевича, где, в частности, был разговор о моем

стихотворении "Бабий Яр", я вернулся к себе домой и заново

перечитал это стихотворение, заново продумал все высказывания Никиты Сергеевича". Вот ведь как! А ныне кое-кто говорит, будто Хрущев ничего не понимал в литературе.

"Пересмотрев это стихотворение, я увидел, что некоторые строфы субъективно правильны, но требуют какого-то разъяснения, какого-то дополнения в других строфах". Что ж, тут кое-что совпадает с тем, что мы уже знаем, только там это говорили другие, а теперь — сам автор.

Как трогательно дальше: "Я просто счел своим моральным долгом не спать всю ночь и работать над этим стихотворением". Особенно замечательна концовка данного фрагмента речи: "Это было сделано не потому, что мне сказали, дали указание, никто меня не заставлял прикасаться (даже прикасаться! — *В. Б.)* к этому стихотворению. Это было моим глубоким убеждением".

Разумеется, тут возникает множество вопросов. Был ли шовинистом Хрущев, если критиковал "Бабий Яр"? За что грозили Мравинскому и Гмыре антисемиты, коли Вы сами заблаговременно переделали текст? Зачем предъявляли Шостаковичу и Вам ультиматум, вызывали Кондрашина "наверх", когда после Вашей бессонной ночи в этом не было никакой нужды? "С ходу" ли сварганили Вы на потребу начальству четыре строчки или по глубокому убеждению действительно работали над улучшением текста от зари до зари? Наконец, знаете ли Вы, что причиной утраты памяти (амнезии) нередко бывает так называемая "собачья старость", т. е. старость, внезапно постигшая человека в расцвете лет?

Наперегонки с Собакевичем

Создается впечатление, Евгений Александрович, что "Бабий Яр" Вы считаете главным произведением своей жизни. И потому именно через него с упорством известного красавца жука тащите в свою "Кучу" еще и великого Шолохова. Вы делаете это, прямо скажу, удивительным образом.

Например, пишете, что "в разгар "дела врачей" и антисемитского шабаша" вокруг него Шолохов выступил "с шовинистическим призывом отменить псевдонимы"; что к тому же "он издевательски назвал повесть Эренбурга "Оттепель" "Слякостью"; а кроме того, Вас коробит

"искусственность образов большевиков" в "Тихом Доне", и Вы допускаете, что "их написал кто-то другой, а не Шолохов". Словом, перед Вами был шовинист, антисемит, гонитель Вашего любимого писателя, да еще вроде бы и плагиатор. Все предельно ясно, но и это еще не конец. Вы пишете, хоть и предположительно, но все же достаточно мерзко: "Может быть, будучи сам под страхом ареста, он совершил однажды преступление против нравственности, присоединившись к призывам типа: "Если враг не сдается, его уничтожают".

"Может быть..." Отвлеченно рассуждая, в этом мире возможно все. Может быть, в консорциуме "Апрель" кто-то регулярно совершает преступление против нравственности, каждый месяц обирая его кассу? Может быть, чтобы напечатать такую статью, как "Навозная куча", надо сунуть кому-то из начальства взятку? Может быть, Магда Геббельс в страшной суете крушения рейха не успела умертвить 30 апреля 1945 года вместе с другими своими детьми одного из сыновей? Все возможно!..

Вы проясняете свое предположение относительно преступлений против нравственности, совершенных-де великим писателем: призывал к убийству! И вот к такому-то жуткому человеку, которого благородный Сирано должен бы всей душой ненавидеть и презирать, в 1961 году, когда на "Бабий Яр" обрушилась

критика, он, Сирано, кинулся за помощью: не будучи знаком с Шолоховым, Вы позвонили ему, напросились приехать и тотчас полетели в Вешенскую. Там, по вашему рассказу, он вас "крепко обнял". Как же так, Евгений Александрович, неужели Вам совершенно безразлично, от кого принимать помощь, и Вы обнимаетесь даже с теми, кто призывает к убийству? Что же думать теперь о Вас Вашим читателям и избирателям?

Что касается в данном случае Шолохова, то, как теперь стало известно, ему грозил в свое время не гипотетический арест, а тщательно спланированное убийство без следствия и суда. За что? Да хотя бы за то, что в 1937 году ему удалось вырвать из лап Ежова несколько своих одностаничников. Ведь за Вами-то ничего подобного не числится. Не только арест, но и снижение гонорара вам никогда не грозило.

Я могу снять часть греха с Вашей души. Во-первых, с шолоховской оценкой "Оттепели", по-моему, дело обстоит не столь уж драматично. К числу шедевров нашей литературы эта повесть конечно же не принадлежит, ее

41

забыли. А в отношении оценок не один ведь Шолохов бывал суров и резок. Вот вы считаете "Доктора Живаго" самым великим романом XX века. Прекрасно! А Владимир Набоков, которому Вы едва ли откажете в понимании литературы, отзывался об этом романе, как о "бездарном, болезненном, фальшивом и полном предрассудков".

Во-вторых, Вы напрасно пытаетесь увязать в один узел "Дело врачей" и статью Шолохова о псевдонимах: "Дело врачей" — это 1953 год, а статья в "Комсомольской правде" о псевдонимах — 1951-й. В-третьих, ну почему же его статья (собственно, не статья, а небольшая заметка) — это опять шовинизм? У вас, гляжу, что не по нутру, то уж непременно и шовинизм. У Михаила Семеновича Собакевича воображение было куда богаче. Вспомните его ассортимент: "дурак, какого свет не производил", "первый разбойник в мире", "Гога и Магога", "мошенник", "христопродавец", "апрелевец", "свинья" и так далее. Получились бы, право... Впрочем, стоп! Что же это я говорю? Вот собачья старость! Это же Вы в стихах, статьях и выступлениях лепите в глаза своим литературным и житейским противникам, называя их прямо по именам: "шовинист"... "антисемит"... "стадо"... "козлы"... "навоз"... "труп".... "евнух"... "питекантроп"... "предатель"... "убийца"... "палач"... "дам в морду"... Нет-нет, по сравнению с Вами Михаил Семенович — воспитанник института благородных девиц.

Но на псевдонимы может быть, конечно, и другой взгляд. Михаил Шатров рассказывает, что его настоящая фамилия — Маршак, и вот когда он предпринял первые публикации, то будто бы маститый С. Я. Маршак очень испугался, что его будут путать с талантливым однофамильцем, и категорически заявил ему: "Для советской литературы достаточно одного Маршака". Бедняге ничего не оставалось, как взять псевдоним. Самые красивые, как бы устремленные ввысь, были к тому времени уже разобраны: Вершинин, Утесов, Курганов... Пришлось остановиться на Шатрове: хоть и пониже, но тоже — ввысь!.. Нельзя не заметить, что странновато, конечно, выглядит в этом рассказе Самуил Яковлевич. Невозможно же представить, чтобы Лев Толстой заявил однофамильцам Алексею Константиновичу, а в конце жизни и Алексею Николаевичу: "Для русской литературы достаточно одного Толстого. Берите-ка вы, братцы, псевдонимы".

42

Я лично вообще не против псевдонимов, но в некоторых конкретных случаях они меня, признаться, огорчают. Имею в виду Вас, Евгений Александрович. Вы писали:

Моя фамилия — Россия,
А Евтушенко — псевдоним.

Ну зачем же при такой прекрасной фамилии брать псевдоним? Ей-ей, за державу обидно...

Можно кое-что сказать и относительно афоризма "Если враг не сдается, его уничтожают", замусоленного и оплеванного корифеями перестройки. Здесь тоже все зависит от конкретных обстоятельств. Помянутые корифеи делают вид, будто в этом афоризме речь идет не о враге, то есть не о том, кто по-настоящему, всерьез борется с тобой и при возможности сам уничтожил бы тебя, а об оппоненте в споре, в дискуссии, в диспуте, который не желает признать твою правоту, стоит на своем. Словом, если, мол, оппонент с тобой не согласен, то его уничтожают. Какое зверство! Ваше счастье, поэт, что вы не были на войне, не надевали другого мундира, кроме израильского, а фашизм видели, по Вашему выражению, только сопливый. Слышали что-нибудь, допустим, о Корсунь-Шевченковской операции? Должны бы, ведь Вы народный депутат Украины. Так вот, 28 января 1944 года войска Первого и Второго Украинского фронтов окружили свыше десяти немецких дивизий. Создали внешний и внутренний фронт окружения. 8 февраля предложили сдаться. Были гарантированы жизнь и безопасность, медицинская помощь, сохранение наград, после войны — возвращение на родину. Немецкое командование ультиматум отклонило. Знаете ли Вы, сколько надо войск (а идет наступление), чтобы удержать в кольце десять дивизий, на выручку которым рвутся еще восемь танковых и шесть пехотных? И вот уже до соединения тех и других осталось 10—12 километров... Что делать Жукову и Коневу? Читать окруженным по радио Вашу "Братскую ГЭС"? Уж простите их, но они начали действовать именно так: если враг не сдается, его уничтожают. И только благодаря этому — живи и помни! — Вы можете сегодня вытворять все, что Вы вытворяете. ...В ночь на 17 февраля, в метель, побросав всю тяжелую технику, кроме танков, охваченные ненавистью, отчаянием и горечью последней надежды, немцы тремя колоннами без единого выстрела пошли на прорыв. Вы видели такое хотя бы во сне?.. Увы, 55 тысяч немцев

полегло. Запишите их на счет Горького, Шолохова и Жукова. Устройте с Бурлацким суд над ними: преступление против нравственности.

"Михаил Шолохов — это я!"

Но вернемся к Шолохову. Оказывается, тридцать лет вы вскармливали и таили в сердце ненависть к нему. Раскрываю "День поэзии" за 1981 год. Прекрасный фотопортрет писателя. Как любовно, проникновенно сделан, какой выразительный схвачен миг. Кто же автор замечательного портрета? Смотрю и глазам не верю: "Фото — Е. Евтушенко"!

Теперь выяснилось, что, оказывается, Вы ему и сочинения свои дарили. Да еще какими душевными излияниями сопровождали это. На книге "Стихи разных лет" начертали: "Дорогому М. Шолохову неускому (так в оригинале. — *В. Б.)* и просторному художнику с благодарностью за все". За все! Вы шли даже на такие жесты и гримасы, чтобы только скрыть свою ненависть.

А теперь для выражения этого чувства к великому писателю Вам даже мало своих черных слов и смердящих вымыслов, Вы пытаетесь втянуть в это других. Пишете, будто упоминавшийся выше наш дипломат А. И. Алексеев лично знал Шолохова и такое говорил Вам о нем!.. Но, во-первых, он никогда не знал Шолохова. Во-вторых, как читатель, всегда относился к писателю с величайшим уважением. В-третьих, по словам Александра Ивановича, во всем, что Вы

написали о своих встречах с ним, справедливо только одно: он действительно угощал Вас однажды индейкой. Кто же мог предвидеть, что через тридцать лет вкусная индейка будет преобразована в несъедобную утку! Вот человеческая благодарность...

Читал я как-то книгу неоэкстраклассика Солженицына о В. И. Ленине. И чем дальше читал, тем яснее видел, что созданный им образ — никакой не Ленин, а сам автор: та же злобность, та же патологическая самовлюбленность, та же болезненная мелочность, то же шкурничество. Подобные вещи случаются в литературе нередко. Кто не помнит восклицания Флобера: "Эмма Бовари — это я!" И Вы в своей "Навозной куче" создали образ не великого писателя, а свой собственный. Вплоть до мелочей. Вы нарядили своего Шолохова во все заграничное, шведское "яркого современного дизайна", — он полжизни проходил в гимнастерке, а Вы всю жизнь, как петрушка, пялите

44

на себя этот самый заморский дизайн. Ваш Шолохов брехлив и безответствен, — это Вы, а не он. Ваш Шолохов источает "провинциальное чванство", — это Вы, а не он. Ваш Шолохов нахваливает Вас: "Мой любимый поэт... Ты у нас талантище", — это Вы так о себе думаете и говорите, а не он о Вас. Ваш Шолохов, желая поразить воображение столичного гостя, разбрасывает на письменном столе старые письма с иностранными штемпелями, будто они недавно получены, — это Вы способны на такие мелочные комические проделки литературного папуаса, а не он с его мировой славой. Вы с негодованием пишете об "имении Шолохова": "что-то вроде имения Болконских из бондарчуковского фильма "Война и мир", — а что скажут Ваши избиратели, если узнают, как Вы, став их депутатом, тут же под этим предлогом потребовали увеличения территории своего "имения" в Переделкине?

Вы навязали своему Шолохову самовлюбленную дурацкую манеру говорить о себе в третьем лице: "Михаил Александрович нужное слово скажет... Михаил Александрович непременно послушает вас с удовольствием" и т. д. — ничего подобного за ним не водилось, и Вы не можете привести ни одного примера из его статей, речей или писем. Это Ваша манера, кормчий. Примеры? Сколько Вам нужно? В речи на II Съезде народных депутатов Вы говорили: "Евтушенко написал вместе с композитором Колмановским песню "Хотят ли русские войны?". В вашей статье об Ахматовой читаем: "Евтушенко написал лучшее стихотворение на ее смерть"... Хватит?

Наконец, Ваш Шолохов — хвастун, лжец и провокатор. Именно в таком облике Вы сами и встаете перед читателем, творец "Навозной кучи". И не в том ли цель Вашей провокации, чтобы, клевеща на великого сына русского народа, оскорбить и унизить сам народ, вызвать вражду и ненависть к нему. Такие дела не проходят без последствий. Если есть на свете справедливость, то воздастся тебе за дела твои полной мерой, провокатор.

Советская Россия, 1991. 30 января и 9 февраля

ДОПОЛНЕНИЕ 1998 ГОДА

Новейшие публикации эпохи гласности, которую так пламенно приветствовал Евтушенко, проясняют некоторые "белые пятна" не только советской истории, но и собственной биографии поэта. В частности, поднимают завесу над тайной

45

его бесчисленных заграничных поездок, о многих из которых упоминается в приведенной выше статье. В самом деле, как, каким образом, за чей счет шмыгал поэт по всему свету?

Сперва за границей, а в конце 1996 года и у нас в издательстве "ГЕЯ" вышла

книга "Разведка и Кремль". Это воспоминания старейшего советского разведчика начальника Бюро № 1 по диверсионной работе за границей МГБ СССР генерал-лейтенанта П. А. Судоплатова. Интереснейшее произведение!

В частности, на странице 471 генерал рассказывает, что к его жене, тоже сотруднице госбезопасности в звании подполковника, когда она была уже в отставке, как к человеку, имевшему большой опыт работы среди творческой интеллигенции, руководство тогда уже КГБ обратилось за советом "как использовать популярность, связи и знакомства Евгения Евтушенко в оперативных целях и во внешнеполитической пропаганде". Жена генерала предложила для начала установить с поэтом "дружеские конфиденциальные контакты". Контакты были тотчас установлены, видимо без особых затруднений. Затем было принято решение "направить Евтушенко в сопровождении подполковника КГБ т. Рябова на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Финляндию". Там, в Хельсинки, Женя попал в переделку: на каком-то митинге его хотели отдубасить и уже схватили за грудки, но срочные и высокопрофессиональные меры, принятые подполковником Рябовым, позволили поэту улизнуть от мордобития, и тут же он написал гневные стихи "Сопливый фашизм", до известной поры демократии входившие во все его сборники. Судоплатов писал: "После поездки Евтушенко в Хельсинки он стал активным сторонником "новых коммунистических идей", которые проводил в жизнь Хрущев".

Что значит "активным сторонником"? Возможно, объяснение этим несколько туманным словам матерого разведчика мы находим в публикации еженедельника "Россия" № 4 (63) за 22—28 января 1992 года. В ней говорится об одной, относящейся уже к 1987 году, информации ПГУ (первого главного управления) КГБ СССР для высшей инстанции "о пребывании члена Союза писателей поэта Евтушенко в США, проводившего изучение по нашей ориентировке". Конечно, изучение каких-то, надо полагать, не литературных проблем в Америке по ориентировке КГБ — это нечто гораздо более серьезное, чем участие в молодежном фестивале в компании с на-

дежным подполковником Рябовым. Такое изучение, возможно, не лишенное немалого риска если не для жизни или свободы, то хотя бы для поэтической репутации, мог выполнить только действительно "активный сторонник", для такого изучения надо было созреть. Но, что ж, если началом пути считать Хельсинки, то для полного созревания у поэта было достаточно времени — аж четверть века! А ведь Евтушенко способный, сообразительный, расторопный — все при нем. В случае нужды умеет совершенно менять окраску и голос, выворачиваться наизнанку, способен без малейшего смущения белое называть черным и наоборот, может сам себя отхлестать без малейшего сострадания. Все это мы наглядно видели и в жизни, и в приведенной выше статье. О таком сотруднике могли только мечтать не только КГБ, но и все лучшие разведки мира, включая израильский Моссад".

Помянутые выше документы проливают свет и на некоторые другие загадочные обстоятельства в жизни поэта. На то, например, почему в мае 1967 года Евтушенко не подписал "письмо 79-ти" в поддержку обращения А. Солженицына IV съезду писателей СССР по вопросу о цензуре. Видимо, не разрешил подполковник Рябов. А почему чувствительная душа поэта никак не откликнулась на письмо, которое 2 апреля 1968 года писатель Анатолий Марченко отправил из г. Александрова Владимирской области ему лично? В письме речь шла о тяжелом положении заключенных в тюрьмах и лагерях, где А. Марченко недавно отбыл шесть лет и написал об этом книгу. Не исключаю, что в эту пору чувствительная душа уже носила погоны капитана КГБ, и ей было

просто не к лицу вступать в переписку с недавним зеком...

А в романе Евтушенко "Не умирай раньше смерти", где много автобиографического, есть такое место. Автор рассказывает, что мать его жены, поэтессы Беллы Ахмадулиной, работала в КГБ переводчицей. Однажды ее послали на довольно долгий срок в США, а часть зарплаты оставалась здесь, в Москве, и дочь регулярно получала по доверенности положенную сумму в одном из служебных помещений близ КГБ. Случилось так, что молодая жена заболела, и Евтушенко, получив где-то "доверенность на доверенность", пошел за тещиной зарплатой сам. Казалось бы, в такой ситуации все мысли были сосредоточены на одном: дадут ли деньги по двойной доверенности? Но нет! У молодого поэта хватило ума и души еще и на то, чтобы разработать план весьма

ловкой операции: решил разузнать, кто еще получает деньги в этой организации.

И вот, говорит, когда я расписывался за тещину зарплату в ведомости, то кассирша тщательно прикрыла широкой линейкой от моего молодого зоркого взгляда все другие фамилии. Но юный поэт был к этому готов. Забрав деньги, он направился к выходу, расчетливо оставив у окошка кассы свой студенческий билет, который предъявил вместе с двойной доверенностью. От выхода он повернул назад, нежданно нагрянул снова к окошку и, застав кассиршу врасплох, успел-таки в ведомости, которую та не успела прикрыть, выхватить фамилию одного знакомого писателя. С тех пор, говорит, каждый раз, когда мы встречались с ним в ЦДЛ, он смотрел на меня понимающим взглядом, каким смотрит один посвященный в тайну на другого посвященного. А жена, изысканная поэтесса Белла, каждый раз при виде этого писателя разражалась неуемным приступом сардонического хохота.

Здесь много загадок. Во-первых, никаких "доверенностей на доверенность" не существует. Во-вторых, по студенческому билету нигде, даже в Литфонде, денег не выдают, требуется паспорт, хотя бы израильский, и паспорт, надо полагать, у юного поэта уже имелся. В-третьих, почему писатель-агент смотрел на Евтушенко понимающим взглядом — разве поэт сообщил ему, что обнаружил его фамилию в ведомости? В-четвертых, неужели штатные сотрудники КГБ, как мать Ахмадулиной, и его тайные агенты получают плату по одной ведомости и из одного окошка? До сих пор я был уверен, что агенты получают мзду в совершенно секретной обстановке, тайно и, может быть, даже безо всяких расписок. В-пятых, с чего, спрашивается, Белла обливала презрительным хохотом человека, который получает деньги из того же окошка, что и ее дорогая мама да и она сама получала? Наконец, за каким хреном юному чистому поэту потребовалось непременно узнать хоть одно имя в ведомости? И почему писатель, которого он без колебаний зачислил в тайные агенты, не мог попасть в эту ведомость на тех же основаниях, что и драгоценная теща?

Обилие недоуменных вопросов рождает ужасное предположение. Сдается нам, что вся эта история — сплошная выдумка, а на самом деле юный поэт получал в кассе КГБ вовсе не тещину зарплату по липовым документам, а по своему законному паспорту — свои собственные, неусыпным трудом заработанные рубли. А вовлекла его в этот тяжкий труд не кто иной, как родная теща. Штат-

ные сотрудники КГБ всегда должны были об этом заботиться. И фактов семейного сотрудничества известно немало, почитайте книгу того же Судоплатова: он сам и его жена Эмма, Наум Эйтингон и его жена Пузырева, Зоя Зарубина и ее муж Зарубин и т. д. В иных случаях теща была здесь даже более желательна, чем жена.

Остается только добавить, что если все это так, то, может быть, здесь

приоткрыт занавес над лучшими страницами жизни поэта Евтушенко. И он был глубоко прав, когда изрек: "Поэт в России — больше чем поэт". Да, гораздо больше. В иных случаях он никак не меньше, чем полковник КГБ.

И теперь совершенно в новом свете предстает тот давно известный факт, что предисловие к американскому изданию "Автобиографии рано созревшего человека" Евтушенко написал в свое время не кто иной, а сам шеф ЦРУ Аллен Даллес. Американская разведка знала за кем следить, кого читать и пропагандировать.

ПАРТСОБРАНИЕ В ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Четвертого апреля в три часа в Малом зале Центрального Дома литераторов началось партийное собрание московских прозаиков. Оно было посвящено предстоящему Всесоюзному съезду писателей. После интересного и честного доклада Ивана Уханова приступили к прениям. Я колебался, выступить или нет. В эти тревожные дни и в преддверии столь важного события хотелось поделиться чувствами, поговорить с товарищами по партии и по профессии о многих событиях, обстоятельствах и фактах как в жизни страны, так и в нашей литераторской жизни.

Например, интересно было узнать, что думают они о поступке известнейшего нашего прозаика, который на седьмом десятке лет вдруг "сменил жанр" — стал послом в одной из маленьких уютных стран Европы.

А каково мнение коллег о внезапном приступе религиозности, охватившем общество, и в том числе многих писателей, редакторов? Лет до пятидесяти— шестидесяти были безбожниками и вдруг так заголосили, так заверещали, что хоть святых выноси. Словно всю жизнь только и мечта была, что писать об угодниках, мучениках да святых мощах, а им будто бы кто-то не разрешал, кто-то безжалостно швырял в корзину их божественные стихи

и ангельскую прозу. Борис Александрович Покровский, старый русский интеллигент, знаменитый режиссер, публично признался, что не мог удержаться от смеха, когда увидел Гавриила Попова во главе крестного хода... А Галина Старовойтова при закладке часовни Казанской Божьей Матери?

Как и Борис Александрович, я тоже посмеялся у экрана. Но порой, право, совсем не до смеха. Вот большой цикл стихов одного известного поэта. Что ни строка, то "мощи святого Амвросия", "Оптинский храм", "голос святости", "прах святого Серафима", "древняя церковь" и т. д. А ведь в свое время, принимая активнейшее участие в оголтелом, публичном восхвалении статьи "Против антиисторизма", этот же автор гвоздил сторонников поэзии, "проливающих слезы над обломками старых храмов, убегающей от жизни под своды церквей и мечетей"... Вот и хотелось спросить у собрания: что это — второе крещение Руси или опять хрущевская кукуруза, насаждаемая повсеместно?

Ораторы поднимались один за другим, а я все не мог решить, выступать или нет. Но вот слово взял мой литинститутский однокашник. Он с давних пор писал о большевиках-ленинцах, у него есть книги о Цюрупе, о Кржижановском, много лет был нашим партийным секретарем. Да и имя-то — Владимир Ильич! И вот теперь... И я попросил слова...

— Последний раз, — начал я, переведя дыхание,— мне довелось видеть лицо врага 9 апреля 1945 года при штурме Кенигсберга. Но совсем недавно, 28 марта, вечером, возвращаясь с нашего пленума, оказался в толпе, расходившейся с митинга на площади Маяковского. Какие там мелькали лица!.. Не могу, не хочу лица моих сограждан называть лицами врагов, но сколько в них было ярости и злобы, когда искажались криками: "Ель-цин!.. Ель-цин!"... "Долой КПСС!"... Я,

получивший партийный билет на фронте в январе 1945-го под Ломжей, иду по родному городу под эти вопли!..

По одобрительному движению в зале можно было понять, что многие со мной заодно...

— Но мы видим ныне вокруг себя лица не только перекошенные злобой, немало лиц, искаженных зыбью страха. Тут были оглашены имена писателей, вышедших из партии. По моим наблюдениям, у тех, кто выходит, особенно часто перепуганные лица. Вот вышел Александр Борщаговский. Надо ли жалеть об этом? Думаю,

50

надо радоваться и поздравить нашу организацию. Избавил Господь от одного из самых неутомимых демагогов. Я не знаю, с каким выражением лица он сдавал свой билет, наверное, как всегда, с очень значительным. А под миной значительности — все-таки страх.

— Вышел из партии Владимир Солоухин, — продолжил я. — Тоже очень отрадно. Иногда о нем говорят как о смелом человеке. Не знаю, по-моему, смелость свою демонстрировал главным образом в артельной форме или на ниве исторического прошлого.

Из зала кто-то крикнул: "Но у него было несколько партийных выговоров! Тихоньким их не давали!"

— Давали всяким! Не знаю, сколько у него было выговоров, но, во всяком случае, они не помешали ни его многочисленным изданиям-переизданиям вплоть до собрания сочинений, ни большому ордену, ни членству в правлении Союза писателей, ни бесчисленным зарубежным поездкам...

А последний выговор дали ему совершенно справедливо, за то, что он выступил с невежественными и оскорбительными измышлениями об Отечественной войне, о Красной Армии. Я готов с кем угодно говорить о просчетах, ошибках, преступных упущениях в ходе войны, но не с этим человеком: пребывая в цветущем солдатском возрасте, он всю войну просидел за толстой Кремлевской стеной, а сейчас вот поучает нас — "Не так воевали".

Снова голос из зала: "Последний выговор с него был снят!"

— Ну, сейчас мы еще не то видим, бандеровцам памятники ставят. Пожалуй, скоро придумают медаль для тех, кто улизнул от фронта... И вот Солоухин, пробыв в партии без малого сорок лет, перебежал в беспартийные. Это не первая его перебежка. Не так давно из рядов хулителей Пастернака он попытался на телеэкране перебежать в ряды хвалителей. Увы, не удалось! Телезрительница Цимберова схватила перебежчика за штанину: "Позвольте, сударь, как это называется? Неужели вы никогда не слышали песню, в которой поется: "Мужчины, мужчины, мужчины! Вы помните званье свое!" Да, — продолжал я, — есть мужское отношение к жизни и к истории. Об этом прекрасно сказано у Александра Зиновьева... Вы помните, как вдохновенно писал Владимир Алексеевич о партии, о Ленине, о коммунизме...

— В студенческую пору, — бросил из президиума Владимир Ильич.

51

— Не только, — возразил я. — Писал и позже. И многократно переиздавал. Вспомните величественные строки об известной встрече Ленина с Гербертом Уэллсом. Воспев мудрость, прозорливость и мужество вождя, поэт закончил свою оду так:

Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь нынче меня
Под чугунным надгробьем, замшелым и ржавым.—
Что, Россия во мгле? Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье и славе родная держава!

Это знамя Советов пылает огнем,
Освещая потемки австралий и азий.
А о Марсе мечтать? Мы мечтаем о нем.
Коммунистам — и это не область фантазий!

— Сильные, искренние стихи, — сказал кто-то в первых рядах.

— Да, искренние, — согласился я. — А вот теперь этот человек и устно и письменно поносит Ленина. Я согласен — человек имеет право на перемену взглядов, позиций, даже своей концепции мира. Но только при одном непременном условии: если это делается бескорыстно. А здесь?

С одной стороны, здесь перед нами то, что я назвал бы затянувшейся драмой девственного сознания. Наша пропаганда, а во многом и наше искусство долго рисовало Ленина похожим на уютного и добренького рождественского дедушку. И вот писатель жил в полной уверенности, что так оно и есть. Не задумывался о том, как совершаются революции, какие существуют пути и средства в борьбе за власть, что такое гражданская война. "А ведь мыслитель, сердцевед! И однако же, представьте, не задумывался и потому сохранил свою интеллектуальную девственность до 66 лет. А на 67-м попался ему в руки том Ленина, он его прочитал и пришел в ужас: Ильич-то, оказывается, бывал порой весьма суров, даже жесток и не слишком был озабочен тем, что скажут о нем потомки. Ай-я-яй!.. Ну действительно, в таком возрасте потерять заскорузлую девственность — это настоящая драма. В кошмарном состоянии души написал поэт статью о своей персональной драме и побежал с ней в журнал.

Тут одна сторона дела. Вторая состоит в том, что ведь прозрел-то поэт не когда-нибудь, а именно теперь, когда прозревать не только безопасно, но еще и очень выгодно. Иначе говоря, человек и не догадывается о существовании мужского отношения к истории...

Продолжая мысль о мужском отношении к истории, я прочитал с трибуны стихотворение "Партийный билет" того же Солоухина:

По Владимирке пыльной в суровые дни
Уходили не я и не мы, а они.
И жандармы, то грязь, то морозы кляня,
Уводили на долгую смерть не меня,
Подо мною в бою не убило коня.
В паровозной утробе сожгли не меня,
И когда эшелоны к Царицыну шли,
Не глотал я макуху чернее земли.
Я не падал в разводья
Кронштадтского льда.
Я партийный билет получал не тогда.
Трижды ранен, устал и насквозь пропылен,
В Сталинграде не я подымал батальон.
И не я, оборвав своей жизни полет,
Захлебнуться заставил чужой пулемет.
Над могилой героя ночная звезда.
Я партийный билет получал не тогда...

Давно никто не слышал таких стихов, и в зале как бы разлилось удивление: вот ведь, оказывается, как писали когда-то о партии! В напряженной тишине я продолжал:

Я сейчас получаю партийный билет.
Коммунист умирает, но партия — нет!
Снова фронт. Сталинград, Ангара и Узбой,
На земле продолжается радостный бой.

Советская Россия. 1991. 20 апреля

"ВУНДЕРКИНДЫ" БУРЛАЦКОГО

Федор Михайлович Бурлацкий очень любит мировую литературу. Да и кому ее любить, как не ему! Доктор юридических наук, профессор, народный депутат СССР, а главное — редактор "Литературной газеты", иначе сказать, хозяин "Свободной трибуны писателей". Совершенно свободной. В иных публикациях свободной даже от совести. Достаточно назвать "Поминки по советской литературе" Вик. Ерофеева.

Федор Михайлович называет себя "человеком европейской культуры". Это от скромности. Он имеет все основания называть себя человеком мировой культуры. Доктор Бурлацкий и сам с детства мечтал стать писателем, но не удалось — затянула увлекательная работа

53

спичрайтера, то есть человека, который пишет речи, доклады и другие важные бумаги для начальства. Этому благородному виду деятельности доктор отдал почти двадцать лет своей жизни, дарованной ему небесами. Однако десятка два книг Бурлацкий все-таки написал и членом Союза писателей сделался. Теперь вот даже и "Литературная газета" в его руках.

В Издательстве политической литературы тиражом 200 тысяч экземпляров вышла новая книга Федора Михайловича (кажется, двадцать первая по счету) "Вожди и советники". Это мемуары. Ей предпослан леденящий кровь эпиграф из "Бориса Годунова" Пушкина:

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

Автор адресует это грозное пророчество, разумеется, только персонажам своей книги — к Н. С. Хрущеву, Л. И. Брежневу, Ю. В. Андропову и другим "вождям", которым он составлял бумаги, но читатель вправе, конечно, толковать слова поэта расширительно, распространить их и на "советников", в частности на самого юриста-мемуариста, мысленно посадив его на скамью одного из указанных великим поэтом судов.

По страницам книги проходит много достаточно известных и не слишком известных лиц. О них, событиях истории, давних и недавних, профессор высказывает свое категорическое ученое суждение, уверяя при этом: "Я не придумал ни одного эпизода и ни одного героя — это все списано с подлинных событий и живых людей... Я стремился быть абсолютно искренним и правдивым, в том числе по отношению к самому себе". Это его творческое кредо. Правда превыше всего!

Но, помимо подлинных событий и живых людей, в книге есть еще один важный персонаж. Это та самая любовь к литературе, о которой мы упоминали. Она нашла свое выражение в том, что автор пользуется любым поводом, чтобы упомянуть имя того или иного писателя, привести цитату, сослаться на какой-нибудь литературный образ и так далее.

Однажды во главе группы консультантов и советников при ЦК КПСС — мемуарист называет их "вундеркиндами Бурлацкого" и "могучей кучкой" — автор, тогда еще молодой кандидат юридических наук (кстати, его диссертация была почему-то о критике Добролюбове,

54

вероятно, и тут взяла свое любовь к литературе), сочинял какую-то очередную эпохальную бумагу о том, по каким законам следует жить нашему народу и как строить коммунизм. Трудились вундеркинды, разумеется, не в кабинетах на

шумной Старой площади, а в тиши прекрасной дачи под Москвой. Той самой, представьте, на которой жил когда-то Максим Горький. Сей факт главный редактор "Литературной газеты" счел достаточным основанием для того, чтобы поведать нам в доверительном духе о том, как "Горький бежал чуть ли не в одной рубашке и валенках зимой из усадьбы во флигель к сыну перед его смертью. От чего умер сын, достоверно так и неизвестно. Ходили упорные слухи, что был он отравлен по приказу Берии. Эта ночная пробежка (!) стоила Горькому жизни. Он простудился, схватил воспаление легких и вскоре скончался".

Рассказ любителя литературы о столь драматическом событии в жизни великого писателя несколько удивляет своим тоном. Чего стоит одно только выраженьице "ночная пробежка"! Но не меньше удивляет и многое другое. Во-первых, Максим Пешков, сын писателя, умер не зимой, а весной — 16 мая, поэтому колоритные подробности о валенках скорее всего лишь плод бурлацкого воображения, а не стремления "быть абсолютно правдивым". Во-вторых, простудиться можно, конечно, и в мае, но Горький умер спустя два с лишним года после сына, и крайне сомнительно, что простуда длилась столько времени и оказалась причиной смерти. Что касается, в-третьих, упорных слухов об отравлении сына Горького по приказу Берии, то ученый-мемуарист, многолетний сотрудник ЦК, мог бы дать им вполне ясную оценку, приняв во внимание что Максим Пешков умер в 1934 году, а Берия в это время был первым секретарем ЦК ВКП(б) Грузии и жил, естественно, в Тбилиси и не мог, конечно, отдать приказ в отношении семьи Горького.

Таким образом, мы видим, весь рассказ есть не что иное, как профессорская пробежка в валенках по скорбной странице жизни великого писателя. Если к этому присовокупить тот факт, что, став главным редактором "Свободной трибуны писателей", литературный вундеркинд тотчас распорядился убрать с первой страницы изображение этого писателя, стоявшее там более полувека, то можно объявить тему "Максим Горький и Федор Бурлацкий" исчерпанной до конца.

55

С удивительным знанием дела, с редкой любовью мемуарист-вундеркинд пишет также об Илье Эренбурге. Давным-давно в жизни Эренбурга был эпизод, о котором, как он сам писал еще в 1963 году, "вспоминают только реваншисты из "Зольдатенцайтунг". Фигурально выражаясь, собака то ли много лет пребывала в летаргическом сне, то ли вообще уже околела. Но вот в 1991 году доктор Бурлацкий решил ту собаку не то разбудить, не то реанимировать.

Вот о чем идет речь. Автор пишет: "Эренбург как-то заметил, что история (!) или ее носители (!) в лице советских руководителей часто совершали свои повороты, используя его и его творчество как своеобразный объект (?)". Трудно поверить, чтобы Эренбург изъяснялся именно так: что он, в частности, называл кого-то из наших руководителей "носителем истории". И едва ли писатель считал вероятной столь прямую связь между "поворотами истории" и своим творчеством "как своеобразным объектом". Дело, однако, не в этом.

Читаем дальше: "Так поступил Сталин, когда сразу после окончания войны выступил с идеологическим (!) заявлением о том, что "Гитлеры приходят и уходят, а народы остаются", и призывом прекратить критику немецкой нации. Тогда Эренбург был изображен как некий националистически настроенный экстремист".

Тут уже гораздо больше пищи для размышлений как о любви автора к литературе, так и о "сайентистском складе ума", который он у себя обнаружил. Прежде всего, как человек науки, Бурлацкий знает, конечно, что такое цитата и что такое ее искажение, а между тем слова, взятые им в кавычки, строго говоря, не являются цитатой из И. В. Сталина. Цитата выглядит так: "Было бы смешно

отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается" *(Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 41).

Принципиальное отличие подлинного высказывания от приведенного в книге "Вожди и советники" состоит в том, во-первых, что Сталин говорил о Гитлере не как об отвлеченном символе и вел речь не о каких-то неизвестных народах вообще, а конкретно о германском народе; во-вторых, не только о народе, но и о германском государстве. Это очень важно. Но не менее важно и то, что Сталин выступил с этим "идеологическим заявлени-

56

ем" не после окончания войны, как с уверенностью заявляет Бурлацкий, а в начале ее, в самую тяжелую для нас пору — 23 февраля 1942 года.

Никакого призыва прекратить критику немецкой нации в выступлении Сталина, конечно, не содержалось. Смешно и несуразно выглядел бы такой призыв в те дни, когда "критика" немецких оккупантов велась силой оружия. Впрочем, там были заявления такого рода: "Сила Красной Армии состоит в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас... Конечно, Красной Армии приходится уничтожать немецко-фашистских оккупантов, поскольку они хотят поработить нашу Родину... Красная Армия, как и армия любого другого государства, имеет право и обязана уничтожать поработителей своей Родины независимо от их национальной принадлежности" (там же. С. 42). Все это человек "сайентистского склада ума" мог бы знать и без нас.

Ну и наконец, никто не изображал Эренбурга националистическим экстремистом. 11 апреля 1945 года он выступил в "Красной звезде" со статьей "Хватит!". 14 апреля в "Правде" статьей "Товарищ Эренбург упрощает" ему ответил Г. Ф. Александров, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). "Г. Ф. Александров упрекал меня в том, — писал позже Эренбург, — что я не замечаю расслоения немецкого народа, говорю, что в Германии некому капитулировать, что все немцы ответственны за преступную войну, наконец, что я объясняю переброску немецких дивизий с запада на восток страхом немцев перед Красной Армией, в то время как это — провокация, маневр Гитлера, попытка посеять недоверие между участниками антигитлеровской коалиции".

Да, именно в этом Александров упрекал Эренбурга, с тем только уточнением, что ведь говорил он не о позиции писателя вообще и в целом, а о его конкретной статье "Хватит!". И упреки эти в основном были справедливы. Так, Эренбург в той статье действительно не замечал никакого расслоения, происходившего в Германии под ударами войны, и изображал ее единой зловонной клоакой: "Все бегут, все мечутся, все топчут друг друга... Некому капитулировать. Германии нет: есть колоссальная шайка..." И тому подобное. Как показало ближайшее время, капитулировать нашлось кому.

Возвращаясь к теме, обратим внимание на такое место в книге: "За ним (за карибским кризисом 1962 года.

57

— *В. Б.),* как в шекспировской пьесе, где стояла тень Гамлета..." Прекрасно сказано! Только ни в одной шекспировской пьесе тень Гамлета не стоит, не лежит и не витает... В другом месте мемуарист скажет, что кое-кто считал, будто бы Хрущев, "подобно шекспировскому Клавдию, стащил корону, валявшуюся под ногами". Сильно! Если не считать того, что шекспировский Клавдий отнюдь не подобрал мимоходом с пола бесхозную корону, а добыл ее ценой страшного преступления — собственноручного убийства родного брата и женитьбы на его

вдове.

Несмотря ни на что, профессор продолжает гнать шекспировского зайца дальше: "Можно ли представить себе, что Елизавета поучала Шекспира, как оценивать ее предков — прежних королей Англии?" Конечно, нельзя. Но не по причине елизаветинского либерализма, а просто потому, что Шекспир не писал о ее предках — о Тюдорах. Дальше: "Можно ли представить, чтобы Людовик XIV выговаривал Вольтеру по поводу того, что тот выбрал героем Кандида, такого безнравственного человека?" Оставив в стороне вопрос о нравственности героя, опять же сразу скажем, что нет, нельзя представить, но и на сей раз по причине совсем иной, чем мнится мемуаристу: просто Вольтеру было всего восемнадцать лет, и он еще ничего не напечатал, когда Людовик XIV уже умер, а "Кандид" появился спустя сорок с лишним лет после смерти короля, так что ознакомиться с повестью и высказаться о нравственности ее героя он мог только на том свете, но всем же известно, что это бывает довольно редко.

Думается, завершить статью нам надлежит обращением опять к ниве отечественной литературы. И тут невозможно пройти мимо следующего места в книге "Вожди и советники": "Мы часто навещали Любимова и его театр, дружили с Володей Высоцким. Он бывал в гостях у многих членов нашей группы (вундеркиндов-советников ЦК. — *В. Б.),* пел и рассказывал о себе, о театре. Кстати говоря, именно у Шахназарова как-то Володя спел нам песню "Охота на волков". Вы помните: в ней рассказывается о безжалостных охотниках, которые, оградив красными флажками пространство, бьют волков, волки боятся пересечь установленную флажками границу и беспомощно гибнут под пулями. Помню, тогда я воскликнул: "Так это же про нас! Какие, к черту, волки! Про нас!" То есть про этих самых цековских вундеркиндов.

Подумать только! Человек двадцать лет ходил в советниках высших вождей, писал для них речи и доклады,

сочинял программы и конституции, разумеется, за все это имел надлежащие блага, и вот он-то со товарищи и есть не кто иной, как волк! Со всех сторон обложенный в кабинетах ЦК, гонимый по коридорам "Правды", беспомощно гибнущий под пулями в лесах Барвихи и песках Пицунды!.. Пожалуй, со времен "Тартюфа" в мировой литературе не было ничего равноценного.

Впрочем, если сытому вундеркинду уже так хочется слыть голодным волком, мы согласны, пусть волком и будет, но не тем, что в песне Высоцкого, а тем, что в басне Крылова — тем, который скушал ягненка, подобно тому как Федор Михайлович отобрал у писателей "Литературную газету"... Так что эпиграф, предпосланный "Вождям и советникам", надо толковать расширительно...

Советская Россия. 1991. 18 мая

ПИСЬМО
ровеснику Виктору Астафьеву о нашей солдатской молодости

Виктор Петрович,

осенью 1985 года ты писал, что на фронте тебе с твоей "точки зрения" не так уж много было видно, что "правда о войне складывается из огромного потока книг, посвященных этой теме". И ты перечислил те из них, которые "могли бы служить "фундаментом" для будущего великого произведения о прошедшей войне", — книги К. Симонова и А. Бека, Ю. Бондарева и В. Быкова, В. Курочкина и К. Колесова, С. Алексиевич и Г. Егорова. Ты называл их правдивыми. Можно было надеяться, что с течением времени тебе удается расширить свой взгляд на войну, углубить знание литературы о ней. Но всего через два с половиной года ты вдруг заявил: "Мы как-то умудрились сочинить другую войну". И уверял, будто

созданы "вагоны", даже эшелоны лживой литературы о войне. Словом, раньше ты видел со своей "кочки" прежде всего "огромный поток книг", который радовал тебя как источник правды о войне, а теперь с обретенной недавно высоты видишь прежде всего "вагоны" да "эшелоны" макулатуры, в создании которой повинны будто бы все, кто писал о войне.

59

Разумеется, всегда и на любую тему есть книги поверхностные, неубедительные, фальшивые, конъюнктурные. Но не они же кладутся камнями в "фундамент", о котором ты говорил раньше. К названным тобой тогда можно добавить книги М. Шолохова, В. Некрасова, Г. Березко, В. Гроссмана, К. Воробьева... Так что же, ты теперь считаешь, что в этих книгах вагонно-эшелонная, "совсем другая", незнакомая фронтовикам война? А если нет, то зачем так обобщать и говорить "мы умудрились"? Уж не для того ли это сказано, чтобы эффектнее преподнести свою новую книгу о войне как единственное правдивое слово о ней?

Если твое нынешнее отношение к работе своих собратьев-писателей, по меньшей мере, нуждается в разъяснении, то с историками и их работой у тебя все предельно ясно и определенно. В качестве самых разительных образцов "другой войны" ты назвал труды именно исторические: 6-томную "Историю Великой Отечественной войны" (Воениздат, 1960—1965) и 12-томную "Историю второй мировой войны" (Воениздат, 1973—1982). Правда, ты их порой путаешь и не всегда ясно, к какому из этих изданий относится то или другое твое суждение.

Признавая, что иные вещи из истории войны тебе неизвестны, "может быть, по невежеству, по недоученности, оторванности от центра", ты тем не менее с великой уверенностью вот что сказал, кажется, о втором из этих многотомников: "Более ловкого документа, сфальсифицированного, состряпанного, просто сочиненного, наша история не знала. Его делали очень ловкие, высокооплачиваемые, великолепно знающие, что они делают, люди. Они сочиняли, а не создавали эту историю".

Да, к сожалению, в указанных изданиях есть крупные недостатки — и ошибки, и упущения, и излишества. В частности, можно было обойтись без цитат из Л. И. Брежнева, надо было обстоятельно рассказать о судьбе наших окруженных войск, следовало давать данные о потерях во всех крупных сражениях и т. д. Но, может быть, причину некоторых недостатков надо искать — ведь дело-то довольно давнее! — в недоступности архивов, в нехватке общих знаний о войне, в недостаточной квалификации некоторых авторов, наконец, в простой человеческой нерадивости? Нет! Ты категорически отметаешь это и видишь только одно — злой умысел ловкачей с целью обмануть народ и нажиться.

60

И в соответствии с этим ты делаешь убийственный вывод: "Историки, которые сочинили историю войны, не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда. Они лишили себя этого права — своей жизнью, своими деяниями, своей кривдой, криводушием". Ну, прямо-таки анафемское проклятие, равного которому по убежденности, благородному гневу и доказательности не приходилось слышать, пожалуй, со второй половины тридцатых годов. Так что, к стенке их, что ли?

Твое ритуальное проклятье, извергнутое на Всесоюзной конференции историков и писателей, немедленно растиражировали "Литгазета", "Советская культура", "Вопросы литературы" и "Вопросы истории". А тиражи-то были не то, что ныне. У "Литературки", например, подбирался к шести миллионам. Но тебе и этого показалось мало. Ты жаждал донести свои разоблачительно-патриотические страсти до сведения мировой общественности, и с этой праведной целью послал

письмо в "Московские новости", выходящие на шести главных языках мира.

Там, перед лицом обалдевшего человечества, ты учинил "ссученным" историкам разнос еще более грандиозного пошиба: "крючкотворы", "крючкотворные перья", "хитромудро состряпанные книги", "словесный бурьян", "ловкость рук", "приспособленчество", "лжесвидетельство", "кормились и кормятся ложью", "вся 12-томная "История" создана "учеными" для того, чтобы исказить историю войны, спрятать "концы в воду", держать и далее наш народ в неведении"... Тут еще раз повторил отлучающее проклятье: "Советские историки в большинстве своем, а редакторы и сочинители "Истории Отечественной войны" в частности давно потеряли право прикасаться к святому слову "правда". Они потеряли, а ты нашел...

Но какие же именно конкретные претензии у тебя к тем, кто писал историю Великой Отечественной? Может, они умолчали, что удар агрессора застал почти все наши войска врасплох, и мы не были к нему должным образом подготовлены, что немцы вошли в Минск на седьмой день вторжения? Нет, не умолчали. Может, утаили факты окружения наших войск под Минском и Вязьмой, под Харьковом и Брянском? Нет, не утаили. Может, скрыли, что враг подошел на 27 километров к Москве, водрузил свой флаг на Эльбрусе и, дойдя до Сталинграда, прорвался к Волге? Опять нет. Может, за громкими словами о победах спрятали тот факт,

что в январе—феврале 1943 года была возможность окружить на Северном Кавказе 23 дивизии противника и устроить ему второй Сталинград, но наши войска, увы, с этой задачей не справились, и противник улизнул на Таманский полуостров, за Кубань? Нет, не умолчали, не утаили, не скрыли, не спрятали ни этих, ни других обстоятельств и фактов войны, горьких, скорбных, а то и позорных. Так какие же у тебя основания вещать на весь мир о фальсификации истории войны, о крючкотворстве, о лжесвидетельстве, о стремлении "спрятать концы в воду"?

Или историки и мемуаристы нарисовали такую картину, будто мы, допустим, вышибли захватчиков со своей земли уже в 1943 году? Нет. Или уверяют, скажем, что мы с ходу, единым махом и малой кровью овладели Берлином? Нет. Или пишут, например, что потери немцев составили 20 миллионов, а наши 5? Нет. Как же у тебя повернулся язык обвинить ученых в том, что они "состряпали" историю войны с помощью "ловкости рук"?

А разве ничего не сказано об ошибках, допущенных нашим политическим, государственным и военным руководством, например, таких, как просчет в определении срока возможной агрессии или промах в плане летней кампании 1942 года? Разве обошли молчанием измену генерала Власова или кровавые дела украинских националистов? Разве не написали о тяжком, героическом труде в тылу? Нет, и это все нашло место в работах историков, в воспоминаниях полководцев, как и многих других участников, современников войны. Так что же стоит за твоими воплями о "сочинении" истории войны, о кривде, криводушии?

А не хотел ли кто-то принизить заслуги Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского, И. С. Конева и А. М. Василевского, И. Д. Черняховского и Ф. И. Толбухина, Р. Я. Малиновского и других выдающихся полководцев Великой Отечественной? Уж не пытался ли кто представить фигурами первого плана в истории войны К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного, С. К. Тимошенко и Г. И. Кулика, Н. С. Хрущева и Л. 3. Мехлиса? Уж не старались ли изобразить немецких генералов невеждами и дураками? Нет, нет и нет. Так кто же, спрашивается, "кормится ложью"? Кто так преуспел в "приспособленчестве"? Историки, мемуаристы или ты, горбачевский Герой Соцтруда?

Надо отдать должное, свои проклятья всеобщего характера ты иногда дополняешь вполне конкретными,

в частности относительно наших потерь. В "Истории второй мировой" можно прочитать: "Половина людских потерь в Европе приходится на СССР. Они составили свыше 20 миллионов человек, значительная часть их __гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней, голода, от налетов вражеской авиации". Тебя это не удовлетворяет. Ты хотел бы знать со всей точностью, сколько именно погибло на поле боя, сколько от ран и болезней, сколько в фашистских лагерях и т. д. Законное желание!

Но ведь ты говорил, что правда о войне складывается из огромного потока книг, посвященных ей. Так заглянул бы, например, в книгу "Советский Союз в Великой Отечественной войне" (М., 1976. С. 369) или в энциклопедический однотомник "Великая Отечественная война" (М., 1985. С. 509, 756). Там мог бы узнать некоторые весьма существенные слагаемые общей цифры наших потерь: на оккупированной территории захватчики истребили около 11 миллионов наших соотечественников — около 7 миллионов мирных жителей и около 4 миллионов военнопленных. Ныне появились новые публикации, уточняющие эти и другие цифры потерь.

Ты кривишься при словах "около" или "свыше", хочешь непременно знать точно и по всем статьям. Понятно. Но надо помнить же, какая это была война! В Англии, например, надо думать, имеются соответствующие сведения по всем пунктам с максимальной точностью. Так еще бы! Во-первых, она не подверглась внезапному массированному по всей границе нападению с его неизбежным хаосом в лагере жертвы агрессии; наоборот, Англия сама объявила войну Германии и имела более восьми месяцев для всесторонней подготовки своих войск, для организации отпора. Представь, какова была бы картина войны, если таким временем располагали мы, если эти восемь месяцев были бы в запасе у нас... Во-вторых, Англия не знала на своей земле ни битв (а ведь с точки зрения и учета потерь одна Курская битва с ее четырьмя миллионами участников чего стоит!), ни великих отступлений и наступлений, ни беженцев, ни эвакуации огромных предприятий и населения за тысячи верст в глубь страны, ни угрозы захвата своей столицы, ни партизанской стихии, ни разгула карателей, ни массового угона населения в неволю, ни концлагерей, ни душегубок, ни изменников, наконец, — словом, Англия не знала ничего, что как

страшная буря, как неистовый ураган несколько лет бушевал на нашей земле, все переворачивая, перемешивая, кромсая. Попробуй, учти многолетнюю бурю. Поди, разложи по статьям бесконечный ураган. Изловчись-ка все это разнести по графам. Не думаешь ли ты, что, учиняя массовые расстрелы, фашисты направляли списки убитых в местные загсы?.. А главное-то, общие потери Англии в войне составили 370 тысяч человек, что в десятки раз меньше потерь Советского Союза. Нам с тобой довелось родиться, жить и воевать в этой горькой стране, а не в благословенной Англии.

Неудивительно, что в огромной стране находятся люди и органы печати, которые подхватывают твои обличения, смакуют их и несут дальше. Например, критик В. Шапошников. Этот правдолюб толкает твои идеи дальше, он хочет точно знать: "Почему немцы, воевавшие шесть лет, бросавшие свои дивизии и на Запад, и на подавление повстанческого Сопротивления, понесли потери вдвое меньше, чем мы?" Хотя давно известно, что один правдолюб может задать столько вопросов, что от них очумеют десять мудрецов, но здесь не тот случай. Здесь твоего выученика, пожалуй, можно привести в чувство одним-единственным встречным вопросом, который будет ему и ответом: "Известно ли тебе, правдолюб, что, хотя фашисты истребили миллионы мирных советских

граждан и наших военнопленных — цвет народа, мы ничего подобного на их земле не творили, а немецкие солдаты и офицеры, попавшие к нам в плен, после войны все до единого, кроме осужденных за злодеяния, вернулись на родину? Понятно ли тебе, как это сказалось на соотношении потерь? А ведь если бы дело обстояло наоборот, то есть мы поступали бы как немцы, а немцы — как мы, то еще неизвестно, кто кому слал бы сегодня посылки".

На шести языках поносишь ты, Виктор, целые коллективы, целые поколения историков еще конкретно и за то, что из их "хитромудро состряпанных" книг наш народ (все-то ты о народе печешься, все о народе!) будто бы не может узнать, "что произошло под Харьковом, где гитлеровцы обещали нам устроить "второй Сталинград". Странновато изъясняешься, мастер: будто один Сталинград немцы нам уже устроили.

Ты имеешь в виду контрнаступление группы немецких армий "Юг" в Донбассе и в районе Харькова в феврале — марте 1943 года. Целью контрнаступления было вер-

нуть утраченную после Сталинградского побоища стратегическую инициативу. Планировалось разгромить наши части, выдвинувшиеся к Днепропетровску, вновь захватить Харьков и Белгород, а затем, одновременно ударив с юга от Белгорода и с севера от Орла в общем направлении на Курск, окружить и уничтожить наши войска. Захватить Харьков и Белгород немцам тогда удалось, сумели они и окружить часть наших войск, нам пришлось крайне трудно, мы понесли большие потери, но осуществить свой главный стратегический замысел противник не смог. Поэтому Верховный Главнокомандующий имел все основания в своем приказе от 1 мая 1943 года констатировать: "Немцы рассчитывали окружить советские войска в районе Харькова и устроить нашим войскам "немецкий Сталинград". Однако попытка гитлеровского командования взять реванш за Сталинград провалилась".

И обо всем этом, вопреки твоим паническим уверениям, можно прочитать во многих книгах наших военачальников и историков. Что же касается "Истории второй мировой войны", то там вскрыты и причины наших трудностей, неудач, потерь в этой операции и названы те, кто допустил ошибки, приведшие к прискорбным последствиям: Ставка ВГК, которая, неосновательно полагая, что противник отходит за Днепр, несмотря на тяжелое состояние наших войск, измотанных в предыдущих боях, решила в середине февраля продолжать наступление; лично И. В. Сталин, давший указание командующему фронтом Н. Ф. Ватутину возможно дальше отогнать противника от Харькова; лично сам Ватутин, не согласившийся с просьбой командующего подвижной группой отвести войска на новый, более удобный рубеж из-за угрозы окружения; опять же Ставка, недооценившая угрозу и не поправившая комфронта... Да, все это написано в "Истории", надо только не лениться, читать. А прочитав, хорошо бы передать книжечку таким своим поклонникам, как В. Шапошников.

В тех же "Московских новостях" ты, народный заботник, печалишься о том, что народ так и не узнает, "как весной 1944 года два фронта "доблестно" били и не добили 1-ю танковую армию противника". Тем же пальцем в то же небо. Речь идет о Проскуровско-Черновицкой операции в марте—апреле 1944 года, в ходе которой было окружено много немецких войск, ликвидировать которые или взять в плен, однако, не удалось: большая их

часть вышла из окружения. Да, не удалось. Ну и что? Война — это такое дело, где всегда что-нибудь кому-нибудь не удается. И немцам операции на окружение, так лихо удававшиеся в начале войны, с течением времени перестали удаваться вовсе, они их уже не предпринимали. У нас же наоборот: вначале дело не шло, а потом

наладилось неплохо.

В первый год войны мы пытались окружить оккупантов в районе Ельца, Торопца и Холма, Демянска, Ржева и Вязьмы, Любани и Тихвина, — увы, ничего не получилось: явно не хватало ни сил, ни опыта. В Сталинграде наши старания увенчались успехом первый раз, но отменно: окружили 22 дивизии и много отдельных частей — всего 330 тысяч войск. Чуть позже, как уже упоминалось, была возможность устроить немцам "второй Сталинград" на Северном Кавказе (23 дивизии), но в силу ряда причин снова не удалось. Затем мы сумели окружить и ликвидировать немалые силы противника в ходе Осторогожско-Россошанской операции (13 дивизий), Воронежско-Касторненской (9 дивизий), Корсунь-Шевченковской (10 дивизий и 1 бригада). В январе—марте 1944 года на юге были проведены Кировоградская, Никопольско-Криворожская, Березнеговато-Снигиревская операции. В целом они оказались успешны, но в ходе их осуществить, как планировалось, окружение врага наше командование опять не смогло. В этом ряду стоит и Проскуровско-Черновицкая операция.

Спрашивается, откуда взяты эти сведения не только об удавшихся, но и о неудавшихся наших операциях на окружение? Ты можешь, конечно, не верить, но ответ у меня один: не из сочинений западногерманских ученых, а из трудов наших военных историков, в частности из "Истории второй мировой войны", которую ты, к сожалению, читал плохо. Так в действительности обстоит дело и с сокрытием от народа некоторых горьких фактов войны, до которых будто бы лишь теперь докопался один Астафьев.

Но обратимся к самой Проскуровско-Черновицкой операции. Ты написал о ней как о чем-то позорном, словно огромные силы двух фронтов окружили всего-то навсего какую-то одну тощую армию и вот не смогли с ней совладать. Тут надо прежде всего заметить, что, как видно из многих твоих рассуждений, ты не понимаешь, насколько различны были у нас и у немцев войсковые объединения, называемые армией.

Полевая армия у немцев — это 10—20 и даже больше дивизий. Например, к 17 июля 1942 года 6-я армия генерал-полковника Ф. Паулюса состояла из 13 дивизий и насчитывала около 270 тысяч человек. К началу нашего контрнаступления под Сталинградом нам противостояло пять армий общей численностью свыше 1 миллиона солдат и офицеров, то есть в среднем на армию приходилось по 250 тысяч человек. 6-я полевая армия генерала К. Холлидта, вновь воссозданная после разгрома и пленения армии Паулюса в Сталинграде, в феврале 1944 года включала 17 дивизий, и это было 540 тысяч человек. Танковые же их армии, которые в 1942—1945 годах обычно действовали как полевые, порой достигали 28 дивизий. Так, в самом конце 1943 года 4-я танковая армия генерала Э. Рауса, действовавшая бок о бок с 1-й танковой, имела 26 дивизий. Вот какие цифры. А наши общевойсковые армии в годы войны обычно состояли из 7—12 дивизий, общая численность их редко превышала 100 тысяч. Например, в январе—феврале 1944 года 13-я и 60-я армии, действовавшие совместно в Ровно-Луцкой операции, имели в сумме 19 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских и 2 танковых корпуса. Немцы не знали таких объединений, как фронт. А у нас можно назвать такие фронты, что состояли всего из двух-трех армий. Скажем, Карельский фронт был в начале войны образован в составе 7-й и 14-й армий, а 4-й Украинский в августе 1944 года — воссоздали в составе 1 -й гвардейской и 18-й общевойсковой и 8-й воздушной. Подобные факты и цифры полезно помнить всем нынешним ораторам о войне.

Во время Проскуровско-Черновицкой операции 1-я танковая армия немцев противостояла нашим войскам вовсе не в одиночестве, как можно подумать, читая твои обличения, а в составе мощной группы армий "Юг"

— справа от нее держала оборону 8-я полевая армия под командованием опытнейшего и талантливейшего генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, слева — упоминавшаяся 4-я танковая армия Э. Рауса, а с воздуха эти немалые силы прикрывал 4-й воздушный флот. Напомним и о том, что в окружении 1-й танковой армии принимали участие далеко не все наличные силы двух наших фронтов, у которых были и другие боевые задачи в этой операции. Кольцо окружения 30 марта замкнули в районе Каменец-Подольского 4-я танковая армия левого фланга 1 -го Украинского фронта и 40-я армия правого фланга 2-го Украинского. Эти армии в основном и выполняли задачу удержания

67

кольца. А в нем оказались 11 пехотных, 10 танковых, 1 моторизованная и 1 артиллерийская дивизии, всего — 23. Опять целый Сталинград. Легко ли удержать такую силу!

Кроме того, не надо думать, будто не было никаких внешних препятствий для удержания 1-й танковой армии в кольце и ликвидации ее. Совсем наоборот! Как только она попала в беду, немецкое командование срочно создало юго-восточнее Львова с целью ее деблокирования сильную группировку из переброшенных с запада войск в составе 2-го танкового корпуса СС, шести пехотных дивизий, одной бригады, нескольких дивизионов самоходной артиллерии, а позже еще и 1-й венгерской армии. Вначале "блуждающий котел" 1-й танковой отходил на юг к Днестру, но, когда контрудар с целью деблокирования был в основном подготовлен, командование группы армий "Юг" приказало 1-й танковой армии изменить направление отхода, повернуть на запад — на Чортков и Бучач. И две мощные группировки устремились навстречу друг другу.

Вот как с немалой долей самокритичности рассказывается об этой фазе сражения в проклятой тобой "Истории второй мировой войны": "Масштабы перегруппировок и сосредоточения войск противника в районе юго-восточнее Львова так же, как и изменение направления отхода 1-й танковой армии, не были своевременно вскрыты командованием 1-го Украинского фронта. Вследствие этого оно не приняло соответствующих мер по усилению войск на направлениях готовившихся врагом ударов. Недостаток сил, особенно танков, не позволил создать сплошного внутреннего фронта окружения и быстро перейти к решительным действиям по расчленению и уничтожению группировки врага... Окруженная группировка, выдвинув вперед танковые дивизии, таранным ударом прорвала оборону слабой по своему составу 4-й танковой армии, у которой в это время оставалось в строю не более 60 танков... Прорыву врага способствовала разразившаяся трехдневная снежная вьюга.

Командование 1-го Украинского фронта бросило на пути отхода врага части двух находившихся на марше стрелковых корпусов, однако и они не смогли создать надежного заслона, вступив в бой с ходу, иногда без артиллерии. Окруженная группировка, прижатая советскими войсками к Днестру, образовала своеобразный "блуждающий котел", который упорно продвигался на запад, не считаясь с потерями.

68

4 апреля противник всеми силами перешел в наступление на внешнем фронте окружения. На пути 2-го танкового корпуса СС, который наносил удар на главном направлении южнее Подгайц, оборонялись две растянувшиеся на 35-километровом фронте и понесшие потери стрелковые дивизии. Они не смогли остановить врага. 7 апреля в районе Бучача немецкие танковые дивизии, наступавшие с запада, соединились с "блуждающим котлом". 1-я немецкая танковая армия избежала участи фашистских войск, окруженных под Корсунь-Шевченковским, однако она потерпела сокрушительное поражение, потеряв большую часть боевой техники и понеся тяжелые потери в людях. Все

вырвавшиеся из окружения дивизии до их восстановления значились в германских оперативных документах как боевые группы".

Как видим, делать секрет из нашей неудавшейся попытки окружения 1-й танковой армии противника никто не собирался. Была такая же неудача и через год, в марте — апреле 1945 года, когда в ходе Венской наступательной операции мы хотели окружить южнее Секешфехервара, в Венгрии, 6-ю танковую армию СС. Нашим войскам оставалось пройти всего 2,5 километра, чтобы замкнуть кольцо окружения, но через этот узкий коридор, который, естественно, насквозь простреливался, немецкому командованию ценой больших потерь все же удалось вывести значительную часть живой силы и техники. У наших военных историков можно прочитать и об этом.

Словом, список наших неудач в операциях на окружение довольно обширен, но можно дополнить список и успехов в этом деле. После окружения и разгрома 10 дивизий и 1 бригады под Корсунь-Шевченковским последовали такого же рода успехи во многих других операциях на окружение: в Витебско-Оршанской (5 дивизий), Бобруйской (6 дивизий), Минской (20 различных соединений), Львовско-Сандомирской (8 дивизий), Яссо-Кишиневской (18 дивизий), Будапештской (20 различных соединений), Восточно-Прусской (около 32 дивизий), Берлинской (93 дивизии), Пражской (более 50 дивизий).

Немцы же с весны 1943 года уже не осуществили ни одного сколько-нибудь значительного окружения наших войск... Да, война — это такое дело, где всегда кому-нибудь что-нибудь удается, а кому-то нет. Гитлеровцы хотели взять Москву, Ленинград, Сталинград, Баку, мечтали разбить Красную Армию, планировали уничтожить наш народ, наше государство, — ничего не удалось!

69

А мы в первый же день войны сказали: "Враг будет разбит. Победа будет за нами", — так все и вышло.

О некоторых твоих рассуждениях о войне просто не знаешь, что и думать. На конференции ты сказал: "Вот в "Истории Великой Отечественной" опубликованы карты... Вы посмотрите внимательно в них и в тексты, которые их сопровождают". Ну, послушаемся совета, посмотрим внимательно, почитаем еще раз, — и что же? Оказывается, "вы увидите полное расхождение". В "Московских новостях" ты настойчиво повторил: "достаточно взглянуть на них, как сразу же видно сделается разительное расхождение между картами и текстом, "объясняющим", что за картой следует". То есть в тексте, мол, одно, а карты свидетельствуют совершенно о другом. Какое великое открытие сделал внимательный читатель Астафьев, ротный телефонист!

Правда, тут сразу напрашиваются два вопроса. Во-первых, почему же возникло расхождение? Да потому, объясняешь ты, что тексты-то писали спустя много лет после войны, а карты взяли подлинные, военных лет, в Генштабе, что ли. Но если так, то непонятно, во-вторых, почему же не фальсифицированы, не приведены в соответствие с лживым текстом и карты, — ну, что это стоило "ссученным ловкачам!". На сей вопрос ответ у тебя уж слишком простецкий: "Не догадались!" Ну, знаешь, такие-то доки!..

Но в чем же именно, в чем конкретно состоит оглашенное с высокой трибуны открытие и, с другой стороны, криводушие, лживость ученых, будто бы воочию явствующее из вопиющего расхождения смысла текста и карт? Читаем: "Вы посмотрите на любую из карт 1941 года и даже 1944 года: там обязательно 9 красных стрелок против 2—3 синих". Разумеется, это совсем не так, на разных картах разное количество стрелок тех и других, но не будем сейчас отвлекаться, важно понять суть открытия, а она выплывает из следующего заявления: "Это 9 наших армий воюют против 2—3 армий противника". То есть ты разгадал и объявляешь пребывавшему в неведении миру, что любая стрелка на картах

"Истории Великой Отечественной войны" означает не что иное, как армию: не корпус, не дивизию, а именно армию, — вот оно, твое Архимедово открытие.

Взять, допустим, наше контрнаступление под Москвой в декабре 1941 года. Ты читаешь, что перед началом операции мы не имели численного превосходства над

70

противником ни в живой силе, ни в технике (за исключением авиации). Но потом смотришь на карту и видишь: красных стрелок штук 15, а синих, ну, 5. "Эге! — смекаешь ты, — значит, у нас было трехкратное численное превосходство, а вы, криводушные фальсификаторы, исказили святую правду истории. Ужо вам!.."

Или вот, скажем, наше контрнаступление под Сталинградом. Историки пишут: советские войска насчитывали 1 миллион 100 тысяч человек, а противник имел 1 миллион 12 тысяч, т. е. наше численное превосходство в живой силе составляло всего 8—9 процентов. Но ты снова зришь в карту и собственными глазами видишь: десятка четыре красных стрелок, не больше одного десятка синих. Выходит, уже четырехкратное наше превосходство. Опять эти бессовестные ловкачи обманывают все человечество, а вместе с ним и бедного Витю, бывшего до сих пор столь простодушным. А Курская битва? Историки уверяют, что перед ее началом в составе ударных группировок врага было свыше 900 тысяч человек, а противостоявшие им Центральный и Воронежский фронты имели 1 миллион 336 тысяч. Да, мы располагали почти полуторным превосходством в живой силе. Но ты, конечно, и тут начеку. Раскрываешь карту нашего контрнаступления 12 июля — 23 августа 1943 года и видишь своим недреманным оком такое количество красных стрелок, что синие в них прямо-таки тонут. Ах, шельмецы высокооплачиваемые! ..

С помощью карт воочию убедившись, что мы "все время, на протяжении всей войны" имели огромное численное превосходство над захватчиком, ты, мыслитель, пришел к такому галилеевскому резюме: "Мы просто не умели воевать. Мы и закончили войну, не умея воевать". Поскольку все участники конференции оторопело молчали, то оратор, уверенный в грандиозности своего открытия, плюнул им в лицо еще и такое: "Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами". В связи с этими "мы не умели", "мы залили своей кровью" пишет доктор экономических наук, капитан в отставке А. И. Залкинд на страницах "Военно-исторического журнала": "Позволительно спросить, кто это "мы"? Ведь в числе воевавших "неумех" были Жуков, Рокоссовский, Конев, Говоров, Мерецков. Как могли они, не умея воевать и не совершив чуда, кончить войну в Берлине и Праге?.. "Мы" воевать не умели. Кто же умел? Немцы? Но ведь они не устояли против "неумех".

71

Здесь интересно отметить, что раньше, в ноябре 1985 года, рассказывая о боевых действиях части, в которой сам служил, ведь ты, Витя, рисовал несколько иную картину войны и по соотношению сил, и по потерям. Писал, например, что в августе 1943 года в бою под Ахтыркой 92-я гаубичная бригада, где ты был телефонистом, уничтожила более восьмидесяти танков и "тучу пехоты" противника. Более восьмидесяти! По нашим меркам того времени это целая танковая бригада и еще танковый полк. А "туча пехоты" — это уже не иначе как целая дивизия. На каждое наше орудие (их, по твоим словам, было 48) шло по нескольку вражеских танков, и почти каждое орудие уничтожило по два танка, иначе говоря, наша бригада не только нанесла сокрушительное поражение гораздо большим силам врага, но и уничтожила изрядную часть их.

В другом месте ты раньше писал, что 17-я артиллерийская дивизия, в которую входила твоя 92-я арт-бригада, "в последних на территории Германии боях потеряла две с половиной тысячи человек. Противник понес потери

десятикратно больше". То есть противник потерял 25 тысяч человек. Иначе говоря, одна наша дивизия уничтожила по меньшей мере две полносоставные дивизии неприятеля. Так, спрашивается, кто же кого заливал кровью, кто кого заваливал трупами?

Исходя из таких именно приведенных выше фактов, ты с полным основанием тогда и писал: "Мы достойно вели себя на войне... Мы и весь наш многострадальный, героический народ, на века, на все будущие времена прославивший себя трудом и ратным делом". Вот какие возвышенные и гордые слова о ратной славе народа говорил когда-то человек, который ныне, потрясенный изучением карт, уверяет, что народ этот вовсе не умел воевать. Да, перестройка! Но до таких ее поворотов еще никто недодумался.

Право же, очень трудно понять, какой жизнью шестьдесят с лишним лет жил и живет человек или что с ним случилось, если он до сих пор не знает смысл простейших условных обозначений на военных картах. Откуда он взял, кто ему внушил (ведь вычитать это он нигде не мог!), что стрелка на карте непременно означает армию и что, следовательно, по числу стрелок разного цвета можно судить о количественном соотношении боровшихся сил?

Я думаю, что все, кто хоть раз в жизни держал в руках и рассматривал военную карту, давно поняли уже, какова

подлинная цена астафьевских открытий, выкладок и резюме. Но, возможно, среди читателей есть и такие, кто по молодости лет или нелюбознательности никогда еще этих карт не рассматривал. Имея в виду лишь таких читателей (и, конечно, тебя, стратег), приходится разъяснить...

Во-первых, как уже отмечалось, наша армия и немецкая — понятия совершенно разные. У нас очень редко состав армии превышал 100 тысяч человек, обычно это было 50—70 тысяч. У противника армии составляли и 100, и 200, и 300 тысяч. Если, Витя, ты знал хотя бы это, то, думается, не полез бы на всесоюзную трибуну со своим вопиющим открытием.

Но главное-то в другом: стрелки на карте означают прежде всего направление ударов и контрударов. Если армия предпринимала удар в двух или трех направлениях, то от ее буквенно-цифрового обозначения на карте разойдутся и две и три стрелы. Именно тремя стрелками на карте Курской битвы обозначены, например, начальные действия 27-й армии, в которой служил ты. Последовательный ход действий той или иной группы войск (армии, корпуса, дивизии) обозначается несколькими, одна за другой следующими стрелками, а ты каждую из них считаешь еще за одну армию.

Если операция развивается успешно, противник отступает, если он даже и сопротивляется, хочет удержать позиции, но не предпринимает контрударов или делает это редко, то на карте почти все стрелки могут быть лишь одного цвета — цвета наступающей стороны. Это можно видеть, например, на картах начальной стадии войны, допустим, на карте Смоленского сражения: синих (немецких) стрелок здесь неизмеримо больше, чем красных (наших). Как ты, исследователь, мог не видеть этих карт, непостижимо. Или вот карта Висло-Одерской наступательной операции Красной Армии. Тут наоборот: множество наших стрелок и лишь две-три немецких. Но такие соотношения стрелок вовсе не означают, что у нас в Смоленском сражении, а у немцев в Висло-Одерской операции было гораздо меньше сил, чем у противника. Словом, по количеству стрелок можно судить, в чьих руках находится инициатива, кто наступает, а кто обороняется, но никак нельзя делать вывод о количественном соотношении борющихся сил. За изложение столь элементарных сведений, право же, хочется извиниться, тем более что ведь в низу каждой карты обо всем этом можно прочесть.

Есть у тебя замечательный рассказ "Светопреставление". Там об одном персонаже в соответствующем эпизоде ты говоришь: "Мужик зацокал, как белка. Не сразу я догадался, что он матерится. Будучи сам немалым специалистом по этой части, я, как ни пытался, ни в одном из отечественных матюков не припомнил звука "це"... Поразительный для русской литературы факт: писатель печатно представляется публике специалистом по матерщинной части! Не будем ханжествовать: среди русских писателей были и есть такие специалисты. Но о том, что к ним принадлежал, допустим, Лев Толстой, мы узнаем все-таки не из его собственных гордых признаний, а из прекрасных воспоминаний Горького. Еще поразительнее другое. Будучи когда-то детдомовцем, ты, казалось бы, действительно должен быть большим специалистом "по этой части", но, увы, приведенный отрывок из рассказа свидетельствует об обратном, ибо есть же, есть первостатейные отечественные матюки со звуком "це"! И я, совсем не детдомовец, а потомственный интеллигент, могу назвать с полдюжины их, когда угодно. На днях послал тебе сей реестрик по почте. И поверь, он составлен не по бодуэновскому словарю Даля, а взят из живой жизни.

Не буду гадать, чем объяснить этот вопиющий провал в твоих познаниях. Может, действительно, оторванность от центра? Неужто самые большие матерщинники в центре? Если так, то дело не безнадежно, оно поправится. Нет, не буду гадать. Но вынужден с горечью констатировать: твои военные познания, Виктор, в частности некоторые представления об истории Отечественной войны, увы, не превышают уровня твоих познаний в области матерщины.

Но есть в жизни вопросы, области, сферы, в которых незнание и глухота писателя гораздо более огорчительны, чем в области военной... В одной статье, напечатанной не где-нибудь, а в "Правде", в самой массовой тогда нашей газете, коснувшись того, каким хорошим солдатским оружием был на войне карабин, ты привел в подтверждение этого два примера. Первый: "в воробья-беднягу попадали за сто шагов". Второй: "я из карабина в Польше врага убил". И тут же легко и просто рассказал, как это произошло, при каких обстоятельствах, кем был убитый, как выглядел. Сам рассказал при всем честном народе, никто тебя не расспрашивал, не понуждал. Лишь для иллюстрации отменной прицельности карабина: "Котелок у него на спине под ранцем был... Цель

заметная. Под него, под котелок, я и всадил точнехонько пулю". В спину... Со смаком: "точнехонько". Одно дело, когда это персонаж в романе, а ведь тут — о себе лично.

У Толстого в "Казаках" есть такая сцена. Старый казак Ерошка, в прошлом сорвиголова, зашел к юнкеру Оленину. Сидят они вдвоем, беседуют, пьют водку, крепко уже набрались. Гость, облокотившись на руку, задремал. Вдруг послышалась веселая песня.

"— Это знаешь, кто поет? — сказал старик, очнувшись. — Это Лукашка-джигит. Он чеченца убил, то-то и радуется. И чему радуется? Дурак, дурак!

— А ты убивал людей? — спросил Оленин".

Да, служилый казак Терской линии Ерошка, конечно, убивал. Но вот какое действие произвел на него вопрос любопытствующего юнкера:

"Старик вдруг поднялся на оба локтя и близко придвинул свое лицо к лицу Оленина.

— Черт! — закричал он на него. — Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено, ох, мудрено! — Прощай, отец мой, и сыт и пьян, — сказал он вставая". И ушел Ерошка, видимо, опасаясь новых расспросов.

Так вот не странно ли: то, что в середине прошлого века понимал и чувствовал дремучий казак, не считавший возможным говорить об этом даже с

глазу на глаз с приятелем, даже в пьяном виде, то в конце нынешнего века не понимает, не чувствует известный писатель и, будучи вполне трезвым, без малейшего смущения говорит об этом в многомиллионной газете. "Врага убил..." В спину... Не потому ли и сейчас то-то радуются Грачев, Степашин и подобные им: чеченца убили...

Советская Россия. 1991. 7 августа

ЖУЛИКОВАТЫЙ ПАТРИАРХ

На процессе по делу о КПСС в Конституционном Суде среди свидетелей со стороны Ельцина оказалось немало так или иначе пострадавших в прошлом, обиженных. Например, Н. Медведев и Г. Веретенников были в свое время исключены из партии, хотя второй из них — отличник ВПШ. Другим довелось пережить нечто посерьезней: отбывали сроки наказания. Конечно, это давало их показаниям известное преимущество, но, к сожалению, обиженные далеко не все и не всегда могут

сохранить объективность. "Независимая газета" заметила о показаниях Н. Медведева: "Его выступление носило характер личной обиды на КПСС". В то же время из показаний некоторых обиженных неожиданно выяснилось, что невинно пострадавшими их, пожалуй, назвать нельзя. Так, Г. Якунин, священник с ограниченной ответственностью, рассказал, что в 1978 году он принял посильное участие в хищении из Комитета по делам церкви секретных документов и в передаче их иностранному посольству, за что его и посадили. А что же хотел святой отец? И теперь за разглашение опять-таки иностранцам секретных архивов, к которым его допустили как депутата, батюшку привлекает к ответственности уже новая служба госбезопасности. А как же!

Есть пострадавшие и среди свидетелей КПСС. Скажем, академик В. А. Коптюг, председатель Сибирского отделения Академии наук, изведал в свое время, что такое быть "сыном врага народа". Естественно, тут немалая разница: одно дело, когда "обиженный" выступает с показаниями против того, кого считает своим обидчиком, и совсем другое, когда "обиженный" выступает в защиту "обидчика".

Думается, из всех "обиженных" той и другой стороны особого внимания заслуживает патриарх советской литературы Лев Разгон. Осмыслить его свидетельства и саму фигуру этого свидетеля Ельцина, пожалуй, очень интересно и весьма поучительно. Тем более что он сам сказал по телевидению, что выступление в суде — это "звездный час" всей жизни.

О, это человек богатейшей биографии, необыкновенной судьбы!.. Начать с того, что родился он в знаменательный день — первого апреля и, может быть, именно поэтому, как пишет в своей знаменитой книге "Непридуманное", до двадцати шести лет сохранил "почти девственную душу". Каких людей он знал! С кем состоял в родстве! Что за дела и события прошли перед глазами свидетеля за его мафусаилов век!

Лев Эммануилович начал свою трудовую жизнь с важного поста в Центральном бюро юных пионеров. Уже тогда был своим человеком в семье Свердловых и частенько навещал их в Кремле. Дочь А. И. Рыкова — его приятельница. Видимо, через нее или через Свердловых любознательный пионервожатый был, на наше счастье, в курсе всех кремлевских новостей и сплетен. Например, о том, что в 1932 году "железный Коба" вдруг

неожиданно для всех "размягчился" и стал "предаваться изнеженности нравов", то есть, грубо говоря, "у него появилась любовница, а может, и не одна". Может, не

меньше дюжины: по одной от каждой республики. Скорей всего это "размягчение" на пятьдесят третьем году жизни явилось непредвиденной самим Сталиным реакцией на успешное выполнение первого пятилетнего плана, в результате которого, например, производительность труда в промышленности выросла на 41 процент.

Видимо, по причине именно охватившей его "изнеженности нравов" тиран начал тогда, по данным Разгона, истязать свою тридцатилетнюю красавицу жену и бить смертным боем малолетних детишек Свету и Васю. Своими юными ушами свидетель слышал, как Клавдия Тимофеевна Свердлова, сокрушаясь о жене Сталина, хваталась за голову и говорила: "Бедная, ох, бедная женщина!" Несколько позже, но еще до того, как Н. И. Ежов натянул "ежовые рукавицы", Леве, хотя душа его была тогда совершенно девственной, не раз доводилось "сидеть за столом и пить водку с будущим железным наркомом"... Впрочем, так прозвали не Ежова, а Кагановича — наркома железнодорожного транспорта, поэтому не совсем ясно, с кем же именно бражничал активист пионерского движения. К сожалению, неясностей и даже странностей в писаниях и речах Л. Разгона становится все больше по мере того, как от личных наблюдений и доверительных тайн он переходит к вещам, более доступным проверке.

Например, буквально не в силах отлипнуть от того же Сталина, он уверяет читателя: "Когда в 1919 году Юденич уже стоял под самым городом, Зиновьев впал в состояние истерического страха и требовал, чтобы его немедленно первым вывезли из Петрограда. Ему было чего бояться: перед этим он и приехавший в Петроград Сталин приказали расстрелять всех офицеров, зарегистрировавшихся согласно приказу. А также много сотен бывших политических деятелей, адвокатов и капиталистов, не успевших спрятаться".

Не вдаваясь в подробности, заметим, однако, что "под самым городом" Юденич оказался во второй половине октября, а Сталин ни "перед этим", ни вообще после 2 июля в Петрограде не был. Как член Военного Совета Западного, а затем Южного фронтов, он мотался между Москвой, Смоленском, Минском, селом Сергиевским, где находился штаб Южного фронта, и Серпуховом. Что же касается Григория Евсеевича Зиновьева, то у него

и без всяких расстрелов, бесспорно, имелись достаточно веские причины не желать личной встречи с Николаем Николаевичем Юденичем: ведь Зиновьев был первым лицом в городе — председателем Петроградского Совета. А уж если отвечать за расстрелы, то рядом с ним должны бы прежде всего встать Г. И. Бокий — председатель Петроградской ЧК и И. М. Москвин, который, по словам Л. Разгона, "после 1917 года занимал в петроградской организации партии посты первой величины" и выдвинулся со временем на "второе место после Зиновьева".

Так почему же автор, так легко взвалив вину на Сталина, который не был в Петрограде почти четыре месяца, совершенно обошел молчанием Бокия и Москвина, все время находившихся здесь на столь решающих в подобном деле постах? Есть основания полагать, что это сделано совсем не по незнанию. А скорее всего потому, что оба они — близкие родственники Льва Эммануиловича: он был женат на дочери первого из них, которая позже стала падчерицей второго.

В огромной столичной квартире Ивана Михайловича Москвина, что находилась в роскошном правительственном доме на Спиридоновке, бинарный зять жил много лет одной с ним семьей, а с Глебом Ивановичем Бокием порой предавался уже известной нам ежовской усладе. Ну как после всего этого не спрятать того и другого тестя за спину проклятого Сталина!

Бокия перевели в столицу вслед за Москвиным. Он стал членом Коллегии ВЧК, потом — ОГПУ. Отношения между троими родственниками оставались самыми тесными и дружескими. Лев Эммануилович уверяет, что Глеб Иванович

был обаятельнейшим человеком, "зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке", обожал искусство, был близок с самим Федором Ивановичем Шаляпиным. Бокий был знаменит. Его именем называли морские суда, о нем слагали стихи и песни. Так, заключенные, которых направляли на Соловецкий остров, с энтузиазмом пели:

Трюм наш тесный и глубокий.
Нас везут на "Глебе Бокий",
Как баранов...

Кстати сказать, примечательны фигуры и других родственников свидетеля. Например, Мерик Горохов. Он работал заместителем "знаменитого Вуля" — начальника МУРа, "грозы московских бандитов и воров". "Мерик

был тихим евреем с русыми волосами и нестеровскими синими глазами, прелестным и добрым человеком". Однажды Разгон зашел к тихому братцу на работу. Тот , сидел за столом, а перед ним лежала огромная кипа бумаг в несколько сот листов. "Не прерывая разговора со мной, — вспоминает Лев Эммануилович, — Мерик синим карандашом подписывал внизу каждый лист рядом с другой какой-то подписью. Он не заглядывал в эти листы, а привычно подмахивал. Изредка прерывался, чтобы потрясти уставшей рукой". Что же это он делал? Оказывается, добрый братец был членом "тройки" и вот теперь, не моргнув синим нестеровским глазом, подписывал приговоры об изоляции "социально вредных элементов".

Вот такие родственнички...

Многие люди из окружения будущего писателя были репрессированы. И не всегда понятны мотивы репрессий. За что пострадал, например, Москвин? Неизвестно. Но если принять в расчет, что именно он вызвал Ежова из провинции в Москву, сделал его у себя в Оргаспредотделе ЦК инструктором, помощником, заместителем, ввел в свой дом, где его прозвали "воробушком", то есть если принять во внимание, как пишет Разгон, "что именно Москвин нашел, достал, вырастил, выпестовал Ежова", то, по совести говоря, можно ли считать его пострадавшим ни за что?

Но это все будет позже, а пока надо заметить, что будущий автор "Почемучкиных книжек" (М.: Детгиз, 1983) охотно пользовался расположением и того и другого тестя. Так, в январе 1934 года он попросил Москвина, бывшего в ту пору членом Оргбюро ЦК, достать ему гостевой билет на XVII съезд партии. Тот немедленно позвонил Ежову, потом Маленкову и благодаря их личному участию через несколько часов, говорит, "фельдъегерь из ЦК привез на мое имя гостевой билет, полагавшийся суперответственным работникам".

Дальше мы узнаем, что в Большом Кремлевском дворце Лева сидел в кресле, имея соседом справа Зиновьева, а слева — Радека, что "в перерыве Алексей Иванович Рыков, узнав меня, обрадовался и стал со мной вышагивать по Георгиевскому залу". Такая густая концентрация знаменитостей того времени вокруг человека, примечательного только своей девственностью, выглядит, конечно, странновато, но чего в жизни не бывает!

Однако тут же автор гордо извещает нас: "Я был на всех заседаниях XVII съезда партии!" На этом и ос-

тановиться бы, но он решил уточнить: "Почти неделю я провел в этом зале". Это сколько же дней? Ну, пять-шесть. Но ведь известно, что съезд продолжался с 26 января по 10 февраля, то есть пятнадцать дней. Выходит, что Разгон не был на большей части заседаний. Зачем же в столь почтенных летах злоупотреблять доверием читателей по пустякам?

А дальше уже не пустяки. Автор рассказывает о результатах выборов в ЦК: "Список оглашался не по алфавиту, а по количеству голосов. И вот мы услышали: первым был не Сталин... Он не был ни вторым, ни третьим, ни четвертым... Мы слышали фамилии Калинина, Кирова, Ворошилова, еще кого-то, и не было Сталина, не было Сталина! Кажется, он шел не то девятым, не то десятым... Про то ощущение, которое мы испытали, беллетристы прошлого писали, что это было "дуновением смерти". Какая могучая кисть! Не знаю, кто из беллетристов прошлого мог создать что-нибудь хоть отдаленно похожее.

Дело-то в том, что, как теперь документально установлено (Известия ЦК КПСС. № 7. 1989), двенадцать человек получили на съезде голосов больше, чем Сталин. Столько же, сколько у него, оказалось у четверых. Следовательно, если фамилии оглашались по числу голосов, то Сталина назвали не девятым или десятым, а, наверное, семнадцатым. Но, разумеется, оглашались они вовсе не так (где там в суматошных условиях съезда возиться с подсчетом и выравниванием по ранжиру 140 кандидатур!), а так, как стояли в бюллетенях для голосования — по алфавиту. Сталин был назван 56-м. И никто, кроме политических девственников, не ощутил при этом никакого "дуновения". За него голосовали 1056 делегатов, против — 3. Возможно, что эти трое были как раз соседи Разгона по креслу да он сам, если ему с помощью тестя удалось достать еще и бюллетень для голосования.

Помимо таких вот весьма многочисленных примеров странного обращения Л. Разгона с фактами, много в его повествовании и еще более сомнительного, порой даже явно "фильклорного" происхождения, особенно там, где он рассказывает о репрессиях — здесь-то более всего необходимы правдивость, точность.

Вот, скажем, история ареста микробиолога П. Ф. Здродовского, ставшего впоследствии академиком АМН (1945 г.), лауреатом Сталинской премии (1949 г.), лауреатом Ленинской премии (1959 г.) и Героем Социалистичес-

кого Труда (1970 г.). Еще в тридцатые годы, пишет автор, он "был крупнейшим в нашей стране иммунологом, имевшим мировое имя, как самый крупный специалист по борьбе с инфекциями". В 1937 году во главе специальной комиссии ученого направили на Украину, где будто бы начался массовый падеж лошадей. Изучив обстановку, приняв необходимые меры, профессор выступил с отчетом "на каком-то высоком заседании не то ЦК, не то Совнаркома". Председательствовал Хрущев. И вот вдруг председатель перебивает докладчика: что, мол, вы толкуете о каких-то вирусах, когда нам известна подлинная причина падежа: лошадей травили вредители вот этими порошками, и протягивает ему порошок. (Странно, если причина известна, то зачем было ученым докладом отнимать драгоценное время у столь высокой инстанции?) Но что же профессор?..

Кто не помнит байку о полковом поваре, в котле у которого грозный царь Петр обнаружил таракана и уже распорядился было выпороть бедолагу: "Никак нет, государь-батюшка, — выпалил повар. — Это не таракан, а изюм!" И с тем выхватил таракана из котла да и проглотил. Под пером Разгона ученый с мировым именем поступил точно так же: без малейших колебаний "взял вредительский порошок, высыпал его себе на язык и проглотил". Спрашивается, зачем? Поступок повара понятен: хотел уберечь свои ягодицы. А тут? Во имя чего пошел человек на смертельный риск. Проглотил и сказал, это питьевая сода. Слава Богу!

Но неужели Хрущев был так тупоумен, что не догадался перед ответственным заседанием потребовать химического анализа "вредительского порошка"? Или это была заранее обдуманная инсценировка? Но опять — зачем?.. Как бы то ни было, а за самовольное глотание неизвестного порошка в неположенном месте посадили ученого с мировым именем, как уверяет автор, на десять лет.

Остается добавить к этому только два легко доступных проверке факта. Первое: в 1945 году, через семь-восемь лет после порошково-тараканьей истории, Здродовский стал членом Академии медицинских наук. Едва ли это произошло, когда он находился в лагере. Второе: в 1937 году, когда разыгралась вся эта драма, Н. С. Хрущев работал не на Украине, а в Москве — был секретарем МГК...

Часто Л. Разгон взывает к человечности и доброте, к высоким идеалам и порядочности, скорбит о нравствен-

81

ных утратах. Вот он вспоминает: "Пушкин усматривал падение общественных нравов в том, что образованные люди позволяют себе издавать и читать записки парижского палача". В свою очередь наш патриарх тоже возмущается тем, что в воспоминаниях первого коменданта Московского Кремля П. Д. Малькова "несколько страниц посвящено подробнейшему описанию того, как сам Мальков расстреливал Каплан": "Хвастливое описание казни женщины отвратительно". Совершенно справедливо. Заметим только, что там нет ничего хвастливого и все описание занимает страницу. К тому же Мальков вынужден был рассказать об этом обстоятельно, поскольку оживились слухи, будто Ф. Каплан до сих пор (дело было, помнится, в 60-х годах) жива. Все так, и тем не менее, конечно, коробит.

В другом месте Л. Разгон рассказывает, как однажды, когда был уже на свободе и жил в Ставрополе, жена послала его с последней трешкой в магазин за хлебом и чесночной колбасой, а он, узнав из купленной по дороге газеты, что умер один ненавистный ему лагерный начальник, вместо колбасы взял водки, и они устроили семейное пиршество по случаю смерти этого начальника. Жена отродясь не брала в рот хмельного, но уж по такому случаю... "Господи! — восклицает наш пушкинист. — Это было счастье — увидеть на ее усталом лице такую радость, такое несдерживаемое торжество... Задыхаясь от счастья, что Тарасюк сдох от рака — наверное, даже обязательно в страшных муках, — мы выпили эту водку... Он сдох в муках, а мы пьем водку... Значит, есть же справедливость? Или Бог?.." После Пушкина еще Бога не забыл упомянуть.

Не буду рассуждать о том, как все это выглядит и как называется. Замечу лишь, что даже на фронте мы, своими глазами видевшие все фашистские зверства, схоронившие столько друзей, узнав 2 мая сорок пятого года о смерти Гитлера, ничего подобного разгоновскому торжеству не устраивали. И когда отравился Геринг, когда покончил с собой Гиммлер, когда, наконец, недавно повесился в тюрьме Гесс, — не устраивали семейного пиршества. Человеку к лицу оставаться человеком всегда.

Но у нашего свидетеля такое торжество не случайный психический срыв, а совершенно закономерное для него поведение. И апофеозом такого поведения явились конечно же мартовские дни 1953 года. Как только, говорит, "скорбный и торжествующий (!) голос Левитана" огласил по радио первый бюллетень о болезни Сталина, несколь-

82

ко лагерных конторщиков под моим водительством кинулись в санчасть и потребовали (!) от главного врача, чтобы собрал консилиум и на основании данных бюллетеня сообщил нам, на что мы можем надеяться". И собрался будто бы этот "консилиум" из двух врачей и одного сельского фельдшера, посовещались минут сорок о полученных по радио данных, и наконец вышел к собравшимся главный врач. "Он весь сиял: "Ребята! Никакой надежды". И все кинулись друг другу в объятия. А потом

— больной был еще жив — пили водку, возглашали тосты за его смерть, слушали похоронную музыку

— "чудную, божественную музыку, самую лучшую музыку на свете". И

вскоре дождались "того блаженного счастливого дня, когда готовы были пуститься в пляс под траурный марш Бетховена...".

Я уверен, что и этот рассказ — выдумка. Если на такой шабаш способен был сам Лев Эммануилович со своей супругой, естественно, за запертой дверью, то невозможно представить себе, чтобы на это открыто пошла целая группа заключенных в лагере. Невозможно хотя бы потому, что ведь кругом охрана, надзор. Я уж не говорю о том, какова была в те дни атмосфера во всей стране. А. Д. Сахаров тогда писал: "Я нахожусь под впечатлением смерти великого человека..."

Но в данном случае и не важно вовсе — выдумка или правда. Важно то, что этот детский писатель, дожив до глубокой старости, так и не понял простую вещь: человек всегда должен оставаться человеком.

Из всего сказанного сам напрашивается непустячный вопрос: можно ли с доверием относиться к показаниям свидетеля, который так легко обращается с фактами, столь бесцеремонно выгораживает своих и даже способен плясать на свежей могиле или теле умирающего?

Тем более к непустячному вопросу подводит и еще одна странность.

Выступая в суде, Л. Разгон гневно рисовал картину жуткой, мрачной рабской жизни, царившей в стране на протяжении всей советской истории. Но в книге "Непридуманное", на которую мы тут неоднократно ссылались, рассказывая о самых разных годах, он буквально захлебывается от радости советского бытия. Вот, например, о середине и конце двадцатых годов: "Я счастлив, удачлив, каждое утро

— праздник, каждый новый день — интереснее и лучше предыдущего"... О начале и середине тридцатых: "Квартира Москвина всегда была переполнена гостями. Какие они

были веселые, эти вечера на Спиридоновке!.." Действительно, один гость пел старинные песни, другой "рассказывал малопристойные смешные истории", третий читал стихи... Вино лилось рекой... Новый, 1937 год Разгон с женой встречали в Кремле у Осинских: "Не помню, чтобы какая-нибудь встреча Нового года была такой веселой". И то сказать, неподражаемо лицедействовал Ираклий Андроников, читая стихи, исполнял какую-то комическую ораторию Николай Олейников, а под управлением хозяина дома все пели "старые любимые наши песни". Словом, веселились до упада. И это несмотря на то, что полтора года назад, 8 августа 1935 года, академик В. В. Осинский был снят со своих высоких должностей — заместителя Председателя Госплана и начальника Центрального управления народнохозяйственного учета. Вот какой дух царил в обществе Л. Э. Разгона.

Но начался тридцать седьмой год. Кое-кого из знакомых Разгона арестовали, некоторых расстреляли. А что же он? "Не помню, происходили ли тогда у нас какие-то разговоры об этом с Москвиным. Кажется, нет. Жизнь текла по-старому. Жена выздоровела, и мы как-то лихорадочно наверстывали пропущенное: гости, застолье..."

Седьмого июня арестовали первого тестя — Бокия. Но и это не нарушило в жизни семьи Разгона ничего. По-прежнему "почти всегда гости", посещение театров. А четырнадцатого, вспоминает он, "была дивная ночь лета, мы шли домой, смеясь и дурачась", — торопились к банкетному застолью по случаю успешной премьеры в Вахтанговском с приятелем Володей в главной роли... Правда, автор уверяет, что таким способом мы-де "прятались от ужаса". Со всеми вместе в третьем ряду партера пряталась и родная дочь Бокия...

Стол дома был уже накрыт, но нагрянули сотрудники НКВД, чтобы арестовать Москвина. Увы, торжество сорвалось. Впрочем, даже в этой

обстановке Разгон успел пропустить "несколько рюмок коньяку", а его приятель Володя после того, как Москвина увели, допил-таки бутылку до дна...

Таков этот непостижимый мир, в котором жил и формировался Лев Разгон. Вполне закономерно, что он выступил в Конституционном Суде на стороне Ельцина, отстаивая его карательные указы. Как говорили древние римляне, скажи, кто твой бурбулис, и я скажу, кто ты.

Советская Россия. 1992. 25 августа

МУЗЫ ЛЖИ

Почти все было как у Ярослава Смелякова:

Одна младая поэтесса,
Живя в довольстве и красе,
Недавно одарила прессу
Полустишком-полуэссе...

Разница лишь та, что поэтесса Татьяна Кузовлева млада, но не очень, и прессу она одарила не полустишком, а трепом полусвета со всем известным Яковлевым А. Н.

Признаться, я думал, что его уже тут нет. Ну, допустим, укатил в Америку вслед за Коротичем, Шатровым да академиком Сагдеевым. Или, как Юрий Афанасьев, ушел в научное подполье, или просто, как сказал поэт, "скрылся, смердя впустую"... Но оказывается, я ошибся. "Архитектор перестройки" продолжает фигурировать, функционировать и фонтанировать: участвует в каких-то заседаниях, дает интервью, изрекает афоризмы, а недавно брагинское телевидение даже преподнесло его как "человека недели".

Между прочим, странно было видеть его в роли этого "человека". Такая глыба, такой матерый мыслитель, такой махровый интеллектуал, такой густопсовый либерал, и вдруг — "неделя". Горбачев — "лучший немец", нобелевский лауреат, Шеварднадзе — лауреат премии имени Канта, а ему — "человек недели". Ну не насмешка ли! Ведь он-то поколупал Отечество куда больше, чем эти кремлевские лоботрясы. Но и "недельному призу" почему-то рад, всю передачу только и твердил: я счастлив, очень счастлив, невероятно счастлив!.. Словно нашел средство против рака. Или добился прекращения междоусобных кровопролитий в стране. Или сумел остановить рост смертности среди соотечественников. Или удалось посадить на скамью подсудимых второго "лучшего немца" Полторанина, специалиста по детскому питанию Шумейко, завоевателя персональных дач генерала Грачева. Нет, он задыхается от счастья, что ему дали пятнадцать минут по первой программе телевидения.

Еще "человек недели" заявил, что теперь он никого и ничего не боится. Как тут не вспомнить разговор Хрущева с Эйзенхауэром. Айт спросил советского руководителя: боится ли он новой войны? "Нет, — ответил Хрущев, — нам ничего не страшно! Мы смело смотрим

вперед!" Собеседник же признался: "А я боюсь. У меня дети, внуки..."

Яковлев на экране был ужасно счастлив и ужасно смел. Как же не ликовать, если интервью берет не кто-нибудь, а живой член Союза писателей, поэтесса, хоть и не такая знаменитая, как Екатерина Шевелева, любимица Лубянки, но все же. Хоть интервью, увы, печатается не в "Комсомольской правде", не в "Известиях", а в новорожденном изданьице "Дело", имеющем всего 40 тысяч экземпляров, но зато с портретом и в одном номере с крупногабаритным философом Отто Лацисом, да еще под рубрикой "Политика и нравственность". А

Яковлев ничего так не обожает, как нравственность и этику, особливо партийную...

И смелость его нынешняя хорошо понятна. Действительно, квартирка политбюровская есть; в академики, хоть и всего четырьмя голосами, как знаменитый князь Дундук, прославленный Пушкиным, проник; обеспечен надежный пенсион, есть дачка в академическом поселке Жуковка; за границу, где водятся устрицы, доллары и марки, то и дело катает: в прошлом году был раз пятнадцать; книги его, одна умнее другой, лежат ворохами на всех перекрестках... Что такому человеку бояться развала страны? Чего ему не хватает? Разве только памятника при жизни. И плевать ему тогда на Нобелевскую и на премию Канта...

Но что же привлекло поэтессу к такой личности? Как это что, удивляется она, пожимая плечами посвежей, чем у Шевелевой. "Я с симпатией отношусь к этому человеку". Ну, понятно. Симпатия, как и любовь, зла... А что именно нравится? Во-первых, говорит поэтесса, "мне нравится его пронзительный насмешливый взгляд". Да, взгляд у него в самом деле, то как у змееволосой горгоны (под ним все живое обращается в камень), то как у козлобородого Нуйкина (все живое и мертвое обращается в пошлость). А еще что? А еще поэтессу восхищает его "крестьянское лицо". Ну прямо-таки как на полотнах Брейгеля Мужицкого. Правильно. Один знакомый писатель с таким вот лицом в студенческие годы играл у нас в драмкружке кулаков-мироедов с поразительным пониманием их психологии, незаменим был.

А что, кроме взгляда и лица? В-третьих, поэтессу прямо-таки бросает в жар — фу! фу! — от "природного ума этого человека и живости его реакции на окружающее". Да, живость реакции вне сомнения. Как бы без нее

он смог из рядового колхозника стать обитателем Кремля и лучшим идеологом всех времен и народов. Своей живостью Яковлев далеко превосходит даже таких живчиков, как Собчак, Попов, Старовойтова, такого суперживчика, как Волкогонов... Но что касается яковлевского ума, то здесь вопрос сложнее.

Даже в наблюдаемой телебеседе есть пассажи, не позволяющие поставить этот ум в один ряд хотя бы, допустим, с умом Жириновского. В самом деле, например, человеку было уж сорок пять, и он пятнадцать лет работал в ЦК, т. е. имел гораздо более обширную информацию обо всем на свете, чем кто бы то ни было, и тем не менее говорит: "Я полагал, что за границей (то бишь во всем белом свете. — *В. Б.)* нас уже так все (!) любят, так уважают, так ждут, что ну никак без нас не могут". Господи, это ж каким надо быть олухом, чтобы столько лет исповедовать такую блажь! Были же кризисные ситуации в ГДР, в Польше, был кровавый мятеж в Венгрии. Ну и что, говорит он, а "мне так внушили". Да кто ему, умнику, мог внушить, если он сам, руководя отделом пропаганды, денно и нощно только тем и занимался что внушал другим, всему народу.

Дальше еще интересней. Август 1968 года. Волнения в Чехословакии. На ее территорию введены войска стран Варшавского Договора. Направили туда и ответственного за идеологическое обеспечение чиновника ЦК Яковлева. "И вдруг, — говорит, — выхожу я из самолета и вижу..." Видит антисоветские и антирусские плакаты. "У меня словно бы в башке что-то взорвалось: как так?.. Это было огромным контрастом с тем, что мне внушили. Это было шоком". Поразительное признание. Представьте себе: человек попал на фронт и удивляется, что тут люди не цветочки в поле собирают, а палят друг в друга... И вот с такой-то взрывоопасной башкой он тридцать пять лет сидел на Старой площади и руководил духовной жизнью великой страны. Нет, Татьяна Кузовлева, никогда не поверю, что эта башка могла пленить вас, близко знающую Оскоцкого и Суровцева, Бурлацкого и Арбатова, как и многих иных мозговых светочей.

Но у поэтессы есть и другие доводы в пользу своего любимца: "Он,

проработавший долгие годы в ЦК, не стал для думающей интеллигенции ни партлицемером, ни партоборотнем, ни партхамом..." Разумеется, он и не мог стать таковым в глазах того, кто претерпел те же метаморфозы — вместе с ним и под его руководством
87
лицемерили и меняли кожу. Собеседница, например, спрашивает суперидеолога: "С чего началось ваше гражданское прозрение?" Он отвечает: "Мое гражданское прозрение началось как раз с Чехословакии". То есть с фугасного взрыва в голове на аэродроме. Но, вернувшись после прозрения в брежневский стан, из ЦК не ушел, от дачи и машины, от всяких там спецпайков не отказался, а продолжал карабкаться вверх и даже на пятом году прозрения все еще писал статьи и произносил речи, в которых внушал нам такой вот взгляд на советскую действительность вообще и на брежневскую пору в частности: "Общество развитого социализма решает проблемы, небывалые по своей новизне, размаху и характеру... Рабочий класс растет, развивается, повышает свою культуру" и т. д. И здесь процентов на 95 сущая правда. А теперь он говорит: "Семьдесят лет народ терпел унижение. Мы создали общество, враждебное человеку... Одна половина страны доносила на другую..." Тогда он, уже на шестом десятке жизни, внушал нам: "История человечества развивается в полном соответствии с объективными законами общественной жизни, открытыми великими учеными К. Марксом и Ф. Энгельсом". А теперь он внушает Кузовлевой: "Вот говорят, у нас была идеология марксизма. Да не было у нас даже такой идеологии". То есть даже такой убогой и захудалой. Лицемер? Ханжа? Оборотень? А кто же!

Возможно, кое с чем из этих моих доводов Т. Кузовлева согласится, но и наверняка возразит: "Позвольте, я еще сказала, что Александр Николаевич никогда не был партхамом!"

Ах, голубушка... Она уже и не помнит, кто первый в нынешние времена начал адресоваться к оппонентам вот с такими речениями: "низменные инстинкты... нравственная ущербность... духовное растление... распад личности... комплекс неполноценности..."

Неужели не вспомнила? Ну тогда продолжим: "подлые авантюристы... холопы застоя... политическая шпана... скотина..."

Таков любимец думающей интеллигенции Яковлев. И он, повторю, первый пустил все это в оборот со страниц "Литературной газеты" — органа думающей интеллигенции. А поскольку был тогда членом Политбюро, секретарем ЦК, то есть все основания назвать его суперпартхамом.

Я уверен, что Т. Кузовлева готова от лица думающей интеллигенции простить ему и это, ибо прежде всего поэтессу "привлекает его позиция порядочного человека".
88

Да, дескать, хамоват, но зато как правдив, самоотвержен. Вот он рассказывает, с чего начались его "реальные конфликты" с некоторыми писателями: "Когда я стал заведовать отделом пропаганды ЦК, то оказалось, что на 1986 год у Бондарева запланировано девять полных (!) собраний сочинений, у Белова и у Софронова — по семи. Я порекомендовал оставить каждому по одному, а высвободившуюся бумагу передать другим авторам. И — все. Тут же меня окрестили русофобом". И слышится мне голос Кузовлевой: "Какая смелость! Какая забота о расцвете литературы! И какая жуткая несправедливость к нему!"

А мне в ответ хочется сказать: "Думающая интеллигентка, задумайтесь на секунду: семь полных собраний сочинений, девять...

Знаете ли вы, что Талейран всегда советовал врать в нечетном числе: почему-то легче верят. Знаете ли вы, что за всю жизнь даже у генерального секретаря правления Союза писателей и члена ЦК А. А. Фадеева было только два собрания

сочинений, у председателя правления СП СССР Героя Труда Г. М. Маркова — одно, у председателя правления СП РСФСР Героя Труда С. В. Михалкова — два, у первого секретаря правления СП России Героя Труда Ю. В. Бондарева — два, у Героя Труда А. В. Софронова — два, у В. И. Белова — одно в трех томах. И выходили эти собрания с интервалом лет в десять, а то и больше. И ни одно не было полным. Человек с крестьянским лицом либо не понимает, что такое полное собрание сочинений, либо сознательно вешает лапшу на ушные раковины, откровенно издеваясь над всеми нами, сидящими у телевизора".

Прислушаемся еще к "порядочному человеку": "Я помню, как Бондарев подбивал меня сделать его председателем Союза писателей СССР. Ой, батюшки, у меня-де появился бы вечный союзник. Еле-еле удалось склонить Политбюро пойти на единственно возможный компромисс с литераторами — назначить им в начальники не его, а Владимира Карпова". У меня нет ныне желания защищать Бондарева, но, помилуйте, кто же не знает, что на заседании Политбюро 26 июня 1986 года, докладывая о ходе съезда писателей, Яковлев дважды выдвигал именно Бондарева, а не Карпова и решительно отверг сомнение, что Бондарева могут не избрать. А Карпов, судя по всему, оказался избран вопреки намерениям и желаниям Яковлева. Как видите, "порядочный человек" с истиной не церемонится.

Наконец, известно ли поэтессе, что Яковлев попал в русофобы вовсе не в 86-м году, а еще в 72-м, когда, будучи одним из руководителей отдела пропаганды ЦК, напечатал в "Литературной газете" малограмотную и злобную статью "Против антиисторизма". Поэтесса, возможно, вспылит: "Как! Он же сам сказал мне, что когда работал в ЦК, то "старался хотя бы не делать людям гадости". Окажись живы Твардовский и Симонов, они бы кое-что порассказали. О да, идеолог с крестьянским лицом прекрасно знает, что самые лучшие свидетели — покойники...

В помянутой выше статье завотделом ЦК обрушил потоки гадостей на десятки русских и зарубежных книг, журналов, газет, писателей, историков, философов. Больше всего досталось тогда русским литераторам, и не только современникам, поэту И. Кобзеву, критикам В. Кожинову, М. Лобанову и другим, но и Константину Леонтьеву и Василию Розанову. Не остались без оплеух и такие зарубежные авторы, как В. Зомбарт, Г. Маркузе, Ортега-и-Гассет, А. Тойнби... Позже, в 1989 году, Яковлев сам признавался, что авторов этих он не читал, а знал о них только по цитатам, списанным главным образом из книги собрата по ЦК Альберта Беляева "Идеологическая борьба и литература", вышедшей четырьмя изданиями (последнее — в 1988 году). Потом Беляев стал списывать у Яковлева. Так они и жили, так и строили социализм, воспитывали народ.

Симпатизирующая поэтесса вправе дознаться: почему же все-таки любимца, как он говорит, "окрестили русофобом" и даже направили экспедицию в его родную деревню, чтобы "проверить, не еврей ли я часом". Ну, разумеется, никто экспедицию не снаряжал, ибо нечего искать того, чего нет, всем же ясно: такие люди национальности не имеют. Во-вторых, окрестили его русофобом (и, как правильно он сказал, "хожу в русофобах до сих пор") хотя бы за одно только то, что в этой статье он со смаком припечатал русских цитатой: "жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы", и заявил, что так сказал о русских Чернышевский. Из этого можно уверенно заключить: не только Маркузе или Тойнби, но и Чернышевского наш многолетний учитель знал лишь по цитатам, ибо в противном случае ему было бы известно, что Н. Г. Чернышевский ничего подобного не говорил, что приведенные слова принадлежат одному герою его романа "Пролог". А писатель за героя даже перед Лубянкой не отвечает. Не таскали же туда Грибоедова за

афоризмы Скалозуба и Гоголя — за сентенции Ноздрева, даже Маяковского — за речи Победоносикова...

Тут, дабы прекратить разговор на неприятную тему, Кузовлева может парировать: "М... м... м... Но согласитесь все-таки — тонкое и точное замечание он мне высказал: "Как же некоторым хочется власти! Во всех группировках люди делятся на тех, кто мечтает о ней, и тех, кто к ней равнодушен". Не так ли?"

Я бы ответил: тех, кто мечтает о власти, ну и, конечно, почестях, славе, надо бы разделить на две группы. Одни всю жизнь так и остаются со своими мечтами. Я, например. Мечтал стать маршалом, а выше сержанта не поднялся. Грезил, скажем, креслом председателя Союза писателей, а дальше завотделом редакции журнала не пробился. Мечтал о Нобелевской премии тысяч в сто долларов, а получил премию "Советской России" в десять тысяч гайдаровских обморочных рублей... Но есть люди, которые не только мечтают, но получают все это или нечто равновеликое. Именно таков сам Яковлев.

Тридцать пять лет он шмыгал по коридорам ЦК, карабкался по его лестницам и добрался-таки до самой вершины! И посмотрите, какие после этого изысканные чувства обрела его когда-то простая душа рядового колхозника: "Меня спрашивают, почему я не даю отповеди Куняеву? Ну не могу я отвечать, как не могу отвечать Дорошенко — брезгливость мешает. Неохота связываться..." Ах, ах! У него ведь еще академический колпак на голове. Столь же благородную позицию занимает ныне Яковлев по отношению и к другим своим критикам: "Я думаю, что "День", героем которого я не перестаю быть, — довольно полезная газета. Она сама себя перед людьми обнажает и дискредитирует". Это говорит человек, обнаженный и дискредитированный еще двадцать лет тому назад, когда стриптиз был у нас еще под запретом.

Советская Россия. 1993. 14 августа

ОРФЕЙ В АДУ
"Да здравствует император!"

Во всей мировой литературе не было писателя, который так много и охотно, так вдохновенно и возвышенно говорил бы и писал о себе, как Александр Солженицын.

С кем он себя при этом только не сравнивает, кому только не уподобляет! То — титану Антею, сыну Посейдона, бога морей, и Геи, богини земли, побеждавшему всех противников, а то — храброму да ловкому царевичу Гвидону из пушкинской сказки. То пишет о себе как о библейском израильтянине Давиде, поразившем пращой гиганта Голиафа, а то — как о русском бунтаре Пугачеве. Или изображает себя бесстрашным героем вроде Зигфрида, что ли, сражающимся сегодня против Дракона, а завтра — против Левиафана... Очень нравится также Александру Исаевичу рисовать свои литературно-политические проказы в виде грандиозной кровавой сечи, где он — лихой рубака: "Я на коне, на скаку... Победительна была скачка моего коня... Рядом другие скачут лихо... Мы носились по полю боя, будто нас вдесятеро больше, чем на самом деле... Вокруг мечи блестят, звенят, идет бой, и в нашу пользу, и мы сминаем врага, идет бой при сочувствии целой планеты" и т. д. Что же это за сеча столь ужасная? Да, оказывается, что-то вроде заседания секретариата Союза писателей, на котором за чашкой чая обсуждался очередной полугениальный роман Солженицына.

Очень странно, что при такой великой любви к исторически-мифологическим самоуподоблениям замечательный автор ни разу не сравнил себя с Наполеоном. Хотя бы как молодой Маяковский. Ни разу! И вообще имя великого завоевателя

упоминается в его сочинениях, кажется, лишь единожды и очень странно: "Из-за полесских болот и лесов Наполеон не нашел Москвы..." Как это? Даже Гераклит Темный выражался ясней.

А между тем данные для сравнения есть. Ну как же! Оба завоевали почти весь мир, обоих выслали на чужбину, и тот и другой осуществили намерение вернуться на родину (правда, первый вопреки воле главы государства, второй — по любезному приглашению главы), тот и другой дважды женились, причем в первых браках детей не было, во вторых — сыновья, оба — мастера изрекать афоризмы. Например: "От великого до смешного — только шаг", "Главное — первым плюнуть" и т. д. Мало того, есть сходство и в атмосфере вокруг них, и в отношении к ним других людей. Приведу только один пример.

Когда в марте 1815 года Наполеон, объявленный Венским конгрессом врагом человечества, бежал на утлых суденышках с острова Эльба и с кучкой приверженцев

92

причалил к французскому берегу, парижские газеты объявили: "Корсиканское чудовище сорвалось с цепи и высадилось в бухте Жуан". Затем: "Людоед идет к Грассу"... "Узурпатор вошел в Гренобль"... Но по мере беспрепятственного продвижения людоеда на север и приближения к столице сообщения прессы приобретали совсем иной вид: "Бонапарт занял Лион"... "Наполеон приближается к Фонтенбло"... И наконец: "Сегодня его императорское величество прибудет в свой верный Париж". И ведь все это в одних и тех же газетах, при неизменном составе редакций, при том же редакторе.

Нечто похожее мы видим и вокруг Солженицына. Когда власть осудила его и выслала из страны, то многие газеты писали о нем так: "Антикоммунизм, изыскивая новые средства борьбы против марксистско-ленинского мировоззрения и социалистического строя, пытается гальванизировать идеологию "Вех", бердяевщину и другие разгромленные В. И. Лениным реакционные, националистические, религиозно-националистические концепции прошлого. Яркий пример тому — шумиха на Западе вокруг сочинений Солженицына, в особенности его романа "Август Четырнадцатого", "веховского" — по философским позициям и кадетского — по позициям политическим. Романа, навязывающего читателям отрицательное отношение к самой идее революции и социализма, чернящего русское освободительное движение и его идейно-нравственные ценности, идеализирующего жизнь, быт, нравы самодержавной России. Роман Солженицына — проявление открытой враждебности к идеям революции, социализма. Советским литераторам чуждо и противно поведение новоявленного веховца".

Чьим правдивым и бескорыстным пером это написано? Кто сей пламенный защитник идей революции, социализма, почитатель В. И. Ленина и столь же пламенный борец против бердяевщины да солженицынщины? Может быть, вы думаете, что это С. Залыгин, или А. Ананьев, или Волкогонов? Да, у них было нечто подобное, даже похлеще. Но на этот раз перед вами Александр Яковлев, академик, тот самый, что до семидесяти лет не мог шагу ступить без цитатки из Ленина или Брежнева, без регулярного битья себя в грудь и клятв верности марксизму.

Но вот Солженицын оставил штат Вермонт, 27 мая с кучкой приверженцев высадился во Владивостоке и начал поход на Москву. Конечно, нашлись газеты, которые злословили по этому поводу. Думаю, это будет еще

93

продолжаться. А уже позади и Грас, и Гренобль, и Тьмутаракань... "Все мосты, набережные, все улицы были полны людей — мужчин и женщин, стариков и детей, — рассказывает Флери де Шабулон, ехавший в свите за Наполеоном. —

Люди теснились к лошадям свиты, чтобы видеть его, слышать его, ближе рассмотреть, коснуться его одежды. Царило чистейшее безумие. Часами гремели непрерывные оглушительные крики: "Да здравствует император!" Как ни была велика самоуверенность Наполеона, но подобных неслыханных триумфов он все-таки не ожидал". Говорят, нечто подобное — ах, как жаль, что мы не видели этого! — творится вокруг Солженицына. Но он, в отличие от Бонапарта, не удивлен, именно этого и ожидал. Да не теперь только, а даже при его высылке в 1974 году. Почему, спрашивал он, отправили в Германию не поездом, а самолетом? Потому, что поездом было крайне рискованно: "Вдруг по дороге начнутся демонстрации, разные события..." Под событиями, судя по всему, он разумел такие вещи, как нападения демонстрантов на поезд, баррикады на железнодорожном пути, восстания воинских гарнизонов и т. п.

Но вот и Тьмутаракань позади. А что же Яковлев? Он встал и объявил на всю страну: "Когда Его величество враг социализма № 1 прибудет в столицу, верное ему "Останкино" предоставит сколько угодно времени для его выступлений. Да здравствует император!"

В связи со всем сказанным, в частности, чтобы понять, откуда в 1974 году взялись бы демонстранты, сооружающие баррикады, и кто в 1994 году кричит в Тетю-шах "Да здравствует император!", мне кажется, очень полезно вспомнить фильм С. Говорухина "Александр Солженицын", перенесший нас в помянутый штат Вермонт, где тогда писатель жил в своем поместье.

Лысые о долгогривых

Фильм вызвал много откликов в печати. Они весьма разноречивы, порой даже истребляют друг друга. Один говорит: "Событие!" Другой поддакивает, но уточняет: "Политическое событие". Третий тоже согласен, что событие, даже несмотря на "очевидные профессиональные провалы режиссера". Но четвертый отрицает трех первых: "Дурно использованная блистательная возможность". Еще решительнее пятый: "Солженицын — любо-

пытный персонаж, но огорчил тем, что некоторые его суждения тривиальны, а иные успели устареть даже за четыре месяца со времени съемок". А шестой уж просто желчен: "Стоило ли ездить в Вермонт, чтобы сводить счеты с "Московским комсомольцем"?" Таков и седьмой: "Говорухин из семейства Солженицыных..."

Как ни разительны расхождения критиков в оценках и суждениях, но в данном случае важнее и интереснее момент общности — то, в чем они близки, похожи. Ну, прежде всего, разумеется, в своих эпитетах и восторгах по адресу самого писателя. Например, вот "известинский" международник С. Кондрашов: "Властитель дум, неподкупная совесть наша... Великий человек-объединитель... Единственный в своем роде великий соотечественник... Один только и остался... Один остался, как и был... Один, Господи..." Б. Любимов из "Литгазеты": "Поразительность и уникальность Солженицына... Огромная фигура... Огромная личность... Огромная воля... Те, кто называет себя патриотами, и те, кто называет себя демократами, не любят народ. А Солженицын любит..." Рано облысевший от избытка ума Л. Аннинский в "Московских новостях": "Классик: бородища, длинные волосы, под глазами тяжелые складки... Великий Отшельник... Величие, очерченное молчанием... Наполняет мою душу трепетом сочувствия и болью восторга... Не учит, не пророчит

— страдает. Как все". Кто-то выразился даже так: "Мне посчастливилось жить в одно время с ним". Прекрасно! Это нам с детства знакомо.

Идет необъявленное состязание. Если один говорит, что солженицынский

"Март 1917 года" — "самое значительное, что вообще написано во второй половине XX века", то другой тут же перебивает, поправляет: "Александр Исаевич

— самая значительная фигура не только русской литературы, но и **всего** общественного движения **всего** XX века". Третий, отбросив прочь всякую осмотрительность, бесстрашно молвит: "Не боюсь повториться: ярчайшая личность столетия..." Один с ревнивым раздражением спрашивает: "Интересно, почему Солженицын в кадре называет жену по имени и отчеству, а Говорухин — только по имени?" Другой едва сдерживает негодование при виде того — какое амикошонство в таком Доме! — что режиссер смеет "сидеть, когда жена писателя стоит", да еще поворачивается спиной к его любимой теще Екатерине Фердинандовне Светловой.

А какие нежные чувства выражены в связи с тем, что в Доме писателя "тесноватая кухонька и никакой прислу-

95

ги", а "на скромном столе — пасхальный куличик". В кабинете же — никакой оргтехники и даже книжные полки кажутся самодельными". Правда, в углу стоит какой-то мощный черный агрегат, без которого, по признанию писателя, он не мог бы работать, но что такое один агрегат на три дома и 25 гектаров леса! И какого леса... В протекающей по нему речушке водится форель, в чащобе бродят рыси, волки. Для обозрения и учета всего этого надо бы иметь в поместье двадцать подобных агрегатов...

Однажды сидел Великий Отшельник под сосной за столиком, работал. Вдруг — два здоровенных волка! Подошли, заглянули в рукопись: "Красное колесо"... Понюхали и рукопись и Отшельника, перемолвились о чем-то на своем языке, усмехнулись и двинули дальше. Может быть, искать Говорухина... он помоложе... Господи, страх-то какой!.. Л. Аннинский указывает, что это были волки, "следовавшие (!) из Канады в Штаты". Все-то они, критики "Московских новостей", знают.

Свою безмерную нежность и благоговение авторы рецензий изливали не только на великого писателя, на его большой дом с кухонькой и кабинетиком, но и на все великое поместье. Как уверяет тот же Л. Аннинский, помещик постарался, чтобы тут каждый кустик напоминал ему Россию. Ну, чтобы, как вышел на крылечко, тут же на тебе — "модель России"! А. Латынина, естественно, тотчас конкретизирует: как у Пушкина в Михайловском, как у Толстого в Ясной, как у Тургенева в Спасском... Толстой говорил: "Без Ясной Поляны я не могу представить свое отношение к России". Видимо, и Солженицын имеет право сказать: "Без Уинди Хилл Роуд, штат Вермонт, я не могу..."

Победил ли баловень оперчасти и КГБ, и пространство, и время?

Читатель, надо полагать, видит, что в своих восторгах и похвалах некоторые критики как бы сходят с колеи. Бесполезно корить за это людей, столь трепетно любящих великого писателя, но иногда в их речениях не все ясно, и тут нельзя не призадуматься. Так, Б. Любимов решительно заявляет, что герой фильма "абсолютно преодолел свой возраст". Как это понимать? Что значит абсолютно? Обрел бессмертие, что ли? В другом месте,

96

восхищаясь волей писателя, критик называет ее сметающей все препятствия, побеждающей все — болезнь, ГУЛАГ, КГБ, пространство, время". Ну, болезнь благодаря своевременной, высококвалифицированной и абсолютно бесплатной помощи наших врачей, советской медицины действительно победил. А ГУЛАГ? Его посадили, и он не добивался оправдания, не бежал, не устраивал там бунт, а

смирно, без единого карцера отсидел весь срок и был выпущен. В чем же тут победа?

А в чем победа над КГБ? Ведь, как известно, Великий Отшельник в первый же год своего заключения был завербован в тайные осведомители лагерной администрации, в сексоты. И прилежно исполнял обязанности.

Что касается объявления о том, будто он победил также пространство и время, то это, конечно, очень красиво сказано, почти так же красиво, как в знаменитом марше "Веселые ребята" В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского. Помните?

Мы покоряем пространство и время.
Мы — молодые хозяева земли!

Но тут все понятно и правильно. Песня появилась в 1934 году. Тогда, строя шоссейные и железные дороги (Турксиб, например, в полторы тысячи километров), прокладывая невиданные авиамаршруты, устремляясь в невероятные высоты стратосферы (полет Федосеенко, Васенко и Усыскина), мы действительно покорили пространство. Тогда, в кратчайшие исторические сроки выводя страну в ряд мощнейших держав мира, мы действительно покорили время... А Солженицын? Неужели о человеке, который по купленному билету переезжает или перелетает из страны в страну согласно существующему расписанию, можно сказать, что он — победитель пространства и времени?

Конфуций и легенда о сиротских штанах

Да, кое-что в комплиментах критиков не совсем ясно, однако их трепет и восторг не подлежат сомнению, они — высшего качества! Именно эти люди под водительством молодого Говорухина пошли бы в 74-м на баррикады, а ныне на старости лет шамкают: "Да здравствует император!"
97

Тем более странно, что иные из них обнаруживают явно недостаточную осведомленность о жизни своего кумира. Допустим, Л. Аннинский пишет о его "рязанском заточении". Какое заточение? Александр Исаевич прожил в Рязани почти пятнадцать лет, и, пожалуй, это была самая отрадная пора его бурной жизни. И то сказать, человек вернулся из неволи к любимой жене. Она, правда, незадолго до этого вышла за другого, но вернувшийся быстро добивается восстановления прежнего статуса-кво. Поселяется в весьма неплохой по тем временам отдельной квартире. Жена — кандидат наук, доцент, зав. кафедрой в институте, получает хорошую зарплату, подрабатывает переводами. Это дает любимому мужу возможность лишь минимально, всего на шестьдесят рублей, загружать себя преподавательской работой в техникуме, остальное время — рукописям, литературе. По выходным дням музицирование, лыжные и велосипедные прогулки. Во время отпуска — путешествие по всей стране: от Прибалтики до Байкала, от Ленинграда до Крыма и Кавказа, поездки по Волге и Оке, по Днепру и Каме, по Белой и Енисею. Наконец, живя именно в Рязани, Солженицын обрел литературную известность. Послал бы мне Бог всю жизнь такое заточение...

Кстати сказать, появившись со своим "Иваном Денисовичем" в "Новом мире", Солженицын, как вспоминает В. Лакшин, не замедлил известить сотрудников журнала, что жалованье у него шестьдесят рэ. Новомирские сердцеведы закачали головой, запричитали: "Ах, вот оно что! Какова жизнь-то, оказывается. А мы-то думали!" И никто не догадался спросить: "Как это вы на шестьдесят рублей сумели с палубы теплохода-красавца Енисеем полюбоваться? Ведь, поди, еще и

жена на вашем иждивении?"

Удивляет у Л. Аннинского и то, что он именует героя фильма Великим Изгнанником. Ну да, был изгнанником, но ведь давно и судимость сняли, и гражданство с извинениями вернули, и КГБ, возвращая какие-то разысканные в архиве бумаги его, готово было наградить значком "Почетный чекист", и романы чуть не во всех журналах распечатали, и многотомники космическими тиражами шарахнули, и высшую литературную премию присудили, и "Литгазета" устраивает вселенский семинар "Год Солженицына", и недавний замзав отделом культуры ЦК А. Беляев печатает в "Советской культуре" статью "Конфуций и Солженицын", и сама "Правда" бежит на

98

полусогнутых к ручке с прелестной статьей "Один день Александра Исаевича". Еще и фильмы о нем крутят, и критики скопом млеют, а глава российского правительства Иван Силаев отбил безграмотную, но пламенную телеграммку, суть которой в мольбе: "Вернись, я все прощу!" И сам Всенародный, прилетев в США, первым делом звонит Великому Отшельнику и тоже, судя по всему, уговаривает вернуться... Ну, где, когда, с кем вот так же цацкались власти, кого с таким остервенением ублажали и заманивали? Ни Овидия — молдавского изгнанника, ни Вольтера — фернейского отшельника, ни Бунина — нашего изгоя... Есть только одна аналогия: 1928 год, Максим Горький. Да и то, куда там! С Конфуцием не сопоставляли, Рыков телеграмму на Капри не слал...

Критики верно отмечают, что о герое фильма пущено гулять множество легенд и мифов, но, к сожалению, и режиссер, и сами они, как видим, не только не устраняют их, но даже творят новые. Так, С. Говорухин, заявивший, что намерен "открыть" нам Солженицына, говорит, что Солженицын был освобожден 5 марта 1953 года — именно в день смерти И. В. Сталина. Ах, как многозначительно, до чего символично! Но на самом деле это произошло на целый месяц раньше. Или вот Г. Меликянц из "Известий" (туда просочился самый мощный отряд мифотворцев) уверяет, что мы видим в фильме "сироту, выбившегося в сталинские стипендиаты". А Говорухин говорит с экрана: детство героя было таким бедным, что, залив однажды свои штанишки чернилами, мальчик так и проходил в них пять лет — то ли с первого класса по шестой, то ли с пятого по десятый. И вот вам уже готова "Легенда о сиротских штанах Великого Отшельника". И разве не диво, что творцы легенды не задались при этом простейшим вопросом: можно ли на попку шестиклассника натянуть штаны с попки первоклассника, тем более — на семнадцатилетний зад с попки пятиклассника?

Кроме того, есть и другие обстоятельства, заставляющие сомневаться в правдивости "Легенды о штанах". Дело в том, что мать героя была не только деятельной, сноровистой женщиной, но и очень квалифицированной стенографисткой. В крупном городе, каким и тогда был Ростов, работы у нее хватало. Да и много ли надо на семью в два человека. Во всяком случае она имела, например, возможность купить сыну велосипед, что по

99

тем временам, право же, почти равнялось приобретению "Жигулей" до Великой Преображенской революции 1991 года. А во время летних каникул Саня не устраивался куда-нибудь подработать, как многие его сверстники в те годы, он отправлялся в приятной компании путешествовать по Военно-Грузинской дороге, по Крыму, по Украине.

Орфей в **аду с Эвридикой и без**

Гораздо шире, чем "Легенда о штанах", распространена легенда о том, что

герой фильма "закалился в адском пламени XX века" (К. Кедров). Тут обычно имеются в виду главным образом два обстоятельства: "он прошел сквозь ад второй мировой войны" и "он прошел сквозь ад сталинских лагерей".

Ну, правильно, два ада. Взять первый из них. Было время, когда и сам Александр Исаевич уверял нас, что прошел все круги этого ада. Так, в письме IV Всесоюзному съезду писателей, что состоялся в мае 1967 года, он именовал себя "всю войну провоевавшим командиром батареи". После писал в "Архипелаге": "Я и мои сверстники воевали четыре года..." "Четыре года моей войны..." и т. п. И вот такую картину своего четырехлетнего ада рисовал: "Мы месили глину плацдармов, корчились в снарядных воронках... Господи! Под снарядами и бомбами я просил тебя сохранить мне жизнь..." "...11 июля 1943 года. Еще в темноте, в траншее одна банка американской тушенки на восьмерых и — ура! За Родину! За Сталина!" и т. д.

Тут уж кое-кто не выдержал и довольно внятно сказал: "Уважаемый, и вся-то война четырех лет не длилась, а уж ваше участие в ней... Вспомните-ка..." Тогда он стал давать несколько иные, смягченные версии своего героического военного прошлого. Так, в автобиографии, написанной для Нобелевского комитета, читаем: "С начала войны из-за ограничений по здоровью я попал ездовым обоза и в нем провел зиму 1941/42 года, потом был переведен в артиллерийское училище и кончил его к ноябрю 42-го года. С этого момента был назначен командиром разведывательной артиллерийской батареи. и в этой должности непрерывно провоевал, не уходя с передовой, до моего ареста в феврале 1945 года".

Как видим, теперь получалось, что воевал Солженицын не "четыре года", не "всю войну", а лишь с ноября

1942 года. Именно о сорок втором годе говорит в фильме Говорухин, но, как уточнила Н. Решетовская, его первая жена, на фронте Александр Исаевич оказался лишь в мае 1943 года, когда в войне произошел перелом, наша армия перешла в решительное наступление, и победа, окончание войны стали вопросом только времени. О, это была уже другая война!.. А двух самых страшных лет военного ада с его отступлениями и котлами, горечью и отчаянием он не изведал. Не знал он, арестованный и отправленный в Москву 9 февраля 1945 года, и таких трудных, кровавых дел, как взятие Кенигсберга или Берлина, освобождение Будапешта или Праги. Так что если подсчитать, то получится, что прошел он не весь военный ад, а лишь 0,45 ада.

И ведь странный это был ад... Солженицын пишет, что утром 11 июля сорок третьего года, съев банку тушенки на восьмерых, голодный, невыспавшийся, он бросился из траншеи с винтовкой наперевес в атаку. А вот что сообщал в письме его жене Наталье Решетовской друг юности Николай Виткевич, побывавший у него в части именно в эти июльские дни: "Прокалякали ночь напролет... Саня за это время сильно поправился. Все пишет разные турусы на колесах и рассылает на рецензии". Действительно, корчась в снарядных воронках, Солженицын написал ворох рассказов, стихов. В то же время обдумывает серию романов, которую заранее озаглавил в директивном духе: "Люби революцию!" Потом сей грандиозный замысел преобразился в те самые турусы на красных колесах, которые теперь известны. Кроме того, в траншее он много читает: "Жизнь Матвея Кожемякина" Горького, книгу об академике Павлове, следит даже за журнальными новинками, прочитал, например, в "Новом мире" пьесу "Глубокая разведка" А. Крона и т. д. А в мае 1944 года он проделал такую ошеломительную операцию. Получил честь честью оформленные, со всеми необходимыми подписями и печатями фальшивые документы — красноармейскую книжку и отпускное свидетельство на имя своей жены, — а также необходимое женское обмундирование, и со всем этим направил сержанта своей батареи в Ростов: он

должен привезти оттуда своему командиру жену. Порученец успешно справился с важным оперативным заданием: за две тысячи верст, через полстраны, жена Солженицына была доставлена прямо в окоп! Словом, оказавшись в аду и не найдя там
101
Эвридики, Орфей решил выписать ее себе из Ростова. И вот она сама явилась к нему в ад.

Потом она вспоминала: "Немного побездельничав, я начала знакомиться с работой... Понять оказалось легко... В свободные часы мы с Саней гуляли, разговаривали, читали. Муж научил меня стрелять из пистолета. Я стала переписывать Санины вещи". Кроме того, они фотографировались. Фигурировать перед объективом — вечная страсть Александра Исаевича. Ну, все это, естественно, в редкие минуты, когда не было бомбежек и обстрелов, а Саня был свободен от обязанности бежать в штыковую атаку. И живет она в окопе не день-другой, а несколько недель. Муж хотел оставить ее при себе до конца войны, но как на грех назначили нового командира дивизиона, а тот не терпел баб с погонами, тем более — с фальшивыми. Пришлось расстаться... Вот такой кромешный ад. С ворохами писем, рукописей, рецензий, а иногда и с женой-переписчицей под боком.

Впрочем, это не помешало герою после войны бросить язвительный укор своему бывшему другу Кириллу Симоняну, хирургу фронтового госпиталя, к которому тоже приезжала жена: "Что же это за госпиталь такой фронтовой, где постоянно находилась и гражданская Лида?" И ведь в голову человеку не приходит, что могут и его спросить: "Что же это за передовая такая, что за траншеи и воронки, где вольготно гостевала будто бы военная Наташа?"

Тут пора, наконец, сказать, что же это за батарея, которой командовал Солженицын. Вначале он просто говорил: "батарея". И все думали, естественно, что речь идет об огневой батарее, о пушках, ведущих смертоносный огонь по врагу. И только в 1970 году уточнил: "разведывательная батарея". Еще через десять лет выдавил из себя: "Конечно, при всех случаях разведбатарея

— это не пехота". И впрямь, уж такая не пехота... Герой фильма командовал или, лучше сказать, руководил батареей, оснащенной не орудиями, как батарея, которой командовал в 1855 году поручик Толстой при обороне Севастополя, а звукометрическими станциями СЧЗМ-36. Условия этой службы, как показано выше, были таковы, что выскакивать из траншеи и кричать "За Родину! За Сталина" муж Решетовской мог только в сугубо патриотических снах.
102

"Шурочка выглядит замечательно..."

Может быть, совсем иначе обстоит дело со вторым адом, который прошел герой фильма, — с лагерным? Конечно, в лагере при всех условиях — это не у тещи на блинах, но в то же время все относительно, и только в сравнении открывается истина. Солженицына постоянно наперебой сопоставляют то с Толстым, то с Достоевским, то с обоими сразу. Вот и сейчас бакалавр искусств Константин Кедров уверяет: "Душа Достоевского и Толстого как бы продолжила свою жизнь в судьбе Солженицына". Прекрасно! Только заметим, что у Достоевского была своя душа, а у Толстого — своя. Одной на двоих им никак бы не обойтись. Дальше: "Солженицын, как до него Толстой и Достоевский..." и т. д. Замечательно! Однако, странное дело, после таких авансов почему-то мало конкретных сопоставлений, в частности, бакалавры совершенно обходят молчанием, не хотят сопоставить тюремные страницы биографии Достоевского и нашего знаменитого современника. А ведь тут можно увидеть много интересного.

Для бакалавров искусств, видимо, это будет большой новостью, но факт

остается фактом: Солженицын порой говорит с большим раздражением о Достоевском вообще и особенно — о его "Записках из Мертвого дома". Никакая, мол, это не каторга по сравнению с тем, что пережил я. Уверяет, что цензура не хотела пропускать "Записки", опасаясь, что "легкость изображенной там жизни не будет удерживать от преступлений, и потребовала дополнить книгу новыми страницами". Это далеко от истины. Цензору барону Н. В. Медему действительно померещилась легкость, но в Главном управлении с ним не согласились, и книга вышла в свет безо всяких дополнительных страниц. Но вот нашелся защитник барона. С присущим только ему напором и дотошностью он перебирает пункт за пунктом едва ли не все обстоятельства ареста и условий каторжной жизни Достоевского и постоянно твердит одно: насколько мне было тяжелее! Что же, приглядимся кое к чему и мы...

Достоевского арестовали 23 апреля 1849 года, ему шел 28-й год. Солженицына — 9 февраля 1945 года, ему шел 27-й год. Первого арестовали по доносу, он знал имя доносчика: Антонелли, и, естественно, досадовал на свою оплошность, терзался тем, что доверился предателю. Второму пенять было не на кого: с помощью провоциру-

ющих писем знакомым он посадил себя сам, и не только не мучился несправедливостью, но считал это закономерным и даже говорил следователю И. И. Езепову, что рад аресту в начале 1945 года, а не в 1948-м или 1950-м, "ибо не знает, на какую глубину залез бы в статью 58-ю в обстановке столичной жизни". Словом, спасибо вам, благодетели, — от какой беды уберегли!

В момент ареста Достоевский уже был известным литератором. О его первой повести "Бедные люди" сам Белинский писал как о выдающемся произведении. Молодой писатель напряженно работает, он полон грандиозных замыслов. И вдруг — все обрывается... Конечно, такая перемена была для него ужасна.

А Солженицын? Делал только первые попытки литературной работы, никому не ведом. Понимая закономерность своего ареста, он признавал: "У меня был, наверно, самый легкий вид ареста, какой только можно себе представить. Он не вырвал меня из объятий близких, не оторвал от дорогой нам домашней жизни... Лишил только привычного дивизиона да картины трех последних месяцев войны". Все это так, но, кроме того, арест и отправка в Москву "лишили" созерцателя "картины войны" еще и опасности быть убитым, которая не висела над Достоевским. Словом, если у одного действительно был самый легкий, возможно, и спасительный арест, то у другого — самый тяжелый.

За арестом — приговор. Достоевскому на Семеновском плацу объявили, что он приговорен к смертной казни. И только после жуткой психической экзекуции он услышал новый приговор: четыре года каторги. Ничего подобного этим десяти минутам ожидания смерти Солженицын не пережил, он с самого начала твердо был уверен: больше десяти лет ему не грозит, а получил меньше.

Они оказались в неволе почти ровесниками, но здоровье у них разное. У Достоевского развилась, осложнилась эпилепсия, приобрел еще и ревматизм. Вместе с горьким сознанием того, сколь резко оборвалась и круто повернулась блистательно начатая жизнь, болезни, конечно же, сказывались на общем состоянии писателя, на его внешности, на манере держаться.

П. К. Мартьянов, знавший Достоевского по каторге, вспоминал: "Его бледное, испитое, землистое лицо, испещренное темно-красными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой, а рот открывался только для отрывис-

тых и коротких ответов по делу. Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял наперед и глаза опускал в землю". Какой поистине каторжный портрет!

Совсем иной человеческий облик запечатлен теми, кто знал в годы его неволи Солженицына. Так, В. Н. Туркина, родственница Н. А. Решетовской, написала ей из Москвы в Ростов, когда он находился на Краснопресненской пересылке: "Шурочку видела. Она (!) возвращалась со своими подругами с разгрузки дров на Москве-реке. Выглядит замечательно, загорелая, бодрая, веселая, смеется, рот до ушей, зубы так и сверкают. Настроение у нее хорошее". Право, сдается, что не столько ради конспирации (уж очень наивен прием!), сколько для более полной передачи облика человека, пышущего здоровьем и довольством, автор письма преобразил Александра Исаевича в молодую девушку.

Позднейшие портреты Шурочки, опираясь на его собственные письма, рисует сама Решетовская. Летом 1950 года Шурочку везут в Экибастуз: "В арестантских вагонах, вообще во всей этой обстановке он чувствует себя легко и привычно, выглядит хорошо, полон сил и очень доволен последними тремя годами своей жизни". Шурочка на новом месте: "И не болеет, и выглядит ничего. Заверяет, что отнюдь не находится в унынии. Дух его бодр". Еще позже: "Лицо у Сани худое, но свежее и с румянцем". Столь радужная картина вполне понятна: человек избегнул опасности смерти на фронте, весь срок заключения оставался совершенно здоровым и только в самом конце, в январе 1952 года, заболел, сделал операцию, вскоре после которой пишет, что "выглядит хорошо, чувствует себя крепко".

Еще одна легенда о штанах

А каковы были у того и у другого условия заключения, ну, допустим, жилья? Достоевский сразу был брошен в самое страшное узилище Петропавловской крепости — в одиночный каменный мешок Алексеевского равелина, с его холодом и сыростью, темнотой и грязью, и пробыл там восемь месяцев, вполне достаточных для ревматизма. Потом из промозглого мешка попал в камеру омского острога, где и оставался до конца срока: "Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещен-

ная сальными свечами, с тяжелым удушливым запахом. Не понимаю, как я выжил в ней... На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось человек тридцать... Ночью наступает нестерпимый жар и духота. Арестанты мечутся на нарах всю ночь, блохи кишат мириадами..."

Солженицын много пишет о тесноте камер, о их грязи, холоде, духоте, но сам он не разделял общей судьбы арестантов. Вот его первое жилище на Лубянке: "К нам добавили шестого заключенного и перевели полным составом в красавицу 53-ю. Это — дворцовый покой! Высота пять метров. А окна!" Возможно, тут есть ирония, ибо тюрьма — это в любом случае тюрьма, неволя. Но ты хоть наизнанку вывернись со своей иронией, а свет и простор лучше, чем полумрак и смрад, шесть человек

— это в пять раз меньше, чем тридцать, пружинная кровать с матрацем (а дальше он говорит и об этом) несколько удобнее, чем три голых доски на нарах, чистое белье предпочтительнее полчищ блох. Даже в Экибастузском особлагере герой фильма жил в отдельной комнате всего с тремя соседями и спал не на общих нарах вповал, а на кроватке с матрасиком, подушечкой, одеяльцем. Вот не знаем, как насчет пододеяльничка...

Не найдя возможности укорить Достоевского легкостью его каторги через жилье, Солженицын пытается наверстать это, обратясь к другим сторонам быта

— к арестантской одежде, обуви. В "Записках" есть фраза: "Летом все ходили, по положению, в полотняных белых куртках и панталонах". Наш герой потешается: "Белые куртки и штаны! — ну, куда уж дальше?" Достославный

Остап Бендер тоже считал белые панталоны символом счастья и благоденствия, он был уверен, что в Рио-де-Жанейро, городе его мечты, все ходят именно в белых панталонах. Но ему простительно не знать, что во времена Достоевского солдаты даже в бой ходили в белых штанах.

В вопросе об обуви Солженицын уличает сразу трех авторов: "Ни Достоевский, ни Чехов, ни Якубович не говорят нам, что было у арестантов на ногах. Да уж обуты, иначе бы написали". Загадочно, каким образом читал он чеховский "Остров Сахалин". Там много раз и весьма обстоятельно говорится об обуви. Например: "Мы входим в небольшую комнату, где размещается человек двадцать... Оборванные, немытые, в кандалах, в безобразной обуви, перетянутой тряпками и веревками;

106

одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, начинает зарастать". А какую обувь носил в лагере герой фильма? Молчит. Ни слова. Да уж обут был, иначе б написал.

Молчит Солженицын, но уж совсем по другой причине, и еще кое о чем, например, о таких "реалиях" каторги, как арестантские кандалы. Достоевский был закован еще в Петербурге. В остроге он подлежал "перековке", т. е. смене неформенных кольчатых кандалов, звавшихся "мелкозвоном", на форменные, которые были приспособлены к работе и "состояли не из колец, а из четырех прутьев, почти в палец толщиной, соединенных между собой тремя кольцами. Их должно было надевать под панталоны". Под те самые, белые...

Но, может быть, герою фильма и без кандалов тяжелее, чем иному с кандалами? Может, его то и дело наказывали, сажали в карцер? О, нет! Лишь один-единственный раз хотели за что-то посадить в карцер, — "я не дождался очереди". Другие, увы, дожидались, да еще как! А он и тут не отведал от общей чаши.

Пролетарский стаж голосистого Орфея

О жизни в неволе очень много говорит работа, которую приходится выполнять, ее условия. В 1970 году в биографии для Нобелевского комитета герой фильма писал о своих лагерных годах: "Работал чернорабочим, каменщиком, литейщиком". А через пять лет, выступая перед большим собранием представителей американских профсоюзов в Вашингтоне, начал свою речь страстным обращением: "Братья! Братья по труду!" И опять представился как истый троекратный пролетарий: "Я, проработавший в жизни немало лет каменщиком, литейщиком, чернорабочим..." Немало лет! Американцы слушали голосистого пролетария затаив дыхание. Уж это ли не кошмар — быть на каторге чернорабочим! То есть толкать тачки, дробить камни, валить лес. Именно этим занимался в лагере, например, Николай Виткевич, подельник Солженицына, получивший десять лет.

Приобщение Александра Исаевича к облагораживающему физическому труду произошло в самом конце июля 1945 года, на исходе двадцать седьмого года его жизни. Пребывая после вынесения приговора на Краснопресненском пересыльном пункте, он начал ходить на одну из

107

пристаней Москвы-реки разгружать лес. Достоевский пишет: "Каторжная работа несравненно мучительнее всякой вольной именно тем, что вынужденная". Солженицына никто здесь не вынуждал, он признает: "Мы ходили на работу добровольно". Более того, "с удовольствием ходили". И то сказать, чего здоровому парню в летнюю пору сидеть в бараке. Молодой организм требовал движения, так что приведенный выше портрет "Шурочки" вполне достоверен.

И вот при всей несомненной пользе, даже удовольствии, у будущего нобелиата и учителя нашего при первой же встрече с физическим трудом проявилась черта, которая будет сопровождать его весь срок заключения: жажда во что бы то ни стало получить начальственную или какую иную должностишку подальше от физической работы, дистанцироваться от нее, как любит говорить обожающий Солженицына экс-президент Горбачев. Когда там, на пристани, нарядчик пошел вдоль строя заключенных выбрать бригадиров, сердце Александра Исаевича, по его признанию, "рвалось из-под гимнастерки: меня! меня! меня назначь!"... Но пребывание на пересылке оказалось коротким и дает возможность зачислить в его трудовой стаж пролетария лишь две недели.

Затем — Ново-Иерусалимский лагерь. Это кирпичный завод. Какое совпадение! Ведь у Достоевского в "Записках из Мертвого дома" тоже кирпичный завод... Застегнув на все пуговицы гимнастерку и выпятив грудь, рассказывает герой, явился он в директорский кабинет. "Офицер? — сразу заметил директор. — Чем командовал?" — "Артиллерийским дивизионом!" (соврал на ходу, батареи мне показалось мало). — "Хорошо. Будете сменным мастером глиняного карьера".

Так добыта первая непыльная должностишка. Под началом у лжекомдива оказалось человек двадцать. Существо книжное, жизни не знающее, он, конечно, не мог завоевать уважения у людей, которые кое-что повидали. "Мастер" не знал даже, как лопату наточить. Все смеялись, конечно. Издевки сбили с "комдива" рвение да спесь и довели до того, что он стал избегать своих обязанностей, еще недавно столь желанных. Достоевский в "Записках" говорит: "Отдельно стоять, когда все работают, как-то совестно". Солженицын же, без малейшего оттенка этого чувства, признается, что, когда все работали, он "тихо отходил от своих подчиненных за высокие кучи отваленного грунта, садился на землю и замирал".
108
Вот уж, признаться, и не знаем, можно ли это тихое сидение за кучами зачислить в пролетарский стаж.

Однажды, выйдя из-за кучи, захотел себя показать: решил заставить трудиться вновь прибывшую группу блатных. Те послали его куда подальше. Он за этим буесловием тотчас увидел реальную готовность "сунуть нож меж ребер". Струсил и отступил. И спешит порадовать своей предусмотрительностью нас и потомков: "Только благодаря этому я и могу сегодня писать "Архипелаг". Мерси...

Не в силах больше оставаться посмешищем заключенных, "комдив" мечтает о другой должностишке, но чтобы опять не слишком пыльной. Узнал, что освободилось место счетовода. Умоляет начальство: "Я — хороший математик, быстро считаю. Возьмите меня". Увы, номер не проходит. А должность мастера карьера вскоре ликвидировали. И тут пришлось попавшему под сокращение "комдиву" еще раз приобщиться к физическому труду — взять лопаточку и пойти копать глину, как Достоевский. Копал целую неделю. Было две недели на разгрузке, теперь одна с лопатой. А ведь он уверял нас: "Ты дашь дубаря на общих работах через две недели". Вот целых три проработал, а ничего, еще жив пролетарий. Как пишет Решетовская, цитируя его письма, последние несколько дней на кирпичном заводе муж работал на разных работах, но метил опять попасть "на какое-нибудь "канцелярское местечко". Замечательно было бы, если бы удалось".

Мечту сумел осуществить в новом лагере на Большой Калужской, куда его перевели 4 сентября 1945 года. Здесь еще на вахте он заявил, что по профессии нормировщик. Ему опять поверили, и благодаря выражению его лица "с прямодышащей готовностью тянуть службу" назначили, как пишет, "не нормировщиком, нет, хватай выше! — заведующим производством, т. е. старше

нарядчика и всех бригадиров"!

Увы, на этой высокой должности энергичный соискатель продержался недолго. Но дела опять не так уж плохи: "Послали меня не землекопом, а в бригаду маляров". Однако вскоре убеждается, что эта работа легка лишь на первый взгляд, и снова хочет чего-то другого. Не раз, говорит, мечтал объявить себя фельдшером, но, к счастью для всех, не решился. Вдруг освободилось место помощника нормировщика. "Не теряя времени, я на другое же утро устроился помощником нормиров-

109

щика, так и не научившись малярному делу". Трудна ли была новая работа? Читаем: "Нормированию я не учился, а только умножал и делил в свое удовольствие. У меня бывал и повод пойти бродить по строительству, и время посидеть". Словом, и тут работка была не бей лежачего. Потом поработал на этом строительстве еще и паркетчиком.

В лагере на Калужской наш герой находился до середины июля 1946 года, а потом — Рыбинск и Загорская спецтюрьма, где пробыл до июля 1947 года. За этот годовой срок с точки зрения наращивания пролетарского стажа он уже совсем ничего не набрал. Из писем к жене узнаем: почти все время работал по специальности — математиком. "И работа ко мне подходит, и я подхожу к работе", — с удовлетворением писал он.

С той же легкостью, с какой раньше соврал, что командовал дивизионом, а потом назвался нормировщиком, вскоре герой объявил себя физиком-ядерщиком. А вся его эрудиция в области ядерной физики исчерпывалась названиями частиц атома. Но ему и на этот раз поверили! Право, едва ли Солженицын встречал в жизни людей более доверчивых, чем кагэбэшники да эмвэдэшники.

В июле 1947 года его перевели из Загорска опять в Москву, чтобы использовать как физика. Но тут, надо думать, все-таки выяснилось, что это за ядерщик-паркетчик. За такую туфту могли бы, конечно, дать хороший подзатыльник, но для счастливчика и на этот раз все обошлось более чем благополучно. Его не только не послали за обман в какой-нибудь лагерь посуровей, но даже оставили в Москве и направили в Марфинскую спецтюрьму — в научно-исследовательский институт связи. Это в Останкине, недалеко от кабинета А. Н. Яковлева, который при желании мог бы носить герою будущего телефильма передачи. Почему человека никак не наказали за вранье и каким образом, не имея никакого отношения к связи, Солженицын попал в сей привилегированный лагерь-институт, об этом можно лишь догадываться.

В институте герой кем только не был — то математиком, то переводчиком с немецкого (который знал не лучше ядерной физики), а то и вообще полным бездельником: опять проснулась жажда писательства, и вот признается: "Этой страсти я отдавал теперь все время, а казенную работу нагло перестал тянуть". Господи, прочитал бы это Достоевский...

110

Условия для писательства были неплохие. Решетовская рисует их по его письмам так: "Комната, где он работает, — высокая, сводом, в ней много воздуха. Письменный стол со множеством ящиков". При обилии рукописей, это, конечно, весьма ценно. "Рядом со столом окно, открытое круглые сутки..."

Послеобеденный сон на зеленой травке

Касаясь такой важной стороны своей жизни в Марфинской спецтюрьме, как распорядок дня, Солженицын пишет, что там от него требовались, в сущности, лишь две вещи: "12 часов сидеть за письменным столом и угождать начальству". Угождал он весьма успешно, но сидеть 12 часов?.. Лев Копелев, в эти же годы

отбывавший срок в Марфинской спецтюрьме, в книге воспоминаний "Утоли моя печали" (М., 1991) свидетельствует: "Наш рабочий день начинался с утра и длился до шести вечера. Рабочий день можно было продлить по собственному желанию". Ну, разве что только так — по собственному желанию, не будучи в силах оторваться от своих прекрасных рукописей, и сидел наш герой за столом по полсуток. Вообще же за весь срок нигде рабочий день у него не превышал восьми часов. А по воскресеньям — нерабочий день, и всего в году их набиралось более 60.

Какова была сама работа Солженицына, об этом мы уже кое-что сказали, и вот теперь видим, что он, большую часть срока просидевший в прямом смысле — за письменным столом, считает себя вправе и тут поносить автора "Записок из Мертвого дома" и его горемычных товарищей. Он прямо-таки потешается над ними: "Что до Омской каторги Достоевского, то там вообще бездельничали". А если, мол, иногда и приходилось чем-то заняться, то "работа у них шла в охотку, впритруску", то бишь рысцой бегали, побрякивая кандалами. Но в "Записках" читаем, что летом каторжане уходили на работу часов в шесть утра. Урок, или, по-нынешнему говоря, план, давался такой, что вздохнуть некогда: "Надо было накопать и вывезти глину, наносить самому воду, вытоптать глину в яме и сделать из нее две с половиной сотни кирпичей. Возвращались уже вечером, когда темнело, усталые, измученные". Вот они действительно работали часов двенадцать, а то и сверх того. Зимой возвращались раньше, но более длительное пребывание в смрадной

казарме было не отдыхом, а мукой. Над этими мучениями и потешается завзятый гуманист.

Здесь нельзя не вспомнить сцену из "Одного дня Ивана Денисовича", в которой рассказывается, как заключенные кладут кирпичную стену: "Пошла работа. Два ряда как выложим да старые огрехи подровняем, так вовсе гладко пойдет. А сейчас — зорче смотри!.. Подносчикам мигнул Шухов — раствор, живо! Такая пошла работа — недосуг носу утереть... Шухов и другие каменщики перестали чувствовать мороз. От быстрой захватчивой работы прошел по ним сперва первый жарок... Часом спустя пробил их второй жарок... Ноги их мороз не брал" и т. д. Что это? Да она самая — работа в охотку, впритруску. В свое время эта сцена трудового энтузиазма зеков шибко растрогала Н. С. Хрущева, что весьма способствовало появлению повести в печати. Почему же теперь этот энтузиазм автор перепихивает на классика? Да потому, что он, энтузиазм-то, пришел в вопиющее противоречие со всем тем, что позже было написано о жизни заключенных в "Архипелаге".

Ну хорошо, поработали кто как мог, а что дальше? "После работы, — продолжает Солженицын выводить на чистую воду Достоевского, — каторжники "Мертвого дома" подолгу **гуляли** по двору острога". Слово "гуляли" подчеркнул и вынес приговор: "Стало быть, не примаривались. У нас же только придурки (то есть кто на легкой работе) по воскресеньям гуляли". Очень впечатляет. Но вот что пишет его наперсный друг Л. Копелев: "Утром гулять разрешалось и до завтрака и после". Можно было гулять и после обеда, а также два раза вечером, — до поверки и после, когда, говорит, "мы все могли гулять хоть за полночь". Это сколько же получается? Пять прогулок в день! Большинство людей и на свободе-то столько не гуляют.

Картину солженицынского ада дополняет Н. Решетовская: "В обеденный перерыв Саня валяется во дворе на травке или спит в общежитии (мертвый час! — *В. Б.).* Утром и вечером гуляет под липами. А в выходные дни проводит на воздухе 3—4 часа, играет в волейбол". Как видно, не примаривался...

Недурно устроено и место в общежитии — в просторной комнате с высоким

потолком. Не три доски на нарах, как у Достоевского, а отдельная кровать, рядом — тумбочка с лампой. "До 12 часов Саня читал. А в пять минут первого надевал наушники, гасил свет и слушал ночной концерт". Ну, допустим, оперу Глюка "Орфей в аду"...
112

Кроме того, Марфинская спецтюрьма — это, по словам самого Солженицына, еще и "четыреста граммов белого хлеба, а черный лежит на столах", сахар и даже сливочное масло, одним двадцать граммов, другим — сорок ежедневно. Л. Копелев уточняет: за завтраком можно было получить добавку, например, пшенной каши; обед состоял из трех блюд — мясной суп, "именно суп", подчеркивает он, "густая каша" и компот или кисель; на ужин какая-нибудь запеканка, например. А время-то стояло самое трудное — голодные послевоенные годы...

Нет, не хватило бы сил у Достоевского прочитать все это, а если и прочитал бы — не поверил! Прогулки под липами? Обед из трех блюд? Кисели-компоты? Послеобеденный мертвый час? Зеленая травка? Еженедельные выходные? Да в Омском остроге за целый год было у каторжан всего три нерабочих дня — Рождество, Пасха и день тезоименитства государя. Ночные концерты, волейбол?.. Да откуда сил на это взять после двухсот с лишним кирпичей?

По воспоминаниям Л. Копелева, в Марфинской спецтюрьме было две знаменитых волейбольных команды: "Железная воля" и "Соколы". Солженицын играл за первую. И вот представьте себе: в трусах и майках выходят на площадку два гения, два титана. Подача! Мяч в игре. Пас. Другой! Блок!.. Но что это? Наш герой грохнулся наземь. В чем дело? А это Достоевский, блокируя удар, нечаянно заехал ему по физиономии своими кандалами... Странно, если такой сон ни разу не приснился Александру Исаевичу во время мертвого часа на травке.

На такой вот каторге, где самым ужасным были муки слова за письменным столом (поэт сказал: "Нет на свете мук ужасней муки слова"), Солженицын и отбыл большую часть своего срока.

Где его Большая Ложка?

Как же сложилась жизнь и работа нашего героя на новом и последнем месте его неволи? Он пишет: "В начале своего лагерного пути я очень хотел уйти с общих работ, но не умел". Не умел? Да кто же тогда витал почти все время в руководящих сферах — то мастером, то завпроизводством, то помощником нормировщика? Кто трудился в поте лица библиотекарем, толмачом и математиком? Кто и вовсе бездельничал? Нет, не только
113
в начале, а на протяжении всего срока мы видим неукоснительное и весьма успешное стремление улизнуть от общих работ, выбиться в лагерные придурки. Между тем штаб-лекарь И. И. Троицкий, знавший Достоевского по каторге, вспомнил, что тот "на все работы ходил наравне с другими".

Но как бы то ни было, а герой заявил: "Приехав в Экибастуз на шестом году заключения, я решил получить рабочую специальность". Иначе говоря, решил продолжить накопление пролетарского стажа. До сих пор, как помним, эти специальности не больно-то ему давались. Как же теперь? А вот: "Такая специальность подвернулась — каменщиком. А при повороте судьбы я еще побывал (!) и литейщиком". Наконец-то добрались мы до этих пролетарских специальностей, в которых Солженицын, как говорил доверчивым американцам, проработал в жизни "немало лет", а на самом-то деле именно только "побывал" — точно сказано!

Нет оснований утверждать, что профессией каменщика будущий отшельник

овладел лучше, чем в свое время — маляра. Однако он поспешил свое, хотя и позднее, но страстное приобщение к пролетариату сделать фактом высокой поэзии. Пишет стихотворение "Каменщик", которое начиналось так: "Вот — я каменщик..." Осень и зиму пробыл в бригаде каменщиков. Так что эти пять-шесть месяцев мы обязаны отнести к его действительному рабочему стажу.

А дальше? А дальше однолагерник Д. М. Панин пишет: "На мое бригадирское место удалось устроить Солженицына". Что ж, опять за старое? И это после стихов-то в честь приобщения? "С бригадирской должностью Саня справляется, — пишет Решетовская, — она кажется ему необременительной. Чувствует себя здоровым и бодрым".

На очередной руководящей должности герой пробыл до конца января 1952 года, когда заболел и лег в госпиталь. 12 февраля его оперировали под местной анестезией по поводу опухоли в брюшной полости. Как объяснили больному врачи, а он написал жене, "опухоль не имела спаек с окружающими тканями, сохраняла капсуловидную замкнутость и потому не могла дать метастазов". С. Говорухин уверяет, что "через две недели после операции Солженицын уже работал на тяжелейшем производстве — в литейном цеху". Ничего подобного. Чувствовал он себя после операции хорошо, но вот что

все-таки его терзало. "Вырастает тридцатилетний оболтус, — жалуется он в письме, — прочитывает тысячи книг, а не может наточить топора или насадить ручки на молоток". Мало того, несмотря на эрудицию, оболтус даже пишет-то об этом несуразно: "насадить ручки на молоток". И вот он снова загорается желанием стать пролетарием — научиться столярному делу. Но, сообщает Решетовская, "не судьба овладеть Сане столярным делом!". Опять!.. Так что восторженная догадка Л. Аннинского, будто книжные полки в вермонтском поместье тороватый хозяин смастерил сам, увы, неосновательна.

Только после этой неудачи, сообразив, как трудно стать столяром, герой решает сделаться литейщиком. Правда, стихов об этом он почему-то не писал, не объявил "Вот — я литейщик", но у него осталось вещественное доказательство этой славной, поистине пролетарской страницы своей трудовой биографии. Догадываетесь, критики, какое? Ну, конечно, большая ложка, которую Александр Исаевич сразу же отлил из алюминия, как только узнал, что он плавится. Говорухин, вероятно, мог видеть эту Большую Ложку в Кавендише. Может, сподобился и кашку манную кушать ею.

Если подвести итог лагерной трудовой биографии Александра Солженицына, то приходится констатировать: "братьями по труду" он мог бы с несколько большим основанием называть библиотекарей, нормировщиков и счетоводов, чем каменщиков, литейщиков и чернорабочих. Увы...

Шоколадка за щекой и тараканы во щах

От Большой Ложки закономерно будет еще раз вернуться к вопросу о киселях-компотах. Конечно, в Экибастузском особлагере с этим дело обстояло хуже, чем в Марфино, хотя и не бедственно. Но опять же все познается в сравнении. Солженицын пишет: "Большинство заключенных радо было купить в лагерном ларьке сгущенное молоко, маргарин, поганых конфет". Он не покупал поганых конфет, ибо, по его словам, "в наших каторжных Особлагерях могли получать неограниченное число посылок (их вес 8 кг был общепочтовым ограничением)", но если другие по разным причинам все-таки не получали, не от кого, например, то Солженицын весь срок получал от жены и ее родственников вначале ежене-

дельные передачи, потом — ежемесячные посылки. Кое-что ему даже надоедало, и он порой привередничал в письмах: "Сухофруктов больше не надо. Особенно хочется мучного и сладкого. Всякие изделия, которые вы присылаете — объедение". Это голос, и речь, и желания не горемыки, изможденного трудом и голодом, а сытого лакомки, имеющего отличный аппетит. Ну, жена послала сладкого, и вот он сообщает: "Посасываю потихоньку третий том "Войны и мира" и вместе с ним творю шоколадку..."

Что ж, Достоевский тоже был почти удовлетворен лагерными харчами: "Пища показалась мне довольно достаточною. Арестанты уверяли, что такой нет в арестантских ротах европейской России... Впрочем, арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про один хлеб. Щи же были очень неказисты, они слегка заправлялись крупой и были жидкие, тощие. Меня ужасало в них огромное количество тараканов. Арестанты же не обращали на это никакого внимания". Итак, у одного гения за щекой шоколадка, а у другого во щах насекомое шоколадного цвета, только всего и разницы. Правда, первый, дососав шоколадку, однажды назвал себя "бронированным лагерником", да еще гордо воскликнул: "Уж мой ли язык забыл вкус баланды!" Второй ничего подобного никогда не говорил.

И вот заключительный штрих общей картины солженицынского ада: может быть, еще больше, чем шоколадке за щекой Александра Исаевича, обитатели Мертвого дома удивились бы "Войне и миру" в его руках и множеству других книг, прочитанных им в лагере, как и бесчисленным поэмам, пьесам, рассказам, написанным там же, да еще штудированию английского языка (увы, малоуспешному). Действительно, в Лубянке, например, он читает таких авторов, которых тогда, в 1945 году, и на свободе-то достать было почти невозможно: Мережковского, Замятина, Пильняка, Пантелеймона Романова... Вы послушайте: "Библиотека Лубянки — ее украшение. Книг приносят столько, сколько людей в камере. Иногда библиотекарша на чудо исполняет наши заказы!" Подумайте только: заказы! А в Марфино утонченный библиоман имел возможность делать заказы даже в главной библиотеке страны — в Ленинке. В Мертвом же доме была только одна Библия, и ничего больше. Достоевский писал А. Н. Майкову: "В каторге я читал очень мало, решительно не было книг. А сколько мук я терпел

оттого, что не мог в каторге писать..." Кто может ведать, что потеряло человечество из-за долгой острожной немоты Достоевского и во что обошлась патологическая болтливость Солженицына и в неволе и на свободе, и в России и в Америке, и в книгах и на телевидении.

Обогнавший время

Повторим внятно еще раз: любое пребывание на фронте может для человека кончиться трагически, и любая служба там полезна для общего дела победы; в то же время любая неволя, даже если она с зеленой травкой и волейболом, полуночными концертами и заказами книг в Ленинке, с послеобеденным сном и писанием романов, — все равно тягость и мука. И мы не стали бы говорить ни о фронте, ни о каторге Солженицына, если бы он, напялив личину пророка, объявив себя Мечом Божьим, в первом случае не оказался бы хвастуном и крохобором, а во втором, то и дело талдыча о своем христианстве, не стал бы так злобно глумиться над каторгой Достоевского с ее кандалами и вшами, смрадным ложем в три доски и тараканами во щах, с ее тяжким трудом и тремя нерабочими днями в году. Да взять хотя бы и такой по сравнению со всем остальным мизер: Солженицыну срок неволи был засчитан со дня ареста на фронте, в Восточной Пруссии, а Достоевскому — только со дня прибытия в Омский острог,

предшествующие же одиннадцать месяцев в каменном мешке Алексеевского равелина и зимнего кандального пути — коту под хвост. Казалось бы, одно это у истинного христианина, у любого порядочного человека должно вызвать сострадание и уж во всяком случае остановить злобное перо. Но этого не случилось. И неудивительно, ибо вот что говорят о солженицынском христианстве люди, близко знавшие его на протяжении десятилетий. Владимир Лакшин: "В христианство его я не верю, потому что нельзя быть христианином с такой мизантропической наклонностью ума и таким самообожанием". Лев Копелев: "Пафос христианства устремлен к таким нравственным качествам, как любовь к ближнему, прощение, терпимость. Это основы христианства, а они, как известно, не прельстили Солженицына. Его обращение к Богу наигранно и носит чисто прагматический характер".

117

Особый цинизм глумления этого лжехристианина еще и в том, что ведь сам-то он, выйдя на свободу, издал горы книг, отхватил Нобелевскую, огреб нешуточное богатство, купил поместье в США, второе — в России, дожил в отменном здравии вот уже почти до восьмидесяти лет, а жертва его разоблачений, пережив и страх смертной казни, и кандальную каторгу, и унизительную солдатчину, потом всю жизнь бился в долгах, писал из-за безденежья всегда в спешке, болел и скончал свои дни в шестьдесят лет.

А уж надо ли говорить о том, что перевешивает на весах литературы, что человечество держит у сердца и будет держать в будущем, — "Записки из Мертвого дома" или "Архипелаг", "Преступление и наказание" или "Раковый корпус", "Братья Карамазовы" или "В круге первом"...

Едва ступив на русскую землю, Солженицын опять начал призывать всех нас к покаянию. Вот и показал бы христианский пример, начав с себя, — покаялся бы перед великим сыном русского народа и его собратьями по несчастью за свою злобную ложь об их кандальных муках.

Мы неоднократно ссылались в нашем повествовании на Н. Решетовскую, первую жену Солженицына, на ее книгу "В споре со временем", вышедшую в Москве в 1974 году. В 1991 году в Омске она была издана под гораздо более верным названием — "Обгоняя время". Да, вся мерзость нынешнего времени — пещерный антикоммунизм и малограмотная антисоветчина, злобность и лживость, цинизм и нахрап, религиозное ханжество и холуйство перед Западом — все это уже давно, обогнав время, было явлено миру в страшном образе Солженицына. "Этот человек, — писал о нем Александр Зиновьев, — одна из самых гнусных личностей в истории нашей страны наряду с Горбачевым, Ельциным, Яковлевым, Шеварднадзе и прочими подлецами более мелкого масштаба".

Аль-Кодс. 1994. № 23 (44). Июль

ГЕРОИ, ПУСТОЗВОНЫ И МОЛЧАЛЬНИКИ

В преддверии пятидесятилетия нашей великой Победы яковлевско-попцовское телевидение много поработало, стараясь создать соответствующую суперпраздничную атмосферу. Большую роль сыграл в этом цикл передач, главными героями которых были самые мощные столпы демократии. Возглавила цикл, разумеется, пере-

118

дача, в которой фигурировал сам Александр Яковлев, — академик, орденоносец, председатель, член. Потом пошли Георгий Арбатов, Зиновий Гердт, Булат Окуджава... На последней передаче стоит остановиться.

Ну, Б. Окуджаву все знают. Человек он, бесспорно, талантливый. Во всяком

случае, на мой взгляд, как писатель он талантливей, допустим, чем Волкогонов как историк, Яковлев как философ, Козырев как дипломат, Грачев как полководец и даже Ельцин как президент. И то сказать, не принимал же Булат Шалвович непосредственного участия, например, в расстреле своего парламента, а лишь выразил публично свое восхищение этой миротворческой акцией.

Как у всякого талантливого человека, у Окуджавы есть свои слабости, заблуждения, противоречия. Так, не будучи русским аристократом, подобно, скажем, графу Толстому, он считает себя, однако, знатоком быта русской аристократии середины прошлого века. Увы, это глубокое заблуждение, которое, как мы видели, обнаруживается в его романах повсеместно. Однако это не мешает Окуджаве не только считать себя знатоком жизни русской аристократии, но и объявить аристократом собственную персону. "Меня, — говорит, — однажды спросили, как я отношусь к Юрию Бондареву. Я ответил: "Как аристократ к лакею". Здесь мы сталкиваемся еще с одной примечательной особенностью автора: нередко он говорит совершенно обратное тому, что хочет сказать. В самом деле, хотел сказать, что относится к собрату по перу с полным презрением. А что сказал? Ведь аристократ, если он не дурак и не хам, прекрасно понимает, что труд лакея, слуги, официанта, дворецкого весьма нелегок, непрост и требует соответствующей квалификации, а потому вполне заслуживает уважения. Но Окуджава с детства воспитан родителями, видимо, тусклыми функционерами партии, в презрении к слугам и официантам, и до семидесяти с лишним лет так и дожил с этим высокомерием в душе, за что сам вполне заслуживает презрения, — вот и все, что сказал он своим афоризмом.

Целый час говорил Окуджава с телеэкрана о Сталине, Жукове, Шолохове, — как лакей об аристократах. А также о Евтушенко и Вознесенском, — как лакей о лакеях.

О Сталине он всегда твердит примерно одно и то же:

Маленький, немытый и рябой...

119

Рябой это верно. Что ж делать? Никто ведь не корит Окуджаву за то, что он лыс и тщедушен. Уж так распорядилась природа, против не попрешь. Немытый? Кто-то заметил: человеку, впервые сходившему в баню на старости лет, все человечество кажется немытым. Окуджава впервые сходил в баню в 67 лет. Маленький? Известный потрошитель истории генерал Д. Волкогонов в своей давно забытой книге "Триумф и трагедия" воспроизвел страницу из дела И. В. Сталина, заведенного в 1908 году в Бакинском жандармском управлении (БЖУ). Там фотография и текст свидетельствуют: рост Иосифа Виссарионовича составлял 174 сантиметра, — средний мужской рост. Между тем, по данным ЦПЛ (Центральной поликлиники Литфонда), рост самого Окуджавы 169 сантиметров. Следовательно, как говаривали русские аристократы, чья бы корова мычала...

Пылко говорил Окуджава о Сталине и Жукове, но особенно распалился, когда настала очередь дать историческую оценку Михаилу Шолохову накануне его 90-летия. Ну так разошелся! Зубами клацал... И тут мне вспомнился журнал "Огонек" № 5 за 1987 год. Во всю обложку

— роскошная фотография: Евтушенко, Вознесенский, Окуджава... На фоне роскошной казенной дачи кого-то из них в Переделкине, ныне, вероятно, чубайсизированной. Сытые, гладкие, довольные собой, в мехах. Все улыбаются, миляги. А в журнале — статья: это, дескать, мы, а не кто другой, были буревестниками перестройки. Уж точно, они... Но что там виднеется за спиной Окуджавы? — гля, бульдог! Здоровый, криволапый. Так вот, когда этот аристократ начал клацать зубами, мне показалось, что бульдог пролез между Вознесенским и Окуджавой вперед и начал речь: "Классик русской и мировой литературы Михаил Шолохов с точки зрения бульдогов"...

Что еще запомнилось в этой передаче? Конечно же, стихи, с такой болью прочитанные автором:

Меня удручают размеры страны...

Ну, это понятно. Размеры России многих удручали: ордынцев и поляков, Карла XII и Наполеона, кайзера Вильгельма и Гитлера. И ныне кое-кого удручают, например, небезызвестного дипломата Кунадзе, горевшего желанием уменьшить размеры страны хотя бы за счет Курильских островов. Но до конца дней своих все они так и остались при своем удручении. А вот драматические

терзания Окуджавы легко разрешить. Действительно, если его так удручают 17 миллионов квадратных километров России, то почему бы не перебраться на родину своего отца, в Грузию, где в молодости и сам жил, получил бесплатно высшее образование. Тут всего 69,7 тысячи квадратных километров — как уютно! И это велико? Ну, тогда на родину матери — в Армению, она еще уютней — 29,8 тысячи квадратных километров. Опять слишком много? Тогда в Израиль — всего 20,7 тысячи... Нет, никуда он со своим бульдогом не уедет, ибо ни в одной стране мира им, короткошерстным, не позволят публично поносить великих деятелей родной истории и культуры да жаловаться, что страна слишком велика. Попробовал бы Окуджава, допустим, в США, где не раз бывал, поскулить по телевидению: "Меня удручают размеры вашей страны! Верните Мексике половину ее территории, что вы оттяпали когда-то, Испании — Флориду, которую вынудили уступить вам, Франции — Западную Луизиану, России — Аляску. Вот тогда я буду вас уважать, янки загребущие..." Нетушки, ничего подобного Окуджава в США не говорит, а поет нежную песенку о маленьком оркестре под управлением любви. А вякнул бы — тотчас выставили бы!

Между тем юбилей Победы приближался. И вот в самый его канун 8 мая в передаче "Без ретуши" на наши телеэкраны как достойного финалиста выпустили Григория Бакланова. Я включил ее в тот момент, когда ведущий Сергей Торчинский говорил герою передачи: "Я знал участника войны Гурвича. У него было два ордена Красного Знамени... Вам, фронтовику, известно, конечно, как трудно было человеку с такой фамилией получить две столь высокие награды..." Так и сказал: с такой, мол, трудной, непроходимой фамилией. Я замер. Ну, думаю, сейчас мой старый друг Гриша, однокашник по Литературному институту, врежет этому тележиду. Уж Гриша-то, писатель-фронтовик, еврей-интернационалист, знает правду. Я ожидал, что скажет примерно так: "Любезный Сергей Григорьевич, а не знаете ли вы другого Гурвича, члена партии с 1944 года? Он с такой точно непроходимой фамилией, как понимаете, да еще с таким именем, как Семен Исаакович, получил на фронте не два, а четыре ордена Красного Знамени, да еще орден Александра Невского, два ордена Отечественной войны первой степени, два ордена Красной Звезды, а в октябре 1944 года — Золотую Звезду Героя и орден Ленина. Неужто не

слышали? Какой же вы еврей!.. Правда, дослужиться до генерал-полковника, как Давиду Абрамовичу Драгунскому, тем паче до генерала армии, как Якову Григорьевичу Крейзеру, Семену Исааковичу не удалось, но полковника все-таки получил. Как полезно подумать бы вам, милый Сережа, о таких фактах, прежде чем лезть на экран со своими намеками, изобличающими олуха царя небесного..."

Впрочем, я не совсем уверен, что Торчинский назвал Гурвича. Может быть, Гуревича. Тогда Бакланов мог сказать ему так: "Я, молодой человек, знаю двух Гуревичей — Михаила Львовича и Семена Шоломовича. Вы кем в армии были — не кашеваром ли? Не по военторговской ли части? Или вовсе не служили? А

Михаил Львович был артиллеристом, командовал батареей "сорокапяток". Слышали? Противотанковая пушчонка такая. Ее на фронте звали "прощай, родина!", ибо частенько выходила она на прямую наводку. И впрямь, 17 сентября 1943 года у деревни Тарасово на Смоленщине в обнимку со своей "сорокапяткой" попрощался Михаил Львович с родиной. Но перед этим бой он вел так доблестно, что тоже заслужил звание Героя. А Семен Шоломович был связистом. Звание Героя получил за мужество при форсировании Днепра в том же памятном сентябре... А знаете ли вы, кашевар, сколько всего евреев за годы войны удостоились звания Героя Советского Союза? В эти предпраздничные дни по одной программе вашего телевидения говорили: 135, по другой — 150. На самом деле 108. О, это немало! Один лишь Солженицын, звуковой разведчик, может уверять, что "на фронте Героя давали только отличникам боевой да политической подготовки". Есть среди евреев и дважды Герои, как упоминавшийся Давид Абрамович Драгунский. Писатель Вячеслав Кондратьев почему-то уверял, что по относительному исчислению евреи на первом месте по числу Героев за время войны. Нет, это не так. Они достойно стоят на пятом или шестом месте. Но разве во время войны кто-то держал в уме мысль о каком-то там месте..."

Но что же Бакланов — писатель-фронтовик, еврей-интернационалист, мой дорогой однокашничек? Он промолчал, он пропустил невежественно-лживую поджигательскую реплику Торчинского мимо ушей, словно это была всем давно известная истина, — что ж о ней рассусоливать. Взгляд у него был отсутствующий. Возможно, он размышлял, прикидывая, кого бы еще вслед за

Бушиным огласить фашистом, да так вельмигласно, так ловко, чтобы президент, проспавшись, разглядел. А потом пустозвоны и молчальники еще стенать да жаловаться будут: антисемитизм заел! Да кто же делает для этого больше, чем они?

...Между прочим, после той передачи С. Торчинский больше не появлялся на экране. В чем дело? Неужто совесть проснулась и сменил профессию? Кто-то мне рассказывал, что видел его в зоопарке, работает там в слоновнике яйцекачателем: за качок — пятачок, а за пару — гривенник. Ну, слава Богу, нашел себя человек.

Правда России. 1995. 25 мая

НИКИТА МИХАЛКОВ И ПАПЕРТНИКИ

Что за папертники? — сразу спросит иной читатель. А это, по словам Даля, "нищие, кои толпятся на паперти, заступая вход в церковь", то есть путаются под ногами и мешают людям пройти внутрь — к образам, амвону и алтарю. По его же определению, это кликуши, что "на паперти стоят, а в церкви начинают кликать", то есть опять же мешают тем, кто пришел помолиться или послушать проповедь. А еще, что каждый сам может видеть, это просто ротозеи, охочие поглазеть на что угодно, в том числе, на прихожан, а особенно — на пришедших венчаться и на отпевание покойников. Эти тоже, разумеется, мешают людям. Вот об одном таком папертнике я и хочу поделиться с читателями некоторыми впечатлениями.

Оскарбление

Попал Бушину на суд —
Адвокаты не спасут.

Сергей Михалков.
Избр. произведения
в 3-х томах. М., 1991.

Кто не знает Михалкова-младшего! Он затмил своей славой не только брата

Андрона — кинорежиссера Кончаловского, но и знаменитого отца-писателя, и деда — известного художника, а может быть, даже и прадеда по матери — Василия Ивановича Сурикова. Во всяком случае, когда в 1908 году отмечалось пятидесятилетие
123
великого художника, то не было ничего хотя бы отдаленно похожего на грандиозную свистопляску всероссийского размаха, что недавно устроил по такому же случаю его правнук.

Человек он бесспорно талантливый. За его плечами немало актерских и режиссерских удач, а также разного рода премий, включая Государственную премию Казахской ССР и премию орденоносного Ленинского комсомола. Почти 35 лет вдохновенного труда в поте лица своего!.. Но до недавних пор у любимца казахского народа не было американской премии "Оскар". Что с того, что Чехов, скажем, по которому Михалков поставил фильм, имел одну-единственную премию — Пушкинскую, и с него этого было довольно, а Гончаров, по которому поставил другой фильм, вообще не получал никаких премий, и ничего, тихо дожил без них почти до восьмидесяти лет. А тут — вынь да положь заморскую премию! Она же почти как Нобелевская для писателя. Но кумиру орденоносного комсомола вдумчивые дяди и тети деликатно и даже весьма сочувственно говорили за океаном: "Нет, маэстро, рановато-с. Кое-чего в ваших распрекрасных фильмах еще не хватает..." Маэстро недоумевал, терзался: чего такого может не хватать в его фильмах, если им рукоплещет 15-ти миллионный Казахстан и весь 30-миллионный комсомол? Но кто-то из больших знатоков жизни, может быть, отец или брат, набравшийся мудрости в Голливуде, однажды сказал, судя по всему, примерно так: "Никиша, у коммуниста Анатолия Карпова девять шахматных "Оскаров". Как было не дать, коли успехи его имели математически точное выражение! А политика, художество, кино — совсем другое дело. Тут никакой математики, одна сплошная химия. Пораскинь-ка умом, за что и почему дали Нобелевскую премию крупногабаритному пророку Солженицыну, потом — катастрофическому болтуну Горбачеву, титул магистра Мальтийского ордена, запрещенного в России еще Александром Первым, — Ельцину, с чего это немцы расщедрились на премию Канта для Шеварднадзе, англичане — на "Золотой факел Бирмингема" для Черномырдина... Если сообразишь, то сумеешь обогнать не только неокантианца из Грузии, но и шахматиста-коммуниста .

И тут Никиту как молнией озарило: да нет же в его фильмах ненависти к советской власти и к коммунизму! Нет разоблачения "культа личности" и "зверств ЧК"!
124
Ведь сколько собратьев по Аполлону схлопотали себе на этом гомерическую известность, титаническую проходимость и хроническую сытость! И то сказать, какой же антисоветчик, допустим, Илья Ильич Обломов из михалковского фильма по роману Гончарова? Скорее, наоборот. Я лично легко вижу его во времена Брежнева завотделом науки ЦК вместо полусонного Вадима Андреевича Медведева. А Сергей Сергеевич Паратов, которого играет сам Михалков в фильме "Жестокий романс" по гениальной пьесе Островского "Бесприданница"? Мерзавец, конечно, кобель, но до таких коммунофагов, как Волкогонов или Солженицын, ему ох как далеко. Конечно, все названные темочки мурыжатся уже лет сорок и сильно замусолены, но чем черт не шутит! Авось америкашки еще разок да клюнут. И Михалков решил в первом же фильме наверстать все, что позорно прошляпил.

Правда, тут имелась фамильная закавыка. С одной стороны, все родственники режиссера, кроме, разве что, Сурикова, были коммунистами, отец — чуть ли не с подпольным стажем, или певцами коммунизма. Так не станут ли они

протестовать против антикоммунистического фильма? Не проклянут ли? Не лишат ли наследства? С другой стороны, и сам режиссер, и весь его клан получили от советской власти все, что только можно: образование, работу, квартиры, дачи, ордена, премии, почетные звания... И ведь все по высшему разряду! Так вот, как переступить через все это? Да ведь и сам попользовался не дурно. Можно ли забыть хотя бы то, что, когда советской власти уже завязывали глаза, чтобы вести на расстрел, она сказала ему, как за четыре года до этого старшему брату: "Сынок, отныне ты — Народный артист Российской Советской Социалистической Республики. Радуйся и гордись!"... И все это охаить?! Страшно, очень страшно, да и совесть, вроде, свербит где-то под коленкой... Однако жажда обрести "Оскара" оказалась так велика, так беспощадна, что смела все опасения и сомнения. Опять же в поте лица своего, в мыле трудился Михалков-младший, и в назначенный срок явил миру это диво дивное, это чудо чудное — фильм "Утомленные солнцем".

Читатель В. Н. Самойлов из Уфы пишет мне: "22 октября в воскресенье Никита Михалков устроил себе именины на всю страну. Вел себя как подгулявший купчина. Восхваляя себя и свою семью. Противно было.

125

Но я заставил себя просмотреть и его шедевр 'Утомленные солнцем". Господи, и вот пасквиль на свой народ получил приз! Да откуда этот интеллектуал смог нафантазировать такое? В 1936 году страна созидала: были построены Магнитка, многие гиганты промышленности, а он показывает нам придурков! Стыдно и за артистов Тихонова, Крючкову. Зарабатывают... Просьба к Вам: напишите, пожалуйста, об этом фильме".

Да, Василий Николаевич, Вы правы: зарабатывают, и усерднее всех — режиссер, отбросивший ради заработка все соображения о художественной самостоятельности, правде, о стыде.

Курятник любви

В художественном смысле фильм получился просто эпигонским. Михалков здесь во многом повторяет не только себя в некоторых прежних фильмах, но главным образом — Феллини. Сравните это диво дивное со "Сладкой жизнью" (1959 г.). Оба фильма в общем эмоциональном плане движутся одинаково, в одном направлении: от начальных бессвязных сцен "потока жизни", сцен празднества, веселья, любви — к ужасу, кошмару, страху в конце. Но дело не только в этом. Михалков повторяет и отдельные художественные находки классика, ну, разумеется, не без того, чтобы вставить их иной раз в другое место ленты. Так, "Сладкая жизнь" **начинается** с того, что по воздуху плывет привязанная к вертолету скульптура какого-то святого. Очень эффектно! А "Утомленные" **заканчиваются** тем, что по воздуху плывет привязанный к аэростату портрет Сталина. Скушно ведь, маэстро, как всякое эпигонство. Нешто этому учили тебя в комсомоле?

У Феллини персонажи порой совершают весьма экстравагантные поступки. Так, одна из главных героинь вдруг во всей одежде бросается в бассейн фонтана. То же примерно и у Михалкова: один из главных героев во всей одежде бросается в реку. Но в первом случае экстравагантный поступок можно объяснить: его совершает молодая капризная красавица, избалованная кинозвезда, ищущая остроты впечатлений, к тому же она во хмелю, а дело происходит глубокой ночью, и видит ее лишь один человек. А у Михалкова полная нелепость: в реку броса-

126

ется сотрудник НКВД, мужчина зрелых лет, надо полагать, не только трезвый,

рассудительный, но и осторожный, вовсе не заинтересованный в том, чтобы привлекать к себе внимание столь несуразным чудачеством, а дело-то происходит ярким солнечным днем на глазах многочисленной публики. Мало того, во всей одежде он еще и далеко уплывает под водой, что в таком виде просто физически невозможно. Здесь во внешнем сходстве поступков персонажей и в их полном внутреннем расхождении открывается вся глубина бездумного эпигонства. Поистине оно путешествует без виз. Увы, это совсем не тот случай, о котором Гёте говорил: "Вальтер Скотт заимствовал одну сцену из моего "Эгмонта", на что имел полное право, а так как обошелся с ней очень умно, то заслуживает только похвалы". Между похвалой Гёте и похвалой тех, кто выдает "Оскары", есть некоторое различие...

Но в фильме Михалкова можно видеть, разумеется, нечто и свое, оригинальное, выстраданное. Прежде всего, я назвал бы здесь вдохновенную сцену соития главных героев — комдива и его жены. Тут, честно надо сказать, эпигон превзошел учителя: у Феллини ничего подобного просто нет. Акт совершается в нетрадиционном для комдивов месте (то ли на чердаке, то ли в курятнике) и в совершенно необычной для комдивов, может быть, даже запрещенной дисциплинарным уставом РККА позе. Николай Глазков, традиционалист и в жизни и в творчестве, однажды нарисовал в жанре ню такую сцену под открытым небом:

Мы умирали от любви,
Мы изнывали от жары...
Ее кусали муравьи,
Меня кусали комары.

В фильме наоборот: если кусали, то комдива — муравьи, его партнершу — комары. Но обоим, кажется, мешали куры. Надо опять-таки честно признать, что Михалков, играющий комдива, новаторскую сцену в курятнике проводит на высочайшем профессиональном уровне, как говорится, на одном дыхании.

Но интересно, что сказала об этой петушиной сцене дочка режиссера школьница Надя, столь трогательно играющая в фильме. Не сказала ли шустрая девочка примерно таковы слова: "Вот ты говоришь, папа, что никогда не занимался в кино порнухой. А это что? На

глазах-то у всех... Некрасов, которого мы проходим сейчас в школе, писал о таких вещах совсем по-другому. Например:

Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани.

А ведь Некрасов в отличие от тебя, папулечка, не вопил на всех перекрестках о Боге, не уверял любого встречного-поперечного в своей религиозности. Подумал бы об этом, папочка, ведь ты правнук Сурикова".

Интересно, а не сказала ли жена примерно так: "Вспомни "Анну Каренину" хотя бы. Толстой писал: "И то, о чем Алексей Вронский последнее время так напряженно думал и так страстно мечтал, наконец, свершилось". И только! А ведь Толстой был отлучен от церкви, а ты, совсем напротив, вдруг с чего-то кинулся к ней, и у тебя вот уже почти два месяца как на шее крестик. После этой сцены мы с Надей не могли поднять глаза друг на друга. Подумал бы об этом, ведь ты сын автора гимна первой в мире страны социализма..."

Экранизация куманевщины

Да, Михалков-младший нарушил традиции классической русской литературы, но показ полового акта, совершаемого даже в курятнике и в нестандартной позе даже представителем высшего командного состава Красной Армии, это все-таки еще не антисоветчина и не антикоммунизм. А он знал, что только это наверняка ведет ныне к "Оскару". А тут симпатизант ЦК комсомола ударился во все тяжкие...

В фильме охвачено все — от пионерской организации, где вожатые заставляют, дескать, детей при купании по команде заходить в реку и выходить из нее (а как поступил бы сам автор, если на его ответственности было бы десятка три детишек, многие из которых не умеют плавать?), до НКВД с его ужасами, кошмарами и подводными пловцами в брюках и кителе.

Судите сами о достоверности картины... Средь бела дня да еще в какой-то веселый праздник, когда на улице полно народу, на дачу к легендарному комдиву, герою

128

Гражданской войны являются на машине два сотрудника НКВД, чтобы арестовать его. Разве такие вещи, как правило, не по ночам делались и делаются во всем мире? А главное, зачем нежданных пришельцев изображать не только в одинаковых плащах да шляпах, но и с одинаково зверскими тупыми рожами? При обыкновенной-то или даже элегантной внешности такие гости производят более сильное впечатление. А огородные пугала просто отбивают интерес к повествованию, ибо сразу становится ясно, что автор держит тебя, зрителя, за дурака. Но Михалкову не до этих весьма простых и очевидных соображений, у него перед глазами, в уме и в печенке только одно — "Оскар"!

И естественно, что дальше все идет еще примитивней и малограмотней, причем не только с точки зрения художественной. При аресте прежде всего, конечно, отбирают оружие, если оно есть. У комдива, естественно, есть. Но безмозглые михалковские пугала только в машине, уже в пути вдруг соображают, что надо отобрать.

Затем рисуется нечто уж вовсе несуразное. Эти комические пугала, несомненно лишь мелкие сошки в НКВД, выполняющие поручение начальства. Они, технические исполнители, наверняка не посвящены, почему и за что надо арестовать комдива, и какая его ждет судьба. Но они видят у него на груди три ордена Боевого Красного Знамени, что по тем временам было о-го-го, знают, что он лично знаком со Сталиным, даже имеет его телефон и называет им номер, — и тем не менее, несмотря на все это, при первом неосторожном движении комдива пугала прямо тут же, в машине, едва ли не до полусмерти избивают его, превратив лицо бедняги в сплошное кровавое месиво. Ну как в таком виде представят они его начальству? Мало того, по пути они ни за что ни про что убивают шофера встречной машины. И все это на глазах известного нам чемпиона по подводному плаванию, но тот — ни словечка протеста или хотя бы остережения. А ведь чемпион заявлен человеком честным, сочувствующим комдиву, даже смелым — он предупредил его об аресте, то есть ради добрых чувств пошел на тяжкое служебное преступление.

Дело происходит в 1936 году. Режиссер подчеркнул это и во вступительном слове, пытаясь внушить зрителю: подумайте, мол, что же творилось в 37-м, в самом страшном году сталинских репрессий. А между тем, как следовало из доклада министра МВД В. Бакатина на первом

129

Съезде народных депутатов СССР в 1989 году, в ту пору заключенных было в стране столько же, сколько в легендарном 37-м, примерно 1 миллион с четвертью.

Однако никто не говорил ни о горбачевских репрессиях, ни о бакатинских лагерях. Подобные цифры всегда надо соотносить с общим числом населения. Так вот, ни в 37-м, ни в 89-м эти цифры не составляли и одного процента населения страны. По данным известного демографа проф. Б. Хорева, они вообще редко превышали его. Отсюда ясно, между прочим, чего стоят разглагольствования о том, что индустриализация была осуществлена руками заключенных, которые, кстати, во всех тюрьмах и лагерях мира тоже не в гольф играют.

А еще режиссер внушает зрителю мысль, что его герой абсолютно ни в чем не виновный человек. Может быть, но вовсе не обязательно. А между тем уже долгие годы нам внушают: все, ну абсолютно все репрессированные в 30-е годы были ни в чем не виноваты. Этот догмат недавно еще повторил военный историк Н. Куманев, известный живостью ума: "Архивы империалистических разведок не подтверждают исторических разоблачений у нас "шпионов" тех лет. Никто (!) из абсолютного большинства погибших в те годы, не были врагами народа и изменниками". Он, видите ли, обшарил все архивы империалистических разведок и пришел к выводу, что шпионы против нашей страны были сплошь "шпионами" в кавычках.

Удивительное дело! Наших разведчиков было на Западе не мало, причем это не только советские граждане, как Зорге или Маневич, но и граждане самих западных стран. Чего стоит один только Ким Филби, второе лицо английской разведки. А ведь за ним целая вереница: Гай Берджесс, Дональд Маклин, Джордж Блейк, Блант... И так вплоть до недавно схваченных в США супругов Эймсов. А у нас, твердит ученый демократ Куманев, как сейчас нет врагов, так и тогда не было. Ну, подумал бы вместе со своими учителями: если сейчас, едва лишь началась "перестройка", столько повылезло самых лютых врагов советской власти и социализма, до этого бывших сытыми и тихими гражданами супердержавы мира, то как же не быть этим врагам 60—70 лет тому назад в стране нищей, слабой, но опасной своим красным строем для окружающих и заморских стран! Тем более что были еще совсем не стары многие из тех, кто пострадал от революции. С другой стороны, решительная линия

партии на индустриализацию и коллективизацию вызывала столь же решительное сопротивление даже у бывших единомышленников. Трудно представить более благоприятную обстановку для роста шпионажа в пользу других держав... И ведь таких куманевых не убеждает даже все набирающее сил НАТО.

Таким образом, в фильме Михалкова гораздо меньше того, что кажется самому и тем, кто выдал ему премию: там не "разоблачение культа личности", что давно уже осточертело, а "всего лишь" избиение манекенами то ли виновного, то ли невиновного комдива и убийство этими же манекенами в шляпах шофера, но ни тому, ни другому эпизоду ввиду их полной несуразности поверить невозможно.

Однако все равно невозможно не дать "Оскара" тонкому художнику, который во всю прыть своего дарования живописует, как шестьдесят лет тому назад при коммунистах не экономику уже выводили на первое место в Европе, не культуру народа поднимали, не к великому пушкинскому юбилею готовились, а били до полусмерти, бросали в неволю прекрасных людей, на дорогах, будто куропаток, безнаказанно стреляли подозрительных. Как не дать лучшую премию, когда таким фильмом тонкий художник очень ловко, порой даже занимательно отвлекает граждан своей страны да и других стран от того, что ныне при Ельцине да Черномырдине безнаказанно бьют и убивают, а они, радетели, не только ничего не способны сделать, но и сами занимаются тем же, убивая в Москве сотни, в Чечне тысячи... "Оскара" ему! "Оскара"! Так и получил Михалков Третий свою высокую награду. За то же самое, что и Солженицын, Горбачев,

Шеварднадзе, Черномырдин. И как всем им, никогда не отмыться от нее.

К симпатягам с липкими руками

Но и "Оскара" Михалкову оказалось мало. Вон папа-то был депутатом Верховного Совета три срока. А чем хуже сын? Как раз приближались выборы в Госдуму. И он решил стать депутатом. Как сказал поэт, "носом, хорошеньким, как построчный пятачок, обнюхал приятное газетное небо". Обнюхал и подался к А. Руцкому. С ним Никита давно и крепко дружил, в знак чего однажды подарил ему какие-то необыкновенные ручные

131

часы. Но очень скоро понял: это пустой номер, просчитался... Стал искать другого покровителя. А как же старая мужская дружба? По-Божески ли это — бросать друг друга в суровый час испытаний? А!.. Бог-то Бог, да и сам не будь плох. А уж кто-кто, но он-то совсем не плох. Его отец рассказывает: "Мои сыновья воспитывались средой, средой искусства. Она формировала их мировоззрение и характер. В нашей семье бывали крупные художники, мастера слова, пианисты, артисты... Мои ребята с детства общались с пианистом Софроницким, Рихтером, артистом Москвиным, Алексеем Толстым, Эренбургом. Среда их воспитывала".

И вот воспитанник Софроницкого, ученик Рихтера, почитатель Москвина, наследник Толстого, адепт Эренбурга снова обнюхал газетное небо и пришел к выводу, что нет ничего надежнее и перспективнее, чем черномырдинский "Наш дом", хотя ясно же, что туда его воспитатели не постучались бы, ибо, как говаривали деды, хорош дом, кабы не черт в нем. Но что такому герою черт! И вот он уже в "Доме"...

Одна женщина, не назвавшая свое имя (она тоже работает в кино), сказала в "Советской России" о вступлении Михалкова в блок Черномырдина: "Да он же нашел своих! Сытый среди сытых. Но как же это не по-русски — художник, откровенно вставший на сторону сытых и власть имущих!" Но дело не только в этом: перебежав от Руцкого к Черномырдину, Михалков перебежал от тех, в кого стреляли 4 октября, к тем, кто стрелял. Тонкий художник, потомственный аристократ пришел с "Оскаром" в руках к тем, у кого руки по локоть в крови народа.

В качестве второго лица в кровавом правительственном блоке тонкий художник развил бешеную деятельность. Выступал где только мог и говорил примерно так: "Дорогие мои избиратели! Братья и сестры! Голосуйте за наш блок. Те, кто в него входит, успели так хорошо наворовать, что с них, пожалуй, хватит. Теперь они, может быть, и поделятся с вами. А ведь новые избранники начнут воровать заново. Так что голосуйте за нас!" Но совсем же незадолго до этого на страницах "Завтра" клялся, божился: "Я не рискую заниматься политической деятельностью". Однако поманили, посулили — и рискнул.

12 декабря по Российскому каналу телевидения показывали фильм "Жестокий романс", где Михалков играет

132

богача Паратова. Те, кто задумал демонстрацию, рассчитывали, конечно, на то, что избиратели полюбуются еще разок на симпатягу-артиста и через четыре дня с восторгом отдадут голоса блоку, который он возглавляет вместе с симпатягой-премьером. Какое чисто яковлевское, то ли попцовское тупоумие!

Гениальный Островский в пьесе "Бесприданница", по которой поставлен фильм, показал здесь особенно ярко и беспощадно общество хищников, где человеческому достоинству, добру, красоте, чести либо нет места вообще, либо все это становится там "вещью", и ее можно купить, продать, выбросить. И такое-то общество пытаются ныне вернуть на русскую землю все эти кровавые

симпатяги! Ах, как своевременно показали фильм!

Михалков играет прекрасно, ибо играет себя. Рубаха-парень, любимец цыган, может сделать лихой или широкий жест, например встать со стаканом на голове под пистолет приятеля, или подарить красивой женщине драгоценное ожерелье, бросить ей под ноги в грязь дорогую шубу, или, как истинный демократ, потребовать извинения от Карандышева за оскорбительные слова о бурлаках, — но при всем этом Паратов-Михалков — хищник. Жестокий, циничный, беспощадный. Таков он и к жалкому, ничтожному чиновнику Карандышеву и к прекрасной, божественной красоты женщине.

Лариса, чистая русская душа, доверилась Паратову. И вот утром в слезах она спрашивает его: "Жена я вам теперь или не жена?" Боже милосердный, какая простота и наивность! Для него-то, для этого "нового русского" прошлого века, тут всего лишь увлекательный мимолетный эпизод да еще — как удачно совпало! — месть ее жениху Карандышеву, посмевшему что-то там возразить ему. Однако он искренне растроган любовью чуть ли не из-под венца для своей услады уведенной им женщины, даже пускает слезу, но... тотчас ставит ее в известность, что он, увы, обручен с другой, у которой (он об этом, разумеется, умалчивает) приданое — золотые прииски.

Да, тут Михалков играл себя. И он может в газете или по телевидению вступиться за нынешних "бурлаков", пустить увесистую слезу о страданиях народа, даже перекреститься при этом, и тут же с паратовским размахом, кажется, и с теми же цыганами закатить по телевидению разухабистый, хазановского пошиба юбилей на всю державу, и тут же ринуться в объятья тех, кто довел народ до

нищеты, голода, вымирания... Сластолюбивые торговые тузы Кнуров и Выживатов разыгрывают на орла и решку погибающую Ларису и при этом толкуют о купеческой чести, о купеческом слове, о достоинстве. Это лишь одна сцена того мира, в котором благоденствуют Паратов и Михалков.

Артист Валерий Золотухин, со слов самого Михалкова, где-то на пресс-конференции в Прибалтике рассказал о съемке последних эпизодов фильма "Утомленные солнцем". Оказывается, они снимались 4 октября 1993 года, в день расстрела сотен москвичей и высшего органа Советской власти. Это не повод, чтобы прервать работу над срочно необходимым фильмом. Золотухин говорит: "Я знал, что душой Никита, конечно, там, в парламенте". И приводит его слова: "Я играю эту сцену (судя по всему, избиение комдива звероподобными пугалами. — *В. Б.),* и у меня какие-то (!) ассоциации с тем, что происходило в парламенте. И меня все так задевает, что я сижу и плачу прямо в кадре". Золотухин: "Плачет как герой фильма и как человек, сочувствующий "Белому дому", где у него остались друзья"... Вот он, страшный вырост паратовщины в душах "новых русских"! Герой Островского пускал слезу над судьбой только одной женщины, погубленной им, а этот льет слезы при виде расстрела вскормившей его власти и одновременно мастачит лживый фильм, цель которого — помочь властителям духовно добить недобитых советских людей. А этот, утерев слезы, кидается в липкие от крови объятья тех, кто расстреливал его сограждан и личных друзей. О, созерцая такие картины бытия, невольно твердишь вопрос одного из героев Достоевского: "До каких же пределов может дойти комбинация чувств человеческих?"

Держась за юбку Старовойтовой

На другой день после показа по телевидению фильма "Жестокий романс", видимо, решив, что дальнейшее триумфальное шествие артиста обеспечено,

стратеги "Нашего дома" выпустили Михалкова против своего главного противника — против коммунистов в лице Г. Зюганова. Впрочем, надо вернуться дней на десять раньше — на третий Всемирный русский народный добор. На него были приглашены и выступили там с речами Черномырдин, Шумейко, Рыбкин, Гайдар и, разумеется, Никита Михалков.
134

О чем же он говорил там? Представьте себе — о Боге! Может быть, как юный Лермонтов, молил о милости и снисхождении?

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю...

Может, каялся

За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя?

Может, откровенно признался, что

Часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь?..

Не Тебе, а премии Ленинского комсомола и "Оскару".

Может быть, наконец, обещал ступить "на тесный путь спасенья"?

Ничего подобного! Не с жаром и искренностью Лермонтова, не его языком, а языком Козырева, с холодным расчетом Гайдара он поучал, наставлял, внушал: "Катастрофа, происшедшая в стране, — от безбожия". Ну и, следовательно, все эти Горбачевы, Ельцины, Черномырдины ни в чем не виноваты. "Пока не будут преподавать в школах закон Божий, ничего не будет. Надо прививать религию, и тогда придет благодать..." Так вроде бы уже привили, если все из кремлевского санклита зачастили в церковь, стоят там со свечами все от президента до начальника ОМОНА, христосуются с самим патриархом да еще на глазах голодного вымирающего народа затеяли стахановскую стройку — храм Христа Спасителя. А где же при всем этом благодать?

И хочется еще вот что спросить: а где же ты, Божий угодник, раньше-то был? Наснимал ворох фильмов, и там — ни слова о Боге. И родитель ваш, автор Монблана стирильно-безбожных книг, сегодня говорит: "Главная потеря России — религия!" Но признает: "Самодержавие (шага без Божьего имени не ступавшее. — *В. Б.)* само привело себя и страну к трагедии". И ныне автор советского гимна называет "трагедией" Октябрьскую революцию. Однако же добавляет: "Советский Союз был могучей державой. Его уважали". Ведь вот загадка века:
135
безбожника уважали, а Ельцина со свечкой известная "семерка" в прихожей держит, а за равноапостольного мудреца Черномырдина проголосовало 10 процентов любимого им народа...

Так где же, говорю, вы с папой-гимнопевцем раньше-то были? Почему неистовая вера осенила вас лишь вслед за Старовойтовой да Гавриилом Поповым? Уж ладно, подражайте Феллини да Висконти, но у этих-то амеб в хвосте плестись к лицу ли русскому артисту!..

Герои первой фразы

И вот, наконец, дебаты с Г. Зюгановым... Как теперь обнаружилось, работать

в Думе маэстро и не собирался: получив мандат депутата, он тотчас вернул его, уступив свое место, как в очереди за пивом, следующему по списку. ("Эффект Казанника"!) То есть маэстро просто одолжил кровавым властителям свою артистическую популярность, выступил как наемник. Но их предвыборное задание выполнил до конца. И в последних дебатах с Зюгановым уже не только поучал, но, орудуя Божьим именем, словно кистенем, еще и стыдил, обличал, поносил. Кого же? Да, конечно, Советскую власть, которая вскормила и взлелеяла весь его многочисленный и сластолюбивый клан.

В 20-е годы советских людей нередко спрашивали: "Чем вы занимались до 17 года? Состояли ли в других партиях?" В 30-е интересовались: "Есть ли родственники за границей? Были ли колебания в проведении генеральной линии партии?" В 40-е допытывались: "Были ли в оккупации? Посещали ли зарубежные страны?" А теперь (о, времена) пытают с демократических и недемократических трибун: "Веришь в Бога? Да или нет? А ну покажь крестик, падла!"... В этом направлении выступал и скоропостижный Божий угодник Никита в теледебатах: "За коммунистической идеей стоит безбожие. А оно для России губительно. Потому что Достоевский сказал, что русский человек без Бога — животное".

Достоевский сказал!.. О, как это характерно для человека черномырдинского блока и для всех этих эрудитов. Они ничего не видят дальше первой строки одной цитаты. Ведь как опозорился этот "Наш дом", когда свой предвыборный плакат украсил первой строкой знаменитого стихотворения Симонова. Она всем памятна: "Если дорог

тебе твой дом..." И, поди, ликовали, ловко, мол: наспех сколоченный "дом" устами прекрасного поэта объявили "твоим домом", т. е. домом любимого избирателя. Им неведомо было, что стихотворение это — обращение к русскому человеку в страшный час вражеского нашествия, оно пронизано ненавистью к захватчикам, озаглавлено "Убей его!", а кончается страстным призывом:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Ничего себе предвыборный разговорчик с избирателем... Нет, здесь не просто литературное невежество, а всегдашняя привычка этой компашки к верхоглядству, к пенкоснимательству. Они всегда знают "первую строку" и смело бросают ее народу, но что там дальше, куда она ведет и чем все может кончиться, об этом они даже не задумываются. Вот так все эти годы они и бросали народу "первые строки": "Дальше так жить нельзя! Да здравствуют реформы!"... "Нет зон, закрытых для критики. Даешь гласность!"... "Отныне у нас нет врагов. Режьте ракеты и танки!"... "Либерализация цен — наше спасение!"... "Приватизация — путь к благосостоянию!"... "Наведем конституционный порядок в Чечне. Танки — вперед!"... "Разгромим коммунистов на выборах. Рыбкин, Ваня — в атаку!"... И запас "первых строк" у них неисчерпаем.

Gott mit uns! Ать-два!

Так и сей раз: "Достоевский сказал, что русский человек без Бога — животное". И ведь не соображает лауреат Ленинского комсомола, что тем самым обозвал "животными" не только 3 миллиона коммунистов, погибших на войне против фашизма за свободу родины, да и большинство всех погибших тогда, не только всех до единого наших предков, живших на русской земле до крещения Руси, и большинство нынешних современников, но и родного папочку с

мамочкой, а, может, и дедушку с бабушкой, не говоря уж о самом себе, ибо очень уж трудно поверить, чтобы лимитчик православия жил с Богом в душе. Словом, в деле сложнейшем, деликатнейшем, сугубо индивидуальном нам явлены все та же комсомольская лихость и умственная резвость, что и тридцать лет тому назад, когда юный артист самозабвенно напевал с экрана:

А я иду-шагаю по Москве...
Ать-два!
И я пройти еще смогу...
Ать-два!
Соленый Тихий океан...
Ать-два!
И тундру и тайгу...
Ать-два!

И вот теперь уверяет, что прошел-таки тундру и тайгу, кишащие волками да медведями, миновал Тихий океан, напичканный акулами, получил на том берегу "Оскара" и — ать-два! — дошагал до Бога.

Но дело не только в бравой шагистике. Еще я хочу знать, когда и где, по какому поводу и с какой целью сказаны приведенные слова, если они действительно были сказаны, и можно ли их понимать буквально. Вон же Ленин, допустим, говорил: "Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны". Если понимать буквально — чушь. Но это не в научном труде написано, не как теоретический постулат, а сказано было в декабре 1920 года в докладе правительства о внутренней и внешней политике. Брошено как лозунг, единственная цель коего — пропаганда идеи электрификации. Так не имел ли и Достоевский цель пропаганды, в данном случае — веры? А может быть, это слова персонажа какого-то его произведения? Но не отвечает же, скажем, Грибоедов за бравого полковника Скалозуба, мечтавшего "собрать бы книги все да сжечь".

Да и вообще Достоевского ли это текст? Ведь нам уже хорошо знакомы беззаботность и лихость обращения Михалкова с классиками словно с Окуджавой. Так, 4 сентября прошлого года он принимал участие в телепрограмме "Мы", которую ведет знаменитый своей телегеничностью В. Познер. В газете "Наше Отечество" об этой передаче было сказано: "В. Познер держался довольно напряженно, так как собеседник превосходит его по интеллекту". Однако можно было все-таки ожидать схватки двух выдающихся интеллектов. Увы... И тут показателен такой момент. Лимитчик небрежно бросил в некий миг: "Кажется, Тургенев сказал: "Поскреби любого русского и найдешь татарина". Для Познера тут был отличный шанс! Он мог сразу ошарашить собеседника, задав ему, допустим, такой вопрос: "А что найдешь, если поскрести кое-кого из Михалковых — дедушку Крылова? Феллини? Висконти? Антисоветчину?" Или мог защитить честь русской литературы, гневно заявив: "Ничего подобного Тур-

генев не говорил!" Но Познер промолчал, и собеседники продолжали дудеть в одну дуду...

А между тем русофобский афоризмик этот принадлежит конечно же не Тургеневу. Его приписывают и графу-публицисту Жозефу де Местру, пятнадцать лет бывшему посланником сардинского короля в России, и принцу де Линю, и самому Наполеону. Позже его не раз употребляли русские писатели. Кажется, чаще всех как раз Достоевский, которого Михалков так хорошо знает и так бесстрашно цитирует. Но в каком контексте! Например, в "Дневнике писателя" за январь 1877 года: "Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в коем случае: "Grattez дескать, le russe et vous verrez le tartare и так доселе. Мы у них в пословицу вошли". В пословицу презрения, ибо татары

для них были символом дикости. И против этой-то пословицы, против этого-то символа и негодовал великий писатель, не знавший, к сожалению, ни Михалкова, ни Познера.

Телевизионный эпизодик этот дает дополнительные основания сомневаться, точно ли Достоевскому принадлежит афоризм насчет русского человека и Бога. Да дело и не в этом. Есть вещи, в которых мы, люди конца XX века, можем разбираться лучше, чем иные гении прошлого, ибо мы видели и знаем то, что было недоступно им. Достоевский, в частности, не мог знать, что воины его родины без крестов и хоругвей спасут мир от сатанинской чумы фашизма, нагрянувшей на нашу землю с воплем "Gott mit uns!", запечатленным к тому же еще и на медных пряжках солдатских ремней. Не знал и того бесовского разгула русофобии, что обрушился на наш народ в 20-е годы и ныне, когда именно это пытаются внушить ему: "Ты — урод среди народов мира! Ты — животное!"

Наконец, если сей афоризм действительно принадлежит Достоевскому и понимать его надо именно так просто и прямолинейно, как понимает пятидесятилетний комсомолец Михалков, то остается сказать, как некогда Суворов, одно: "Такие слова я не стал бы слушать и от самого Господа Бога".

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю...

Земля эта — моя родина, Россия. И она дорога нам и ныне, в дни, когда над ней сгустился могильный

мрак. Так не мешайте нам, не путайтесь под ногами, кликуши-папертники. Подите прочь, лимитчики-оскариоты!

Отрезвляющая критика

А как встретила фильм "Утомленные солнцем" кинокритика? О, это самое интересное во всей истории!

Читаем: "Русский художник сердцем писал трагедию Родины"... "Гармоничный, насыщенный болью и счастьем, добром и жаром любви, трагичный и прекрасный рассказ об одном из периодов русской жизни, возведенной на плаху истории"... "Мастерство, с которым решает в фильме художник столь сложные и страшные проблемы России, поистине виртуозно"... "Фильм всей мудростью своей, всей глубиной философского осмысления судьбы России подводит к выводу: "Большевизм не щадит никого, это монстр, который пожирает и других и себя"... Наконец: "В этом фильме Н. Михалков как режиссер и актер вышел на принципиально новый уровень художественной работы". Совершенно верно! Принципиально новый угодный властям уровень — антисоветский, коммунофобский, клеветнический. И как вы думаете, кто это написал и где напечатал? Какая-нибудь свихнувшаяся Абуладзе в лакейско-порнографическом "Московском комсомольце" или престарелая Дырдыкина в "Московских новостях", завоевавших славу пачкуна первого призыва? Совсем даже наоборот. Это сочинила коммунистка мадам Ореханова и 14 июля 1994 года напечатала в чикинской "Советской России", в органе компартии России. Сами себя хлещут как монстров и антропофагов.

А вот еще одна пространная публикация: "Рано или поздно все обречены (!) посмотреть эту картину". Подумать только: обречены! Как на любовь, страдания или смерть. Рок! Фатум! Как потом выясняется, это слова самого Михалкова. Ну, можно ли вообразить, чтобы, допустим, Пушкин, в свое время на всю державу

заявил: "Рано или поздно все обречены прочитать мою "Сказку о попе и работнике его Балде"? Или то же самое — Гоголь о "Записках сумасшедшего?"

Не менее примечателен и подзаголовочек: "За ярлыком на гениальность надо ездить в Голливуд?" Это уж неизвестно, кто сказал, кто так уверен, что на гениальность надо иметь ярлык.

140

Публикация просто поражает лакейским восторгом по поводу получения Михалковым американской награды: "Это событие крайне важно для национального кинематографа"... "Этот "Оскар" возвращает отечественному кино его авторитет — культурный авторитет во всем мире"... "Мир подтвердил, что Михалков — тот художник, который нужен ему, миру"... "Мы с полной искренностью кладем "Оскар" к ногам Отечества"...

Публикация составлена из высказываний на пресс-конференции Н. Михалкова по случаю оскорбления. Тут, конечно, заявления и самого триумфатора. Это именно он, в частности, изъявил готовность положить свою новообретенную заморскую награду к натруженным стопам Отечества. Он же с гордостью поведал, что какой-то американский журналист провел на улицах Москвы опрос "и девять из десяти отвечали": "Это наш "Оскар", наш!"

Удивительное дело! В свое время, когда "Оскара" получили фильмы "Война и мир" С. Бондарчука, снятый на "Мосфильме" А. Куросавой "Дерсу Узала" или "Москва слезам не верит" В. Меньшова, то никому, в том числе и американцам, и в голову не пришло устраивать подобные плебесциты. А когда М. Шолохов получил Нобелевскую, то такой опрос не проводили даже среди членов Союза писателей. Действительно, что за событие. Дали и ладно. Пусть выпьет и закусит хорошо. А тут, вишь, для подкрепления своего выдвиженца еще и плебесцит закатили американцы. Уж так, мол, ликует народ, так счастливы москвичи, что забыли из-за этого фильма и награды и о дороговизне, и о безработице, и о нескончаемой череде убийств. Американский "Оскар" — это все, что им требуется для абсолютно полного счастья.

Какие отборные москвичи попались американскому журналисту! Среди моих московских знакомых наверняка пять из десяти ничего не знают о фильме "Утомленные солнцем" и "Оскаре", а режиссера Михалкова путают либо с отцом-гимно-баснописцем, либо уж точно не отличают от брата Андрона.

Но кто же собрал в одну кучу эти восторги, эти мления и опупения? Кто их обнародовал. Может быть, вы думаете, что "Известия" или "Огонек"? Нет! Великая работа по сбору опупений, их классификации и компоновки напечатана 12 апреля 1995 года в четырежды орденоносной "Правде". Ее главный редактор А. Ильин, видимо, находит большую усладу в поклонении тому, что

141

пришло с Запада, как "Оскар", или хотя бы лишь побывало там, как Владимир Максимов или Андрей Синявский вкупе с Марией Розановой.

Идем дальше. "Никита Михалков — наше национальное явление... Национальный лидер номер один — Никита Михалков... Ярчайший талант... Национальный гений... Сегодня время Никиты Михалкова..." и т. д. и т. п. Перелистайте эту книгу назад, найдите страницу, где С. Наровчатов, П. Загребельный и А. Нурпеисов поздравляют Георгия Маркова с семидесятилетием. Вы поразитесь сходству той страницы и этой. А ведь, казалось бы, там — "тоталитарный гнет", а здесь — "благоуханная демократия"; там — официальные лица, секретари республиканских отделений Союза писателей, прямые подчиненные Маркова, а здесь — вольные художники, абсолютно никак не зависящие от Михалкова; там Загребельный радуется тому, что Марков награжден премией Павло Тычины, т. е. своей, отечественной премией, а здесь — восторженное хрюкание по поводу заокеанского "ярлыка на гениальность"... Что

же за всем этим стоит? Если сказать очень кратко, то деградация личности и гражданина.

Но все-таки, кого мы цитировали в последнем случае? Кто был перед нами в роли оглашенного на сей раз? Думаете, что "Общая газета" или "Сегодня"? Нет! Перед нами бесстрашная, непримиримая, всесокрушающая газета "Завтра" в лице заместителя главного редактора Владимира Бондаренко, в недавнем прошлом, разумеется, коммуниста.

Завтра. 1996. 18 января

ОБОРОТНИ

ЛУЧШИЙ ИДЕОЛОГ ВСЕХ ВРЕМЕН И КАГАЛОВ

21 января этого года в "Литературной газете" среди других откликов на дебош в Центральном Доме литераторов, учиненный группой лиц, к сему Дому никакого отношения не имеющих, напечатан и гневный отклик писателя Владимира Дудинцева. Возмутительная выходка решительно, сурово и чрезвычайно оперативно осуждена печатью. И в этом мы с В. Дудинцевым, с другими авторами в целом согласны. Но одновременно писатель высказал и такие суждения, которые дают толчок для размышления в ином направлении.

Так, В. Дудинцев негодующе пишет: "Я сам видел лозунг: "А. Н. Яковлева — вон из Политбюро!", вывешенный хулиганами на нашем собрании". Конечно, лозунг весьма резкий. Однако невольно вспоминается, что ведь подобные нестандартные лозунги звучат ныне не только в уютных залах, но и на улицах, на площадях городов — в Донецке, в Волгограде, Уфе, Черкассах...

Как противостоять охватившей страну эпидемии? Видимо, выход только такой: с одной стороны, надо умело защищать ценных работников, надо приводить убедительные доказательства их высоких моральных и деловых качеств; с другой — сами эти работники в столь напряженной обстановке не должны допускать промахов и оплошностей, особенно те из них, кто сидит в руководящих креслах по 10—20—30 и более лет. Увы, защита чаще всего никак не ведется или уж крайне неумело, а сами работники порой совершают такие поступки, что делают их защиту просто невозможной.

Вот, например, как ведет защиту В. Дудинцев. Он считает вполне достаточным заявить: "Александра Нико-

лаевича Яковлева я глубоко уважаю и как политика, и как ученого, и как дипломата, и как литератора". Целая куча уважения! Что же, очень хорошо. Но, как говорил один поэт-плюралист:

Любите и Машу
и косы елейные, —
это дело ваше,
семейное.

Однако же, если хочешь, чтобы все ценили Машу, надо показать, чем именно она хороша, почему пленяют ее косы...

Гласность для бедных

Как пишет корреспондент "Известий" Сергей Краюхин, когда 21 февраля на фестивале "Российские встречи" в ленинградском Дворце спорта "Юбилейный"

один оратор заявил, что за некоторые драматические события, в частности за недавние дела в Прибалтике, ответственность лежит на А. Н. Яковлеве, то "зал стал скандировать: "Долой Яковлева!" Не кучка хулиганов, а пять тысяч ленинградцев разных возрастов, профессий, национальностей, или, по выражению газеты, "пять тысяч патриотов". Есть некоторые основания полагать, что толчком к такой реакции на имя Яковлева могли оказаться кое-какие особенности его выступления на страницах "Литгазеты" за неделю до фестиваля в Ленинграде. Впрочем, дальше мы увидим, что есть и другие люди, профессиональные политики, которые тоже считают А. Н. Яковлева ответственным за многие просчеты и неурядицы, в том числе и за положение в Прибалтике.

Что же, Владимир Дудинцев, на гласности роток не накинешь платок. "С не меньшим воодушевлением, — ликующим слогом продолжал корреспондент, — произносились потом лозунги: "Долой Примакова!", "Долой Ельцина!" Ничего не могу сказать о Е. М. Примакове, но Б. Н. Ельцин мог спровоцировать такое приветствие ленинградцев в свой адрес выступлением по ленинградскому телевидению буквально накануне фестиваля. Оно было осуждено даже руководством Центрального телевидения, давно установившем абсолютный рекорд безропотности.

145

Разумеется, слушать и читать такие лозунги в свой адрес никому не доставляет удовольствия, но все помянутые выше политические деятели за пять лет произнесли так много прекрасных слов похвалы гласности и столь обильно, вольготно ею пользовались, что давно должны бы приготовиться к ее данайским дарам и для себя лично. Ну неужели, страстно повторяя за Генсеком девиз "Нет зон, закрытых для критики!", они были все-таки уверены, что высокие должности, звания, знакомства и красивые глаза оградят их, оставят им мини-зонку?

Между прочим, не могу понять: если В. Дудинцев и С. Краюхин, "Литгазета" и "Известия" считают приведенные лозунги несправедливыми и вредными, то зачем они тиражируют их в миллионах экземпляров по всей стране? Не есть ли это своеобразный вариант знаменитой басни "Пустынник и Медведь"?

К нестандартным лозунгам типа "Вон!" и "Долой!" было время у наших руководителей подготовиться еще с дней XIX партконференции. В. Дудинцев помнит, надо полагать, выступление на ней первого секретаря Коми обкома партии В. И. Мельникова, который, между прочим, сказал: "Тот, кто в прежние времена активно проводил политику застоя, сейчас, в период перестройки, в центральных партийных и советских органах быть и работать не может. За все надо отвечать, и отвечать персонально. *(Аплодисменты)".*

Эти слова, как видно, не очень понравились председательствующему, который персонально отвечает, в частности, за Продовольственную программу, и он перебил оратора: "А может, у тебя какие-то конкретные есть предложения? *(Оживление в зале.)* А то мы сидим и не знаем: или это ко мне, или к нему относится". Думаю, что сейчас он такой рискованной реплики уже не бросил бы. Но и тогда высокоиерархическое недовольство не смутило, не сбило В. И. Мельникова, он за словом в карман не полез. Сказанное им относилось, конечно, ко многим, и все это понимали, но оратор был сдержан, когда с достоинством ответил: "Я бы это отнес к товарищу Соломенцеву в первую очередь, к товарищам Громыко, Афанасьеву, Арбатову и другим"... Под другими, видимо, следовало понимать Г. А. Алиева, Д. А. Кунаева, В. М. Чебрикова, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, Б. Н. Ельцина, С. Л. Соколова, Ю. Ф. Соловьева, Н. В. Талызина, В. М. Зимянина, В. П. Никонова, И. В. Капитонова — членов Политбюро, кандидатов

146

в члены, секретарей ЦК. Если все они достигли в пору застоя сияющих вершин

политической власти, то ясно ведь, что были они не беззаветными борцами против него... Как бы то ни было, а вскоре все эти товарищи оказались в отставке, а потом — еще более ста членов ЦК. Да, все, кроме, разумеется, Г. А. Арбатова. Он не только остался в Академии наук и при всех своих других постах, но в результате нескольких попыток став еще и народным депутатом, даже укрепил давно занятые позиции.

Руки прочь от академика Арбатова!

Как известно, на втором Съезде народных депутатов Г. А. Арбатов внес предложение не голосовать за представленную правительством экономическую программу. "Я позволю себе не согласиться с этой позицией, — возразил депутат В. Н. Чернавин, — так как считаю, что она продиктована, видимо, боязнью взять на себя хоть какую-то толику ответственности за нашу работу на Съезде и за положение дел в стране. Слов нет, позиция ни за что не отвечать, ничего не предлагать, все подвергать критике и таким образом обозначать свою значимость, может быть, и привлекательна, и комфортна. Но верна ли она?" Это выступление поддержал депутат Л. И. Матюхин, добавив персонально о Г. А. Арбатове: "Этот товарищ постоянно, на всех этапах нашего развития, везде давал советы. Но никогда нигде не отвечал за свои заявления. Это и порождает безответственность".

Г. А. Арбатов решительно отверг позицию своих оппонентов. Выступление Л. И. Матюхина он интерпретировал так: "В силу каких-то заявлений, сделанных Мною в прошлом, теперь я не имею права выступать И критиковать..." Ну, это было сказано, конечно, в состоянии аффекта: ни о каком запрете Арбатову выступать И критиковать кого бы то ни было Матюхин не говорил, он вел речь всего лишь об ответственности за свои слова. Тем не менее народный депутат Арбатов, назвав своего коллегу "товарищем железнодорожником", заявил, что поставит вопрос "о снятии (!) депутатской неприкосновенности с этого товарища" и подаст на него в суд. Право, это было бы опрометчиво.

Действительно, вдруг в судебном разбирательстве всплывет, например, статья Г. Арбатова "Бумеранг", напечатанная в "Правде" 9 мая 1986 года и посвященная

Чернобылю. Ведь она — пример поразительной безответственности за свои слова. Усилия академика направлены были здесь на то, чтобы усыпить общественное мнение. То, что произошло с "Челленджером", те несчастья, что случились на АЭС США, Англии и других стран, он решительно именует "катастрофами", "трагедией", а Чернобыль — это, по его словам, всего лишь "авария". Конечно, авария вызывает "известное беспокойство", "определенную тревогу", но — "она не первая в мире, а 152-я из зарегистрированных". Не погибло же человечество от предыдущих ста пятидесяти одной. И вот "локальную аварию" недруги нашей страны "изобразили наподобие всемирного ядерного бедствия". Да нет же, это всего лишь "авария, несчастный случай", притом — "ничтожный по своим масштабам в сравнении с угрозой, которой чревата ядерная война". Господи, какое утешение-то! Действительно, ведь даже бомбардировки Хиросимы и Нагасаки носили локальный характер и не превратились во всемирное ядерное бедствие.

Академик даже признавал: "Авария не обошлась без жертв". Каких? Оказывается, "есть раненые и облученные". А погибшие? Глухое молчание. А между тем тогда, 9 мая, уже было известно и о погибших, позже их оказалось 28 человек, и Арбатов не мог не знать о таких жертвах.

Отчего же во всем мире поднялся тогда такой шум? Ну, это для академика совсем просто. Всю жизнь он только тем и занимался, что отвечал на такого рода вопросы. "Слишком уж беспокоил многих западных деятелей тот отклик, который вызвали у общественности США, Западной Европы и всего мира крупные

советские инициативы... Облик СССР как страны, честно и непреклонно отстаивающей мир, напугал зачинщиков гонки вооружений... Они лихорадочно искали повод, чтобы открыть массированный огонь по международному авторитету СССР... Со всех перекрестков кричали изо дня в день с утра до вечера" и т. д. и т. п. Исход всего этого был известен академику еще до того, как он сел за статью: "Их затея скорее всего обернется пропагандистским бумерангом".

Нет, не советовал бы я академику Арбатову начинать свою парламентскую деятельность с суда. Не получит ли он и здесь такой же афронт, как на Съезде со своим призывом не голосовать за программу правительства? Ведь за нее проголосовало 1532 депутата. Подавляющее

большинство, доводящее поэта Евтушенко до интеллектуального спазма.

Словом, уж как хотите, Владимир Дудинцев, но одна лишь статья "Бумеранг" и то дает основания сожалеть, что академик Арбатов, одна из виднейших фигур эпохи застоя, не только до сих пор не последовал за Соломенцевым, Алиевым, Кунаевым и другими, но еще и грозит кому-то судом. А следовательно, возможны и соответствующие лозунги. Например, "Руки прочь от академика Арбатова — руки, которые его поддерживают!".

Академик Заславская грозит судом

...Вот еще и академик Т. И. Заславская объявила с трибуны второго Съезда народных депутатов о своем намерении привлечь к суду коллегу по депутатскому корпусу Эрмека Жакселекова. Думается, при этом Татьяна Ивановна допустила сразу несколько ошибок, удивительных для человека науки. Прежде всего Э. Жакселеков в своем выступлении даже не назвал Заславскую, — вольно ж ей было узнавать себя за теми гневными словами, что сказал оратор о страшной концепции "неперспективных деревень". Ну действительно, если не имеешь к этому никакого отношения, то чего ж волноваться? Тут невольно приходит на ум поговорка об огнеопасной шапке.

Кроме того, уж если ученой женщине так хочется кого-то засудить, то следовало бы вызвать на ковер к Фемиде не Жакселекова, а писателя Анатолия Салуцкого. Это он опубликовал несколько статей, в которых с фактами в руках утверждает: Т. И. Заславская должна нести ответственность за свою активнейшую роль в создании помянутой концепции и в навязывании ее руководящим инстанциям. Писатель приводит совершенно однозначные по смыслу рекомендации академика, которые она еще в 1973 году давала Госплану в своей малодоступной для простых смертных записке: "В плане на 1976—1990 гг. следует предусмотреть решение следующих задач:

— постепенная концентрация сельского населения в относительно крупных населенных пунктах на основе сселения жителей мелких поселков... сосредоточение нового жилищного и культурно-бытового строительства прежде всего в перспективных поселках" и т. д.

А. Салуцкий идет дальше: обвиняет Заславскую как руководителя Всесоюзного центра по изучению общест-

венного мнения в манипулировании этим мнением. Писатель еще и ставит вопрос о создании специальной комиссии Верховного Совета для расследования деятельности академика. Казалось бы, сколько можно терпеть такое насилие над невинностью? Но Татьяна Ивановна почему-то терпит. И хотя грозилась подать в суд — до сих пор не подала, а на обвинения в столичной печати лишь иногда отвечает в газетах, выходящих довольно далеко от Москвы: "Юрмала", "Кузбасс".

Татьяна Ивановна сказала с трибуны Съезда: "Я уверяю, что этот слух (о ее

роли в создании концепции "неперспективных деревень". — *В. Б.)* является клеветой, он раз восемь уже опровергался в печати"... Очень хорошо! Но, во-первых, зачем восемь раз опровергать слух, если это всего лишь слух. Во-вторых, какой же это "слух", если тут публикации, да еще с цитатами, именами, фотодокументами?

А. Салуцкий последователен до конца: еще в апреле прошлого года он печатно советовал Заславской признать свою вину и подать в отставку с поста руководителя ВЦИОМа. Ну, естественно, человек скромный и интеллигентный, он не ходил с лозунгом "Татьяну Ивановну Заславскую — долой!". Да, не ходил, но тем не менее... Так, спрашивается, при чем же здесь бедный Эрмек Жакселеков?

Состязание хвалебщиков

Однако вернемся к тому, с чего начали. Повторяю, "Яковлева — вон!" — это, конечно, грубо, В. Дудинцев прав. Разумеется, было бы гораздо лучше, если бы написали, допустим, так: "Политбюро, отпусти Александра Яковлева, ветерана партии и труда, на давно заслуженный отдых!" Действительно, человеку уже под семьдесят, и без малого тридцать он в аппарате ЦК. В "Аргументах и фактах" (1990. № 5) В. Сазонов констатировал, что в нынешнем ЦК сразу после избрания на XXVII съезде более шестидесяти процентов его членов пребывали в возрасте пенсионном или близком к нему. Еще достопечальнее эта цифра среди членов Политбюро...

Но, кажется, В. Дудинцева не устроил бы ни один из возможных вариантов. Он считает в принципе недопустимым тут какой бы то ни было разговор об отставке, ибо он очень уважает Александра Николаевича. И я хочу

уважать А. Н. Яковлева как ученого, увенчанного степенью доктора исторических наук, но, признаться, неведомо мне, что открыл А. Н. Яковлев. Какой конкретный вклад внес он в отечественную, если не в мировую науку?

Как литератора я лично ставлю А. Н. Яковлева выше, чем даже известного поэта и члена ЦК, первого заместителя министра иностранных дел Анатолия Гавриловича Ковалева, не так давно, на седьмом десятке, принятого в Союз писателей. Ну, литература это не политика, тут возраст значения не имеет. Поэта Ковалева знают, конечно, все: он не только пишет стихи, но и сам оказался литературным героем. Нельзя забыть строки из романа А. Чаковского "Победа", описывающие прибытие советской делегации во Дворец конгрессов "Финляндия":

"И вот она появилась!

Леонид Ильич был в черном костюме с галстуком в красно-синюю клетку. За ним следовали Громыко, Черненко, Ковалев.

Брежнев улыбался. Это была совсем не та улыбка, которую мне приходилось в разное время видеть на лицах у некоторых государственных деятелей. Те улыбки были похожи на платки фокусников. Раз! — черный платок. Легкий взмах — и тот же платок становится белым... Я помню, как улыбались Черчилль, Трумэн, Бирнс, Этли, Иден...

Брежнев же улыбался естественно. Я был уверен, что вот такая же добрая, открытая улыбка озаряла его лицо еще до входа во Дворец, еще в машине".

Этот сравнительный анализ улыбки социалистической и улыбки капиталистической сам по себе имеет непреходящее значение для нашей литературы. Но еще увлекательней дальше: "Всем своим видом располагали к себе и остальные члены делегации. Неулыбчивое лицо Громыко на этот раз выглядело добродушно... Широкое, типично русское лицо Черненко излучало свет сердечности, будто встретился он здесь с давними друзьями. А Ковалев?.. Я

хорошо помнил его смуглое, точно опаленное тропическим солнцем лицо, его мягкую по произношению и твердую по сути своей речь... Но сегодня и он показался мне если не иным, то, во всяком случае, в чем-то изменившимся: преобразившимся из хорошо воспитанного дипломата просто в хорошего человека, с душой нараспашку" и т. д.

В своем выступлении на последнем Пленуме ЦК т. Ковалев предстал перед нами именно с душой нарас-

151

пашку, но трудно было разглядеть в нем хорошего дипломата, когда он гневно восклицал: "Курс не таков и руководство не такое?.. Пора сделать вывод: те, кто позволяет себе такое (подобное вольнодумство. — *В. Б.),* пусть приучают себя к мысли об отставке. Им не по пути с перестройкой!" Как видите, т. Дудинцев, речь опять об отставке, и не только с поста, а даже и от перестройки, и притом не какого-то отдельного лица, а многих, ибо на Пленуме многие позволили себе вольнодумство.

Впрочем, некоторая несдержанность поэта Ковалева на трибуне в значительной мере искупалась образностью его речи: "едва закамуфлированная тоска по ломовой руке"... "гнездовья дефицита"... "запреты — перегной экстремизма"... "перестройка может превратиться в подранка чрезвычайных положений"... "чучело внутреннего врага на грядках перестроечной рассады"... "можно совершить промах, не распознав великого аппаратчика или вурдалака пигмея". Крепко умеет сказать вчерашний соратник Брежнева!.. И не случайно это ему принадлежат столь восторженные восклицания о Горбачеве: "Сколько надо было ума и такта, силы и убеждения и переубеждения порой весьма трудных оппонентов высшего международного ранга, знаний и твердости". "...И тут, как и во многих других сложнейших и запутаннейших ситуациях, мы перекладываем груз на плечи одного, зная, что никто другой не справится"... "Последовательно, решительно, достойно"... "Тот человек, который пользуется абсолютным доверием советского народа и на котором концентрируется общемировой консенсус доверия" и т. д. Пожалуй, даже Г. А. Алиев на праздновании 75-летия Л. И. Брежнева был не так красноречив, но школа-то, чувствуется, — одна! Может быть, Дудинцева устроил бы именно такой спич в адрес и А. Н. Яковлева?

Почему я написал донос

Как литератор А. Н. Яковлев мне лично дал много высококалорийной пищи для размышления еще и в своей большой беседе "Синдром врага: анатомия социальной болезни" (ЛГ. 1990. 14 февраля. С. 10), — это последнее, что я у него читал. Сколько там метких замечаний, глубоких суждений, благородных призывов! Например, автор "анатомии" пишет: "Я еще понимаю — в прошлом, но сейчас, в эпоху гласности, демократии, чем

152

объяснить, что некоторые ученые, литераторы чуть не согласны с кем-то — и тотчас пространные идеологические доносы в ЦК, в КГБ!.. Да и статьи подчас больше похожи на доносы, чем на попытки познать истину... Потеря чувства юмора, а вместе с ним и стыда всегда ведет к конфузу". Воистину так!

Но, к сожалению, на свой вопрос, чем объяснить столь достопечальное явление, А. Н. Яковлев ответа не дал. Думаю, он не мог сделать этого по причине несколько идеализированного и отчасти субъективного представления о нынешней гласности и демократии. Оно сложилось, видимо, в результате того, что сам т. Яковлев имеет полную возможность высказаться, возразить оппоненту где угодно — от "Правды" до "Московских новостей", от Съезда народных депутатов до районного партактива, — и всеми этими возможностями он

пользуется. Например, покритиковали его на последнем Пленуме ЦК, и он тотчас взял слово, вышел на трибуну и ответил. Но ведь далеко же не у всех такие богатые возможности!

Чтобы далеко не ходить, сошлюсь на пример из собственной жизни. Летом 1987 года, на третьем году перестройки, три газеты — "Московский литератор", "Литературная Россия" и "Литературная газета" — одна за другой напечатали сообщения, что мне за ужасные дела вынесли партийный выговор с занесением в личное дело. Ославили меня и на московском, и на всероссийском, и на всесоюзном уровне. Нетрудно представить себе, каково это для любого человека, а для литератора особенно. Между тем никакого выговора у меня не было и нет. Во все три газеты я, естественно, обратился с просьбой дезавуировать порочащие меня публикации. Ни одна из них и не подумала сделать это. Даже не извинились хотя бы в частном письме, чтобы я мог показать его жене и теще. Может быть, не получили мои послания? Получили! Например, в "Литгазету" я направил официальное заявление на имя главного редактора А. Б. Чаковского. Оно было получено 24 июля, зарегистрировано под № 77922 и направлено первому заместителю главного Ю. Изюмову, который работает в "Литгазете" со времен Адама. Что же мне оставалось делать при таком расцвете гласности и демократии в моих родных литературных газетах? Да ничего другого, кроме доносов! И я их написал: на "Московский литератор" — в ЦК, на "Литературную Россию" — в КГБ, на "Литгазету" — в город-

скую санэпидемстанцию, — надо же соблюдать простейшие санитарные нормы человеческого общения!

Как видим, проблема доносов не так проста. Что же касается ее частного случая — статей в прессе, имеющих характер доносов, то тут т. Яковлев в своем благородном негодовании совершенно прав. Приведу опять лишь один пример. Некто Н., член Союза писателей, напечатал в одном журнале статью, где в критическом контексте упомянул всего разочек имя М. С. Горбачева. Он отважился на это конечно же в расчете на то, что тираж журнала не столь велик, лично до Горбачева его слова наверняка не дойдут, и таким образом неслыханная дерзость сойдет ему с рук. Но не тут-то было! Есть в "Литгазете" бдительный сотрудник С. И. Киселев, член Союза дизайнеров. Ему статья Н. ужас как не понравилась. Понять его можно, ибо как раз он, Киселев, представлен в ней человеком немного трусоватым, несколько беспринципным и отчасти жуликоватым. И вот т. Киселев печатает в своей шестимиллионнотиражной "ЛГ" статью (1990. 31 января), где утверждает, что Н. "сумел "поставить на место" самого Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева". Вдумайтесь только! "Поставить на место"... Смысл и цель выступления предельно ясны: "Вы не читали этого, Михаил Сергеевич? Не заметили? Руки не дошли? Так вот-с, доношу. Знайте, кто против вас копает. Надеюсь, будут приняты меры-с..." Конечно, в этом случае т. Яковлев тысячу раз прав: не статья, а донос. Да еще какой! Это почище, чем в КГБ или в ЦК. А главное, где — на страницах писательской газеты.

Тявкающий академик

В статье А. Н. Яковлева привлекает меня и многое другое. Как не согласиться, например, с его словами о том, что сейчас особенно "нужны ясность мысли, спокойствие разума, взвешенность оценок и мер". Правда, я, к сожалению, не обнаружил желанной ясности там, например, где автор с негодованием пишет: "Слишком много засуетилось людей со спичками, заболевших пожароманией". Если уж не хочется называть этих людей, то сказал бы, где они: в Калуге или в

Баку? в Рязани или в Кишиневе? в Костроме или в Душанбе?.. Не очень ясными показались мне и слова о "политическом уничтожении" А. Твардовского. Да, он ушел из журнала, кото-

рый возглавлял в общей сложности почти двадцать лет. Это и есть "политическое уничтожение"? Зачем нагнетать страсти? Ведь Твардовский и после ухода из журнала до конца дней своих оставался секретарем правления Союза писателей СССР, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям, депутатом Верховного Совета РСФСР, по-прежнему большими тиражами выходили его книги, получил пятую по счету высшую литературную премию... Пошли нам Бог такое "уничтожение". В одном перечне с Твардовским странно видеть и некоторые другие имена, в частности имя Н. И. Вавилова, который действительно был уничтожен в прямом смысле слова.

Или вот читаем: "Мы говорим: перестройка принесла свободу". Не слишком ли обобщенно это сказано? Кто "мы"? Думаю, что, например, Виталий Коротич поддержит целиком тезис об обретенной свободе. Но поддержат ли его тысячи турок-месхетинцев, десятки тысяч русских, сотни тысяч армян и азербайджанцев, ставших в родной стране беженцами на пятом году перестройки? Или это надо понимать так, что они обрели одно из основополагающих прав человека — право свободного передвижения и выбора места жительства?

Дальше автор кого-то нахваливает, а кому-то пророчит беды: "Но свобода — дар лишь для тех, кто умеет использовать ее для созидательной реализации самого себя (В. Коротич? — *В. Б.).* А если нет, то свобода может обернуться для человека (уже обернулась под руководством ЦК КПСС для помянутых выше сотен тысяч. — *В. Б.)* наказанием, дестабилизировать его внутренний мир". И внешний тоже.

Да, в приведенных примерах автор несколько отступил от своих принципов ясности, спокойствия и взвешенности. Но тем не менее как не откликнуться всем сердцем на его призыв к "большей терпимости, готовности уважительно дискутировать", как не принять всей душой напоминание о том, что отсутствием терпимости "в обществе воспитываются не только ненависть и разобщенность, но и равнодушие, беспринципность...". Все это прекрасно, замечательно, духоподъемно!

Но меня отчасти смущает (а у кого-то, допустим у ленинградцев, могло вызвать и более сильные чувства) некоторое несоответствие между этими благородными призывами, гуманнейшими принципами и языком, лексикой статьи. В частности, я несколько огорчен определенной перенасыщенностью языка довольно неласковыми

эпитетами, не слишком деликатными определениями, не очень-то корректными образами в таком духе: "кликушество", "клоунада", "глупость, недомыслие, чванство", "избыточное самолюбие, самомнение, чванство"... едва ли обращение к оппонентам на таком языке свидетельствует о "готовности уважительно дискутировать".

Дальше: опять "кликушество", "свары", "мелкая суетность", "доносы", "доносительство", "идеологические доносы"... Таким языком охотно пользуются для прославления своих литературных противников некоторые авторы "Огонька", но, право же, это не может помочь тому, кто призывает к "самой широкой общественной консолидации", кто ищет "возможность широчайшего конструктивного диалога", кто зовет других "научиться сотрудничать со всем обществом, взаимодействовать со всеми частями", кто, наконец, славит "искусство компромисса".

И опять: "эта возня", "вся эта возня", "политическая возня", "возня в

литературных подъездах"... Ну с каких это пор русские профессора и академики стали изъясняться на такой манер. Можно ли представить себе, допустим, доктора исторических наук Л. Н. Гумилева с подобными речениями на устах!

Еще: "низменные инстинкты", "догматические спекуляции", "темные инстинкты", "нравственная ущербность", "духовное растление", "распад личности", "комплекс неполноценности"... И ведь это все о живых людях, соотечественниках, с коими автор намерен "взаимодействовать" и "сотрудничать". Откуда такой набор? Из ярославской глубинки? Едва ли. Из канадской столицы? Совсем невероятно! Увы, скорей всего из возни в литературных подъездах.

Еще? Пожалуйста: "авантюристы", "ничтожества", "осенние мухи", "околовертящиеся", "подлые и злые", "ленивые и безвольные", "неумение и нежелание работать", "кто зол, ленив и завистлив", "непомерные амбиции на (!) гениальность"... Ей-ей, это даже загадочно. Неужели профессор Яковлев надеется, что после таких аттестаций хоть кто-то из самых ленивых и безвольных протянет ему руку и вместе с ним продекламирует: "Развернемся в сторону культуры — общей и личной культуры человеческих отношений!"

И вновь: "злые духи", "ведьмы перестройки", "интеллигентствующие холопы застоя", "охотнорядство", "гробокопательство"... Тут уже пена видна на губах демократии.

156

Профессор неутомим: "омерзительно", "гадость", "гнусность", "мерзопакостные формы", "не тявкнешь — не заметят"... И ведь все это, повторяю, на страницах писательской газеты, то есть предназначено прежде всего для потребления творческой интеллигенцией, литераторами. Кажется, с августа 1946 года никто из секретарей ЦК и не говорил с литераторами на таком языке. А среди пишущей братии, как известно, нередко встречаются персоны весьма чувствительные. По воспоминаниям Горького, Толстого однажды едва не стошнило, когда он встретил у какого-то писателя в одной фразе "кошку" и "кишку". А если рядом "мерзопакостное тявканье" и "гомо сапиенс"?

Можно было бы сменить пластинку, но нет: "подлая жажда власти", "топтание неугодных", "растоптать любого", "готовность изничтожить оппонента", "с дубинкой охотиться на других"... Господи, да что же это за напасть! Не позволял же себе т. Яковлев ничего подобного ни в "Правде", ни в "Московских новостях", ни на Пленуме ЦК, ни на Съезде народных депутатов. Почему именно в писательской газете так? Неужто думает, что иного языка мы не поймем, да и не заслуживаем?

Его арсенал поистине неисчерпаем: "есть люди, как бы обреченные жить в пещерах", "охота за черепами", "жажда крови", "параноическая жажда крови близких", "садистское сладострастие"... Все-таки в известном докладе о журналах "Звезда" и "Ленинград" таких стилистических взлетов, кажется, не было.

Могут сказать: да, конечно, но в том докладе подобные словеса адресовались конкретным лицам, а здесь они как бы распыляются в пространство, как бы в пустоту, как бы в эфир... А по-моему, такая анонимная распыленность еще хуже, ибо создает атмосферу всеобщих подозрений с возможностью ссылки на члена Политбюро. Допустим, кто такие "ведьмы перестройки"? Я могу думать, что т. Яковлев имел здесь в виду, скажем, Татьяну и Наталью Ивановых из "Огонька", а мой сосед будет доказывать, что "Советскую культуру" и "Смену" (Ленинград). А кого автор обрек жить в пещерах? Одни скажут, что Андрея Нуйкина, другие возразят: нет, Валентина Оскоцкого! А у кого "омерзительные формы"? У Аллы Гербер? У Юрия Идашкина? У Татьяны Толстой? Кто в "параноической жажде крови охотится за черепами"? Бенедикт Сарнов? Владимир Бушин?

Мне кажется, что лексика и фразеология статьи т. Яковлева работают не

только против благородных
157
идей, которыми он так одержим, но порою и против него самого. Причем в иных случаях — с особой силой. Например, он гневно проклинает "подлую жажду власти". Очень похвально! Однако нельзя же не понимать, как это звучит в устах человека, который за два года из "рядового" директора института стал секретарем ЦК и членом Политбюро, то есть проделал головокружительную карьеру, достиг высших ступеней власти. Поистине "потеря чувства юмора, а вместе с ним и стыда, всегда ведет к конфузу".

В полной мере воспринять возвышенный пафос статьи несколько затрудняет, помимо отдельных языковых просчетов, также и настойчивая отстраненность, с какой автор говорит о "чиновном люде", об "аппаратных манипуляторах". Например: "Руководство партии и ее чиновный аппарат на протяжении долгого времени взращивали противостояние в среде интеллигенции". Странновато слышать это от человека, который сам на протяжении очень долгого времени принадлежал к чиновному аппарату партии, к ее руководству. В его биографии читаем: "С 1946 года на партийной и журналистской работе, инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом Ярославского обкома партии. С 1953 года в аппарате ЦК КПСС: инструктор, заведующий Отделом пропаганды". В аппарате ЦК проработал до 1973 года — двадцать лет, и на важных должностях. Позже оставался членом ЦРК. Поэтому лучше было бы не кивать на безымянное "руководство", а сказать примерно так: "Мы, руководство партии, на протяжении долгого времени взращивали противостояние в среде интеллигенции". Это было бы более корректно. Можно бы в порядке той же благодетельной самокритики и примерчик конкретный привести — статью "Против антиисторизма", напечатанную, кстати, в 1972 году в той же "Литгазете".

Академики-близнецы

Но тут от Яковлева-литератора мы уже переходим к Яковлеву-политику. И в этой своей ипостаси он тоже радует В. Дудинцева. Однако, на наш взгляд, вопрос очень сложный. Кое-кто радоваться и восхищаться не склонен. Так, секретарь временного ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС) В. Н. Швед заявил на Пленуме: "Нередко на самом высоком уровне благословляются
158
процессы отнюдь не перестроечного характера. Например, меня просили передать членам Пленума, что в республике многие коммунисты связывают идейно-теоретическое обоснование процессов, приведших республику к нынешней ситуации, с визитом в Литву Александра Николаевича в августе 1988 года, когда эта ситуация только складывалась. Но вот когда она явно повернула не туда, почему-то оперативной реакции со стороны ЦК КПСС (в первую очередь, конечно, со стороны А. Н. Яковлева, видевшего все своими глазами и бывшего тогда секретарем по идеологии. — *В. Б.)* не последовало". Можно добавить: очень странно и то, что т. Яковлев не поехал в Литву, когда в январе туда направилась бригада ЦК во главе с М. С. Горбачевым.

Яковлев, конечно, оправдывался. Оказывается, в 1988 году он в Литве произносил одни только распрекрасные речи о дружбе народов. В частности, говорит, вспоминал о том, какую славу снискали во всей стране поэма Межелайтиса "Человек", монумент Иокубониса "Скорбящая мать", фильм Жалакявичюса "Никто не хотел умирать", проза Авижюса, пьесы Марцинкявичюса, театр в Паневежисе, артист Банионис, Литовский камерный театр, режиссер Некрошюс, — все перечислил, ничего не забыл! Словно доклад сделал на декаде литовского искусства. И, начисто отвергнув все претензии в свой

адрес, решительно заявил о причине кризиса: "Руководство продемонстрировало недальновидность". Но опять возникает вопрос: при таком-то глубоком знании литовской культуры почему бы не поехать в январе в Литву, дабы помочь и товарищам по ЦК, и местному руководству? Почему бы не почитать литовцам еще раз Межелайтиса?

Как всегда, не обошлось в оправдательной речи т. Яковлева, конечно, и без назидательных поучений в таком роде: "Тот, кто не знает азбуки и арифметики политики, ее логики, не может рассчитывать на успех". Сам он, видимо, "азбуку и арифметику" знает, но до поры знания свои не показывает.

Но почему-то на Пленуме его обвинили именно в незнании азбуки и арифметики того дела, которым он всю жизнь занимается. Так, первый секретарь Рижского горкома партии А. П. Клауцен сказал: "Само по себе в этой жизни, в этом мире ничего не происходит. Многое лежит в нашем прошлом. Однако главное, думается, все же в том, в чьих руках находится важнейший рычаг, влияющий на формирование общественного мнения. Я имею

159

в виду средства массовой информации. Кто владеет ими, тот и влияет на настроение и поведение людей... И давайте спросим себя. Если изо дня в день в течение года или двух (а если пяти? — *В. Б.)* идет охаивание ценностей социализма по радио, телевидению, на страницах печати, останутся ли равнодушными люди? Конечно нет. В особенности, если делается это профессионально, четко и организованно. Коммунисты часто упрекают нас в том, что мы не оказываем необходимого воздействия на работу средств массовой информации. И они во многом правы.

Вместе с тем, думается, дело не только в нас. Не так давно на встрече, кажется в Высшей комсомольской школе, уважаемый Александр Николаевич Яковлев высказал мнение, что средства массовой информации только объективно отображают те процессы, которые протекают в реальной жизни... Эту же мысль вчера подтвердил Вадим Андреевич Медведев".

Тов. Клауцен закончил так: "На примере республики я могу заявить, что средства массовой информации не столько отображают, сколько формируют процессы жизни в нужном направлении. Так было всегда, так происходит и сегодня. Видимо не случайно, что в Румынии одним из важнейших объектов первоначальной битвы было именно здание телевидения".

Разве не очевидно, что изображать прессу всего лишь бесстрастным зеркалом жизни, как это делают тт. Яковлев и Медведев, и есть незнание азбуки. Но трудно все-таки допустить, что эти люди, дошедшие до таких заоблачных вершин политической иерархии, не знали бы слов В. И. Ленина о том, что печать — самое сильное, самое острое оружие партии, что печать не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. И тут, хотим мы или нет, сам собой возникает вопрос: не сознательно ли эти люди игнорируют бесспорное ленинское положение? не с целью ли внушают народу антиленинскую мысль?

Если на упреки относительно своей роли в событиях, происшедших в Литве, т. Яковлев еще пытался возражать со ссылками на свою любовь к поэзии Межелайтиса, то на этот раз он глухо промолчал. Ни слова не возразил и т. Медведев.

Молчание т. Яковлева выглядело тем более красноречиво, что ведь, когда началась перестройка, он был заведующим Отделом пропаганды ЦК, через год стал секретарем ЦК по идеологии, и наша пресса, в которой

160

тогда произошли большие кадровые перемены, является прямым результатом неусыпных его забот.

Чтобы уж больше не возвращаться к вопросу о роли т. Яковлева в литовских событиях, напомним, что даже спустя полгода после своей поездки в Литву, в феврале 1989 года, он успокаивал нас совершенно в духе арбатовского "Бумеранга": "Я не вижу ничего страшного в движении народных фронтов Прибалтики". "Есть там люди, которые говорят, что надо отделиться от Советского Союза, но их мало. Большинство понимают, что это совершенно нереально"... "Я был на предприятиях, где национальный состав 50 на 50. Прекрасное настроение, проблем никаких нет"... "Думаю, что там все станет на свои места. И вообще, повторяю, нам надо перетерпеть и не паниковать..." Такие же призывы слышали мы после Чернобыльской катастрофы от другого академика — от Арбатова. Что же, и перетерпели, и не паниковали, и все стало на свои места: Литва заявила о своем выходе из Советского Союза...

Ничего не ответил т. Яковлев и В. Г. Ануфриеву, который, напомнив о некоторых поразительных политических просчетах, ошибках и нелепостях, сказал: "Так вот, товарищи, может, нам кто-то все-таки объяснит все эти процессы? Говорят, что их конструктором является товарищ Яковлев. Его называют за рубежом именно таким конструктором. Я скажу, что товарищ Яковлев — наш великий молчальник... Но, товарищ Яковлев, объясните нам эти процессы, ваши замыслы, ваши идеи. Может быть, мы поверим. Пока-то тревога. Пока-то, товарищи, настоящая в народе боль за все эти процессы". Нет, не объяснил, не ответил конструктор. Как ничего не ответил и раньше, после доклада о договоре 1939 года на Съезде народных депутатов СССР, когда назвали его виртуозом.

Человек тройной морали

Перечислив все профессионально-должностные и творческие ипостаси А. Н. Яковлева и заявив, что он глубоко уважает его как политика — ученого — дипломата — литератора, В. Дудинцев — это в наше-то время приоритета общечеловеческих ценностей! это писатель-то! — почему-то умолчал о том, как он относится к Яковлеву — человеку. Странно!

Для меня лично большую роль в понимании человеческого облика А. Н. Яковлева сыграло его участие в коллективной морально-политической экзекуции Б. Н. Ельцина на октябрьском Пленуме ЦК в 1987 году. У нас на Благуше был железный закон: лежачего не бьют, двое против одного — недопустимо! А тут против одного было 28. И храбрость, ярость они явили не меньшую, чем 28 героев-панфиловцев при защите Москвы. А немного позже профессор и член Политбюро, доктор наук и секретарь ЦК, член-корреспондент и депутат Верховного Совета молча наблюдал, как Ельцина на пленуме горкома еще раз прогнали сквозь строй 24 идеолога. В сумме 52 против одного... Вот с каких акций нового мышления начиналась и брала разбег наша перестройка, об одном из конструкторов которой мы тут ведем речь.

Его облик для меня еще более прояснился, когда 17 февраля 1989 года т. Яковлев заявил: "Б. Н. Ельцин — нормальный политический руководитель. Лично я критикую его и не могу понять одно... У нас, коммунистов, должна быть очень высоко развита партийная этика. А Борис Николаевич..." Ну, словом, Яковлев, без колебаний принявший участие в коллективной экзекуции вольнодумца, свято выполнил требования очень высокоразвитой партийной этики, а Ельцин, оказавшийся в одиночестве против 52-х, позорно нарушил ее.

Мы слушали дальше: "Большинство положений, высказанных т. Ельциным, правильные. Ни открытий нет, ни хулы никакой нельзя возвести". Так что же молчал об этом тогда, на октябрьском Пленуме? Причина молчания, оказывается,

такова: "А вот по настроению он поставил весь ход перестройки под сомнение". Итак, Ельцин всего лишь не сумел соблюсти кое-какие нормы высочайшей этики да выказал нехорошее настроение. Именно за это его и пожурили слегка... Все это, разумеется, не могло не вызвать эффект, совершенно обратный тому, на который рассчитывали мудрецы, знающие и азбуку и арифметику: популярность Б. Ельцина невероятно подскочила, его выдвинули своим кандидатом в депутаты многие избирательные округа. Вот тут-то т. Яковлев и встрепенулся: Ельцин? Нормальный политический деятель. И азбуку прекрасно знает. И арифметику. И химию. Я всегда говорил...

Вечером 27 ноября 1989 года, выступая по Центральному телевидению, т. Яковлев, между прочим, сказал: "Мы исповедовали двойную и тройную мораль". В этой

162

коротенькой фразе было две большие неясности. Во-первых, кто это "мы" — члены ЦК? работники нашего посольства в Канаде? сотрудники Института мировой экономики? лично т. Яковлев? Во-вторых, когда это было — в тридцатых годах? в октябре 1987 года? 26 ноября 1989-го? Я думаю, Владимир Дудинцев, как были, так и есть люди, исповедующие и двойную, и тройную мораль. И именно благодаря этому они вознеслись и парят кто над Иваном Великим, кто над статуей Свободы.

Молодая гвардия. 1990. № 6

ОРДЕНОНОСЕЦ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

Во время кампании по выборам Президента России на страницах "Независимой газеты" вспыхнул спор между генералом А. М. Макашовым, тогда кандидатом в президенты России, и академиком А. Н. Яковлевым, тогда старшим советником М. С. Горбачева. Спор был подхвачен и продолжен другими авторами, другими изданиями. Открытое письмо академика генералу тотчас перепечатали "Аргументы и факты", поддержав таким образом автора письма всей своей многомиллионнотиражной мощью. Затем, выступая по телевидению, на письмо ответил сам Макашов. Несколько позже в "Советской России" появилась моя статья, которая, касаясь завязавшегося спора, в противоположность "Аргументам и фактам", взяла сторону генерала. Почти одновременно вышел номер "Военно-исторического журнала", где под заголовком "Ответ на ответ" было помещено открытое письмо академику полковника И. Д. Галкина. Надо полагать, что это свидетельствует о том, что спор между высоким представителем Вооруженных Сил и важным представителем науки вызвал немалый интерес, и, может быть, в свете некоторых открывшихся обстоятельств не лишним будет обратиться к нему еще раз.

Невольно приходит мысль о какой-то болевой точке, тайне, связанной с фронтовым прошлым Яковлева, к чему он не желает допустить других. И в самом деле, некая тайна, загадка, пожалуй, есть. Завесу над ними приподнимают письмо полковника Галкина и две газеты военного времени, на которые сослался Александр Николаевич в письме генералу: "Красный балтийский флот" за 24 сентября 1942 года и "Красный флот" за 29 сентября 1942

163

года. Раз уж он сам указывает на них как на достоверный источник информации о своей фронтовой биографии, то мы, не будучи слишком ленивыми, решили заглянуть в эти газеты.

Из совокупности всех помянутых источников и того, что А. Н. Яковлев рассказывает сам, картина в целом вырисовывается такая. В августе 1941 года его призвали в армию и направили сначала в запасный артиллерийский полк, а потом

во Второе ленинградское стрелково-пулеметное училище (г. Глазов, Удмуртия). В феврале 1942 года он его окончил. Ему присвоили звание лейтенанта и направили в распоряжение командования Балтийского флота. Оттуда 4 апреля попал в 6-ю бригаду морской пехоты 54-й армии Волховского фронта, где назначили командиром взвода.

6 августа Яковлева ранило. Недели две находился в своей санроте, а потом отправили в тыловой госпиталь. На этом война для него кончилась. Таким образом, на фронте пробыл около трех-четырех месяцев. Поэтому когда он говорит Макашову "Вам очень хочется пострелять, а мне — нет, настрелялся", то все, кому пришлось стрелять четыре года или даже хотя бы два года, годик, воздадут этому должное.

С другой стороны, когда академик уверяет, что "за это время (то есть за три-четыре месяца. — *В. Б.)* состав взвода сменился полностью раз пять", то возникает вопрос, как согласовать такое утверждение со словами из очерка Виля Дорофеева "Александр Яковлев: уйти, чтобы остаться" ("Диалог" № 17,1990 г.) о солдатах именно этого взвода в ту пору, когда к ним пришел командиром герой очерка: "лихая братва, уже и перезимовавшая в этих окопах, и покормившая злых комаров..."? Ведь это написано в результате беседы с бывшим командиром с его слов, из коих следует, что "братва" не сменялась по меньшей мере полгода.

Да и сама атмосфера во взводе, описанная журналистом с тех же слов, как-то трудно согласуется с утверждением, будто каждые десять—двенадцать дней весь состав начисто выбивало. Например: "Отчаянная братва, щеголявшая из-под нарочито распахнутого ворота гимнастерки полосатым тельником, в первый же вечер устроила новому взводному экзамен... за карточным столом. Играли в козла. Игру, где неукоснительно соблюдался ритуал: проигравший должен лезть под стол — оттуда трижды проблеять. Новый взводный любил шахматы. Но картежник из него был никакой. И в тот вечер в блиндаже, где размещался взвод, ему трижды пришлось побы-

вать под столом. Хотя мог бы и не лезть, поскольку являлся старшим по званию". Как видим, уже тогда был большим демократом: никаких, мол, привилегий.

Но что бы то ни было, а человека ранило. Полковник Галкин пишет по этому поводу: "И я склоняю голову перед вами, как и перед всеми, кто пролил свою кровь на полях сражений за честь и независимость Отечества". Это можно только повторить еще раз.

А. Н. Яковлев говорит: "Фашисты всадили в меня четыре разрывные пули". И не только в ногу, в бедро, но, судя по его словам об осколках в легких, еще и в грудь. Выжить после четырех разрывных — редчайшее счастье, энциклопедический случай, чудо из чудес! Однако молодой и от природы, видимо, очень здоровый организм в содружестве с медициной "казарменного социализма" сделали свое благодатное дело: раненый поправился.

Но что значит поправился? Александр Николаевич пишет, что с девятнадцати лет, то есть в результате того ранения на всю жизнь "стал инвалидом Отечественной войны". Может быть, и так, но военно-медицинские инстанции — странное дело! — этого не признавали. Инвалидов, как известно, списывают из армии вчистую, его же в сорок третьем году отчислили все-таки в запас. А совсем освободили от воинской обязанности лишь много лет спустя после войны, когда он был уже ответственным работником ЦК КПСС.

Иначе говоря, во время войны его еще могли снова призвать в армию. И это представляется тем более возможным, что четырехкратное разрывное ранение не помешало все же человеку, придя с фронта, сразу поступить в институт и вести там чрезвычайно напряженную жизнь: учился и одновременно работал заместителем секретаря комитета комсомола, был членом партбюро, даже

руководил кафедрой военной и физической — и физической! — подготовки. В 1946 году Яковлев успешно окончил институт, стал журналистом, потом ответственным работником обкома партии, а затем и ЦК, где поднялся до самого верха. Словом, сделал блестящую карьеру. Остается только добавить, что, дожив вот уже до семидесяти с лишним лет, и поныне совмещает с десяток, если не больше ответственнейших постов и должностей, ездит по заграницам, то и дело дает интервью, пишет многочисленные статьи, книги, принимает активнейшее участие еще и в таких широкомасштабных акциях, как создание каких-то там общественно-политических движений. И все это пос-

ле столь ужасающих разрывных ранений. Исполать! Вот каких людей формировала эпоха того самого "казарменного социализма!".

К примеру, что ему персональная пощечина, полученная в ноябре 94-го года в Самаре!.. Как писали газеты, он прибыл туда со своей очередной умной книгой "Чаша бытия". Все эти щедринские губернаторы, префекты и прочие номенклатурные субъекты устроили академику пышную презентацию в лучшем зале города с полным показом по телевидению. И вот когда бывший член Политбюро дошел до глухариного экстаза в поношении Советской власти и коммунистов, на сцену вдруг поднялась ветхая старушка с посошком в правой руке. Она подошла к оратору и сказала: "Я родилась в октябре семнадцатого года". А потом переложила посошок из правой руки в левую — и хрясть академика по физиономии! Боже, что тут началось! Пожар в бардаке во время наводнения. Телевидение, конечно, сразу выключили... Говорят, это была дочь давно почившего самарского предводителя дворянства беспартийная Мария Васильевна М. А орденоносец Яковлев не ворохнулся и даже в столь экстремальной ситуации изрек афоризм: "Все равно, большевики, вам не повернуть вспять колесо истории!" Раньше, лет пятьдесят, он сам изо всех сил это колесо на империалистов катил. Утомился, конечно, но все равно, что ему, выжившему после четырех разрывных ранений одна-единственная пенсионерская оплеуха...

Но вернемся во фронтовую пору. Журналист Дорофеев, побеседовав с еще не битым академиком, пишет о нем: "По-видимому, он оказался неплохим командиром. В сорок втором, когда до переломного Сталинграда было куда как далеко, награды пехоте давались скудно. У Яковлева же за несколько месяцев фронтовой жизни их две. Орден Красной Звезды, самая окопная награда, и Красного Знамени, который нашел его спустя сорок лет после войны".

Тут требуются некоторые уточнения. Во-первых, в описываемую пору сорок второго года переломная Сталинградская битва громыхала уже вовсю. Во-вторых, за время войны свыше 100 тысяч моряков-балтийцев были награждены орденами и медалями, а Яковлеву не повезло: он вернулся с фронта без награды. Я, говорит, вообще к почестям равнодушен. Но факты, увы, не соответствуют этому прекрасному утверждению. Недавно стало известно, что 13 января 1946 года, когда Яковлев работал в Ярославском обкоме партии, на него был оформлен наградной лист: заслуживает, мол, ордена Отечественной

войны второй степени. При этом он почему-то был назван "командиром Отдельной роты автоматчиков". Но, во-первых, Яковлев командовал не ротой, а лишь взводом. Во-вторых, что такое "Отдельная рота автоматчиков"? Кто ее на фронте видел? В ноябре 1947 года награду работник обкома получил — орден Красной Звезды.

Позже, работая уже в ЦК и поднимаясь там все выше и выше, энтузиаст "казарменного социализма" обрел еще немало наград, одних только орденов Трудового Красного Знамени три штуки, но в данном случае это нас не очень

занимает. У Э. А. Шеварднадзе, например, пять орденов Ленина да еще куча других, в том числе орден Отечественной войны, хотя он и в армии-то не служил.

Гораздо интереснее то, как на груди Александра Николаевича заблистал второй боевой орден, о котором он сам неоднократно рассказывал в разных аудиториях как о полученном через сорок шесть лет и которым, судя по всему, очень гордится. И. Д. Галкин пишет: "Будучи уже членом Политбюро ЦК КПСС, вы были награждены орденом Красного Знамени за этот же боевой эпизод". За какой? Да за тот самый, что имел место 6 августа 1942 года. Что ж получается, две награды за одно и то же? Ведь такого не бывает, не должно быть! Галкин спрашивает: "Почему тысячам раненых в повторном награждении отказано, а вам нет?.. Почему вы не отказались от повторного награждения? Вы советуете генералу Макашову вымыть руки перед тем, как листать ваши военные страницы, но как быть с чистотой совести?"

Не будем, однако, горячиться. По-человечески рассуждая, ведь бывают же такие дела, за которые хоть и не полагается две награды, но, право, не жалко бы и два ордена, и пять. Поэтому лучше обратиться к самому эпизоду 6 августа, к тому, что о нем говорит сам участник и что писали в 1942-м названные им военные газеты. Когда в мае 1989 года А. Н. Яковлев беседовал по телефону с читателями "Красной звезды", инвалид войны Владимир Васильевич Катуков из Моршанска пожаловался: в 1943-м за спасение в бою Знамени и документов штаба представлен к награде, но так до сих пор и не получил ее, хотя много раз обращался и в ЦК партии, и в Министерство обороны, и в Центральный военный архив. Отвечая инвалиду, высокий собеседник сказал: "У меня самого судьба схожая". Это было удивительно. В чем сходство-то? Во-первых, в отличие от Катукова, Яковлев, как уверяет, ни в какие инстанции ни разу не

обращался, не мыкался десятилетиями. Больше того, говорит, что будто бы "со временем это забылось". Во-вторых, он-то орден получил, его-то орден сразу нашел, как только он стал членом Политбюро, а Катуков не получил — вот так сходство! Как между чемпионом по плаванию и утопленником. Но, может быть, сходство, наконец, в том, что будущий архитектор перестройки, подобно Катукову, тоже спас в бою Знамя и штабные документы? Посмотрим...

Углубившись в газеты, на которые кавалер ордена Красного Знамени сослался как на подтверждение правдивости того, что он о себе говорит, мы с удивлением обнаружили в них много странностей, загадок и такие обильные несовпадения с фактами, уже известными нам со слов самого кавалера, что порой возникало сомнение: да о том ли Яковлеве идет здесь речь?

Некоторые несовпадения не столь уж существенны. Например, академик говорит, как помнит, что был ранен четырьмя пулями да еще разрывными, а из газетных очерков получается, что ранило его при взрыве мины, причем из текста не ясно, чья это мина, немецкая или наша. И в других источниках о разрывных пулях не говорится. А они были запрещены международной конвенцией, и поэтому странно, что обе газеты умолчали о факте использования их немцами, если он имел место.

Но спрашивается, какая разница — пуля или осколок, свой осколок или вражеский. Правда, между простой пулей и разрывной разница такая, что не приведи Господи. Но, с другой стороны, ведь можно убить и простой пулей. Словом, все это детали.

Однако есть несовпадения и более существенные. Так, Александр Николаевич говорит: "Меня ранило в расположении немцев". И в помянутом наградном листе то же: "Яковлев ворвался в расположение противника и завязал рукопашный бой". А газеты рисуют несколько иную картину: ранило в тот момент, когда шла наша артподготовка, и в расположение противника, преодолев

заслон, еще только предстояло ворваться.

Если человек ранен очередью разрывных пуль и хотя бы одной из них в грудь, то трудно представить, что он тут же не потерял сознания. Однако из рассказа газет следует, что этого не произошло. Больше того, раненый не только не потерял сознания, но будто бы и разговаривал с подбежавшим товарищем: "Потом придешь, подберешь..." Конечно, можно допустить, что в очерках много напутано (странным образом они появились в га-

зетах спустя почти два месяца после боевого эпизода), но не мы же притянули их к спору, а сам Яковлев указал на них как на достоверные документы.

Читаем, что говорит он дальше: "Меня потащили обратно (то есть в наше расположение. — *В. Б.)* пять человек". На звук разрыва, на крик раненого, естественно, могли сразу кинуться несколько человек, но, столкнувшись около него, все, кроме одного-двух, должны были немедленно вернуться на свои боевые места. Если же все пятеро продолжали тащить одного, то приходится сказать, что это было не столько помощью своему товарищу, сколько трусостью: завязывался бой, был дорог каждый автомат и штык (всего их было только 28), а они под благовидным предлогом помощи раненому скопом отходили на свои позиции, в сущности, бежали с поля боя, оставляя во вражеском расположении товарищей и уменьшив процентов на 20—25 и без того невеликие силы, да еще в обстановке, когда взвод остался без командира.

Но дело не только в трусости. Такое поведение в бою было бы еще и преступной безграмотностью: вместе с раненым спасители образовали прекрасную для противника крупную групповую цель — кучу из шести человек. Иначе говоря, они сами создали на поле боя ситуацию, чреватую трагическими для себя последствиями. И последствия, по словам Яковлева, не замедлили грянуть почти в самом худшем виде: "Четырех из них убило".

Конечно, во всем этом опять же есть нечто странноватое, загадочное. Во-первых, знакомый нам по рассказу В. Дорофеева и по тем старым газетам образ "лихой братвы", прошедшей фронтовые огни и воды, никак не согласуется ни с трусостью, ни с элементарной военной безграмотностью, которой наделил их теперь бывший командир. Во-вторых, уж больно эффективен огонь противника: из пяти человек убиты наповал четверо! Наконец, в газетах об этих погибших — ни слова. Да, кое-что настраивает тут на скептический лад. Но в то же время, как говорится, чего на фронте не бывало. А с другой стороны, коли все это перед лицом многомиллионной аудитории утверждает сам Яковлев, то пусть и несет за свои слова ответственность. Горько, но мы вынуждены ему верить. Что же дальше? Яковлев говорит: "Пятый видит — дело плохо, вскочил, уже не тащил вот так по земле, а просто встал, взял на руки и побежал". Один сделал то, что старались сделать пятеро. И ведь с самого начала было ясно, что это по плечу одному. Но здесь новое

расхождение с газетами: по их описанию, краснофлотец Гавриленко не сразу потащил в тыл упавшего командира, а после того как удалось принять участие в рукопашной схватке, отбить у врага четыре ДЗОТа и оттеснить его в глубь позиции. Надо думать, на это ушло немало времени, а Александр Николаевич все лежал и лежал, и непостижимо, как, будучи столь тяжело ранен, не истек при этом кровью. Сам он объясняет эту густую концентрацию чудес просто: "Я в рубашке родился". Ну, разве что...

Многие участники той схватки в газетах названы по именам: старшина 2-й статьи Федорченко, старший сержант Козлов, сержант Хоботов, краснофлотец Кужелев и т. д. Надо полагать, Яковлев помнит все имена своих товарищей по оружию, своих подчиненных. И уж до конца дней не забудет тех четверых, что

нелепо погибли, спасая его. Ну и уж вовсе невозможно представить, что забудет когда-то пятого — своего спасителя. Тем более что, по данным газеты, оттащив раненого в санроту, Гавриленко вернулся в бой и тоже погиб. Но удивительное дело: неоднократно рассказывая о том, как его ранило и как спасали, точно отмечая, что пуль было четыре и какие они, президент фонда "Милосердие" ни разу не назвал никого из этих пятерых. Ни одного, включая погибшего спасителя!

Это тем более удивительно, что президент, увы, не свободен от моральной ответственности за гибель товарищей. Сейчас он спрашивает генерала Макашова: "Чему вы учите своих солдат?" Но ведь следует спросить и его: "А чему вы учили своих?" Ведь прежде всего именно он, взводный Яковлев, их непосредственный командир обязан был обучить солдат (возможно, новобранцев) хотя бы простейшим правилам поведения в бою, предостеречь от таких безграмотных глупостей, как та, которую они совершили, кинувшись ватагой на помощь одному. В данном случае президент едва ли имеет моральное право повторить вслед за поэтом:

Я знаю, никакой моей вины
Нет перед тем, кто не пришел с войны.

Был ли из этих пятерых кто-нибудь посмертно награжден, хотя бы Гавриленко, неизвестно. Но мы знаем, что именно за этот бой получил два ордена отец-командир. И тут, пожалуй, самая большая странность во всей этой истории. Действительно, во-первых, он выбыл из строя,

как свидетельствуют газеты, еще в момент артподготовки, до соприкосновения с противником, боем не руководил, в сущности, даже не участвовал в нем. Во-вторых, ни боевого знамени, ни штабных документов, подобно Катукову, ни товарища по взводу Яковлев не спас. Совсем наоборот! Спасая его, погибли другие. И вот при всем этом — два ордена...

Увы, ясное осознание страшной подоплеки сей двойной награды не остановило руку, протянутую за орденом, не заставило ее вздрогнуть ни в первый, ни во второй раз. Не остановило, не запнуло и язык, то там, то здесь охотно глаголящий на публике об этой кровоточащей награде. Наконец, нельзя умолчать и о том, что когда Яковлев говорит, будто орден разыскивал его сорок шесть лет, а на самом деле он получил его в том же 1988 году, когда А. А. Громыко подписал Указ о награждении, то перед нами нечто такое, чего лучше бы нам не видеть.

Александр Николаевич то и дело является перед нами на экранах телевизоров, его фотографии мелькают в газетах и журналах, его улыбки преследуют нас всюду... И каждый раз, когда я вижу его лицо, его спокойную улыбку, меня пронзает мысль: "Боже милостивый, за этого человека отдали жизнь четыре моих сверстника!.." И тени их воочию встают в моем сознании за его спиной.

Завтра. 1995. Апрель

АНАТОЛИЙ СОБЧАК, ХОДЕЦ

В июне 1989 года на первом Съезде депутатов СССР была создана Комиссия по расследованию известных драматических событий в Тбилиси 9 апреля того же года. Председателем комиссии избрали Анатолия Александровича Собчака, депутата из Ленинграда. Многие радовались: прекрасная кандидатура! И то сказать, за плечами доктора юридических наук, профессора Собчака лежал поистине безупречный жизненный путь. В четырнадцать лет, не мешкая, сразу, как только разрешил Устав, он стремительно вторгся в ряды четырежды

орденоносного Ленинского комсомола и почти до тридцати лет, неуклонно поднимаясь со ступеньки на ступеньку, неутомимо трудился на сей благодатной ниве, последовательно занимал руководящие посты. Пожалуй, мог бы добраться и до самой макушки, но помешала страстная любовь к науке.
171

Видимо, именно из-за этой любви произошла изрядная заминка со вступлением в партию. Некогда было: писал важные ученые труды по хозяйственному праву. В другой раз можно порассуждать о его трудах, а сейчас лишь в целом читатель может судить о них по заявлению А. Собчака о приеме в партию, в ряды которой на четвертом году перестройки все-таки решил влиться: *"Прошу принять меня в члены КПСС, потому что в это решающее для партии и страны время хочу находиться в передовых рядах борцов за дело социализма и коммунизма. Программу КПСС изучил, признаю и обязуюсь выполнять ".*

Тут разве что не хватало клича "Вперед!".

В партию вступал не двадцатилетний студиоз или солдат-новобранец, а умудренный жизненным опытом человек, которому уже перевалило на шестой десяток, известный ученый, обогащенный широчайшими познаниями в области хозяйственного права. Уж если такой человек говорил: хочу находиться в передовых рядах борцов за коммунизм и готов защищать его даже голой грудью, то можно было верить — так оно и есть. Если он заявлял: изучил, признаю и буду выполнять до последнего часа, то какие тут могли быть сомнения!

Преданность правоведа-хозяйственника социализму, его явная готовность пролить кровь за коммунизм заслуживают быть особо отмеченными еще и потому, что тогда, в середине 1988 года, слова "социализм" и "коммунизм", кажется, уже начисто исчезли из лексикона главного идеолога перестройки А. Н. Яковлева...

В определенном смысле профессор-борец смело шел против руководящей линии. Что же, это для него привычное дело. Он рассказывает о таком, например, случае, бывшем с ним еще много-много лет назад: "Однажды ночью привиделось во сне: с трибуны Кремлевского Дворца съездов я, беспартийный, говорю все, что думаю и о нашей политической системе, и о ее вождях, а Брежнев и Суслов с каменными лицами все это внимательно выслушивают..." Может быть, ожидал, что после такой его речи Леонид Ильич подойдет к нему и скажет: "Профессор, и вы до сих пор не в партии? Да нам же позарез нужны такие образованные, честные и смелые люди! Михаил Андреевич, билет!" Подбежал бы Суслов и протянул чистый партбилет. Генсек сам заполнил бы его и под аплодисменты всего Дворца съездов тут же вручил Собчаку...
172

Увы, даже во сне этого не произошло. Брежнев и Суслов слушали смельчака с каменными лицами. "Проснулся я, — говорит он, — в холодном поту". Да, не просто отважиться на борьбу с тиранами даже во сне. Хорошо, что рядом жена Людмила, женщина решительная и находчивая. К тому же она историк. Наверняка из анналов мировой истории ей известны факты летаргической борьбы за свободу и демократию, и она знала, что делать: накапать храброму супругу валокордина и поставить на пылающий лоб уксусный компресс.

Собчак однажды сказал: "Я из породы отличников". Так же он может сказать, что одновременно из породы летаргических тираноборцев. Действительно, есть целая порода людей, которые, не щадя себя, борются против властителей и тиранов во сне под покровом ночи в мягких постелях. Например, человек той же самой благородной породы — профессор Федор Михайлович Бурлацкий, старший собрат Собчака. Он рассказывает: "Я с юности не любил Сталина. Мне нередко снилось, что я спорю со Сталиным, и все было очень четко, как в хорошем кино. Я обвинял его в преступлениях, я говорил ему о бедах народных... А он со своим

характерным акцентом (киносновидение, значит, было звуковое. — *В. Б.)* все веско опровергал".

Эти профессорские сны словно две серии одного и того же фильма ужасов. И заметьте, как нарастает разоблачительный пафос: если в первой серии Сталин веско опровергает все, что бормочет во сне Бурлацкий, то во второй Брежневу и Суслову уже нечего возразить на бормотание Собчака, им остается лишь молчать да каменеть...

Это было за десять лет до комиссии по событиям в Тбилиси. А комиссия оказалась Тулоном доктора Собчака. Именно с нее, хотя результаты ее деятельности в самых существенных моментах были опровергнуты компетентными специалистами, началась его небывалая, грандиозная, анекдотическая известность.

И вот такой-то человек издал книгу. Назвал ее "Хождение во власть". Глянцевитая, раскрашенная обложка. На ней — фотопортрет автора, по-моему, способный запомниться на всю жизнь многим: зияющий черной пропастью, распахнут рот, губ почти нет, зато видны верхние и нижние зубы, своим обилием заставляющие думать об их мощи, глаза рассмотреть невозможно, они тонут в зловещих темных провалах, нижняя часть лица и шея покрыты банной краснотой, особенно сильной под

носом и вокруг рта, морщинистый кулак левой руки с поучающе выставленным указательным перстом вскинут вверх. От всего облика веет не то мощью, не то натугой. Остается добавить, что в расплывчатой фигуре на заднем плане угадывается М. С. Горбачев.

В книге читатель найдет еще более двадцати изображений автора: с тем же Горбачевым, с Ельциным, патриархом, Старовойтовой, с женой, на чикагской бирже и т. д. Для начала это неплохо. Наиболее выразительны, на мой взгляд, те фотографии, где ученый опять же со стиснутыми кулаками или с перстом, указующим прямо в душу читателю.

Книга имеет подзаголовок "Рассказ о рождении парламента". Но самое интересное в ней — это образ самого автора. Он говорит о себе много, характеризует себя разнообразно и выразительно. Например: "Я не западник и не славянофил, я просто россиянин"... "Я истинный петербуржец"... "Я не пророк".- "Я человек малопьющий"... "Я мечтаю о своих книгах"... "Я человек нерелигиозный"... "Я юрист и не привык к априорным выводам"... "Я смельчак, попытавшийся предъявить счет московской верхушке"... "Я не принадлежу к авантюристам и смельчакам"... "Я становлюсь для властей предержащих фигурой"... "Я не страдаю комплексом неполноценности"... "Я принял роль своеобразного юридического консультанта при Съезде..."

Из приведенных строк читатель, конечно, заметил, что профессор любит поякать. Да, сей маленький грешок водится за большим человеком.

Так, явившись в качестве гостя на Съезд народных депутатов РСФСР, он получил слово на трибуне и говорил в таком же самом духе: "Я думаю... Я нахожу... Я прошу... Я считаю... Я не считаю... Я уверен... Я не уверен... Я хочу... Я не хочу" и т. д. В небольшом выступлении успел якнуть 24 раза, установив тем самым абсолютный рекорд для Российской Федерации. Лишь генералу-философу Д. А. Волкогонову, тоже, разумеется, профессору, удалось приблизиться к уникальному результату чемпиона: якнул 19 раз.

Приведенные выше самоаттестации А. Собчака очень интересны, конечно, но, сопоставляя их с конкретным содержанием его книги и с некоторыми фактами, которые известны по другим источникам, мы убеждаемся, что не все так просто. Например, решительно заявив, что он не пророк, автор, однако же, без конца пророчествует,

и все в духе Кассандры, вышедшей на пенсию: "Колхозы и совхозы будут распущены"... "Марксизм приговорен историей"... "Судьба коммунизма в России предопределена"... "Компартия уйдет с политической арены"... и т. д. Все эти картины будущего довольно контрастны и категоричны, но мы порой видим, что о настоящем и прошлом говорит прорицатель нечто весьма странное и противоречивое.

Так, он утверждает, что в ноябре 1990 года В. Бакатина "отправили в отставку без объяснения причин". Казалось бы, какая жестокая бесцеремонность! Но в другом месте мы читаем, что он и А. Яковлев сами "оставили президента". Как же связать одно с другим? Кроме того, короткое время Бакатин, кажется, действительно был без конкретного дела, оставаясь, впрочем, членом Президентского Совета, но очень скоро, как только создали Совет Федерации и Совет Безопасности, он стал их членом. Это, уважаемый, называется не отставкой, а перегруппировкой сил. Что же до Яковлева, то у него вообще никакого интервала не было: из члена Президентского Совета он сразу стал старшим советником президента и членом других важных инстанций. Сам же предсказатель в другом месте с чувством восклицает о нем: "Он — ближайший и наиболее последовательный сподвижник Горбачева. Его теоретическому таланту, его гражданскому мужеству мы обязаны до конца дней". О, да! До конца дней Советской власти...

О Б. Ельцине ясновидец прошлого и будущего сообщает, что в 1987 году его "изгнали". Вся ли тут правда? Ведь хорошо известно, что из Политбюро Ельцин вышел по собственному заявлению. Из секретарей МГК, допустим, действительно "изгнали". Но куда "изгнали"-то? В министры! Странно, почему Собчак умолчал еще о том, как Ельцина "изгнали из партии"... Возможно, он расскажет об этом в новом издании своей книги.

Сильное впечатление остается и от слов Собчака о том, что он юрист, и для него неприемлемы никакие априорные выводы. Замечательно! Но вот что он пишет, например, об известном письме Нины Андреевой*: "В лигачевском аппарате и при непосредственном участии

*Речь идет об опубликовании в газете "Советская Россия" 13 марта 1988 года письма доцента Ленинградского технологического института Н. Андреевой "Не могу поступаться принципами", вызвавшего бурную реакцию "демократического бомонда".

самого хозяина родилось знаменитое "письмо"... Это плод бессонных ночей и коллективного творчества журналистов и аппаратчиков". Есть ли у автора доказательства этого? Может, он сам провел несколько бессонных ночей под столом в кабинете Лигачева? Вроде бы не провел, и никаких других доказательств у него нет. Все тут утверждается априори. Но дальше, видимо потеряв контроль над собой, юрист сам себя опровергает, называя письмо "творением ленинградской химички", то есть плодом все-таки ее индивидуальных, а не коллективных усилий.

Большой интерес вызывает и такая самоаттестация автора, как объявление себя "истинным петербуржцем". С точки зрения биографической здесь опять не все в порядке, ибо родился наш герой далеконько от любимого города — в Чите, потом жил тоже не так уж близко — в Средней Азии, в Коканде, долго работал в Ставрополье. Так что изрядно большую и, видимо, лучшую часть своей додепутатской жизни провел совсем не на берегах Невы.

К этому можно добавить, что, став депутатом, народный избранник начал так часто кататься по заграницам, так надолго покидает любимый город, что председатель Комиссии Верховного Совета СССР по этике А. А. Денисов вынужден констатировать: "По зарубежным поездкам все рекорды побиты А.

Собчаком и Г. Старовойтовой".

Не исключено, что за этим скрывается новый рекорд, ибо А. А. Денисов к тому же говорит о чемпионах вот что: "За свои выступления они получают оплату в валюте. Б. Ельцину и А. Собчаку там платят по повышенным расценкам". То есть вполне возможно, что по рекордным. Жаль, конечно, Г. Старовойтову, если в данном . случае она в круг рекордсменов не входит.

Но если нашего героя нельзя назвать "истинным петербуржцем" по причине биографических данных, то, может быть, он хотя бы полуистинный в душе? Во всяком случае доктор делает именно такой вид, когда, скажем, возмущается "провинциальной" (это его любимое ругательство) невоспитанностью и грубостью других. Был когда-то случай: один парламентский оппонент, отбиваясь от нападок неустрашимого Собчака, сказал, что тот его "обмазал". Конечно, это прозвучало двусмысленно: то ли медом обмазал, то ли не медом... И вот профессор запомнил сей случай, вставил его в свою книгу, уделил

176

ему полстраницы, произвел лингвистически-правовой анализ и квалифицировал: "Это словечко, уместное в уголовном жаргоне". Ну и конечно, по всей книге разбросал соответствующие словечки, посвященные самому обидчику.

Кстати, о других своих оппонентах наш герой выражается, живописует их еще ярче: "после очередной истерики...", "остервенело кидались...", "стадный инстинкт ярости и агрессии...", "беснующаяся ненависть...", "концентрация ненависти...", "в зале не было депутатов, была толпа, повинующаяся инстинкту сталинизма...", "наотмашь бьет идущая от зала волна ненависти и неистовства..." и т. д. А вот уже не суммарно о "стаде", а о конкретных лицах, о живых людях: "Он искренне не понимал, что смешон. Мысль о собственной некомпетентности даже не могла прийти ему в голову", "отсутствие необходимых знаний, человеческой и политической культуры", "способность с важным видом изрекать самые немыслимые глупости...", "политический мертвец...", "околевающий дракон" и т. д.

Все это особенно скорбно по той причине, что ведь самого-то Собчака неоднократно учили уму-разуму и в союзном парламенте, и в российском, и в Ленсовете, но никто же называл его ни околевшим драконом, ни ожившим мертвецом. Никто не сказал ему, что, именуя себя юридическим консультантом Съезда или смельчаком, предъявившим счет московской верхушке, он с важным видом изрекает самые немыслимые профессорские глупости.

Когда, например, в марте 1990 года при выборах Председателя Верховного Совета СССР отчаянный журналист В. И. Колотое выдвинул кандидатуру нашего героя, это вызвало сначала оторопь, а затем решительный протест многих депутатов, но как достойно они говорили! Так, А. А. Джаримов сказал: "Как это понимать?.. Здесь нужны выдержка, доверие, взаимоуважение, а как раз этого мы у товарища Собчака не наблюдаем. Нет у вас, Анатолий Александрович, ни взвешенности, ни элементарного политического чутья, без которых невозможно быть политическим деятелем, хотя в претензии на этом вам не откажешь. Красивой фразеологией вы политического капитала не накопили. Я против".

В таком духе говорили и другие депутаты. Да, сурово, но никаких "стадных инстинктов" и "немыслимых глупостей", "дохлых драконов" и "смердящих динозавров".

177

Похожую картину мы наблюдали в российском парламенте, где профессору дали хороший отлуп за то, что тех, кто пригласил его в гости, он стал обзывать провинциалами. Один из ораторов предложил ему извиниться и перед отдельными депутатами, и перед всем парламентом. Гость и не ворохнулся! Тогда депутат Ленсовета Н. Андрущенко заявил в газете, что он приносит извинения за

своего председателя. Это был истинно ленинградский поступок. А Собчака, писал Андрущенко, готового "оскорбить каждого, имеющего отличные от его собственных взгляды, никак нельзя считать ленинградцем".

Нет, не проходит наш герой в "истинные петербуржцы" и по воспитанности, поведению, культуре общения. Но тогда, может быть, по эрудиции, по глубине понимания многих проблем, явлений, фактов как прошлого, так и настоящего. Это невольно приходит на ум, когда видишь, как гневно Собчак стыдит многих за неосведомленность, некомпетентность, невежество.

Но вот он пишет: "Держава. Родина. Коммунизм". Эта триединая формула составлена по идеологическому рецепту императора Николая I. Вспомним: "Православие. Самодержавие. Народность"... Да, был такой "рецепт", но составил его не царь Николай, а граф С. С. Уваров, министр народного просвещения, президент Петербургской Академии наук. Это уж поистине известно не только студентам, но и школьникам.

Собчак очень любит покопаться не только в русской истории, но и в русской литературе. И посмотрите, с каким усердием он это делает: "Когда Петербург был столицей Российского государства, высокочастотный имперский пульс ощущался и русскими писателями: "сорок тысяч одних курьеров" — не вранье гоголевского героя, а наблюдение самого писателя". Ну, во-первых, у помянутого героя все-таки не сорок, а тридцать пять тысяч. Видимо, ученый спутал Хлестакова с Гамлетом, который над гробом Офелии восклицает: "Я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут". Во-вторых, и тридцать пять тысяч курьеров все-таки вранье, по крайней мере до сих пор в этом никто, кроме профессора Собчака, не сомневался. Конечно, Иван Александрович очень подошел бы для межрегиональной депутатской группы на роль координатора, но не надо его идеализировать. Хотя, бесспорно, это очень увлекательное зрелище: опровергая Маркса и Ленина, профессор защищает и оправдывает Хлестакова.

Можно еще долго с помощью исторических, литературных и иных тестов проверять профессора на петербуржесть, но оставим это собчаковедам и обратимся-ка лучше к живой современности, что бушует у нас на глазах. Какие представления у нашего героя о ней, как он ее видит?

Профессор пылко восхищается преимуществами западного образа жизни перед нашим. Да, некоторые преимущества там есть, как есть свои бесценные преимущества и у нас. И второе обстоятельство убедительно доказывает порой, между прочим, именно те доводы, которые ученый приводит для доказательства первого. Так, он пишет: "Не у нас, а в США идет процесс самоограничения общества: скажем, запрещено курить в общественных местах". Кому не известно, что у нас испокон веку было запрещено курить во многих общественных местах, например в кинотеатрах и в метро, на трибунах стадионов и в трамваях, а в США в подобных общественных местах всегда курили. Так что тут они лишь кинулись догонять нас... А кроме того, неужели ученый человек не понимает, сколь неуместно и даже кощунственно выглядит ныне его упрек родной стране в том, что она отстала от Америки в "процессе самоограничения", когда этот "процесс" дошел у нас уже до таких пределов, что страшно.

Этот грустный ляпсус насчет курения помогает по достоинству оценить нечто гораздо более важное: автор пользуется любым случаем, чтобы опорочить достижения своей Родины, очернить успехи социализма, и с этой целью прибегает даже к такому, например, доводу — западные страны во многом-де преуспели "благодаря нашему негативному опыту". Только негативному! Разумеется, негативный опыт весьма полезен, он может предостеречь от ошибок, но шубу из него не сошьешь.

Будучи совершенно неутомимым в страстном желании опорочить социализм,

Собчак заявляет, например, что у нас "все иные формы собственности, кроме государственной, были уничтожены". На следующей странице с еще большим пафосом и категоричностью обличает: "Коммунистическая бюрократия упразднила все виды частной и коллективной собственности, кроме, разумеется, государственной". Подчеркнем: уничтожили все формы! Упразднили все виды! Допустим, кто-то по молодости лет или из уважения к ученому званию автора поверит ему. И каково же будет этому человеку через три
179
страницы прочитать у этого же автора: "По действовавшей в 1989 году Конституции госсобственность была признана основой социалистического строя. А все прочие формы собственности по отношению к ней объявлялись подчиненными и второстепенными". Значит, есть и "прочие формы" собственности? Как так? Значит, коммунистическая бюрократия упразднила не все виды, не все формы, кроме государственной? Ученый правовед, кстати, сам и называет другие формы существующей у нас собственности: кооперативно-колхозная, личная собственность граждан... Как же свести тут концы с концами?

Но это еще не все, что Собчак может сказать нам по вопросу о собственности. Вот его любимая песня: "Частная собственность доказала свою эффективность... Вернуться в лоно европейской цивилизации, следовательно, признать право частной собственности... Пока частная собственность не утвердится в нашем укладе, на центральных улицах городов по-прежнему вы должны смотреть под ноги, чтобы не вступить в зловонную лужу или размазанное пятно кала..."

Я лично, как и множество моих соотечественников, конечно, не хочу вступать в вышеуказанные пятна, и мы вовсе не против частной собственности как одной из форм экономической многоукладности, но под влиянием терпких аргументов Собчака я уже готов был признать частную собственность гвоздем всей нашей и мировой жизни, даже единственно возможной, как вдруг он же спокойно сообщает мне: "В постиндустриальном обществе частная собственность в ее классическом виде все более утрачивает свое значение". Утрачивает?!

Но ведь только что сам сказал, что она жуть как эффективна, что без нее кругом одни лужи и пятна! А что же тогда вместо нее? Оказывается: "Она заменена (как, уже? — *В. Б.)* различными видами акционерной и коллективной собственности". Вот те на!..

Словом, по самым разным, по весьма многочисленным параметрам профессор Собчак никак, ну никак не проходит, не вписывается в "истинные петербуржцы". В душе он понимает это, конечно, и сам. Но ему так хочется, чтобы его называли петербуржцем, так жаждется! Пушкин... Блок... Ахматова... Пожалуй, если был бы шанс на успех, он мог бы дать объявление: "Меняю профессорское звание и ученую степень доктора юридических наук на звание истинного петербуржца. Возможны варианты". Какие варианты? Ну допустим, если кому-то
180
совсем неинтересно профессорство, а докторской степени показалось бы мало, то Собчак мог бы дополнительно предложить, скажем, тысячу экземпляров своей книги "Хождение во власть". Но, увы, на эту бартерную сделку надежды мало. Даже в свободной экономической зоне.

Как же быть? Как же быть? Как же быть?.. И представьте себе, Собчак нашел выход! Придумал! Изобрел! Измыслил!.. Если его никто не хочет из читинца переименовать в петербуржца, то он сам постарается переименовать Ленинград в Петербург, и таким образом профессор вместе со всеми жителями тоже будет выглядеть петербуржцем.

Пожалуй, самое интересное в книге "Хождение во власть" — это три темы: "Собчак и КПСС", "Собчак и социализм", "Собчак и коммунизм". Двух первых тем мы отчасти уже касались. Есть необходимость кое-что добавить.

Из приведенного в начале текста заявления нашего героя о приеме в партию вроде бы со всей определенностью явствовало: веря в социализм и коммунизм, человек в трудный час истории вступает в партию, чтобы помочь ей. Однако в книге автор дает несколько иную версию своего благородного поступка: "То, что прозвучало с трибуны XIX партконференции, я воспринял как адресованный каждому, а значит, и мне лично, призыв к гражданской мобилизации. И когда слова стали подтверждаться делами (то есть, как выходит, уже после конференции. — *В. Б.)* и Горбачев объявил о выводе советских войск из Афганистана, я, беспартийный, подал заявление с просьбой принять меня в члены Коммунистической партии".

Ну, во-первых, в партию всегда вступают беспартийные. Во-вторых, почему автор умалчивает о дате вступления? Важно и то, что здесь, в отличие от заявления, нет уже ни слова о социализме и коммунизме. Здесь вступление в партию представлено как благородный порыв, рожденный в благородном сердце XIX партконференцией и выводом наших войск из Афганистана. Прекрасно! Но огорчает маленькая неувязка: известно, что заявление профессор подал 10 июня 1988 года, а конференция открылась 28 июня. Иначе говоря, Собчак решил для себя вопрос о вступлении в партию не после конференции, героически вдохновленный ею, как утверждает теперь, а по крайней мере за три недели до нее, движимый каким-то иным порывом, может быть, не столь героическим.

181

Пробыв в партии около двух лет, профессор стремительно вышел из нее. И вот теперь заявляет: "Я не отношу себя к антикоммунистам... Но антифашистом я себя считаю". Конечно, сами мы можем относить себя куда угодно, считать кем вздумается.

С другой стороны, уверяя читателей, что он не антикоммунист, Собчак вот какими эпитетами награждает нашу жизнь, нашу власть и советскую Родину в целом: "империя", "провинциальная держава XX века", "лагерный социализм", "кровавый режим", "антинародный режим", "ничего, кроме деградации", "не новое общество, а выкидыш"... И в таком духе он может декламировать сколько угодно, пока не закроешь кран.

Когда я слушаю таких декламаторов, меня всегда поражает то, что они либо не хотят соотнести судьбу Родины, характер власти, атмосферу общества, в котором жили, со своей личной судьбой, либо ничего не видят дальше своего носа и не способны понять, как собственная декламация оборачивается против них. Хорошо, допустим, лагерный социализм. Но кто в лагере процветает и благоденствует? Отпетые бандюги, паханы. Иногда неплохо устраиваются "шестерки". Так кто же ты сам, если сумел в этом лагерном мире попасть из Коканда в знаменитый Ленинградский университет, сделать почти оптимальную научную карьеру, еще больше преуспеть в политике — стать депутатом парламента и председателем Совета великого города? Кто же ты: "пахан" или "шестерка"? Никто же из вас не может сказать, что, мол, я счастливое исключение, одиночка. Нет, вас слишком много, столь преуспевших разоблачителей то лагерного, то казарменного, то крепостного социализма, всех этих докторов и главных редакторов, профессоров и ректоров, секретарей и директоров, генералов и философов, да еще лауреатов, членов немыслимо важных советов... Нет, нет, tertium поп datur*.

Советская Россия. 1991. 11 июня

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА...

Помнится, утром во вторник позвонил приятель: "Слышал? Шеварднадзе создал новый Августовский блок. Читай сегодня в "Независимой газете". —

"Какой еще Августовский блок?" — удивился я. "Такой самый,

* Третьего не дано *(лат.).*

что в 1912 году сколотил Троцкий для борьбы против Ленина и его политической линии. Как говаривали бывало: на основе "тухлой беспринципности". Вспомнил?"

— "Как же, как же! "Краткий курс истории ВКП(б)". Если не ошибаюсь, глава пятая, — усмехнулся я. — Но, во-первых, сейчас в руководстве нет Ленина и ничего похожего на ленинскую линию". — "Верно, верно. Ни после Октября, ни после гражданской Ленину не аплодировали Вильсон, Ллойд Джордж или Клемансо — предтечи Буша, Тэтчер, Миттерана. И Нобелевской премией не подумали осчастливить его. "Награждали" пулями, отравленными ядом кураре". — "У него была только одна золотая медаль, — вспомнил я, — за окончание гимназии, но он отдал ее в фонд помощи голодающим Поволжья". — "В то же время, — продолжал приятель,— на съездах Советов никто не допытывался у Ленина, какая у него зарплата, имеется ли дача..." — "Так если ленинской линии нет, — сказал я, — то против чего же блокироваться и бороться?" — "Есть против чего! — отрезал приятель. — Читай "Независимку"..."

Я положил трубку и побежал в газетный киоск, достал этого птенчика гласности из перестроечного инкубатора. А вечером принесли "Известия", где напечатано обращение к согражданам, то есть ко всему как есть народонаселению державы, девяти академиков, ораторов и разного рода боссов с призывом немедленно, сей же час примкнуть к объявленному ими "Движению демократических реформ". Тут помещена и своеобразная сопроводиловка — статья А. Яковлева "Нужен новый шаг", поясняющая и развивающая манифест девятки.

Глядя на имена фундаторов нового движения, хотелось воскликнуть вслед за поэтом: "Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!"

Быстро пробежав глазами манифест и яковлевскую сопроводиловку, я позвонил приятелю: "Старик, ты не прав в своей аналогии. Во-первых, Августовский блок был создан по инициативе Бунда и ЦК латышской социал-демократии. А тут ни одного бундовца или латыша. К тому же здесь три живых академика, два недавних члена Политбюро, два новоявленных мэра крупнейших городов... Короче говоря, там собрались тогда изгои общества, а здесь — его сливки". — "И однако же,

— перебил приятель, — как там все были против Ленина и Коммунистической партии, так и здесь. Ты читал, что пишут в "Литгазете"? А вот: "Новое движение своим

возникновением должно окончательно дезавуировать "авангардную" роль Коммунистической партии". Слышал? Окончательно. И одним лишь фактом своего возникновения!" — "Во-вторых, — продолжал я, не считая нужным возражать, — ты ошибаешься, считая, что это дело рук Шеварднадзе, отличника фельдшерской школы... Уж если Августовский блок, то заглавную роль играет здесь Александр Николаевич, питомец Академии общественных наук при ЦК КПСС и Колумбийского университета — наверняка он манифест писал. Сравни хотя бы несколько фраз из обращения и его статьи.

В статье: "Либо страна пойдет дальше по пути кардинальных преобразований, раскрепощения общества... Либо откатится к тому или иному варианту диктатуры, к несвободе и насилию, к реставрации в той или иной форме порядков, доказавших свою разрушительность..."

В обращении: "Либо страна пойдет дальше по пути кардинальных преобразований, раскрепощения общества... Либо бунт реакции... новая диктатура, реставрация порядков, доказавших свою разрушительность..."

В статье: "Не только реакция способна столкнуть нас в эту пропасть, но и ничегонеделание, колебания и сомнения... равнодушное лицезрение похорон народных ожиданий..."

В обращении: "К такому же исходу способны привести и ничегонеделание, колебания и сомнения, равнодушное лицезрение похорон народных ожиданий..."

Кончив разговор и будучи уверен, что передо мной новый труд А. Н. Яковлева, я кинулся перечитывать обращение, потом статью, то и дело вспоминая при этом гоголевского Тараса Тихоновича, секретаря Миргородского суда, который, прочитав манифест Ивана Ивановича Перерепенко против Ивана Никифоровича Довгочхуна, высморкался с помощью двух пальцев и воскликнул: "Что за бойкое перо! Господи Боже! Как пишет этот человек!" И впрямь, какая человечность и прогрессивность идей, какая глубина и широта охвата жизни! Наконец, что за слог! "Возрождение прежде всего самого человека... Возрождение нравственности. Верховенства права... Осуждение шовинизма, расизма... Мы за единство... Мы верим в разум..." Прекрасно! Замечательно! Великолепно! И главное — ничего не забыто. Даже "радости семейной жизни", к которым движение зовет нас во весь голос.

Отложив газеты, набрал объявленный номер контактного телефона и выпалил в трубку: "Я тоже за верховен-

ство права, за свободу творчества. Я тоже за полноценные семейные радости. Пожалуйста, запишите меня срочно в ваше движение. Вы просите материально поддержать подготовку Учредительного съезда? Я только что получил в "Советской России" гонорар за статьи о Шаталине и Собчаке. С радостью перечислю его вам..." Недовольный голос перебил меня: "Вы не туда попали. Я одинокий вдовец, и, увы, никакие семейные радости мне уже недоступны".

Как ведро холодной воды! Действительно, у девяти фундаторов нового движения, как видно, в семейной жизни все в порядке: жены, дети, внуки... Ну, можно ли, предпринимая акцию всесоюзного замаха, основываться только на своем личном опыте и в упор не видеть миллионы с их болью. Да, оплошали тут фундаторы, обнаружили явную оторванность от реальной действительности. Конечно же слова "Движение призывает всех к радостям семейной жизни" следовало продолжить в таком духе: "а также, стоя на позиции политического и всякого иного плюрализма, движение горячо призывает и к радостям внесемейной жизни и всеми силами будет содействовать в этом одиноким".

Такова была первая заминка при чтении манифеста. Но когда второй раз дошел до конца и опять увидел подписи, я изумился снова. Как? Нет светлого имени Федора Бурлацкого? Пусть не бывший член Политбюро, не академик, не герой, но все-таки доктор наук, не хуже Гавриила Попова, профессор не плоше Анатолия Собчака. Да, Академию наук одолеть не сумел, хотя атаковал несколько раз, но никто не может отрицать, что его перу принадлежат более двадцати книг, брошюр, трактатов и прожектов. А какой у человека опыт! А разве сбросишь со счета, что он двадцать лет прослужил спичрайтером, то бишь, по собственному выражению, "интеллектуальной собакой" в будке на Старой площади? Наконец, это же он вместе с С. Шаталиным и С. Алексеевым провозгласил со страниц "Литгазеты" о создании какой-то не то межпартийной, не то надпартийной, не то подпартийной ассоциации? Ну не вышло. Что же, бывает. Ведь не у каждого все получается так успешно, как у Яковлева в Прибалтике. И вот теперь его имени нет среди фундаторов.

Я удивился еще больше, не увидев под манифестом имени лучшего автора моссоветовских "Курантов" Александра Иванова. Уж этот-то отставной пародист, бесспорно, украсил бы несколько однообразное своей элит-

ностью общество. И пожалуй, мог бы привлечь больше сторонников, чем, к примеру, тот же отставной министр иностранных дел, ибо развалить телепередачу "Вокруг смеха" — это одно, а развалить Организацию Варшавского Договора — это совсем, совсем другое.

Кроме того, думается, Иванова можно было пригласить и по другим причинам, в частности, приняв во внимание особый характер его тесных отношений с некоторыми из фундаторов. Что мы имеем в виду? А вот... На страницах "Курантов" он высказал такую эпохальную идейку: "Фашизм не более чем реакция. Не будь Ленина, не было бы Гитлера". Всего, мол, защитная реакция, ничуть не более. И следовательно, все претензии к фашизму совершенно неосновательны... Великая мысль!

И что вы думаете? Эту великую мысль мы с удивлением обнаруживаем в книге А. Собчака "Хождение во власть": "Фашизм появляется и приходит к власти в Германии и Италии как ответ перепуганного капитализма на Октябрьский переворот". Ай-ай-ай, доктор наук у пародиста дубинку украл! Развивая идею пародиста дальше, мог бы объяснить нам, почему, в силу каких загадочных причин "защитная реакция" в виде прихода фашизма к власти имела место в Германии, с которой Советский Союз не граничил, в далекой Италии, в еще более далекой Испании, но такой "реакции" не было в странах поближе, где капиталисты должны бы перепугаться Октябрьской революции гораздо сильнее.

В 1941 году немецкий фашизм при посильном содействии фашизма итальянского и испанского напал на нас. Согласно концепции наших пародистов, это было сделано с перепугу. Допустим. Ну а почему итальянские фашисты напали на Абиссинию, Албанию, Грецию? По какой причине до того, как ринуться на нас, германские фашисты захватили дюжину других стран? Не с перепугу же? Иванов и Собчак обязаны согласиться, что, конечно, нет, ибо в этих странах никаких социалистических революций не произошло... Надеюсь, тут уж всем понятно, что дубинка, которую профессор стянул у пародиста, была в свою очередь украдена пародистом у фюрера, который именно так и говорил: потому напал на Россию, что ужас как боялся ее нападения. Разве не ясно, что человек, способный воровать у Гитлера, очень мог бы пригодиться в компании, где клинические антикоммунисты имеют право голоса.

А. Яковлев заявляет: "Я всегда стоял на позициях многопартийности". Всегда! И я должен этому верить?

Человек сорок лет проработал в руководящих и высших органах монопольно правившей партии, дошел до самой ее вершины, получил за усердие множество всяких наград, пользовался всеми благами и привилегиями парт-босса, а в душе, оказывается, проклинал такое правление и по ночам на мокрой подушке, как приверженец полигамии в тисках пошлой моногамии, захлебывался горючими слезами о многопартийности.... Ну на каких легковерных людей это рассчитано? Сказал бы: вот, мол, уже целый год, как одной ногой стою на многопартийности, а другой пинаю однопартийность — этому поверили бы все.

А пока еще очень многие помнят, в каких красках рисовал Яковлев картину наших блестящих успехов, достигнутых не как-нибудь иначе, а именно под однопартийным руководством: "Наша жизнь — бурная, полная революционного динамизма, новаторской энергии, созидательной мощи... Поистине с огромными достижениями не только в области материального производства, но и в сфере духовной идет наша страна к славному юбилею великого Советского Союза... Экономические и социальные достижения социализма преображают общество. Рабочий класс растет, развивается, повышает свою культуру, овладевает все новыми знаниями, новыми методами труда... Космос штурмуют крестьянские сыны... Преодолеваются существенные различия между городом и деревней...

Растет общая и профессиональная культура, образованность, социальная активность, развивается социалистическая мораль" и т. д. и т. д.

Вдохновенного живописца спросили, не хочет ли он что-нибудь поправить в этой ослепительной картине, не желает ли, скажем, опустить такие слова, как "огромные достижения", "революционный динамизм", "развитой социализм"... Живописец гордо и убежденно ответил: "Я не отказываюсь ни от одного слова". Ни от единого слова в своем гимне однопартийному руководству еще в 1989 году он отказываться не желал!

В статье всего трехлетней давности Яковлев бдительно озирался: "Не рискуем ли мы в процессе перестройки потерять, разрушить многое из того, что создано за семь десятилетий после Великого Октября?" В словах этих, казалось бы, тревога, и она была вполне обоснованной, ибо уже тогда появились люди, которые, по его же словам, "весь путь, пройденный после Октября, объявили ложным, ценности и принципы социализма — несосто-

ятельными", и потому они увидели в перестройке возможность "демонтажа" всей системы социализма". Автор давал решительный отпор этим людям, напоминал им о советском патриотизме, "пронизанном гордостью за свершения великой родины социализма", о героизме и труде народа, которые "привели страну социализма к историческим завоеваниям... двинули нашу страну на небывалые высоты". Он возмущался теми, кто "подменяет историю народа историей ошибок руководства". И подчеркивал: "Естественно, что такой подход задевает чувства миллионов честных людей". Все верно, все справедливо! Но вот что о том же пути, пройденном народом после Октября, уже не думая о чувствах миллионов, говорит он теперь в своей статье-сопроводиловке: "За 70 лет мы построили систему, безразличную к человеку, враждебную ему".

Жаль, что этот беспощадный вывод философ не подкрепил конкретными фактами, взятыми хотя бы из своего нынешнего ближайшего окружения. Допустим, Гавриил Попов. Это же голова! Ему быть бы президентом Академии наук, а он из-за полного безразличия к нему системы всего-навсего доктор наук да столичный градоначальник. А Собчак? Как сказал поэт, "он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес", а в родной стране по причине лютой враждебности к нему системы лишь с великим трудом тоже стал градоначальником да выбился кое-как в профессора-антикоммуниста.

О Шаталине и упоминать нечего! Аристотель наших дней. Как говорит! Какие программы сочиняет! Знает, что такое хилиазм, теодицея, Рубикон, каша геркулес... А его никто не слушает! Он сплеча рубит: "Я действительно рвусь к власти". Рвется, разбрасывая по сторонам мыльную пену. А ему проклятая система не дает власти! И на этой почве у него, видимо, что-то уже начинается. Вот корреспондент задает ему вопрос: "Вас не пугает участие в "Движении демократических реформ" такого функционера, как Вольский?" Ответ Шаталина: "Шаталина никогда ничего не пугает". Отменно! Храбро! Но корреспондент задает новый вопрос, не важно какой, важен ответ Шаталина: "Меня пугает то, что..." и т. д. Куда же могло исчезнуть бесстрашие в маленьком интервале между двумя вопросами? Но это еще не предел стремительности его метаморфоз. Корреспондент спрашивает о предстоящем 25 июля Пленуме ЦК: "Ваш прогноз?" Ответ: "У меня прогноз такой, что будет намечен

раскол. Хотя... вряд ли". Вы поняли? Решительная метаморфоза в рамках одного ответа!

Кошмарность социализма Яковлев, наверное, мог бы показать и на истории своей собственной жизни. Ведь ему, колхозному самородку из ярославской глубинки, пришлось учиться в областном пединституте, а могли бы пригласить в

столичный университет. Потом долго работал в Ярославском обкоме, а почему бы сразу после института не направить его в ЦК. Ну взяли наконец в ЦК, так ведь не секретарем же, а только инструктором. И еще три десятка лет пришлось пробиваться в секретари. Да еще за это время и в ссылке побывал, правда, не в Туруханском крае, а в Канаде, но только сталинисты могут думать, что это не одно и то же. Дали кучу орденов, но Золотой-то Звезды не повесили. А премии? Будто в насмешку выделили имени Воровского. Неужто не могли позаботиться о Нобелевской?.. Вот он — зверский облик системы...

К сожалению, ничего этого Яковлев не сказал, и потому его новый постулат об ужасах социализма повис в воздухе. А если уж говорить о системе, враждебной человеку, то надо еще уточнить, когда ее строили — за семьдесят лет после Октября или за последние семьдесят месяцев усилиями именно Яковлева и других "прорабов"...

Читаю в манифесте: "Бессмысленно спорить о том, что принадлежит (подлежит, академики! — *В. Б.)* суду истории". Сказано хоть и не очень грамотно, но верно. В самом деле, в 1985 году надо было сказать народу: "В нашей истории многое требует изучения и оценки, но не будем в нынешней обстановке транжирить на это силы, пусть время все расставит по своим местам, а мы сплотимся для решения насущных задач сегодняшнего и завтрашнего дня. К единству, братья и сестры!" Но ведь такое вдохновляющее слово сказано не было. Совсем наоборот. Яковлевские неофиты не просто принялись копаться в прошлом, а устроили над ним судилище, сколь злобное, столь и невежественное, глумясь над чувствами миллионов, не просто осудили его, а приговорили к высшей мере: "Мы построили систему, враждебную человеку...", "...не будь Ленина, не было бы Гитлера".

Вообще-то говоря, это нам знакомо. В двадцатые, в начале тридцатых годов общество "Воинствующих безбожников", возглавлявшееся Емельяном Ярославским, с таким же цинизмом глумилось над чувствами миллионов верующих. И в том еще поразительное сходство,

что как Ярославскому Емельяну было легко да просто громить религию и церковь, так и ярославскому Александру оказалось легко да просто громить социализм. Я позвонил приятелю и сказал ему, что сравнение новоявленного "Движения" с обществом "Воинствующих безбожников", а Яковлева с Емельяном Ярославским, пожалуй, точнее, чем с Августовским блоком и Троцким. Он ответил, что правда где-то посередине.

В манифесте фундаторов осуждается "подогреваемая с разных сторон конфронтация", которая "грозит вытеснить из общественного сознания и практики рассудительное и компетентное рассмотрение действительных проблем и задач, стоящих перед обществом". Ах, как справедливо! Кто же не поддержит это? Тем более что тут же и такие благородные заверения: "Нам чужды разрушительная страсть к борьбе, демонстрация силы. Мы против разжигания такого "боевого духа" в обществе, когда человек поднимается против человека... Мы, напротив, за поиск компромиссов, за согласие, за общие действия". Тут же и сердечные призывы к "взаимопониманию, терпимости, к ответственности перед своими близкими, народом, историей". Тут же и распростертые объятия: "Хватит ожесточения!"... Прекрасные слова! Замечательная программа всенародного братания! Но что стоит за возвышенными словами? Хорошо, если бы не стояло ничего, но, к сожалению, за ними — вполне конкретные и многоразличные и совсем недавние дела, прямо противоположные смыслу этих слов.

"Манифестанты" осуждают подогреваемую с разных сторон конфронтацию! Да чем же иным, как не "подогреванием", был, например, хотя бы громогласный призыв Попова и Собчака не отмечать главный государственный праздник страны

— годовщину Октябрьской революции?! Впрочем, нет, это не "подогревание", а подстрекательство, разжигание конфронтации, плевок в душу миллионов. Можно ли себе вообразить, чтобы мэры Вашингтона и Нью-Йорка выступили против празднования годовщины Дня независимости. Можно ли помыслить, чтобы мэры Парижа и Марселя вылезли перед соотечественниками со словами: "Хватит веселиться в день взятия Бастилии! Возьмем-ка тряпки и будем протирать окна!" Подобные призывы там невозможны, таких мэров соотечественники не только заклеймили бы как циников и невежд, но и моментально вышибли бы из государственных кресел.

190

Сегодня "манифестанты" клянутся, что они против разжигания таких страстей, когда человек поднимается против человека. Они очень опасаются, что подогревание конфронтации "вытеснит" рассмотрение и решение действительных проблем и задач общества. Конечно, вытеснит! Но ведь еще вчера они занимались именно этим

— разжигали страсти, поднимали людей друг на друга, отвлекали общество от решения действительно насущных задач: никакого иного смысла не имели их затея с отменой Октябрьского праздника, возня с переименованием Ленинграда, прожекты о перезахоронении тела В. И. Ленина.

Сегодня "манифестанты" божатся, что им чужды разрушительная страсть к борьбе и демонстрация силы. Но что такое, как не демонстрация силы, вчерашние многотысячные митинги, которые то и дело устраивали в Москве, Ленинграде, других городах? Митинги, на которых именно они произносили речи, исполненные разрушительной страсти.

Сегодня уверяют, что они за компромиссы и согласие, за единство и взаимопонимание, за терпимость и ответственность. Но вчера кое-кто из них стоял под плакатом "КПСС — чума XX века". Это не только грязное оскорбление многомиллионной партии, в которую они сами вступали с клятвами в верности, но и миллионов просто порядочных людей; не только провокаторское разбрасывание семян зоологической ненависти и вражды, это еще и политическая бездарность: только бездарные политики не думают о союзниках, с легкостью отшвыривают от себя миллионы, превращая их в невольных врагов.

Они объявляют: "Нам чужд фанатизм. Наш критерий — нравственная состоятельность любых концепций". Но разве такие плакатики над их головами — это не фанатизм самого пещерного пошиба? Разве пародийная концепция Собчака о возникновении фашизма — это не глумление над нравственностью?

Сегодня Яковлев говорит: "Подавляющее большинство в КПСС — честные люди, патриоты своей страны. Это они доказали на всех этапах нашей истории". Уж какое спасибо-то! С Останкинскую телебашню. Но что же молчал вчера, когда помянутый плакатик трепыхался на московских площадях, когда честных патриотов объявляли чумой? И почему не похвалили за сдержанность коммунистов, которые в ответ не вышли на улицы с плакатами такого же сорта?

В своей всеохватной заботе "манифестанты" не забыли и армию: "Мы верим в разум и чувство гражданской

191

ответственности солдат, генералов и офицеров..." Какие душевные слова! Но когда в марте 1990 года на третьем Съезде народных депутатов СССР одному из них вздумалось выдвинуть А. А. Собчака на пост Председателя Верховного Совета, то это вызвало недоумение и решительный протест многих ораторов, при этом были сказаны и такие слова: "Товарищ Собчак внес солидный вклад в кампанию дискредитации Вооруженных Сил".

Можно было бы об этом вкладе сказать пообстоятельнее, но, думается, достаточно будет упомянуть лишь о том, что Собчак не остановился даже перед

тем, чтобы затеять судебную тяжбу против вице-адмирала Е. А. Томко, кавалера многих высоких наград Героя Советского Союза. Вполне возможно, что заслуженный адмирал в чем-то был и не прав, но это же не он, а мэр-фундатор призывает ныне к компромиссам, согласию, взаимопониманию. Ради такой великой цели можно было и пренебречь любимой мозолью. Нет! Ринулся доктор юридических наук во всеоружии своих обширных познаний на героя-подводника, никогда в жизни, может быть, не державшего в руках никакой кодекс, и одержал победу...

Народный депутат СССР Н. Пивоваров на вопрос, не собирается ли он примкнуть к новому движению, ответил: "Личности, которые взялись за создание новой партии, меня не привлекают. Они слишком долго находились у власти и имели все возможности действовать и раньше". Я добавил бы к этому: бедная страна, если в ней на роль создателей новой партии претендуют все те же воинствующие безбожники.

Советская Россия. 1991. 18 июля

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ ШУМЕЙКИ

Лебединая песнь, как мне представляется, была пропета 30 августа по ленинградскому телевидению замечательным певцом-"демократом" В. Ф. Шумейко.

Сам-то Владимир Филиппович, судя по всему, был уверен, что это лишь очередной дуэт с очаровательной Беллой Курковой, королевой эфира, и они даже объявили, что запланирован новый дуэт. Но, увы, то была песня умирающего лебедя, ибо на другой день после возвращения Шумейко в Москву президент подписал указ об отстранении его и вице-президента от исполнения обязанностей. Правда, сказано, что временно, но даже

выходящая в Брюсселе газета "Либр Бельжик" в своем сообщении взяла это словцо в демонстративные кавычки.

...И вот льется на всю страну песня умирающего лебедя демократии. А несравненная Белла выступает при этом вроде подголоска-подпевалы. Незабываемая картина!.. Коснулся, скажем, певец актуальной темы компромата и тут, дав волю, как видно, давним замашкам, так пропел с чарующей улыбкой: "Белла Алексеевна, ну какой против вас может быть компромат! Вы такая вся из себя блондинка, известная родине..." Жестом нимфы, вылезшей при лунном свете из Невы, Белла поправила свою прическу и оцепенела. Еще бы! Такой комплимент от первого вице, который к тому же считается Правой Рукой президента... Вот на меня, сказал он, действительно катят бочки и тут же проникновенно добавил: я не мог бы, зная за собой вину, вот так, дорогие телезрители, смотреть вам в глаза, сидеть вот за этим столом (должно быть, имелось в виду, за одним столом с такой качественной блондинкой. — *В. Б.),* беседовать, приезжать сюда по Играм Доброй Воли, ехать на Валаам возводить монастыри. Не мог бы! Меня просто Господь Бог покарал бы, если я виноват, но продолжаю работать так, как работаю.

Лично я при этих словах чуть не прослезился, но моя жена, сидевшая у телевизора рядом, засмеялась. "Бог — это не ГАИ, даже не комиссия партийного контроля, — сказала она. — Он не имеет обыкновение карать немедленно, дает возможность покаяться. Недаром говорят: "Бог правду видит, да не скоро скажет". Так что у Шумейко все впереди". Действительно, подумал я, не покарал же его Вседержитель еще в апреле, когда он заявил, например: "Что добавили мы во внешней торговле со времен Петра? Только нефть и газ... Вот вам и социализм". А ведь не только самому Богу, но и любому рядовому херувиму доподлинно

известно, что до нашествия шумеек мы торговали самолетами и автомобилями, станками и холодильниками, оружием и телевизорами, книгами и кинофильмами, спектаклями и концертами... С чего бы это первейшие страны Запада и Японии до сих пор так интересуются нашими технологиями и нашей техникой? На том же, скажем, "Авиационно-космическом салоне" в Жуковском. С чего бы это американцы покупают у нас ракетные двигатели, которые изготовлены нашими умельцами 25 лет тому назад для полета на Луну (потом эту программу закрыли)? С чего бы это американская компания "Саентифик дименшнз", имею-
193
щая свое отделение в Москве, "уже получила 280 заявок из США на российскую технологию"? С чего бы это президент компании Геймер ездит в Россию чуть не каждый месяц и восклицает при этом: "Такой возможности никогда прежде не было и, вероятно, не будет. Это похоже на открытие Атлантиды".

Вот вам и социализм, Шумейко. Атлантида уникальнейших открытий и изобретений, обогнавших время идей и технологий, Атлантида умов и талантов. И за то, что вы это все задарма распродаете, непременно взыщется со всех вас по всей строгости Страшного Суда. А вам достанется больше остальных. Ведь это вы персонально отвечаете в правительстве за науку.

А пока Всевышний оставил без внимания даже апрельскую несусветицу вице-премьера об успехах нынешней экономики: "Спад производства замедлился... Падение производства остановилось... Мы добились стабилизации... Производство даже начало подниматься... Мы добились..." Производство — это ведь не только промышленность, которой из сострадания к умирающему лебедю мы здесь касаться не будем, но и сельское хозяйство. Так вот, по данным Госкомстата, на тот самый апрель 1993 года, когда первый вице-премьер клялся в стабилизации, всероссийское стадо крупного рогатого скота составило 38,9 млн голов, а в 1987 году, до нашествия хищников демократии, было 60,5 млн, соответственно свиней — 19,5 и 40,2 млн, овец и коз — 36,1 и 64,1 млн. А коров было 21,3 млн голов, стало 13,1, да еще продуктивность их упала до уровня 1983 года.

Но, разумеется, все это никак не сказалось на калорийности питания ни господина Шумейко, ни мадам Курковой, о чем свидетельствует их прекрасное настроение...

Прошло пять месяцев с апреля, но и сейчас даже в своей лебединой песне Шумейко с прежним пылом продолжал проклинать вчерашний день родной страны и превозносить президента, его команду, их успехи и достижения. "Три года назад, — заливался он, — мы стояли в очередях буквально за всем. Полки магазинов были пусты. Один березовый сок!" Мне показалось, что Белла для подтверждения сказанного сейчас запоет на свой манер известную песню на слова Матусовского: "И родина щедро поила меня березовым соком..." Но лебедь не дал ей, выросшей на березовом соке и мухоморах, раскрыть рта, продолжал: "От уверенности в том, что достаточно написать бумагу, и все пойдет, правительство,
194
слава Богу, уже освободилось". Уже!.. Видно было, что собеседница едва удержалась, чтобы при этих словах не обнять речистого вельможу и не поздравить с великим достижением правительства. А я подумал: "Боже милостивый, с таким-то представлением о жизни взяли на себя роль руководителей и реформаторов огромной державы!"

А что последовало за прозрением? Как же! Теперь правительство ежедневно с утра до ночи занимается экономикой, услышали мы. Правительство ежедневно, ежечасно, ежеминутно держит под контролем все ситуации. Но не только в неусыпном контроле сила правительства, оказывается, есть еще один могучий фактор. "Говорю вам, глядя каждому в глаза, — на высочайшей ноте пропел

Шумейко, — нет сегодня на политической арене лидера, который равнялся бы с Борисом Николаевичем Ельциным по всей совокупности качеств, которыми он обладает". И было похоже, что имеется в виду арена не российская, а мировая. Что ж, замечательно! Не так давно подобные восторги о Брежневе, Андропове, Горбачеве, сидя у них за пазухой, извергал и сам Борис Николаевич...

Тут позвонил один телезритель, видимо страдающий недугом кишечно-желудочного тракта, и, прервав песнопение, сказал, что если правительство продрало наконец глазки, круглые сутки бдит и держит на контроле все ситуации в стране до единой и если президент по совокупности своих достоинств превосходит Ярослава Мудрого, Владимира Святого и, разумеется, Петра Великого, вместе взятых, если все это так, то, черт возьми, почему в аптеках нет клизм?

Казалось бы, удар под дых. В самом деле, каким образом сей насущный предмет, как и вся проблема-здравоохранения, мог улизнуть от внимания вечно бодрствующего правительства? Но Шумейко не растерялся, он сказал: "Россия возрождается. Молодежь — будущее России. Я отношусь к молодежи очень хорошо. А Россия еще войдет в следующий век самым мощным, самым сильным государством мира. Но, уважаемые телезрители, нельзя же, невозможно по взмаху волшебной палочки, в одно мгновение решить сразу и все. Это большевистские штучки..."

На восхищенно-преданном лике Беллы Курковой было написано: конечно, развитой капитализм немыслим без изобилия клизм. Но дайте только срок, и Владимир Филиппович (правда, Вова?) завалит нас этими штучками любой конструкции и расцветки. Их будут продавать даже в фойе театра Марка Захарова. Правительство сно-

ва, таким образом, превратит нашу родину в сверхдержаву. Оно создаст единое клизменное пространство...

А мне померещился голос того телезрителя: "Разве кто-нибудь требовал решить "сразу и все"? Какое "сразу", если вы уже несколько лет верховодите страной? Какое "все", если вы не решили абсолютно ничего?"

Словно желая опровергнуть именно этот голос, тенор продолжал:

— Да, народ разделился на богатых и бедных, и это плохо. Да, миллионы людей страдают, и это очень плохо. Да, 33 процента, то есть 50 миллионов, ниже черты, и это еще хуже, но...

Между прочим, именно так и сказал: "ниже черты". А какой — язык не повернулся. И вся его песня изобиловала такими вот скользкими выражениями: "Я работаю так, как работаю...", "Он делает то, что делает...", "В стране идет все то, что идет...", "Движение России, которое происходит..." Предприниматель из Йошкар-Олы спросил, когда деловым людям станет выгодно заниматься не одной лишь торговлей, а еще и производством. Он ответил: "Вот как только станет, так и станет". Ну школа-то всем хорошо известная — горбачевская.

Так вот, говорит Шумейко, дела обстоят плохо, очень плохо, еще хуже, но "другого пути в экономике нет, ну, поверьте, нет другого!" И ссылается на каких-то безымянных ростовских директоров предприятий, которые будто бы думают так же, как он. А Куркова тотчас, как из подворотни, поддерживает его рассказом о каких-то вагонных попутчиках, тоже безымянных, которые будто бы всю ночь не давали ей спать страстными восклицаниями: "Шумейко — это голова!" Поразительное дело! Ну неужели они надеются, что после всего известного нам о них кто-то поверит теням их безымянных единомышленников и им самим!..

Какой-то телезритель слезно попросил: кроме истребления березового сока, назовите еще хоть один примерчик ваших достижений. Шумейко тут как тут: Россия, перешла в совершенно новую ипостась: в 1995 году начнет расти добыча

нефти! Хотя не скрою, что вся инфраструктура нефтедобычи сгнила...

Так с чего ж будет расти? Но ладно, допустим. Так ведь до этого еще дожить. А что теперь?

— А теперь, слава Богу, Россия впервые после 1913 года сможет вывозить за границу хлеб. Урожай в полях небывалый! Россия перешла в совершенно новую ипостась!

196

Тут позвонила Зоя Николаевна Храпова. Она плакала в трубку; за буханку платим 88 рублей, за батон — 77. Что делать? Как жить при такой ипостаси?

О, Господи, а он, видите ли, еще и навострился Запад нашим хлебом кормить! Ну разве это не фраерские замашки? А ведь урожай-то еще надо собрать, сохранить. Между тем отовсюду идут вести, что он гибнет из-за недостатка горючего для уборочной техники...

— Как долго медикам нищенствовать? — спросил кто-то по телефону. — Ведь не получаем зарплату с июня...

— Все меры будут, — в своей усеченной манере ответил Шумейко.

И вдруг обрушился на не названных по именам саботажников:

— Президент олицетворяет реформы. Президент ведет всю Россию вперед!.. Но не выполняются все распоряжения, все указы президента...

Все? И что же, он шагает в новую ипостась один-одинешенек? Это явная неправда, поклеп, даже клевета. Министр внутренних дел Ерин, министр иностранных дел Козырев, начальник управления охраны Барсуков, начальник контрольного управления Ильюшенко, адвокат, именующий себя Макаровым, теленачальники Брагин, Попцов и многие другие... той же нации реформаторов проворненько и точнехонько выполняют все указы, все распоряжения Ельцина. Повелел он, допустим, лишить дач и охраны непослушного Зорькина — и тотчас. лишили. Приказал уволить врача и отнять машину у Руцкого — и немедленно выполнили. Такие примеры можно приводить без конца. Нет, правда совсем в другом. И, к изумлению многих, мы эту правду услышали.

Умирающий лебедь сказал: "Где решения трудовых коллективов в поддержку президента? Где? В поддержку новой Конституции — где? Почему мы уповаем только на одного президента? Почему не подпирают президента и правительство снизу? Где это движение снизу? Почему президент всегда один, всегда один?.."

Куркова тут же сцапала быка за рога, конкретизировала:

— Дамы и господа! Проводите собрания в своих трудовых коллективах — на заводах, в колхозах, институтах! Леди и джентльмены! Принимайте резолюции в поддержку президента и правительства! Шлите Борису Николаевичу письма (можно без марок), срочные телеграммы, наконец, звоните мне — я передам ему ваши теплые чувства. Вот вам адрес, вот телефон...

197

Это было поразительно! Так прямо и откровенно признать перед всей страной отрыв президента и правительства от народа, их полную изолированность и крах!..

— Зачем переизбирать президента? Он же не мешает проводить реформы, он олицетворяет их. Зачем менять правительство? Ведь оно только за последние семь месяцев приняло 625 постановлений, 900 распоряжений и дало свыше 14 тысяч поручений. Чувствуете, какой мы взяли разгон? Я лично в этом году только одних поручений подписал более 3 тысяч. Вот как насобачился! Зачем же меня лично менять? Я освоил искусство управления страной. А зачем Полторанина менять? Начальник контрольного управления Ильюшенко недавно заявил в "Вечерней Москве", будто в истории с Домом советской культуры в Берлине им "была допущена одна оплошность", что "его просто подставили". Вздор! Этот молодой человек Ильюшенко ничего не понимает. Никакой оплошности, никаких

подставок! Все дело в том, что у Полторанина была громадная боль за то, что собственность России попадает куда угодно, только не в Россию. Понимаете, жуткая боль. Как у Вертера, покончившего жизнь самоубийством. Только по причине этой боли он и подписал несколько бумажек, не имея на это никакого права...

Шумейко был чрезвычайно возбужден, порой возникало даже такое впечатление, что он не в своей тарелке, и озадачивали его бесконечные похохатывания, большей частью беспричинные, игривость и многое другое. Так, когда Куркова произнесла слова "правительственная команда", его прямо-таки передернуло, и он сказал:

— Я вас очень прошу, не надо так выражаться. Меня слово "команда" коробит. Пусть так говорят в Америке, а у нас свой путь...

Собеседница ничего не ответила, но мы-то слышали, как за три минуты до этого сам Шумейко сказал: "Верховный Совет хочет разрушить окружение президента, всю эту команду..."

Это удивляло тоже. Но еще больше удивляло отношение Шумейко к "советскому менталитету". Он говорил о нем с величайшим презрением. По его мнению, сей менталитет включает в себя и боязнь брать на себя ответственность. А вот, мол, у членов правительства уже выработался устойчивый антисоветский менталитет, согласно коему он, Шумейко, не боится брать на себя решение всех вопросов и говорить все, что вздумается.

198

Допустим, недавно всем газетам, которые писали, что он не совсем хороший человек, Шумейко, разумеется подозревая их в клевете, заявил: будьте любезны, голубчики, представьте мне лично документальные доказательства, что я действительно не совсем хороший, а то в суд потащу...

И вот при таком-то отвращении к советскому менталитету, при таком-то восторге перед менталитетом антисоветским мы вдруг увидели у Шумейко и Курковой лютую тоску о "движении снизу", о собраниях трудящихся, о резолюциях сплоченных коллективов, о письмах поддержки, о телеграммах одобрения... Мать моя мамочка, леди и джентльмены, да это же как раз и есть не что иное, как "советский менталитет", типичные "большевистские штучки"! Как говорится, против чего боролись, на то и напоролись...

Были в песне еще и такие слова: вам все время с той стороны говорят, что достаточно сформировать другое правительство какого-то там народного согласия, какого-то там народного доверия, и мы заживем счастливо. Поменяем правительство, и у нас все поменяется. Раз — и все, и мы пришли. Большевистские штучки!.. Тяжело было слушать эти антибольшевистские одесско-ростовские штучки. В самом деле, ведь никто же ничего подобного "с той стороны" не говорит. Все понимают, что шустрая орава шумеек наворотила горы такой лжи, устроила завалы таких малограмотных глупостей, возвела стены такой отчужденности и злобы между людьми, что новому правительству, где, разумеется, может найти место кое-кто из членов и нынешнего, долго предстоит разгребать всю эту мерзость. До счастливой жизни будет далеко. Но кое-что изменится и сразу. Прежде всего новое правительство перестанет лгать народу — о его прошлом, настоящем и будущем.

Может быть, Шумейко еще будет где-то фигурировать, подписывать бумаги, давать интервью, но лебединая песенка его спета, и ничего добавить к тому, что уже сказал, он не способен.

Ведь еще летом в докладе заместителя Генерального прокурора, заслушанном в Верховном Совете, было сказано, что Владимир Филиппович замешан в неблаговидных делишках по служебной линии, настолько неблаговидных, что Верховный Совет из санитарных соображений предложил президенту немедленно

убрать его подальше от правительства. Правда, тогда заботливый
199
Брагин в лучшее вечернее время предоставил Шумейко телеэкран, и тот произнес речь. О, это было грандиозно! Жаль тех, кто не слышал.

Прежде всего Владимир Филиппович заявил, что трудится на благо Отечества самозабвенно, самоотверженно, не жалея живота своего. И вот благодарность — хотят разлучить с любимой работой и обожаемым президентом.

Далее оратор признался, что является видным политиком, восходящей звездой, что его знают во всем мире, даже в бананово-лимонном Сингапуре, — и как же можно такую личность, такого титана и мамонта в чем-то обвинять, как посмели требовать его отставки! Да пусть лучше (так и сказал!) весь Верховный Совет уходит в отставку. Дескать, нам, то есть ему и Полторанину, Козыреву и Грачеву, Шапошникову и Бурбулису, вольготнее будет.

А кроме того, сказал, у меня ведь есть жена, теща, дети, правда, некоторые за границей уже, но... Тут он вытащил случайно оказавшуюся с собой фотографию и показал нам кучу своих родственников, восседающих на скромном диванчике абиссинского производства. И вот, говорит, теперь из доклада Макарова (не того адвоката, который именует себя Макаровым и которого в правительстве ценят и любят, а совсем другого — из доклада нелюбимого прокурора Макарова) родная жена, теща и детки узнают, что их муж, зять и папочка как будто бы не так хорош, как они всю жизнь думали. Какие тут возможны последствия? Страшно подумать. Кто за это ответит? Нет-нет, говорит, я долго терпел, но больше терпеть не желаю. Решено: подаю в суд на Макарова и на Руцкого. Ужо им!..

Но больше всего Шумейко повествовал о том, как он уверен в своей непогрешимости, правоте и как спокоен. Я, говорит, смотрю на моих обвинителей и вижу: они исхудали, почернели, позеленели. А я? Как огурчик. Цвет лица у меня свежайший, аппетит отменнейший, сон, как у одного президента после волейбольного матча. А главное, я спокоен, совершенно спокоен, абсолютно спокоен.

Шумейко грозил, что подаст в суд. Его дружок Полторанин тоже грозил подать на Руцкого, даже подсчитал: шесть миллионов стоит урон, нанесенный его так называемой чести и так называемому достоинству. Но вот прошло уже много времени. Полторанин молчит. Инфляция взмывает, полторанинская честь с достоинством в цене падает. Но экс-вице не торопит разведку. Он хорошо понимает, что, обратившись в суд, обрушит на себя такую гору, которая не оставит от него и мокрого места.
200
По этой же причине вряд ли побежит в суд и Шумейко. И никто из них не побежит. Ведь уже давно их открыто, в печати называют ворами, взяточниками, преступниками, оккупантами, предателями, а они молчат... Шумейко не побежит до тех пор, пока его не поведут туда на веревочке. По пословице: "Незнайка на печи лежит, а знайку на веревочке ведут". А уж кто, как не Шумейко, настоящий знайка. И где что лежит, знает, и что почем, знает, и у кого что добыть, знает.

Если бы Шумейко был даже абсолютно не виновен в том, о чем говорил прокурор Н. Макаров, ему и тогда не избежать веревочки. Хотя бы за то, что, занимая третий или четвертый пост в государстве, он постоянно клевещет на свою страну, на свой народ, лжет. Явившись, например, в гости к сотрудникам "Литгазеты", он заявил, что в 1988 году 90 процентов населения ратовали за рынок, ибо они, эти 90 процентов, "были измотаны существовавшим строем". В доказательство он сослался на свою собственную жизнь. Он при том бесчеловечном строе как молодой коммунист прошел путь от слесаря-сборщика до генерального директора крупнейшего в Европе приборостроительного завода. Да еще стал депутатом парламента. Представляете, как измотался на этом пути

вверх! Вот и отдохнуть бы сейчас на скамеечке рядышком с Полтораниным, которого тоже приведут на веревочке.

Остается лишь добавить, что финал лебединой песни по ленинградскому телевидению оказался достоин всего остального. Телезрительница Андреева Людмила Николаевна спросила: "Когда снимут Хасбулатова?" Ах, как вмастила! Тотчас раздался очередной сытый смешок вице-премьера: "Хороший вопрос!" Эхом отозвалась ухмылочка директорши ленинградского телевидения: "Отличный вопрос! Прекрасный вопрос! Вопрос вопросов!" А моя жена захохотала: "Жил-был у бабушки серенький козлик..."

И вот теперь представьте себе состояние козлика, когда на другой день возвращается он в Москву и видит, что Хасбулатов, как прежде, восседает на своем председательском месте в Верховном Совете, а его собственный кабинет в Кремле на замке, у двери стоит часовой и ласково молвит: "Ваше благородие, фраеров не велено пущать. Указ президента-с..."

Ах, Боже мой! Что станет говорить Куркова Белла Алексеевна, известная всей стране блондинка!..

Советская Россия. 1993. 3 июля

ПРИШЕЛЬЦЫ И САМОЗВАНЦЫ

Думается мне, в последнее время почти все мы были совершенно уверены, что президент наш вот-вот выкинет очередное коленце. Он же сам, не в силах совладать со жгучей чесоткой в органах речи, предуведомил нас об этом языком войны, к которому, как известно, питают большую склонность люди, никогда войны не видевшие и к военной службе никакого отношения не имевшие.

Да, все мы ожидали, что не сегодня завтра батя отчебучит нечто бесподобное. Но главной причиной такой уверенности было даже и не его чесоточное признание, а многое другое, причем у разных людей — разное. Допустим, экономистам эту уверенность внушала, возможно, опубликованная как раз в эти дни чудовищная цифра: в нынешнем году общий объем производства в стране упал по сравнению с 1990 годом на 45—48 процентов. Даже в самую тяжелую пору Великой Отечественной войны, когда враг захватил чуть не половину нашей европейской территории, в том числе множество крупнейших экономических центров, падение не превышало 23—25 процентов. Что же остается президенту, который своим руководством уже нанес ущерб экономике родной страны в два раза больше, чем гитлеровские оккупанты?

А на политологов, наверное, больше всего произвело впечатление то, что провалилась затея торжественного провозглашения в Георгиевском зале Кремля вожделенного и лелеемого Ельциным Совета Федерации. Чего можно было ожидать от автора затеи, если в том величественном зале в окружении знамен всей Федерации он услышал: "Прекрасно! Создадим Совет. Но — как совещательный орган. А главное — без президента". Не исключено, что военным — людям долга и чести — уверенность в неизбежности скорой выходки Ельцина внушил факт его очередного предательства: предал социализм, вскормивший и вспоивший миллионы таких лапотников, как он; предал партию, которая выдвинула его на вершину власти; предал 25 миллионов своих кровных соплеменников от Эстонии до Киргизии; предал победу и славу Великой Отечественной войны, ее павших и живых; предал Крым и Черноморский флот; предал наши знамена и песни, нашу науку и культуру, детей и пенсионеров.

Думаю, что для многих знаком предстоящего фортеля президента явилось и свидетельство полного забве-

ния им старой народной мудрости: "Мертвых с погоста не носят". В самом деле,

только находясь на грани психического срыва, можно принять решение о реанимации политического трупа, именуемого Гайдаром. Правда, откопал экономический труп всероссийского луноликого ворюги не он сам, а Черномырдин. Этот вельможный господин, в отношении которого поначалу имелись кое-какие добрые надежды, теперь со всей ясностью показал, что он не глава правительства великой страны, а завхоз при секретаре обкома. Когда недавно был в Америке, так и говорил: приехал, дескать, к вам не как политик, а как завхоз. Но его, кажется, и завхозом-то никто не посчитал, а — каптенармусом. Теперь же есть все основания назвать его еще и гробокопателем.

Однако где это видано, чтобы хоть какой угодно начальник взял в заместители себе человека, который совсем недавно сам сидел в его кресле? Так вот, оказывается, что Черномырдин, как пишет выходящая в. Амстердаме газета "Фолькскрант", вовсе не по доброй воле разгреб могилу блиноликого и приволок его в Кремль — его побудил к этому Лоуренс Саммерс, заместитель министра финансов США, посетивший в начале сентября Москву. Как побудил? А очень просто: выразил неудовольствие слабым прогрессом в ходе рыночных реформ и дал понять, что это может задержать предоставление кредитов, обещанных Международным валютным фондом, Всемирным банком и "большой семеркой". И соблазн заморских стимулирующих средств оказался так велик для увядающего Ельцина и ослабевшего Черномырдина, что они снова притащили в правительство труп неоднократно отвергнутого Верховным Советом экономиста, научно-профессиональная ничтожность которого неопровержимо устанавливается одним фактом: он в свое время, смачно чмокая, уверенно заявил, что после либерализации цены возрастут в два-три раза, а они тотчас подскочили в десятки, а потом и в сотни раз.

И никто из окружения бати, из его доброхотов не возразил против реанимации. А ведь какая там прорва умов самых разных по уровню, изворотливости, по национальному богатству! Зная, что иные господа-товарищи страх до чего не любят касаться последнего обстоятельства, т. е. упоминания об их национальности, я и не хотел здесь затрагивать это. Но вот же сам президентский мегафон Костиков недавно очень даже коснулся.

Как видно, он хотел по известному образцу сказать Хасбулатову: "Ах ты, чеченская морда! Куда лезешь?" Но сугубая образованность и звание дворцового лейб-мегафона не позволили ему этого сделать, и он прибег к изысканно-тонким художествам. Во-первых, заявил, что Председатель Верховного Совета вступил в "последнюю стадию политической и моральной деградации". Во-вторых, Председатель является "в сущности антиподом русского национального характера и русской нравственности". В-третьих, он наглый "самозванец". В-четвертых, это никем не прошенный "пришелец".

Очень прекрасно! Ну а кто люди, окружающие батю? Кто его самые оголтелые доброхоты? Вот Бурбулис-Екатеринбургский. На Западе его называют "самым могущественным литовцем в мире". А кто Шумейко? Я слышал, как однажды на митинге о нем спорили. Один сказал: "Он родился в Ростове — хохол ростовский". Другой возразил: "Ничего подобного. В Ленинграде я с ним вместе учился в аспирантуре. Шумейко — родной брат чухонской француженки Салье, тоже великой почитательницы президента". "А я вместе с ним защищал кандидатскую в Москве и точно знаю, что он почти кацап". "Ах, перестаньте, — сказал четвертый, — я работал с ним в Краснодаре, где у него до сих пор в резерве трехкомнатная квартира. Там его звали Шумейкамыш, и всем известно, что его дальний, но прямой предок — золотоордынский хан Тохтамыш, тот самый, что в 1382 году предпринял бандитский поход на Русь. С тех пор потомки Тохтамыша, несколько изменив имена, и расползлись по всей русской земле".

Словом, что думать, не знаю.

А посмотрите дальше: мариупольский эллин Попов, успевший смыться из мэров; опять же ростовский абориген Шахрай, не переводимый на русский язык; судя по внешности, подмосковный цыган Козырев; сильно смахивающий на прибалта Чубайс; несомненный тбилисский японец Кунадзе, мечтающий подарить своему императору Курильские острова; хабаровский некацап-нехохол Ильюшенко, почетный гражданин Торонто, где он сейчас пребывает, копая компромат на Руцкого; саратовский черкес Калмыков, как кур в ощип попавший в жуликоватую комиссию по борьбе с коррупцией; бердичевский калмык Шейнис, неутомимый оратор во славу бати, несмотря на шепелявость; мытищинский поляк Станкевич, друг папы римского и Старовойтовой; получех Собчак, густопсовый петербуржец читинского розлива; оренбургско-петербургская казачка, бинарная де-

путатка Старовойтова; межконтинентальный адвокат, именующий себя Макаровым... Да кто, наконец, и сам Голиков, почему-то именующий себя Гайдаром?

Вот такая кое в чем неясная картина. Но в одном-то она совершенно ясна: все эти люди уж никак не меньше "пришельцы", чем Хасбулатов. Есть тут и "самозванцы". Кто такой, скажем, тот же Бурбулис? На какие средства основал какой-то загадочный фонд и разъезжает на "мерседесе", имеющем спецсвязь? Какой пост и звание у него, чтобы ездить в Японию с личным посланием президента японскому премьеру и торговать там на литовском языке нашими Курилами? Он, как и другие, вместе с ним перечисленные, — подлинно антиподы русского характера и русской нравственности, и уж, конечно, ни один не пребывает в стадии политического и морального расцвета.

А ведь можно перечислять и дальше: Авен, Хижа, Шафраник, Барчук, Сосковец, Кобец... Да еще только что вынырнули из недр Верховного Совета и вспрыгнули в высокие кресла Подопригора, Починок, Красавченко... Нет, нет, в принципе никто, разумеется, не против любых кобцов, Боже упаси. Да я и сам, по некоторым данным, не кацап, не москаль вовсе, а что-то вроде арнаута. Но почему, почему именно их батя в таком избытке набрал в свое окружение? Все же понимают, что это можно сделать только за счет "непришельцев" — своих собственных соплеменников, составляющих 85 процентов населения. Откуда же такое недоверие, такая вражда к единокровным? И разве секрет, что именно эта публика особенно активна в проведении и защите президентских мерзостей? Чего стоит один только эллин Попов или калмык Шейнис, не слезающие с трибун и с экранов телевизоров!

Между прочим, никто из двадцати пяти, что ли, президентов бывших союзных республик и автономий не может похвастаться обилием вокруг себя "пришельцев". Скажем, возле бати стоят, как берлинская стена, около полдюжины украинцев. А может ли, например, Кравчук указать нам на такую же нерушимую стену русских? А может ли Шеварднадзе назвать ну уж не иностранца русского, а хотя бы несколько своих негрузинских сограждан — абхазца, осетина, аджарца, мингрела, еврея?.. А Бразаускас? Снегур? Акаев?..

Расправившись с морально деградировавшим "пришельцем" и "самозванцем" Хасбулатовым и вообразив себя после этого иерихонской трубой, от звука которой рушатся города, мегафон Костиков возгласил: "Судьба

России должна и будет решаться россиянами и под руководством лидера, отражающего национальные интересы Отечества". Прекрасно! Но почему бы бесподобному лидеру в интересах справедливости не последовать хоть отчасти примеру Кравчука или Бразаускаса, Шеварднадзе или Снегура?

Вечером 25 сентября, выступая на большом митинге у Дома Советов, я сказал, что безнадежны попытки разыграть грязную национальную карту, как бы ни силились тут карманный писатель Костиков или скорбный журналист Долганов (говорят, настоящая фамилия Лганов) из лакейской газеты "Президент". Этот Лганов в последнем номере, подгавкивая Костикову, заявил, что чеченцу Хасбулатову "разумеется, неведомы русские пословицы, такие, к примеру, как "Не трожь лихо, пока оно тихо". *Я* сказал: "Да, Хасбулатов — чеченец, и я уверен, что он гордится этим. Умалатова тоже чеченка, и уверен, что она гордится этим. Не знаю, кто по национальности журналистка Гарифуллина и депутат Саенко, но это все мои братья и сестры по борьбе против режима Ельцина. Мы, русские, открыты всем! Мы жили и живем ныне по прекрасной чеченской пословице: "Брат без брата — что сокол без крыла, сестра без брата — что голая хворостинка".

Впрочем, не будем сгущать краски. Есть в окружении среди обожателей президента и русские: Черномырдин, Полторанин, Рябов... Тут же два Федоровых, стоящих друг друга, один Филатов, стоящий их обоих... А еще Волков, Медведев, Барсуков. Не хватает только Ежова...

В эти дни на экранах телевизоров то и дело красуется физиономия генерала Грачева. При каждом появлении шумит: "Не потерплю! Сокрушу! Отдал распоряжение без предупреждения стрелять на поражение!" Каждый раз, когда появляется эта мордашка, словно наспех собранная природой из бракованных деталей, в моей памяти невольно встает величественно-строгий лик — "по-солдатски красивое лицо маршала Жукова" (К. Симонов). Я всматриваюсь, сопоставляю, думаю о смысле такого разительного контраста. И становится так понятно, почему один был защитником народа, спасителем Отечества, а другой — лакей, готовый стрелять в свой народ.

Но вернемся, наконец, к тому, с чего начали, — к вопросу о причине нашей уверенности в том, что батя вот-вот взбрыкнет. На меня лично, как на литератора, наибольшее впечатление тут произвели даже не жуткие

цифры экономического спада, не омерзительные факты нового предательства, не явная растерянность властей перед Конгрессом народов СССР, а недавняя встреча президента с писателями-рыночниками. Как только увидел я, с какой проникновенной улыбкой жмет он руку пародисту-рыночнику Иванову, сразу подумал: "Быть беде!" Потом Ельцин спросил: "А где Окуджава?" Окуджавы не было. "А где Адамович?" Адамовича не было. Видимо, он хотел посадить их рядом с собой. "А где Карякин?" — это спросил уже я, оскорбленный за батю. Карякин был тут как тут. Слава Богу! Спас честь русской литературы.

Дальше произошло нечто совершенно ужасное. Ельцин посадил по правую руку от себя пародиста-рыночника Иванова, а по левую — критика-рыночника Оскоцкого, беглого марксиста, воспитанника Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Боже мой, в каком окружении вождь великой державы! И конечно же, после того, как он увидел, что его приглашением прийти покалякать пренебрег даже такой любитель этого, как Адамович, а из тех, кто приперся, самый титанистый, самый интеллектуалистый — бывший пародист Иванов, он, батя, впал в неистовство, потерял над собой контроль и в таком состоянии решил учинить разгон Верховного Совета и Съезда народных депутатов.

Из писателей первым свирепо приветствовал попытку учинить разгон, естественно, Разгон, — девяностолетний ветеран пионерского движения.

Вслед за Львом Эммануиловичем выскочил, разумеется, Александр Исаевич. Тот самый, что три года поучает нас из своего заокеанского поместья, как нам обустроить Россию. Пребывая в Париже, он заявил, что советовал Ельцину разогнать Верховный Совет еще полтора года назад. Ему сейчас очень важно

столковаться с президентом, ибо он вроде собирается на несколько дней в Москву проконтролировать, как обустраивается его поместье теперь уже на русской земле. Если понравится, то, может, переедет совсем. И тогда батя оградит его от многих неприятностей, например от необходимости ответить русскому читателю на некоторые нескромные вопросы. Так, читатель может спросить: "На Отечественную войну вы по своему возрасту явились с двухлетним запозданием. А сейчас ваше запоздание на пожар еще больше. Демократы давным-давно сняли с вас все обвинения, вернули гражданство, восстановили в Союзе писателей, напечатали вороха ваших книг, присудили Государствен-

207

ную премию, глава правительства Силаев слезно молил вас: "Вернись, я все прощу!.." Потом уговаривал и сам президент, а вы все не можете распрощаться со своим имением в штате Вермонт. Родина горит со всех концов, а вы не в силах отложить очередную гениальную рукопись. И вот только теперь, когда вам где-то возле Барвихи, что ли, в правительственных палестинах выделили отменные угодья и возвели там хоромину, только теперь вы собрались осчастливить нас своим явлением. Согласуется ли это, Александр Исаевич, с образом меча Божьего, что вы для себя измыслили?"

Кто еще из суперинтеллектуалов в числе первых ринулся в поддержку Ельцина и его указа? Да, конечно же, Валерия Новодворская, лидер какой-то партии, насчитывающей, если не ошибаюсь, не то 75, не то 84 человека. Она изъявила страстную готовность защищать дело Ельцина с оружием в руках. Так и представил я себе, как с автоматом Калашникова или с винтовкой наперевес мчится пышнотелая дамочка в страшный бой, шлепая себя пятками по ягодицам...

Советская Россия. 1993. 2 октября

ЮБИЛЕЙНЫЕ ПОРОСЕНКИ И ПОХОРОННЫЕ ПОБАСЁНКИ

1

В сентябре 1997 года отмечалось восьмидесятилетие актера и режиссера Юрия Любимова, основателя Театра на Таганке... Что за пора такая настала: одно за другим — то юбилеи, то похороны. Да все пышно, с размахом, на государственном уровне! Вспомните: не успели мы, по выражению Галины Старовойтовой, "научиться жить без Андрея Сахарова", как вскоре пришлось учиться жить, по ее же словам, без Алеся Адамовича; едва повеселились на славном юбилее великого артиста Зиновия Гердта, как тут же пришлось отплясывать на бесподобном юбилее величайшего артиста Геннадия Хазанова; только что порезвились на вселенском юбилее мультилауреата Никиты Михалкова, как вскоре оросили слезами гроб грандиозного историка Дмитрия Волкогонова; еще не успели унять рыдания над могилой лишь перед смертью открывшегося большого антисоветчика Юрия Нагибина, как нагрянул "сценический" юбилей полубожественной Аллы

208

Пугачевой со скрытой датой; лишь отдышались от столь же таинственного юбилея Людмилы Зыкиной, известной переметчицы, как, обливаясь слезами, склонились в своих пыльных шлемах над гробом Булата Окуджавы, певца расстрелыщиков нашего парламента; пока остывали наши ладони от аплодисментов по случаю юбилея Дмитрия Лихачева, как вдруг, холодея от ужаса, видим в газете: "Я Бродского читаю и читал. Мне Бродский совершенно не противен"; еще не очухавшись от суперюбилея Андрона Кончаловского, узнаем: нет среди нас Бориса Брунова... А впереди еще 70-летие Екатерины Лаховой, 85-летие Галины Старовойтовой, 100-летие Наины Ельциной.

Но вернемся к юбилею Любимова. Он по существу мало чем отличался от празднования юбилея Хазанова, допустим, или Пугачевой. Те же восторженные

вопли, та же назойливость, то же пускание мыльных пузырей. Но в поведении самого юбиляра были две особенности, которые удивляли.

Первая имеет весьма частный, но в устах старого артиста поразительный характер. Он выступал в день юбилея по разным каналам телевидения и, в вольном переложении цитируя известные слова Гоголя, каждый раз говорил не "побасёнки", а "побасенки". Господи, да это же все равно, что вместо Гоголь сказать Гоголь. Какую жизнь надо прожить, какие книги читать, с кем дружить, чтобы иметь такое произношение? Неужто грандиозный артист никогда не читал, хотя бы, допустим, у Баратынского:

Узнайте: ласковый бесенок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шепот легких побасёнок...

Разве маэстро не встречал у Майкова:

Вот — побасёнками старик потешил вас,
Вы посмеялися и прочь пошли смеясь...

Как можно было не заметить у Некрасова:

За лишнее считал их (писателей) в мире бремя.
Звал книги побасёнками: читать
Не то ли же, что праздно тратить время?

Да ведь еще и пословица есть: "Хороша побасёнка под поросенка", т. е. во время застолья. И во всех словарях, начиная с Академического 1789 года, всегда указывается, что "побасенка" — это неправильно, неграмотно, вуль-

гарно. И вот на тебе! Такой эпохальный титан слова и сцены, а... Объяснения этому я не нашел. Может быть, оно в том, что Любимов, как сказал один из тех, кто его приветствовал, "человек двух культур" и одна из них целиком подавила другую.

Второй феномен никакого отношения к театру и к литературе не имеет, это чистая политика... Любимов уверенно повторил почти слово в слово то, что незадолго до него мы услышали от советско-американского еврея профессора Янова, именующего себя политологом: в том, что Советский Союз распался, нет ничего удивительного, это вполне закономерно, таков ход истории, все империи рано или поздно распадаются. И привел тот же самый пример — Англию. Смотрите, мол, как мудро она поступила: сама добровольно отказалась от всех своих завоеваний. А мы, идиоты и нецивилизованные, кретины грубошерстные, болваны густопсовые и т. д. Прекрасно!

Но тут как раз английская королева Елизавета Вторая собралась посетить Индию, самый большой и жирный кусок рухнувшей империи. И что же? В стране поднялась буря протеста. Граждане свободной Индии с гневом напомнили августейшей даме, что в городе, который она намерена посетить, ее соотечественники в 1919 году расстреляли сотни индусов. Вот такой неожиданный урок на тему добровольности был преподнесен двум разным деятелям двух культур.

Артист был тезисно краток в изложении своего взгляда на великое горе своей родины, а политолог весьма обстоятелен. Поскольку их точки зрения полностью совпадают, то я позволю себе поспорить с ней, обращаясь к доводам лишь политолога.

Николай Сванидзе, сын известного Карлуши, многолетнего секретаря

парткома Политиздата, любит приглашать в свое теле-"Зеркало" самых уморительных персонажей нынешнего политического театра: Новодворскую, Козырева, Гайдара, а то и вовсе Ваню Рыбкина. Это понятно, ибо свое "Зеркало" он уволок из Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, когда там грабили "Комнату смеха". И вот теперь его кривую поверхность он превратил в ристалище недотеп.

25 мая, в день прославления великого русского патриота священномученика Гермогена, патриарха Московского,

коему Россия во многом обязана избавлением от польского нашествия, угораздило грузинского грузина Сванидзе пригласить американского еврея Александра Янова. Раньше-то Янов был русским, советским евреем, причем, кажется, еще и заместителем главного редактора журнала "Молодой коммунист", органа ЦК ВЛКСМ. Неудивительно, если так, потому что секретарем ЦК комсомола по пропаганде, а затем и главным редактором названного журнала был Лен Карпинский, выдающийся советский еврей, будущий редактор контрреволюционной газеты "Московские новости".

Янов, разумеется, стал в Америке профессором "политологии", подобно тому как в прошлом веке французики из Бордо слыли у нас кто за Вольтера, кто за Мольера. А еще у него репутация великого знатока и друга России. В таком качестве он предстал перед нами в передаче Сванидзе. Предстал и начал нас развлекать.

Вы, говорит, не печальтесь, что Советский Союз распался. Все империи рано или поздно распадаются. Была Британская империя — распалась, была Французская империя — распалась, была Испанская империя — распалась. Так что распад Советского Союза — вполне закономерное историческое явление.

Странно, что при этом не вспомнил Янов еще империю Александра Македонского, Римскую империю, империю Карла Великого, Священную Римскую империю германской нации, империю Чингисхана, Австро-Венгерскую империю... Никакой разницы между СССР и названными им, как, надо полагать, и названными нами, ученый русско-американский еврей не видит. А ведь они, дружок, существуют.

Прежде всего, названные империи, все без исключения, были созданы силой оружия, явились результатом кровавых завоеваний. Невозможно называть народ, который добровольно вошел бы в состав Римской империи или Испанской. Не было держав, что сами попросились бы под руку Чингисхана или короля Франции. Например, Индия — "жемчужина короны Британской империи" — вставлена в эту корону после ожесточенных англо-майсурских, англо-маратхских, англо-сикхских и других войн. Конечно, и в истории России были подобные факты: завоевание Казани, Крыма, Кавказа, Сибири... Но наша история знает и то, что совершенно неведомо истории помянутых империй: добровольное вхождение народов в состав России. Чего стоит одно лишь воссоединение в 1654 году с Украиной. А за ней последовали Буря-

тия, Калмыкия, Грузия, Армения, Тува... Что касается Сибири, то ее обширные просторы были чрезвычайно слабо заселены, многие районы просто пустовали, и потому ее присоединение к России не сопровождалось грандиозными сражениями или многолетними войнами.

Создание империи с помощью оружия, естественно, изначально порождало враждебные отношения между завоевателями и завоеванными. А поскольку создание названных Яновым западных империй происходило сравнительно недавно (Индия, скажем, была окончательно и целиком подчинена Англией лишь в середине прошлого века), когда у иных завоеванных народов уже сложилось

достаточно развитое национальное сознание, то вражда к завоевателям являлась живым, острым чувством, сыгравшим важную роль в развале этих империй. Русские же завоевания произошли в большинстве своем гораздо раньше. Так, например, Казань и Казанское ханство присоединены в середине XVI века, походы Ермака в Сибирь

— в 80-е годы XVI века, завоевание Крыма — 1783 год. Не везде, конечно, но во многих регионах за долгое время враждебность притупилась, а то и вовсе исчезла. Тем более что русские не обращали в православную веру, допустим, мусульман-татар или буддистов-калмыков, а англичане, испанцы, французы делали все для насаждения своей веры.

Во-вторых, что вы, комсомолец Янов, прикидываетесь, будто вам неизвестен всем известный факт: в названных и не названных вами империях нации, создавшие их, как и территории метрополии, были ничтожной долей всего населения и всей территории империи. Так, англичане составляли по численности лишь 7—8 процентов численности населения одной лишь Индии, а их Альбион — 6 процентов ее территории. Но ведь они владели кое-чем и еще, помимо этой "жемчужины": всего Британская империя охватывала свыше 25 процентов земной суши и такую же долю населения мира, где Англия и англичане не превышали 2—3 процентов. А в СССР, по переписи 1979 года, проживало 262 миллиона человек, из них русских — 137,5 миллиона, т. е. 52,4 процента, украинцев — 42,3 миллиона, белорусов — 9,5 миллиона. Эти три братских славянских народа составляли вместе 73 процента всего населения и были этническим, государственным, культурным, оборонным фундаментом, становым хребтом страны. Каждый из них порознь значительно превосходил по численности все другие народы, и только белорусов было на 3 миллиона меньше, чем узбеков. Так

спрашивается, какое же государственное образование надежнее, крепче: то, которое стоит на противоестественных курьих ножках в виде 2—3 процентов, или то, фундамент которого составил 70-процентный природный монолит? Неужто не соображаете, Янов? Вот уж курьи-то ножки непременно должны были сломаться. Даже удивительно, что они так долго держались, но об этом — дальше.

В-третьих, все названные ветхозаветным мудрецом империи представляли собой огромные многосоставные конгломераты этнически разнородных территорий, которые клочками, кусочками, лоскутами были разбросаны за морями-океанами по всему миру, порой за тысячи миль от метрополии. А Россия, СССР — это единый сплошной материк, не разделенный даже горами или морями, а впоследствии еще теснее сросшийся железными дорогами, средствами связи, единой энергосистемой, нефте- и газопроводами, взаимной экономической зависимостью разных регионов. Сосуд скудельный, слепленный из бесчисленных кусочков разнородной глины, и амфора, изваянная из единого куска гранита, — и только бывший сотрудник "Молодого коммуниста" не понимает, что долговечней, если, конечно, он не выполняет при этом хорошо оплаченное и пропагандистское задание.

В-четвертых, все западные империи были империями колониальными. Завоевав заморские земли, покорив их народы, европейские страны принялись нещадно эксплуатировать и грабить их, ничуть при этом не заботясь о развитии отсталых народов, а, наоборот, притесняя и истребляя местную культуру, до порабощения имевшую в ряде колоний высочайшее развитие. Стоит лишь сопоставить сказочный Тадж-Махал с каким-нибудь прямолинейно-унылым банковским зданием в Бомбее. Ничего подобного не было ни в царской России, ни тем более в Советском Союзе. Мы подняли окраины страны из феодальной отсталости к вершинам цивилизации и не только не покушались на их верования, но пестовали их национальную культуру, иным народам дали письменность,

растили сначала в Москве, Ленинграде, Киеве, а потом и на местах национальную интеллигенцию. Широко известно, что национальные республики жили во многих отношениях гораздо лучше, чем русская "метрополия", — о какой из западных империй можно это сказать? Может быть, жители Кении, почти в два с половиной раза более обширной, чем Англия, и ставшей ее владением в 1895 году, зажили после этого лучше англи-

чан? Или сенегальцам, подпавшим под власть Франции чуть раньше, жилось в дальнейшем веселей, чем французам? Или счастливей стали граждане Конго, жившие в самостоятельном государстве еще с XIII века, в результате того что в 1898 году их сделали подданными Леопольда II, короля Бельгии, которая сама-то обрела самостоятельность лишь в 1830 году и была по населению раза в три, а по территории — в 80 раз меньше Конго?.. Ни на один из этих вопросов и на множество подобных невозможно дать утвердительный ответ. Или у вас есть такой ответ, профессор Янов?

В-пятых, закономерным результатом хищнической политики западных держав в своих колониях явились многочисленные забастовки и восстания национально-освободительного антиколониального характера. Крупнейшее восстание такого рода произошло, например, в Индии в 1857—1859 годах, в Кении в 1952—1956 годах и т. д. Все они жестоко подавлялись. А в России много было разного рода восстаний и бунтов — стрелецкие, казачьи, хлебные, холерные, медные, картофельные и т. п., но не было ни одного, который имел бы национальный, антирусский характер. А что касается таких личностей, как Мазепа или Бандера, таких фактов, как сотрудничество с немцами чеченцев или крымских татар, то ведь это имело место в годы войны, когда подобные фигуры и факты как порождение оккупации обнаруживаются на занятой противником территории почти всюду: во Франции — Лаваль, в Бельгии — Дегрель, в Норвегии — Квислинг... Если бы Англия подверглась вторжению, то и там вынырнул бы на поверхность известный гитлеровец Мосли.

В-шестых, западные империи, иные из коих сколочены лишь в конце XIX века и даже в начале XX века, были исторически краткосрочны, и потому даже при благоприятных условиях в них не успели бы сгладиться вражда, неприязнь, противоречия между поработителями и порабощенными, но мы знаем, что условия были совсем иные. А наша империя имела многовековую историю, за время которой народы притерлись друг к другу, сжились, сдружились и, прежде всего, с русскими, которые, приезжая в национальные республики, не селились в специальных кварталах, не возводили никаких стен между собой и местным населением, а жили среди него, работали вместе с ним, многие создавали смешанные семьи, и такие понятия, как "смешанный брак", "полукровка", не имели у нас ни малейшего отрицательного оттенка. По-

лукровками, точнее, людьми с большей или меньшей долей нерусской крови, были знаменитейшие деятели нашей истории и культуры — от Владимира Мономаха до Михаила Шолохова.

Талантливый алтайский поэт Бронтой Бедюров, выступая 29 мая на пленуме правления Союза писателей России, а на другой день — на конгрессе интеллигенции, возмущался тем, что мы нередко говорим языком противника, например называя перерожденцев и хищников этого времени "новыми русскими". "Новый русский — это я!" — радостно воскликнул Бронтой. И тут не было ни натяжки, ни игры. Да, великое множество нерусских людей, возросших в лоне и своей, и русской культуры, имеют право называть себя новыми русскими. И таким деятелям, как вчерашний хитроумный политбюрошник Назарбаев, в результате двуличной и грязной политики которого из Казахстана уже выехало

больше миллиона русских, не будет прощения ни от русских, ни от казахов, ни от истории, ни от Бога. Нет меры преступления этих политбюрошников против народов, их дружбы, о чем они, политбюрошники, еще вчера так сладко пели.

В-седьмых, когда в 1940 году, в пору героического противостояния один на один с фашистской Германией, грозившей из-за Ла-Манша, Черчилль был назначен главой правительства, он заявил: "Я занял этот пост не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи". И действительно, все свои огромные способности этот выдающийся политический деятель XX века отдал делу защиты империи, и если она распалась, то вопреки всем его желаниям, намерениям и делам. А ничтожный пустобрех Горбачев и декламатор Ельцин заняли главные посты в государстве именно для того, чтобы председательствовать при его ликвидации. Они не оказали никакого сопротивления распаду страны, более того, как своим действием, так и бездействием они потворствовали и способствовали этому. И Черчилль, и Рузвельт, и де Голль, не говоря уж о Сталине, повесили бы их на одной перекладине без суда и следствия, даже если бы господин Янов, визжа на весь мир, требовал бы законного судебного процесса и предлагал свои услуги в качестве адвоката.

И, наконец, последнее. Скоротечные западные империи в силу указанных выше причин действительно распались сами собой, вполне закономерно, безо всякого вмешательства "пятых колонн" и КГБ или ЦРУ. После

их развала ни у кого не было права воскликнуть: "Мы одержали победу!" А американцы даже точно подсчитали, сколько они потратили на уничтожение Советского Союза (кажется, 200 миллиардов долларов) и на операции ЦРУ, на содержание "пятой колонны" в частности. И потому американский президент Буш с полным правом воскликнул: "Мы одержали победу!"

Из всего сказанного видно, что Советский Союз стал жертвой всеохватного невежества и всестороннего предательства бездарных верховных правителей — от Горбачева и Ельцина до Бразаускаса и Снегура, скудоумия националистов вроде Гамсахурдиа, Ландсбергиса да мощнейших многолетних стараний ЦРУ, опиравшегося на "пятую колонну". А твердить, что развал Советского Союза был так же закономерен и неизбежен, как развал других империй лишь потому, что он был в понимании Янова тоже империей, это все равно как если бы я заявил: "Мой сосед Рабинович умер в возрасте 67 лет. Он был еврей и сотрудник "Молодого коммуниста". Янов тоже еврей и сотрудник "Молодого коммуниста". Значит, он закономерно и неизбежно даст дуба в возрасте 67 лет".

День литературы. 1998. № 2

ТИТАНЫ И ПИГМЕИ

КОНСЕНСУС

Это было летом сорок первого года. Может быть, в конце июля или в начале августа... Как только грянула война, мы, выпускники 437-й школы Сталинского района столицы, пошли работать. Девушки — на электроламповый завод, ребята — на авиационный завод имени Лепсе, что находился на Мироновской (ныне Ибрагимова) улице.

Однажды жарким утром я спешил на завод и, пробегая мимо витрины "Правды", боковым зрением ухватил на полосе небольшой стишок. В те дни я жил военными сводками да стихами. И потому, хотя и торопился, но не мог не остановиться у газеты. Это было стихотворение Степана Щипачева "Ленин". Я

прочитал его, не подозревая, конечно, о том, что строки, схваченные на бегу, всплывут в памяти через пятьдесят лет:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины разбитого вокзала.
Под вечер немцы в городок вошли
И памятник низвергли с пьедестала...

Да, это было их первой заботой, когда они вламывались в наши города. Как и охота на не успевших уйти или спрятаться коммунистов. Как и обыски, погромы в помещениях райкомов, горкомов, обкомов... А на фронте погибло три миллиона советских коммунистов из пяти, состоявших тогда в партии.

...Сквозь полувековую толщу лет я смотрю в то жаркое военное утро, беззвучно шепчу вспомнившиеся строки, и неожиданные мысли приходят мне в голову, странные видения встают в уме... Как немцы низвергли памятник? Ну, вероятно, подогнали тягач или танк, накинули трос... А были при этом местные жители, горожане? Как они вели себя? Что делали?.. Я закрываю глаза, и горькая картина возникает перед моим мысленным взором.

218

...Мнится мне, что вокруг памятника и тягача снуют не только немцы. Я вижу и несколько хорошо знакомых русских лиц. Вон тот, бородатый, что тянет трос от тягача к памятнику, сильно смахивает на Юрия Карякина, научного сотрудника Института международного рабочего движения, нардепа СССР, прославившегося не научными изысканиями, а тем, что первым, еще до нардепа Марка Захарова, с трибуны Всесоюзного съезда, предложил ликвидировать Мавзолей Ленина: мешает, дескать, успешному развитию международного рабочего движения. А тот, что взобрался на постамент, тянет руки к тросу, чтобы накинуть его на шею памятника, — да это же вылитый Собчак, который так постарался стереть с карты родины слово "Ленинград". В стороне стоит человек, очень похожий на знаменитого создателя роскошной драматургической Ленинианы Михаила Шатрова. Он кусает губы, обливается слезами, но хранит полное молчание, даже всхлипнуть боится. Фельдфебель, руководящий погромом, говорит ему: "Почему ты не работаешь?" Тот отвечает сквозь слезы: "Недалеко отсюда, у парка стоит гранитная скульптура Сталина, нашего Верховного Главнокомандующего. Там я вам помогу. Обязательно!"

Бородатый малый что-то замешкал с тросом. Ефрейтор, стоящий рядом, разозлился и дал ему под зад пинка: "Быстрее, ученый осел!"

Но вот трос наконец подан, человек с лицом Собчака укрепил его и спрыгнул на землю. Водитель тягача влез в кабину. Все готово для паскудства. Вдруг подходит к фельдфебелю кто-то с разноцветными камешками на ладони и, сильно налегая на "о", говорит: "Г-о-сподин, о-ккупант, п-о-звольте мне п-о-рулить, я м-о-гу". Кто это? Не Солоухин ли, напечатавший не так давно в журнале "Родина" зловонную статейку "Читая Ленина"? Как две капли! Немец смеется:

— Давай, Иван, постарайся! Но тут же спохватывается:

— Постой, а разве не ты сочинял стихи о Ленине и о партии?

— Я, г-о-сп-о-дин о-ккупант, я. По-о-этому и пр-о-шу. У меня о-с-о-б-о-е прав-о.

— Хорошо. Но прежде почитай нам что-нибудь.

— Хотите, спою песню "Мужчины"? — спрашивает поэт и начинает басом:

219

В-о время в-о-енной кручины
В п-о-лях, в к-о-вылях, на снегу
Мужчины, мужчины, мужчины
Пути заступали врагу...

Фельдфебель недоволен:

— Ты что ж, намерен встать поперек пути нам?

— Видите ли, г-о-сп-о-дин о-ккупант, есть в литературе такое п-о-нятие — лирический герой. Так вот, это он. А я, лично я, всю в-о-йну буду служить в Кремле...

— П-о-нятн-о, — немец тоже заразился оканием. — А теперь п-о-читай св-о-и стихи о партии, о Ленине.

Мощный голос сотрясает округу:

— Я не падал в разводья кр-о-нштадтского льда.
Я партийный билет п-о-лучил не т-о-гда...
Над м-о-гилой героя н-о-чная звезда.
Я партийный билет п-о-лучил не т-о-гда...
Я сейчас п-о-лучаю партийный билет.
К-о-ммунист умирает, но партия — нет!..

— Прекрасно! — восхищается фельдфебель. А это правда, что недавно во искупление своих коммунистических грехов ты, как доложила нам разведка, сжег два мешка сторублевых ассигнаций, поскольку они с изображением Ленина?

— Сущая правда! Два сжег и еще два ут-о-пил в реке. Вот п-о-лучу г-о-н-о-рар за новое с-о-брание с-о-чинений и о-пять с-о-жгу. Я такой!

— Ну, молодец! Садись за руль.

Певец партии прячет камешки в карман, занимает освободившееся место, включает зажигание, но... Что такое? Не фурыкает!

— Испортил?! — орет немец. — А ну, пошел прочь! Стаскивает певца на землю и пробует сам. Ничего не получается!

Кто-то небольшого росточка, плотный, в очках, сильно напоминающий редактора журнала "Наш современник", особенно злобствующего в поношении Ленина, подбегает к водителю тягача и говорит:

— Может, бензин кончился? У моих "Жигулей" полный бак. Могу поделиться.

— А заслуживаешь ли ты доверия? — хмурит брови водитель. — Знаем мы вас, русских! Притащишь какой-нибудь жидкой взрывчатки...

— Не беспокойтесь, господин захватчик, мне верить можно. О Ленине писали и Евтушенко, и Вознесенский,

и Рождественский. Вот им верить нельзя. Больше того, они заслуживают кары. Добро должно быть с кулаками. А я не писал. Ни строчки! Я об этом последнее время на всех писательских собраниях говорю. И без устали бью тех, кто писал. Добро должно быть с кулаками. Правда, господин интервент?

— Я не знаю, кто ты — кулак или подкулачник, но не считай нас за дураков! — обрывает фельдфебель. — По данным разведки, о Ленине писали почти все лучшие советские поэты — и Маяковский, и Есенин, и Пастернак, и Твардовский, и Светлов, и Солоухин — все!

— Виноват, виноват, — лопочет редактор с кулаками, — маленькая неточность сорвалась с языка. Но все равно, я ненавистник Ленина и вы, господин агрессор, его ненавистники — как же вам не верить мне!

Хватает канистру и куда-то мчится. Фельдфебель спрашивает певца:

— Ты тоже считаешь, что добро должно быть с кулаками?

Тот с таким видом, будто нашел еще один редкий по красоте камешек и любуется им, отвечает:

— Да, я считаю, что д-о-бро и кулак — это неразделимо. И кулачество д-о-лжно был-о о-статься при своем д-о-бре, пусть даже мир-о-едском.

Весь в мыле, с бензином и с пачкой девятого номера своего журнала за 1991 год возвращается редактор-подкулачник.

— Пожалуйста, коллеги фашисты, бензинчик высшего сорта. А это дарю вам журнальчик с прекрасными стихами одного бывшего металлурга. Такого антиленинского зоологизма вы еще не встречали. Пальчики оближешь! А вообще-то был бы рад видеть вас в числе наших подписчиков.

Через пять минут бензин залит, и все в порядке. Певец партии садится за управление. "Vorwarts!" ("Вперед!")

— командует фельдфебель. Мотор взревел, но машина ни с места. В чем дело опять? Оказывается, у тягача просто маловато сил, чтобы свалить памятник.

Немец подзывает пальцем драматурга-ленинианца:

— Все слезы льешь? А ну сбегай за хомутами!

— За хомутами? А где их найти?

— Где хочешь. Быстро!

Ленинианец исчезает и минут через пятнадцать приволакивает полдюжины хомутов. Где взял, Бог весть! Может быть, выменял на свои пьесы.

221

— Очень хорошо! — говорит фельдфебель и надевает хомуты на шеи русских участников погромной акции. Их впрягают в одну упряжь впереди тягача попарно: нардепа и петербуржца, певца партии и редактора-подкулачника, драматурга и вдруг откуда-то взявшегося поэта-металлурга, лауреата премии Ленинского комсомола.

— Вперед, прихвостни! — командует немец. Мотор взревел. Петербуржец того гляди лопнет от натуги. Нардеп обливается апоплексическим потом. Певец в беспамятстве бормочет стихи: "Мужчины, мужчины, мужчины! Вы помните званье свое!" Подкулачник высунул язык, синий от ненависти к Ленину. Металлург приговаривает, задыхаясь: "Я человек рабочий. Десять лет простоял у мартеновской печи..." Наконец, а-а-х!.. Упал памятник! Все бросаются друг другу в объятья. Ура! Целуются, блаженно хрюкают. Памятник упал навзничь. Металлург вскакивает ему на грудь и, приплясывая, читает свои стихи, напечатанные в журнале.

Здесь лежит в мавзолее суровый марксистский пророк,
Под охраной лежит — до сих пор не живой, не покойник...
Говорят, по ночам он по кладбищам рыскает сплошь,
И никто не дает ему рядом обычного места...

Ба! Да это Валентин Сорокин!

Один немецкий солдат спрашивает другого:

— Что такое "рыскает сплошь"? Можно так сказать?

— Конечно, нельзя. Да черт с ним! На нас же работает.

Вдруг появляются генерал и несколько офицеров. Фельдфебель докладывает, что тут происходит. Генерал доволен и говорит, чтобы всех русских построили. Фельдфебель командует: "Русские прихвостни, в одну шеренгу становись!" Становятся, но драматурга нет: куда-то незаметно исчез. Где он?

Генерал подходит к строю:

— Русские друзья! Мне доложили, что все вы члены коммунистической партии с тридцати—сорокалетним стажем. Но я не могу поверить, ибо не в силах вообразить, чтобы, допустим, члены нацистской партии крушили бюсты фюрера. Поэтому прошу вас предъявить партбилеты.

Нардеп, редактор и металлург достают из боковых карманов билеты и протягивают генералу. К нему приближается майор из разведотдела и говорит:

222

— По агентурным сведениям, правда непроверенным, все они утаивали от

партии свои доходы и платили взносы с гораздо меньших сумм, надо бы на всякий случай выпороть.

Генерал с любопытством рассматривает билеты, потом говорит:

— Вот тут на первой страничке нарисован Ленин. Знаете ли вы, что сейчас русские полки сражаются против нас под знаменами, на которых его изображение? А в этих полках ваши отцы и старшие братья...

— Да, конечно, знаем, — отвечает за всех нардеп Карякин. — Ведь мы тут все и очень образованные, и знающие жизнь. Собчак, например, доктор наук, профессор. Меня не сегодня-завтра в академики изберут. Певец партии французский язык почти знает. Редактор-подкулачник — выдающийся знаток браконьерства по рыбной части. У одного только металлурга среднее образование, но и он умен, как муха.

— Очень интересно! — качает головой генерал. — Значит, вы крушили его памятник, держа у сердца его портрет? Превосходно! Я думаю, что во всей мировой истории у вас нет даже отдаленных подобий.

Он подходит к строю и правой рукой похлопывает всех по мордашкам. Потом протягивает эту руку адъютанту и тот обрызгивает ее каким-то дезинфицирующим составом.

— А ваши билеты? — спрашивает генерал остальных.

— Я не член партии! — радостно выпаливает певец с камешками.

— И я не член! — подхватывает петербуржец читинского разлива Собчак...

Опять подходит майор из разведотдела:

— Позвольте доложить: врут. Певец состоял в партии более сорока лет. Вы же слышали стихотворение его о приеме в партию. А вышел он совсем недавно, когда узнал, что мы расстреливаем коммунистов. Петербуржец вступил в партию, чтобы стать членом рейхстага. 10 июня 1988 года в своем заявлении о приеме он писал, — майор достает из планшета листок бумаги и читает, — "Прошу принять меня в члены КПСС, потому что в это решающее для партии и страны время хочу находиться в передовых рядах..."

— Зала заседаний? — перебил генерал.

— Нет. "...в передовых рядах борцов за дело социализма и коммунизма. Программу КПСС изучил, признаю и обязуюсь выполнять. Анатолий Собчак".

223

Генерал, его свита, все немцы хохочут.

— Так и сказано: "В передовых рядах борцов"? — утирая слезы, спрашивает генерал.

— Так точно. А через два года, с помощью партбилета став членом рейхстага и градоначальником, он сбежал из партии. Такова правда истории. Надо бы выпороть.

Генерал почему-то никак на это не реагирует, возвращает билеты, жмет всем руки:

— Молодцы!

— Рады стараться, господин агрессор! — отвечают в один голос.

Генерал опять дезинфицирует правую руку.

Появляются еще четыре русских. У одного в руках поэма Евтушенко "Казанский университет", у второго — поэма Вознесенского "Лонжюмо", у третьего — поэма Рождественского — "210 шагов", четвертый очень похож на Михаила Ульянова, игравшего в пьесе Шатрова роль Ленина. Да это не они ли сами и есть? Четверка подходит к сваленному памятнику. Можно было ожидать, что они кинутся с кулаками на тех, кто надругался над памятью великого человека, — недаром же у них в руках книги, в которых он превознесен до небес. Но нет, смотрят, молчат и удаляются. Человек, похожий на Евтушенко, при этом произносит: "Мы не присоединились к ним и — тем спасли честь русской

интеллигенции". Он очень ее любит.

А генерал совещается со свитой.

— Что же с ними делать, господа?

— Забросить в тыл к русским, — говорит кто-то.

— Нет, — возражает майор из разведотдела, — они могут быть гораздо полезнее в ведомстве доктора Геббельса. Надо отправить их к нему.

Все молчат, думают. Кто-то говорит:

— Их, конечно, надо выпороть, а потом наградить.

Но как? Чем?

— Господа, идея! — восклицает опять майор, большой знаток русских проблем. — В 1918 году на Ленина было покушение. Пулями, отравленными ядом кураре, в него стреляла эсерка Фанни Каплан. Так вот, не учредить ли нам для таких, как эти, литературную премию или медаль имени Каплан? Ведь они продолжают то самое дело, которое начала легендарная террористка.

— Нет, я не согласен, — говорит генерал. Каплан и эти прихвостни совершенно несопоставимы. Она была

224

членом партии, враждебной коммунистам и боровшейся против них, а эти — члены партии Ленина, носящие на груди его портрет. Она стреляла в живого и опасного противника, а эти расстреливают безответного мертвеца. Она рисковала жизнью и поплатилась ею, а чем рискуют эти? Ничем! Наоборот, они приспособились и наживаются на каждом выпаде против покойника.

Разговор продолжается. Вдруг откуда-то выскакивает человек, похожий на Егора Яковлева, члена КПСС с 1953 года. В руках у него целая пачка хвалебных книг о Ленине: "День и жизнь", "Портрет и время", "Держать душу за крылья", "Первое поколение коммунизма"... Подходит к поверженному памятнику, кладет несколько своих книг ему под голову, чтобы помягче было. Гуманист. За ним — еще один Яковлев. Разговаривает сам с собой: "Недавно меня спрашивали, как я отношусь к Ленину. Я ответил: "сверххорошо!" Подходит к памятнику, переступает через него и удаляется.

Откуда ни возьмись, выскочил еще один персонаж. Лысенький, кругленький, с плакатами на груди и на спине. На первом написано: "Ленин остается с нами как крупнейший мыслитель XX столетия". На втором: "Отвернуться от Ленина — значит подрубить корни общества и государства, опустошая умы и сердца поколений, идущих нам на смену". Горбачев!" Это его собственные недавние изречения. Он видит поверженный памятник и взмахивает волосатыми ручками: "Ленина свалили? Это несерьезно! Прежде надо определиться. Надо искать консенсус, это главное. Пришли и сразу валить! Зачем так резко? Можно было постепенно, через пять-шесть лет. Это несерьезно!" К нему подходит фельдфебель: "А ну цыц!" Лысенький исчезает. А вокруг памятника водят хоровод нардеп, петербуржец, певец с камешками на ладони, редактор, металлург-мыслитель. Хлопают в ладоши...

...В моей комнате хлопнула форточка. Мне уже невмоготу. Я открываю глаза, шепчу: "Сгиньте, нетопыри!" Подхожу к окну, жадно глотаю свежий воздух, но видение все стоит перед глазами. Тогда так громко, что, должно быть, слышно на улице, я читаю, как молитву, все стихотворение Щипачева от первой строки до последней:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины разбитого вокзала.
Под вечер немцы в городок вошли
И памятник низвергли с пьедестала.

225

А утром победитель-генерал

Взглянул в окно и задрожал от страха:
Как прежде Ленин бронзовый стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

И как при святой молитве, задрожав от страха, нечистая сила сгинула.
Советская Россия. 1991. 26 октября

КОЛОКОЛА ГРОМКОГО БОЯ

Для вас, любознательные!.. Вот широкоизвестные имена:

великий князь московский Иван Третий (1440—1505);

сенатор, генерал, дипломат, президент Ревизионной коллегии князь Яков Федорович Долгоруков (1639— 1720);

адмирал, морской министр, президент Вольного экономического общества граф Николай Семенович Мордвинов (1754—1845);

адмирал, народный комиссар Военно-Морского Флота, Герой Советского Союза, член КПСС Николай Герасимович Кузнецов (1902—1974);

бригадир машиностроительного завода, народный депутат СССР, член КПСС Сажи Зайндиновна Умалатова (р. 1953);

американский гроссмейстер, чемпион мира по шахматам Роберт Джеймс Фишер (р. 1943).

Угадайте, любознательные, что между этими людьми общего. Вопрос неожиданный, конечно, понимаю... Гораздо легче разглядеть, допустим, что общего между экономистом-журналистом Гайдаром и марксистом-футболистом Бурбулисом: оба мало что в жизни нюхали, кроме книжных полок. Или между Козыревым и Бейкером: хотя первый получает жалованье в рублях, а второй — в долларах, но оба с одинаковым рвением работают на Америку... Да, тут давно все ясно. А мой список имен вроде бы совершенно произвольный. Ну, в самом деле: Иван Третий и Фишер! И тем не менее я утверждаю, что у всех названных выше лиц из разных времен и сфер человеческой деятельности, разных национальностей есть столь важная общая черта, что их можно назвать членами одной семьи. Давайте поищем разгадку сей тайны.

В своей "Истории России" С. М. Соловьев рассказывает, что в 1476 году явился в Москву посол от золотоордынского хана Ахмата звать великого князя в Орду. Как сказали бы теперь, хан вызывал князя на ковер. И что же? Неслыханное дело: князь не поехал, а направил в Орду посла Бестужева "неизвестно с какими речами". Речи эти Ахмату не понравились, и вскоре явились новые послы от хана с требованием всегдашней дани. Но тут произошло нечто уж вовсе невероятное. Князь Иван схватил басму (ханскую грамоту с печатью), порвал ее в мелкие клочки, швырнул на пол, растоптал и бросил в лицо послам: "Ступайте объявите хану, что случилось с его басмою, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое".

Как известно, Ахмат не захотел оставить в покое Русскую землю и в июле 1480 года, рассчитывая воспользоваться начавшейся усобицей князя Ивана с братьями, заручившись поддержкой Казимира литовского, двинул войска на Москву. Но наши полки своевременно встретили ордынцев на Оке. Тогда, совершив быстрый обходный маневр через литовские волости, Ахмат вышел на берег Угры, надеясь прорваться к белокаменной с запада. Но и тут русские полки опередили неприятеля, заняв все броды и перевозы. И началось великое стояние на Угре...

Князь Иван, желая посоветоваться с матерью, митрополитом и боярами, передал командование князю Даниилу Холмскому и направился в стольный град.

Но когда 30 сентября московский люд, уже готовившийся к осаде, увидел своего князя, то все решили, что он бросил войско и что ордынцы идут следом. В Кремле Ивана встретил митрополит и архиепископ ростовский Вассиан, который назвал князя бегуном и сказал ему: "Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними. Зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный. А без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю. Дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!" Вот какие духовные пастыри были тогда на святой Руси...

Вскоре князь Иван вернулся к войску, и великое стояние на Угре продолжалось. Оно кончилось тем, что, так и не решась атаковать русских, ордынцы 11 ноября начали отход. По пути они грабили литовские волости в отместку за то, что князь Казимир обманул и не оказал поддержки.

227

Тюменский хан Ивак кинулся вдогонку за Ахматом, чтобы отнять добычу. 6 января 1481 года, ночью, Ивак напал на лагерь Ахмата и собственноручно убил его. Так от руки одного из потомков Чингисхана погиб последний хан Золотой Орды...

Конечно, после Куликовской битвы все шло к тому, чтобы окончательно сбросить татарское иго, много было к тому причин, но каплей, переполнившей чашу терпения князя и подвигшей его на то, чтобы порвать басму, по мнению некоторых историков, могли быть укоры, которые приходилось выслушивать ему от жены своей Софии, урожденной Палеолог, племянницы византийского императора. По свидетельству летописца, она говорила мужу: "Я отказала в руке своей богатым, сильным князьям и королям, вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками. Разве у тебя мало войска? Зачем слушаешься рабов своих и не хочешь стоять за честь свою и за веру святую?" Вот какие жены были когда-то у русских властителей...

А теперь ответьте мне, любознательные: есть ли у нас Вассиан, который в нынешние роковые дни сказал бы в лицо властителю вчерашнему или теперешнему: "Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь..." И можете ли вы представить себе, чтобы сейчас, когда снова нависла смертельная опасность над нашей отчизной, жена того или другого властителя рекла своему мужу: "Я отказала в руке своей богатым, сильным номенклатурщикам — министру парфюмерной промышленности и секретарю Ставропольского (Свердловского) обкома комсомола по пропаганде, я вышла за тебя, безвестного комбайнера, а ты теперь хочешь меня, детей моих и внуков сделать американскими прислужниками. Разве мало у тебя войска? Зачем слушаешь Яковлева (Бурбулиса) да Шеварднадзе (Козырева) и не хочешь стоять за честь свою и за веру советскую?"

Увы, не нашлось сегодня среди нашего духовенства нового Вассиана. И невозможно представить себе помянутых выше жен с гневными речами на устах. А уж тем более немыслимо вообразить их мужей в образе Ивана Третьего, рвущего и топчущего германскую или американскую басму, ибо они просто не понимают таких слов, как "честь", "достоинство".

228

Прошло пятьсот с лишним лет после стояния на Угре... Американский гроссмейстер Роберт Фишер приехал в Черногорию, чтобы после двадцатилетнего загадочного уединения в звании чемпиона сыграть здесь уже по одной этой загадке сенсационный матч с Борисом Спасским, русскоязычным французом, немало лет тому назад покинувшим трудную родину ради уютного Парижа. И вдруг получает Фишер то ли от своего правительства, то ли от президента, то ли еще от каких высоких властей грозную басму: запрещаем, дескать, тебе, как

нашему верноподданному, играть в Черногории!

В чем дело? Оказывается, эта страна шибко не нравится Джорджу Бушу, огорчает его своей независимой политикой. Что ж, она и раньше кое-кому не нравилась, например Наполеону. Но при чем здесь шахматы? Едва ли Фишер знает стихотворение Пушкина "Бонапарт и черногорцы".

Черногорцы? что такое? —
Бонапарте вопросил. —
Правда ль, это племя злое
Не боится наших сил? .
Так раскаятся ж нахалы.
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам.

Но черногорцы не испугались, ничего не принесли к ногам захватчика. Видали, дескать, мы эти ноги в белых тапочках. Сами взялись за оружие:

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!

Надев свои красные шапки, вступили в бой и разбили интервентов. Наш великий поэт сказал от их лица:

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край.
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

И вот, находясь в такой-то стране, Роберт Фишер получает приказ: "Запрещаю! Раскаешься, нахал..." Как в этом положении, любознательные, должен был поступить настоящий мужчина да и просто всякий уважающий себя человек? По-моему, гроссмейстер нашел наилучший ход. Первого сентября, накануне начала матча, в отеле

"Маэстрел" проходила пресс-конференция. Он явился туда с правительственной бумажкой, развернул ее и на глазах у всего мира, в том числе американского авианосца "Индепенденс", стоящего на изготовку у берегов Черногории, смачно плюнул в самую середину грозной басмы: знайте, мол, буши и бейкеры приходят и уходят, а Фишер навсегда останется в истории культуры и в памяти людей... Говорят, на "Индепенденс" с орудий сняли чехлы и проверили боекомплекты самолетов. А наш Евгений Майоров гневно осудил Фишера, показав тем самым, что на яковлевско-попцовском телевидении держат только адептов общечеловеческих ценностей горбачевского закваса. На другой же день после пресс-конференции легендарный маэстро одержал блестящую победу над русскоязычным противником, выступающим под французским флагом... Ах, как жалею теперь, что двадцать лет назад, когда они играли свой первый матч, тем знойным, дымным московским летом я болел не за Роберта, а за будущего русскоязычного. Думаю, этот американский еврей уже вполне заслужил почетное звание "Лучший черногорец года": ведь он бросил вызов не только своим властям, но и самому времени.

Нужны ли еще доказательства, что Иван Третий и Роберт Фишер, стоящие в самом начале и в самом конце моего пятисотлетнего перечня, — это родные братья?

Такой же брат им князь Яков Долгоруков. Это был государственный муж,

исполненный сознания высокой ответственности за державу, за ее достоинство, честь и благо. С. М. Соловьев воспроизводит такой эпизод истории. В 1687 году царь Петр послал его с князем Яковом Мышецким во Францию, чтобы передать Людовику XIV, Королю-Солнцу, грамоту с предложением вступить в союз против турок. Королю это было крайне нежелательно, и потому приняли русских послов весьма прохладно. А после первых же их бесед с министром иностранных дел Людовик дал понять послам, что ответную грамоту он передаст без долгих церемоний. Послы возмутились и сказали: все государи вручают ответную грамоту послам лично, и они, послы русского царя, не примут грамоты иначе, как из королевских рук. Им ответили, что король вельми яростен, обещает учинить послам великое бесчестие. Долгоруков сказал на это, что не только королевский гнев, но и сама смерть не может
230
принудить их взять грамоту, направленную им через кого-то в посольский двор. И с достоинством присовокупил: "Королевский гнев страшен нам по вине, а без вины вовсе не страшен: должны мы прежде всего взирать на повеление государей своих".

Французы попытались задобрить послов подарками, но они их отвергли. Королю-Солнцу ничего больше не оставалось, как все-таки принять строптивцев в Версале. Но в грамоте они не увидели обращения — "великий государь". Послы потребовали, чтобы грамоту переписали. Им было отказано под тем предлогом, что французский король никому такого титула не дает и себя так не называет. Долгоруков ответил в том смысле, что нам нет дела до других государей и до того, как именуют Людовика, а наш государь — великий. И с тем, не взяв ни грамоты, ни даров королевских, русские послы удалились. Соловьев пишет: "Мастеры церемоний говорили, что королевскому величеству ни от кого в том таких досадительств прежде не было"... Вот каковы были русские дипломаты и во что они выродились на наших глазах: Шеварднадзе да Кунадзе, Панкин да Козырев... Одно горькое утешение: это, кажется, всего лишь русскоязычные.

Так держался Яков Долгоруков, будучи послом в чужой стране. Однако ж он причинял досадительства не только иноземным государям, но и своему, когда находил это нужным. Однажды на заседании сената разорвал Указ, подписанный грозным царем, который ведь не только буйного стрельца или обесчестившегося генерала казнить мог. Он даже сыну родному мог бросить в лицо: "За мое отечество и людей моих я живота своего не жалею. Как могу тебя, непотребного, пожалеть? Ты ненавидишь дела мои, которые я для людей народа своего делаю". Да с тем царь и утвердил решение сената казнить его единственного сына... И такому человеку перечить? Указ такого царя разорвать на глазах сенаторов? Вот уж досадительство! Почему же Долгоруков пошел на это? Да потому, что Указ противоречил законодательству. И только! Все остальное не имело для сенатора никакого значения. Кто из нынешних декламаторов о правовом государстве, вроде Шахрая или Румянцева, способен отстаивать свои взгляды хотя бы только под угрозой битья кнутом даже при закрытых дверях?

Пушкин, со слов князя А. Н. Голицына (1773—1844), рассказывает, что Петр, узнав о поступке сенатора, прямо-таки взбеленился и тотчас нагрянул к нему домой.
231

Там он задал мятежнику взбучку, на сей раз только словесную, может быть, лишь по причине его почтенного возраста. А успокоившись, стал расспрашивать, в чем именно его Указ противоречит закону. Сенатор все объяснил. "Разве ты не мог то же самое сказать, не раздирая Указа?" — спросил Петр. "Правда твоя, — ответил Долгоруков, — но я знал, что если раздеру, то уж впредь таковых подписывать не станешь".

Да, в иных случаях самое мудрое и единственно возможное — разодрать грозную бумагу или плюнуть на нее в прямом либо переносном смысле. Думаю, в окружении Горбачева, а потом Ельцина были и есть люди, которые понимают это, но среди них не нашлось ни одного, кто обладал бы мужеством князя Долгорукова или хотя бы Роберта Фишера, ни одного, кто был бы способен на поступок чести. Вот первый из них и плодил указы, которые никто не выполнял; вот и второй подмахивает указы, над которыми потом смеются...

Государь помирился с сенатором, продолжает Пушкин, но сказал царице, которая особенно мироволила Долгорукову, чтобы она призвала князя да посоветовала ему на другой день при всем сенате попросить прощения у государя. Царица позвала, посоветовала. И что же князь? Начисто отказался! "На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в Сенате государя и более чем когда-нибудь оспаривал его. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал". А однажды, как утверждают, сказал даже вот что: "Князь Яков в Сенате прямой мне помощник: он судит дельно и мне не потакает, без краснобайства режет прямо правду, несмотря на лицо".

Горбачев мог бы в свое время сказать то же самое о народных депутатах Алкснисе или Сухове... Ельцин — о Бабурине или Горячевой. Но болезненные честолюбцы, обкомовско-цековские выкормыши, признающие только ту критику, которая находится в полном соответствии с табелью о рангах, не способны на такие жесты. Первый все выискивал, какие силы стоят за критиками, кто им "подбрасывает идейки"; по себе судя, не мог поверить, что люди действуют по зову своего сердца и совести! И второй, незадолго до этого провозгласивший, что за смелую критику надо выдавать тринадцатую зарплату, дошел даже до потворства подлой травле, что учинили его лакеи Горячевой, Бабурину и многим другим.

Как вы думаете, любознательные, где князь Яков обрел столь высокое благородство сердца и такое бес-

страшие ума, — в княжеском воспитании? в таких ратных трудах, как Азовские походы или Северная война? в десятилетнем шведском плену, из коего дерзко бежал? Трудно ответить, правда? Велика тайна становления личности. Но нет никакой тайны в том, что нашим правителям просто негде было стать настоящими мужчинами. Ни в каких походах, кроме туристских, они не участвовали; ни в каком плену, кроме плена заседательской болтовни, не томились; никакого воспитания, кроме кабинетно-коридорного, не получили. Недавно один из них в компании кавказцев лихо воскликнул с бокалом шампанского: "На Руси у нас тоже, между прочим, мужчины!" Да, конечно, между прочим, мужчины! Да, конечно, но, между прочим, это не относится к отцам отечества, чья душа величиной с пуговицу на петровском камзоле.

И что же в итоге? А в итоге Яков Долгоруков живет в памяти русских людей, его воспели Державин, Рылеев, Пушкин... Кто же не помнит хотя бы вот этих знаменитых строк:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой.
И был от буйного стрельца
При нем отличен Долгорукой...

А что пишут об этих? Что останется о них в памяти народной? Разве что вот

такая частушка:

Мишка Борьку испугался
И в уборную помчался,
Но уборной не нашел,
А процесс уже пошел...

Под пером Пушкина и других русских поэтов блистало имя еще одного царского сановника из составленного мной перечня — адмирала графа Мордвинова. Когда ему было всего сорок два, поэт екатерининской поры Василий Петров посвятил ему большую оду. А когда уже перевалило на восьмой десяток, Пушкин посвятил ему восторженное стихотворение. Это было в 1826 году, вскоре после, может быть, самого доблестного гражданского поступка Мордвинова. Буквально через несколько дней после разгрома восстания декабристов и их ареста граф,

233

прекрасно понимая, что им грозит, подал Николаю Первому докладную записку — "Мнение об Указе 1754 года", где доказывал необходимость отмены смертной казни. Его доводы не убедили молодого императора, и Верховный суд приговорил пятерых декабристов к высшей мере наказания. Приговор надлежало скрепить своими подписями всем членам суда, в состав которого входил и Мордвинов. И вот, когда его пригласили к столу подписать смертную бумагу, он поднялся из кресла и нелегкой походкой старого моряка молча вышел из зала. Один против всех!..

Как тут не вспомнить, с каким единодушием наш высший эшелон выдал на расправу нынешнему Шешковскому своего председателя Анатолия Лукьянова. И ведь никому из них ничего не грозило. А разве можно забыть, как Леонид Иванович Сухов, шофер из Харькова, предложил почтить вставанием память маршала Ахромеева, и его поддержало всего несколько человек из двух тысяч. Сухов родился не графом, но этот простой шофер истинный аристократ духа и родной брат князю Василию, князю Долгорукову, графу Мордвинову. И горько было видеть этого аристократа, болеющего душой за родной народ, в парламентском окружении интеллектуальных лакеев да сявок, замшелой номенклатурной шпаны и университетских выползней. Вот кто оказался на вершине государственной власти благодаря избирательному закону, дарованному нам кликой Горбачева.

...И невозможно было бы жить дальше, любознательные, если бы не великий день 17 декабря 1990 года, если бы не воспоминания о нем. В этот день вся страна увидела еще одного члена той благородной аристократической семьи, о которой я веду рассказ, — прекрасную чеченку Сажи Умалатову. Она долго убеждала свою парламентскую фракцию коммунистов в необходимости выступить с требованием отставки Горбачева. Там большинство составляли, конечно, мужчины, но они поеживались, сокрушенно качали головами: "Рано. Народ нас не поймет. Надо подумать, взвесить..." Тогда Сажи сказала: "Что же, если не можете отважиться вы, мужики, это сделаю я, женщина". И взошла на трибуну, и молвила то, что давно уже было у всех на языке, но никто не решался выговорить: президент оказался обманщиком народа, который по доброте своей поверил ему, у него нет тех достоинств государственного мужа, что позволяли бы ему возглавлять страну. Своим невежеством, трусостью,

234

шкурничеством он довел ее до развала, столкнул народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой. Глядя в глаза родному народу, Сажи сказала Горбачеву: "Вы несете разруху, развал, голод, кровь, слезы, гибель невинных людей... Вы должны уйти ради мира и покоя нашей многострадальной страны".

Это были исторические минуты! Вот когда безо всякого предварительного сговора или заговора, а по влечению совести надо было одному за другим встать рядом с бесстрашной женщиной всем будущим сановным узникам "Матросской Тишины", министрам, секретарям ЦК, генералам и всем расхрабрившимся теперь беспощадным критикам Горбачева, начиная с безмолвствовавших тогда депутатов Олейника и Власова. Увы, не встали! И тем самым на целый год продлили пребывание у кормила государства еще живого, но уже смердящего политика...

Мне остается сказать о последнем из того перечня лиц, среди рода людского просиявших, что представлен в начале статьи, — об адмирале и наркоме Военно-Морского Флота, о Герое Советского Союза, коммунисте Николае Герасимовиче Кузнецове. Известно ли вам, любознательные, что в первый день фашистского нападения на нас мы потеряли около 1200 самолетов, сотни танков, тысячи пехотинцев, множество полевых укреплений и в то же время — ни одного корабля, ни одной морской базы, не был допущен на наше побережье ни один вражеский десант? А ведь вторжение началось с авиационного удара именно по морским базам — по Севастополю, Одессе, Либаве, Таллину, Кронштадту. Знаете ли вы, что 8 августа, когда уже были сданы Минск и Смоленск, когда враг уже рвался к Ленинграду и Киеву, наша морская авиация нанесла с острова Сааремаа мощный удар по Берлину? Немцам и в голову не пришло, что это русские, и они объявили о налете английских самолетов, из которых, мол, шесть бомбардировщиков сбито. Это была двойная ложь, ибо все наши летчики до единого вернулись на базу. И потом целый месяц били по фашистской столице еще и еще, раз десять.

В чем же дело? Где причина столь разительной картины? Почему в одних и тех же сражающихся вооруженных силах одновременно имели место факты и столь скорбные, и столь славные?

Вот какое пояснение дал в своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков: "Ошибки, допущенные руководством,

не снимают ответственности с военного командования всех степеней за оплошности и просчеты. Каждый начальник, допустивший неправильные действия, не имеет морального права уходить от ответственности и ссылаться на вышестоящих. Войска и их командиры в любой обстановке должны всегда быть готовыми выполнить боевую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указания свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц". К сожалению, таких случаев оказалось слишком много...

А наркомвоенмор Кузнецов, понимая свою личную ответственность перед страной и флотом, приказал командующим флотами и флотилиями западных направлений объявить повышенную боевую готовность № 2. Это означало: резко сократить увольнения, развернуть командные пункты, проверить оружие, ночью затемнить суда. А в 23 часа 21 июня наркомвоенмор приказал объявить готовность № 1. И на всех боевых кораблях от Мурманска до Севастополя, от Либавы до Одессы ударили колокола громкого боя. Тревога!

Ему звонит командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц: "Что делать в случае явного нападения на базы и корабли?" У Кузнецова нет полной уверенности, что начинается война, но он твердо говорит: "Открывать огонь!" Звонит командующий Северным флотом контр-адмирал А. Г. Головко: "Как быть с финнами? С их аэродромов взлетают немецкие самолеты в направлении поселка Полярный. Сбивать их категорически запрещено". Кузнецов твердо знает, что если это не война, а только провокация, то ему не сносить

головы, но он спокойно говорит: "По нарушителям нашего воздушного пространства открывать огонь!" Звонит начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал И. Д. Елисеев и выясняется, что телеграмма о готовности № 1 в Севастополь еще не дошла. Кузнецов все понимает, все ясно видит и уверенно говорит: "Действуйте без промедления". В 2 часа 40 минут 22 июня все флоты западных направлений перешли на высшую ступень готовности.

В 3 часа 07 минут начался немецкий налет на Севастополь. Врага встретили во всеоружии. Сбили два фашистских самолета. А немецкий посол граф Шуленбург еще не

явился к Молотову с нотой об объявлении войны. В своей кремлевской квартире еще спал тревожным сном Сталин. Еще ничего не знали о пролитой крови нарком обороны маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии Жуков. И в то же время уже получена их директива: "В течение 22—23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев... Нападение может начаться с провокационных действий... Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников..."

Значит, высшее руководство еще не исключало возможности всего лишь провокации и "крупных осложнений", а не войны. Что же ответить севастопольцам, уже пролившим вражескую кровь? Вдруг этот налет все-таки только крупная провокация? И нарком (не голос ли архиепископа Вассиана в этот роковой час донесся до него сквозь пять столетий: "Зачем боишься смерти?"), зная, что, может быть, подписывает свой смертный приговор, внятно сказал в трубку: "Благодарю за службу!"

В ночь на 22 июня адмирал Кузнецов, один из немногих, взял на себя всю ответственность за решительные действия вверенных ему сил. В ту страшную ночь он стал великим сыном родины и великим флотоводцем.

...И вот пришел 1985 год. А после него снова стал слышен и все ширился шум моторов и лязг гусениц. И не за Бугом, не за Неманом и Прутом, а в московском Кремле, в городах и столицах всех республик. И нашлись люди, что ударили в колокола громкого боя: Юрий Бондарев... Нина Андреева... Александр Невзоров... Это Бондарев первый сказал: "Самолет взлетел, но где он сядет, никто не знает". Это Андреева первой сказала: "Самолет летит неправильным курсом". Это Невзоров первый сказал: "Мы преданы. За штурвалом самолета слабоумный изменник". А где же были в это время вы — секретари ЦК да министры, маршалы да академики, депутаты да Герои? Или не слышали вы никогда ни об Иване Третьем, ни о Долгорукове и Мордвинове, ни об адмирале Кузнецове? Сейчас они пишут книги, статьи, дают интервью, где мы читаем: "Я подавал докладную записку... Я ставил вопрос на Политбюро... Я выступил на научной конференции... Я был не согласен..." Да не записки надо было писать, а бить если уж не в колокол на Иване Великом, то хотя бы в рельсу. Надо было выво-

дить полки на городские площади. А для этого вовсе и не обязательно знать о Долгорукове или Мордвинове. Достаточно, чтобы твое сердце билось в лад с великим сердцем народа.

Советская Россия. 1992. 19 сентября

КОЙОТЫ

На страстной неделе 21 апреля "Известия" напечатали большую статью историка-философа и профессора-генерала Д. А. Волкогонова "С беспощадной

решительностью". Она начинается так: "Подошла очередная годовщина рождения вождя русской революции. Еще год назад то был день идеологического причастия к ленинским святыням, очередной повод для массовых заклинаний в верности марксизму-ленинизму". Здесь, в первых же словах, такой сгусток непочтения к правде и невежества, что трудно читать дальше. Ну, прежде всего, что такое "заклинания в верности"? Очевидно, автор имел в виду не заклинания, а клятвы, или уверения, но это же совсем другое. Кроме того, слова "причастие", "причаститься" вовсе не требуют предлога "к". Уж на страстной неделе мог бы многоученый автор вспомнить, допустим, вот эти строки Пушкина:

Ужель надежды луч исчез? Но нет! — мы счастьем насладимся, Кровавой чаши причастимся — И я скажу: Христос воскрес.

Да что Пушкин! Через сто лет после него даже безбожник Маяковский, ни лицея, ни Военно-политической академии не кончавший, знал, как надо употреблять эти слова, обходиться с этими словами: "Сильнее и чище нельзя причаститься великому чувству по имени — класс".

Но дело не только в том, что, как и во всей статье, объявленная в заголовке решительность сильно преобладает над грамотностью, еще прискорбнее обстоит дело с самим содержанием, смыслом приведенных фраз. Ведь это выдумка, что в день рождения В. И. Ленина у нас происходили какие-то "массовые заклинания". Всего лишь устраивались торжественные вечера, на которых выступали с докладами разного уровня ответственные

лица. Вот среди них действительно некоторые клялись в верности марксизму и причащались ленинизму, допустим, М. Горбачев, А. Яковлев, Г. Бурбулис и другие руководящие персоны. А причем здесь массы? Они сидели и слушали. Как нам стало известно, 18 раз с докладами о светлой ленинской годовщине выступал и сам т. Волкогонов, всю жизнь проходивший в начальниках. Сейчас он говорит о себе, что "долгие десятилетия был правоверным ленинцем". Уж слишком скромно! Правильнее было бы сказать не "правоверным", а "неистовым".

Действительно, взять хотя бы его не столь давние книги "Психологическая война" (1983 г.) и "Оружие истины" (1987 г.). Там профессор Волкогонов с генеральской решительностью громит и разносит в пух множество известных лиц — А. Сахарова, А. Солженицына, В. Максимова, Ю. Орлова, В. Буковского и других: эти люди — "моральный шлак, социальные отбросы общества", которые "никого не представляют". Именует их не иначе, как "провокаторами", "наиболее злобными антисоветчиками", "предателями Родины" и т. д. Словом, учиняет им полный разгром. И в этой беспощадной борьбе Волкогонов то и дело благоговейно апеллирует к Ленину, к его мыслям и оценкам. В первой книге он обращается к нему более 50 раз, во второй — около 40.

А взять его знаменитую тетралогию "Триумф и трагедия", вышедшую уже в 1989 году. Она густо оснащена эпиграфами. И кого мы здесь только не видим! Еврипид и Плутарх, Монтескье и Бэкон, Карлейль и Вольтер, Герцен и Франс, Жорес и Бердяев... Но это — эпиграфы к отдельным главам, а ко всему сочинению автор взял девиз опять же из Ленина.

Кроме того, надо заметить, что вся тетралогия буквально нашпигована именами философов, ученых, государственных деятелей, писателей... Выходец из Забайкалья, автор, став столичным жителем, все-таки остается в уверенности, что иначе и быть не может в сочинении доктора философских да еще исторических наук, и он устроил из своих четырех томов четыре вселенских ареопага умников. С мудрым словом на устах тут Александр Македонский и Саша Черный, Марк Аврелий и Давид Бурлюк, Юлий Цезарь и Сергей Михалков, Конфуций и Иван Семенович Козловский, Фома Аквинский и Феликс Чуев, Вергилий и Зощенко, Сократ и Вано Мурадели, Руссо и Александр Жаров, Наполеон и Алексей

Каплер... Однако опять же гораздо чаще всех мудрецов чело-
239
вечества автор и в этом сочинении цитирует и упоминает Ленина: в одном томе — на 23 страницах, в другом — на 51-й, в третьем — на 93-х, в четвертом — аж на 184-х. А ведь на многих страницах по нескольку цитат и ссылок, так что подсчитать все их просто немыслимо.

Итак, ленинец из ленинцев. Но прошло всего три года, и вот этот же человек сегодня пишет: "Ленин заложил страшную мину под Россию... Несостоятельность его пророчеств — исторический приговор человеку, считавшемуся гением" и т. п.

На другой день, 22 апреля, в самую ленинскую годовщину, по телевидению показали фильм "Ленин в Октябре". Начальник телевидения Е. Яковлев, автор множества книг о Владимире Ильиче, своей красотой и грамотностью превосходящих даже недавние завывания на эту тему профессора Волкогонова, не мог, конечно, показать ныне этот фильм просто так. Он обязательно должен был тотчас по окончании показа выпустить против него идеологического бульдога. На сей раз эту роль отлично выполнил писатель Владимир Солоухин, который уже обрел широкую известность своими антиленинскими трепаками, порой переходящими в конвульсии на страницах многих газет и журналов, что, как видно, и открыло ему путь на яковлевско-поповское телевидение.

В эти дни немало ленинофобских судорог было и в других изданиях. Но наиболее интересными, примечательными и типичными фигурами редкостной идеологической свистопляски представляются именно Д. Волкогонов и В. Солоухин. Они даже и внешне похожи: оба гладкие, вельмигласные, с выражением свирепой беспорочности на ликах. К ним стоит приглядеться.

Нынешняя ненависть этих двух сотоварищей к Ленину лишь часть их всеохватной ненависти к коммунизму, к советской истории и ее деятелям, к нашему строю и власти. Если такая ненависть взросла бы в душах людей, которые жестоко пострадали или хотя бы ничего не получили от нового строя, то ее можно бы понять. Но ведь здесь дело обстоит совсем не так.

Почти ровесники, они оба дети колхозников из российской глубинки, может быть, даже захолустья, где ходили в лаптях, и оба сделали каждый на своей стезе блестящую карьеру. Один стал известным писателем, издал и переиздал множество книг, получил от ненавистной власти ордена-премии, роскошную дачу (при отменном двухэтажном домике в одиннадцать окошек, что
240
стоит в родной деревне Алепине). Что еще? Конечно, есть не тесная квартирка из нескольких комнаток в Москве, есть машина или даже не одна; ну, понятное дело, объездил весь свет, — как члену партии с молодых ногтей и весьма законопослушному подданному, ему тут отказа не было. Детям, разумеется, дал образование, приобрел квартиры, да и вообще никто из родни по миру не пошел. Следует еще заметить, что печатается Солоухин благодаря своей многосоставности так широко, что это изумляет. Увы, обстановка сейчас столь обострилась, что авторов, допустим, "Литгазеты" или "Огонька" не печатают в "Нашем современнике" или в "Литературной России", и наоборот. А Солоухин везде вхож. Так, будучи не только автором, но и членом редколлегии "Нашего современника", он частенько появляется и, казалось бы, в совершенно для него неприемлемом "Огоньке". Да еще как! С предисловием-напутствием самого Коротича... В свое время известная "Автобиография рано созревшего человека" Евтушенко была издана в США с предисловием шефа ЦРУ Даллеса. Право, Даллес все-таки предпочтительнее Коротича.

У Солоухина есть что предложить кому угодно. Например, те свои "Камешки", где он вслед за Солженицыным и Роем Медведевым изображает Шолохова литературным карманником, несет, конечно, в "Литгазету". А для

"Литературной России" он приберег "Камешки" о том, какой могучей и процветающей была царская Россия, там это обожают. Есть у него чем порадовать и московскую "Родину", и парижский "Посев" и т. д. Второй столь всепроникающей и амбивалентной фигуры у нас в литературе сегодня нет.

Что касается ленинской темы, то Солоухин недавно признался, что приобщился к ней с четырех лет, декламируя на публике стихи, которые выучивал с чужого голоса. Да еще устроил у себя дома "Ленинский уголок", развесив многочисленные портреты Ильича. Ну а позже, став взрослым, сам принялся сочинять стихи и о Ленине, и о партии, и о Советской власти как о вершине человеческого духа, как о венце истории.

Д. Волкогонов преуспел на своем поприще, пожалуй, даже больше. Чего стоят хотя бы только три подряд генеральских чина. А должность первого заместителя начальника Политуправления Армии? А куча орденов? А одна докторская степень, помноженная на другую? Это ж прямо-таки мудрость, возведенная в квадрат! Потом

241

— кресло директора Института военной истории, избрание депутатом России, должность советника президента...

Да, оба преуспели в жизни как никто. И понимают же, кому — чему обязаны этим прежде всего. Волкогонов еще в 1990 году благодарно признавал: "Меня вырастило Отечество". Солоухин ту же мысль неоднократно выражал в стихах. Выходит, личный мотив начисто отсутствует в их нынешней позиции, которая характеризуется тем, что в "Литературной России" Солоухин называет Советскую власть "поганой", а в "Литгазете" — "бандитской". Но если ты, рядовой колхозник, именно при такой власти столь ошеломительно преуспел, то кто же тогда по природе своей сам? Ведь поганая власть, естественно, поощряет прежде всего архипоганцев, бандитская власть — супербандитов.

Поэт и генерал-философ согласиться с тем, что они архипоганцы и супербандиты, конечно, не могут. Не могут и отрицать того, что прожили свою жизнь как у Христа за пазухой. Тогда как же быть? В чем же дело? А в том, говорят они, что мы не из-за себя негодуем, мы-то действительно благодаря нашим великим талантам имели возможность даже при бандитской власти всю жизнь жрать в три горла, а вот наш любимый народ, наша несчастная родина, наши многострадальные соотечественники...

Что ж, они предстают перед нами в облике народных печальников, в роли защитников униженных и оскорбленных? Прекрасно. Но тогда, чтобы народ больше поверил им, надо предпринять кое-какие шаги, с целью стать ближе к нему, ну, хотя бы, прокляв прошлое, отказаться от орденов, премий, званий, полученных от бандитской власти, может быть, даже от домика в одиннадцать окошек — ведь он третий по счету. Не много ли для одной семьи?.. Нет, ни от чего не отказались товарищи, кроме одного — партийных билетов и уплаты членских взносов.

С другой стороны, почему эти пассионарии так много сил и времени отдают гневному поношению вчерашнего дня, когда в нынешнем дне любимого ими народа столько горя, страданий и крови? Я спросил Солоухина, где он был 23 февраля 1992 года, когда его дорогих сограждан на московских улицах мордовали дубинками в кровь. Он не ответил. Но я-то знаю, что он был там же, где в годы войны — в полной безопасности: тогда за стенами Кремля, сейчас — на переделкинской даче. Он любит читать

242

с эстрады трагическое стихотворение, в котором рефреном повторяется строка: "Сегодня очередь моя". Дескать, на защиту родины, за честь русского народа поднимались до сих пор люди разных времен, сословий, судеб, но вот настала

очередь моя, встаю, иду на подвиг, и не надо, дорогая супруга, меня жалеть. Очень красиво! Но нельзя не заметить, что поэт изрядно замешкался. Его очередь подошла еще во время войны — в сорок втором году, когда ему исполнилось восемнадцать лет, но он любезно уступил ее своим ровесникам, в частности таким, как я — очкарик с сердечной недостаточностью. Он уступил ее нам и 23 февраля этого года. И тем не менее, спустя пятьдесят лет, все грозит, пугает с эстрады своих домочадцев и почитателей: "Сегодня очередь моя. Смотрите, я могу жизни решиться..."

Итак, любовью к народу, великим самоотречением объяснить проклятие Солоухиным и Волкогоновым Советской власти, Ленина так же невозможно, как и личными мотивами. В чем тогда дело?

В. Солоухин клянется, что в его антиленинском трепаке "никакой отсебятины" нет. "Все цитаты подлинные. Обнаружить можно лишь мелкие погрешности. Существенных неточностей, а тем более предвзятой трактовки, тенденциозного комментирования текстов нет". И тут же — вот, мол, убедитесь — приводит такой текст телеграммы:

"Пенза. Губисполком. Копия Е. Б. Бош.

Необходимо... провести беспощадный массовый террор... Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию (карательную. — *В. С.)* пустить в ход. Телеграфируйте об исполнении.

9.8.1918 Предсовнаркома Ленин".

Увы, тут нетрудно обнаружить и самую беспардонную отсебятину и тенденциозность комментирования, доходящую до полного извращения факта. Экспедицию, упомянутую в телеграмме, Солоухин назвал карательной, а на самом деле, как следует из примечаний редакции собрания сочинений, речь шла об экспедиции, видимо, печатного двора, эвакуированного из Петрограда в Пензу, где она должна была заняться заготовлением государственных бумаг (печатанием денежных знаков, почтовых марок и т. п.). Отсебятина — это не только вписывание своего текста, но и изъятие чужого, если оно искажает смысл. Здесь именно тот случай: после слова

"террор" Солоухин выбросил слова "против кулаков, попов и белогвардейцев". Это "мелкая погрешность"? Наконец, выброшена и начальная фраза: "Получил вашу телеграмму". А ведь из нее следует, что не просто так сидел-сидел Ленин в Кремле, все в державе тихо, спокойно, а ему от скуки вдруг втемяшилось: не учинить ли в Пензе массовый террор? Нет, оказывается, его телеграмма была ответом на известие о кулацком восстании в пяти волостях Пензенской губернии. Так работает поэт, поклявшийся Аполлоном в своей неукротимой любви к правде, к честности.

Не беремся судить, насколько правомерна была та ленинская телеграмма. Лучше предоставим слово А. Солженицыну, который еще двадцать лет тому назад потрясал ею перед лицом человечества в своем голосистом "Архипелаге" (т. 2, с. 17). Правда, не таил, что вспыхнуло восстание. И не искал карателей там, где их не было. Тут Солоухин превзошел учителя. Но нобелевский лауреат тоже выбросил слова "против кулаков, попов и белогвардейцев", несколько мешающие его концепции о всеохватном терроре.

Сильней всего негодовал по поводу слов "сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города". Подумать только, шумел он, запереть "не виновных, а СОМНИТЕЛЬНЫХ!". Ну, на такое, мол, попрание законности и свободы способны только большевики.

Однако вот какое любопытное рассуждение встречаем у того же обличителя в

другом месте голосистого "Архипелага". Рассказывает с чужих слов о бунте заключенных в каком-то лагере. Руководитель бунта, говорит, размахивая финкой, объявлял в бараке: "Кто не пойдет на оборону — тот получит ножа!" Угрозой расправы, страхом смерти гнать людей, не желающих идти на затеянное тобой крайне опасное, может быть, даже роковое дело, — вот уж, казалось бы, где правозащитник Солженицын вознегодует во всю мощь своих легких и голосовых связок, когда-то опрометчиво забракованных Юрием Завадским для сцены. Но, странное дело, ничего подобного не произошло, и угрозу кровавой расправы над ни в чем не повинными людьми он спокойно и уверенно квалифицирует так: "Неизбежная логика военной власти и военного положения..." Гуманист оправдывает действия власти, хотя она самозванная и "военное положение" создала незаконными действиями сама.

Но в Пензенской губернии-то в августе 1918 года было в подлинном смысле военное положение — вооруженное восстание. И, однако, на его ликвидацию никто не гнал под

244

угрозой смерти всех, не принимавших в нем участия, а лишь предлагалось временно изолировать вне города тех, кто, пожалуй, мог бы примкнуть к восстанию, — вполне естественная и логичная мера любой власти, которая хочет оставаться властью. Как только 7 декабря 1941 года японский флот совершил нападение на Пёрл-Харбор, в США тотчас были заключены в концентрационные лагеря сотни тысяч живших там японцев... Нет, все-таки неправду говорит автор великого "Архипелага", что он видит жизнь, как Луну, всегда с одной стороны — он видит ее всегда с той стороны, с какой ему в данный момент нужно, выгодно. Это можно сказать и о его талантливом ученике, который, как мы видели, порой превосходит учителя.

О телеграммах, подобных тем, что приведена выше, и Солоухин и Волкогонов знали, конечно, давно. Но первый помалкивал о них, а второй еще вчера даже целиком оправдывал. Писал в 1989 году, что "революционный радикализм большевиков во многом был вынужденный тем, что все висело на волоске. Подчеркну: нередко это было необходимо".

И вдруг они прозрели! Забегали, замельтешили, заверещали... Известны факты, когда некоторые дотоле правоверные сторонники Сталина вдруг резко выступали против него: хотя бы М. Рютин, Ф. Раскольников. Но, во-первых, у них перемена взглядов произошла в сорок — сорок пять лет, когда многие люди переживают кризис, меняются; во-вторых, они выступили наперекор течению и действовали, по сути, в одиночку; наконец, прозрение не сулило никаких благ, наоборот, они шли на огромный риск, для Рютина оказавшийся смертельным. Разве можно не поверить в их искренность и бескорыстие?

А эти? Один продрал глаза в шестьдесят пять лет, второй — в шестьдесят семь. И произошел этот пенсионный катарсис не в индивидуальном порядке, а вместе с ордами, стадами, кагалами таких же философов, историков и писателей всех возрастов. Вернее, даже не вместе, а вслед за этими стадами, кои они превзошли только мощью грудных клеток. О своем "прозрении" они вещают и в газетах и по телевидению, — всюду, где хотят, и это не только ничем не грозит им, а наоборот, они стремительно наращивают разного рода капитал. Так где же найдется глупец, который поверил бы, что все это делается от души, искренне, с заботой о любимом народе? Неужели кто-то еще не видит подлинную суть этих разоблачителей? Да за что же их Ельцин обласкал и наградами осыпал?

245

Конечно, в деятельности Ленина и Сталина, как и царя Ивана, царя Петра, немало такого, что нельзя оправдать, и такого, что нельзя не осудить. Вот об этом и говори, уж если неодолима охота именно в такое время, как нынешнее, копаться

в делах полувековой и вековой давности. Но ведь поэт и философ, примкнув к тем, кто задался целью сокрушить столь грандиозную историческую фигуру, как Ленин, не брезгуют копаться и в таких вещах, прибегать к таким аргументам, что, право же, возникают сомнения в их психической неповрежденности.

Ну, действительно, поэт, например, из года в год, из газеты в газету таскает обвинение Ленина в том, что он в молодости нарушал правила охоты на зайцев. Говорят, уже и обличительную поэму об этом написал, назвав ее "Невинные жертвы тирана". Философ-историк, естественно, смотрит глубже: "Никогда советскому человеку не говорилось, на какие деньги Ленин жил с семьей долгие годы за границей". Ну, это уж пошел настоящий профессорский шмон... Не надо быть мудрецом, чтобы понять: к такого пошиба доводам обращаются по причине явного недостатка более веских и убедительных.

Но примечательно, что даже и эти-то крохоборские инвективы не выдерживают пристального взгляда, ибо построены не очень-то опрятным образом. Какие правила охоты нарушал Ленин? Он, рыдая, говорит Солоухин, не стрелял зайцев, как мы с Волкогоновым, а колошматил их прикладом ружья. Ай-яй-яй! Конечно, прикладом — аморально, даже если Владимир Ильич охотился бы не на зайцев, а на бегемотов. Ведь бегемоты тоже хотят жить и не привыкли, чтобы их так. Но откуда известно о прикладе? Зайцефил уверяет, что это, мол, сама Н. К. Крупская писала в воспоминаниях. Обращаемся к воспоминаниям. И что же? Никакого приклада, а внятно сказано о зайцах, которых "настреляют, бывало, наши охотники". На-стре-ля-ют.

А на что Ленин жил за границей, доктор, кажется, еще и финансовых наук Волкогонов мог бы догадаться и без предварительного следствия. Ну, прежде всего, он был довольно плодовитым литератором, работы его не залеживались в столе, и печатался он не в "Московском литераторе", где изверг Н. Дорошенко не платит гонорары. Кроме того, были родственники, мать с генеральской пенсией. При нужде они могли помочь, подобно тому как и Волкогонов помог бы своему даже незаконному ребенку. Наконец, находились богатые люди, не скупившиеся на материаль-

ную поддержку партии: Максим Горький, Савва Морозов... Думается, уж теперь у советника президента, храбро ведущего нас к рынку, в данном вопросе не осталось никаких неясностей, и он от ощупывания карманов покойника мог бы перейти к расследованию того, на какие средства катаются на Запад и на Восток Г. Старовойтова, А. Собчак, С. Станкевич и другие пронырливые собратья по демократии. Это было бы гораздо полезней и для науки и для госбюджета. Но нет, доктор всяческих наук почему-то не желает заняться кандидатом наук Старовойтовой...

А между тем Солоухин, неутомимый, как Сизиф, хитроумный, как Одиссей, печатает в падшей "Литературной России" очередное исследование, в котором убеждает нас, что на совести Ленина не только несчастные зайцы, но и великий поэт Блок. Как так? Что такое? А очень просто, говорит, "Ленин испугался нелояльности поэта" и поручил "ведомству Менжинского" (имеется в виду "ведомство Дзержинского") отравить его. Но какая нелояльность? В чем она проявилась? Разве не Блок написал первую поэму о революции, разве не он возглашал там: "Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!" Разве не сотрудничал самым активным образом с советской властью, чем и вызвал бешеную злобу эмиграции? Одна ведьма Гиппиус чего стоила. Ну, а если все-таки разглядели в микроскоп нелояльность, то чего бы уж так ее пугаться именно в этом случае? Взять, допустим, Горького. Именно в ту пору, когда Блок призывал к революционной бдительности и осенял Октябрь именем Христа, он на страницах "Новой жизни" являл по отношению не только к новой власти, но и

лично к Ленину такую "нелояльность", что дальше некуда. А у него, в отличие от Блока, мировая известность, тут действительно можно было испугаться. Вот Горького и отравить бы! Нет, слышим мы, до Горького дойдет очередь через пятнадцать лет, а сейчас — именно Блок, он по алфавиту раньше.

И кто же отравил поэта? Как кто, удивляется Солоухин, конечно, Лариса Рейснер! Есть доказательства? Еще бы! "Блок бывал несколько раз у нее дома, обедал и ужинал". Слышите? У-жи-нал... Разве это не доказательство? А что за штучка была Рейснер, поэт-криминалист узнал из воспоминаний Н. Я. Мандельштам: "Лариса была способна на многое. Все, кого она знала, погибли, не прожив своей жизни". Жуткое дело и очень убедительно. Хотя, с одной стороны, не совсем ясно, что значит "прожить свою жизнь" — шестьдесят лет, восемьдесят, сто?

247

С другой, если все знакомые Ларисы погибли, то что помешало назвать хотя бы двух-трех? Наконец, знакомыми Рейснер были Корней Чуковский, Рюрик Ивнев, Оскар Курганов... Первый прожил 87 лет, второй — 90, третий, слава Богу, до сих пор благоденствует, приближаясь годами к Ивневу. Интересно, как это им удалось.

Да, много в этой женщине было загадочного, говорит криминалист. Еще и умерла в тридцать лет. Надо же! Ну кто из порядочных людей с чистой совестью умирает в таком возрасте? И в подтверждение своей версии поэт цитирует ту же Мандельштам: "Мне не верится: неужели обыкновенный тиф мог унести эту полную жизни красавицу?" Действительно, обыкновеннейший тиф, а тут такая красавица. Известно же, что на них, на красавиц, абсолютно никак не действует ни тиф, ни чума, ни сибирская язва. Бесспорно, Лариса Рейснер нарочно, целенаправленно умерла, мерзавка, чтобы унести в могилу тайну смерти Блока и прямую ответственность за нее Ленина... Вот такой диапазон ненависти и криминальных изысканий — от зайцев до Блока. На таком же нравственно-мыслительном уровне выполнены этим автором его убийственные разоблачения и других лиц из других сфер жизни.

Продолжает свой шмон и профессор Волкогонов. Он одержим идеей выявить еще и то, как это Ленин мог благоденствовать, "официально проработав за свою жизнь менее двух лет". Он-то, генерал-философ, официально проработал сорок четыре года! В двадцать два раза больше! А ему ни одного памятника. Тут мы вынуждены сказать кое-что о том, как всю жизнь официально и неофициально работал сам Волкогонов, каковы плоды его трудов.

Почти всю свою сознательную жизнь, во всяком случае лучшие годы, Дмитрий Антонович протрубил в армейских политорганах. Поднимаясь со ступеньки на ступеньку, а иногда и перепрыгивая их, обливаясь потом, добрался до самой вершины Лысой горы. Шутка сказать, стал первым заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерала армии А. А. Епишева. Одновременно без конца писал книги. Сочинил около тридцати фолиантов. Главный среди них — четырехтомник "Триумф и трагедия". Над заглавием профессор долго не мудрил. У Черчилля есть книга "Трагедия и триумф", он вывернул

248

это эффектное заглавие наизнанку, получилось не менее эффектно. У него на сей счет всегда просто. Берет, допустим, воспоминания Г. К. Жукова, с помощью целенаправленных вставочек и поправочек опять же выворачивает их наизнанку и вставляет в свою книгу. Прекрасно!

Однако что же представляет собой ученая тетралогия в целом? По определению самого автора, это "политический портрет И. В. Сталина". Здесь

обратим внимание лишь на одну интересную особенность большого труда, ограничив себя к тому же главами о Великой Отечественной войне, поскольку перед нами труд ведь не кого-нибудь, а генерала.

Есть авторы, которые, создавая тот или иной образ, вкладывают в него так много души, что в итоге создают скорее свой портрет, чем задуманный. Кто не помнит восклицание Флобера: "Эмма Бовари это я!" А ныне уже было сказано, что солженицынский Ленин это больше сам Александр Исаевич, чем Владимир Ильич. На наш взгляд, перед таким фактом мы стоим и теперь: генерал-полковник Волкогонов отдал созданию портрета генералиссимуса Сталина столько жара своего неуемного сердца, что в результате мы видим все-таки скорее генерала, чем генералиссимуса.

Например, автор часто говорит об отсутствии у своего героя "прогностического дара", "провидческого таланта". Что ж, может быть. Нельзя, однако, не вспомнить о том, например, что в известной речи 3 июля 1941 года герой книги сказал: "Наше дело правое, враг будет разбит, мы должны победить". И что же? Через четыре года все сбылось. Как видим, тут "прогностического дара" вполне хватило. А дело-то было не пустячное. Но сам коммунист Волкогонов четыре года назад уж наверняка не мог спрогнозировать, что с 1989 года у него одна за другой выйдут вполне троцкистские книги о Сталине, Троцком и Ленине. Выходит, "прогностического дара" нет как раз у него.

Генерал пишет о генералиссимусе и такое: "У этого человека никогда не было подлинных социалистических убеждений". Что ж, думайте себе так на здоровье. А разве у самого генерала хоть какие-нибудь убеждения хоть когда-нибудь были?

Наконец, еще один штришок. Рассказывая о начальной поре войны, автор твердит старую байку о том, что Сталин "в течение нескольких дней был подавлен и потрясен, находился в глубоком психологическом шоке,

249

почти параличе , но никаких доказательств этого опять привести не может. Да и где их взять, если с самого начала Сталин все время находился на посту, и, как стало известно теперь, после опубликования в "Известиях ЦК КПСС" № 6 за 1990 год "Дежурного журнала" его приемной, документально, каждый день встречался с десятками людей; если не сложив ни одной из прежних высоких обязанностей (Генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя СНК), именно в эти первые самые страшные дни войны берет на себя новые ответственнейшие обязанности председателя ГКО, члена, затем председателя Ставки, народного комиссара обороны и Верховного Главнокомандующего; если проводит множество заседаний и совещаний, принимает важнейшие решения, отдает один за одним распоряжения и приказы; наконец, если произносит мужественную, исполненную веры в победу речь. Если все это шок и паралич, то что же такое твердость, энергия и мужество? Нет, впечатление такое, что не герой книги был в параличе, а сам автор писал ее именно в этом состоянии. Доказательства тут бесчисленны. И этот-то человек теперь учиняет допрос Ленину: на что жил?..

Кто не знает песню Владимира Высоцкого "Охота на волков"! А у Владимира Солоухина есть стихотворение "Волки", написанное от первого лица:

Мы — волки.
И нас,
В сравненье с собаками, мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас убывало.

Полюбуйтесь на этого волка с его орденами-премиями, квартирами-дачами, изданиями-переизданиями и партбилетом под шкурой. Прислушайтесь к грохоту не метафорической двустволки, а настоящей стрельбы: обливаясь кровью, ныне

замертво падают не антисоветчики и ленинофобы вроде Солоухина и Волкогонова, а такие, как коммунист Иван Фомин, как беспартийный Дима Холодов. Они-то и есть ныне волки, на которых идет охота. Но поэт все гнет свое:

Мы — волки, нас мало.
Нас, можно сказать, единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.

250

Один не хотел смириться и уезжал то во Францию, то в США, то в Италию... Другой, став первым заместителем начальника ПУРа, не мог смириться с тем, что его не назначают самим начальником, и вдарился в сочинение доходных книг о Сталине, Троцком и Ленине.

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали.

Нет, это вы с вашей ненавистью к нашему прошлому, с ложью о нем и есть самые верные сторожа нынешнего режима. И вовсе не мало вас ныне, а стаи, орды, оравы. И не русские волки вы, а собаки, смешавшиеся с американскими койотами и вместе с ними рвущие тело родины, поверженной предательским ударом.

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим.

1993 г. Омское время. 1994. № 9/86. Март

ТЕАТР ОДНОГО ПАВЛИНА

Предсказание русской литературы о грядущем хаме стало явью.
Эдвард Радзинский. ОРТ. 13 марта 1997 г.

В компании Амура, Сократа и Арины Шараповой

Когда в октябре прошлого года я смотрел по первой программе телевидения сделанную в жанре "театра одного актера" передачу Эдварда Радзинского "Загадка Сталина. Версии биографии", а недавно, в марте — его же "Предсказания Сталина" (каждая передача — четыре лучших часа вечером и повторение утром), — меня терзало множество самых разных чувств, и первое среди них — изумление. Оно еще больше возросло, когда позже я взял в руки его книгу "Сталин". И то сказать, автор

251

приобрел в свое время грандиозную популярность как величайший знаток женского сердца и амурно-матримониальных проблем. Кто не помнит хотя бы его эпохальное сочинение "О женщине". Все о женщине! А потом как бы частный случай бессмертной темы — "Приятная женщина с цветком..." А какой мощной кистью были написаны "104 страницы", где все до единой — "про любовь". Эти "Страницы" автор перелопатил в сценарий фильма, который конечно же назвал "Еще раз про любовь". И неужто вы, читатель, не платили бешеные деньги за билет на спектакль по его пьесе "А существует ли любовь?.." Я уверен, что вы еще и рыдали над страницами жуткого шедевра "Она в присутствии любви и смерти". А кто из вас, отходя ко сну, не прятал под подушку его "Монолог о

браке", чтобы при первом луче солнца продолжить сладостное чтение... Словом, человек был едва ли не полным монополистом в этом круге тем, и соперничать с ним здесь мог разве что один Андрей Нуйкин, автор, может быть, не менее гомерического шедевра "Ты, я и наше счастье". А кроме того, когда уставал от любовных тем, Радзинский в новых сочинениях беседовал с Сократом, общался с Сенекой и, кажется, с Пипином Коротким. Какой размах, какое высокое парение духа!..

И вот вдруг с Монблана своей ошеломительной славы человек бросается в политику! Сочиняет свои и пересказывает чужие "легенды", "версии" и побрехушки о Сталине. И когда! Уже после того, как покойника давно обглодали шакальи стаи шатровых, рыбаковых, адамовичей, антоновых-овсеенок, волкогоновых... Теперь одних из этой стаи Бог прибрал вместе с их сочинениями, другие, по данным словаря "Евреи в русской культуре" (М., 1996), рванули в Америку, третьи и вовсе умом тронулись... Нет, согласитесь, есть от чего изумленно разинуть рот при виде великого любознатца и собеседника Сократа в роли запоздалого сталинофоба.

Но еще больше, чем автор, меня удивили все, кто вместе с ним делали обе передачи, — от директора Владимира Пономарева и режиссера Алексея Муратова до художника-гримера Валентины Стародубцевой, которой приходилось прихорашивать красавца. Неужели никто из них — а там человек двадцать! — так и не поняли, что за гусь, что за павлин этот сочинитель, на которого они работали? Неужели ни у кого из вас, вольные дети эфира, не возникла потребность даже теперь, в марте, сказать красавцу павлину для начала хотя бы так: "Му-

сье, ну что у вас за манеры! Как держитесь в кадре! Вы столь безоглядно упиваетесь собой, что, видно, не замечаете, как ни к селу ни к городу в самых неподходящих местах вдруг хихикаете, похохатываете, ухмыляетесь, покряхтываете, щерите зубы, а то — словно на ложе пылкой любви — испускаете томные вздохи, постанываете. А сколько старческой неги в ваших жестах! Словно у куртизанки, вышедшей в тираж... Право, все это создает полное впечатление некоторой психической нестабильности на почве гипертрофированной славы. А ведь на вас смотрят миллионы, десятки миллионов. Вы — любимец всего прогрессивного человечества. Так возьмите же себя в руки! Перестаньте хотя бы скалить зубы и постанывать. Стыдно же, маэстро! Что сказала бы ваша беспорочная матушка?"

А как можно было вам, товарищ Муратов, не обратить внимание на язык этого кудесника, как не призвать павлина и тут к порядку? Он же к языку глух, как тетерев! Вы только полюбуйтесь: "Ленин начал стремительно приближаться к смерти"... "Сталин получил отсутствие хлеба"... "Надо приковать (!) Горького к партии канатами (!)"... "Встретившись (!) с заключением (т. е. оказавшись в тюрьме. — *В. Б.),* Зиновьев был сломлен"... "Похороны (!) Кирова происходили (!) в Колонном зале"... Так пишут и говорят иностранцы, лет в шестьдесят предпринявшие попытку выучить русский язык.

При такой-то театрально-телевизионной маститости автор то и дело употребляет просто не те слова, что требуются по смыслу. Ну совершенно, как все эти киселевы, Шараповы, сванидзы, от которых можно услышать такое, например: "Неудачное покушение на генерала Романова". Они не понимают разницы между словами "неудачное" и "неудавшееся", и выходит, что поскольку генерал Романов остался жив, то это для них неудача, и они о ней сожалеют. Или: "бывший Советский Союз". Да это же все равно, что о своей умершей матери сказать "моя бывшая мама". Другое дело — республики, составлявшие Союз, они действительно бывшие республики. Однажды в декабре 1997 года Е. Киселев

почему-то обрушился на губернатора Московской области Тяжлова и презрительно назвал его "законченным вертоградом", видимо полагая, что это нечто подобное "ветрогону", "вертопраху" или "ретрограду", а между тем это старинное слово означает всего лишь сад, чаще всего — плодовый. У Пушкина есть стихотворение "Вертоград сестры
253
моей..." Но, конечно, взывать к Пушкину в разговоре с этой публикой — безнадежное дело.

Радзинский из той же телевизионной школы краснобаев, и он не устает приводить доказательства этого: "Сталин двинулся (!) в Ленинград"... "Сепаратная встреча Ленина и Сталина"... "Вся страна была начинена (!) его портретами"... Разве не ясно, что тут следовало сказать не "двинулся", а "направился" или просто "поехал", не "сепаратная", а "тайная", что ли, или "секретная", не "начинена", а "увешана" или "обклеена".

Иной раз, встречая образчики подобной языковой дремучести, просто не знаешь, что и думать об их авторе. Вот, допустим, о кунцевской даче Сталина читаем: "Она будет нежно (!) именоваться Ближней". Да чего ж тут, прости Господи, нежного? Ближняя она и есть ближняя — просто по расстоянию от столицы по сравнению с другой, которую, естественно, называли дальняя. Ближний Восток, например, называют так вовсе не потому, что хотят выразить нежность, допустим, к Израилю, расположенному там; а Дальний Восток — отнюдь не из отвращения к японцам или китайцам.

Трудно поверить, но Молотова и Кагановича автор называет "удивительными посетителями" Сталина, словно это не ближайшие и многолетние соратники его, а Папа Римский и Далай-лама, случайно забредшие на кремлевский огонек. В переписке Сталина с Надеждой Аллилуевой наш исследователь обнаружил "много забавного", в подтверждение чего приводит пример: жена просит мужа прислать ей 50 рублей. Обхохочешься, правда?.. Между прочим, Сталин послал тогда не 50, а 200 рублей. Интересно, сколько Радзинский дает жене, когда она просит на колготки?

Тут уместно будет заметить, что к языку крайне глухи почти все представители нынешней генерации антисоветчиков от Солженицына до Радзинского. Вспомните, допустим, Волкогонова. Его писания изобилуют языковыми красотами вроде таких: "Верховный главнокомандующий имел слабость к уничтожению противника". А Булат Окуджава! Читать его романы — как ребусы разгадывать, ибо ему ничего не стоило, например, дать вам совет не злоупотреблять выпивкой во время панихиды: бедолага путал панихиду с поминками. Все это наводит на мысль, что антисоветизм явно вреден для пишущей братии. Но у Радзинского дело еще и в наследственности: таким же литературным глухарем был его отец, писавший сценарии.
254

Для особо выносливых читателей можем дать еще дозу: "Аллилуева поступила в Промакадемию, но даже там (?!) они со Сталиным не могли долго быть вместе". Как это — "там"? Дальше: "Миллионами костей усеяны поля Европы". Надо думать, что хотел сказать "костями миллионов". А уж это как будто сидим у телевизора и слушаем Евгения Киселева или Арину Шарапову: "В Большом театре собрались все **власть предержащие".** Но что взять с Киселева — он, как объявил А. Коржаков, всего лишь тайный агент КГБ! Можно оказать снисхождение и к Арине Шамильевне — она татарка и не кончала историко-архивный институт. Но Радзинский-то кончал именно этот институт и вот уже чуть не сорок лет ходит в выдающихся русских писателях, и потому просто обязан знать, что есть церковно-славянское речение "власть предержащая", которое можно встретить, например, в Послании апостола Павла римлянам:

"Всяка душа властем предержащим да повинуется", но люди, "власть предержащие", — малограмотная чушь.

Зиновьев: "Требую для себя расстрела! И немедленно!"

Однако среди бесчисленных языковых нелепостей в речах и писаниях Радзинского надо различать случаи, когда он сознательно употребляет не те слова, что необходимы по смыслу. Например, пишет: "Истинные революционеры жаждали (!) быть арестованными". Подумайте только! Не спали, не ели, а только все жаждали, как бы угодить жандарму в лапы. Но зачем? Оказывается, только для того, чтобы на суде бросить в лицо судьям: "Эксплуататоры! Угнетатели! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Да что же им мешало? С какой целью они в таком случае прибегали к хитроумной конспирации, вели подпольный образ жизни? Вот, допустим, в 1901 году после первомайской демонстрации в Тифлисе нагрянули жандармы в обсерваторию, где работал тогда и жил молодой Сталин, чтобы арестовать одного из главных организаторов демонстрации, а его и след простыл. Почему же это он так? Сидел бы себе да ждал гостей и встретил бы их пением "Варшавянки", обретавшей тогда популярность, и сказал бы: "Что ж, вяжите меня, кровавые слуги царизма. Зато на суде уж я скажу громовую речь!.." Несуразная выдумка автора имеет двойную цель: с одной стороны, внушить

читателю, что арест и суд не грозили при царизме истинным революционерам" ничем серьезным; а если вы этому не верите, то, с другой стороны, не можете не согласиться, что эти "истинные революционеры" были просто тупоумными фанатиками, платившими годами тюрьмы и ссылок за одну напыщенную речь на суде.

По этой тропке сочинитель трусит дальше: "На процессе 1936 года все обвиняемые — Зиновьев, Каменев и другие — требовали (!) для себя расстрела..." Так уж и требовали? И ничего другого, кроме расстрела? А ведь сам не требует даже того, чтобы за дурной язык и лживость его хотя бы с телевидения вышибли. Здесь цель состояла в том, чтобы убедить нас: вот до чего довели людей пытками или психотропными препаратами! А на самом деле все подсудимые (историку и писателю следовало бы знать, что обвиняемый, преданный суду, именуется подсудимым) на том процессе признали себя виновными и многие из них говорили, что то наказание, которое их ждет, ими вполне заслужено, однако те, кто был приговорен к расстрелу, обратились с просьбой о помиловании.

Сознательное употребление не тех слов, что требуются по смыслу, с целью исказить подлинную суть событий и лиц — излюбленная "черта стиля" Радзинского. Разумеется, мы видим это и дальше. Так он конечно же намеренно пишет, что Сталин, вернувшись весной 1917 года из туруханской ссылки в Петербург, не вошел в редакцию "Правды", не назначен был решением партии, а "захватил" газету! Ну, подобно тому, как Познер, Вульф, сам Радзинский и собратья их захватили наше телевидение... Или вот читаем, что в 1918 году в Бресте "большевики заключили союз (!) с немцами". Так с клеветнической целью он называет этот горький, вынужденный, "похабный" договор.

Говоря о языке, остается лишь добавить, что директор радзинских телепередач В. Пономарев обязан был запретить потомственному эстету нести с экрана похабщину в духе всех хамов прошлого, настоящего и будущего, от цитирования которой мы здесь воздержимся.

Но если бы все дело было только в языке!..

"Один железнодорожник мне рассказывал..."

Автор изо всех сил старается уверить нас, что он добросовестнейший исследователь, бесстрастный документалист, что всегда опирается на

собственные архи-
256
вные изыскания, находки, открытия. То и дело читаем и слышим от него: "Я изучил следственное дело...", "Я нашел в архиве удивительный документ...", "Я искал источник в архиве и нашел...", "Я нашел в архиве разгадку" и т. п. В итоге он хочет создать у нас впечатление, что знает время и людей, о которых ведет речь, так же глубоко и всесторонне, как таинственное женское сердце и все проблемы любви, брака, адюльтера и развода. Что ж, прекрасно!

Однако с первых минут телепередач и с первых страниц книги "Сталин" (640 страниц! Всех переплюнул!) обнаруживаются некоторые странные особенности автора в подходе к архивам и сведениям, полученным там. Например, с таинственным и радостным видом первооткрывателя он сообщает, что в президентском архиве обнаружил переписку Сталина с его женой Н. С. Аллилуевой. Помилуй Бог! Да ведь эта переписка еще пять лет тому назад была опубликована в журнале "Родина", а позже неоднократно цитировалась. Как о документе, который ему первому удалось прочитать в том же архиве, счастливчик пишет в книге и о "Журнале регистрации посетителей И. В. Сталина", который велся в его кремлевской приемной с 1927 года. Но вот передо мной "Известия ЦК КПСС" № 7 за 1989 год. Здесь еще семь лет назад можно было прочитать именно те записи, которые ныне так волнуют странного архивиста. В книге Ю. Горькова "Кремль. Ставка. Генштаб", вышедшей в 1995 году, помещено 70 страниц из журнала регистрации. Чего же после этого стоит радостный тон первооткрывателя?

Но это лишь цветочки. Дальше, делая вид, будто опирается на архивные данные, неутомимый Эдвард отчубучивает такие фортели, что по своей бесцеремонности они едва ли имеют что-либо равное в мировой литературе. Так, со ссылкой на данные американского ФБР бросает нам "легенду" о тайной встрече Сталина и Гитлера, будто бы имевшей место 17 октября 1939 года во Львове. Достоверно известно, что Гитлер предлагал такую встречу, но это было позже — в ноябре, когда Молотов ездил в Берлин. Сталин встретиться не пожелал, хотя надо заметить, что в обстановке того времени в этом не было бы ничего невероятного, и уж тем более — ничего предосудительного. Ведь встречался в Тильзите царь Александр с "корсиканским чудовищем", да и в ту пору являлись к Гитлеру, вели с ним переговоры, угодничали
257
перед ним, заключали капитулянтские соглашения высшие руководители Англии и Франции — Чемберлен, Даладье, лорд Галифакс и другие. Но Сталин отверг просьбу о встрече с берлинским чудовищем. Таков факт истории.

Нет! — упорствует железный Эдвард, вполне возможно, что встреча была. И бросает свою козырную карту — "Журнал посетителей". 18 октября 1939 года, говорит, в нем нет записей, т. е. "в этот день приема не было". Записи появились только поздно вечером 19-го, когда пришли те самые "удивительные посетители" — Молотов и Каганович. Значит, почти два дня Сталина не было в своем кабинете. Где же он мог быть? Да, конечно, только во Львове, только в объятиях Гитлера!

Поразительное дело... Человеку седьмой десяток, а не в силах сообразить, что ведь любой дурак может ему сказать: "Мыслитель, во-первых, американцы называли 17 октября, а вы толкуете о 18-м и 19-м. Во-вторых, если не было приема, не было записей, то это вовсе не доказывает, что Сталин не находился в кабинете: просто он мог не назначить на этот день ни одного посетителя, допустим, работал с документами, готовился к какому-то выступлению или, наконец, не мог оторваться от пьесы Радзинского "А существует ли любовь?". В-третьих, если Сталина не было в кабинете и даже в Кремле, то из этого вовсе не

следует, что он отсутствовал в Москве: мог принимать участие в каком-то совещании, допустим, в Наркомате обороны или иностранных дел; наконец, мог пойти в театр опять же на пьесу Радзинского. В-четвертых, если даже Сталин не находился в Москве, то лишь олух царя небесного может утверждать, что в таком случае ему больше негде было оказаться, как только на посиделках с Гитлером". Разве это не то же самое, как если бы я, позвонив Радзинскому по телефону и не застав его дома, объявил бы: "Светоч русской литературы поехал в Мытищи на тайную встречу с сотрудником ЦРУ".

Наконец, если бы встреча действительно имела место, то уж за столько-то лет с нее содрали бы покров тайны. Ибо, с одной стороны, не с глазу же на глаз она проходила бы, а при участии помощников, советников, переводчиков, была бы охрана, и от кого-то сведения непременно просочились бы; с другой стороны, слишком много и сил и лиц, порой весьма могущественных (хотя бы Хрущев да Ельцин), которые приложили бы все силы, чтобы сделать встречу достоянием гласности и использовать в своих

258

политических целях. Все это и убеждает, что никакой встречи не было. И не случайно лясы точат о ней только уж совсем безнадежные светочи вроде Волкогонова.

Как! — взвивается неугомонный Эдвард, "в 1972 году во Львове старый железнодорожник рассказывал мне — мне лично! — о поезде, который пришел в город в октябре 1939 года. Он даже помнил число — 16 октября!.." Какой редкостный старичок: тридцать три года миновало — война, оккупация, освобождение, десятилетия мирной жизни, — а он точно помнит дату, и как только увидел Радзинского, так и кинулся к нему: "Послушай, Эдик! Я тебя заждался!.." Да как звали этого замечательного старичка? Неизвестно. А где доказательства, что в таинственном поезде, если он действительно был, на верхней полке лежал Иосиф Виссарионович, курил свою трубку и поджидал Гитлера? Доказательств никаких. Более того, сам же Радзинский жестоким образом и опровергает своего престарелого осведомителя, заявляя, что 16 октября "Сталин был в своем кабинете. И 17-го — у него длинный список посетителей..." (с. 475) А вместе с осведомителем опровергает и ФБР, и Волкогонова, и самого себя, любимого. Но все это ничуть не мешает ему в итоге заявить: "Видимо, на встрече Сталин понял еще раз, как нужен Гитлеру" (с. 476). Предположительное словцо "видимо" относится здесь не к встрече, а к тому, что Сталин "понял". То есть была эта "сепаратная встреча века", была! И у него аж руки чешутся: "Как ее можно написать!" И не сомневайтесь — напишет.

Однако эта картина умственной дистрофии, доходящей до блистательного опровержения своих собственных драгоценных идей, еще не самое выразительное в спектаклях и сочинениях многостаночника Эдварда, в частности в его проделках с архивными источниками.

Кому страшны архивы?

Сочинитель уверяет, что Сталин ужас как боялся архивов, ибо там, говорит, можно было обнаружить великое множество убийственных документов о нем. Поэтому руками своего секретаря И. П. Товстухи он "беспощадно прополол" все архивы. Что ж, допустим, хотя и несколько сомнительно, чтобы один Товстуха мог выпить море. Но вот что заливают нам дальше в доказательство названного ужаса.

259

В 1939 году в связи с шестидесятилетием Сталина МХАТ предложил Михаилу Булгакову написать пьесу о юности вождя. Знаток жизни Радзинский не

верит, конечно, что МХАТ действовал самостоятельно, он убежден, что это был приказ (не иначе!) самого Сталина. Что ж, пусть... Как бы то ни было, а Булгаков с увлечением написал, по словам его вдовы, "интересную романтическую пьесу о Кобе". И в театре, и в Комитете по делам искусств ее не просто приняли, — "все были в восторге". Великолепно!

Но тут-то и начинается нечто фантастическое. Булгаков, сообщается нам, писал пьесу "совершенно без документов" и написал, как видим, отменно. А почему и нет? Документы вовсе не обязательны, тем более для такого талантливого человека, как Булгаков, решившего написать романтическое произведение. Существует множество иного рода материалов, источников, которые могут здесь помочь, в частности история, литература. Пушкин тоже не пользовался никакими архивными документами, когда писал "Бориса Годунова" или "Маленькие трагедии". И тем не менее, говорят нам, после такого-то триумфального приема пьесы Булгаков вдруг решает поехать в Грузию — "мечтал поработать в архивах". Зачем? Поверить алгеброй гармонию? Что, человеку больше нечего было делать? Можно ли представить себе, допустим, хирурга, который, успешно сделав операцию, захотел бы потом проверить себя по учебникам? Или архитектора, который, построив прекрасный дом, решил бы поехать на завод, чтобы изучить производство кирпича.

Но — не будем спорить. Допустим, поехал-таки Булгаков в Грузию изучать архивы на грузинском языке, который он не знал, но чуял сердцем. Вдруг в дороге получает телеграмму: "Надобность в поездке отпала..." В чем дело? Оказывается, Сталин прочитал пьесу и будто бы сказал: "Зачем писать пьесу о молодом Сталине?" Да, он имел привычку порой задавать такие странные вопросы, как и давать в подобных случаях не менее странные советы. Когда, например, в 1938 году ему прислали из издательства Детской литературы книгу "Рассказы о детстве Сталина", подготовленную в связи с тем же юбилеем, он прочитал ее и 16 февраля этого года написал в издательство письмо: "Я решительно против издания "Рассказов о детстве Сталина". Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений,

незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, "добросовестные" брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом... Советую сжечь книжку" (Собр. соч. М., 1997. Т. 14. С. 249). Когда на следующий год опять же к его 60-летию в Политиздате по примеру "Краткой биографии В. И. Ленина" подготовили "Краткую биографию И. В. Сталина", он собственной рукой вычеркнул из ее текста множество таких же назойливых и подхалимских преувеличений и восхвалений. Когда во время войны кто-то из окружения предложил учредить орден Сталина, он сказал: "Зачем такой орден? Есть орден Ленина, а товарищ Сталин еще живой". Когда уже после войны Калинин издал Указ о награждении Сталина Золотой Звездой Героя, он сказал: "Зачем товарищу Сталину Звезда Героя?" И никогда ее не носил. Когда ему предложили принимать Парад Победы, он сказал: "Зачем уже старому человеку принимать парад? Есть достойные люди помоложе. А я постою на Мавзолее". Когда ему изготовили особую, отличную от маршальской форму генералиссимуса, он сказал: "Зачем особая форма для генералиссимуса? Мне удобно и в маршальском мундире".

Разумеется, Радзинский никакому бескорыстию не верит. Уж он-то, сердцевед, знает, что во всех этих случаях есть таинственная черная подоплека. И клянется, что только потому пьеса Булгакова не была поставлена, что Сталин жутко испугался поездки писателя в Грузию, в грузинские архивы. И опять не соображает, что любой пентюх может ему сказать: "Алло, философ! Во-первых, допустим, для простоты рассуждения, что Сталин и впрямь жутко боялся архивов,

но как это может быть связано с уже написанной пьесой, которая привела всех в восторг? Каким образом этот страх мог продиктовать запрещение пьесы? Во-вторых, чего же, спрашивается, Сталин так трепетал перед архивами, если все они по его указанию давно уже были "беспощадно прополоты"? В-третьих, если архивы прополоты, то как же вам лично даже в 90-х годах удалось обнаружить в них так много документов, которые, по вашему проницательному разумению, жестоко разоблачают Сталина? И где! В самых главных, центральных московских архивах, которые были у Сталина под рукой. Мало того, в его собственном архиве!" Словом, автор и тут не сводит концы с концами, противоречит себе, опровергает себя, т. е. опять являет нам картину своего полного интеллектуального затме-
261
ния. Из этого уже достаточно ясно видно, в дальнейшем станет еще ясней, что на самом деле архивы страшны не Сталину, а его жуликоватому биографу.

Однако оставим пока в покое архивы и роль их документов в творчестве Радзинского. В сочинениях этого автора немало других, еще более увлекательных проблем.

Существует великое множество исторических фактов, событий, обстоятельств, имен, дат, которые мало-мальски образованным людям, а уж тем более историкам, писателям, достаточно хорошо известны или, если они почему-то выпали из памяти, их легко проверить по весьма доступным источникам безо всякого обращения к архивам. Как у нашего исследователя обстоит дело с такого рода данными?

О Троцком премудром, родном и любимом...

Начать хотя бы с Троцкого, любимейшего героя автора. Титаническая фигура! Ему сочинитель отдает весь жар своего пылкого сердца, уделяет огромное внимание. На иных страницах книги (например, на 108-й) его имя проносится метеором раз пятнадцать. И ведь всё какие хвосты у метеоров! "Интеллектуал", "великий оратор", "блистательный организатор", "он явился в ореоле славы", "в нем был магнетизм", "великий актер в драме революции", "его бессмертная речь", "вольный художник революции", "Троцкий прав", "Троцкий опять прав" и т. п. Что ж, упивайся, блаженствуй, никто не против. Однако тут же мы читаем, что после возвращения Троцкого незадолго до Октябрьской революции из Америки сам Ленин, будучи не в силах преодолеть магнетизм великого актера, прямо-таки "унижался" (так и сказано!) перед ним, умоляя вступить в партию большевиков. А тот, мол, отбрыкивался и "держал себя вождем партии, еще не вступив в нее". Представляете? Не создатель партии Ленин, — ее вождь, а вчерашний меньшевик Троцкий. Тут уж перед нами не дремучесть, не малограмотность, а сознательная ложь.

И эта ложь все нарастает: "24 октября 1917 года по инициативе Троцкого (!) большевики начинают восстание". И человека ничуть не смущает, что ведь сам же несколько раньше напомнил о напечатанных в "Правде" еще в середине марта "Письмах из далека" Ленина, где
262
вождь партии "провозглашал курс на новую революцию — социалистическую". Сам же за несколько страниц до этого писал об "Апрельских тезисах" Ленина, где "он провозгласил переход к социалистической революции". Сам же пересказал известный эпизод на Первом Всероссийском съезде Советов, открывшемся 16 июня, когда на жалобное восклицание меньшевика Церетели о том, что нет, мол, сейчас в России партии, которая хотела бы и могла взять власть, Ленин решительно бросил из зала: "Есть такая партия!" Сам же писал, что в июле

"Ленин объявил подготовку к вооруженному восстанию". Сам же цитировал сентябрьское письмо Ленина членам ЦК: "Большевики должны взять власть. Взяв власть в Москве и в Питере, мы победим безусловно и несомненно". И вот собственноручно приведенные данные Радзинский перечеркивает только для того, чтобы превознести дорогого Льва Давидовича, "бессмертные речи" которого с таким восторгом слушал когда-то его папа.

А ведь это далеко не все данные. О некоторых исследователь просто умалчивает, ибо они уж совсем разбивают в прах его миф о Троцком как инициаторе Октябрьской революции. Никак не мог он решиться привести хотя бы несколько строк из последнего перед восстанием письма Ленина членам ЦК:

"Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... Теперь все висит на волоске... На очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами, а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство... Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью. История не простит промедления... Народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой... Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно".

И где же после этого глагола, звенящего бронзой, остается хоть щелочка, хоть дырочка для "инициативы" Льва Давидовича?

263

Как известно, ни в своем последнем письме к съезду, никогда раньше Ленин не ставил вопрос о своем преемнике, "наследнике". Это противоречило бы всему духу коммунистической партии, ее идеологии, ее нравам. Но Радзинский уверяет, что "наследник" должен был явиться, и не кто иной, а Лев Давидович. Он пишет, что, узнав о покушении Каплан, тот "бросает фронт и мчится в Москву". Потому что в ожидании смерти Ленина "Троцкий чувствует себя наследником". Ленин выздоровел после ранения, в первую годовщину Октябрьской революции произносит на Красной площади речь. "А под трибуной стоял Троцкий. Как наследник..." Правда, остается загадкой, почему же Ленин не пригласил своего "наследничка" на трибуну, почему не поставил его одесную...

Радзинского не может вынести даже Радзишевский

Лев Троцкий ни по какой линии наследником Ленина после его смерти не стал. Роль вождя и главного идеолога партии перешла к Сталину, а главой советского правительства с 1924 года до 1930-го был А. И. Рыков. Но Радзинскому ужасно хочется видеть на месте Ленина уж если не самого Льва Троцкого, то хотя бы Льва поменьше, и он уверяет, что после Владимира Ильича председателем Совнаркома стал Каменев, который Лев Розенфельд. На самом же деле этот Лев то поочередно, то одновременно занимал множество постов — был членом Политбюро, короткое время — председателем ВЦИК, затем — председателем Моссовета, директором издательства "Академия", Института мировой литературы, — но главой правительства, увы, Лев никогда не был.

А вот тоже весьма известная в свое время фигура — Г. Л. Пятаков. Крупный партийный и государственный деятель, член ЦК, заместитель Орджоникидзе по Наркомтяжпрому. О нем, перечисляя в последнем письме к съезду вождей партии, одобрительно упомянул Ленин. Читаем у Радзинского: "Член партии с

1905 года, в гражданскую войну командовал армиями". Какими армиями? Где? Будучи человеком сугубо гражданским и, кстати, членом партии не с 1905-го, а с 1910 года, Пятаков, однако, прекрасно понимал, что армией командовать — это совсем не то, что на телевидении лясы точить.
264

Автор жаждет просветить нас относительно и других, иного плана фигур, например таких, как известный инженер Рамзин. Пишет: "В 1930 году одним из главных обвиняемых на процессе "Промпартии" стал М. (Михаил? Максим? Моисей? Мойша? — *В. Б.)* Рамзин — знаменитый теплотехник, директор Московского технологического института". Да, Рамзин действительно был, вернее, стал знаменитостью. Да, его осудили в 1930 году. Но, во-первых, в 1936-м помиловали, а в 1943-м он получил Сталинскую премию за свой знаменитый прямотечный котел, да еще и был награжден орденом Ленина. Когда, вернувшись с фронта, я поступил зимой 1946 года в Московский энергетический институт им. Молотова, мы бегали на его лекции поглазеть на знаменитость, каковыми были в ту пору все сталинские лауреаты, а уж тем паче — в прошлом судимые. Во-вторых, Рамзин был директором не какого-то загадочного "технологического" института, а Всесоюзного теплотехнического. В-третьих, на процессе "Промпартии" он оказался, разумеется, не обвиняемым, а подсудимым. А звали его, наконец, не Моисеем и не Мойшей, а Леонидом Константиновичем. И тут уж становится непонятным, кто же более знаменит, кто громче прославился: талантливый инженер Рамзин — через свой котел или великий писатель Радзинский — через свой.

Однако, может быть, картина несколько отрадней там, где автор говорит не о политиках или инженерах, а о гуманитариях, о людях свободных профессий — о писателях, художниках, юристах? С некоторыми из них был знаком и даже дружен отец сочинителя, с другими он встречался сам, что, естественно, должно бы настраивать нас на доверие к тому, что здесь о них говорится.

Сердечным другом отца, уверяет автор, был писатель Юрий Олеша. И тут, живописуя ужасы "самого чудовищного государства всех времен", этот самый честный писатель всех народов, включая еврейский, гневно бросает в лицо государству: за последние 25 лет жизни талантливого писателя Олеши его книги не издавались! Ну, абсолютно! И жил бедняга только благодаря бесконечной щедрости Эдикова папы. Как же не разорвать в клочья такое государство! Этой картины не стерпел даже В. Радзишевский, автор самозабвенно служащей ельцинскому режиму "Литературки". Он привел на ее страницах данные Книжной палаты: за указанное время были изда-
265
ны и переизданы 162 произведения Ю. Олеши, т. е. его книги выходили каждые два месяца. Может, это несколько меньше, чем у Радзинского с его бесчисленными "Загадками истории", "Тайнами века" и тому подобными плодами вдохновенного ума, но все же... В свете приведенных цифр несколько меркнет и даже становится вовсе сомнительной воспетая сыном щедрость его папы.

Еще один Лев, сапоги Сталина и подштанники Кагановича

Пробираемся дальше сквозь эти джунгли, кишащие змеями и крокодилами, что выползли из котла Радзинского: "70-е годы. Я беседую с Львом Романовичем Шейниным. Толстый следователь, отправивший в годы террора на смерть множество людей. Удалившись от дел, он пишет пьесы — стал моим коллегой. Он кокетничает своим знанием тайн. Его даже радует мой вопрос: "Сталин приказал убить Кирова?" Он улыбается. И отвечает ласково: "Сталин был вождь, а не бандит, голубчик..." Живая сценка, правда? Однако нельзя не заметить, что,

во-первых, следователи никого на смерть не отправляют, это прерогатива других участников судебного процесса. Во-вторых, весьма сомнительно, чтобы в семидесятые годы, когда хрущевское беснование, именовавшееся "борьбой против культа личности", осталось далеко позади, молодой скромный голубчик мог обратиться к известному драматургу и с бухты-барахты брякнуть такой вопрос. Тем более, в-третьих, что вопрос задан в провокационной форме, навязывающей ответ, и Шейнин как опытный следователь сразу обратил бы на это внимание. В таких случаях спрашивают так: "Кто убил Иванова?" В-четвертых, ответ Шейнина был совершенно правильный, и потому ирония голубчика тут совершенно неуместна. В-пятых, есть веские основания думать, что вообще весь разговор этот — досужая выдумка, ибо Л. Р. Шейнин при всей щедрости Радзинского до "семидесятых годов", к сожалению, не дожил, он умер в 1967-м.

С такой же фамильной щедростью, заявив, что знаменитый некогда художник-конструктор В. Е. Татлин умер в 1956 году, автор продлил жизнь еще одному знакомому папы на целых три года.

Вот другая беседа, тоже не без замаха на щедрость: "Начало 80-х. Я сижу на пляже в Пицунде, рядом — Виктор Борисович Шкловский, великий теоретик левого ис-

кусства, друг Маяковского. Он абсолютно лыс. На пицундском солнце блестит продолговатая голова..." Тут вполне несомненно только одно: Шкловский действительно был еще с молодых лет абсолютно лыс. Но в начале 80-х ему было уже девяносто, и невозможно поверить, чтобы в таком возрасте он мог ринуться в Пицунду, валяться там на пляже и подставлять свою лысую голову беспощадному кавказскому солнцу. Последний раз я встретил его за несколько лет до этого в каком-то финансовом учреждении недалеко от Киевского вокзала, где писателям выплачивали гонорар за иностранные издания их книг. Право, даже тогда он совсем не походил на человека, мечтающего и способного жариться на южном солнце.

Между прочим, Радзинский уверяет, что на пляже, вертя сияющей лысой головой, Шкловский сказал ему: "Горький совершенно не понимал живопись". Неприязнь Шкловского к Горькому известна еще с его "Гамбургского счета" (1927), где он писал, что великий писатель даже "не доезжает до Гамбурга". Но в данном случае, что ж, может быть, и не понимал живопись, как Шкловский совершенно не понимал музыку, о чем в свое время так и сказал в статье о Седьмой симфонии Шостаковича. Каждому свое. Но ведь вот парадокс: один, ничего не понимая в музыке, пишет статьи о ее сложнейших произведениях, а другой, ничего не понимая в живописи, так много сделал для художников, как никто, — чего стоит хотя бы его участие в судьбе замечательного Павла Корина, которому он даже раздобыл отличное помещение для жилья и мастерской... Какие незабываемые вечера мы когда-то просиживали там с Володей Солоухиным!..

А однажды, рассказывает говорливый Эдик о своих замечательных знакомствах, в гардеробе Театра Ермоловой увидел он аж самого Молотова и увязался за стариком до дома. И вот его первый вопрос знаменитому старцу: "Почему Сталин ходил в сапогах? Есть много странных объяснений..." Такова проблема, терзающая ум и душу великого исследователя советской истории! Она проходит через всю его рахитично пузатую книгу... Конечно, для человека, всю жизнь проходившего в шлепанцах и не носившего сапоги даже два года в армии, они, сапоги-то, большая экзотика. Но тогда, в 20—30-е годы, пол-России ходило в сапогах, как сейчас ходят в них наши женщины. Я, например, помню своего отца, умершего в 1936 году, только в сапогах. А он был уже не юнкером, не офицером, как в молодости, а врачом.

Но что же Молотов? Разумеется, он не ответил на вопрос напуганного драматурга. А тот еще удивляется, что потом будто бы звонил Молотову, но "так и не смог договориться о новой встрече". О новой! Словно одна встреча уже состоялась. Да ведь у Вячеслава Михайловича имелись веские основания ожидать, что после первого вопроса о сапогах Сталина второй окажется о подштанниках Кагановича: "Какого цвета исподники предпочитал Лазарь Моисеевич? Есть много странных объяснений..." Впрочем, весьма сомнительно, разумеется, даже то, что Молотов дал свой телефон человеку, с которым случайно столкнулся в раздевалке. Тем более что он, то ли олух, то ли псих, задает вопросы "не выше сапога".

Автор "Братьев Карамазовых" — Березовский?

С такой же бесцеремонностью невежды и литературного прощелыги Радзинский обходится не только с известными и даже знаменитыми людьми, с великими событиями, но и со знаменитыми произведениями мировой литературы, с их известнейшими героями, великими идеями. Пишет, например: "Сталин читал Достоевского и, конечно, помнил знаменитый вопрос, который задал писатель устами своего героя Алеши Карамазова: "Если для возведения здания счастливого человечества необходимо замучить лишь ребенка, согласишься ли ты на слезе его построить это здание?" Будучи в молодости профессиональным революционером, а потом тридцать лет руководителем великой державы и, естественно, человеком чудовищно занятым, Сталин тем не менее очень много читал. Читал, конечно, и Достоевского, и великий роман его "Братья Карамазовы". Но читал ли Радзинский, уже почти лет сорок числящийся профессиональным писателем? Очень похоже, что он изучал литературу таким же способом, как его учитель Александр Яковлев. Тот, долгие годы возглавляя Отдел агитации и пропаганды ЦК, с великой страстью разнес множество книг и их авторов. В частности, он проделал это с десятками советских и иностранных авторов в знаменитой своей наглостью и убожеством статье "Против антиисторизма", появившейся в 1972 году конечно же в "Литгазете". А потом, когда из бездарного и оголтелого критика капитализма пре-

вратился в столь же бездарного и оголтелого ниспровергателя социализма, признался бесстыдник, что таких разнесенных там в прах авторов, как Вернер Зомбарт, Герберт Маркузе, Арнолд Тойнби, он, наставник и учитель советского народа, знал только по расхожим цитатам.

Судя по всему, именно так изучал Достоевского и наш эрудит, ибо, во-первых, в романе совсем не те слова, что приведены им в кавычках как цитата. В романе так: "Скажи мне сам прямо, я зову тебя — отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачонками в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!" Стоит хотя бы бегло сопоставить эту взволнованную, сбивчивую речь с той портативной фразочкой, что сочинил Радзинский, чтобы воочию увидеть все убожество и пошлость яковлевского выученика. А ведь к тому же еще и речь-то эту произносит не Алеша Карамазов, а его брат Иван. Перепутать Алешу и Ивана это примерно то же самое, что сказать: роман "Братья Карамазовы" написал не Достоевский, а Березовский.

Обратившись к другому великому русскому писателю, к другим широко

известным словам, подручный Березовского по ОРТ пишет: "Чернышевский сказал (о русском народе): "Нация рабов. Все рабы снизу доверху". Увы, опять приходится возражать по нескольким пунктам. Во-первых, сказано было несколько иначе: "Нация рабов. Сверху донизу все рабы". Во-вторых, это слова не Чернышевского, а одного из героев его романа "Пролог". В-третьих, роман был не окончен и опубликован только после смерти автора. В-четвертых, слово "нация", что нетрудно видеть по контексту, относится здесь вовсе не к русскому народу, а употреблено столь же иносказательно, как это было, например, в устах побитого колхозными бабами деда Щукаря: "До чего ж вы, бабы, вредная нация!" И любой, даже самый деликатный читатель, имея в виду вовсе не национальную принадлежность ряда наших пишущих евреев-сталинофобов, может сказать: "До чего ж вы, писарчуки, вредная нация!"

269

Из жизни инопланетян

Однако нашему историку так нравится тема русского рабства, что он продолжает надувать ее, как иные жестокие мальчишки надувают через соломинку лягушек: "Российская империя — страна с вековыми традициями рабства...", "Россия — страна вековой покорности...", "Любая бунтарская личность растворялась в этой массе, забитой и покорной..." Полное впечатление, что это написал, еще не очухавшись как следует, человек, только что свалившийся с Луны или даже с Марса. Действительно, неужто престарелый сочинитель Радзинский, воспитанник историко-архивного института, никогда не слышал о бесчисленных на Руси бунтах и мятежах — стрелецких, казачьих, соляных, медных, картофельных, холерных... Неужто отродясь не ведал о восстаниях под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева, о декабристах, о броненосцах "Потемкин" и "Очаков", о трех русских революциях... Как мог он не узнать хотя бы в школе об освободительных походах и войнах русского народа против половцев и печенегов, против татар, поляков и французов, против Антанты и немецких фашистов. Не было на свете ни одного другого народа, который столь много и отчаянно боролся бы против рабства, как отечественного, так и иноземного.

Но вольнолюбивый автор никак не может утихомириться и еще гневно обличает Родину за то, что крепостное право существовало у нас до 1861 года. Верно, существовало, несмотря на все бунты и восстания, поджоги дворянских поместий и убийства помещиков. Но в разлюбезной нашему либералу Америке то рабство существовало еще дольше. Причем если в России это было, так сказать, свое, доморощенное, постепенно выросшее рабство, то в Америке — привозное из-за океана, купленное, расистское. Русский крестьянин страдал все-таки на родной земле, дома и мог пойти со своей болью за утешением и в березовую рощу, любимую с детства, и в церковь, а американский негр страдал на чужбине, его хозяином был человек другой расы, непонятного ему языка, и не видел он вокруг ни родных пальм, ни привычных пташек. Иначе говоря, рабство в США было гораздо более мерзкое и бесчеловечное. Вот и напомнил бы ты, правдолюб, об этом американцам. А?!.

270

Мыслитель, не сушивший портянок

Как человек, никогда не носивший шинели и не сушивший портянок, Радзинский особенно любит побалакать о войнах, полководцах, сражениях. И тут, пожалуй, мы больше всего узнаем от него захватывающе увлекательного.

Начать хотя бы с воинских званий хорошо известных командиров как белой, так и Красной Армии. Кто ж не знает, например, американского наймита

адмирала Колчака, которого окружала свора американских советников и помощников, армия которого была целиком оснащена ими, американцами. Написал бы просто: "адмирал Колчак". Так нет, сочинитель хочет изобразить себя человеком, знающим вопрос до тонкостей, и потому, ведя речь об октябре 1918 года, пишет: "вице-адмирал". Но ведь известно, что будущий американский прихвостень получил полного адмирала еще от Временного правительства.

А вот противник Колчака по гражданской войне — начальник Генерального штаба Красной Армии А. И. Егоров. Просветитель пишет, что уже в 1932 году он был маршалом Советского Союза, но кто же не знает, что это звание введено у нас лишь в 1935 году.

Но дело, конечно, не в званиях, гораздо важнее, например, такое заявление: "В руках Колчака в 1918 году оказались неисчислимые людские резервы Сибири". Откуда они там взялись? Ведь даже двадцать лет спустя на ее громадных просторах почти в 10 миллионов квадратных километров (больше Китая!) проживало лишь 17 миллионов человек, т. е. меньше двух человек на километр. И американскому ставленнику Колчаку, объявившему себя Верховным правителем России, не удалось наскрести в свою армию более 400 тысяч человек. Это всего. А выставить на фронт смог лишь 130—140 тысяч штыков и сабель.

Дальше: "Во второй половине 1919 года Деникин повел свои войска на Москву, чтобы соединиться с армией Колчака". Правильно, повел. Чтобы соединиться под стенами Москвы и взять ее, так? А где в это время был доблестный нахлебник американского президента Вильсона? Может, уже к Петушкам подходил со своим воинством? Да нет, еще в мае Колчак потерпел сокрушительное поражение на подступах к Самаре и повернул оглобли обратно в Омск, откуда и выполз, а оттуда опрометью махнул в Иркутск, где вскоре и пресеклось его скорбное

существование. Выходит, никак не мог Антон Иванович рассчитывать соединиться с Александром Васильевичем у стен первопрестольной.

Так уверенно, словно это рассказывал ему опять же родной папа, все видевший своими глазами, Радзинский заявляет: "Сталин оконфузился во время польской кампании". Это почему же? Война, которую, пользуясь трудностями молодой власти и обстановкой еще не окончившейся борьбы с контрреволюцией, навязали нам поляки весной 1920 года, имела целью создание "великой Польши — от моря до моря". Интервенты получили мощнейшую поддержку со стороны Антанты. Достаточно сказать, что только Франция предоставила Польше долгосрочный кредит в 1 млрд франков и передала ставшие ненужными ей после капитуляции Германии 350 самолетов, 1494 орудия, 10 млн снарядов, 2800 пулеметов, 328 тыс. винтовок, 518 млн патронов, 800 грузовых автомобилей. Не поскупились и Англия и США. А из Крыма нам грозил Врангель, да еще заодно с ним петлюровская Директория на Украине. Словом, положение молодой советской России оказалось крайне тяжелым.

Военные действия развивались драматически. Довольно быстро поляки захватили Минск, а 6 мая и Киев, который, кстати сказать, был захвачен ими еще в 1018 году при Болеславе Храбром, — девять веков экспансии против России! Однако уже 12 июня Красная Армия вышвырнула оккупантов из Киева и, ведя стремительное наступление, в начале августа дошла до Варшавы. Тут по плану, разработанному по указаниям знаменитого французского маршала Фоша, Верховного главнокомандующего союзными войсками, а затем председателя Высшего военного совета Антанты, началось польское контрнаступление. Красная Армия отступила. В. Солоухин радостно уверял: "Большевики бежали до Москвы". Удивляться этим словам не следует, ибо великий патриот в своей ненависти к советской власти, вскормившей его, часто превосходил и

Солженицына и Радзинского, таких же ее выкормышей. Разумеется, Солоухин лгал и тут. Но как бы то ни было, а тогда под Варшавой попали в плен 60 тысяч наших бойцов и командиров. Какова их судьба? Поляки до недавнего времени неоднократно обещали рассказать о ней, но до сих пор так и не сделали этого, что ничуть не мешает им вот уже пятьдесят с лишним лет при каждом удобном случае валить на нас трагедию Катыни. Почему же за столько лет при весьма частой

и резкой смене режимов и властителей — Пилсудский, Рыдз-Смиглы, Берут, Гомулка, Герек, Ярузельский, Валенса, Квасьневский — мы так и не узнали о судьбе 60 тысяч своих соотечественников? По двум причинам. Во-первых, их конечно же просто уничтожили. Во-вторых, среди всех перечисленных польских руководителей не было ни одного антинационального олуха, который в этом признался бы, как сделали это при весьма спорных и сомнительных данных наши олухи — Горбачев, Ельцин, Крючков и Фалин.

В 1923 году Фердинанд Фош, уже будучи маршалом Франции и фельдмаршалом Великобритании, стал еще и маршалом Польши. Это была награда за план контрнаступления под Варшавой. Однако в ходе осуществления этого плана поляки уже не увидели ни Минска, ни Киева, ни "великой Польши".

И уж если кто с нашей стороны и "оконфузился" в этой войне, то прежде всего командующий Западным фронтом Тухачевский (которого военный знаток Радзинский величает "гением"), ибо именно этот фронт играл главную роль в войне. А Сталин тогда ничем не командовал, он был всего лишь членом Военного Совета Юго-Западного фронта, выполнявшего подсобную задачу.

Неутомимый Эдвард шагает по военной истории дальше: "Блюхер провалил Хасанскую операцию". Что значит провалил? В конце июля 1938 года японцы захватили на нашей территории высоты Безымянная и Заозерная. И что, так и остались у них эти куски нашей земли? Ведь только в таком случае можно было бы сказать "провалил". Но ничего подобного не произошло. Хотя действия Блюхера были далеко не безупречны, уже 6—9 августа наши войска вернули высоты и, уничтожив изрядную часть захватчиков, остальных вышибли с нашей территории. Словом, операция была несколько успешней, чем та, которая проведена в Чечне под командованием военного гения Ельцина и его наполеонистых генералов.

Маршал Маннергейм, генерал Руцкой и Александр Македонский

Радзинский уверяет, что у нас один военный провал следовал за другим: "Ворошилов провалил финскую войну". Это как же понимать — мы ничего не добились,

а финны свою задачу выполнили? Не совсем так, мыслитель. В обстановке начавшейся второй мировой войны и первых ошеломительных успехов гитлеровской Германии в Финляндии чрезвычайно оживились реакционные, антисоветские, профашистские тенденции и силы. Впоследствии президент страны У. Кекконен честно признает: "Тень Гитлера в конце 30-х годов распростерлась над нами, и финское общество в целом не может отрекаться от того, что оно относилось к этому довольно благосклонно". Финляндское правительство отвергало все предложения с нашей стороны, направленные на взаимное укрепление добрососедства и безопасности, вело себя безответственно и дерзко, ибо получало от западных стран, в первую очередь от Франции и Англии, а также Германии и даже США, не только обещания поддержки, но и реальную помощь оружием. Впоследствии выяснилось, что помянутые державы передали

финнам 350 самолетов, 500 орудий, свыше 6 тыс. пулеметов, около 100 тыс. винтовок, 650 тыс. ручных гранат, 2,5 млн снарядов и 160 млн патронов.

30 ноября этого года, воспользовавшись как предлогом 58-й (!) годовщиной со дня начала той войны и визитом в Россию президента Финляндии Марти Ахтисаари, какой-то безымянный и заэкранный подручный Сванидзе объявил в его телепрограмме "Зеркало", что "эта война была позорной для Советской Армии", и в доказательство назвал такие вот цифры потерь: у нас 135 тыс, убитых, а у финнов всего лишь 25 тыс. Выходит, что их армия, в которой насчитывалось 15 пехотных дивизий, 4 пехотные бригады, одна кавалерийская бригада и многочисленные части усиления, не говоря уже о 29 боевых кораблях и сотнях боевых самолетов, потеряла всего только 2—3 дивизии, т. е. осталась, в сущности, целехонькой. Так почему же, спрашивается, всего-то спустя три месяца после начала войны, 7 марта 1940 года, в Москву примчалась финская правительственная делегация и запросила мира.

Эту цифру — 25 тыс. убитых финнов — заэкранный историк взял, скорей всего, у всем известного генерала Руцкого. Ему, провокатору, надо бы подсчитать, сколько душ на его совести. Ведь это он сытым генеральским басом 3 октября 1993 года призвал доверчивых и безоружных людей взять штурмом телецентр, прекрасно зная, что такой объект не может не охраняться самыми надежными средствами и силами. Ему бы подсчитать да

покаяться. Но у него вся совесть ушла на ращение усов. И вот он вдарился в военную историю и объявил: соотношение наших потерь и финских было 16 к 1.

Радзинскому, Сванидзе и заэкранному оракулу надо бы слушать не провокатора, а маршала Маннергейма, главнокомандующего финской армией. Тот был несколько лучше осведомлен о потерях своей армии, чем ельцинский генерал, то бишь курский губернатор. Маннергейм свидетельствовал о прорыве нашими войсками главной линии финской обороны: "Оборонявшиеся, потери которых были огромны, не смогли сдержать вклинившиеся в их позиции танки и пехоту". Потери ог-ром-ны!..

После этого прорыва наша армия вскоре выполнила все задачи, которые перед ней стояли. А финская армия задачу обороны не выполнила. Так кто же провалил войну — Ворошилов или Маннергейм? Радзинский смотрит на вас глазами мороженого судака и без запинки отвечает: "Ворошилов". Ну что с этой породы взять? Вот есть еще какой-то А. Портнов, который в 1991 году напечатал в журнале "Столица" № 5 статью, без малейших колебаний озаглавленную "Разгром советских войск под Москвой". Да, да, раз-гром со-вет-ских... Не знаю, жив ли этот Портнов сейчас. Скорей всего, уже преставился, а то ведь непременно сочинил бы статью "Крах советской армии под Берлином".

Не помню, какую очередную гадость сказал о финской войне Владимир Солоухин, но другой грандиозный патриот Илья Глазунов до сих пор заходится в злобе на советскую власть за то, что она в обстановке уже бушевавшей мировой войны своевременно позаботилась о безопасности родного ему города, а вместе с тем и его собственной. Почитайте-ка инъекционные воспоминания Глазунова в "Нашем современнике"...

Однако Радзинский все твердит, как заведенный: "Ворошилов провалил финскую войну". Да в чем же дело, черт возьми? Оказывается, у исследователя есть свои резоны. Во-первых, говорит, Финляндия — это маленькая страна, никакой опасности она не представляла. "Никто же не думает, что маленькая страна могла напасть на огромную Империю". Поразительно! Всю жизнь занимается историей и не знает, что как в библейские времена маленький Давид сразил огромного Голиафа, так, допустим, в пору античности и маленькая Греция победила огромную Персидскую империю, а позже крошечная Македония

разгромила множество больших государств
275
и подчинила себе земли до священного Ганга. Ничуть не менее выразительна была картина и в гораздо более поздние времена. Так, в 1848—1850 годы маленькая Дания отменно отдубасила большую Пруссию. А Россия чаще других оказывалась жертвой агрессии именно маленьких стран и малых народов: Крымского ханства, Польши, Японии — в 1904 и в 1939 годах. А нападение Японии в 1937 году на великий Китай? А ее же агрессия в декабре 1941 года против могущественной Америки? А пупсик Израиль против Египта и всего арабского мира? Словом, история свидетельствует, что малые страны и народы как раз чаще склонны к агрессии. Да это и понятно: они тоже хотят стать великими.

Исходя из этого опыта, русский политик просто обязан был предполагать и в Пилсудском, и в Маннергейме, и в японском императоре потенциального Александра Македонского. Тем более что первые два имели мощную поддержку великих держав — Англии, Франции, Германии. И Сталин, как стало известно из недавно опубликованного в 14-м томе собрания его сочинений выступления на совещании по итогам финской войны, не исключал из рассмотрения даже возможности захвата финнами Ленинграда и образования там, во второй столице, антикоммунистического правительства, что могло бы привести к гражданской войне. Действительно, ведь тогда все эти керенские, Милюковы, Деникины были не только живы, но вовсе и не стары.

Но вот второй довод Радзинского: "Сталин пытался завоевать Финляндию". Но это, мол, не удалось, потому и надо говорить о провале. Да если бы такое намерение действительно имелось, его можно было осуществить не только в марте 1940 года, когда финны запросили мира и примчались в Москву для переговоров, но и тем более в сентябре 1944 года, когда мы выбили их из цепи союзников Германии и уверенно, стремительно шли к всемирно-исторической победе над фашизмом.

Свирепый Чингисхан и нежный Эдик

Вывернув наизнанку историю нескольких войн, лихо разделавшись с биографией нескольких военачальников, Радзинский на этом не иссяк и не утихомирился. Он гусиным шагом шествует дальше: "Накануне войны к руководству армией пришли новые люди — пусть пока
276
неопытные, но куда более современно мыслящие и образованные, для которых гражданская война была всего лишь героическим мифом". Да, пришли новые и, конечно, образованные. Правда, не совсем понятно, откуда они, эти образованные-то, взялись в "самом чудовищном государстве всех времен". И с чего это исследователь пришел к выводу, что гражданская война была для новых людей в руководстве мифом? Да ведь почти все они — Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев, Еременко и другие — сами воевали на фронтах гражданской, а до этого — и первой мировой, только командовали не армиями и фронтами, конечно, а ротами, батальонами, самое большее — полками. У иных был еще и опыт Испании, Хасана, Халхин-Гола, похода в Польшу, наконец, финской войны. Немецкие генералы, почти сплошь участники первой мировой, конечно, изрядно превосходили наших новейшим военным опытом 1939—1941 годов, но и о наших военачальниках сказать "неопытные" мог лишь человек, который по военной части не видывал ничего более значительного, чем смена караула у Мавзолея Ленина.

Первые годы после революции молодая советская Россия едва успевала

отбиваться от бесчисленных хищников, рвавших ее на куски: от Франции — на юго-западе, от Англии с Америкой — на севере, от Японии с той же вездесущей Америкой — на востоке, от Германии — на западе и юге, потом от Польши — на западе, потом опять от Японии — на востоке... С большим трудом утихомирила или разогнала шакалов. Настало время в основном мирное, и о нем-то Радзинский, используя фразеологию Геббельса, пишет: "Гигантская Империя нового Чингисхана воздвигалась на востоке Европы, готовая к прыжку". И он, страдая и боясь за нежно любимую Европу, негодует: "Еще в 30-х годах (еще до Гитлера!) лихорадочно перевооружалась Красная Армия". Подумать только, какая наглость: еще до Гитлера! Уж не могли подождать, пока он перевооружится, отмобилизуется и подтянет войска к нашим границам.

Однако тут нельзя не заметить, что ведь Империя Чингисхана в деле перевооружения и военных союзов частенько лишь поспешала за помянутыми шакалами. С кем, например, имела она до войны договор о взаимной помощи? С Монголией и Чехословакией. Да это же только обуза! Действительно, что за помощь можно было получить от этих союзников в случае нужды? А защи-

щать одного из них в 1939 году нам пришлось. Но вот Англия, Франция, Польша, вот Германия, Италия, Япония — между ними пакты, договоры, союзы. К слову сказать, ведь так обстояло дело и гораздо позже. Уже после войны наш Варшавский Договор был лишь вынужденным ответом на создание НАТО. И атомную бомбу мы испытали лишь спустя несколько лет после того, как США уже использовали ее против японцев и составили обстоятельный план атомной бомбардировки наших крупнейших городов и важнейших военно-промышленных объектов. Вот так свирепый Чингисхан, вот так беспощадный Тамерлан, вот так всесокрушающий Атилла...

Но вернемся в 30-е годы. Прокурор продолжает обличительную речь против подсудимой родины: "И Ворошилов, и Тухачевский, и Сталин готовились к Большой войне". Какой позор, а! Готовились к войне, вместо того чтобы лакомиться эскимо да ходить в кинотеатры смотреть фильмы по сценариям Эдикова папы. И вот доказательства преступной деятельности по обороне родины: "Будущая война дирижировала (!) даже строительством московского метро, начавшимся в 30-х годах". Опять же, представьте себе, еще до Гитлера. Правда, следует заметить, что и здесь новый Чингисхан не был в числе самых первых агрессоров, несколько приотстал. Например, британские империалисты построили метро в Лондоне еще в 1863 году, надо полагать, в ходе подготовки ко второй англо-афганской войне 1878—1880 годов. Американцы отгрохали метро в Нью-Йорке в 1868 году, конечно же рассчитывая, что оно им пригодится во время войны с Испанией в 1898 году. Потом метро появилось в Будапеште, Вене, наконец, в 1900 году — в Париже. Ясно, что это была подготовка к первой мировой. Даже от французов Чингисхан отстал аж на 35 лет...

Радзинский рисует леденящую кровь картину строительства московского метро: "Во время создания проекта с одного из подмосковных аэродромов поднимались бомбардировщики и сбрасывали на местность фугасные бомбы. При помощи этих бомбежек определялась глубина будущего метро, чтобы вражеские бомбы не могли его поразить". Как известно, первая линия метро (1935 г.) пересекла всю столицу с северо-востока через центр на юго-запад, т. е. от Сокольников до Парка культуры имени Горького. Это очень густонаселенные районы. И вот их-то Чингисхан и подверг зверской бомбардиров-

ке фугасами. Представляете, сколько тут было разрушений, жертв, какие пролились потоки крови мирных, ни в чем не повинных москвичей!.. Конечно же не меньшим кошмаром для жителей столицы явилась и вторая очередь (1938 г.),

проходившая тоже через центр города по густонаселенным районам. Таков свирепый Чингисхан... А ведь англичане, американцы, французы обошлись безо всяких бомбардировок своих столиц. Вот что значит цивилизованность, уважение к правам человека, liberte egalite, fraternite... Так усилием всего лишь одной мозговой извилины стираются белые пятна в родной истории. Между прочим, Большая война-то действительно пришла. И весьма вероятно, что маленький Эдик с мамой и папой если не передислоцировались тогда в Свердловск или Ташкент, то вместе с тысячами москвичей тоже укрывались в метро от налетов фашистской авиации и дрожащими губами возносили хвалу и благодарность Чингисхану за то, что метро такое глубокое и удобное.

Глубокий язык мелкой сошки

Да, Большая война, как и ожидал Сталин, началась. Не "ожидал", тотчас поправляет Радзинский, а "планировал"! Ведь Чингисхан намеревался проглотить не только маленькую Финляндию, но и немаленькую Германию. Факт! И с этой целью хотел напасть на нее первым. Главы, содержащие этот замызганный доносик мировому сообществу на любимую родину, так и названы: "Он сам планировал нападение", "Самим начать!" Тут баталист-самоучка зовет на помощь "Владимира Резуна, офицера Главного разведывательного управления, решившего остаться на Западе". Сказано это таким тоном, словно для наших разведчиков, для офицеров ГРУ "остаться на Западе" заурядное дело. Автор стеснительно умалчивает, что позвал на помощь предателя, то ли уже приговоренного у нас к повешению, то ли уже принятого в Союз писателей, возглавляемый Юрием Черниченко, Александром Яковлевым и Валерией Новодворской. Малограмотные клеветнические сочинения этого беглого висельника красуются ныне, что вполне понятно в стране, где у власти правительство национальной измены, на всех книжных прилавках, включая киоски МВД, ФСБ и Министерства обороны, как писала об этом "Советская Россия" (4.XII.97).

279

Этим Резуном брезговал даже Д. Волкогонов, разнесший и высмеявший на страницах "Известий" его убогую и лживую писанину. Но Радзинскому, когда он хочет с помощью плевка ликвидировать еще одно "белое пятно" в истории родины, неведома даже та брезгливость, которую все-таки иногда знал покойный Волкогонов.

Для неутомимого Эдика этот недорезанный Резун — счастливейшая находка! Ведь именно он выкопал на свалке истории и пустил снова в оборот "легенду" Гитлера и Геббельса о том, что Советский Союз готовился первым напасть на бедную Германию, и она, "последний бастион европейской цивилизации", была вынуждена в целях самозащиты и спасения всей Европы упредить "большевистское нашествие". Адепт европейской демократии кинулся в объятия висельнику и при этом уволок у него из бокового кармана эксгумированную идейку, блаженно повизгивая: "Спасибо, Вова... Уж так удружил, Вовуля... Вовек не забуду, Вовчик..."

Радзинский хотел бы употребить еще и Д. Волкогонова, но это не так просто, ибо тот писал: "Передо мной несколько документов, адресованных Сталину и Молотову. Нарком обороны маршал С. Тимошенко, начальник Генштаба Г. Жуков докладывали уточненный "План развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и на востоке", подготовленный 11 марта 1941 года. В плане говорится, что сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ. Военачальники считают, что Германия может нанести главный удар на юго-

востоке, имея целью прежде всего захватить Украину, а вспомогательные — на Двинск и Ригу. 14 мая Тимошенко и Жуков отправляют особой важности директивы командующим войсками Западного, Прибалтийского, Киевского военных округов. Нигде ни слова об ударе по германским войскам, все документы требуют принимать **меры обороны"** (подчеркнуто Д. Волкогоновым).

Казалось бы, как можно текст, где автор ясно и четко говорит только о мерах обороны да еще и подчеркивает это, использовать для обоснования доноса о подготовке к нападению? А очень просто! Радзинский постоянно орудует методом выворотной логики или, как сам он говорит, "глубокого языка", согласно коим все заявления, поступки и Сталина, и других советских руководи-
280
телей всегда надо понимать наоборот. Вот, например, как он строит свою версию убийства Кирова. Сталин подарил ему свою книгу с очень дружеской сердечной надписью. Значит, Сталин ненавидел Кирова... В ноябре 1934 года одна родственница Сталина записала в дневнике: "Иосиф с Кировым очень хорош и близок". Значит, "обдумывал в те дни его убийство"... 29 ноября Сталин и Киров сидят рядом на спектакле во МХАТе. Сталин в этот день провожает Кирова на вокзал, на прощанье целует. Значит, вопрос об убийстве решен окончательно. "Сталин не раз вызывал Ягоду и требовал как можно бдительней охранять Кирова. Но все было наоборот: задача Ягоды — понять "глубокий язык", понять, что хочет вождь. И исполнить", т. е. убить Кирова... Получив известие об убийстве, Сталин тотчас выехал в Ленинград и там на вокзале молча ударил по лицу руководителя городских чекистов Медведя: "Не уберегли Кирова!" Значит, не мог скрыть своей радости, требовавшей физической разрядки... Потом та же родственница Сталина записала в дневнике: "Иосиф очень страдает. Он сказал: "Совсем я осиротел". Значит, в душе он ликовал... Где мог сочинитель почерпнуть эту выворотную логику? Да конечно же в образе жизни родной ему среды, в плодах полученного воспитания, в недрах своей души.

Точно так орудует Радзинский и в случае с директивой об обороне. "Слово оборона — идеологическое слово, — бормочет он, глядя на вас все теми же глазами мороженого судака. — На "глубоком языке" оно означает **нападение".** Ну и естественно, командующие округами, как и все руководители страны всех рангов, были обучены этому "языку", прекрасно его понимали и потому тотчас по получении директивы Тимошенко и Жукова начали готовиться не к обороне, а к наступлению. И не нашелся ни один, кто подумал бы, что оборона на "глубоком языке" означает "отступление". Вот как все было просто и хитро!.. Вы, читатель, когда-нибудь в жизни встречали раньше такое умственное распутство? А ведь это еще и за гранью полоумия, ибо иные слова весьма неоднозначны, и далеко не всегда ясно, что именно противоположно им по смыслу. Например, можно лишь гадать, что на "глубоком языке" означало слово "болван", — то ли умный человек, то ли эрудит, то ли гений, то ли Эдвард.
281

Черновик, написанный на диване, и директива № 1496/2

Однако на этом помянутый, выражаясь "глубоким языком", гений свои измышления не прекратил. Он еще сует нам в нос документик от 15 мая 1941 года, в котором и впрямь предлагалось "упредить противника в развертывании войск и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания". Документик более чем странный. Во-первых, написан от руки. Кто писал? Волкогонов уверенно заявляет, что Жуков. Радзинский столь же уверенно говорит совсем иное: "Написан от руки генерал-майором Василевским, заместителем начальника Генштаба, поправки внесены первым заместителем

генерал-лейтенантом Ватутиным". Сплошная чушь! Василевский тогда не был еще заместителем начальника Генштаба, а Ватутин — генерал-лейтенантом. Во-вторых, под документиком нет ничьей подписи. В-третьих, он написан от первого лица ("считаю необходимым" и т. д.), но ясно же, что такую важную бумагу должны были подписать и нарком обороны, и начальник Генштаба. В-четвертых, на нем нет никаких пометок того должностного лица, которому он был адресован. Наконец, в ту пору было принято разного рода докладные записки, отчеты и т. п. адресовать так: "Товарищу И. В. Сталину", "Товарищу В. М. Молотову" и т. д. А здесь — "Председателю Совета Народных Комиссаров", что весьма неожиданно.

Но Радзинского трудно смутить. Он как ни в чем не бывало твердит: "Подписи действительно отсутствуют, но это совсем не значит, что документ не был доложен Сталину. Просто перед нами рукописный черновик (подлинник, скорее всего, был уничтожен, ибо не должен был сохраниться документ, свидетельствующий о планах нападения СССР на Германию)". Вот ведь какое увлекательное дело: оригинал уничтожили, а черновик сохранили, чтобы через пятьдесят пять лет дать возможность писателю-гуманисту сунуть эту бумажку в лицо своей родине...

Но что же все-таки это за бумага, если не обыкновенная фальшивка? Однажды Б. М. Шапошников, ставший вторично начальником Генштаба после ухода с этого поста Г. К. Жукова, пожаловался Сталину на загруженность работой и на усталость. Сталин ответил: "Борис Михайлович, вы должны работать два часа в день. А ос-

тальное время лежать на диване и думать о будущем". Да, Генштаб и его начальник должны прежде всего заниматься именно этим — "лежа на диване" думать о будущей войне или о будущих операциях, если война идет. При этом они обязаны анализировать все мыслимые возможности, варианты, ситуации. В том числе и возможность первого удара по противнику, если война неотвратимо приближается. Но это вовсе не значит, конечно, что политическое руководство должно послушно следовать любым рекомендациям и разработкам военных.

Существуют и другие "структуры" с аналогичными обязанностями в своей области, например служба государственной безопасности. Так, наш КГБ должен был своевременно предусмотреть и такую вероятность — она-то и оказалась роковой! — как измена стране и советскому строю руководящей верхушки. В. А. Крючков и его коллеги, вскормленные молоком безграничного и бездумного доверия к партии, даже и помыслить не могли такую вероятность. И в этом их большая доля вины за развал державы. Действительно, ведь были же все-таки собраны агентурные данные о контактах А. Яковлева с иностранной спецслужбой. И председатель КГБ, как сам рассказал, явился с докладом об этом к президенту, а тот заявил: "Прекратить!" Это свидетельствовало лишь о том, что Горбачев покрывает Яковлева, но Крючков и подумать не смел, чтобы вопреки запрету тайно продолжать расследование. Он покорно подчинился. Человек просто не понимал, что служит не президенту, не генсеку, а народу, стране, строю, перед которыми в конечном счете и несет ответственность. Он и сейчас рассказывает об этом с полным сознанием своей правоты и исполненного долга: "Мы действовали в рамках Конституции и других законодательных актов". Он так ничего и не понял.

Но не будем на сей раз огорчать Радзинского. Согласимся, что злополучную бумагу одной рукой писал Жуков, другой — Тимошенко, а Ватутин исправлял у них орфографические ошибки. Согласимся и с тем, что Сталин бумагу прочитал. И что же? После этого был дан приказ нанести удар по немецким войскам? И кто те герои, которые ударили? Как их имена? Какие награды они получили?

Вместо того чтобы гадать на кофейной гуще по поводу более чем

сомнительной и не имевшей никаких последствий бумажки о нашем гипотетическом упреждающем
283
ударе по Германии, написанной, возможно, Владимиром Вольфовичем Жириновским, и ныне мечтающим вымыть сапоги в водах Индийского океана, есть же возможность заняться гораздо более достоверными документиками. Это не архивные пропылившиеся черновики без подписей, а опубликованные подлинные документы вполне определенных инстанций. Речь идет хотя бы о директивах Комитета начальников штабов вооруженных сил США "Основа формулирования военной политики" и "Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США". Первая имела номер 1496/2 и дату 18 сентября 1945 года, вторая — номер 1518 и дату 9 октября 1945 года.

В книге М. Шерри, вышедшей еще в 1977 году, сказано по поводу этих документов: "На серии штабных совещаний был усилен акцент на действиях в плане превентивных ударов. Штабные планировщики потребовали включить в директиву 1496/2 подчеркнутое указание на нанесение первого удара, настаивая: "На это следует обратить особое внимание, с тем чтобы было ясно: отныне это новая политическая концепция". Но в этой директиве и так уже содержалось требование "в случае необходимости самим нанести первый удар противнику". Обе директивы, как видим, были составлены вскоре после того, как США получили атомную бомбу и подвергли атомной бомбардировке Японию.

Исходя из названных документов, Объединенный разведывательный комитет уже 3 ноября 1945 года очень оперативно наметил 20 советских городов, которые считал наиболее целесообразными объектами для атомной бомбардировки. Вот их имена: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск и Ярославль... Как вам нравится этот списочек, господин Радзинский? Не правда ли, рядом с ним эффектно выглядит ваша бумаженция, написанная не то Жуковым, не то Жириновским? И заметьте: все это задолго до речи Черчилля в Фултоне, с которой началась "холодная война". Оказывается, уже в сентябре 1945-го она имела горячую подкладку.

Чтобы покончить с вопросом, высосанным Радзинским из немытого пальца Резуна, напомним несколько строк из "Истории Второй мировой войны" Курта Типпельскирха, генерала, назначенного Гитлером к началу
284
этой войны начальником Главного разведывательного управления Генштаба сухопутных войск. Располагая обширными материалами и потратив более десяти лет на его анализ, он пришел к выводу о времени после финской войны, т. е. о 1940—1941 годах: "То, что Советский Союз в скором будущем станет сам стремиться к вооруженному конфликту с Германией, представлялось в высшей степени невероятным по политическим и военным соображениям... У Советского Союза не было причин отказываться от политики, которая до сих пор позволяла ему добиваться замечательных успехов почти без применения силы. Он был занят модернизацией своих устаревших танков и самолетов, а также переводом значительной части своей военной промышленности на Урал. Осторожные и трезвые политики в Кремле не могли замышлять наступление на Германию, которая имела на других направлениях лишь небольшие сухопутные силы, а свою мощную авиацию могла в любое время сконцентрировать на востоке. В 1941 году русские чувствовали, что они слабее немцев". Да, русские чувствовали себя слабее, а радзинские и жириновские всегда чувствуют себя сильнее и русских, и немцев. Словом, у нас в 1941 году при всем желании Эдварда-всезнайки не было никакой реальной возможности нанести удар по Германии без гибельных

последствий для себя. А у американцев в 1945 году по России? Ого! Мы атомную бомбу тогда еще не сделали, а американцы, по данным М. Шерри, к концу года уже имели 196 атомных бомб разного калибра. Так что на каждый из облюбованных ими двадцати наших городов они могли сбросить... Посчитай-ка, баталист, сколько...

Патриот Дмитрий Шостакович и паника в доме на Старо-Пименовском

Итак, вопреки ретропрогнозам и экс-ожиданиям Радзинского не русские ударили по немцам, а немцы по русским. И когда же и как это произошло? Казалось бы, что за вопрос! Кто же этого не знает! Тем более писатель-историк. Но Радзинский всегда Радзинский, какого вопроса он ни касался бы. И мы у него читаем: "Гитлер начал свой поход..." Он не в силах сказать "вторжение", "нападение", "агрессия", он говорит деликатненько — "поход". Словцо вполне уместное не только в рассказе о войне, но и в таких изречениях, как "поход в театр",

285

"поход туристов", "поход по грибы" и т. п. Так когда же начал Гитлер поход за русскими опятами? Уверяет, что "день в день с Наполеоном". Да неужто крайне суеверный Гитлер решил отведать наших грибков в один день с Наполеоном, который этими грибками отравился? Разумеется, нет. Наполеон вторгся в Россию 12-го, по новому стилю 24 июня, а Гитлер, как известно, 22-го.

Дальше, опираясь, видимо, на воспоминания своих родителей, историк пишет: "Уже в первые дни войны обстановка паники и ужаса пришла в Москву". Гораздо, правильнее было бы сказать не "в Москву", а "в дом 4-А, квартиру 5 по Старо-Пименовскому переулку". Там четырехлетний Эдик жил с папой-сценаристом и мамой-маникюрщицей. Автор умалчивает о том, каковы были проявления паники и ужаса в родной семье, и мы можем лишь предполагать: уже 23 июня папа ринулся на Курский вокзал за билетами в Ташкент, а мама помчалась на рынок, чтобы продать маникюрный набор и купить мешок соли. Но о панике в Москве сочинитель ничего не утаивает и режет правду-матку: "На окнах маскировка, фонари не горят". Да, так и было. И конечно же это доказательство полной прострации по причине ужаса. Поди, цивилизованные парижане и благородные лондонцы в 1939 году не допустили ничего подобного. Плевать они хотели на все немецкие "юнкерсы" и "мессершмитты". Поди, Елисейские поля и Пикадилли как ни в чем не бывало сверкали огнями...

Рисуя жуткую картину первых дней войны в Москве, баталист не обошел, разумеется, и темы народного ополчения: "Запись была объявлена добровольной, но отказавшихся записаться обливали презрением и обещанием расправиться". Это кто же обливал презрением? Кто грозил? И кому? Ни одного примера автор не приводит, ни одного имени не называет, и нам опять не остается ничего другого, как предположить: это папу Радзинского облил презрением сосед по квартире, когда узнал, что папа уже 23 июня купил билеты до Ташкента, это маме Радзинского грозили судом, когда увидели, что она скупает соль и спички.

Но вот не предположения, а конкретный исторический документ тех самых первых дней войны — письмо, напечатанное в "Известиях" 4 июля 1941 года, на другой день после великой речи Сталина по радио: "Вчера я подал заявление о зачислении меня добровольцем в народную армию по уничтожению фашизма... Я иду защищать

286

свою страну и готов, не щадя ни жизни, ни сил, выполнить любое задание, которое мне поручат. И если понадобится, то в любой момент — с оружием в руках или с заостренным творческим пером — я отдам всего себя для защиты

нашей великой родины, для разгрома врага, для нашей победы". Как видим, нет в этом документе эпохи ни страха и ужаса, ни паники и прострации, ни малейших следов понуждения, а только любовь к Родине и готовность умереть за нее. Автор этого письма — великий русский советский композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Тот самый, которого ныне бесстыжие гробокопатели Евгений Пастернак и Николай Сванидзе пытаются изобразить глубоко замаскированным антисоветчиком и жертвой тоталитаризма, страдальцем советского строя... Конечно, на фронт Шостаковича не пустили, но залепить свою оплеуху фашизму, прогремевшую на весь мир, он сумел — гениальной Седьмой симфонией.

Русское чудо и еврейское диво

Но, может быть, папу Радзинского облил презрением и грозил ему чем-то неведомым, но жутко страшным вовсе и не безымянный сосед по квартире, как мы подумали было, а сам народный комиссар обороны? Кстати, кто в годы войны занимал этот пост? Наш эрудит пишет: "Вместо Тимошенко Сталин делает наркомом обороны Жукова". Непостижимо! Поистине невежество без берегов. Человек пишет о войне и не знает, кто был тогда наркомом обороны! Да ведь им в самые отчаянные первые дни войны стал согласно Указу Президиума Верховного Совета от 19 июля 1941 года сам Сталин. Жуков же — запиши, Эдик! — в начале войны возглавлял Генштаб, при создании Ставки Верховного Главнокомандования стал ее членом, потом — заместителем Верховного Главнокомандующего, попеременно командовал многими фронтами, порой являлся представителем Ставки.

Крайне любопытно, знает ли историк, что Волга впадает в Каспийское море? Есть веские причины сомневаться. Впервые я подумал об этом, когда прочитал у него, что Деникин с юга двинулся на Москву, чтобы там соединиться с Колчаком, который в то время уже был разбит под Самарой. Невольно закрадывалось подозрение: знает ли писатель, где находится Самара? И вот еще один географический пассаж: "1 декабря 1941 года Гитлер

начинает наступление на Москву: его солдаты уже прошли более полутысячи (!) километров — что им жалкие два десятка!" Из этого видно, что автор считает, что от нашей западной границы 1941 года, допустим, от Бреста до Москвы всего лишь примерно километров 520—550. Эдик, запиши: в два с лишним раза больше. В другом месте он уверяет, что от Смоленска до Москвы "всего 200 километров". Спросил бы хоть у голодных атомщиков Смоленской АЭС, которые летом 1997 года, когда Радзинский паясничал на телевидении с очередными игривыми байками о Екатерине Второй и Казанове, прошагали пешком за своей многомесячной зарплатой от родного города до столицы, где их встретил тоже байками паяц Немцов. Так вот, атомщики сказали бы: "И тут соврал ты почти в два раза". Как наглядно показывает это его полное безразличие к стране, где родился, вырос, попал в писатели...

Что ж, картина первых дней войны в столице Радзинскому ясна и понятна, как бородавка на собственном носу. А что ему видится на фронте? Вещает с уверенностью очевидца: "Войска Красной Армии оказались беспомощны. Армия стремительно отступала, катилась к Москве..." Если уж так и катилась, то почему же вслед за ней на своих мощнейших моторах за какие-нибудь два-три месяца не докатился до Москвы непобедимый вермахт? Ведь у него было такое колоссальное техническое превосходство над Наполеоном, который уже 15 сентября ночевал в Кремле. Нашему мастеру по тайнам и загадкам мировой истории ни за что в жизни не разгадать эту загадку истории своей родины. А немцы, как и мы, разгадку знают. Знал, в частности, и Типпельскирх, знакомый

Радзинскому немецкий генерал. Вот она в его изложении: "Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак против прорвавшихся вперед немецких частей... Это был противник со стальной волей. Русские держались с неожиданной (для Радзинских. — *В. Б.)* твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали... Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению. Он понес тяжелые потери не только летом 1941 года, но и во время зимнего наступления. Но все это не могло сломить стойкости Красной Армии". Вот она, свистун, разгадочка русского чуда образца 1941 года.
288

Кто куда удрал

А что в это время делал Сталин, как вел себя? Разумеется, сообщает нам историк, он ничем не отличался ото всей столицы, охваченной ужасом, и от армии, опрометью бежавшей от немцев: "В первые дни войны, согласно стойкой легенде, Сталин, потрясенный гитлеровским нападением, совершенно растерялся, впал в прострацию, а затем попросту уехал из Кремля на Ближнюю дачу, где продолжал пребывать в совершенном бездействии". Да, эта "легенда" хрущевского изготовления очень стойко — аж до самой его смерти — держалась в портативной черепной коробке главпуровского историка Волкогонова; она, поди, до сих пор гнездится и в мозговых извилинах драматурга Михаила Шатрова, по данным справочника "Евреи в русской культуре", удравшего в Америку. По телевидению говорливый Эдвард с наслаждением повторил: "Есть общеизвестная версия, что нападение немцев повергло Сталина в шок, он был совершенно растерян, предался панике и в первые дни бежал из Кремля..." Даже не уехал, а бежал! И куда — на Ближнюю дачу, т. е. в Кунцево, которое, как известно, — запиши, мыслитель!

— находится к западу от Москвы. Иначе говоря, человек был в такой панике, что бежал очертя голову навстречу наступавшим немцам. Подумать только! Бездарные и самонадеянные правители Польши и то бежали из Варшавы лишь 13 сентября 1939 года, на исходе второй недели войны, когда немцы уже подошли к столице, и французские правители в июне 1940 года бежали из Парижа лишь через две с половиной недели после фашистского вторжения, когда вражеские танковые дивизии были уже в пятидесяти километрах от Елисейских полей, а тут — в первые же дни!.. Когда агрессор находился еще за тысячу верст от Москвы.

Для обоснования своей легенды-побрехушки Радзинский обращается к уже известному нам документу: "Да, Сталин бежал из Кремля. Я проверял по журналу посетителей. Все так: целых три дня Сталин отсутствовал в своем кабинете". Со знакомой нам настойчивостью долголетнего обитателя дурдома автор продолжает внушать читателям и телезрителям, что коли нет записей в журнале, то, значит, и не было Сталина ни в кабинете, ни в Кремле, ни в Москве. Однако заглянем и мы опять в этот журнал. Вот они, эти "первые дни". И что же мы видим? В самый первый день войны с 5.45 утра до 16.45
289
Сталин принял 29 человек. Во второй день — с 3.20 утра до 1.45 ночи уже третьего дня, 24 июня, — 21 человека. В третий день с 16.20 до 21.30 — 20 человек. И в таком же ритме дальше. 27 июня, в шестой день войны, он принял 30 человек. Пожалуй, это больше, чем зрителей на иных спектаклях драматурга Радзинского... Что же получается? Исследователь с ученым видом для обоснования своей "легенды" дает ссылку на архивный документальный источник, но при этом делает заявление прямо противоположное по смыслу тому, что в этом документе содержится, т. е. там есть обильные записи самого выразительного характера, а он, глядя вам с экрана в глаза, говорит: никаких

записей! ни одной записи! клянусь честью моей мамы!.. Как видим, перед нами не простой, а выдающийся по своему бесстыдству шельмец и шулер, во все лопатки удирающий от правды, которая ему не нравится.

Но вот что особенно для шулера характерно. В книге он изображает некоторое сомнение относительно "стойкой легенды": "Это показалось мне очень странным". Более того, там он заявляет для начала: "Нет, этот железный человек не повел бы себя, как нервная барышня". А по телевидению уже безо всяких сомнений, без малейших колебаний объявил: "Бежал Сталин из Кремля!" Почему такое вроде бы расхождение? О, здесь тонкий расчет! Вполне достойный лжеца первой гильдии... Книга-то вышла тиражом лишь 50 тысяч экземпляров, да еще найдется ли хоть 10 тысяч охотников прочитать 640 страниц невежественной злобной тягомотины. Другое дело — телевизионная аудитория. Это десятки миллионов человек, у которых нет под руками ни журнала посетителей сталинского кабинета, ни других исторических документов. Да, порой Радзинский может сказать кое-что и правдиво, справедливо, но — лишь тиражом районной газеты, чтобы потом многомиллионным тиражом опровергнуть это и внушить вам совсем другое.

Однако беснование продолжается: "29 и 30 июня записей в журнале нет. Сталин отсутствовал в Кремле и вернулся только..." Только через месяц? Нет, "только 1 июля", т. е. на другой день после 30 июня. Выходит, если и отсутствовал, то лишь один-единственный день. Но, как ни крути, и этого не получается. 29 июня записей действительно нет. Но в этот день, по воспоминаниям Жукова, "И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны" (т. 2, с. 40). Значит, был в Москве, но другие неотложные дела не позволили ему принимать посети-

телей. Ведь как просто и естественно, однако писатель-сердцевед опять ничего не соображает! И право, ничего удивительного, если он с извечным апломбом заявит: "Это не Сталин приезжал, а его двойник. Мне один железнодорожник рассказывал".

И 30 июня тоже записей нет. Но достоверно известно, что в этот день был создан Государственный Комитет Обороны во главе со Сталиным. Мог он быть создан без участия его главы? Вспомни, Эдик: даже собрание дачного кооператива, где мы оба состоим, не может состояться без его председателя... Кроме того, из воспоминаний Жукова видно, что именно 30 июня Сталин позвонил ему в Генштаб и приказал вызвать командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова (т. 2, с. 42). А еще, по тем же воспоминаниям, в тот же самый день 30 июня назначил начальником штаба Северо-Западного фронта Н. Ф. Ватутина. Только в состоянии собачьей старости можно все это назвать "совершенным бездействием".

Странно, что в доказательство "стойкой легенды" автор не указал еще и на то, что именно в первые, самые трагические дни войны вдобавок к тем высшим должностям Генерального секретаря ЦК партии и Председателя Совета Народных Комиссаров, которые он уже занимал, Сталин взвалил на себя еще важнейшие обязанности председателя ГКО, народного комиссара обороны и Верховного Главнокомандующего, т. е. принял полную личную ответственность за все. Что стоило Радзинскому заявить, что это, мол, он в паническом беспамятстве и в шоковом безрассудстве хватал высокие должности, не соображая, что делает. Где видано, дескать, такое поведение среди нормальных цивилизованных людей. Вон царь-то наш Николай, воспитанный человек, как только запахло жареным, так тотчас и скинул с себя безропотно должность не только Верховного Главнокомандующего, но и государя-императора да еще помазанника Божьего. Скинул и удрал от них...

А чем еще занимался Сталин в первые дни войны, кроме паники, хватания высоких должностей и укрывательства на Ближней даче? А еще, уверяет сердцевед, в редкие минуты просветления он на всех орал, обвинял в неудачах, грозил расправой. Это откуда ж известно? Должно быть, папа Радзинского гулял под кремлевскими окнами и сам все слышал своими ушами. Но вот что писал знаменитый авиаконструктор А. С. Яковлев:
291

"В первые месяцы войны мы находились под впечатлением неудач, наши войска отступали, все было очень тяжело. Но Сталин никогда не показывал вида, что ему тяжело. Я никогда не замечал у него растерянности, наоборот, казалось, что настроение у него доброе, отношение к людям терпимое". Кому же верить — литературному налетчику или человеку, чья репутация безупречна?

Солженицынский подпевала

Впрочем, Радзинский не отрицает, что в те дни Сталин занимался и военными делами: "В его мозгу уже формировалась (несмотря на жуткую прострацию. — *В. Б.)* кровавая мысль восточного полководца: приберечь резервы, сохранить свежие дивизии". Да... Прав был тот, кто сказал: "Мудрость имеет свои пределы, а ее противоположность безгранична". Наш баталист прожил жизнь в полной уверенности, что западные цивилизованные полководцы никогда и в уме не держали кровавую мысль о том, чтобы беречь резервы, сохранить свежие силы, а бросали в сражение сразу все, что имели. В этом их великое превосходство над восточными полководцами, не способными обойтись без кровавых мыслей о резерве. И то сказать, что решило исход знаменитого Ледового побоища 1242 года? Засадные дружины, которые Александр Невский в надлежащий момент битвы пустил на ливонских рыцарей. А знает ли Радзинский, что это за князь Владимир Андреевич, получивший прозвание Храбрый? Запиши, Эдик: Владимир Храбрый — командир засадного полка, сыгравшего важнейшую роль в Куликовской битве 1380 года. И так — до многих сражений Великой Отечественной. Они неисправимы, эти кровавые восточные полководцы. И только у Ельцина, великого стратега с Осенней улицы, не нашлось резерва, чтобы окончательно повергнуть противника в Чечне, когда тот удирал босиком в горы.

Что еще поделывал Сталин? Оказывается, всю войну "он создавал образ немца-зверя". А они, фашистские захватчики-то, были очень славные ребята, такие покладистые, деликатные. Об этом и у Солженицына, любимого писателя Радзинского, прочитать можно. Уж этот их разукрасил в своем полубессмертном "Архипелаге"!.. Гитлер в свое время обещал: "Мы воспитаем молодежь, перед которой содрогнется мир". И воспитал, да не толь-
292
ко молодежь. И мир содрогнулся перед такими делами их, как Освенцим и Бабий Яр, Красуха и Хатынь... Но разве это для Солженицына и Радзинского основание, чтобы думать о немцах плохо. А вот Сталин, видите ли, думал и даже говорил об их зверствах. У деликатного же Радзинского всего несколько строк об этом, причем весьма странных. Например: "Истребление евреев мобилизовало против Гитлера эту динамичную группу населения". Да, сказано очень странно. Выходит, что если бы Гитлер не тронул евреев, то они и не "мобилизовались" бы против него, не встали бы вместе со всем народом на защиту Советской Родины. Автор клевещет на своих соплеменников. Тем более что здесь же у него сказано: "Фашисты восстановили против себя и тех, кто им сочувствовал". За такие намеки или оговорочки бьют канделябрами по физиономии.

Имея в виду начальную пору войны, Раздинский пишет: "Главная задача Сталина — заставить Запад открыть второй фронт. Как он ему (!) был нужен

страшной зимой 1941/42 года!" Этот выкормыш демократии, как все тот же Солженицын, не может смотреть на войну иначе, как на личное противоборство Гитлера и Сталина, ибо сам он никогда не чувствовал ответственности за родную страну. Так вот, милок, второй фронт был нужен армии, обливавшейся кровью, всему советскому народу, также тебе самому и твоим родителям, которых фашисты уничтожили бы в первую очередь, доведись им взять Ташкент. А что касается той зимы, то она была не столько страшной, сколько радостной, ибо в самом ее начале, 5 декабря, началось наше первое большое наступление, завершившееся разгромом немцев под Москвой. Уж такие-то вещи надо бы знать историку.

"Однако открывать второй фронт Черчилль не торопился, — продолжает мурлыкать спасенный от душегубки вольнодумец, — он давал Красной Армии изойти кровью. Что ж, Сталин его понимал. На его месте он действовал так же". Право, Радзинский может претендовать на звание абсолютного чемпиона бесстыдства в деле поношения своей родины. "На его месте" Сталин оказался, например, в январе 1945 года, когда англо-американские войска трещали по швам и откатывались под мощными ударами немцев в Арденнах, и Черчилль отчаянно воззвал к Сталину о помощи, о спасении. И что же Сталин? Давал союзникам исходить кровью? Нет, он приказал начать 12 января, на восемь дней раньше наме-

чавшейся даты, грандиозную Висло-Одерскую наступательную операцию, и этот "второй фронт" был спасением для союзников. А наше вступление в войну против Японии? Мы и там не ждали, а объявили войну 9 сентября 1945 года, ровно через четыре месяца после победы над Германией, как и было условлено на Ялтинской конференции.

Повествуя далее о ходе войны, Эдвард даже не упоминает о таких важнейших ее событиях, как битва на Курской дуге, освобождение Киева, взятие Варшавы, Кенигсберга, Будапешта, Праги, других столиц Европы и даже самого Берлина. Поэтому когда он констатирует: "И вот пришла Победа", то читателю совершенно непонятно, откуда она взялась. Действительно, рассказу о том, что киносценарист Алексей Каплер по кличке Люся завел шашни с дочерью Сталина, автор, будучи прославленным специалистом по "клубничке", отвел четыре страницы, а рассказу о разгроме немцев под Москвой — полстраницы, о Сталинградской битве — 14 строк. Ну еще бы! Ведь Каплер, говорит, "был другом моего отца". Это, впрочем, не помешало любящему сыну назвать покойного папиного друга главным бабником столицы, присовокупив сальный анекдотец о нем, "тучном и некрасивом". К тому же "и писал он не лучше других". Очень интересная характеристика!.. Однако если волокитские наклонности папиного кореша подкреплены конкретным примером (действительно, ему было под сорок, а Светлана Сталина еще бегала в белом передничке в школу), то аттестация его литературного дарования звучит как-то уж слишком отвлеченно. Ее можно было бы конкретизировать, допустим, так: "Да и писал он не лучше моего папы, тоже сценариста..."

Геббельс мог бы лишь мечтать о таком помощнике

Но, может быть, строки о победах под Москвой и Сталинградом хоть и скупы, кратки, а тем не менее очень глубоки, весомы, правдивы? Увы... Автор твердит старую басню битых гитлеровских воителей: "Генерал Мороз помогал России". Словно мороз костенил немцев, но согревал русских. Приводит высказывание из воспоминаний генерала Блюментритта: "Уже 12 октября ударили настоящие морозы". Это какие же — настоящие?

Оказывается, сочувственно сообщает сочинитель, 3 ноября температура понизилась до минус восьми. Ну, если это для немцев такой страшный мороз, то чего ж они не поторопились взять Москву до 12 октября или хотя бы до 3 ноября? Вон же Наполеон-то, как уже отмечалось, с его конной тягой да пехтурой уже в начале сентября припожаловал в Белокаменную. Баталист, однако, продолжает налегать на беспощадность и коварство нашего могучего союзника генерала Мороза: "Встали пораженные жестокими холодами танки Гудериана. И вся двухсоткилометровая дуга немецкого охвата Москвы застыла на лютом морозе". Из этих слов можно понять, что баталист никогда не видел карту Московской битвы. Во-первых, танки Гудериана были остановлены под Тулой, примерно в 180—200 километрах от Москвы, Во-вторых, никакой "дуги охвата Москвы", в отличие от Тулы или позже — Курска, не существовало. В-третьих, уж если назвать "дугой" линию фронта от Калинина до Тулы, то это не двести километров, а раза в два больше, О битве на Волге нам сообщается: "Великой вехой в войне Сталин сделал (!) битву за город своего имени

— Сталинград..." Как просто: захотел и сделал из сугубо личных соображений. "Город был превращен в пустыню, начиненную железом и трупами, — но он не позволил его отдать". Кто-то, дескать, хотел отдать, но Сталин, разумеется, из тех же личных соображений не позволил.

И что же дальше? А дальше, говорит, "к декабрю 1942 года было подготовлено наступление". Это почему же к декабрю и всего лишь подготовлено? Наступление, как известно, подготовлено было к 19 ноября, и в этот же день началось. Но просветителю неймется: "С севера, юга и востока войска (сказать "советские" у него язык не поворачивается. — *В. Б.)* охватили немецкую (сказать "фашистскую" он не в силах. — *В. Б.)* 6-ю армию, в рождественские праздники заставили ее медленно погибать от голода и морозов. Какая нецивилизованность — в рождественские праздники! Но странно! Если Красная Армия "охватила" фашистов лишь с трех сторон — с севера, юга и востока, то почему же, вместо того чтобы глупо погибать в радостные рождественские дни от голода и морозов, не рванули они на запад? Опять ничего не понимает наш баталист! Начав 19 ноября сила-

ми трех фронтов контрнаступление, наши войска уже 23 ноября замкнули кольцо, и фашистам не оставалось ничего другого, как сдаться в плен или попробовать вырваться. Попробовали 12 декабря — не получилось. А уж как старались! И снаружи кольца, и изнутри. И тут действительно начали они медленно погибать от голода, морозов, а главное — от нашего огня. А потом и в плен сдались — более 90 тысяч оставшихся в живых...

Почему высоколобый хохотун Эдик не стал генералиссимусом

Можно было бы еще долго любоваться весьма экзотической картиной Великой Отечественной войны, укоренившейся в черепной коробке Радзинского, но все-таки война — это не главное в его книге "Сталин" и в его потрясающих телесериалах. Главное — сам Сталин. Как личность, как государственный деятель, как историческая фигура. И тут биограф начинает издалека — с прадеда Зазы Джугашвили, деда Вано, отца Виссариона, матери Екатерины, с рождения своего героя, а кончает его женой, детьми, и не забыта даже теща! Все они конечно же были не чем иным, как скудельными сосудами ужасных пороков. Дотошность автора в исследовании помянутых пороков поистине изумляет.

Вот мать Екатерина Георгиевна. Казалось бы, какое имеет значение, в каком возрасте она вышла замуж. Рой Медведев, в своей брошюре "Семья тирана"

иногда правильно указывающий даты, пишет там: "В 1874 году 19-летняя Екатерина Геладзе вышла замуж". "Нет! — оглашает просторы державы Радзинский. — Грубейшее искажение исторической правды! В результате многолетних архивных изысканий я установил, что ей было 16!.." Тот же Медведев пишет: "17-летняя Надежда Аллилуева соединила свою судьбу с судьбой Сталина". "Ложь! — снова испускает вопль правдолюбивый историк. "Ей было 16!.."

И тут, право, хочется сказать: "Хорошо, мусье Эдвард, пусть обеим женщинам было по 16, только успокойтесь. Лучше подумайте вот о чем. По одной из легенд, что витают вокруг семьи знаменитых писателей Радзинских, ваша матушка Розалинда Гавриловна вышла замуж за вашего батюшку Станислава Адольфовича, когда ей было под шестьдесят. И как вы думаете, когда

296

лучше рожать, когда дети родятся крепче, умнее, талантливей — в 16—17 или в 60? Не кажется ли вам, что если бы ваша мама родила вас в том возрасте, в каком Екатерина Джугашвили родила Иосифа, то, глядишь, и вы стали бы генералиссимусом, а не телевизионным поденщиком? Вот вопрос!"

Пристальное внимание аналитика привлекли и сами обстоятельства рождения Сталина. Оказывается, он был не первым ребенком у родителей — два старших брата умерли в младенчестве. Казалось бы, тут можно лишь пожалеть сильно запоздалой жалостью несчастных родителей, а потом порадоваться, что в конце концов Бог послал им ребенка. Но нет, не таков наш прозорливец. Хотя в другом месте он пишет, что Гитлер тоже был третьим ребенком и два его старших брата тоже умерли в младенчестве, но это его ничуть не интересует, а вот в обстоятельствах рождения Сталина увидел нечто глубоко символическое: "Сама природа противилась рождению этого человека!" Умри, Денис, и я буду безутешно рыдать на твоей свежей могилке... Ловко! И ведь не сразу сообразишь, что если природа и противилась, то она успешно сделала это в случаях со старшими братьями, а в третьем случае, коли все обошлось благополучно, значит, она, природа-то, приветствовала, благословила рождение младенца, наделив его такими качествами, благодаря которым он стал поистине великим человеком. А между тем как раз приходу в этот мир самого Эдика природа явно противилась, если мама родила его чуть ли не на седьмом десятке...

Далее, заимствуя и это у того же Медведева, но делая вид, что раскопал в архивах, Радзинский пишет, что и родился-то Сталин не 21 декабря 1879 года, а на целый год раньше. Действительно, в дате рождения есть путаница. Ну и что? Да пусть! Кто от этого пострадал? В газетах писали, что, по новейшим исследованиям, сам Христос родился на целых семь лет раньше, чем принято считать. Почему это так, неизвестно. А у Сталина жена была гораздо моложе, вот, может быть, и решил скосить хотя бы один годок. Э нет, опять взывает к бдительности Эдвард, судя по хватке, едва ли не служивший в КГБ вместе с Евгением Киселевым, тут, мол, дело не так просто: Сталин сознательно старался сбить с толку, запутать своих биографов, напустить туману. Да какую же корысть можно было из этого извлечь, кроме помянутого эффекта в глазах молодой жены? Уж не хотел ли Сталин

297

в свое время увильнуть от службы в армии таким путем? Вон папа-то Радзинского лет десять протрубил то ли в танковых войсках, то ли в военторге, и сам Эдвард, вероятно, лет пять прослужил в армейском ансамбле песни и пляски, и нежная супруга три года ишачила на флоте водолазом. А Сталин не хотел. Ни в военторге, ни в ансамбле, ни водолазом. Наверняка так и есть...

При виде столь напряженного внимания автора к вопросу о рождении его героя невольно закрадывается мысль: а все ли тут в порядке у него самого, у этого

корифея антисталинизма. Действительно, уверяет, что родился 23 сентября 1936 года. Значит, в прошлом году был юбилей — шестидесятилетие. Но если так, то почему же 1996 год был объявлен годом Шостаковича, годом Жукова, но никто не догадался провозгласить его еще и годом Радзинского? Более чем странно. Ведь такая глыба!.. И даже Ельцин не почтил юбиляра какой-нибудь двуглавой медалькой. Он же так любит выдавать медальки...

Говоря о внешности Сталина, почти все его ненавистники твердят, что он был маленького роста. Д. Волкогонов, например, без конца урчал: "Физический и нравственный пигмей". Возможно, это и оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения Всевышнего, и Он прибрал генерала-философа вместе с его сочинениями. Действительно, как можно было дольше терпеть такое глумление над правдой. Ведь в книге самого Волкогонова "Триумф и трагедия" приведена тюремная фотография Сталина, сделанная в 1908 году, и на ней указано: рост 174 сантиметра (ч. I, между страницами 64 и 65). Нормальный мужской рост. Да ведь и по кинохронике видно: средний рост. Но Волкогонов и на том свете, поди твердит чертям, поджаривающим его: "пигмей! пигмей! пигмей!"

Увы, печальный пример главпуровского философа не послужил уроком ни для Окуджавы, ни для Медведева, ни для нашего проказника, вслед за ними причитающего: "маленький хозяин"... "тщедушный человек"... "крошечный тиран" и т. п. А ведь самому, по данным Центральной поликлиники Литфонда, Бог дал только 166 сантиметров, обувь носит с надувными подошвами. Впрочем, спасибо уже и за то, что не повторяет вслед за Окуджавой, что Сталин был еще и рябоват, а за Медведевым — будто у него был такой низкий лоб, что "не только художники, но и фотографы увеличивали его на

парочку сантиметров". Такой, мол, приказ был, за нарушение — расстрел. А у самого Медведева лоб — как сковорода. И что?.. Такого рода убогие доводы свидетельствуют лишь об убожестве самих клеветников, ибо русские люди говорят: мал золотник да дорог...

Перейдя от внешности Сталина к его манерам, Радзинский уверяет, что Иосиф Виссарионович, "как все маленькие люди", был очень подвижен, суетлив и притом, как сам Эдвард, — ужасный хохотун, "то и дело прыскал в усы". Так и говорит — "прыскал". Ну, это подлинное открытие! И как жалко выглядят после него фальшивые слова в воспоминаниях Жукова: "Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения... Смеялся он редко, а когда смеялся, то тихо, как будто про себя. Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку". Интересно, как бы он в данном случае оценил остроумие юмориста Радзинского? Не сослал бы в Туруханский край? Я лично полагаю, что за такой юмор следовало бы...

Дальше мы узнаём, что, когда Сталину надоедало "прыскать в усы", он начинал орать и рявкать. Орал и рявкал, а то и матерщинничал, чем приводил в восторг Бернарда Шоу, на всех, не исключая американского президента Трумэна. Тот на Потсдамской конференции попытался протащить выгодную для США идейку относительно Польши. И что же услышал в ответ на это? Рявкающее "Нет! Нет!.. Туды твою мать!.. Нет! Нет!" Здесь нельзя, конечно, не видеть бесстрашного намека на то, что вот, мол, а ныне наш глава государства ни по какому поводу не смеет даже шепотом сказать "нет!" не только американскому президенту, но и своему прихлебателю Чубайсу, грабителю-миллиардеру, объявленному на всю страну "вором в законе" и "рыжей смертью". Молодец юморист Эдвард, просто герой! Черный, но блестящий юмор тирана Сталина автор вовсе не отрицает, наоборот, констатирует с восторгом: "Иногда его юмор

был блестящ!" И в подтверждение рассказывает такую историю. Приехала в Москву французская правительственная делегация, ее поселили в гостинице "Москва", "где стояли и стоят подслушивающие устройства". Всезнающий Эдвард говорит об этом так уверенно, словно сам и устройства эти устанавливал, и делегацию размещал. А простодушные французы, говорит, ничего не

подозревая о подслушивании, только тем и занимались, что злобно поносили Сталина, называли его чудовищем, ничтожеством, тираном и т. п. Ну, совершенно в духе покойного Волкогонова или здравствующего Роя Медведева. В назначенный день делегацию принял Сталин, которого автор с обворожительной улыбкой орангутана, частенько появляющегося ныне в качестве заставки между передачами первой программы телевидения, называет здесь "победителем Гитлера". Значит, дело было уже после войны.

Переговоры шли довольно трудно, но в конце концов был подписан дружественный советско-французский договор. После этого Сталин дал в честь такого события обед. Вот здесь-то вождь и блеснул своим юмором. Он провозгласил несколько тостов, и один из них был таким: "Выпьем за товарища Кагановича! Он у нас хорошо руководит железными дорогами. Но если будет плохо руководить, то мы его расстреляем". И еще несколько тостов в этом духе. Таким образом Сталин тонко высмеял французов за их болтовню о нем как о чудовище и тиране. Разве это не здорово? Прав Радзинский: блестящий юмор!

Однако мы должны тут кое-что уточнить. Да, приезжала делегация самого высокого уровня: де Голль, министр иностранных дел Бидо, генерал Жюэн и другие ответственные лица. Но, во-первых, это было не после войны, а в декабре 1944 года, когда наша армия еще находилась за сотни километров от Германии (кроме Восточной Пруссии), еще предстояло почти полгода упорнейших сражений, и потому еще нельзя было назвать Сталина "победителем Гитлера". Во-вторых, никому, разумеется, и в голову не приходило поселить высокую делегацию союзнической страны в гостинице "Москва", в этом подобии суматошного Казанского вокзала, никто не предлагал поселить французов даже и в изысканном "Национале" или в аристократическом "Метрополе". Конечно же делегация жила в своем собственном роскошном посольстве. Это подтверждает хотя бы профессор Н. Н. Молчанов в своей известной книге "Генерал де Голль", которую эрудит Эдвард и в глаза не видел: "Де Голль простился со Сталиным и вместе с Бидо уехал во французское посольство. В Кремле остались Морис Дежан и Роже Гарро. Они продолжали переговоры. Де Голль ждал в посольстве. Наконец, в два часа ночи в посольство явился Дежан..." (с. 254). Были ли и есть ли

во французском посольстве наши подслушивающие устройства, мы, откровенно говоря, не знаем, ибо у нас никогда не было столь доверительных отношений с КГБ, чтобы нас, как Радзинского, извещали, где такие устройства поставлены, а где нет.

В-третьих, в отличие от титана и корифея, мы не можем поверить, будто французы оказались такими мерзавцами, что, приехав к нам для заключения очень важного для них договора, злобно поносили руководителя нашей страны, Верховного Главнокомандующего армии, только благодаря доблести которой они и обрели снова свою прекрасную Францию —после того как немцы за пять недель разнесли их армию в прах и поставили на колени. Взгляд на французов как на подонков мы, естественно, оставляем на совести корифея и титана.

В-четвертых, да разве мог Сталин своими насмешливыми тостами дать французам ясно понять, что за ними, если бы это так было, следят, их подслушивают и докладывают ему? Невозможно поверить, что страной руководил такой же олух царя небесного, как скоротечный глава КГБ Вадим

Бакатин, который по доброй воле и с одобрения таких же олухов Горбачева и Ельцина, придя на Лубянку, первым делом выдал американцам схему наших подслушивающих устройств в здании их посольства в Москве. Посол Р. Страусс при виде столь грандиозного государственного идиотизма тогда сам едва не спятил. А олух до сих пор живет надеждой на "адекватную акцию" со стороны американцев, вместо того чтобы ожидать сурового суда за государственное преступление. За это время успел накатать книгу с радостным заглавием "Избавление от КГБ". Если он был бы министром сельского хозяйства, то написал бы "Избавление от сельского хозяйства", был бы министром здравоохранения, написал бы "Избавление от медицины" и т. д. Такова порода этих обкомовских паразитов, среди коих особо выделяются почти все нынешние президенты. Наконец, в-пятых, не мог товарищ Сталин поднять тост за Кагановича и сказать, что "он у нас руководит железными дорогами", ибо в ту пору ими "руководил" не Каганович, а генерал-лейтенант И. В. Ковалев, разумеется, не имеющий никакого отношения к нынешней ораве Ковалевых, включая того, что любит ходить по субботам в женскую баню.

Сталин в 41-м и Гитлер в 45-м

Тут уместно будет заметить, что у самого-то Радзинского, несмотря на всю грандиозность его талантов, с юмором и вообще с чувством смешного не все благополучно. Ну, действительно, вот он заявляет, что Сталина называли "левая нога Ленина". Кто называл из всех его ненавистников — от Троцкого до Оскоцкого? Неизвестно. Но что за уровень сарказма! Во-первых, это тупоумно и лживо: Сталина можно обвинить в чем угодно, только не в отсутствии самостоятельности. Во-вторых, нет ничего легче, как фабриковать ярлыки такого пошиба.

Или вот наш герой, давясь от смеха, выражает недоумение, как это Сталину удавались до революции нелегальные поездки в Берлин, Лондон, Стокгольм. Смех тут, как говорится, совершенно без причины. Если отцу Радзинского, умевшему лишь перелопачивать чужие романы для кино, удалось пробраться в Союз писателей, если его сын при таких-то данных изловчился стать одной из главных фигур на телевидении, то почему же Сталину, по общему признанию, гениальному конспиратору, умнейшему человеку, великому организатору, могли не удаться его заграничные поездки?

Помирая со смеху, рассказывает наш хохмач и о том, что Сталин шесть раз бежал из ссылки. Вот так ссылка, ха-ха! Вот так охрана, хи-хи! Конечно, человеку, который в страхе перед папой никогда не убегал даже со школьных уроков, а позже — из вытрезвителя, невозможно представить, что в другом так велика жажда свободы, что он может убежать даже из сибирской ссылки, даже зимой. Ну так хоть бы не потешался над недоступной ему чужой смелостью, ловкостью, свободолюбием. Нет, они без этого не могут, ибо это их единственное оружие.

Оратор намекает, что причина и удачных поездок Сталина за границу, и его удачных побегов из ссылки одна — он был агентом царской охранки. О, это мозговая косточка для всех шакалов антисталинизма! Уж как они ее то вместе, то по очереди грызут, обсасывают, мусолят. Ну, допустим, понятно, зачем охранка засылала своего агента на большевистские съезды и конференции, проходившие за рубежом. Но зачем же она то и дело бросала его в тюрьмы да ссылала в глушь. Это же все равно, как если бы Березовский или Гусинский закрыли доступ на телевидение прекрасным диверсионным передачам Радзинского по оболваниванию православных.

Как читатель, вероятно, уже понял, наш Эдвард — самый выдающийся корифей на ниве оболванивания в эпоху демократии. Однако надо заметить, что орудует он довольно однообразно, всегда по такой схеме. Сперва подробно, обстоятельно, со смаком, со ссылками на архивы и свидетелей, с ухмылками и вздохами вываливает на Сталина какую-нибудь невероятную гнусность — вроде того, что при известии о нападении немцев он бежал из Москвы. Это первая фаза оболванивания. Тут же мастер приступает ко второй: с теми же ухмылками, вздохами, стонами мельком, скороговорочкой замечает: "Это сомнительно. У меня никогда не было уверенности, что так и было". В самом деле, какой же идиот поверит, что Сталин бежал из Москвы в июне, в первые дни войны, когда немцы находились за тысячу с лишним километров от нее, если достоверно известно, что, когда в октябре—ноябре они подошли к столице на 27 километров, он не только не покинул ее, но еще и под самым носом у захватчиков 6 ноября, как всегда, провел праздничное торжественное заседание, а 7-го, как ни в чем не бывало, — парад на Красной площади, и в обоих случаях произнес бесстрашные речи, в которых выразил полную уверенность в нашей победе.

А что, между прочим, делал Гитлер, когда Красная Армия была в 27 километрах от Берлина? Он метался в бункере от одного телефона к другому и визжал: "Где армия Венка? Дайте связь с Венком! Предатели!.." Но армия Венка была уже разбита, и Гитлеру не оставалось ничего другого, как тоже устроить парад, вернее, демонстрацию

— обвенчался с Евой Браун и пустил себе пулю в лоб... Так вот, пробормотав мимоходом, что он сомневается в достоверности очередной клеветы на Сталина, Радзинский начинает третью фазу оболванивания, говорит примерно так: "Но когда я углубился в этот вопрос, когда поднял архивные документы, поговорил с очевидцами, то многое показалось мне странным..." И наконец, четвертая, самая главная фаза: он вываливает новые вороха доводов и соображений, слухов и сплетен, инсинуаций и побрехушек. В результате получается огромная куча зловонного мусора. Мудрец Сталин это предвидел. Раздинский приводит — а куда деваться? — его слова: "Когда я умру, на мою могилу нанесут много мусора, но ветер времени безжалостно сметет его". Можно добавить только одно: сметет вместе с теми, кто этот мусор натаскал. Вот тогда мы и отпразднуем "Год Радзинского".

Потаскухи как движущая сила прогресса и демократии

Возвращаясь к вопросу о происхождении Сталина, о его родителях, нельзя не признать, что здесь в злобности и клевете Радзинский превзошел всех своих предшественников. Они, предшественники, буквально рвали друг у друга из пасти сладостную "легенду" о том, что отец Сталина вовсе не Виссарион Джугашвили. Кто же? Тут у них наготове много вариантов, это племя вообще жить не может без вариантов, версий, легенд и тому подобного, — тут оно как рыба в воде. Чаще других называли, например, знаменитого путешественника Н. М. Пржевальского. Почему? Да потому только, что ликом схож. Действительно, особенно в генеральском мундире. Между прочим, на этом же портретном основании не так давно писали и говорили по телевидению, что есть, мол, версия: Яков, старший сын Сталина, не был в 1943 году расстрелян в фашистском плену, а бежал в Ирак, принял мусульманство, женился, родил сына, которого все знают, это — Саддам Хусейн. Хоть стой, хоть падай, хоть читай "Монолог о браке" Радзинского... Потом догадались все-таки заглянуть в биографический словарь и к большому огорчению обнаружили, что Хусейн родился в 1937 году. И о Пржевальском выяснилось, что он не был в надлежащее время в Гори. После этого вроде заткнулись... Казалось бы, ну должны же не вовсе полоумные люди понимать —

мало ли кто на кого похож! Вот недавно мне попалась фотография заместителя Геббельса по радио — Ганса Фриче. Я глядел и ахал: вылитый Эдик Радзинский! И что? Да ничего. Просто природа сочла форму Фриче своей большой удачей и захотела в другой стране в другое время повторить эту форму.

"Легенду" о незаконном рождении Сталина долго, со смаком, с похохатыванием и сальными ужимками мурыжит и наш знаток амурных дел. Как уже сказано, здесь он оставляет далеко позади всех клеветников, в том числе самых грязных. Прошу читателей извинить меня, но придется привести несколько образчиков его работы. Так, писатель уверяет, что какая-то М. Хачетурова (судя по фамилии, армянка) где-то когда-то говорила ему: "Сталин называл свою мать не иначе как проституткой". А какая-то Н. Гоглидзе будто бы писала ему: "Говорят, Сталин открыто называл мать чуть ли не старой потаску-

хой. Она должна была зарабатывать на жизнь, на учение сына — и ходила по домам к богатым людям, стирала, шила. Она была совсем молодая. Дальнейшее легко представить..." Надеюсь, читатель понял, что за этими словами, если они все-таки не плод низкого вымысла, стоят как раз две потаскушки из окружения Радзинского: ведь только людям этого пошиба, зная, что молодая женщина бывает в чужом доме, "дальнейшее легко представить",

Я не знаю, есть ли у этих потаскух дети, но уверен, что ни та ни другая никогда не получали от своих детей, если они все-таки есть, письма, написанные с такой нежностью и заботой, как, например, эти:

"Здравствуй, мама моя!

Получил твое письмо. Получил также варенье, чурч-хели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет.

Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу...

Посылаю тебе пятьсот рублей. Посылаю также фотокарточки — свою и детей.

Будь здорова, мама моя!

Не теряй бодрости духа!

Целую. Твой сын...

24. 3. 34

Дети кланяются тебе. После кончины жены, конечно, тяжела моя жизнь. Но мужественный человек должен всегда оставаться мужественным".

Или: "6/X—34

Маме моей — привет!

Как твое житье-бытье, мама моя?

Письмо твое получил. Хорошо, не забываешь меня. Здоровье мое хорошее. Если что нужно тебе — сообщи. Живи тысячу лет.

Целую.

Твой сын..."

Или:

"Как жизнь, как здоровье твое, мама моя? Нездоровится тебе или чувствуешь лучше? Давно от тебя нет писем. Не сердишься ли на меня, мама? Я пока чувствую себя хорошо. Обо мне не беспокойся. Живи много лет.

Целую!

Твой сын..."

Или:

"Маме моей — привет!

Посылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу,

потому что дозировку их должен определить врач.

Живи тысячу лет, мама моя!

Я здоров. Твой сын..."

Читатель, конечно, уже догадался, что в этих письмах везде вместо многоточия стоит "Сосо". И таких писем — множество.

Невозможно вообразить, чтобы Радзинский, как и его потаскухи, писал или получал подобные письма.

Радзинскому недостаточно помусолить "легенду" о незаконном рождении самого Сталина. С томными вздохами он пускает в оборот — это его личный вклад в сталинофобскую телемахиду! — еще и легенду о том, что-де и Надежда Аллилуева, жена Сталина, тоже рождена в грехе. Но и этого мало коллекционеру всех форм блуда. Он уверяет, что отцом Надежды был не кто иной, как сам Сталин!.. Правда, в книге он это написать не решился, но по телевидению, рассказывая о совместной поездке Сталина и Аллилуевой в 1918 году (когда они, кстати, уже были женаты!) в Царицын, Эдик блудливой скороговорочкой промурлыкал: "Там дочка Надя стала его женой". Трудно поверить, но ведь и это не все в его уникальной коллекции: потом он подбросит еще и "легенду" о романе жены Сталина, т. е. "дочери", с его сыном Яковом. Не остановили пакостника ни трагическая смерть Аллилуевой, ни то, что Яков, участник Великой Отечественной войны, погиб в фашистском плену...

С какой легкостью и простотой, с каким блаженным причмокиванием эта публика примеривает самые тяжкие и отвратительные грехи на чужие души! А если на свою?.. Радзинский так самоуверен и ограничен, что ему и в голову не приходит простая мысль: если штафирка сочиняет или тиражирует бесчисленные "легенды" и "версии" о генералиссимусе, о его ближайших родственниках, то ведь этим самым она предоставляет моральное право другим дать парочку "версий" о ней самой, о ее родственниках. Более того, она, штафирка, просто провоцирует на это.

Так вот, есть "стойкая легенда", что настоящий отец нашего героя вовсе не Станислав Адольфович Радзинский, 1888 года рождения, член Союза писателей с 1937 года, ныне покойный.

Помешанная букашка

Эдвард рисует пленительный портрет Станислава. Разумеется, он был юристом и, конечно, из Одессы, где в годы революции редактировал бойкий журнал — то ли "Ураган", то ли "Шторм", то ли "Землетрясение". Интеллектуал 96 пробы, философическая личность с перманентной улыбкой на устах. Но был жутко опасным для Советской власти человеком и потому прожил "жизнь под топором" и "в любой момент был готов к ужасному". Однако, если не считать рождение Эдварда, ничего ужасного в долгой жизни Станислава Адольфовича не произошло. В революциях и войнах он кровь не проливал, ни один голод его не задел, раскулачиванию не подвергался, тюрьмы или ссылки не изведал... Правда, как все одесситы, хотел стать писателем, но не получилось — сделался киносценаристом, да еще не сам сочинял сценарии, а переделывал для кино чужие книги. Вот и все его огорчения. Однако и этой работенки на белый хлеб с черной икрой хватало.

Так откуда же взялась легенда о том, что Радзинский-старший был жутко опасным для Советской власти человеком и прожил "жизнь под топором"? Эдвард охотно разъясняет. Оказывается, папа "был интеллигентом, помешанным на европейской демократии", в частности, он "восторженно приветствовал Временное правительство, это была его революция, его правительство". Радзинский-младший здесь не совсем солидарен с помешанным: ведь это

правительство не сумело придушить коммунистов.

Иногда помешанный говорил наследнику: "Сын мой, что в этом бренном мире есть счастье?" Тот, видимо, смутно догадываясь о грандиозности проблемы, безмолвствовал. Тогда отец отвечал сам: "Счастье — это иметь возможность выйти на главную площадь столицы орать: "Долой правительство!" Так он понимал суть демократии. Жаль, что не дожил до нынешних дней, мог бы вместе со своим отпрыском месяцами сидеть на Красной площади и вопить: "Банду Ельцина под суд!" А Советская власть и лично товарищ Сталин такие акции не поощряли.

К тому же, вспоминает Эдвард, старик "так любил пересказывать" ему побрехушки о Сталине, каждый раз заканчивая их "вечным рефреном": "Может быть, ты когда-нибудь о нем напишешь". Об этой книге он "думал
307
и мечтал до самой смерти" в 1966 году. Как же такой человек мог быть не опасен для Советской власти, как же мог он не ждать ежесекундно, что топор вот-вот обрушится на его прогрессивное темечко!..

От верного топора спасла Станислава Адольфовича только близость к писателю Петру Павленко. Дело в том, что при всей своей полоумной любви к европейской демократии и вполне эквивалентной ненависти к Советской власти сценарист Радзинский особенно охотно занимался перелопачиванием для кино книг этого писателя, четырежды сталинского лауреата, члена партии с 1920 года, депутата Верховного Совета СССР. В этих книгах, естественно, не было ни припадочной любви к Западу, ни обожания Керенского, их сутью был русский советский патриотизм. А его собственные, без Радзинского написанные сценарии! Достаточно назвать фильмы "Александр Невский" (1938 г.), о котором Эдвард умалчивает, или "Клятва" (1946 г.) и "Падение Берлина" (1949 г.). И вот у такого-то писателя, патриота и коммуниста, антисоветчик Радзинский был на подхвате.

К тому же, всю жизнь науськивая сына на сочинение сталинофобской книги, сценарист Радзинский одновременно агитировал Павленко написать о Сталине совсем иную книгу — панегирическую, и при этом проникновенно приговаривал: "Ведь о Сталине еще никто по-настоящему не написал". Сын, которым, как видно, с юных лет владела страсть подслушивать и подсматривать в замочную скважину, уверяет, что однажды в детстве "сквозь плохо прикрытую дверь" сам слышал, как папа-антикоммунист уговаривал коммуниста Павленко. Правда, тот "жестко и даже грубо" оборвал агитатора. Вероятно, он догадывался о подлинной духовной сути литературного прилипалы и возмутился его лицемерием. Обожатель Временного правительства и западной демократии безропотно проглотил грубость: как же-с, ведь грубил не кто-нибудь, а депутат Верховного Совета, четырежды лауреат...

Гиппопотам — сын букашки?

Все это о Радзинском-старшем мы узнали из книги Радзинского-младшего "Сталин", которая и посвящена отцу-вдохновителю. И все это создает впечатляющий образ расторопной литературной букашки. Вот и спрашивают иные дотошные литературоведы в штатском:
308
мог ли у такой букашки родиться столь грандиозный литературный гиппопотам, способный написать книгу в 640 страниц? И приходят к выводу: никак не мог! И тут высказывается несколько версий, весьма стойких.

По одной из них Эдик — сын упоминавшегося Ганса Фриче, заместителя Геббельса по радио, с коим у него такое разительное портретное сходство. Говорят, в феврале 1935 года Фриче приезжал в Москву, интересовался

литературной жизнью, писателями, мог заинтересоваться и женами их. Как уже говорилось, жена Радзинского была уже далеко не молода, но, будучи маникюршей, она искусно владела всеми ухищрениями косметики и тонкостями макияжа и потому вполне могла ввести в заблуждение будущего заместителя Геббельса относительно свежести и сортности своих прелестей... И вот в результате этого знакомства 23 сентября 1936 года родился будущий гиппопотам драматургии. Как видим, он был немного недоноском. Ничего не подозревавший Станислав Адольфович хотел для маскировки своих западнических пристрастий дать младенцу русское имя, но мать, видимо, с тайной и нежной памятью о заезжем иностранце настояла на заграничном имени Эдвард. Такова одна версия пришествия гиппопотама.

По другой, не менее стойкой версии, дело было так. Жил-был известный всей литературной Москве милейший парикмахер-философ Моисей Михайлович Моргулис, имевший в Центральном Доме литераторов свой кабинетик. Иногда по вызову особенно заслуженных или престарелых литераторов он выезжал на дом. И вот однажды по адресу Старо-Пименовский переулок, дом 4-А, квартира 55, его вызвал пятидесятилетний Станислав Адольфович. Моисей — его все звали так даже в старости — что-то задержался. Радзинский не стал дожидаться и пошел в парикмахерскую недалеко от дома. Но вскоре Моисей, и нагрянул. Его встретила Розалинда Гавриловна. Одна. Старушка была по-домашнему неприбранна и не успела навести марафет, и ее возраст не составлял тайны для глаза, но Моисей был парень-хват и притом — геронтофил, т. е. как раз любитель старушек. Дальнейшее легко представить...

Конечно, может раздаться вопль: "Ложь! Клевета! Розалинда Гавриловна не могла! Не могла!.." Позвольте, а почему? Если, по легенде, которую на глазах миллионов так сладостно обсасывал Радзинский, могла в прошлом веке религиозная грузинка Екатерина, если в начале этого века могла русская революционерка Аллилуева,

мать Надежды, то почему же не могла в тридцатые годы московская еврейка-маникюрщица из литературной среды Розалинда Гавриловна? Ведь в эту пору и в этой среде нравы были куда как проще и вольготней...

Завтра. 1997. № 14, 16, 18

СТАЛИНИЗМУС УНД МЕРЦАЛИЗМУС

Удивительную книгу сочинили два доктора исторических наук, два профессора — А. Н. Мерцалов и Л. Н. Мерцалова. Называется она "Иной Жуков". Диво дивное, чудо чудное! Издана не так давно в Москве, а в каком издательстве — военная тайна. В аннотации сказано: "Миф о Жукове в камне, бронзе или на бумаге препятствует подлинно демократическому развитию РФ и других республик, составлявших СССР. Авторы книги предлагают иное решение ряда важнейших военно-теоретических и военно-исторических проблем". Это святая правда: книга кишмя кишит "иными решениями" самых разных проблем. Как сказал поэт, "что ни страница, то слон, то львица". Слон великих проблем, львица научного бесстрашия.

У руля военной истории

Стоит начать хотя бы с такого храброго заявления докторов-профессоров, сделанного в интересах, разумеется, подлинно демократического развития: "В подавляющем большинстве советские генералы не имели хорошего военного образования" (с. 28). Мы-то, простофили, не можем назвать хотя бы пяток наших

крупных военачальников времен Великой Отечественной войны, у кого за плечами не было бы Военной академии имени Фрунзе или Генерального штаба, а то и обе они. Ну, Жуков. Ну, Рокоссовский. Кто еще? Ей-ей, не знаем. А наши новаторы хотя вовсе не приводят имен, но, объявив наши сведения устаревшими, с какой убежденностью еще и добавляют: "У руля войны стояли бездарные люди" (с. 32). У руля войны!..

Развивая тему военных кадров, но почему-то не претендуя и здесь на "иное решение", сочинители уверяют, что, когда началась война, "лейтенанты повели батальоны, капитаны — полки!" (с. 32). Мы слышали это от

учителей наших авторов много-много раз, но до сих пор никто не назвал ни одного полка, которым бы командовал легендарный капитан. Да, нового тут ничего нет. Однако будем справедливы: надо иметь большую смелость, чтобы долдонить об этом доныне.

Читаем: "Представители Ставки просто мешали способным командующим" (с. 35). В доказательство дают примерчик: "Напомним лишь о конфликте Рокоссовского с Жуковым под Москвой" (с. 35). Очень свежо и убедительно! Только, в свою очередь не можем не напомнить профессорам, что в боях под Москвой генерал армии Жуков был не представителем Ставки, а командующим Западным фронтом, в который входила 16-я армия генерал-лейтенанта Рокоссовского. Неужели и сей факт безнадежно устарел?

Дальше — больше: "29 июля 1941 года Жуков по непонятным (!) причинам предложил Сталину усилить Центральный фронт и назначить командиром (!) фронта Ватутина, освободив Ефремова" (с. 70). В этом прозорливая чета, как никто раньше, видит крайне несправедливое отношение Жукова к Ефремову. Что ж, может быть. Как говорится, люди не ангелы, особенно на войне. Только хорошо бы учесть нашим историкам, что в ту пору "командиром" Центрального фронта был не генерал-лейтенант Ефремов, а генерал-полковник Кузнецов. Ну, конечно, факт этот не первой свежести.

А что касается "непонятных причин" усиления фронта, то они остались таковыми почему-то лишь для наших прогрессивных аналитиков. Вероятно, для сохранения в девственной нетронутости своего самобытного взгляда на историю Отечественной войны они просто не читали "Воспоминания" Жукова, где он довольно ясно писал о тех днях: "Наиболее слабым и опасным участком наших фронтов является Центральный фронт. Армии, прикрывающие направления на Унечу, Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта". Поэтому на вопрос Сталина, что он предлагает, Жуков ответил, что Центральному фронту надо передать не менее трех армий и "поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего" — Ватутина. Но Ватутин, кстати, назначен не был, а позже Кузнецова сменил именно Ефремов. Так что все было наоборот. Но это-то и дает право нашим буйным сочинителям считать себя учеными, пред-

лагающими "иные решения" известных проблем. И таким "решениям" в книге нет конца, притом одно увлекательней другого.

О тех же лицах читаем и дальше нечто новое: "После гибели Ватутина командующим 1-го Украинского фронта стал Жуков" (с. 68), который "пробыл на этой должности около месяца" (с. 34). А мы-то думали, что Жуков стал командующим не "после гибели" Ватутина, умершего от ран 15 апреля 1944 года, а сразу после его ранения 29 февраля, то есть на полтора месяца раньше, и пробыл в должности не "около месяца", а весь март, апрель и половину мая, то есть раза в три дольше. Нам говорят: "Пора забыть эти вымыслы сталинской пропаганды!"

Кому полезно набить морду?

Впрочем, нет, все-таки едва ли мы были правы в предположении, что Мерцаловы не читали книгу Жукова. Действительно, пишут же: "Если судить по воспоминаниям маршала, он пробыл в Ленинграде с 6 сентября по 10 октября 1941 года" (с. 46). Правда, там черным по белому написано: "9 сентября вместе с генерал-лейтенантом М. С. Хозиным и генерал-майором И. И. Федюнинским мы вылетели в блокированный Ленинград". И дальше: "10 сентября я вступил в командование Ленинградским фронтом". Наконец: "В Москву из Ленинграда прилетел 7 октября". Как видим, у Жукова все даты не те, что у профессоров. И тем не менее мы думаем, что книгу они читали. Просто при этом следовали своему новаторскому научному принципу: "Смотрю в книгу, а вижу фигу". Только и всего!

Тут же новаторы замечают: "Наши оппоненты лишены чувства юмора". И очень много делают бескорыстно для развития этого замечательного чувства, когда пишут, например: "Командующие были бесправны", а в доказательство приводят такой довод: "Они были обязаны один и даже несколько раз в день докладывать Сталину об обстановке" (с. 45). Как же не рассмеяться, если известно, что не только в боевой обстановке в дни войны, но и в мирное время нижестоящий начальник обязан регулярно докладывать вышестоящему об обстановке, и до сих пор еще никто не считал это ущемлением прав военачальника. Никто! Даже С. А. Ковалев, знаменитый защитник прав человека-демократа.

А кто из нормальных людей не захочет, узнав о твердом намерении авторов лишить наших крупнейших военачальников права считаться настоящими полководцами: "Жуков и другие советские генералы лишь с очень (!) большими (!) оговорками (!) могут быть названы полководцами" (с. 44). Это почему же? По причине малограмотности и бездарности, что ли? Оказывается, не только. А еще и потому, говорят, что у них не было всей полноты власти в стране. "Вся полнота власти — государственной, партийной, военной — находилась в руках Сталина" (с. 44). Правильно, не было. Но, с одной стороны, у немецких генералов Бока, Клюге, Рундштедта, Роммеля и всех остальных тоже не было ни государственной, ни партийной власти. Почему же профессора не лишают их права считаться полководцами? Несправедливо! С другой стороны, ведь не имели никакой государственной власти, допустим, и Румянцев-Задунайский, Суворов, Кутузов — над ними был царь. Значит, их тоже следует исключить из числа полководцев? Кто же тогда там остается — вавилонский царь Навуходоносор да французский император Наполеон, и только? Неужто доктора-профессора дошли до этого великого открытия своим собственным спаренным умом? Это ошеломляет...

Тут самое время сообщить, что Мерцаловы сочинили много подобных замечательных книг. Под их перо попали Жомини, Клаузевиц, Сталин. Вот теперь и Жуков... И где только эти книги не выходили! Даже к радости жителей республики Коми в их столице Сыктывкаре. Но особенно охотно наших историков издают, конечно, в Германии. Так, еще в 1993 году в Эссене было опубликовано грандиозное сочинение Мерцалова "Сталинизмус унд гитлеризмус". Это понятно. Ведь немало немцев, которым отрадно прочитать, например, о том, что Жуков вроде и полководцем-то не был, а сталинизмус — это то же самое, что гитлеризмус. Позже в Эдинбурге нашлись любители экзотики, издавшие мерцаловский капитальный труд "Крах сталинской дипломатии и стратегии". Тот самый крах, что увенчался знаменем Победы над рейхстагом и актом капитуляции Германии. Надо полагать, что подобные сочинения

неутомимых авторов будут и впредь охотно издавать на Западе ценители изящной российской словесности. Бесспорно, там найдет спрос и книга "Иной Жуков". Хотя бы потому, что в ней утверждается со всей решительностью, что сталинизмус
313
— это прежде всего невежество, авантюризм, Византийская страсть к роскоши, трусость и даже сквернословие (с. 8). А еще "Набить морду! — так требовал сам Сталин" (с. 65). Кому набить? Всем врагам Советского Союза. Может быть, и Мерцалову тоже. Словом, у сочинений этих корифеев прекрасное будущее.

Профессора за широкой спиной Кутузова

Однако пора сказать и о том, что в писаниях четы Мерцаловых многое ошарашивает и даже не поддается уразумению не только по причине их небывалого новаторства. Дело еще и в том, например, что в своих суждениях и оценках они то и дело лихо и беспощадно опровергают сами себя.

Так, с одной стороны, как мы уже знаем, они клянутся, что "советские генералы в подавляющем большинстве своем в отличие от генералов Гитлера и Черчилля не имели хорошего военного образования" (с. 28). Более того, генералы были просто малограмотны и бездарны (с. 32). Но, с другой стороны, профессора пишут, что нельзя "преуменьшать их способности", ибо именно эти малограмотные генералы "сыграли большую роль в прошедшей войне" (с. 36). Мерцаловы даже готовы назвать "десятки генералов", которые способны были "осуществить функцию" (!) Главнокомандующего (с. 32). И оказывается, что "по оценке многих специалистов, лучшую по замыслу и осуществлению операцию всей второй мировой войны" провели не широкообразованные и высокоталантливые генералы Гитлера или Черчилля, а бездарные генералы Сталина. Это операция "Багратион" (с. 40).

Кстати сказать, операция "Багратион" была проведена силами четырех фронтов: 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского, 2-го Белорусского и 1-го Белорусского. Ими соответственно командовали генерал армии И. Х. Баграмян, генерал-полковник И. Д. Черняховский, генерал-полковник Г. Ф. Захаров и генерал армии К. К. Рокоссовский. Основная роль в разработке плана операции и ее проведении принадлежала последнему. Но он, между прочим, был самый малограмотный из четырех: коллеги Рокоссовского окончили военные академии, Баграмян и Захаров даже две, а он, как, впрочем, и Жуков, ни в какой академии не учился, а только на курсах
314
усовершенствования, правда хотя и задолго до войны, но дважды — в 1925 и 1929 годах. Вот загадка для новаторских голов!..

Конкретно о Сталине профессора изрекли: "невежественный в военном деле диктатор" (с. 28), мы победили в войне вовсе не благодаря кое в чем его руководству, а решительно вопреки ему (с. 79). Здорово! Однако в другом месте той же книги авторы признаются: "Мы не отрицаем определенной положительной роли Сталина" (с. 16). Ну какую такую положительную роль может четыре года войны играть руководитель-невежда! Тем более что руководил он не только армией, но и партией, и всей страной. Это ж не рядовой солдат, который, будучи и невеждой, может стрелять, бить, колоть. Но у профессоров увесистый аргумент. Дело в том, многозначительно говорят они, что личные интересы Сталина в 1939—1945 годах "кое в чем совпадали с народными". Только личные! Какая новизна взгляда! Я не знаю других философов, которые поднялись бы на такую высоту шкурной мысли. Но и этот свежайший, как редиска с грядки, взгляд профессора в дальнейшем опровергают, заявив, что если бы немцы захватили

Москву, то "опасность для Сталина едва ли была бы так велика" (с. 51). Для москвичей, для народа опасность была велика, а для него — едва ли. Поэтому, дескать, он и не покидал столицу в самые критические дни. О, эта мысль достойна Солженицына, Радзинского и Резуна, взятых вместе. Но ведь она-то и опровергает утверждение о том, что личные интересы Сталина тогда совпадали с народными. А?

И потом вопрос: почему же все-таки нашему Главнокомандующему захват немцами Москвы едва ли был опасен, а немецкому наше взятие Берлина было так опасно, что он предпочел ампулу с ядом и пулю в лоб?..

Раз уж мы коснулись Москвы, ее роли и значения в войне, то нельзя умолчать о совершенно новом взгляде Мерцаловых и на это. Они считают, что Ленинград сдавать было нельзя, поскольку "согласно приказу Гитлера, были бы уничтожены и население, и город" (с. 54). А Москву, оказывается, вполне можно было сдать. "Мы не считаем, — пишут стратеги, — что Москву нужно было "спасать" в любом случае". Это почему же? Довод у них, как всегда, убойный: "Сдал же ее в свое время Кутузов". Правильно, сдал. Но позволим себе заметить новаторам: к тому времени Москва уже сто лет не была

315

столицей. Кроме того, опыт второй мировой войны показал, что после падения столиц — Варшавы, Парижа, Осло — страны капитулировали. И наконец, неужели неведомо аналитикам, что Москве Гитлер готовил точно такую же судьбу, что и Ленинграду? Всем известный генерал Гальдер 8 июля 1941 года, в дни бешеного успеха немцев, записал в дневнике: "Неколебимо решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей". По некоторым данным, был и запасной вариант: затопить водой. Видимо, Мерцаловы не понимают, что этой воды хватило бы и для них персонально вместе с их новаторскими идеями.

Поход в баню как военная операция

Но вернемся к вопросу о наших полководцах. Оказывается, их "основными чертами были некомпетентность, авантюризм" (с. 45), "первобытный способ, примитивные методы ведения войны" (с. 61). Ни о какой их значительности, тем более "ни о каком величии сталинских полководцев не может быть и речи" (с. 37). Возможно, кто-то уже изготовился поверить. Но вот что пишут наши ученые в другом месте по вопросу о том самом "величии", волнующем их: "Великий полководец добивается успеха именно вопреки неблагоприятным обстоятельствам (мощь противника, условия вступления в войну и др.)" (с. 43). Совершенно верно! Но ведь как раз так в конечном итоге и добились успеха, а потом и великой победы наши полководцы. Вопреки многочисленным и крайне неблагоприятным обстоятельствам: враг превосходил нас и уже собранной в кулак силой, и почти двухлетним опытом боевых действий, и ресурсами едва ли не всей Европы, и на него работал мощный фактор внезапности. Да что там говорить, если ему было уже рукой подать до нашей столицы!..

Но наши новаторы не унимаются: "В чем же Сталин и Жуков превзошли противника?" От такого вопроса просто обалдеваешь! Как это в чем? Да во всем! Разбили врага в пух и прах, вышвырнули с нашей земли, взяли его столицу, водрузили свое красное знамя над рейхстагом, заставили его подписать акт о безоговорочной капитуляции. Какие еще могут быть свидетельства превосходства и победы? Но для Мерцаловых все это не имеет абсолютно никакого значения. У них куча контрдоводов: "В чем

316

превзошли?.. Год с лишним бездарных провалов и катастрофических поражений, затем два года с лишним кровопролитных наступательных операций. Что можно

записать в актив Сталина и Жукова?" Умственный уровень, который здесь демонстрируется, право, заставляет усомниться в том, что человек — венец творения.

Разоблачители наших полководцев особенно налегают на то, что операции-то, оказывается, были кровопролитными. Они уверены: "военные операции могут быть проведены без жертв" (с. 57). Вообще-то, верно, если под военной операцией разуметь, допустим, поход солдат в баню или "осмотр на вшивость" — тут, пожалуй, можно без единой жертвы. Но они-то имеют в виду не только это, а еще и такие операции, как, например, взятие Берлина. Это уж такое новаторство, что хоть святых выноси...

Но профессора жмут без оглядки дальше: "Что записать в актив?.. Катастрофу вермахта на Волге? Но ведь еще большие поражения потерпела РККА в период отступления (1941—1942)!" И тут же наставительно объявляют: "Заметим, что разработанный еще Жомини метод сравнительного анализа недоступен современной российской историографии". А им, видите ли, доступен, как зубная щетка перед сном. И с помощью этого метода (впрочем, известного со времен "Сравнительных жизнеописаний" Плутарха), на свой салтык приспособив его, новаторы уподобили войну футболу, где для результата игры безразлично, когда забит гол. И у них получается, что счет матча под названием Великая Отечественная война был ничейным, допустим 3:3 или 5:5. Немцы, скажем, выиграли приграничные сражения, Смоленское, под Вязьмой, Харьковом, в Крыму — это их "голы" в наши ворота. А наши "голы" — победы под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, под Ленинградом, взятие Берлина. Да, с помощью такого употребления метода сравнительного анализа вполне можно доказать, что победителя в войне не было.

При всей резвости ума новаторам почему-то не приходит в голову мысль, что сравнивать-то надо не только "голы", а, главным образом, то, что произошло потом — после наших неудач 1941—1942 годов и после Сталинградской катастрофы немцев. А произошло нечто весьма примечательное. Мы после наших действительно больших поражений оправились, собрались с силами, захватили инициативу, перешли в наступление и, громя захватчиков, устраивая им многочисленные котлы, дотопали до Берли-

на. А немцы после Сталинграда уже не пришли в себя, сломались, не провели с успехом уже ни одной крупной наступательной операции, а только пятились да пятились до самого рейхстага. Так что, новаторы, есть разница? Интересно, что на это ответили бы Плутарх и Жомини. Но Мерцаловы не унывают, они совершенствуют свой метод и от футбольных уподоблений переходят к легкоатлетическим, к сравнению войны со спортивной ходьбой: "Вермахт шел до Волги и Кавказа год, а наша армия до Эльбы — более двух лет" (с. 40). Точно подмечено! Однако, увы, приходится признать, что здесь наши мыслители выступают не как новаторы, а как плагиаторы.

Гитлер против Солженицына, друга Мерцаловых

Дело в том, что лет семь-восемь тому назад появился американско-демократический фильм о Сталине под названием не то "Монстр", не то "Минотавр", не то "Аллигатор". На американские деньги его поставил какой-то Иванкин, автор сценария — некий Новогрудский. Там устами Смоктуновского возвещалось: "Немцам, чтобы дойти до Москвы, потребовалось три месяца, а советские солдаты шли до Берлина четыре года!" Какой, мол, позор! Проиграла Красная Армия вермахту соревнование по спортивной ходьбе на длинную дистанцию. До этого не могли додуматься ни Геббельс, ни один немецкий генерал

в своих мемуарах. Такое способны измыслить только взращенные на наших хлебах новогрудские.

Хоть бы уж сообразили-то, что "дистанции" оказались далеко не равными. Фашисты начали свое тщательно подготовленное вторжение не из-под Берлина, а с Буга. Нам же, начавшим наступать из-под Москвы, еще предстояло пройти с боями территорию Польши и Восточной Германии, хорошо подготовленную за пять лет к обороне. Так что наш путь от столицы до столицы оказался раза в полтора длиннее. Уж не говорю о том, что результатец-то нашего похода был совсем иной, чем у Гитлера.

Хотя Мерцаловы объявили себя великими новаторами, но, увы, у них есть предшественники, и не только Новогрудский. Самый известный из них — Солженицын, который сейчас божится, что всю жизнь был чистым художником, и никем больше. Он уверяет, что в сорок

318

первом году Красная Армия драпала со скоростью 120 километров в сутки. И ведь многие верят! Хотя могли бы сообразить, что в таком случае уже 1—2 июля немцы были бы под Москвой или, как Наполеон, в самой столице. Но читатели говорят: "Как можно не верить нобелевскому лауреату!" Им отвечаешь: "Да ведь лауреат на войну-то попал только весной сорок третьего года, ни сорок первого, ни сорок второго своими глазами на фронте не видел". А они опять: "Как можно-с... Шведская академия!.."

И вот наконец не выдержал и выступил против лауреата сам Гитлер. На одном военном совещании в декабре 1944 года, когда Солженицын на своей батарее звуковой разведки кровь мешками проливал, рассуждая о немецких танковых войсках и пехоте, Гитлер сказал: "Теоретически, конечно, танки могут преодолевать по 100 километров в сутки и даже по 150, если местность благоприятная". Но, как известно, теория и практика не всегда совпадают, и дальше, имея в виду именно теоретика Солженицына, главнокомандующий вермахта закончил свою мысль так: "Я не помню ни одной наступательной операции, в которой мы — хотя бы в течение двух-трех дней — преодолевали по 50—60 километров". Ни одной! А уж он-то знал. И дальше: "Нет, как правило, темп продвижения танковых дивизий к концу операции едва превышал скорость пехотных соединений". Вот ведь какая интересная картина! Сам Гитлер умоляет Солженицына и его выучеников: "Друзья! Ну не позорьте вы меня и моих генералов больше, чем они уже опозорены. Перестаньте, пожалуйста, брехать, заткнитесь со своими полоумными подсчетами!"

Тогда же, выразив досаду по поводу того, что немецкое наступление против союзников в Арденнах "развивалось не так стремительно, как нам этого хотелось бы", Гитлер признал: "Нужно в этой области учиться у русских". Приведя далее цифры, из коих следует, как успешно действует наша армия малым числом против превосходящих сил немцев, он повторил: "У русских действительно есть чему поучиться". Но, увы, было уже поздно...

Правда, честное и горькое признание не помешало фюреру буквально через несколько дней, 9 января 1945 года, на совещании в ставке, сопоставляя действия немецкого командования в сорок первом году с действиями нашего командования в сорок пятом, сбрехнуть: "Мы за короткое время парализовали их коммуникации. А противник на это не способен. У них нет организующего

319

начала, нет вообще никакой организации людей". Жаль, что на совещании не присутствовали теоретики Мерцаловы и их друзья, — они при этих словах разразились бы бешеными аплодисментами. Но не таков был генерал Гудериан, отменный практик войны, ставший незадолго до этого начальником генерального штаба сухопутных войск. Он тотчас увидел в словах своего главнокомандующего

о неспособности русских самоуспокоительную ложь и решительно возразил: "Они распоряжаются отлично. Их люди в Венгрии (там у озера Балатон тогда шли ожесточенные бои. — *В. Б.)* организуют дело хорошо и очень быстро". И тут произошла любопытнейшая вещь: под первым же напором реальных фактов Гитлер в противоположность Мерцаловым тотчас капитулировал и в ответ на реплику начштаба ни с того ни с сего восторженно воскликнул: "А как они выстояли в критический момент!.." Видимо, этими словами Гитлер хотел выразить согласие с Гудерианом, даже поощрить за трезвость и смелость суждения, но — несколько окольным путем. Однако быстроумный начштаба тотчас уловил недобросовестность маневра фюрера: действительно, при чем здесь стойкость русских, когда речь идет о их организаторских способностях и умении наступать? И генерал, решительно отстранив замаскированное заискивание фюрера, продолжал твердить свое: "Они распоряжаются очень энергично, действуют очень быстро и очень решительно. Это надо признать". Это был уже прямой, хотя и безымянный упрек. И что же Гитлер? В противоположность Мерцаловым он неплохо соображал и сразу выразил согласие именно по данному пункту, сделав вид, будто его просто не поняли: "Поэтому, Гудериан, я настаиваю, чтобы мы шевелились побыстрее". Иначе говоря, немного побрыкавшись, фюрер опять призвал учиться у русских.

По воспоминаниям Артура Аксмана, деятеля "Гитлерюгенда", одного из самых близких к Гитлеру в последние дни людей, фюрер сказал ему накануне самоубийства: "Мы не сумели оценить силу русских и все еще мерили их на старый лад".

Как жаль, что при этом не присутствовали Мерцаловы! Могли бы кое-чему поучиться у Гитлера.

Правда-пять. 1998. 11 июня 320

ЧУДЕСА В ТЫЛУ, НА ФРОНТЕ И В ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

Каждый раз в очередную годовщину начала Великой Отечественной войны и Дня Победы появляются косяки публикаций, из которых мы узнаем пропасть нового, невероятного, а то и загадочного, словом, поистине захватывающего и о самой войне, и о том, что так или иначе связано с ней. Это мы видим и ныне.

Посол Шуленбург на крючке капитана Рясного

Например, РИА "Новости" распространило статью Владимира Боженкова "О дате нападения было известно заранее". По словам автора, в ней использованы "новейшие данные рассекреченных материалов". Интересно!.. И вот читаем хотя бы такое: "НКГБ смог представить Сталину подробную информацию о неофициальных разговорах немецкого посла Вернера фон Шуленбурга в его резидентуре". И сразу загадка: как это — "в резидентуре"? Есть слово "резиденция" — место (здание) постоянного пребывания того или иного высокопоставленного лица. Есть слово "резидент", оно имеет несколько значений, но в контексте данной публикации это иностранный разведчик, действующий в интересах своего государства в определенном районе чужого. А резидентура — это, так сказать, совокупность всех резидентов в чужой стране, их сеть. Как же мог посол говорить "в его резидентуре"? Как видно, автор думает, что "резиденция" и "резидентура" это одно и то же. Тут же возникает новая загадка: если не различаешь такие слова, то что заставляет тебя писать о резидентах?

Но читателя больше интересует, конечно, каким образом наши чекисты добывали "подробную информацию" о разговорах Шуленбурга. Даже не информацию, как выясняется дальше, а сами разговоры, их живую запись на

пленку. Разумеется, посредством подслушивающих устройств, установленных в резиденции посла. А разве до войны уже были эти "жучки" да "блошки" с булавочную головку? В. Боженков уверяет, что были. Ну ладно. И как же удалось установить их в кабинете посла? О, это невероятная операция! "Контрразведчикам подразделения капитана В. Рясного надо было выманить
321
из дома весь находившийся в нем персонал. И они с этим справились!" — радостно сообщает автор. Да как же, черт возьми, удалось выманить сразу всех, какой цацкой? Ну это пока не рассекречено, пока военная тайна. Еще может пригодиться, если вдруг допрет до Ельцина, что, допустим, хорошо бы восстановить систему подслушивания в посольстве США, которую за здорово живешь выдал американцам сановный обалдуй Бакатин.

Я лично вполне допускаю такой вариант. 30 апреля, скажем, 1940 или даже 1941 года капитан Рясной явился в германское посольство, собрал весь персонал и сказал такую речь: "Ну что вы сидите тут, фашистское отродье, преете над своими планами завоевания России. Все равно ваше дело тухлое. Вас ждут разгром под Москвой, побоище под Сталинградом и безоговорочная капитуляция. А у нас завтра первомайская демонстрация. Так что бросайте-ка вы свои планы и айда завтра с москвичами на Красную площадь!" Немцы дружно закричали: "Зиг-хайль! Зиг-хайль!" И назавтра все до единого дружно явились на демонстрацию. А Рясному только этого и надо. Его люди тотчас через печную трубу проникли в посольство и беспрепятственно насажали там этих "жучков" видимо-невидимо.

Между прочим, автор уверяет, что в этой довоенной операции по выманиванию из германского посольства всего персонала и установке там "жучков" активно участвовал будущий Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Уже тогда он выступал под именем Пауля Зиберта, командированного в Россию немецкого инженера. Тут, во-первых, не совсем ясно, перед кем же легендарный Кузнецов выступал в Москве под немецким именем. Во-вторых, по нашим давно рассекреченным сведениям, он в ту пору, окончив в Свердловске индустриальный институт, там и жил, а не в Москве.

"Еще сложнее, — продолжает В. Боженков, — обстояло дело со зданием, в котором размещался военный атташе Кестринг: оно постоянно охранялось". То есть как это: атташе охранялся, а посольство не охранялось, что ли? Загадка... Как туда проникнуть? Придумали устроить "в прилегающем доме" аварию канализационной трубы, и во время фальшивых ремонтных работ чекисты, видимо, по этой самой трубе сумели проникнуть в подвал немецкого особняка, а оттуда — в кабинет Кестринга, где и установили подслушивающие микрофоны". Видимо, из подвала был прямой ход в кабинет. Прекрасно! Но что же
322
на этот раз ни слова о персонале? Его тоже выманили на демонстрацию или не потребовалось? Если нет, то почему? Опять тайна! Или еще не время раскрывать и эту?

Загадка плана "Барбаросса"

Много увлекательного сообщает нам автор о плане немецкой агрессии против СССР: "18 декабря 1940 года Гитлер подписал секретную директиву, известную как план "Барбаросса". Отпечатан план был всего в нескольких экземплярах, и почти все они хранились в его сейфе". Это зачем же? Ведь всякий план составляется не для музея, а для того, чтобы его выполнять, поэтому люди, которым это предстоит, должны получить его, проштудировать и начать подготовку к выполнению. Давно несекретные сведения, которыми на сей счет располагаем мы, право, гораздо более правдоподобны. По ним план "Барбаросса"

("Fall Barbarossa") был изготовлен в девяти экземплярах, из которых три были переданы именно тем, кому предстояло его выполнять: главнокомандующим сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, остальные экземпляры хранились не у Гитлера в сейфе, а в штабе ОКВ (верховного главнокомандования вермахта)*.

Известно, что Гитлер заявил в свое время: "Я не повторю ошибки Наполеона. Когда пойду на Москву, я выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы"**. Как видно, Гитлер не понимал, в чем состояла ошибка Наполеона: ведь он достиг Москвы в самом начале сентября, когда зимой и не пахло. Зима настигла его не тогда, когда он шел к Москве, а когда отступал, она лишь довершила его крах. Главная ошибка Наполеона состояла в том, что он не знал России, не знал русского народа. Как не знал и не мог постичь Гитлер, который незадолго до самоубийства сказал: "Мы распахнули дверь и не знали, что за ней находится". А ведь как тщательно готовились!..

Известно, что первоначально дата нападения была назначена на 15 мая, но в самом конце апреля она была перенесена на 22 июня. И это было сделано не с бух-

* История второй мировой войны. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. С. 235.

** Там же.

ты-барахты, не по наитию, а после тщательного взвешивания всех обстоятельств, в частности, надо было дать время, чтобы отдохнули и успели прибыть к нашим границам войска, принимавшие участие в агрессии против Югославии и Греции.

Читаем дальше и все больше глазам не верим. Господи, чего только нет в новейших рассекреченных документах, которые В. Боженков почему-то ни разу не называет! Оказывается, что и "само название — план "Барбаросса"

— появилось на свет уже после войны". Где появилось? Кто явил? Неизвестно. Но все равно увлекательно и непонятно. В самом деле, план нападения Германии 1 сентября 1939 года на Польшу имел кодовое название "Вайс", план агрессии 9 апреля 1940 года на Данию и Норвегию назывался "Везерюбунг", нападения 10 мая 1940 года на Голландию, Бельгию и Францию — "Гельб", на Англию — "Зеелеве", на Грецию — "Марита", на Крит — "Меркурий" и т. д. Словом, все фашистские агрессии получали кодовое название заранее, при выработке плана, а вот агрессии против СССР кто-то дал имечко лишь после ее полного краха и смерти. Да почему же, если ведь и отдельные операции против нас немцы так или иначе кодировали, например "Тайфун", "Цитадель" и т. д.

И откуда в таком случае мы на фронте знали про план "Барбаросса"? Ведь никто из нас не присутствовал, допустим, на совещании в Берхтесгадене 3 февраля 1941 года, когда Гитлер, такой же любитель роковых зрелищ, как Нерон, в предвкушении великого эффекта заявил: "Когда начнется осуществление плана "Барбаросса", мир затаит дыхание и замрет"*. Никто из нас, фронтовиков, не читал тогда и директиву ОКВ от 15 февраля 1941 года по дезинформации, где говорилось: "Цель дезинформации состоит в том, чтобы скрыть подготовку к операции "Барбаросса". Эта главная цель и должна лечь в основу всех мероприятий по дезинформации противника"**. Наконец, никто из нас не держал в руках и директиву ОКВ № 32, которая называлась не как-нибудь, а "Подготовка к периоду после осуществления плана "Барбаросса", и была разослана главнокомандующим родами войск 11 июня 1941 года***. Да, никто не присутствовал в Бер-

* История второй мировой войны. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. С. 239.

**Тамже. С. 241.

*** Там же. С. 242.

хтесгадене, никто не читал, не держал в руках названные директивы, а о плане

"Барбаросса" знали! Вот загадка... Но что говорить о загадках в писаниях рядовых журналистов, если гораздо больше тайн, странностей, удивительных заявлений, относящихся к предвоенному времени и к эпохе Великой Отечественной войны, обрушивают на нас авторы, коих мы чуть не ежедневно лицезрим на экранах наших телевизоров.

Сталин спорит с Энгельсом

Очень известный политический деятель, говоря о культурной политике и патриотическом воспитании в предвоенные годы, не так давно со страниц весьма престижной газеты уверенно заявил: "Повторю еще раз: попытка принизить все (!) в дореволюционной российской истории была одной из грубейших ошибок". И привел такой пример этого: "О Пушкине как о великом русском поэте заговорили только в начале 30-х годов". У этого политика есть советники, помощники, консультанты, даже какие-то аналитические центры. За что они получают зарплату, если никто не подсказал, что попытка принизить Россию была, и не одна, но если говорить о Пушкине, то не в двадцатые годы, а еще задолго до революции, например, появились глумливые статьи Писарева о великом поэте, и всего за несколько лет до нее раздавались безумные призывы: "Сбросить Пушкина и Достоевского с парохода современности!" А после-то революции ничто подобное было просто невозможно. Даже самый большой бунтарь, прозрев, почтительнейше склонял голову у памятника поэту и просил:

Александр Сергеевич! Разрешите представиться:
Маяковский. Дайте руку! Вот грудная клетка...

А ведь это было еще до тридцатых годов.

Но уважаемый товарищ стоит на своем и продолжает в том же самом духе: "Сталин вспомнил об истории наших предков и наших славных полководцев только тогда, когда Гитлер подошел к стенам Москвы". Ну, во-первых, ближе чем на 27 километров (поселок Красная Поляна) Гитлер "к стенам Москвы" не подошел. А во-вторых, неужто советники да консультанты и слыхом не слыхивали хотя бы про записку Сталина "О статье

Энгельса "Внешняя политика русского царизма". 19 июля 1934 года эта записка была разослана членам Политбюро и, в сущности, имела директивное значение. В ней корректно, но жестко автор дал отпор оскорбительным выдумкам о нашей истории. Это патриотическое выступление Генсека ЦК ВКП(б) против классика марксизма № 2 можно понять и оценить только в контексте того времени. Позже записка была опубликована в журнале "Большевик" № 9 за май 1941 года, когда никакой Гитлер "у стен Москвы" не стоял.

Но автор продолжает именно о тех днях, о декабре 1941 года: "В какие-то немыслимо короткие сроки были поставлены прекрасные спектакли и фильмы об Александре Невском, Дм. Донском, о Куликовской битве. Тем самым удалось оживить в народе историческую память". А до этого историческая память русского народа была, видите ли, мертва. После таких открытий я бы всех советников просто разогнал. В самом деле, ведь, например, знаменитый фильм "Александр Невский" Сергея Эйзенштейна был поставлен не в немыслимой спешке декабря 41-го года, а в "спокойном" 1938-м, не менее великолепная картина Владимира Петрова "Петр Первый" вышла еще раньше. В довоенную пору появились и "Петр Первый" Алексея Толстого, и "Севастопольская страда" Сергеева-Ценского, и "Дмитрий Донской" Сергея Бородина, и поэмы "Ледовое побоище" и "Суворов" Константина Симонова, и пьеса "Фельдмаршал Кутузов"

Владимира Соловьева, и многое другое в этом же роде. Так что нет, не спали художники и не спали руководители страны, коммунисты, как спят или хлопают ушами нынешние.

Я уж не говорю о таких выдающихся явлениях советской и мировой литературы довоенной поры, посвященных недавнему историческому прошлому народа, как романы "Тихий Дон" Шолохова, "Хождение по мукам" Толстого, "Как закалялась сталь" Островского. И этого ряда произведения о прошлом говорили о любви к Родине, воспитывали граждан своего Отечества. И все они издавались огромными тиражами, читатели, зрители имели свободный и широкий доступ к ним, а их создатели получали не рахитичные подачки Букера или Сороса в заморских долларах, что тогда и в голову никому не могло прийти, они получали почетные звания, ордена и весомые Сталинские премии в 50—100—200 тысяч родных русских рублей, что по тем временам было весьма
326
неплохо. Нет, коммунисты хорошо знали, какое искусство надо поощрять в интересах народа, страны, и умели это делать.

Когда народ пошел за Сталиным?

Но самое удивительное вот: "Давайте вспомним: когда фашист припер народ к московской стенке (все-то ему стенка мерещится! — *В. Б.),* даже Сталин вызвал всех (!) священнослужителей и сказал: "Что будем делать?" Нет, я поспешил с его советниками: их надо бы не разогнать, а под суд отдать за невежество и злоупотребление служебным положением.

Действительно, во-первых, Сталин, разумеется, не вызвал священнослужителей, как наш политический деятель вызывает своих консультантов, а пригласил. Во-вторых, пригласил для беседы конечно же не всех, а лишь трех высших иерархов во главе с митрополитом Сергием, будущим патриархом. Ну, а главное, как могла прийти человеку в голову мысль, что в декабре 1941 года у Сталина других дел не было или ничего другого не оставалось, как только вести такие беседы? Давно опубликован Журнал посещений кабинета Сталина в Кремле. Так приказал бы своим советникам хоть туда заглянуть, что ли...

Но что дальше? Слушайте: "Затем все (все священнослужители во главе с товарищем Сталиным, так? — *В. Б.)* отслужили молебен по Сталинградской битве и по многим другим нашим победам". Это несколько загадочно, ибо тогда в пору было молиться о победе под Москвой, а Сталинградской битвой в те дни и не пахло. Но это мелочи. Судя по всему, автора надо понимать в том смысле, что вот эта молитва при участии товарища Сталина и принесла нам победу. И остается лишь горько сожалеть, что шибко припоздали с такой молитвой. Хорошо бы вознести ее, скажем, 21 июня 1941 года. Тогда, надо полагать, враг вообще не ступил бы в пределы нашего Отечества. Только, как видно, тогда, в декабре, молились не слишком усердно и истово, ибо вскоре немцы все-таки дорвались до Волги и до Эльбруса, истребляя на своем пути великое множество советских людей, разрушая города и села.

Далее автор разъясняет нам, что в те дни вокруг Сталина сплотились не одни только клирики. И вот как
327
это произошло: "Сталин обратился к народу, как исстари водилось на Руси: "Братья и сестры!" И ему поверили, за ним пошли". Да неужто благодаря одному только такому обращению и поверили, только потому и пошли? А за кем же до этого после смерти Ленина шли — за Троцким, что ли, а потом за Бухариным или Кагановичем? Непонятно... Но, между прочим, свою великую речь Сталин начал

так: "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!" Только он мог найти такие слова. Но первым среди них было слово "товарищи".

Кто ближе к Богу?

Мощным дополнением и дальнейшим развитием идей вышеназванной публикации явилась совсем недавняя статья Юрия Юрьева в одной тоже весьма патриотической газете, озаглавленная "Победа минувшая и грядущая". Тут тоже есть над чем подумать и приужаснуться. Да и сам автор призывает: "Задумаемся..."

Прежде всего я невольно задумался, почему такой выдающийся патриот глуховат к родному слову и язык его статьи оказался вульгарной смесью высоких церковных речений с замусоленными оборотцами газетно-телевизионного трепа в духе Сванидзе или Шараповой: "отразить точку зрения на данный вопрос"... "позиция, спроецированная на настоящее время, показывает"... "ведется активный поиск ответа"... "в качестве ответа используют аргумент"... "план быстрой победоносной войны вступал в свою завершающую стадию"... "из стадии молниеносного удара, не достигшего своей цели, война перешла в стадию позиционного противостояния"... "из окон электричек можно видеть надписи на заборах типа (!): "КПСС воспитала из народа мусор" и т. п. Порой, как увидим дальше, автор употребляет просто не те слова, что требуются по смыслу.

Из последней цитаты я понял, что мы с Ю. Юрьевым ездим по разным дорогам. Я вижу надписи совсем другого "типа", например: "Банду Ельцина под суд!" Или: "Е.Б.Н. — могильщик России" и т. п. Да, конечно, мы ездили и будем ездить по разным дорогам. Причем вдоль своей дороги Юрьев сам малюет на заборах надписи такого "типа" и нравственного уровня: "Советский народ участвовал в безбожных пятилетках". А я сам вместе со

всем моим народом участвовал в этих пятилетках, и мне, еще и участнику войны, хорошо известно, где был бы сейчас патриот Юрьев со своими размышлизмами о войне и Победе без наших "безбожных пятилеток". Кстати замечу, что советские пятилетние планы, пятилетки — это прежде всего не что иное, как труд, работа в поте лица своего. А ведь, как известно, Бог труды любит. Так кто же, спрашивается, ближе к Богу: народ-труженик (и я вместе с ним) или Юрьев, злобно клеймящий наш тяжкий труд на благо Отечества? Задумайся, мыслитель...

Но перейдем к главному. Автор пишет, что есть, мол, такая "точка зрения": "Путем (!) героических усилий в тылу и на фронте победу совершил (!) сам наш Великий народ". И столь же косноязычно продолжает: "В последнее время к этому добавились (!) еще демократические "блуждания"(?) по поводу того, что это (что? — *В. Б.)* случайность или что лучше бы мы проиграли немцам". Несмотря на убожество языка, понять-то все-таки можно: подлые и скудоумные сожаления нынешних смердяковских выродков по поводу нашей Победы над фашизмом и оккупацией Юрьев считает закономерным "добавлением" к пониманию Победы как дела рук всего советского народа, ставит обе "точки зрения" на одну доску. И при этом объявляет, что считать народ творцом Победы "свойственно нехристианской части нашего общества".

Что значит "нехристианской" — мусульманской, буддийской и иудейской? Ведь именно так надо понимать, исходя из прямого смысла употребленного автором слова. Нет! Из дальнейшего видно, что у него просто не то словцо с языка слетело: хотел сказать "атеистическая часть", а брякнул "нехристианская". Но это же разные вещи! И вот, будучи глухим к родной речи, путаясь в основополагающих церковно-религиозных понятиях, человек пускается в

рассуждения о русском народе, о Победе, о Боге. Впрочем, дело у него вовсе не в народе...

На подхвате у немецких историков и генералов

Оказывается, как повествует сочинитель, важнейшую, да нет, решающую роль в войне сыграл митрополит гор Ливанских (он же патриарх Антиохийский) по имени Илия.

329

Когда началась война, Небеса, обеспокоенные судьбой социализма, почему-то именно его избрали наставником советского руководства. И он из глубины Ливанских гор стал посылать Сталину письма и телеграммы, что и как надо делать. Эти мудрые наставления, говорят, хранятся в архивах. В каких — до сих пор военная тайна. Сталин, надо полагать, отвечал патриарху-митрополиту. Ах, как интересно! Издана переписка Сталина за время войны с Рузвельтом и с Черчиллем. Вот бы дополнить ее томиком переписки с Илией!

Цитат из посланий спасителя России автор не приводит ни одной, но охотно рассказывает, о чем именно они были, какие имели последствия. Так, надо полагать, сразу после получения первой телеграммы "Сталин вызвал (другого они вообразить себе не могут. — *В. Б.)* митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), митрополита Сергия (Старгородского) и обещал исполнить все, что передал митрополит Илия, ибо не видел больше никакой возможности спасти положение... В это время враг подходил к Москве". Что ж, это кое в чем совпадает с тем, что мы уже знаем по рассказу предыдущего автора. Только нельзя не заметить, что, во-первых, фамилия митрополита Сергия была не Старгородский, а Страгородский, что подвижнику православия следовало бы знать. Тем более что ведь вскоре после знаменательной встречи со Сталиным состоялся Архиерейский собор, на котором митрополита Сергия избрали патриархом. Во-вторых, в ту пору, когда немцы рвались к Москве, т. е. в ноябре—декабре 1941 года, Алексий, тоже будущий патриарх, еще не был митрополитом Ленинградским, од стал им в 1943 году. Именно тогда, а не в сорок первом, и состоялась встреча Сталина с иерархами церкви. Словом, опять мы видим у нашего автора неряшливость, путаницу, незнание фактов, и нет этому конца. Перекрестился бы, прежде чем перо в руки брать. Авось помогло бы... Итак, "враг подходил к Москве. За его плечами — огромные пространства России, огромное количество убитых солдат Красной Армии, уничтоженной техники. Перед ним Москва с защищающим ее бесстрашным, но малочисленным войском, с горсткой храбрецов, которая могла встать на пути армады". Что же делать? Илия телеграфирует, видимо, с пометкой "срочно": надо совершить крестный ход с Тихвинской иконой Божьей Матери "вокруг позиций Москвы". Выражение "вокруг позиций" не совсем понятно, но это простительно человеку, обрета-

330

ющемуся во глубине Ливанских гор. Сталин его понял и дал разрешение на крестный ход. Но тех, кто должен был это сделать, несмотря на отчаянность положения, остановила "невероятная слякость": "стояла редкая для зимы оттепель..." Тогда, сообщается нам, чудотворная икона была обнесена вокруг столицы на самолете "По-2". Вообще-то говоря, этот самолет тогда назывался "У-2", только в 1944 году после смерти Героя Социалистического Труда конструктора Н. Н. Поликарпова он стал "По-2" — в честь своего создателя. Но важнее другое: неужели история не сохранила имена если уж не тех, кого испугала слякость, то хотя бы имя бесстрашного летчика. Ведь в те дни облететь на утлом "У-2" на глазах у немцев "вокруг позиций Москвы" было ох как не просто!

"Сразу после воздушного крестного хода, — сообщает Юрьев, — ударили морозы, да такой невиданной силы, что встала не только бронетехника врага, клинило даже затворы. Главная сила немцев была "заморожена". Состояние живой силы противника в одночасье стало плачевным. Исход битвы за Москву был решен..." Замечательно! Великолепно! Потрясающе!.. Но, черт возьми, где-то уже давно мы читали об этом. И уже тогда сильно недоумевали.

Во-первых, доподлинно было известно, что да, за плечами у захватчиков остались "огромные пространства" России, но правдой было и то, что эти пространства оказались густо усеянными как трупами оккупантов, так и их разбитой техникой. В ходе наступления только на Москву вермахт потерял более 500 тысяч солдат и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 000 автомашин и много другой техники. Так что хотя действительно был момент, когда силы защитников столицы были невелики, но и у немцев иссякли силы для нового удара, для очередного броска.

Во-вторых, да, мороз был отменный, но почему же ударил он только по немцам, только по их технике? А мы что, заговоренные были?.. "Именно об этом чуде, — ликует Юрьев, — вспоминали впоследствии немецкие историки, говоря, что войну выиграл "генерал Мороз". Да, да, у немецких историков да у крепко битых немецких генералов мы все это и читали. И как видим, наш патриот не разоблачает бесстыдную ложь о роковой роли мороза, а наоборот, приукрашивает, подкрепляет, облагораживает ее с помощью иконного довода.

Чудеса продолжаются

А как устоял Ленинград? Да тем же самым макаром. По указанию из Ливанских гор "Ленинград был обнесен на самолете Казанской иконой Божьей Матери" — и все в порядке. А Сталинград? "Был момент, — просвещают нас теопатриоты, — когда защитники города остались на маленьком пятачке у Волги (заметим сразу, что такого "момента" и такого "пятачка" там не было. — *В. Б.),* но немцы не смогли столкнуть наших воинов, ибо там была Казанская икона Божьей Матери". Было? Хорошо. Однако опять автор почему-то скрывает от нас славные имена. Кто облетал Ленинград? Кто доставил икону в Сталинград? Кто видел ее у Волги? Хоть бы одно имечко! Ведь если до сих пор здравствуют, например, некоторые участники Парада Победы и даже парада 7 ноября 1941 года — да продлят небеса их лета! — то наверняка должны сыскаться и участники этих великих акций.

Но вот еще рассказ о чуде при штурме Кенигсберга, и опять его ведет в статье безымянный офицер, "бывший в самом центре событий битвы": "Наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были все еще сильны, потери были огромные, и чаша весов колебалась, мы могли потерпеть там страшное поражение". Все это сей аноним мог сказать только в состоянии старческого маразма или белой горячки. Я — участник штурма. Получил за это благодарность Верховного Главнокомандующего и две медали — "За взятие Кенигсберга" и "За отвагу". Так вот, никакая чаша там не колебалась — мы с самого начала взяли немцев за горло. И потери были там минимальные, ибо четыре дня перед штурмом окруженную крепость неустанно громила наша артиллерия и авиация не только своя, но и привлеченная с соседних фронтов. А когда 9 апреля на город обрушили всю свою мощь сразу 1,5 тысячи самолетов да последовал еще один массированный удар артиллерии, то немцам ничего не оставалось, как согласиться на безоговорочную капитуляцию. Говорить же о возможности нашего "страшного поражения" весной сорок пятого года может лишь человек, который не только не был на войне, но и не представляет себе, как развивались ее события.

Но все-таки послушаем еще этого загадочного офицера, который был "в

самом центре событий битвы": "Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священник с иконой". Должно быть,
332
он даже не знает, кто там был командующим. Так сообщаю: маршал Советского Союза А. М. Василевский. А уж как имя этого священника, пусть сам скажет. Дальше: "Командующий приказал всем построиться, снять головные уборы. Священники (ведь только что был всего один. Сколько же их стало и откуда взялись? Военная тайна! — *В. Б.)* отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост?.. От (!) немцев была такая стрельба — огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба с немецкой стороны прекратилась, как оборвалась. Тогда был дан сигнал — и наши войска начали общий штурм Кенигсберга с суши и с моря. Произошло невероятное: немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен!" И представьте себе, в обширных воспоминаниях Василевского "Дело всей жизни" — почти 550 страниц! — об этом ни слова! Мало того, ведь свидетелями великого чуда были тысячи людей с нашей и с немецкой стороны, и вот только через пятьдесят с лишним лет выискался один-единственный очевидец, да и он боится назвать себя. Чего ж после этого стоит ельцинская демократия... Может, хотя бы тому священнику — или сколько их там было — присвоили звание Героя Советского Союза? Тайна, покрытая мраком неизвестности... И тут надо напомнить, что статья-то озаглавлена "Победа минувшая и грядущая". То есть автор настаивает, чтобы и ныне в нашем отчаянном положении действовали, как тот священник в Кенигсберге: с иконой—на пулеметы...

* * *

Два карьерных недоумка лишили страну всех союзников, развалили промышленность, политикой удушения армии довели до самоубийства сотни офицеров. А НАТО крепнет и расширяется, проводит военные учения уже в Крыму, в Прибалтике, в Казахстане. А США и не думают снижать ассигнования на свою армию. А немцы тянут лапы к Калининграду... И в это время патриотические газеты предоставляют свои страницы для упоительных рассказов людей, плохо знающих историю и России, и русской церкви, о том, как лихо громили мы в Отечественную войну захватчиков с помощью икон. По совести-то им следовало бы начать с более ранних примеров, допустим, с японской войны 1904—1905 годов, когда тоже крепко надеялись на это универсальное оружие. Мой дед, участник той войны, рассказывал, что по распоряжению генерала Куропаткина войскам вагонами сла-
333
ли иконы под Ляоян и Мукден, и потом они едва ли не плавали в крови наших разбитых дивизий. Но никто не вспомнил об иконах, когда подписывали позорный для России Портсмутский мирный договор...

Я уверен, что если бы припожаловал Юрьев со своей статьей, допустим, на Пискаревское кладбище, где лежит почти полмиллиона защитников Ленинграда, или на Прохоровское поле, на аршин пропитанное кровью, или на Мамаев курган, за который 135 суток, то отходя, то возвращаясь, бились сталинградцы, где впоследствии были похоронены многие из них, в том числе командарм-62 В. И. Чуйков, командарм-64 М. С. Шумилов и председатель городского комитета обороны А. С. Чуянов, — если явился бы сочинитель туда со своей статьей, то разверзлись бы могилы, поднялись герои, и кто-то из них, скорее всего маршал Чуйков, залепил бы пришельцу пощечину.

Правда-пять. 1998. 24 июня

"ОН ВСЕ УВИДИТ, ЭТОТ МАЛЬЧИК..."

В июле прошлого года мне позвонила и попросила о встрече некто Беатрикс Вуд, англичанка, кинопродюсер. Я, конечно, удивился: что такое? Чем моя скромная и совершенно не киношная особа могла заинтересовать незнакомую мне дочь гордого альбиона? Однако не ксенофоб же я, согласился на встречу: "Приходите, буду рад". А удивляться потом пришлось еще больше, и не только мне, но и госпоже Вуд.

На другой день в сопровождении своей помощницы Татьяны англичанка и припожаловала ко мне домой. Тут сразу выяснилось, что продюсер-то она продюсер, но не английской, а финской кинофирмы. Час от часу не легче! Выходит, и финнам есть до меня дело... Но уж вконец я был ошарашен, когда англо-финнка поведала, зачем я им понадобился и чего они от меня хотят. Еще в 1992 году в "Советской России" была напечатана моя статья о Павлике Морозове. И вот оказывается — вы только вообразите! — что они снимают фильм о герое моей давней статьи. Мы хотели бы, сказала Вуд, чтобы вы приняли участие в этом фильме, поделились своими мыслями об этом широко известном в вашей стране подростке. Выходит, не я их, в сущности, интересую, а мой герой. Ну, это немного легче, хотя еще удивительней.

Что ж, я охотно согласился. Моя готовность была тем более твердой, что незадолго до этого в телевизионной

передаче "Один на один" известный адвокат Юрий Иванов бросил в лицо Егору Гайдару, имея в виду его предательство имени и всей жизни Аркадия Гайдара, своего знаменитого деда: "Да вы настоящий Павлик Морозов ельцинского помета!" Бросил как бранное слово, как самое тяжкое оскорбление. Я был поражен. Ведь опытнейший юрист, патриот, член коммунистической фракции Госдумы, хотя и не состоит в КПРФ. Помню, как умело в 1992 году он защищал в Конституционном суде компартию. Известно и о других достойных делах Иванова на юридическом поприще. Да и этот поединок с Гайдаром дорогого стоит. Как мощно, точно, а главное, пророчески он влупил этому по ельцинской табели об уме "очень умному собеседнику", пришедшему на дуэль с ворохом справок, газетных вырезок и каких-то резолюций: "Да что вы там шуршите бумажками, как таракан! Ваша песенка спета! В новый парламент ни вы лично, ни ваши выборосовцы уже не попадут". Как в воду глядел! Сильно умный Гайдар с тех пор обходит Охотный ряд за три версты... И вот в устах даже Иванова имя Павлика Морозова — брань...

На другой день Беатрикс — она была молода и обаятельна — пришла уже с режиссером Пекка Лето, с оператором, осветителем и со всей киноаппаратурой. Они ее установили. "Мотор!" — и я начал свой рассказ, заглядывая иногда в текст своей давней статьи:

"Третьего сентября 1932 года тихим утром два мальчика из глухой уральской деревни Герасимовка братья Павел и Федя отправились в тайгу по клюкву. Они надумали это не сами, их настойчиво уговаривала пойти родная бабка Аксинья. Через три дня, шестого сентября, братьев нашли в лесной чащобе убитыми..."

Беатрикс, которой Татьяна тут же быстро и точно все переводила, удивленно встрепенулась. А я продолжал:

"Участковый инспектор милиции Яков Титов составил акт осмотра трупов: "Морозов Павел лежал от дороги на расстоянии 10 метров, головою в восточную сторону. На голове надет красный мешок. Павлу был нанесен смертельный удар в брюхо. Второй удар нанесен в грудь около сердца, под каковым находились рассыпанные ягоды клюквы. Около Павла стояла одна корзина, другая отброшена в сторону. Рубашка его в двух местах прорвана, на спине кровяное багровое пятно. Цвет волос—русый, лицо белое, глаза голубые, открыты, рот закрыт. В ногах две березы..."

Беатрикс хотела что-то сказать, но ее остановил режиссер Лето.

"Труп Федора Морозова находился в пятнадцати метрах от Павла в болотине и мелком осиннике. Федору был нанесен удар в левый висок палкой, правая щека испачкана кровью. Ножом нанесен смертельный удар в брюхо выше пупка, куда вышли кишки, а также разрезана рука ножом до кости..."

Беатрикс остановила съемку и подошла ко мне. Ее губы мелко дрожали то ли от страшной картины, воссозданной прочитанным текстом, то ли от неведомой мне обиды или недоумения.

— Простите, я не понимаю... Его убили?.. Их убили?.. Кто?..

Я остолбенел:

— Как? Вы снимаете о нем фильм, и вам это не известно? Вы не знаете, что Павлика и его младшего брата Федю убили?

В разговор вступила Татьяна. Оказывается, работая над фильмом, съемочная группа уже побывала у нескольких авторов, когда-либо писавших или хотя бы упоминавших о Морозове, и все твердили только одно: "Это невиданный предатель! Он предал собственного отца!" О, я знал их, ненавистников Павла, всех наперечет! Впереди, конечно, как всегда, фигуры, подобные бесстыжему журналисту Ю. Альперовичу, "юношескому" писателю В. Амлинскому, телевизионно-газетному интеллектуалу Ф. Бурлацкому, всеохватному историку и литературоведу Н. Эйдельману, педагогу, видите ли, С. Соловейчику. За ними — профессиональный "известинский" правдолюб при любом режиме Ю. Феофанов, критик на все руки Т. Иванова и прочие сванидзы. А дальше, как водится, русские суперпатриоты, до того отягощенные своей любовью к родному народу, что не соображают, с кем они в одной компании, у кого на подхвате, — В. Солоухин, Д. Балашов, С. Куняев...

Недавно один из таких суперпатриотов и радетелей русского народа, Э. Лимонов, движимый неусыпной заботой о наших детях и внуках, завел в своей газете, скромно названной им "Лимонка", рубрику "Русской девочке делать жизнь с кого". Важнейший вопрос! Особенно, как справедливо пишет газета, "в наше время, когда неверность, трусость, предательство стали нормой жизненного поведения миллионов женщин и мужчин". Так с кого же призывает писатель-патриот "делать жизнь" наших дочерей: с княгини Ольги или Марфы Посадницы? С Марины Расковой или Зои Космодемьянской? Да нет! Они же русские или еще и советские, это для суперпатри-

отов скучно, пресно. И Лимонов объявляет: русские девочки должны взять за образец для подражания "двух Великих женщин", возлюбленных "двух гигантов" — Еву Браун, "девушку Гитлера", и Клару Петаччи, "девушку Муссолини". Да, да! Ибо именно в этих гигантессах (тут же и большой пленительный портрет будто бы первой из них) "Лимонка" разглядела доселе небывалое сочетание прекраснейших качеств — агрессивность (?), правдивость, правота (?), верность, вера, мужество, чувство истины, честь, стыд, ответственность, преданность, благородство, готовность жертвовать собой ради порядка, строя и т. п. Какой большой и ароматный букет!

Не знаю, как Муссолини, а Гитлер говорил так: "Умному человеку следовало бы иметь глупую и примитивную женщину. Вообразите, если у меня была бы женщина, которая вмешивалась бы в мои дела!" (Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 89). Надо полагать, Браун вполне соответствовала этому идеалу подруги, о чем свидетельствует та же энциклопедия: "Она с удовольствием занималась спортом, увлекалась плаванием, гимнастикой, лыжами и скалолазанием. Необычайно любила танцы, которыми занималась профессионально. Ева Браун мало интересовалась политикой, предпочитая спорт,

чтение романов и кинофильмы. Кстати, ни о какой агрессивности, если не считать агрессивностью несколько попыток самоубийства, речи нет. Наоборот, говорится, что Браун была "сдержанная", даже "застенчивая", более того, "неизменно держалась в тени, отгородившись стеной молчания".

Создается впечатление, что "Лимонка" просто не знает, о ком пишет. Да и портрет-то помещен вовсе не Евы Браун, а неизвестно кого, возможно, Старовойтовой в молодости или возлюбленной самого Лимонова. Автор статьи, не долго думая, сконструировал из ярких кубиков образ и пытается подогнать под него конкретную личность. И образ, как видим, если убрать загадочную здесь бабскую агрессивность, поистине идеальный. А из этого, естественно, следует, что у таких распрекрасных дам возлюбленные не могли оказаться живодерами и убийцами миллионов, а были конечно же гигантами мужества, великанами чести, колоссами благородства, титанами чувства истины.

Странно, что газета не призвала наших девушек "делать жизнь" еще и с Магды Квант, преданной супруги Геббельса. Ведь она в своей "верности порядку" далеко превзошла и Еву, и Клару: не только, как те, отравилась

337

вместе с мужем, но еще и собственноручно отправила на тот свет шестерых своих детей, которым грозила опасность из фашистского порядка оказаться в порядке человеческом. Не исключено, что в одном из ближайших номеров "Лимонки" появится призыв к нашим девушкам взять за образец и эту ведьму... Да, и до такого сифилитического патриотизма могут дойти умы, размягченные горбачевско-ельцинским плюрализмом.

Статьи о Еве и Кларе не подписаны. Кто же автор? Возможно, свет на это проливает следующее обстоятельство. Когда Ева Браун явилась в Берлин и припожаловала в фюрербункер, то Гитлер, уверяет газета, воскликнул: "Я горжусь мадемуазель Браун!" С чего бы это оголтелый немецкий расист в столь торжественный момент заговорил вдруг на языке презренных французов и вместо "фройляйн" брякнул "мадемуазель"? Не есть ли это свидетельство того, что статейку смастачил сам французский Лимонов?

Пожалуй, призывы "Лимонки" покруче даже статьи Юрия Мухина в его "Дуэли" о Гитлере как о "гении организации масс". Завидуй, Геббельс!.. Маркс, уверяет красный, как помидор, Мухин, писал бред, Энгельс — вздор, Ленин — чепуху, а Гитлер — гений. Ну правильно. Дело жизни Гитлера была война. А война, как известно, это прежде всего мастерство организации — экономики, вооруженных сил, тех самых "масс". И Гитлер сумел достичь здесь такой степени мастерства, что оказался в Париже и под Москвой. Однако нашлись мастера порасторопней, в результате чего Гитлеру пришлось срочно заняться организацией своего самоубийства. Будем справедливы: здесь он сумел-таки достичь гениального мастерства и абсолютной надежности — сперва для проверки яда отравил любимую собаку, потом принял яд сам и, наконец, пустил пулю в свой гениальный лоб...

— Мотор!

Я продолжал:

"На первом допросе арестованный по подозрению молодой мужик Данила показал: "Кулуканов несколько раз уговаривал меня убить Павла, однако не было подходящего момента. Третьего сентября я зашел к нему и сказал, что братья ушли по ягоды. Кулуканов сказал: "Я давно договорился с Сергеем обо всем, но ему одному ничего не сделать. Возьми деньги, а когда прикончим Павла, я дам тебе золота две пригоршни". После этого

338

мы с дедом Сергеем решили идти в лес. Мы знали, какой дорогой Павел ходит с болота домой, и пошли ему навстречу. Ребята ничего не подозревали, подошли

близко, и тогда дед внезапно ударил Павла ножом. Павел вскрикнул: "Беги, Федя!.."

Я кинулся за Федором, схватил его, дед подбежал и нанес ему несколько ударов. Убил обоих дед при моей помощи. Сделали мы это по наущению Кулуканова".

Беатрикс подняла руку, съемка остановилась.

— Надо объяснить, — глухим, странным голосом сказала она, — кто эти люди.

Я согласно кивнул и продолжал:

"Дед Сергей внес важные поправки в показания Данилы. Признал, что замысел убийства принадлежит именно ему, так как "Павел вывел из терпения, не давал проходу, укорял за то, что он содержатель конфискованных кулацких вещей". Но при этом заявил, однако, что "сам братьев не убивал. Только держал Федора. Зарезал же ребят внук Данила". Тот вынужден был подтвердить эти показания и добавил некоторые подробности: "Павел не шевелился, но дед вытряхнул ягоды из мешка и сказал: "Надо надеть ему мешок на голову, а то очнется и домой приползет". Потом я стащил Павла с тропы на правую сторону, а дед стащил Федора на левую. Федю мы убили только затем, чтобы нас не выдал. Он плакал, просил не убивать, но мы не пожалели..."

Раздался стук. Кто-то уронил на пол что-то твердое. Я взглянул на Беатрикс. Бледная, она недвижно сидела в кресле, стиснув пальцы.

"Кто же они, эти два человека, молодой и старый, с такой беспощадной жестокостью убившие двух мальчиков? Нет, это не беглые каторжники, не бродяги-душегубы, а односельчане убитых. Больше того, старик приходился не только своему сообщнику по убийству, но и обеим жертвам родным дедом, а Данила был их двоюродным старшим братом. И надо добавить, что бабка Аксинья, жена деда Сергея, знала о замысле убийц, одобряла его и сама не раз говорила внуку Даниле: "Да убей ты этого сопливого коммуниста!" Потому в то роковое утро она как соучастница так настойчиво и выпроваживала внучат в тайгу. Вот каковы были эти люди, против которых в глухой пробуждавшейся к новой жизни деревне восстал одинокий отрок-правдолюб. И после этого его, а не их клеймят как предателя, преступившего через узы родства и крови!.."

Я попросил остановиться, чтобы промочить горло, и когда выходил в кухню за стаканом воды, услышал, как

режиссер Лето сказал: "Да это просто шекспировский клубок страстей и злодеев!" Через минуту я вернулся с отпитым стаканом воды.

"Павел... Павлик Морозов... "Цвет волос русый, лицо белое, глаза голубые, открыты. В ногах две березы"... Пожалуй, нет в нашем советском прошлом другой фигуры, которая так часто и так яростно поносилась бы ныне питомцами горбачевско-яковлевского "нового мышления" и тем самым так резко и глубоко высвечивала бы всю их подлинную духовную суть. И они говорят и пишут о нем с такой злобой, ненавистью и уверенностью в своей правоте, словно не его, нежного отрока вместе с малолетним братом, предали лютой смерти здоровенные мужики, а он, вооружившись ножом, зарезал в лесу немощного старца да еще разбогател на этом или сделал карьеру. Кое-кого из этих горбачевско-яковлевских питомцев я уже перечислил. Накал их ненависти и страстной жажды опорочить несчастную жертву кровавой трагедии классовой борьбы просто изумляет".

— Вы упоминаете Горбачева, — воспользовавшись моей паузой, прервала меня Беатрикс. — Я не понимаю. Как вы к нему относитесь? У нас в Англии, в Финляндии, да и во всем мире им так восхищаются. Он же дал свободу, гласность. Мне говорили русские друзья, что теперь у вас издается Кафка...

Мне совсем не хотелось уклоняться от темы, и я был краток:

— Наверняка больше всего им восхищаются в США. Еще бы! Это такой предатель, каких не видывал белый свет за всю историю: он предал силам зла не только свою партию, социализм, страну, союзников, — он предал цивилизацию, эпоху, надежду всего рода людского на справедливость. Нет другого человека, которого наш народ так презирал бы и ненавидел, как его. А Кафку и на Западе признали только лет десять спустя после его смерти. И у нас он издается уж лет 35..."

Беатрикс все это слушала, изумленно раскрыв большие серые глаза. Но она была человеком дела, которому дорого время, и не стала расспрашивать дальше. А я тогда еще не знал, что это болезненное ничтожество еще и выставит свою кандидатуру в президенты, а получив 1 процент голосов, займется телерекламой итальянской пиццы...

"Взять упоминавшегося Альперовича, который напакостил в полную меру своих сил на родине и укатил в США.

В 1981 году из московской молодежной газеты, в которой он работал, написал письмо Ларисе Павловне Исаковой, учительнице убитого, с просьбой ответить на множество вопросов и прислать свою фотографию того времени. Надо, мол, для большой публикации, которую готовлю. Старушка, привыкшая верить людям, а уж особенно тем, которые работают в газетах, тщательно выполнила просьбу. Однако публикация не появилась, ибо то, что она написала, никак не укладывалось в схему замысла литературного прохвоста, больше того, решительно опровергало сей замысел. Тогда Лариса Павловна стала добиваться, чтобы он хотя бы вернул фотографию, дорогую память о молодости, и тут вдруг обнаружилось нечто такое, чему старая учительница долго не могла поверить: журналист втирался к ней в доверие под чужим именем — И. М. Ачильдиева, своего коллеги по редакции! Зачем? Да ясно — грязные дела удобнее проворачивать в маске порядочных людей.

Примерно в то же время не поленился Альперович-Ачильдиев еще и поехать в Алупку к Татьяне Семеновне, матери Павла (она умерла в 1983 году). И вот представьте себе эту картину и этого человека: к восьмидесятилетней старушке в маленький городок является столичный журналист с диктофоном и ласковым голосом задает ей множество ловко сформулированных вопросов, является с единственной целью — убить еще раз ее давным-давно убитого сына. А та простая русская душа — разве может помыслить что-нибудь дурное? Она, радуясь гостю, говорит, не заботясь о формулировках, и мысли у нее нет, что слова ее могут быть вывернуты наизнанку, а в пасквиле под названием "Вознесение Павлика Морозова" будет сказано для достоверности: "Я встречался с матерью моего героя". Уходя, он целует сухонькие беспомощные руки, вынянчившие пятерых детей, из которых к тому времени четверых уже схоронила, руки, за всю жизнь не знавшие ни дня покоя. "Храни вас Бог в дороге", — говорит старушка на прощание. И гость с низким поклоном исчезает. Он спешит в Москву, ему не терпится устроить за письменным столом пиршество гробокопателя...

Альперович (кроме украденного второго имени у него было и третье — красивый русский псевдоним Дружников) задумал еще доказать, что убили подростков-братьев не дед Сергей и брат Данила, а некто Карташов и Потупчик. Жаль, говорит, что уже умерли, а то бы я посадил их на скамью подсудимых. Как так? Ведь

было следствие, показания многочисленных свидетелей, суд, наконец, было признание самих подсудимых. Все так, не отрицает Альперович-Ачильдиев-Дружников, но те двое, кого осудили, его не интересуют, ибо они — простые

крестьяне, а эти — коммунисты. Да еще Карташов — "уполномоченный ОГПУ". И вот, мол, убийством хотели спровоцировать массовые репрессии в деревне... Правда, материалов следствия и суда Альперович в руках не держал. Таким людям некогда копаться в архивах, как три года копалась в них Вероника Кононенко, написавшая обстоятельное исследование об этой трагедии. Альперовичам лишь бы побыстрей слепить статейку или книжонку позабористей. А когда иные из них, как Солженицын или Радзинский, обращаются к документам, то бесстыдно препарируют их в соответствии со своими целями. Альперович же строил свое доказательство исключительно по наитию "нового мышления", согласно которому не было в истории людей, ужаснее коммунистов, и не существовало страны, омерзительнее Советского Союза.

Но тут-то и появилась откуда-то неугомонная журналистка Кононенко и разыскала не только все судебные материалы дела, но и самого Спиридона Никитича Карташова, оказавшегося, вопреки надеждам и расчетам Альперовича, отнюдь не вымершим коммунистом. Нашла эта дотошная Вероника и Алексея — последнего из семьи Морозовых, младшего брата Павла".

Беатрикс радостно всплеснула руками, ее большие серые глаза сияли, а когда оператор по какой-то технической необходимости тут же сделал паузу в съемке, она изумленно воскликнула:

— Все оказались живы — и мать, и учительница, и Карташов!

— Ничего удивительного, — ответил я. — Во-первых, все они в дни трагедии были весьма молоды. А во-вторых, не забывайте, что до ельцинско-черномырдинских реформ средняя продолжительность жизни была в стране 72 года у мужчин и 76 лет у женщин. Теперь же большинство мужчин не доживают даже до пенсии.

— А вот вы упомянули о Солженицыне, — неуверенно сказала англичанка, — ведь он всемирно известен, Нобелевский лауреат...

У меня не было желания распространяться об этом, и я опять ответил кратко:

— Этот нобелиат получил то, что давно заслужил: полное безразличие читателей и оголтелые восторги Рад-

зинского. Больше того, его книги стали предметом насмешек и даже глумления. В последнее время этим занялся, видимо, не отдавая себе отчета в производимом эффекте, весьма известный у нас телехохмач Хазанов. Вот, говорит, однажды Ростропович прислал Солженицыну раков и пиво, и это толкнуло писателя на создание великого, бессмертного романа "Раковый корпус". А как была написана книга "Ленин в Цюрихе"? Да очень просто! Однажды картавящий Ростропович, видите ли, напомнил писателю картавящего Ленина, и он бросился к письменному столу. Что же касается многомиллионо-тиражного трактата Солженицына "Как нам обустроить Россию", то он зародился на даче у того же Ростроповича в размышлениях о том, как Александр Исаевич обустроил бы эту дачу, если бы она принадлежала ему...

— Это в России называется юмор? — спросила соотечественница Свифта, Бернарда Шоу и Ивлина Во.

— Да, таков у нас теперь юмор. И другого юмора не понимают и не заслуживают ни президент, ни премьер, ни министр культуры. Они сами на уровне таких особенно известных юмористов и сатириков, как Хазанов и Жванецкий, Петросян и Задорнов. Этот последний не так давно огласил по телевидению примерно такую шуточку: "В стране катастрофически падает количество изнасилований. Что стало с нашими мужчинами? Я их не узнаю..." И Ельцин, Черномырдин, Лужков, даже новый ельцинский министр обороны Сергеев заходятся, изнемогают в хохоте. Пошляки потешают пошляков. Такова сегодняшняя Россия.

Впервые голос подал оператор:

— Хотел бы я посмотреть на этого юмориста, если бы число изнасилований возросло за счет его жены или дочери.

— А ведь я знал его отца, Николая Задорнова. Прекрасный был человек и писатель. Познакомились в Коктебеле. Позже он даже рецензировал одну мою книгу для издательства "Современник". Знал по Коктебелю и мать, ее звали, кажется, Софья Абрамовна или Павловна. Разве мог предвидеть честный русский писатель, что плодом его брака окажется юморист такого пошиба... За особые заслуги в щекотании пузатых пошляков Ельцин бесплатно предоставил Задорнову четырехкомнатную квартиру с двумя сортирами в "президентском доме" на Осенней улице, где сам имеет весь шестой этаж...

343

— Мотор!

"Альперович, зачислив Карташова в чекисты, объявив, что именно он убил Павлика Морозова с целью вызвать массовые репрессии, высылку местных кулаков, разумеется, врал. Карташов чекистом никогда не был, и никаких репрессий не последовало. Арестовали по подозрению в убийстве всего шестерых человек, двое из которых вскоре были отпущены. Не состоялась и "массовая высылка кулаков" из деревни, чем запоздало стращал обличитель. Алексей Морозов свидетельствует: "У нас из богатеев никто не пострадал, да и высылать было некуда — и так медвежий угол. Высылали к нам"...

Когда спрашиваешь этих писателей, историков, педагогов, как же так, за что вы люто ненавидите Павла, ведь не он же убил, а его убили, то они, бледнея от гордого негодования, отвечают, например, голосом Симона Соловейчика: "Он нанес удар в завязь нравственности. Под анестезией жалости к убитым в сердца детей, читавших о них, вливали жуткую вакцину против совести". Какие слова! Завязь... Анестезия... Вакцина. Но позвольте, вакцина вроде бы средство против чумы, холеры, оспы. Разве совесть стоит тут в одном ряду?

Тогда они отвечают голосом Владимира Амлинского: "Павел Морозов — это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного предательства". Как это не символ стойкости, если ему то и дело грозили расправой, не раз избивали так, что он попадал в больницу, пытались утопить, а он стоял на своем! Кто-нибудь из вас, твердокаменные, пронес свои убеждения сквозь такой кошмар, получил за свои взгляды хотя бы одну затрещину?..

Тогда они отвечают голосом известного ветерана правдолюбия Юрия Феофанова: "Меня заставляли молиться на Павлика!" Кто заставлял? Побойся Бога, старая кикимора! Это от предрасположенности зависит. Есть люди и органы печати, которые не в силах не молиться хоть на кого-нибудь. Да и лучше уж молиться на убиенного отрока, чем на грабителя Гайдара, предавшего деда, или на Чубайса, именуемого "вором в законе".

Тогда отвечают хором: "Он совершил преступление, которое неизмеримо тяжелее любого убийства!" Но разве, смерть не искупает любую вину хотя бы через шестьдесят лет? Ведь вы все время твердите ныне о милосердии, сострадании, на устах у вас то Божье имя, то имя Искупителя... Но что же все-таки он совершил? И они отвечают: "Он выступил против родного отца!"

344

Допустим. Вы так бурно и долго негодуете, словно это единственный доселе невиданный случай не только в нашей, но и во всей истории рода людского. Словно ничего подобного вы не встречали в мировой литературе от Еврипида и Гоголя, у которых родители убивают своих детей, до Шолохова. В "Тихом Доне" сыновья убивают своего отца за то, что он изнасиловал их сестру, свою дочь Аксинью... История рода человеческого, увы, трагична, и тяжко бремя страстей человеческих.

Но ведь Павел-то не убил отца, того всего лишь на несколько лет лишили свободы, и произошло это отнюдь не в результате личных усилий сына — показания против подсудимого давали многие. Может, Трофим, отец Павла, председатель сельсовета, был ангелом во плоти и пострадал несправедливо? Вот что сказал о нем, даже спустя почти шестьдесят лет, другой его сын — Алексей: "Я про отца старался плохо не говорить. Меня вынудили, чтобы брата от позора спасти. О мертвых плохо говорить — грех". И все-таки: "Привезли ссыльных поселенцев осенью тридцатого года. Вы думаете, отец их жалел? Ничуть. Он мать нашу, сыновей своих не жалел, не то что чужих. Любил одного себя да водку. И с переселенцев за бланки с печатью три шкуры сдирал. Последнее ему отдавали: деньги, сало, мясо..." За торговлю этими бланками Трофима и посадили, вместе с пятью другими председателями сельсоветов, промышлявшими в округе тем же. Однако нам твердят: "Павел изменил кровным родственным узам, самым святым на свете. Он предал отца! Донос — это всегда донос, а уж на отца!.."

Но вот я беру свежайший номерок еженедельника "Аргументы и факты" и читаю письмо, присланное недавно одной девушкой: "Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедшая, ведь я хочу убить своего отца... У моей матери трое детей. Когда я родилась, отца посадили за изнасилование, и моей матери пришлось воспитывать нас одной на 60 рублей в месяц да еще посылать передачи. Когда я была маленькая, очень хотела, чтобы отец вернулся, но вот это произошло, и наши мучения начались. Он пил, пил много, бил нас и мать, а когда был трезвым, его издевательства принимали еще более изощренную форму. Он то спускал на меня собак, то начинал говорить такое, что просто стыдно повторить, а когда я повзрослела, пытался изнасиловать... Вчера в два часа ночи отец ворвался ко мне с ножом, стал бить и кричать, чтобы я пошла с ним. Я упиралась, звала на помощь, но мать

тоже боялась подойти, ведь у него в руках был нож. Наконец, на крик вышла соседка и пригрозила, что вызовет милицию. Это было последней каплей. Если он сегодня напьется, он будет в моих руках. Пусть ценой собственной жизни, но я отомщу за свои и мамины страдания Он сам сделал из меня врага".

Вот такое письмо наших распрекрасных демократических дней в многомиллионную газету... Что же молчите вы, многомудрые педагоги и вельмигласная критикесса Татьяна Иванова из "Огонька", и матерый правдолюб Феофанов из "Известий"? Почему не слышно ваших вселенских воплей: "Дочь предала отца! Донос! Измена священным узам крови!" А если девушка выполнит свою страшную угрозу, повернется ли у вас язык осудить ее и объявить чудовищем, страшнее Павлика?..

В камере кончилась пленка, и оператор почему-то слишком долго менял ее на новую при гробовом молчании всех присутствующих. Тишину нарушил только глоток, который Беатрикс сделала из стакана воды...

— Мотор!

"Жизнь Павла Морозова мало отличалась от жизни этой девушки эпохи Горбачева—Ельцина, а кое в чем была и пострашнее. Этот нынешний скот угодил в тюрьму за изнасилование, а жена собирала ему передачи. А тот скот бросил молодую жену с четырьмя детьми и на глазах всей деревни начал жить с другой. Городские интеллектуалы Амлинский да Бурлацкий, возросшие на асфальте, могут не понимать во всей полноте, что это такое для русской деревни шестьдесят лет тому назад, но Солоухин, выросший в такой деревне, или Балашов должны бы ясно представлять себе картину со всей обстоятельностью. Ведь здесь такой срам, что хоть в омут. Но, может быть, еще страшнее другое: как прокормить пять едоков двумя женскими руками? И начали эти едоки "ходить в куски", как говорят на Урале, то бишь побираться.

Алексей Морозов рассказывает: "История Павлика — это трагедия семьи, которую отец растоптал и предал". Да, именно так: не сын предал отца, а отец предал всю большую семью, и в том числе старшего сына. И сделал он это задолго до того, как Павел хоть что-то предпринял против него.

Но в чем же все-таки конкретно состоял поступок Павла? Может быть, послал письмо на Лубянку? Или приехал в Москву и выступил на собрании в ЦДЛ, требуя

346

выслать отца за границу и лишить советского гражданства, как это сделал в отношении некоторых своих собратьев кое-кто из писателей, нынешних разоблачителей убиенного? Или, наконец, обратился в местные органы ОГПУ?

По одной журналистской версии, Павел пришел в сельсовет и рассказал о проделках своего отца приехавшему из райкома партии уполномоченному по хлебозаготовкам Кучину. Это крайне сомнительно, ибо, во-первых, в сельсовете он всегда мог напороться на отца, бывшего там председателем; во-вторых, при чем здесь уполномоченный по хлебозаготовкам? По другой журналистской версии, Павел никуда не ходил, а, наоборот, к ним в избу сам зашел уполномоченный и случайно увидел оброненную Трофимом справку, а Павел сказал, что отец такими справками торгует, но фамилия уполномоченного была не Кучин, а Дымов. По третьей версии, принадлежавшей уже не приезжим журналистам, а Л. П. Исаковой, учительнице Павла, в деревне вообще не появлялись представители райкома с такими фамилиями, а был уполномоченный, имевший запоминающуюся фамилию Толстый. Однако в материалах дела нет никаких показаний уполномоченных. Есть показания участкового инспектора милиции Я. Т. Битова. Гораздо вероятнее, что Павел, пожелай он сообщить властям о каких-то непорядках, обратился бы именно к нему. Но в показаниях Битова нет ни слова о том, что Павел говорил ему хоть что-нибудь об отце.

Но допустим на минуту самый неблагоприятный для Павла вариант: он пришел в сельсовет и сообщил приезжему человеку о злоупотреблениях отца. Но ведь, в отличие от зрелых мужей, многоопытных писателей, требовавших, например, в 1958 году лишить гражданства своего собрата, которого они называли предателем, малограмотный тринадцатилетний мальчик ничего, кроме своей таежной глухой Герасимовки, не знавший, конечно же не способен был предвидеть все последствия. Тем более что на дворе стоял только 1931 год, и он, опять же в отличие от помянутых выше московских писателей, не мог учесть ничем не заменимый опыт тридцать седьмого года, которым располагали те.

Наиболее вероятным будет предположить, что Павел хотел только припугнуть отца, надеялся, что приезжий дядя всего лишь задаст тому хорошую взбучку, он образумится и вернется в семью. При всем драматизме сложившейся в доме обстановки, при всей горечи и боли, что

347

отец причинил семье, мечта о возвращении отца могла жить в сердце мальчика и двигать его поступками. Помните, что пишет девушка, отец которой сидел в тюрьме за гнуснейшее дело: "Когда я была маленькой, очень хотела, чтобы отец вернулся". Кто докажет, что шестьдесят лет назад детские сердца были устроены иначе?

Однако напомним, никаких доказательств, что Павел сказал о служебном корыстном жульничестве отца работнику райкома или милиции, нет. И нет ни слова о доносе в материалах как суда над Трофимом Морозовым с его подельниками по обвинению их в торговле справками, так и суда над убийцами братьев, — ни в показаниях подсудимых и свидетелей, ни в других приобщенных документах.

А есть заявления такого рода: "Сергей Морозов был сердит на внука, ругал

его за то, что он давал показания против отца на суде"... "На суде сын Трофима Морозова, Павел, подтвердил, что видел в доме чужие вещи"... "Мой свекор ненавидел нас с Павликом за то, что он на суде дал показания против Трофима..." и т. д.

Да, именно так: дал на суде показания против отца, а точнее сказать, по причине малолетства, будучи допрошен в присутствии матери и учительницы, Павел лишь подтвердил то, что в качестве свидетельницы показала мать. И никак иначе он поступить не мог. Надо думать, что, как это водится всегда, его предупредили, и он знал об ответственности за ложные показания. И вот мать уже дала правдивые показания. Значит, если Павел захотел бы выгородить родимого негодяя, то, во-первых, он скорее всего был бы легко уличен в неправде, а главное, ему пришлось бы выбирать между ненавистным отцом и любимой матерью, которую он ложными показаниями мог поставить под удар. Синклит сердцеведов ныне твердит: вот и должен был во имя отца-страдальца поставить под удар мать! Слава Богу, мальчик поступил по-своему: встал на сторону несчастной, опозоренной отцом матери. В этом весь его грех. Судите его, сердцеведы!.."

Много, очень много наговорили и написали ненавистники Павла Морозова, и все — ложь. Но однажды вырвалось все-таки словцо правды. Владимир Амлинский заявил в "Литературной газете": "Он глубоко опасен!" Святая правда. Да, он был крайне опасен, и притом не только для жуликоватого богача Арсения Кулуканова, которого принародно клеймил за то, что тот украл 16 пудов общественного хлеба; не только для Ефрема Шат-

ракова, которому советовал сдать припрятанное ружье; не только для хитрого, прижимистого деда, которого стыдил за то, что он прячет ворованное и всегда старается поживиться за чужой счет; не только для отца, которого обличал и за махинации с фальшивыми справками, и за то, что как председатель сельсовета он во всем потакал богачам... Не только для этих односельчан да родственников был опасен Павел, но и для всех подобных личностей в округе. Его старая учительница Лариса Ивановна Исакова, у которой в тридцать седьмом расстреляли ни в чем не повинного первого мужа, а в сорок первом погиб на фронте второй, русская женщина поразительной душевной чистоты и стойкости, поднявшая на свою учительскую зарплату шестерых детей, говорит о своем ученике Павле: "Светлый он был человек. Хотел, чтобы никто чужую судьбу не заедал, за счет другого не наживался. За это его и убили".

А после смерти, когда его история стала известна, он стал опасен для многих во всей стране. Для кое-кого он глубоко опасен и сейчас. Ну как же не опасен, допустим, для Горбачева, всю жизнь озабоченного только своей шкурой, если Павел с открытой грудью шел в бой за других; как не опасен для Ельцина, который всю жизнь лгал и будет лгать до могилы, если Павел просто не способен был солгать; как не опасен для какого-нибудь Марка Захарова, который при первом же шорохе сбежал из партии, да еще устроил мерзкое зрелище сожжения своего партбилета на глазах миллионов телезрителей, а Павел, тринадцатилетний деревенский мальчишка, в ответ на угрозу дремучего деда "бить до тех пор, пока не выпишешься из пионеров", бросил ему в лицо: "Убивай хоть сейчас, не выпишусь!" Он опасен для всех названных и не названных здесь своих гонителей и клеветников: от еврея Соловейчика до русской Ивановой, от нестарого Альперовича до древнего Феофанова, от здравствующего Бурлацкого до покойного Амлинского...

Мой друг и сослуживец по журналу "Дружба народов" Ярослав Смеляков в стихотворении "Судья" писал о юном солдате, павшем в боях за Родину:

Если правда будет время,
Когда людей на Страшный Суд
Из всех земель с грехами всеми
Трикратно трубы призовут, —
Предстанет за столом судейским
Не Бог с туманной бородой,
349
А паренек красноармейский
Пред потрясенною толпой.
Он все увидит, этот мальчик,
И ни йоты не простит,
Но лесть — от правды,
Боль — от фальши
И гнев — от злобы отличит...

Мне кажется, что в этих строках, где мешаются атеизм и вера, больше правды и жажды справедливости, чем в ином псалме. Эти стихи и о нем — о Павле Морозове. За деланными гримасами боли и гневными воплями своих хулителей он ясно видит фальшь и злобу...

"Цвет волос — русый, лицо — белое, глаза — голубые, открыты. В ногах две березы..." Нашим юношам и девушкам "делать жизнь с кого", Лимонов? С Павлика Морозова.

...Хотите верьте, хотите — нет: два особенно злобных его ненавистника умерли, это произошло в разные годы, но в обоих случаях — в день убийства Павлика и Феди.

Тот, кто не верит этому, вероятно, усомнится и в том, чем я хочу завершить статью. 7 января, в Рождество, около 11 часов вечера, когда я был занят некоторыми уточнениями в тексте, уже отданном накануне в редакцию, вдруг раздался междугородный звонок. Париж! И мой добрый приятель сообщает: по французскому телевидению показывают фильм о Павлике Морозове. Вот на экране ты, Бушин, а теперь Федор Бурлацкий лепечет... Герасимовка... памятник Павлику...

Мистика? Промысел Божий? Простая случайность? Все возможно! Но уж это совпадение могут подтвердить, с одной стороны, все парижане, с другой — сотрудники "Завтра".

Я не знаю, конечно, что за фильм получился у студии KinoFinlandia и у ее сотрудников, но я верил всю жизнь и верю до сих пор, что женщину с такими глазами, как у Беатрикс, могут обмануть, но сама она никогда не сделает зла, не скажет неправды.

Завтра. 1998. № 2. Январь

КАИНОВА ДЕМОКРАТИЯ

БАДЬЯ И ОГЛОБЛЯ

Накануне Дня Победы президент Борис Ельцин назначил себя Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами России. Встречаясь с друзьями-однополчанами в праздничные дни, я не раз с досадой слышал, как некоторые из них выражали несогласие с этим назначением. Что это за Верховный, говорили они, если он ни дня не служил в армии и не имеет никакого звания? Однако другие, на мой взгляд, резонно парировали: "А по-вашему что, лучше, если бы Старовойтову назначили?" И все в ужасе умолкали.

Да, возражал я товарищам, не служил, лямку солдатскую не тянул. Но, во-первых, воинское звание у него должно быть. В свое время Брежнев всех первых секретарей обкомов сделал полковниками, и никто из них ни тогда, ни теперь от

этого не отказался. Во всяком случае, предыдущий Главнокомандующий М. Горбачев имел звание полковника, полученное на посту первого секретаря Ставропольского крайкома. Были у него, да наверняка и сейчас есть и полковничья папаха, и хромовые сапоги, и пистолет с кобурой. Не сообщалось, чтобы он вернул хотя бы сапоги. Почему же всего этого не иметь первому секретарю Свердловского обкома?.. Во-вторых, в биографии товарища Ельцина так много подлинно героического, сама жизнь его столь часто висела на волоске, что он имеет полное моральное право быть еще и Верховным Главнокомандующим над нами. И я предлагал однополчанам вспомнить кое-что из его биографии.

...При крещении в церкви села Бутка Талицкого района Свердловской области пьяный попик едва не утопил малышку в купели, роль которой по бедности церкви выполняла обыкновенная бадья, в каких обычно дают коровам пойло. "Опустил, — рассказывал в автобиографическом сочинении "Исповедь на заданную тему" сам

повзрослевший малыш, — а вынуть забыл, давай о чем-то с публикой рассуждать и спорить".

С опозданием учуяла молодая мать Клавдия Васильевна что-то неладное, кинулась к бадье и в последний миг выхватила свое дитятко с самого дна.

Откачали, спасли, выходили. Как в свое время деда Щукаря, которого окосевший от подношений попик при крещении тоже чуть не погубил: по причине лютого мороза они с дьячком решили подогреть воду, но спьяну перестарались, и ширнул батюшка нежного младенчика в крутой кипяток. "Так шкурка с меня и полезла", — вспоминал младенчик в старости.

Надо заметить, что Щукарь и Ельцин родились в феврале и по гороскопу оба они — "водолеи", да еще и оба первенцы у родителей. Вероятно, отсюда и немалое сходство судеб. Когда Щукарь родился, бабка-повитуха, оценив по достоинству сытенькое пузцо и басовитый голосок новорожденного, сказала его матери: "Твой сын, как в лета войдет, генералом будет. Радуйся, Матрена!" Нечто похожее услышали и родители Ельцина от пьяного попика. Он сказал: "Ну, раз выдержал такое испытание, значит, самый крепкий и нарекается Борисом".

Вот такие пророчества. Ну, а потом с ними обоими то и дело происходили, по выражению одного, "сурьезные случаи", по выражению другого, "курьезные факты", и все — не дай Господи!

Чего только не пережил горемычный дед Щукарь! И собаки его рвали, и гусак "щипал до невозможности", и жеребенок однажды так саданул, что парень "замертво копырнулся", и хуторской бугай рогами через плетень его метал, и одичалые свиньи в степи нападали, и хори в овраге его преследовали, и на крыле ветряной мельницы чуть не погиб, и под косилку угодил, и старик один по подозрению, что хотел он ночью залезть в окно к его снохе Олютке, нещадно бил, и даже на рыболовный крючок при попытке воровски откусить его под водой был другим стариком подцеплен. Словом, с полным основанием говорил Щукарь о себе Давыдову: "Как я чертом меченный!"

Борис Николаевич тоже говорил В. Познеру в беседе по телевидению: "Со мною постоянно случаются разные истории". И он сам поведал о них в своей "Исповеди" с истинно щукаревской обстоятельностью. Да, ему ничуть не меньше доводилось хлебнуть лиха, чем бессмертному герою Шолохова. Судите сами.

Когда было Боре лет тринадцать-четырнадцать, он рвался к нам на фронт, но его, конечно, не пустили. Тем не менее решил он с приятелями вооружаться: делали пистолеты, ружья, даже, говорит, пушку соорудили. А потом захотели найти гранаты "и разобрать их, чтобы изучить и понять, что внутри".

Где-то поблизости, в поселковой церкви, находился склад боеприпасов, который, разумеется, строго охраняли и даже, уверяет автор, опоясали его колючей проволокой. И вот однажды темной ночью он "пролез через три полосы колючей проволоки на территорию склада". О, мы, фронтовики, понимаем, что это такое. И должны признать, что нам в таких случаях было гораздо легче, ибо у нас всегда имелись специальные ножницы для проволоки, а у Бори — одни только мускулистые руки да безграничная храбрость.

Дальше героизма еще больше: говорит, часовой, ходивший вокруг церкви, был на другой стороне, я взобрался на окно, пропилил решетку и проник внутрь церкви.

Ну, это вообще чудо! Ибо, во-первых, ввиду важности охраняемого объекта часовой мог быть не один, да еще и с собакой, а в нескольких местах пропилить и выломать решетку бесшумно совершенно невозможно. Во-вторых, даже взрослому мужику на такое дело требуется немало времени. А тут — мальчишка!..

В церкви, в темноте, однако же быстро и без большого труда Боря разыскал ящик с гранатами, ловко вскрыл его мускулистыми руками и взял две гранаты РГД-33 с запалами. Это опять несколько озадачивает, ибо по причине большой опасности гранаты никогда не хранятся со вставленными запалами, непременно отдельно, тем более — на складе, где может быть огромное количество взрывчатых веществ. Затем герой сунул гранаты за пазуху и, "к счастью, благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно". Уже с гранатами, рискуя каждый миг взорваться, Боря опять преодолевает "три полосы колючей проволоки, — и дело сделано!". Судя по всему, потом так никто и не обнаружил, что решетка в окне распилена, что в складе побывал вор. Во всяком случае, никакой кары за подсудное дело, да еще в военное время, не последовало. Хотя, как известно, сталинизм на дворе все крепчал.

Рассказывать о том, что произошло дальше, тяжело. Боря и его друзья решили разобрать гранаты и для этого почему-то уехали аж за шестьдесят километров в лес. На

чем ехали, неизвестно. Там они избрали весьма нестандартный способ изучения гранат. Боря положил одну из них с запалом на камень и принялся дубасить по ней молотком. В таком возрасте мог бы все-таки сообразить, чем это должно кончиться, тем более — не пьяный же. Ну, и действительно, долго ждать не пришлось: "Взрыв... и двух пальцев нет. Ребят не тронуло". Тут, конечно, самая большая загадка всей этой истории: если РГД-33 в самом деле взорвалась так близко, то, уж поверьте фронтовому опыту, речь шла бы не о двух пальцах: убойная сила ее осколков сохраняется до двадцати метров, и их вполне хватило бы на всех пятнадцать президентов будущего СНГ, включая Ландсбергиса, первопроходца развала. Видимо, за давностью лет Ельцин что-то перепутал. Возможно, не граната взорвалась у него под носом, а, допустим, примус или керосинка, которые коптили в каждом доме. Впрочем, кто знает, — ведь он, как увидим дальше, словно заговоренный.

Очередной раз лицом к лицу со смертью Ельцин столкнулся в поезде: уголовники, которым он, студент, проиграл в карты все, хотели сбросить его на полном ходу под откос, но — "что-то человеческое проснулось в них", когда он предстал перед ними в одних трусах и при комсомольском билете. Видимо, догадались, какая судьба ждет этого картежника-комсомольца, и не захотели осиротить родной народ. Уголовники тоже люди. Тут, услышав об этом, один из моих друзей проворчал: "Доведись кому-нибудь из них стать президентом, едва ли он обобрал бы и выгнал из дому родную мать, как тот комсомолец обобрал и выгнал вскормившую его партию".

Новые ангелы смерти помахивали крылышками над Ельциным, когда он уже работал. Ехал однажды в машине, и вдруг на железнодорожном переезде заглох мотор, а тут — поезд! "Уже подает сигналы, начинают визжать тормоза, он уже надвигается всей своей огромной массой..." Это, пожалуй, пострашнее, чем щукаревский бугай. Спасло опять чудо. Да еще и машина осталась цела, что очень важно, ибо за нее пришлось бы отвечать. А я, говорит, никогда никаких накоплений не имел. Никогда! "И сейчас не имею. Пять рублей со студенческих лет на сберкнижке до сих пор у меня лежат символически. И больше ничего". Это было сказано два года назад.

Ну, естественно, что за сорок лет со студенческой поры к символическим пяти рублям кое-что наросло по

355

процентам, кое-что налипло... Так что, если товарищ Ельцин вслед за господином Горбачевым купит чисто символический домик где-нибудь в Майами тысяч за 200 долларов и обмоет покупку должным образом, то удивляться этому причины не будет.

Когда Борис Николаевич уже работал мастером, однажды заявился к нему "громила с топором в руке", из заключенных, и потребовал, чтобы он закрыл наряды "так, как полагается", то есть чтобы подмахнул выгодную кое для кого фальшивку. "Я чувствовал по глазам, — говорил Ельцин,— что он совершенно спокойно грохнет меня по башке, даже не моргнет!" И что же? "Я мог, конечно, увернуться, — продолжает Ельцин, — но решил действовать неожиданно. Голос у меня очень громкий, сильный... И я во все горло как рыкну, глядя в глаза: "Пошел вон!" Он опустил топор, выронил его из рук, повернулся и, согнув спину, молча вышел".

Какая прекрасная сцена! — сказали мои друзья-фронтовики. Мистика. Фантастика. Кашпировщина. Вот как действовал Борис Ельцин, когда был коммунистом. Против уголовников с топором не робел, одним рыком обращал в бегство. А что мы видим теперь, когда он стал демократом? То и дело кто-нибудь приносит ему на подпись очередную фальшивку, и топором на него не замахиваются, а он, вместо того чтобы рыкнуть "Пошел вон!", фальшивки подмахивает, как с похмелья. Ввести в Чечне чрезвычайное положение? Пожалуйста! Объединить КГБ и МВД? Извольте!.. Объявить миллионы соотечественников красно-коричневыми? В один момент!

А помните рассказ в его "Исповеди" об одном начальнике, который в горячем разговоре имел обыкновение угрожающе хвататься за стул? Судя по всему, тоже запросто мог огреть по башке и оставить нас без президента. Но коммунист Ельцин, верный марксизму-ленинизму, и тут всегда был на высоте. Он тоже хватал стул и шел навстречу зарвавшемуся волюнтаристу, зловеще приговаривая: "Имейте в виду, у меня реакция быстрее — я все равно ударю по башке первый". Великолепно! — сказали мои друзья. Но опять — горькое недоумение: куда же девалась его реакция ныне? Что мешает сегодня схватить президентское кресло и пойти, допустим, на Кравчука, ласково приговаривая: "Имейте в виду, Черноморский флот — был и будет российским!"

356

Надо ли напоминать еще и о том, пытался я переломить скептиков, как однажды Ельцин ехал к своему "старому свердловскому другу" на дачу в подмосковный поселок Успенское и едва только вышел из машины, его схватили, натянули на голову мешок, затащили на мостик и с пятнадцатиметровой высоты бросили в Москву-реку. "Вода была страшно холодная, — вспоминал непотопляемый герой. — Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до берега. Выбравшись, повалился на землю, приходя в себя. Потом встал, от холода меня трясло, башка трещала, температура воздуха была около нуля..." Право, смотреть

на "Девятый вал" Айвазовского не так страшно, как читать эти строки. Не забывайте, что при всем том у человека на голове мешок!.. Казалось бы, уж на сей раз все, карачун, конец. Но в кармане у непотопляемого — это его отличало от деда Щукаря — были партийный билет и символическая сберкнижка. И то и другое приумножали мужество и силу своего обладателя. Он поднялся с земли, стянул с головы мешок, завернул в него партбилет, сберкнижку и пошел искать милицию.

Кто предпринял эту очередную попытку осиротить наш многострадальный народ, так до сих пор и остается загадкой. Горбачев? Крючков? Старовойтова?.. "Была брошена сплетня, — рассказывает Ельцин, — что я ехал к своей любовнице на дачу, которая почему-то облила меня из ведра!.. Бред, чушь". Вот так же и Щукарь был ложно обвинен, что лез в окно к Олютке. Ходила тогда, правда, и другая глупая сплетня, будто и не любовница вовсе облила, а ее муж, не вовремя вернувшийся, почему-то загнал его в реку. Бред, чушь. Будто этот муж не мог в соответствии с обыкновением того времени в цивилизованном порядке подать на Ельцина заявление в партком.

Эта ужасная история произвела, наконец, должное воздействие на моих друзей-скептиков, они согласились: да, конечно, человек, который, плюхнувшись с пятнадцатиметрового моста в реку, свободно ориентируется и не тонет в ледяных бушующих волнах даже с мешком на голове, достоин быть Главнокомандующим. Да и вообще он смотрел в глаза смерти чаще, чем любой фронтовик за всю войну.

Я напомнил и о том, что ведь еще была попытка взорвать самолет, в котором летел Ельцин. И где! В Испании. А разве забудешь тот день, когда на одной из

московских улиц в его "членовоз" врезался "жигуленок", в котором сидел будто бы какой-то пенсионер. Я высказал предположение, что, вероятно, имели место и попытки отравить, подбросить под одеяло кобру или что-нибудь в этом роде. Теперь меня перебивали уже сами недавние скептики: "Достоин!.. Достоин!.. И почему только Горбачев не дал ему после путча звание Героя, как предлагал Попов?"

Я не мог не поделиться с обретенными единомышленниками своим возмущением по поводу статьи Н. Андреева "Президент России постоянен в своей непредсказуемости", что появилась перед Днем Победы в "Известиях".

Журналист пишет, что "Ельцин не раз уже высказывал суждения, которые приводили в недоумение общество и политиков как внутри России, так и за ее пределами". Приводит конкретные и многочисленные примеры "невзвешенных", "необдуманных", словно спьяну, и даже "ставящих в тупик" высказываний президента. Очень убедительно. Но, во-первых, почему же ничего не сказано по поводу самого "сногсшибательного" и незаконного решения вчерашнего члена партии почти с сорокалетним стажем, секретаря обкома и политбюрошника о запрещении взрастившей его партии? Вот когда товарищу Андрееву, тоже, кажется, члену партии с солидным стажем, надлежало бы на Пушкинской площади в рельс бить. А он молчал. Или нахваливал демократию, ее вождей и ее блага.

А во-вторых, хотел бы я посмотреть на товарища Андреева, доведись ему пережить хоть частичку того, что выпало Ельцину. Всю жизнь то тебя спьяну из купели забывают вытащить, то гранаты в руках рвутся, то уголовники хотят сбросить тебя на всем ходу с поезда, то громила замахивается топором, то начальник — стулом, то мешок на голову и бултых с моста, то самолет взрывается, то кобра под подушкой, то, наконец, сравнивают тебя с красно-коричневым Щукарем... Сильно сомневаюсь, чтобы после хотя бы одного из этих кошмаров Н. Андреев сохранил столь любезную ему взвешенность высказываний

и предсказуемость поступков.

А ведь в жизни Бориса Николаевича было и еще кое-что. Однажды, говорит, "оглоблей саданули". И что? "Упал, думал, конец, все потемнело в глазах".

На мой взгляд, два обстоятельства сыграли в судьбе Ельцина решающую роль: крещение в бадье пьяным попом и вот эта оглобля. И ведь саданул-то прямо по

358

физиономии — "переносица до сих пор как у боксера". Это понимать надо, товарищ Андреев. Вы после той оглобли уже никогда статей не писали бы. А Борис Николаевич? "Ничего, — говорит, — все-таки очухался, пришел в себя, дотащили меня до дома".

Да, несмотря на тяжкий ушиб, дотащили Бориса Николаевича до самого как есть Белого дома. И кто же тащил? Не мы с моими фронтовыми друзьями, не мы. А такие, как Андреев и его газета.

Вот о чем старики-фронтовики говорили и спорили в праздничные майские дни 1992 года...

Народная правда (Ленинград). 1992. № 22 (74). Июнь

ПОИЩИТЕ ДУРАКОВ В ДРУГОЙ ДЕРЕВНЕ

Люди добрые, что ж это творится в нашем паралитически-демократическом царстве-государстве! Куда ж это завело нас непобедимое и вечно живое учение ельцинизма-бурбулизма! Подумайте только, Генеральный прокурор нашего богоспасаемого Отечества обвинен в том, что хотел тайно истребить, уничтожить своего коллегу

— всем известного адвоката, именующего себя Макаровым.

Помните, совсем недавно этот Макаров, член КПСС с многолетним стажем, беседовал на наших голубых экранах с одним известным тележурналистом по фамилии, кажется, Очумелов, тоже членом КПСС со стажем, ну, тем самым, что всегда хочет докопаться до правды-матки и потому то и дело ставит в лоб вопросы такого рода: "Вы лжец — да или нет?", "Вы взяточник

— да или нет?", "Вы преступник — да или нет?", "Вы дурак — да или нет?" и т. п. Странно, никто из собеседников до сих пор не решился и ему в лоб поставить хотя бы один только последний вопрос. Не поставил и Макаров в этой беседе, но, может быть, лишь потому, что увлекся рисованием жутчайших картин бесчисленных диверсий и покушений против отцов демократии, учиненных конечно же руками беспощадной оппозиции.

Действительно, взять самого президента. Вся его жизнь — сплошная цепь покушений. Мне уж не раз приходилось обращать ваше внимание на драматические страницы его биографии — как в молодости бандю-

359

ги-картежники решили было сбросить его с поезда, как на стройке ворвался к нему в прорабскую бетонщик с поднятым топором: "Убью, гад!", как в рогожном куле его сбрасывали с моста в Москву-реку, как пенсионерский "жигуленок" пытался протаранить его бронированный лимузин в центре столицы...

Но ведь личностью отца народа дело не ограничивается. Адвокат, именующий себя Макаровым, напомнил тогда Очумелову, что были покушения и на самых верных его сподвижников. Так, Бурбулис, которого называют Правой Рукой президента, находясь недавно в городе на Неве, решил прокатиться на катере по Финскому заливу. Можно ли представить себе затею безобиднее? А что получилось? Страшно сказать: на катере произошел взрыв! Он был такой силы, что Геннадий Эдуардович, рассказывают, высоко взлетел в ночное небо и исчез. Его нигде не могли найти, и только утром обнаружилось, что в свободном полете

он зацепился за Адмиралтейскую иглу и всю ночь провисел над колыбелью трех революций. С помощью вертолета его сняли. Так почему же взорвался катер? Ясно, что была бомба с часовым механизмом. Кто ее подложил и взорвал? Двух мнений быть не может: Невзоров!

А история с Шахраем, которого по справедливости считают Левой Рукой всенародно избранного? Прошлым летом, напомнил Макаров, в Конституционном Суде шел первый процесс по иску КПСС к Ельцину Б. Н., и они там, сменяя друг друга лишь для короткой передышки, произносили многочасовые апоплексически натужные речи, защищая вельможного начальника и понося КПСС, проклиная всю советскую историю. И вот однажды Шахрай возвращался из города на дачу, когда-то принадлежавшую, кажется, Берии, вдруг — бац! — столкновение. Правда, как потом выяснилось, Левая Рука превысил положенную скорость, и, следовательно, может считаться виноватым, но разве не ясно, что сделал это не по своей воле, а в результате психотронной диверсии был запрограммирован на аварию, на самоубийство. Кто его запрограммировал, кто зомбировал? Разве не ясно: либо Бабурин, либо Исаков.

Как бы то ни было, а вот такую леденящую кровь панораму злодейских покушений на апостолов демократии нарисовал тогда знаменитый адвокат в беседе со знаменитым журналистом. Теперь он мог бы дополнить это рассказом еще и о покушении сразу на двух апостолов. 22 августа ровно в четыре часа находящиеся

в здании на площади Пушкина служебные кабинеты министра печати и информации Федотова и министра без определенных занятий Полторанина были обстреляны из царь-пушки. Выпущено три ядра. Федотов утверждает, что все они влетели в его кабинет. Полторанин оспаривает это: дескать, брехня, два ядра влетели к нему. Покушение!

В четыре часа утра кабинеты, разумеется, были пусты. Их обитатели, скушав по парочке сникерсов и гамбургеров, запив их шампанским, сладко посапывали на правительственных дачах, а Федотов уже вообще подал в отставку. Так спрашивается, кто же прикатил царь-пушку, навел ее, зарядил и поднес фитиль? Да наверняка депутат Слободкин! Почему? Из жажды мести за памятный всем постыдный инцидент на конституционном совещании, с которого его насильственно вынесли, а Федотова и Полторанина не тронули. Ясно как Божий день.

И вот прошло совсем немного времени, как Макаров нарисовал ужасающую картину террора, и мы узнаем, что злоумышленники добрались до самого адвоката, что только совершенно случайно он спасся и еще продолжает украшать наше общество своей лучезарной личностью.

И ведь из какого авторитетного источника мы узнали это, в какой, не подлежащей сомнению, обстановке! Из уст самого министра юстиции многоуважаемого Калмыкова Ю. Х. в ходе передававшейся 18 августа на всю державу пресс-конференции членов созданной президентом Комиссии по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти.

Оказывается, дело было так. 22 июня сего года ровно в 6.00 безмятежного утра уже бодрствовавший в заботах об Отечестве Макаров, пребывая где-то за границей, услышал с помощью нынешней фантастической техники подслушивания телефонный разговор находившегося в Москве Генерального прокурора Степанкова с находившимся вроде бы неизвестно где Якубовским. Этот человек с цинизмом, присущим наскоро испеченным генералам, сказал примерно следующее: хорошо бы, мол, укокошить адвоката Макарова. Больно рожа противная. Кирпича просит... Прокурор, как сообщил Калмыков, ответил приблизительно так: ну, это ты, Дима, решай сам...

А надо вам знать, читатель, что 22 июня — день рождения самого Макарова, как он лично оповестил человечество. До сих пор это число всегда напоминало
361
мне о нападении гитлеровцев на нашу Родину. Теперь буду всегда вспоминать еще и Макарова. И вот, представляете, человек готовился к пышному торжеству, ждал поздравительные телеграммы, предвкушал возвышенные речи, но вдруг, едва взошло солнце, он слышит: рожа кирпича просит...

Нет, не могу я продолжать рассказ о столь чудовищных делах. Перехватывает дыхание, дрожат руки... Сделаем перерыв, приглядимся пока к вещам не таким ужасным.

Ну, прежде всего, что это за комиссия, каковы ее статус и функции? Кто назначил ее членов? "Все мы назначены президентом", — сообщил господин Ильюшенко. Председательствующий Калмыков разъясняет: "Это своеобразная аналитическая группа, которая смотрит на те факты и информацию, которая подается прессой, содержится в докладах высших должностных лиц". Только смотрит, и все? А оценкой фактов и лиц эта своеобразная группа занимается? Макаров говорит, что ни в коем случае: "Оценок мы дать не можем. Давать оценки нас никто не уполномочивал. Оценки должны давать правоохранительные органы". Понятно. И впрямь, с какой стати какая-то "аналитическая группа" будет выставлять кому пятерку, кому двойку за поведение. Но председательствующий Калмыков уверенно заявил нечто прямо противоположное: "Перед нами была поставлена президентом задача **оценить** поведение некоторых должностных лиц с позиции права и норм морали". Вот так да! Видно, спешили на пресс-конференцию и не сговорились.

Однако в дальнейшем позиции того и другого юриста легко сблизились, а потом и совпали. Мы услышали от них, что свой "анализ", свои "оценки" они передают президенту, "который по ним принимает решения". Калмыков выразился как бы предположительно: "Я думаю (!), что те освобождения руководителей правоохранительных органов, которые сделал президент, предприняты на основании выводов и предложений нашей комиссии". Макаров говорил более определенно: "Вопросы отставки министра госбезопасности Баранникова и замминистра внутренних дел Дунаева связаны с деятельностью нашей комиссии". Что ж, если оба руководителя справедливо заслужили двойку с минусом, то спасибо "аналитической группе", но невольно возникает вопрос: почему президент послушно выполнил настояние кучки облюбованных им юристов из пяти человек, но до этого высокомерно от-
362
верг рекомендацию всего Верховного Совета освободить от занимаемых должностей Полторанина и Шумейко? Выходит, что уж слишком своеобразна эта "аналитическая группа".

Много удивительного было на этой пресс-конференции, в частности в выступлении ее председателя. Он не только, как мы видели, расходился кое в чем со своим коллегой Макаровым, но и с самим законодательством. Так, он заявил: "За все (!), за тот хаос, за тот беспредел в борьбе с преступностью (?) виновна прежде всего Генеральная прокуратура... Генеральному прокурору надо заниматься борьбой с преступностью, когда нельзя выйти на улицу, когда властвует преступность, властвует коррупция". Тут уж не выдержали бывшие студенты профессора Калмыкова. Мужественный юрист Виктор Илюхин публично вопросил: как же, мол, так, уважаемый учитель, ведь вы внушали нам, что главное в работе прокуратуры — надзор за соблюдением законности. А для борьбы с преступностью, в том числе и на улицах, есть соответствующие министерства, ведомства, само правительство, наконец.

И вот получалось, будто бы именно "за беспредел в борьбе с преступностью",

как сказал Калмыков, Верховный суд вынес определение о недоверии Генеральному прокурору... Но через два дня заместитель председателя Верховного суда Нина Сергеева развеяла эту министерско-профессорскую легенду. Она напомнила, что в определении суда речь шла вовсе не о работе Генерального прокурора в целом, а лишь об одном эпизоде процесса по делу ГКЧП, связанном с досудебной публикацией Степанковым книги о прокурорской версии путча. Только и всего.

Министр Калмыков объявил также, что комиссия решила передать вопрос о поведении двоечника Саши Руцкого в Конституционный Суд. Но член этого суда Николай Селезнев опять-таки довольно оперативно разъяснил: "Конституционный Суд, согласно уставу, проверяет **конституционность** действий высших должностных лиц страны, а не их противоправные деяния. К тому же межведомственная комиссия не входит в число учреждений, правомочных направлять в КС запросы по какому бы то ни было поводу".

Много увлекательного для неленивого ума было также в выступлении начальника Правового управления А. Ильюшенко. Например, он заявил, что единственным

363

гарантом стабильности, законности и нравственности в нашей стране является президент Ельцин. Жаль, что при вечернем телевизионном повторе пресс-конференции эта жемчужина верноподданности и бескорыстной любви почему-то выпала. Далее оратор искренне негодовал по поводу того, что над гарантом "все время висит меч так называемой (?) законности". Вот, говорит, прокуратура возбудила уголовные дела против Полторанина, Шумейко, а в суд не подает. Правильно. Но кто же не знает, что над вице-президентом висит не один, а сразу три меча: гораздо раньше на него грозились подать в суд и Чубайс, и Полторанин, и Шумейко. Вероятно, в интересах экономии сил и времени прокуратура ждет. Чего ж в самом деле суетиться?

Ильюшенко негодует: "Россия начинает походить на какую-то "банановую республику", в которой все коррумпированы". Можно согласиться. Но понимает ли начальник управления, что главную ответственность за это несет тот самый гарант, перед которым он мечет бисер, ну и, разумеется, его юридические и всякие иные приспешники.

Ильюшенко клянется: "Мы не хотим напускать тумана". Очень похвально! Однако что это за "два совершенно независимых друг от друга института", которые дали одинаковое заключение о документах, будто бы уличающих Степанкова? Об этом документе сказано, что его подписали Руцкой и еще некто, но этот второй не назван. В чем дело? Что заставляет утаивать имя еще одного "частного лица", которое записало телефонный разговор Степанкова с Якубовским? Где все-таки находится эта загадочная "нероссийская территория", на которой запись произведена? Корреспондент спрашивает: "Фирма "Сеабеко" Бирштейна переправляла за рубеж деньги КПСС?" Ильюшенко отвечает: "Да. В деле о деньгах КПСС фамилия Бирштейна фигурировала постоянно". Что за "дело"? Где оно рассматривалось? Какие "деньги КПСС"? Кто и где их обнаружил?..

Слушал я дальше начальника управления, и у меня отваливалась челюсть... Да, сказал он, документы о незаконной "передаче" недвижимости ряду совместных предприятий в ЗГВ "действительно готовились, но они не были подписаны, и юридически говорить, что кто-то хотел передать недвижимость, просто нельзя". Сударь мой, сказал я в экран телевизора, сразу подобрав челюсть, ну сколько же можно злоупотреблять туманом

364

и дымовой завесой? Как же так никто не хотел, если документы го-то-ви-лись!

На столь ответственной-то пресс-конференции перед лицом миллионов сограждан Ильюшенко конечно же привел самые веские, по его разумению, самые неотразимые соображения, дабы доказать, что "девять доводов Руцкого абсолютно не подтвердились". И вот мы видим, что эти соображения — лютая чушь, и речь тут должна идти не о квалификации юриста, а об элементарной способности соображать... Бедный наш президент! С кем ему, титану мысли, приходится работать... Если именно так, как мы слышали, отвергнуты все "доводы" Руцкого и других доказательств у Ильюшенко нет, то нам ничего не остается, как поверить в правильность всех "доводов" вице-президента.

Но вот из тумана, словно гора Броккен в Вальпургиеву ночь, появляется сам адвокат, именующий себя Макаровым. Я не видел его, кажется, со времени антиельцинского процесса в Конституционном Суде. Он прекрасно выглядит. Кажется, немного поправился. На вместительном лике его, как и раньше, написано: "Я — бескорыст- .. ный рыцарь справедливости и несчастная жертва жестокой борьбы за нее". Речь его по-прежнему высокоинтеллектуальна и отдает бочкой из-под патоки: "если можно так сказать... если вы позволите... если вы не возражаете... если хотите... простите..." и т. п.

Он сразу сказал, что у него ужас сколько врагов и они чудовищно коварны, беспощадны, поэтому если завтра появится сообщение, будто он, Макаров, изнасиловал бабушку президента, то не следует удивляться. В повторной передаче пресс-конференции по телевидению этот шедевр макаровского патологического остроумия почему-то был изъят. Видимо, из-за протеста бабушки президента.

Адвокат заявил: "Мы будем говорить только о том, о чем сегодня мы можем говорить совершенно уверенно". Достойный принцип! Но мы уже видели, что некоторые участники пресс-конференции придерживались его не всегда и не слишком строго. Что же Макаров? Он, размахивая какой-то бумажкой, как Мазепа знаменем "вольности кровавой", гордо восклицал: "Вот документ, который сейчас проверяется, проверяются абсолютно все сведения, которые в нем сообщаются!" Слава Богу, но ведь из этого следует, что до сих пор ни одно из этих "сведений" не проверялось, и абсолютно никакой уверенности ни в од-

ном из них нет. А ведь мы помним, что Макаров в упоминавшейся беседе с Очумеловым точно так же потрясал какой-то бумажкой и шумел: "Вот документ, неопровержимо свидетельствующий, что золото КПСС уплыло за границу!" Но сей документик так и остается неизвестным, где это проклятое золото и сколько его. Почему же кто-то должен верить, что на сей раз нам суют в нос настоящий документ, а не такой, который требует не только проверки, но еще и обработки в санэпидемстанции.

Словом, перед нами все та же картина туманной ночи на Броккене или на Лысой горе, где справляют шабаш ведьмы. И тут нельзя не привести заявление прокурора Москвы Г. Пономарева, которому комиссия передала свои бумаги: "Предстоит проверить материалы на достоверность, на законность их получения, и теоретически не исключены щекотливые вопросы представившей их комиссии и конкретным ее членам". Так что готовьтесь, конкретный член комиссии Макаров, может быть, в первую очередь вас спросят: "Каким образом вам удалось получить доступ в какой-то не названный вами швейцарский банк, в одночасье разыскать там к нужному моменту "счет Руцкого" и получить даже не копию его, а оригинал, как вы заявили по телевидению 24 августа? Или это дело рук Якубовского?"

Якубовский не присутствовал на пресс-конференции, но его мятежная тень постоянно витала над участниками. И в тени этой преломилось одно из крупнейших противоречий всей истории. С одной стороны, министр Калмыков

говорил о "генерале" с величайшей брезгливостью и презрением и характеризовал его как отпетого прохвоста, который "во много раз превзошел Остапа Бендера". Но, с другой стороны, все члены комиссии цитировали его, ссылались как на источник, заслуживающий доверия, именно от него получены многие сведения, "вещественные доказательства", будто бы имеющие большое значение и т. д. Использование "двойных агентов типа Азефа" смущает даже "Независимую газету".

И тут мы вынуждены вернуться к теме, означенной словами "рожа", "кирпич", "укокошить", — к записи разговора Якубовского со Степанковым, к вопросу о планах убийства адвоката, именующего себя Макаровым. Как обнаружилось после публикации записи разговора в московских газетах, упомянутых выше неласковых речений там нет. Калмыков говорил, что нет и слова

366

"убрать", но оказалось — есть, из чего следует, что или председатель комиссии не был знаком с записью, но уверенно говорил о ней, или нужное словечко вмонтировали уже после пресс-конференции. И то и другое весьма прискорбно.

Но еще прискорбнее, что Калмыков сказал: "Слова "убрать" не было, но весь контекст, весь смысл соответствуют этому", т. е. надо убрать. Советские люди хорошо помнят, к чему вели выводы юристов, вроде В. Ульриха, извлеченные прямехонько из "контекстов". А лучше всех должен помнить это министр юстиции.

Как ни напускали члены комиссии тумана, как ни старались обойти опасные для них места, а все-таки один из них, наиболее словоохотливый, проговорился, и стало совершенно ясно, кто и как сделал запись разговора. Каким образом Макаров, по его собственному признанию, мог услышать разговор в шесть утра, если именно в это время он и состоялся (в Москве было восемь)? Разумеется, только в том случае, если он при этом присутствовал лично.

Между прочим, в самом начале разговора Степанков пожаловался, что плохо слышит, и эти жалобы повторяет потом несколько раз. Якубовский ответил: "Старик, во-первых, негры кругом, во-вторых, враг подслушивает". Степанков: "А, может быть". Якубовский: "Думаю, что точно". Абсолютно бесстыжий Якубовский еще и глумился над собеседником: не может быть, а точно, что Макаров, враг Степанкова, подслушивал его.

Таким образом, была кем-то тщательно разработана и руками Макарова и Якубовского осуществлена самая настоящая высокопрофессиональная провокация. И надо полагать, об этом знают не только все члены комиссии, но и другие ответственные лица. Вспоминается, что именно так в "телефонную ловушку" попал в 1939 году генерал-майор К. К. Рокоссовский, заплативший за свою доверчивость несколькими годами лагерей. Вот какие нравы возрождаются на государственном уровне в нашей стране, вступившей в третий юбилейный год Преображенской революции.

Кого ожидают в будущем такие телефонные и разного рода иные ловушки, сомневаться не приходится.

Все члены комиссии очень много говорили о своей политической беспристрастности и отрешенности, о преданности только закону и справедливости. А к чему все дело свелось? К утверждению, что Руцкой, Степанков

367

—черные злодеи, а Полторанин и Шумейко — белокрылые ангелы. И ведь в какой безапелляционной форме это делается! Макаров заявил: "Шумейко и Полторанин не нуждаются в защите!" А когда корреспондент спросил Ильюшенко, виновен ли Полторанин в истории с Домом советской культуры в

Берлине, он ответил: "Там была допущена одна оплошность, я не скажу, что это нарушение. Полторанина просто подставили". Корреспондент: "Степанков намекает, что Полторанин получил мзду". Ильюшенко: "Ну, знаете!" То есть он и мысли допустить не может, чтобы такой ангел испортил воздух. Корреспондент: "А обвинения в адрес Шумейко?" Ильюшенко: "Они не соответствуют действительности". Нет, этим ангелам никаких ловушек устраивать не будут. Другое дело вице-президент: "В окружении Руцкого — просто уголовные элементы..." Остается только добавить, что чудом остался жив не только Макаров, но и Якубовский. Газеты сообщили: "В Торонто на Якубовского было совершено нападение. На месте неудавшегося преступления нападавший оставил записку с предупреждением не сообщать никому никакой информации о "А. В.". Эти буквы совпадают с инициалами вице-президента Руцкого". Конечно, надежнее было послать предупреждение по почте, но террорист предпочел вот такой оригинальный способ: увидев, что бомба взорвалась впустую, он тут же написал записку и положил в образовавшуюся воронку. А в записке было: "Не трожь, падла, нашего дорогого А. В.". И действительно, инициалы совпадают — Александр Владимирович. Как совпадают с инициалами и президента фонда "Возрождение" Коровникова — Александра Венедиктовича, и министра иностранных дел Козырева — Андрея Владимировича, и даже телеаса Караулова — Андрея Викторовича...

Советская Россия. 1993. 31 августа

ГЕНЕРАТОРЫ НЕНАВИСТИ

Недавно прошли по нашим экранам два литературно-политических сюжета. Первый — собрание в ЦДЛ московских литераторов-рыночников. По признанию "Литгазеты", "народу в огромном зале было немного", но это вполне искупалось сиянием нескольких суперзвезд поэзии, прозы и элоквенции: Ю. Черниченко, А. Нуйкин, В. Савельев, Е. Боннэр, Я. Костюковский, А. Борщаговский... Звезды и сателлиты приняли обращение к творчес-

кой интеллигенции с призывом голосовать на референдуме за доверие Ельцину. Только в этом видят они свое спасение.

Самым примечательным на собрании в ЦДЛ оказалось оглашение поэтессой Екатериной Шевелевой своей эпитафии, заблаговременно изготовленной ею на исходе восьмого десятка жизненного пути. Там есть строки, которые действительно очень уместны на памятнике:

Будь проклято рождение мое
В стране, где поощряется жулье!
Будь проклята былая коммунистка!..

Насчет жулья тут верно. Поэтесса родилась еще в ту пору, когда при царском дворе хозяйничал Распутин, а жулье самого разного калибра поощрялось и процветало. Это, разумеется, заслуживает проклятия. Однако справедливо ли проклинать заодно не только всю страну с ее историей, но и мать родную с отцом, повинных в рождении коммунистки? Они же не знали, кого рожают.

Будь прокляты партийные вожди,
Что были мной доверчиво воспеты!

Тут лучше бы легла строка: "Что были мной так выгодно воспеты", ибо автора можно обвинить во многом, только не в доверчивости. Такая поправка подтверждается всей жизнью Шевелевой: она издала вороха книг, воспевающих

партийных вождей и их дела, не одно собрание сочинений, получила от вождей три литературных премии, четыре ордена, кучу медалей. Разного масштаба и ведомства вожди посылали ее в Индию, Японию, США, Францию... Где только не была! И все за казенный счет.

Будь проклята слепая беготня
По пресловутым коридорам власти!

Беготни за шестьдесят лет деятельности действительно выпало поэтессе немало: по коридорам на Старой площади, в Охотном ряду, на Лубянке (особенно!), на улице Воровского и т. д. Но это была вовсе не слепая беготня. Совсем наоборот, весьма даже зоркая беготня, результатом которой и явились все эти книги, ордена, премии, поездки...

Будь проклята слепая беготня,
Бессовестно лишавшая меня
Простого человеческого счастья!

369

Как это так? Да ведь все шестьдесят лет только и пела о том, как счастлива...

Будь проклят унизительный режим,
Нас разделявший на иуд и зэков!

Конечно, режим кое в чем виноват. Но, если ничего, кроме иуд и зеков, не было, а поэтесса Шевелева и ее муж фельетонист Винтер-Лацис благополучно избегли участи зеков, то выходит, что они — иуды. И в этом качестве, как видим, совсем неплохо жили, много преуспели.

...Словом, на полную мощность работает генератор ненависти. Этим пронзительным строкам, предназначенным для будущего памятника на могиле поэтессы, бешено аплодировали ораторы, слаще репы ничего не едавшие.

Может быть, внуки и правнуки поэтессы тревожно подумали: "Что стряслось с бабусей? Дача горит?" А ничего, детки, не стряслось. Просто бабушке страшно, что она так долго плясала и громко пела: "Эх, хорошо в стране советской жить!" Ей просто кошмарно из-за того, что она всю жизнь проклинала капитализм, а он, глядь, уже тянет к ней свою мохнатую лапу.

Не исключено, кое-кто ожидал, что былая коммунистка проклянет еще и свои ордена, литературные премии, прекрасную квартиру, хрустальную люстру в уборной, — проклянет и возвратит кому следует, ибо все это приобретено за годы "унизительного режима". Увы, ожидания не сбылись. Все, включая премии, осталось при ней. И то сказать, ведь ныне даже ордена продать можно. Второй литературно-политический сюжет, кратко показанный нам, — встреча в Бетховенском зале Большого театра тех же писателей-рыночников и артистов-приватизаторов с любимым президентом. Тот по обыкновению тонкого политика сразу взял быка за рога: "Мне объяснили, что это зал для спевок. Нам нужно сегодня спеться".

Правда, в зале почему-то не было ни Леонида Леонова, ни Георгия Свиридова, ни Галины Улановой, ни Святослава Рихтера, ни Гелия Коржева, ни Александра Шилова, ни Владимира Атлантова, ни Дмитрия Хворостовского, ни, наконец, самого Людвига ван Бетховена.

Первой по праву игуменьи затянула Мария Владимировна Миронова, известная на эстраде с 1927 года — еще с троцкистско-бухаринских времен в искусстве: "Борис

370

Николаевич, ну Борис Николаевич, как вы можете работать с Руцким, если у него совершенно, ну, совершенно противоположные взгляды. А Съезд? Ну, у него же

совершенно противоположные взгляды. Какие нервы надо вам иметь! Ах, вы себя совершенно не бережете..."

Очень нервничал и лязгал зубами прекрасный, тонкий пианист Николай Арнольдович Петров:

"Если эта мразь придет, нам всем придется отсюда бежать, всем, кто достанет билеты. Вы, Борис Николаевич, честный, образованный, воспитанный человек, сидите за столом с шулерами. У вас шулер — вице-президент, у вас шулер — спикер, шулеры — депутаты. Шулеры, некрофилы, гомосексуалисты... Пора употребить власть. Канделябрами их! Утюгами! Унитазами!.."

Еще выступали редактор журнала "Знамя" Григорий Бакланов, трехкратный лауреат премии МВД и премии "Уралмаша", член КПСС с 1957 года, член Союза писателей Аркадий Вайнер, лауреат премии журнала "Знамя", член КПСС с 1944 года, член Союза писателей Артем Анфиногенов, уроженец Житомира, а также всем известный почетный осетин Израиля Геннадий Хазанов. И сколько же опять угодничества и страха, непотребства и угроз!

Анфиногенов до того перетрусил, что оппозиция представилась ему в образе огромного стоголового чудовища, которое беспрерывно скрежещет зубами, рычит и лает. Что рядом с этим девятиголовая лернейская гидра! И он все время подначивал, торопил президента: "Нужно использовать момент, Борис Николаевич, нужно использовать..." Шутка ли, сто голов. Хазанов, как и все, запугивал Ельцина, но избрал для этого особый ракурс: "Про вас кричат, что вы агент сионизма. В Подольске на заборе я видел надпись "Ельцин — юда!". А прокуратура бездействует, милиция тоже. Будет поздно, они вас не пожалеют, Борис Николаевич. Ни вас, ни тех, кто в этом зале, не пожалеют..."

Бакланов внушал: "Возьмите с собой все свое мужество. Все, что есть! Нужна твердая президентская власть. Твердая! Очень твердая. Архитвердая. Вы меня поняли?"

Художественный интеллигент Вайнер начал возвышенно: "В этом маленьком зале я наблюдаю блистательное созвездие имен, каждое из которых близко миллионам избирателей". В созвездии он наблюдал и себя, Аркадия Александровича, а рядом, разумеется, братишку Жору, звезду поменьше, соавтора, члена КПСС с 1962

года, лауреата полдюжины премий, в том числе трех — МВД и одной КГБ.

"Дело прогресса, дело справедливости в наших руках!" — воскликнул оратор. Далее он призвал каждую звезду перестать звездеть, а заняться конкретным делом: обратиться к избирателям с призывом голосовать за Ельцина. Из 107 миллионов избирателей Вайнер брал на себя 100. Как говорится, "повышенные обязательства". Но так или иначе, а 66 миллионов, как теперь мы знаем, не пожелали слушать ни братьев Вайнеров, ни Зыкину и Васильеву, ни МВД и КГБ.

Но вот слово получил выдающийся детский писатель Анатолий Георгиевич Алексин — кавалер ордена Ленина и других орденов, пятикратный лауреат, член-корреспондент АПН, член КПСС с тридцатипятилетним стажем, соавтор председателя СП РСФСР С. Михалкова, секретаря СП СССР К. Воронкова.

В свое время судьба давала ему возможность пойти на войну и вступить в непримиримый бой с фашизмом, но, увы, он этой возможностью почему-то не воспользовался. Но вот теперь мы от него услышали: "Фашизму мы должны давать бой самый непримиримый!.. Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!.. Борис Николаевич, вы должны гораздо более решительно, гораздо более непримиримо..." Опять желание спрятаться за спину других.

Не хотелось касаться здесь национального вопроса, но уж если израильский осетин Хазанов сам лезет на рожон, придется заметить: среди ораторов на встрече в Бетховенском зале получил слово лишь один несомненно русский человек — М. В. Миронова, вдова А. С. Менакера...

Я уверен, что в свое время опубликуют полную стенограмму этой "Бетховенской встречи" и собрания литераторов-ельцинистов в ЦДЛ, на котором любимица Лубянки Е. Шевелева читала под аплодисменты свою "Эпитафию", проклинающую все на свете — от собственного рождения до пионерского лагеря "Артек". Если к тому времени участники этих радений будут еще живы, то даст ли им Бог сил пережить публикацию?

Однако в зале сидели и достойнейшие люди, которые тягостно переживали происходящее. Виктор Сергеевич Розов хотел тут же высказаться, но, увы, плохо себя чувствовал и не смог этого сделать. Он высказался через несколько дней в "Общей газете": "Меня потрясло поведение пришедших на встречу моих талантливых и уважаемых коллег... То, что произошло с ними в этот день,

нельзя назвать иначе, как дьявольским наваждением... Подобного холуяжа я в своей жизни не видел никогда. Так перед главой государства не пресмыкались ни при Хрущеве, ни при Брежневе. Наоборот, я вспомнил мужественное поведение Маргариты Алигер на встрече с Хрущевым... Я был ошеломлен тем, что слышалось со всех сторон: "Накажите ваших противников!", "Снимите их с должностей!", "Закройте ненужные вам издания!" Словом, происходил просто шабаш..." И в телерепортаже, и в отчете "Литгазеты", которым мы здесь частично пользовались, эта сторона встречи была сильно приглушена. Но как бы то ни было, а спевка, несмотря на шабаш, состоялась. Вот уже президент и наказывает своих противников, и снимает их с должностей, и преследует оппозиционные издания.

Передача "Пресс-клуб".

3 мая. Ну, а здесь тоже известные всем лица: вездесущий Дейч, непременный Шейнис, адвокат, именующий себя Макаровым... Не так давно в беседе с А. Карауловым (каждый раз, когда вижу на экране Караулова, непременно вспоминаю Очумелова из рассказа Чехова "Хамелеон") Макаров издалека показывал какие-то убийственные документы о "золоте КПСС". Опубликовать бы их, допустим, в "Известиях", ужасно охочих до этой темы, он почему-то не желает. Сдается мне, однако, что в приватном порядке послал он свою находку писателю Виктору Астафьеву, и тот накануне референдума объявил со страниц "Литгазеты": "Вот выписки из книги "Золото партии". Что за книга? Кто автор? Когда, где издана? Не говорит. Это и заставляет думать, что в руках у писателя не таинственная книга, а еще более таинственные документы Макарова.

Так о чем же свидетельствуют выписки? Вот Ленин, например. Он рассказывал Герберту Уэллсу, что у него всего один костюм. Биографы умилялись, что в 1922 году Ильич передал в фонд помощи голодающим Поволжья единственную золотую вещь в доме — медаль, полученную при окончании гимназии. Какое лицемерие! Астафьев же, который недавно тоже получил от Горбачева золотую медаль и, кажется, еще ни на что ее не пожертвовал, со страниц писательской газеты объявляет миру ужасающую правду: "От "скромного" Ленина в швейцарский банк переведено на личный счет 75 миллионов швейцарских франков". О-го-го...

Известно Астафьеву, что и другие высокопоставленные коммунисты не отставали от вождя. Взять, скажем, Дзер-

жинского, который, по слову поэта, "сердце отдал временам на разрыв". И от него обнаружен переводик миллиончиков, кажется, на 100. И это тянулось десятилетиями. Совершив свои эпохальные разоблачения, Астафьев почему-то молчит о том, что же стало с этими вкладами. А ведь даже только названные им суммы огромны: 11 миллионов долларов, 245 миллионов швейцарских франков, 400 тысяч фунтов стерлингов. А проценты с 1921 года, когда, по словам сыщика,

все это началось! Неужели он не догадывается о судьбе вкладов? Ну тогда в страхе перед неизбежным новым разоблачением придется просветить его вместе с адвокатом, именующим себя Макаровым.

Вот напечатал Астафьев статью в "Литгазете", и хочу я его спросить: какой гонорар ты за это получишь, Виктор? В какой валюте? Да конечно же в деревянных, в обморочных, в гайдаровских. А мне вот за эту статью "Советская Россия" отвалит в долларах. Недавно была статья в "Правде" — получил в швейцарских франках, ленинградская "Народная правда" прислала в фунтах, в "Гласности" отмусолили мне в немецких марках, "День" не поскупился на японские иены... Понял? Вот на что пошло золото КПСС. Конечно, тебе обидно, Витя, потому и докатился ты в компании с Макаровым до крайней фазы лакейства, трудясь в поте лица своего на страницах писательской газеты как почетный наводчик: "Сборщица краснобайствующих интриганов... Большевистская нечисть!.."

Ну успокойся, Витя. Нельзя же так, ведь не молоденький, не Гайдар. Чего доброго, лопнет с натуги какая-нибудь жила. Где возьмет "Литгазета" другого классика равной остервенелости... Ей-ей, угомонись. Может, скоро и тебе будут платить в швейцарских франках. Или рубль обретет свою былую мощь. Уверяет же Ельцин: началась стабилизация, вот-вот врежемся в капитализм. А пока я на твоем месте потребовал бы оплачивать свои статьи в "Литгазете" и выступления по телевидению "ножками Буша". Это надежней любых франков и марок. Тем более пора бы тебе охолонуть, ведь доносы твои, Витя, уже учтены, пламенные призывы выполняются, чистка идет полным ходом. Тем более сейчас требуются новые формы охмурения.

Они, конечно, нашлись. Собрались в кружок, и пошел разговор: безобразие, мол, творилось Первого мая. Бес-

чинствуют экстремисты. 26 человек уже арестованы... И вдруг раздается дивный женский голос: "Борис Николаевич, дорогой ты наш, а нельзя ли их всех расстрелять?.." Как было сказано в одной газете, президент даже зажмурился... Но все вокруг громко засмеялись: вот ведь сморозила, дескать. Кто-то подскочил и, видимо, шепнул: осторожно, мол, провокация! И тогда последовал ответ: насчет расстрелять... это решит суд!.. Конечно, тут опять мог объявиться какой-нибудь неугомонный демократ со своими претензиями, чтобы пресечь это, президент сказал в сердцах: ну вот и тут вы митинг устроили... С оскорбленным видом сел в свой бронированный "членовоз" и в окружении армады охранителей отбыл в неизвестном направлении...

Очень выразительной получилась в передаче "Красный квадрат" 8 мая беседа депутата России Ивана Шашвиашвили с ведущим Александром Любимовым. У первого во всем облике — спокойствие, сдержанность, простодушие. У второго — чисто гайдаровская взвинченность, смятенность да еще и собственная агрессивность. Задав вопрос собеседнику и тут же сообразив, что ответ ему не подходит, Любимов сразу же перебивает собеседника, которому с трудом удается вставить словечко. Вот Иван изловчился и бросил словцо о том, что-де кровавая расправа Первого мая с демонстрантами на площади Гагарина похожа на поджог рейхстага. Как! — взвился Любимов. Что за чушь! Ведь никаких диктаторских репрессивных мер за этим не последовало...

Между прочим, в "Красном квадрате" должны бы знать — ведь и поджог рейхстага провалился, сразу за ним тоже ничего страшного не последовало. Пожар был 27 февраля. Прибыв на место происшествия, Геринг воскликнул: "Это начало коммунистического восстания!" А Гитлер, как рассказал позже начальник прусского гестапо Дильс, орал: "Теперь не может быть никакой пощады!.. Он кричал так неистово, что казалось, вот-вот лопнет от натуги". Как Астафьев, тоже

не берег себя.

Однако обвинить в поджоге коммунистов не удалось, и 5 марта состоялись выборы в рейхстаг, на которых коммунисты получили почти 5 миллионов, а социал-демократы более 7 миллионов голосов. Мало того, 1 мая был объявлен праздником — "Днем немецкого труда". Накануне Гитлер принял рабочую делегацию и заявил: "Вы сами увидите, как несправедливо утверждение, будто наша революция направлена против рабочих. Совсем

375

наоборот!" В день праздника состоялась грандиозная демонстрация, улицы были украшены, Гитлер еще раз выступил с речью о великой любви к рабочим. "Хрустальная ночь", "ночь длинных ножей" и другие фашистские прелести были еще впереди...

Но вот мы узнаем об отставке Ю. Скокова, Г. Хижи, о похищении Виктора Анпилова. Даже когда стало известно, что Анпилов был жестоко избит, ему сломали пальцы, — с экрана телевизоров не прозвучало ни слова сочувствия. А ведущая Светлана Сорокина, не дрогнув ни единым мускулом своей высококачественной личности, поведала, что когда бандиты (разумеется, она их так не назвала) отпустили Виктора и он попросился в какой-то деревне переночевать, то ему не открыли дверь. И добавила от себя, конечно: его узнали.

Понимает ли она смысл сказанного? Ведь это — убийственное доказательство того, что мы действительно, как пишут иногда в газетах, живем при оккупационном режиме. На Руси путников привечали всегда, особенно в таком положении, в каком оказался Анпилов. Не зря же в старой песне беглый каторжник говорит:

Шел я и в ночь, и средь белого дня,
Близ городов озирался я зорко.
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой...

И только в годы войны на занятой фашистами территории порой случалось, что люди в страхе перед оккупантами не открывали дверь своим, русским. Вот и сейчас в страхе перед доносчиками иные запираются на все задвижки. И огромную роль в нагнетании этого страха играет телевидение.

А я, между прочим, уверен, что, случись мужу или сыну Сорокиной, или ей самой, или им всем вместе оказаться голодными, не приведи Бог, избитыми, постучаться ночью в дверь Анпилова, он откроет им, обогреет, накормит и уложит спать на собственной кровати, а сам ляжет на полу. Утром же еще и снабдит в дорогу махоркой... Человек, который за два дня до избиения так заразительно смеется с экрана, а сразу после пережитой драмы был так спокоен и рассудителен, миролюбив и тверд, не может поступить иначе.

Советская Россия. 1993. 15 мая 376

ЧЕСТЬ НАЦИИ СПАСЕНА

Отец Виктор и клеветник Борисов

Среди множества коллективных и личных заявлений, обращений, воззваний черных дней октября 1993 года и их кануна не могло не привлечь внимания то, что было сказано группой церковных деятелей, первый из коих, между прочим, известен своим почтительно-покровительственным отношением к президенту. Он смиренно промолчал даже тогда, когда тот, находясь у него в гостях, бросил на всю Державу, что отстранить его от должности может только Всевышний... В этом коллективном заявлении, прозвучавшем в обстановке все накалявшегося

противостояния, было немало нужных слов примирения и остережения, насущных напоминаний об ответственности каждого из нас за дальнейшее развитие событий в столице и стране. Но громче других прозвучала главная мысль: кто первым поднимет руку на другого, тот и будет виноват, и на него падет вся тяжесть ответственности, и проклят он будет во веки веков. Эта мысль оставляла странное впечатление. Здесь нетрудно видеть два важных обстоятельства, и оба они наводят на глубокие раздумья и горькие сомнения.

С одной стороны, как легко и просто, как уверенно сказано: "кто первый". Словно речь идет о противостоянии по четкой линии разграничения в основном равных и в известном смысле однотипных сил. Ну нечто вроде "великого стояния на Угре" в 1480 году, когда русские и татары не решились напасть друг на друга в чистом поле через реку. Дело, кстати, тоже было в октябрьские дни... Конечно, в подобной ситуации можно определить, кто первый пустил стрелу или грохнул из гранатомета.

Дело выглядело бы и того проще, если бы тут было противостояние безукоризненно честных, отменно благородных людей "против профессиональных убийц, собравшихся в Доме Советов", как безапелляционно заявил священник Александр Борисов, настоятель церкви Косьмы и Дамиана, что напротив Моссовета, в статье, странно озаглавленной "Молитва против кровопролития", которую напечатали в "Московских новостях" 10 октября, спустя уже почти неделю после кровопролития.

Кстати сказать, в Доме Советов были и священники. Журналист "Комсомольской правды" Александр Гамов

говорит, что видел по крайней мере шестерых. Как сказал ему иеромонах Никон, Бог послал их туда с одной целью — укрепить души защитников Конституции и солдат, стоявших в оцеплении. Для этого они в одном из помещений создали церковь, вели службу, проводили крестный ход вокруг Дома, иных его защитников крестили. Но, увы, там оказались "одни только "рядовые батюшки", которые прежде с Красной Пресней, может быть, и рядом не стояли". Вот почему нельзя отмахнуться от горьких слов, сказанных уже после кровопролития Александром Прохановым в газете "Мы и время": "В наступившем периоде роль церкви будет мала. Разговоры о духовном возрождении кончились торжеством палачей, казнями безоружных атеистов и верующих. Патриарх, посетивший Америку вслед за Грачевым и Черномырдиным, не поднялся в дни московской беды над уровнем премьер-министра и мэра. Он не взял в руки икону, не возжег свечу, не возглавил крестный ход к стальному оцеплению, не поднял золотое Евангелие навстречу стреляющим танкам, не проклял бейтаровцев. Он чем-то вдруг заболел, зарылся в пуховик. Внесенная в Елоховский собор Владимирская Божья Матерь освятила присутствовавших в храме Шумейку и Лужкова. Беда родному Православию, у которого иерархи окормляются за морем".

Не все слова тут справедливы. Была, например, воз-жена свеча и отслужена литургия, но обстановка требовала гораздо большего. Да и так ли горяча, так ли вдохновенна и самозабвенна была молитва?!

Нет, никак нельзя отмахнуться от горьких слов Проханова, истинного рыцаря русского сопротивления. Тем паче, что один из "белодомских" священников — отец Виктор — погиб вместе с защитниками Конституции, а другой священник, как видим, проводил его в последний путь воплем: "Профессиональный убийца!"... Господи, да как жить-то ему дальше с таким грехом на душе...

Но вернемся к нашей "Угре". Конечно, если бы было в октябрьской Москве, как там, кабы так было, как изображает бесстыдник в рясе Борисов, то найти первого, пожалуй, не составляло большого труда. Но разве не ясно, сколь сложна, да и вообще едва ли выполнима эта задача в условиях огромного города, когда на

его обширных площадях, бесчисленных улицах, кривых переулках участниками драматических событий оказались тысячи
378
и тысячи сограждан. И к тому же о тех, кто противостоял ОМОНу и Борисову, в газете "Позиция" так сказал

— и это правда — один из них — Артем К., научный сотрудник НИИ из Калининграда: "Большинство из нас беспартийные, православные, хотя есть и мусульмане, и коммунисты, и демократы. Мы просто честные люди, пришедшие к Дому Советов, чтобы выразить свое неприятие лжи, мафии, политического диктата и произвола. Мы

— это те, кто болеет душой за судьбу народа и России и за них готовы поступиться личным. Мы — это те, кто сказал себе: "Если не я, то кто же?" Так услышьте нас, люди!" Да, именно такова была истинная картина жизни, подлинная обстановка тех дней, в которой упомянутые деятели собирались искать первопреступника. Между прочим, понимание невыполнимости этой задачи высказал, в частности, диакон Андрей Кураев в "Литературной газете".

Кстати, А. Борисов дает в статье еще один отменный образец своей осведомленности. Нагнетая запоздалые страсти, надувая резиновый героизм, уверяет, что в августе 91-го года "у Ельцина и его сторонников не было армии...". Позвольте, святой отец, а Военно-воздушные силы и их командующий генерал Шапошников, изъявивший сиюминутную готовность по приказу Ельцина бомбить враждебный ему Кремль? А Воздушно-десантные войска и их командующий генерал Грачев, переметнувшийся на сторону Ельцина? А танковый полк и его командир генерал Лебедь, последовавший за Грачевым?.. Ведь больше-то и не требовалось, чтобы пересажать деморализованных демократической болтовней простофиль...

Право на восстание

Спор о том, кто первый поднял руку, кто первый пролил чужую кровь, идет до сих пор. Грачев, Ерин, Лужков уверяют, что это сделали их противники. Но очевидцы событий свидетельствуют, что кровавые избиения москвичей ОМОН начал еще 28 сентября у станций метро "Баррикадная", "Улица 1905 года" и "Пушкинская", что 2 октября на Смоленской площади один демонстрант был убит, что 3 октября, когда ОМОН, как всегда, нагло не разрешил провести митинг на Октябрьской площади и люди, прорвав цепь милиции на Крымском мосту, двинулись к Дому Советов, их, почти бе-
379
зоружных, обстреляли из окон или с крыш так называемой мэрии и гостиницы "Мир", несколько человек были сражены, что и послужило толчком для атаки на берлогу Лужкова.

Но названные лица гнут свое и, увы, даже не стесняются, хотя двое из них ныне взысканы милостями властей как выдающиеся военные деятели. Были в русской истории Суворов-Рымникский, Румянцев-Задунайский, Потемкин-Таврический, Скобелев-Туркестанский. Право, никто бы не удивился, если бы теперь объявили Грачева Бел од омским и Ерина — Краснопресненским...

Так непросто обстоит дело с проблемой, кто первый поднял руку. Но есть и другая сторона. Говоря о вине и ответственности, надо, конечно, признать, что первый — это первый, почин есть почин, но если даже согласиться, что мятежники подняли руку первыми, то разве правомерно все сводить только к этому? Разве уважаемым авторам помянутого заявления, среди которых нет несмышленых младенцев, неведомо, что и человека, и толпу, и народ можно довести до того, что они, да, в конце концов могут первыми поднять руку?

Именно так в 73-м году до христианской эры в Римской империи поступили доведенные до отчаяния рабы гладиаторской школы в Капуе, а потом во всей Италии. Неужели рабы под водительством Спартака больше виноваты, чем рабовладельцы, не считавшие их за людей, чем Красс, разгромивший восставших и натыкавший вдоль дороги от Капуи до Рима шесты с головами казненных? Нет, честные люди всего мира думают иначе, они считают Спартака и его сподвижников героями и прославили их едва ли не во всех видах искусства: от ваяния и прозы до кино.

Именно так поступил — первым поднял руку — и голодный оскорбленный народ Парижа, бросившийся 14 июля 1789 года на штурм Бастилии. Неужели можно сказать, что на несчастных парижанах лежит большая вина, чем на их сластолюбивом и безответственном короле с его знаменитой фразой "Трава уже выросла, пусть едят траву", чем на королеве Марии-Антуанетте, призывавшей для подавления народа "голубые каски" того времени — войска пруссаков, австрийцев и русского царя? Нет, честные люди думают иначе, а сами французы сделали день взятия Бастилии своим главным национальным праздником...

Именно так не раз поступали и русские люди в бесчисленных бунтах и мятежах, восстаниях и революциях.

И неужели можно сказать, что матросы броненосца "Потемкин", поднявшие восстание 14 июня 1905 года, больше виноваты перед людьми и Богом, чем тупой, чванливый командир корабля, до того презиравший их, что понуждал есть червивое мясо? Нет, честные люди думают иначе, и эти матросы прославлены в фильме, признанном лучшим фильмом всех времен и народов. А собрата их, в похожих условиях в те же дни возглавившего восстание на крейсере "Очаков", большой поэт воспел в поэме и вложил ему в уста мужественные и гордые слова, брошенные в лицо судьям:

Я столько лет вынашивал
любовь к родному краю!
И снисхожденья вашего
не жду и не желаю.

Да, восстания и мятежи бывают порождением не только ненависти к кому-то, но и любви к родному краю.

Сегодня вспомним еще и о том, что было уже при нас. Хотя бы восстание в Новочеркасске, вспыхнувшее 1 июня 1962 года. Неужели виноваты рабочие, выступившие против повышения цен на мясо и масло, а не Хрущев, спровоцировавший их на это скачком цен, не директор Электровозостроительного завода Курочкин, заявивший рабочим: "Ели пирожки с мясом, теперь будете есть с капустой"? Неужели заслуживают проклятия матери, жены, дети рабочих, а не те же Хрущев, Микоян, Козлов, бросившие против восставших танки, которые, не понеся никаких потерь, наколотили кучу трупов?

Судопроизводство всего мира знает понятие "состояние аффекта". Если кто-то первым поднимет руку на другого в таком состоянии, явившемся следствием крайнего унижения или оскорбления, отчаяния или безвыходности, то с него частично, а то и вовсе снимается вина, — так поступает даже несовершенный человеческий суд, тем более такой довод всегда берут в расчет и суд потомков, и суд Божий.

Но разве уважаемые деятели не видели, каким грязным оскорблениям, какому циничному унижению подвергались в последние годы народ Москвы, всей России и высший орган избранной им власти. В лицо миллионам людей кабацкий голос ревел: "Красно-коричневые!" И тут же подлые подголоски подхватывали: "Люмпены! Быдло! Маргиналы!" Словно перед ними не соотечественники, не

честные труженики, не те,
381
кто проливал кровь в войне с фашизмом, а изобретатели душегубок, персонал Освенцима и защитники Бастилии или рейхстага. На всю страну громыхал вопль: "Разогнать этот Верховный Совет к чертовой матери!" Словно речь шла не о высшем органе власти великой державы, избранном всенародным голосованием, а о школе гладиаторов в Капуе. А каким изощренным оскорблением Верховного Совета, миллионов избирателей было возвращение в правительство ненавистных фигур вроде Гайдара, которые уже давно и неоднократно показали свою полную бездарность и преступную безответственность, за что депутаты и требовали их отставки. Да и откуда взялась бы осведомленность, опыт, навык у этих людей, если тот, что объявлен Ельциным на весь мир самым умным из них — Гайдар Третий — мало что в жизни своей нюхал, кроме кабинетов "Правды", коридоров "Коммуниста" и туалетов ЦК. Право же, император Калигула, которому втемяшилось ввести в римский сенат своего любимого жеребца, выглядит здесь предпочтительней нашего президента.

Лятьев, Новодворская и Чудакова — генераторы ненависти

Но ведь все это лишь цветочки по сравнению с тем, что последовало дальше: указ, злобно поправший Конституцию, попытка разгона Съезда народных депутатов и парламента, блокада Дома Советов с последовательным отключением электричества, воды, тепла, канализации, с окружением колючей проволокой, войсками, наконец, с потоками лжи, клеветы, угроз... Сейчас народу вдалбливают, что, мол, "Правда" и "Советская Россия" сеяли вражду, подстрекали к кровопролитию. Но где доказательства? Их нет. А вот что писал, например, в "Московской правде" некто Б. Лятьев 25 сентября, на четвертый день блокады, прямо адресуясь к Ельцину, язвительно подначивая и подталкивая его: "На третий день после телеобращения состояние президента и его окружения близко к обморочному — как у институтки, увидевшей змею... Нет, Борис Николаевич, надо немедленно выходить из состояния грогги и решительно действовать — пусть круто, по-мужицки, как начали... Неужели вы, Борис Николаевич, вкупе со своими многочисленными помощниками и советниками не понимаете, чем каждый день промедления грозит нам... Следует упре-
382
дить удары коммунистов... Единственное, что остается, — арестовать изменников" и т. д.

А какие неистовые шабаши главным образом на страницах "Московского комсомольца" закатывала в те дни известная Валерия Новодворская! По тому же адресу она взывала: "Если хочешь муравейник перестроить, не предлагай муравьям голосовать за реформы, а просто возьми палку и раскидай муравьев..." При этом она ссылалась на авторитет нобелевского закваса — "Солженицын писал: "От этого режима не требуется, чтобы он реформировался. Надо, чтобы он просто сгинул". Воинственная дева тут же подстрекательски сожалела, провокаторски укоряла: "В августе 1991 года мы не добили коммунистов, мирное сосуществование с которыми так же невозможно, как сожительство с гадюкой или скорпионом. И они возродились". Конечно, сожительство человека с гадюкой невозможно, но сожительство с ней скорпиона порой случается. И тогда перед нами плод их пылкой любви — ненавистники коммунизма.

У этой остервенелой девы было наготове множество рекомендаций: "Если бы людоедов с красными флагами почаще угощали дубинками, как в благословенные времена Аркадия Мурашова, они бы не наглели так..." И дальше: "Коммунистические и фашистские монстры из ФНС, РОС, РКП, КПСС и т. д. на

выборы не должны и показываться. Организации этого сорта указом президента должны быть запрещены. Советы надо ликвидировать на всех уровнях". И во всем этом дева Валькирия обещала самое энергичное содействие своих единомышленников. Среди овец, кроликов, свиней и муравьев, говорит, мы не были предусмотрены. "Мы пришли, чтобы разорить эту райскую кучу коллективного бытия. В крайнем случае — чтобы поджечь..."

Как теперь знаем, все эти наказы и требования были старательно и аккуратно выполнены властями. Через четыре дня после статьи с помощью 125-миллиметровых орудий был совершен и поджог "кучи коллективного бытия" на Краснопресненской набережной, и сотни людей гибли, как муравьи, в пламени и от огня противотанковых кумулятивных снарядов. В "Комсомольской правде" читаем: "По рассказам очевидцев, применение кумулятивных снарядов наносило незначительный ущерб зданию..." Вот где правители позаботились наконец о рентабельности... "но зато у людей, находившихся в здании, вылетали мозги. Стены в этих помещениях забрызганы человеческим серым веществом"... Нет, не Валькирия, а Вампирия.

383

Верно сказал о ней в "Независимой газете" В. Максименко: "Ее бодрит лишь запах свежей человеческой крови".

Разумеется, ничего похожего на арестно-расстрельно-поджигательские вопли и призывы Б. Лятьева и В. Новодворской не было и не могло быть в "Правде", "Советской России", "Гласности" и других газетах этого направления.

А ведь за названной парочкой тянется длинный ряд их коллег-единомышленников. Так, М. Чудакова, тонкая ценительница творчества Михаила Булгакова, написавшая о нем книгу, на встрече литераторов с Ельциным умоляла его: "Не нужно бояться социального взрыва, которым постоянно пугают с разных сторон. Если взрыв был бы реален, он давно бы уже случился. Действуйте, Борис Николаевич!" Крутите, мол, и дальше в бараний рог это смиренное быдло, оно все стерпит, безопасность гарантирована. И это было напечатано в писательской "Литературной газете"... Представьте себе на минутку, что я в "Советской России" призвал бы: "Не нужно ничего бояться, генерал Руцкой! Действуйте!" О, что бы тут началось... Но на митинге в Доме Советов в те дни я говорил совсем о другом. Глядя на баррикады и противотанковые ежи, говорил, что помню Москву такой же ощетинившейся осенью сорок первого года, но тогда заграждения на улицах столицы не понадобились. Дай Бог, взмолился я, чтобы они не понадобились и на этот раз...

Спланированное кровопролитие

Ложь, клевета, оскорбления посредством миллионотиражных газет, радио и телевидения денно и нощно изливались на защитников Конституции, сидевших за колючей проволокой и цепями омоновцев. Вот в какой атмосфере, порождающей состояние аффекта, находились обитатели Дома Советов. Еще 3 октября С. Кургинян писал в "Аргументах и фактах": "Эти шаги были сделаны преднамеренно... Ельцин сделал все необходимое для сбора в "Белом доме" не только поддерживающей парламент массы мирных граждан определенной политической ориентации, но и людей, готовых защищать разгоняемый парламент с оружием в руках... Люди перешли Рубикон. Для них отныне не было ничего страшнее компромисса, ибо это мог быть компромисс только за их счет... До катастрофы осталось несколько шагов. Не понимать этого может только кретин". Разумеется, Бурбулис и Ельцин, Гайдар и Шумейко, Полторанин и Филатов, Лужков и Барсуков,

384

Грачев и Ерин звезд с неба не хватают, пороха не изобрели, но все-таки лишь об одном из них можно с полной уверенностью сказать, что это законченный кретин всероссийского масштаба. Остальные соображали, что делают.

Да, все было смастачено с умом и по плану. Уж не будем касаться здесь таких свидетельств "стратегического" характера этого, как давно высказанная голубая мечта президента "разогнать Верховный Совет к чертовой матери" или же его угроза депутатам, осмелившимся в чем-то не согласиться с ним: "Я им это запомню!" Достаточно широк диапазон свидетельств и "тактического" характера.

Начать хотя бы с проникшего в печать заявления М. Полторанина на закрытом совещании главных редакторов СМИ в конце сентября: "Надо будет отнестись спокойно к тому, что произойдет 4 октября". Вскоре после этого заявления и началось... Сперва в районе Дома Советов — у станций метро "Баррикадная" и "1905 года", потом — у станций "Белорусская" и "Тверская". По свидетельству москвича М. Романова, наблюдавшего некоторые из этих событий с террасы венгерского посольства вместе с "застывшей от ужаса" группой его сотрудников, "настоящая бойня безоружных граждан происходила с 28 сентября по 2 октября... Человек в форме хрястко колотит дубинкой направо и налево всех, не разбирая, тяжелым ботинком добивает с размаху павших, норовя ударить по лицу, по голове, сбивает с костылей инвалидов, бьет в живот женщин... Страшно... Я видел, как трое в гражданском (раньше я их заметил у костров перед Домом) руководили операцией ОМОНа по рассечению и отсечению граждан. Я видел, как из толпы был выдернут подросток, его поволокли и бросили за омоновский "забор". Я слышал, как корреспондент мюнхенского радио тогда передал: "Создалось впечатление, что московские полицейские психически ненормальны" (Комсомольская правда. 1993. 22 октября).

Кто этот Романов? Не знаю. Видимо, просто рядовой читатель. И уж во всяком случае не родственник заместителя командующего внутренними войсками Анатолия Романова, который 4 октября сказал об этих своих "пацанах со щитами и дубинками": "Это профессиональные ребята... Хорошие ребята. И в то же время не жестокие, порядочные"*.

* Примечание 1998 года. Это тот самый генерал А. Романов, который после покушения на него в Чечне уже несколько лет прикован к больничной койке.

С. Кара-Мурза справедливо отмечал в "Правде", что многие не только возмущались, но и недоумевали: зачем целую неделю избивают людей? Зачем, отключив в Доме Советов воду, тепло, телефон, власть выставляет напоказ свое хамство? Зачем, окружив защитников Конституции цепями ОМОНа и колючей проволокой, создала в столице подобие фашистского концлагеря? Теперь-то отгадка очевидна: "Надо было к воскресенью, 3 октября, довести массу людей до белого каления и умело двинуть ее бить стекла в мэрии, в точном соответствии с планом первой фазы провокации".

Так думает не только автор "Правды". В этом направлении устремлены мысли многих других авторов. Например, в "Независимой газете" В. Миронов так писал о второй фазе плана: "Блестяще выманив национал-патриотов из "Белого дома", дав заглотнуть им мэрию и "Останкино", власть тем самым добилась (во всяком случае жаждала. — *В. Б.)* резкой перемены общественных настроений в свою пользу. Напугав Запад угрозой коммунистической реставрации, правительство получило уникальную возможность для сокрушительного удара". И оно воспользовалось ею — это уже третья, заключительная фаза плана — в непостижимой разумом мере.

9 октября в телепередаче "Красный квадрат" заместитель главного врача института им. Склифосовского сказал, что еще в пятницу, т. е. за два дня до кровавых событий, там было приготовлено 300 коек для приема раненых. "Вот

видите! — воскликнул еще не изганный тогда из телевидения ведущий А. Любимов, бунтарь на коленях. — А политики не подготовились, не смогли предусмотреть". Через три дня столь же гневно возмущался властями Эд. Поляновский в "Известиях": "Почему так задумчиво-медлительны, катастрофически медлительны были всесильные силовые министры?!" И невдомек перепуганным телегазетным мудрецам, что все это было по плану.

Да, именно по плану, по замыслу: за 48 часов до событий сделали из силовой мартышки Ерина полного генерала, до белого каления довели дубинками людскую массу, приготовили заранее койки для раненых, дали легко "прорвать" заслон милиции на Крымском мосту, потом, постреляв немного для подогрева обстановки, сильный отряд ОМОНа отошел у мэрии, открыв демонстрантам Дом Советов, где оставили милицейские автобусы с гостеприимно распахнутыми дверями и даже с не-

вынутыми ключами зажигания — садись и поезжай брать "Останкино"... По плану, по замыслу была организована и заминка с прибытием войск, ибо, имея полное превосходство в силах, не только можно было повременить, ничем не рискуя, кроме нескольких десятков жизней скорее всего "красно-коричневых", но и нужно, выигрышно было дать мятежникам как следует ввязаться в дело, пошуметь, побуйствовать, глубоко заглотнуть наживу. Ведь точно так же по плану было организовано избиение москвичей раньше — 23 февраля, 22 июня 1992 года и 1 мая 1993 года.

В ряду "тактических" свидетельств можно назвать и тот факт, что работники американской телекомпании Си-эн-си, как сотрудники института Склифосовского, будучи своевременно извещены, заранее приготовились к уникальной ситуации, расставив свою аппаратуру в наилучших для съемок точках...

Примечательно, что даже осторожный и хитрый помощник президента Ю. Батурин не решился с порога отринуть мысль о запланированности событий. В частности, на слова корреспондента "Новой еженедельной газеты" Юрия Сорокина о полном впечатлении, что "милиция была убрана по приказу", он лишь сказал: "Я ни о чем таком не слышал". Больше того, не исключил возможности этого, добавив: "Такие факты, если они были, вряд ли останутся незамеченными".

"Это фашисты"

Эд. Поляновский возмущался и тем, что "еще всего горя не избыли, а силовым министрам уже парадно вручили самые высокие награды". О святая простота! Да ведь и тут план: уж теперь-то эти министры навсегда повязаны, ничем не отмоются и потому будут служить с еще большим рвением.

Однако есть свидетельства того, что в первые часы мятежа власти действительно находились "в состоянии грогги". Это потом как ни в чем не бывало Бурбулис припожаловал в гости к Оскоцкому и другим титанам мысли в масштабе ЦДЛ; это потом Грачев-Белодомский, помолившись в своем кабинете на портрет Ельцина, повешенный им рядом с портретом Петра Великого, побежал вприпрыжку, тряся генеральскими ляжками, на теннисный корт, а позже целовал своими черными устами

белую ручку даме — министру обороны Финляндии; это потом Шумейко снова засиял белозубой улыбкой, ослепительной и доброкачественной, как итальянский унитаз "Triumph"; это потом, 22 октября, на заседании правительства, как у тещи на блинах, Гайдар зевал во всю пасть прямо в объектив телекамеры... Это все потом. А тогда, 3-го и 4-го, мы никого из них не видели, кроме потомка двух

писателей и одного газетного адмирала, который уж так смачно чмокал, призывая безоружных москвичей вопреки запрету чрезвычайного положения хватать термосы и мчаться к Моссовету в бой с беспощадной гидрой коммунизма. Тогда, во второй половине дня 3-го октября, известный тигр демократии Лев Пономарев названивал по всем вельможным телефонам и застал на месте только начальника московского ФСБ Савостьянова. На расспросы: "Какова обстановка? Что делать?" тот ему отвечал: "Хватай жену, кубышку, внуков и шпарь из Москвы как можно быстрее и как можно дальше!" Тогда, вечером 3 октября, как рассказал, по сообщениям газет, на одном совещании Полторанин, они с Бурбулисом "приехали в Кремль и застали там панику, суету и совершенно аморфного президента". Вот что, было тогда.

В чем же дело? Как увязать это с помянутой запланированностью? Видимо, вся суть в том, что драматические события начались на сутки-полтора раньше, чем загадали ельцинские стратеги и проболтался Полторанин, — не 4-го, а 3-го.

Но почему события обрели характер кровавой вакханалии, чудовищной гекатомбы? Мировая история не знала ничего подобного. Пиночет штурмовал все-таки не парламент, а президентский дворец. Гитлеровцы поджигали рейхстаг ночью, когда там никого не было, и никто не пострадал. Может быть, это похоже на забаву Нерона, учинившего пожар Рима? Но ведь этому древнему выродку было тогда всего лет тридцать и, как Ельцина, работавшего в таком возрасте прорабом на стройке, его не окружали толпы мудрых советников вроде беглого марксиста Бурбулиса.

Так что же? Какова была цель? На сей счет широко распространено такое мнение: "Все было сделано умышленно... И трагедии нельзя было избежать. При той ситуации, которая сложилась... Ведь они все страшно боятся, как говорят по-русски, за свою шкуру. Боятся ответственности за то, что они сделали со страной: развалили

великое государство, погрузили его в бездну нищеты и так же, как обещали нам светлое коммунистическое будущее, обещают какой-то американский развитой капитализм... Чудовищный поток лжи! Повсюду звучит слово "демократия". Но это не демократия. Это скорей фашисты". Так сказал не Анпилов, не Макашов, не Терехов, не Умалатова, не Жириновский, наконец, а старый русский писатель, никогда не состоявший в партии, инвалид Отечественной войны Виктор Сергеевич Розов, человек, обладающий тремя достоинствами, недоступными пониманию фашистов: мужеством, честностью и талантом. Да, небывалым в мировой истории уже совершенным преступлением против родной страны объясняется и новое преступление — небывалая в мировой истории расправа. Но были и привходящие моменты, о коих следует упомянуть. Первое — намерение устрашить не только оппозиционеров, но и весь народ. Второе — отомстить за унизительный и позорный страх, пережитый накануне.

Алиев, адекватный Ерину

Все руководители западных стран первого ряда, все новоиспеченные президенты "ближнего зарубежья" оправдывают и одобряют Ельцина. Бывший член Политбюро Алиев, сменивший партбилет на Коран, заявил даже, что Ельцин "действовал адекватно". С одной стороны, стихийные толпы, среди которых большинство восставших впервые взяли в руки оружие, с другой — регулярные профессионально обученные войска, — и это называется адекватно. С одной стороны, ничего, кроме палок и автоматов, с другой — танки и крупнокалиберные орудия, — и это адекватно. С одной стороны, кирпичная стенка и ничем не защищенные окна, с другой — броня из легированной стали и снаряды,

прошибавшие Дом насквозь. С одной стороны, люди, сгрудившиеся в тесном пространстве, образовавшие идеальную для поражения цель, с другой — свободно маневрировавшие войска, имевшие возможность наносить удары по неподвижному противнику с любой точки. С одной стороны, мирные москвичи — семидесятилетний Константин Дмитриевич Чижиков, двадцатилетний Дима Артамонов, восемнадцатилетний Кирилл Матюхин, шестнадцатилетний Роман Веревкин, шестнадцатилетняя Марина Курашева, а с другой — сытое офицерье во цвете лет, генеральская орда,

389

отъевшаяся на приватизированных за гроши дачах. И те, кто перечислен по именам, погибли, а эти, вволю постреляв, размявшись после сидения в кабинетах под радостный крик Черномырдина "Вы отстояли будущее России. Честь вам и слава!", вернулись к своим дачам и кортам, к саунам и клубничным теплицам, плодоносящим круглый год. А бывший член Политбюро, положив руку на Коран, проникновенно говорит нам: "Адекватно..." Все это мы запомним. Правильно пишет в "Известиях" Николай Бурбыга: "Ни один солдат и офицер, участвовавшие в подавлении мятежа, от командира Таманской дивизии ген. Полякова до пока безвестного прапорщика, не будут забыты". В частности, не будут забыты три танкиста, три веселых друга из Кантемировской дивизии, которые из танка с бортовым номером 319 так ловко и лихо прошибали насквозь своими снарядами Дом Советов, каждый раз отправляя на тот свет десятки соотечественников и получая за каждый выстрел 300 тыс. рублей. Никто не забыт, ничто не будет забыто. Но, вероятно, лучше всех запомнят это такие, как четырнадцатилетний Коля Гаврилов и его сверстница Оксана Макритчева. Им повезло: у Коли всего лишь огнестрельное ранение в легкое, а у Оксаны и вовсе пустяк — в ногу, может, еще и цела останется...

Так что же, уважаемые деятели, неужели вся эта "адекватность" не перевешивает ваш довод "кто первый" при поисках виновных и при распределении вами проклятий? И тут пора, наконец, сказать, что ведь рука-то была поднята уже давно и не пустая, а вооруженная дубинкой ПР-78, вполне достаточной для кровопролития и убийства. Первый раз это было 23 февраля 1992 года, но вы, уважаемые, сделали вид, что ничего не знаете. Второй раз — 22 июня 1992 года, но вы, любезные, и тут прошли мимо, словно ничего не случилось. Третий раз — 1 мая 1993 года, но вы, радетели, и тут ни словца не молвили в защиту народа. Кто же после этого поверит в искренность вашего намерения найти первого теперь...

А уж что касается "адекватности", то нельзя умолчать еще об одном разительном образце ее, что привел в "Независимой газете" Андрей Байдужий. По его данным, выстрел по телестудии "Останкино" первыми произвели мятежники. Некоторые очевидцы это оспаривают, другие уверяют, что выстрел был случайным. Не будем сейчас спорить, а посмотрим, что было дальше. Байдужий пишет, что этим выстрелом штурм и окончился. Был убит

390

Николай Ситников, боец спецотряда "Витязь", охранявший студию. "Почти мгновенно последовавшим в ответ шквальным огнем из здания стрелявший был убит на месте, а с ним и еще с десяток находившихся на площади, — свидетельствует журналист. — Далее боевые действия у телецентра вылились в беспорядочную стрельбу с обеих сторон с преимуществом оборонявшихся, которое стало подавляющим после прибытия им на помощь БТРов. Взвод "Витязей" свою задачу выполнил более чем успешно — несколько десятков трупов перед телецентром тому свидетельство". Тут же, основываясь на данных видеозаписи и Главного медицинского управления Москвы, автор уточняет: "У телекомпании были убиты и тяжело ранены СВЫШЕ СТА человек. Только ДВОЕ

из них принадлежали к оборонявшимся. Соотношение 100 к 2 выглядит впечатляюще и говорит само за себя". Да, говорит. Сто почти целиком безоружных и два профессиональных "витязя". Остальные

Тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных.
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор...

Только вышли они из вод не ясных, а красных от крови соотечественников, и тут же, когда еще не предали земле, не отпели убитых ими, Ельцин и Черномор принялись осыпать их орденами, званиями, денежными премиями. И не только отцы Отечества благодарны им. Не обошел их своими милостями, например, и коммерческий банк "Лефортовский", который, как поведал командир отряда подполковник Лысюк С. И., ныне Герой России, "в дни штурма помог продуктами, а теперь выделил несколько миллионов рублей на премии моим бойцам". Хорошо бы теперь еще квартирки получить, добавил Герой. Вроде, Черномор обещал. Как же-с, поработали... Но истинная оценка дел этих "витязей" еще впереди., И там они будут

Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор...

Там примут в расчет и эту "адекватность" 100 и 2.

Аль-Кодс. 1994. № 22 391

ОФИЦЕРЫ И КЛЯТВОПРЕСТУПНИКИ

Лица из ближайшего окружения президента почему-то с возрастающей скромностью говорят о своей причастности к трагическим событиям сентября—октября минувшего года, видимо, что-то начинают понимать. Исключение составляет министр обороны П. Грачев. Сразу после кровопролития он охотно дал несколько интервью, ради одного из них даже отодвинул на час плановое посещение корта и беседовал с журналистами, кажется, в теннисных трусах. Из этих интервью видно, что министр действовал более быстро, решительно и храбро, чем в июле прошлого года, когда на таджикской границе подверглась нападению моджахедов 12-я застава Московского погранотряда. Тогда и необходимая помощь, и сам министр прибыли к месту боя с большим запозданием, в результате чего 25 наших пограничников погибли. В любом царстве-государстве за такое преступное ротозейство ответственных лиц понижают в звании, лишают наград, а то и предают суду военного трибунала. Но, видимо, Грачеву была дана негласно возможность искупить свою вину чужой кровью. И он искупил...

Министр рассказывал с видимым удовольствием — четко и бодро: "Мною было принято решение о применении вооруженных сил совместно с МВД, МБ... В 17.00 я начал давать указания... Все подразделения действовали четко... Танкисты выполнили свою задачу... Я выезжал к "Белому дому" дважды. Утром я проехал по всем войскам и КП... Второй мой выезд был на Горбатый мост. Но не для переговоров, как некоторые пишут, — я с преступниками разговаривать не желал, — а для коррекции стрельбы... Все работало слаженно... Настроение было боевое... Можно было больше применить сил, но зачем будоражить народ — это только порча дорог. И солдат с уборки картошки не снимали..." Ах, как все удачно, рентабельно и целесообразно! И народ не взбудоражили, и дорог не

попортили, и картошку убрали да еще в завершение всего успешно была проведена "ликвидация рассеявшихся одиночек, то есть охота на волков". Точно как было предсказано еще в 1968 году. Помните, у Высоцкого:

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников, матерых и щенков.
Кричат загонщики и лают псы до рвоты.
392
Кровь на снегу и пятна красные флажков...
Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка...

Да, все именно так и было: игра шла не на равных, били наверняка, руки не дрожали, телепсы лаяли до рвоты... Только, правда, не двухстволки хлопали, а 125-миллиметровые пушки, да еще не флажки были, а красные флаги...

Все так. И остались после рассказа министра лишь отдельные маленькие неясности, например относительно некоторых приказов. Рассказывая, допустим, в "Новой ежедневной газете" о том, как работала 4 октября Центральная подстанция "Скорой помощи", журналисты Олег Волков и Вячеслав Недогонов пишут: "Ночью кое-кто из врачей попытался подслушать переговоры милиционеров по рации. Этот момент был самым ужасным за все время. Из динамиков неслось: "Огонь на поражение! Пленных не брать!" Позже большие фрагменты этих милицейских переговоров по радио были опубликованы в "Комсомольской правде", и действительно, разные голоса твердили там именно этот приказ:

— Запомните, никого живым не брать!..

— "Черных" тоже в плен не брать...

— Там одни урки собрались, там людей нет нормальных...

— Мы их перевешаем на флагштоках, на каждом столбу...

— Руки чешутся.

— Не говори, поскорее бы...

— Мужики, в "Белом доме" живых не брать...

— Внимание всем. "Я "Пион". Никаких... (голос заглушает сильная стрельба). Это провокаторы. Уничтожить!..

Судя по всему, "Пион" — большой начальник, и после слова "никаких" он сказал "пленных". Командир роты, батальона или даже полка такой приказ отдать не мог. Кто же именно его отдал? Этот вопрос всегда интересует не только историков.

...4 марта 1799 года молодой генерал Бонапарт осадил сирийский город Яффу (ныне пригород Тель-Авива). Он не сдавался. Генерал объявил населению, что если он возьмет город приступом, то всех жителей перебьют, в плен брать не будут. 6 марта последовал штурм, и солдаты принялись истреблять всех. Но в конце дня Бона-
393
парту доложили, что около 4 тысяч турецких солдат остались живы. Они были хорошо вооружены и в начале штурма надежно укрылись, преисполненные решимости драться до последней капли крови. Но когда французские офицеры пообещали им плен, они вышли из своего укрепления и сдали оружие. Их заперли в сараи. Бонапарт был в бешенстве. Три дня он размышлял, колебался, однако на четвертый отдал свой страшный приказ: 4 тысячи пленников были выведены на берег моря и все до одного расстреляны. "Никому не пожелаю пережить то, что пережили мы, видавшие этот расстрел", — писал позже один французский

офицер. Но как ни дико это звучит, у гения-изверга имелись "смягчающие вину" обстоятельства. Во-первых, не было свободных войск, чтобы конвоировать пленных. Во-вторых, не было судов, чтобы отправить их морем в Египет. В-третьих, пленных нечем было кормить. Наконец, как-никак, но он все-таки семьдесят с лишним часов колебался.

Так вот, прошло двести лет, но достоверно известно и не забыто, кто отдал приказ "Пленных не брать!" и кто его осуществил.

Неужели Грачев и Ерин думают, что не найдется русского офицера, который не только, подобно его далекому французскому коллеге, расскажет об ужасе содеянного 3—5 октября в Москве, но и назовет всех по именам. И тогда не окажется никаких смягчающих обстоятельств, а только отягчающие. Во-первых, было достаточно войск, чтобы конвоировать пленных. Во-вторых, не было нужды делиться провиантом. В-третьих, это же были не турки, не персы, не арнауты, а свои, свои, свои, в огромном большинстве — русские. Наконец, ведь не было ни малейшего колебания, никаких мук совести. Грачев заявил: "Решение о применении вооруженных сил я принимал один час". Это были не колебания, не терзания души, просто, говорит, "мне надо было уточнить, какие войска привести в боеготовность, по каким маршрутам им двигаться". Только и всего. А когда войска прибыли по указанным маршрутам, заняли исходные позиции, то им и дали приказ: "Патронов не жалеть! Пленных не брать!" Безо всяких колебаний. Это при нападении моджахедов Грачев, как Бонапарт, колебался почти семьдесят часов, а тут все было решено в мгновение ока. Правильно сказал о нем Ельцин: "Сильный министр! Работал, работает и будет работать". На телевидении кто-то заметил при этом, что теперь Грачев обречен на политическое

бессмертие. Не знаю, так ли. Но историческое долголетие ему гарантировано. Примерно такое же, как обер-полицмейстеру Москвы, а потом генерал-губернатору Петербурга Д. Ф. Трепову (1855—1906), прославившемуся подобными приказами 9 января 1905 года и позже при подавлении первой русской революции, имевшей для него летальный исход.

А между тем офицеры, у которых жива совесть, уже объявились. Подполковник А. Сергиенко рассказал, как 3 октября его и еще 11 человек схватили на Октябрьской площади дюжие молодцы в гражданской одежде, бросили в крытую машину и отправили в 74-е отделение милиции. Там учинили всем унизительный допрос. "Познакомившись с моим "делом", — пишет подполковник, — майор милиции спросил: "Так вы до сих пор коммунист?" — "Да", — ответил я, — еще с 1957 года. И не выходил, не приостанавливался!" — "Тогда посидите еще — коммунисты, они выносливые!" И вывод после многочасового сидения подполковник сделал такой: "Сентябрьская артподготовка, в октябре переросшая в артобстрел, продолжается..." Сотрудник Министерства обороны полковник А. Н. Иванов тоже не в силах молчать: "Мучительно стыдно, что повязанными кровью бессмысленных жертв 3—4 октября стали не только лужковский спецназ и еринский ОМОН, но и грачевская армия... Не видел в жизни ничего более чудовищного, чем хладнокровно методичный расстрел Дома Советов. И не мыслю ничего более позорного, чем награждение орденами военнослужащих, проливших в братоубийственной бойне кровь соотечественников, — возможно, своих вчерашних боевых друзей и сослуживцев... Да, именно армия спасла власть. Ту власть, которая в течение последних лет целенаправленно ее уничтожала... Как после этого жить и служить? На что рассчитывает сегодняшняя правящая клика? Как ни фальсифицируй, а правда, свидетелями которой были сотни людей, все равно рано или поздно вылезет наружу... Такое не забывается. Теперь и для безусого лейтенанта, и для старого генерала, и для бывшего ельциниста главным чувством в отношении

режима станет НЕНАВИСТЬ, всепоглощающая НЕНАВИСТЬ, НЕНАВИСТЬ ко всей этой свободе беспринципных дельцов, облепивших вершину власти... Но пусть знает кровавый режим, что две-три подкормленные элитные дивизии — это еще не вся армия. И пусть еще знает, что он выпустил джинна из бутылки... После происшедших со-
395
бытии накал ненависти к властям так велик, что действия может спровоцировать даже небольшое неловкое движение... Поверьте, так думает большинство офицеров..." Генерал-лейтенант Л. Ивашов пишет: "Нельзя заставить всех думать так, как думает, например, г-н Ерин. Это очень опасно. В нашей истории было немало подобных случаев, сначала погромы, расстрелы, потом победа, героические реляции, исполнители повышались в чинах, представлялись к наградам. Но последующий ход истории приводил к тому, что их проклинали. *Я* не исключаю, что так будет и на этот раз... Нужна представительная, компетентная комиссия для расследования всех обстоятельств этих событий..." Подполковник, полковник, генерал-лейтенант. Первый выступил в "Правде", второй — в "Независимой газете", третий — в "Комсомольской правде". Думается, недолго ждать, когда в таком духе скажет свое слово генерал армии или маршал. И не где-нибудь, а в "Красной звезде". Мы даже не исключаем, что это будет не кто другой, а генерал армии Грачев.

Но кроме тех офицеров, что уже выступили открыто, немало и таких, которые по тем или иным причинам пока не могут назвать свои имена. Так, 31 октября в заметке "Что может стать причиной отставки Грачева" "Московский комсомолец" писал: "По информации из надежных источников, отдавая приказ об обстреле "Белого дома", П. Грачев одновременно распорядился применить с вертолетов неуправляемые ракетные снаряды. Зона поражения НУРС составляет более 1 кв. км. Если бы распоряжение министра было выполнено, в зоне оказались бы комплекс зданий на Красной Пресне, зоопарк, несколько десятков жилых домов, в том числе высотка на площади Восстания (МИД)".

На другой день после появления этой заметки в редакцию "Новой независимой газеты" позвонил высокопоставленный сотрудник Генштаба и, попросив сохранить в тайне его имя, подтвердил, что план ракетного удара по Дому Советов рассматривался и готовился. Командующий авиацией сухопутных войск генерал-полковник Виталий Павлов на вертолете "лично вылетал на рекогносцировку объекта. Появление столь Высокого чина на "передовой" говорит само за себя". Однако в последний момент и он, и командующий Московским военным округом генерал Кузнецов, как верно пишет "Московский комсомолец", этот приказ министра выполнить отказались, хотя потом вместе с Грачевым утверждали, что
396
такого приказа не было. Ну понятно: ведь за невыполнение приказа полагается взыскать по всей строгости...

Еще раньше, 30 октября, "Независимая газета" опубликовала письмо тоже без подписи, хотя редакция утверждает, что оно не анонимное, где говорится: "Убитых так много потому, что из танков стреляли боевыми снарядами кумулятивного действия: возникшая при их разрыве внутри здания ударная волна была столь сильной, что у людей разрывалась голова. Стены были забрызганы их мозгами. Это много хуже фашизма, господа! Это чудовищно..."

Теперь доподлинно известно, что выполнять преступные приказы отказывались не только отдельные офицеры и генералы, но и целые боевые единицы. Так, знаменитая спецгруппа "Вымпел", получившая приказ взять "Белый дом" штурмом и всех там уничтожить, включая Руцкого и Хасбулатова, вообще отказалась принимать участие в штурме, за что и была расформирована.

Нельзя не назвать еще одного пока безымянного русского офицера, о котором 5 ноября в газете "Позиция" рассказал научный сотрудник из Калининграда Артем К., а спустя неделю в газете "Согласие" — народный депутат России Иван Шашвиашвили. Они свидетельствуют, что 4 октября в 16.30, когда обстрел Дома Советов еще продолжался и на верхних этажах бушевал пожар, в зал заседаний Совета Национальностей, где собрались все депутаты, вошли бойцы спецподразделения "Альфа" со своим командиром—в боевой экипировке, в шлемах, но без оружия. Офицер предложил всем организованно выходить на улицу. Возникла заминка. Кто-то стал требовать, чтобы была принята еще одна, "последняя резолюция". Кто-то вообще не хотел выходить. Тогда опять выступил вперед офицер "Альфы" и сказал:

— Дорогие отцы и матери, вы видите, мы пришли к вам без оружия. Нам дан приказ расстрелять в этом зале всех, но мы отказываемся. Нас, "Альфу", опять хотят подставить. Я брал дворец Амина в Кабуле, брал вильнюсскую телебашню, был в Карабахе, в Тбилиси. И везде нас использовали, а потом подставляли. Мы не хотим брать на душу еще один грех. Мы хотим вывести вас живыми. Если кто-нибудь из омоновских бандитов попробует в вас выстрелить, мы подавим их огнем. Вам подадут автобусы и развезут по домам. Слово офицера.

Потом от имени руководства защитников конституции выступили еще несколько человек. Генерал Баранников сказал:

397

— Вы честно выполнили свой долг и теперь с чистой совестью можете покинуть здание.

Его дополнил депутат Андронов:

— А мы сами примем решение. Мы можем остаться здесь и по существу покончить жизнь самоубийством или выйти наружу и продолжать борьбу.

Бледный, спокойный Хасбулатов тоже говорил недолго:

— Мы сейчас уходим из зала. Многие из вас останутся живы. Мы должны донести до народа правду о том, что произошло. Переворот совершен полностью. Пролилась большая кровь. Вина за это на Ельцине и его окружении. А если в чем виноват я, простите меня. У всех у вас прошу прощения. Теперь давайте прощаться...

Все это происходило на глазах бойцов "Альфы" и их офицера.

А Руцкой оставался у себя в кабинете на пятом этаже. По свидетельству депутата Виталия Уражцева, он хотел застрелиться, и с трудом удалось его убедить, что как раз этого и ждет, и жаждет Ельцин со своими приспешниками, ибо он для них страшен живым, а на мертвого они смогут взвалить все, что угодно.

В сопровождении командира "Альфы" полковника Гриценко к Руцкому пошли депутаты Шашвиашвили и Румянцев.

— Товарищ генерал, — сказал, отдав честь, "альфовец", — полковник Гриценко явился, чтобы вывести вас из Дома Советов, — немного погодя, он добавил: — Я вас уважаю, ценю. Поэтому к вам и пришел.

...На улице, когда часть людей уже увезли автобусы, но несколько сот еще оставалось, офицер-"альфовец", возможно тот самый, который был в зале Совета Национальностей, по свидетельству Артема К., произнес удивительную в его устах речь. Он сказал, что "Альфа" не собиралась принимать участие в штурме, но когда увидела, что эти "пьяные остолопы" омоновцы умудрились перебить на балконе друг друга (по данным следствия, которые огласил адвокат Штейнберг, во время штурма были застрелены своими два солдата софринской 16-й бригады спецназа), что "пьяные остолопы" рвутся перестрелять депутатов и защитников Дома, то приняла решение вмешаться. И еще офицер сказал, что они восхищаются и депутатами, и защитниками, а к президенту у них не осталось

никакого уважения...
398

Так говорили, говорят и будут говорить все громче, все смелей честные офицеры России. При этом иные из них краснеют от стыда за таких сослуживцев, ставших "героями" кровавой бойни, как командир Таманской дивизии генерал-майор Евневич В. Г. или командир Кантемировской дивизии генерал-майор Поляков Б. Н.; другие бледнеют от ненависти, вспоминая отличившихся при расстреле командира 27-й отдельной мотострелковой бригады полковника Денисова А. Н. или командира 106-й воздушно-десантной дивизии полковника Савилова Е. Ю.; у третьих дрожит голос от брезгливости и отвращения при именах особо усердствовавших командира 1-й бригады спецназа полковника Тишина Е. Б. или командира 218-го отдельного батальона спецназа подполковника Колыгина В. Д.; четвертые задыхаются от гнева и презрения, называя имена тех, кто, прельстившись платой в 250 тысяч за каждый выстрел, добровольно сел в танки, чтобы громить Дом Советов.

А генерал Грачев, пребывающий ныне как раз в том возрасте, в коем его коллега Бонапарт бежал из Москвы, не краснеет, не бледнеет, голос его не дрожит, когда он так охотно рассказывает о своей великой победе над родным народом. А ведь это ему принадлежат слова, сказанные в августе 1991 года: "Я русский и в русских стрелять не буду никогда". Кто же теперь, спустя всего три года, назовет его русским генералом? А Ельцин за взятие Дома Советов, за обильную кровь чуждых генералу русских людей нацепил ему придуманный Бурбулисом орден. Неужели у кого-нибудь есть сомнение относительно будущей судьбы грачиного ордена?

Впрочем, К. Илюмжинов говорит: "А вы знаете, штурмом "Белого дома" руководил не министр обороны, а начальник охраны президента генерал-лейтенант М. И. Барсуков. Вот к чему мы пришли: начальники охраны, люди, которые рядом, уже вершат судьбы России". Надо полагать, нашелся бурбулисный орденок и для барсучьей груди.

...Хорошие стихи написал в молодости мой однокашник Владимир Солоухин:

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим.

Аль-Кодс. 1994. № 27(48). Октябрь
399

ФАБРИКАЦИЯ ФАШИСТОВ

В последнее время наши правители и их электронные прислужники все отчаянней шумят о фашизме и стращают им. На телеэкранах то и дело появляются упитанные говорливые мальчики вроде бы со свастикой и другими вроде бы фашистскими причиндалами. Они очень обстоятельно, охотно, спокойно рассуждают о том, как будут потрошить нехороших для них людей, когда, коли удастся, придут к власти. В другой раз нам непременно покажут еще, как они повышают свою квалификацию потрошителей в тирах и спортзалах. И это чуть ли не каждый день. Недавно выпустили на экран мальчика с ямочками на пухлых щечках и дали ему возможность оповестить всех, всех, всех, что если он придет к власти, то уж непременно с удовольствием расстреляет одного престарелого правозащитника и одного унылого защитника этого правозащитника. Тотчас подняли вой: мальчика с ямочками надо немедленно изловить и повесить! Проходит день, другой, пятый... Наконец, дивизия ОМОНа окружает логово этого зверя. Сдавайся, говорят, сопротивление бесполезно! Он вооружен до зубов, но,

как Мавроди, сдается без сопротивления и даже, как Руцкой, показывает свой автомат: вот, мол, он в смазке, еще не стрелял. И только бросил с укором: "Что ж так долго не приходили? Я давно вас ждал, соскучился". Сценарий, дескать, нарушаете.

Смотрю я на это все, и множество горьких недоумений теснится в моей облысевшей от умственных усилий голове. Ну прежде всего, с чего бы это оппозиции, коммунистам слова на телевидении почти не дают, если не считать лимитированных десяти секунд раз в неделю для Зюганова, а вот телефашистам — пожалуйста! Во-вторых, хочется спросить устроителей этих полит-шоу: "Как вы думаете, полупочтеннейшие, если бы на телеэкраны выпустили Шарлотту Корде или Фанни Каплан, Каракозова или Богрова, то объявили бы они на всю страну о своем решительном намерении убить Марата и Ленина, царя Александра и Столыпина?

В-третьих, не дает мне покоя мысль: чем помянутый мальчик с его шалавыми россказнями о своих гипотетических зверствах страшнее старика Окуджавы с его публичными восторгами по поводу отнюдь не гипотетического расстрела сотен людей в Доме Советов? По-моему, старец, сам называющий себя фашистом в молодости,

гораздо страшнее юнца хотя бы потому, что его все знают.

В-четвертых, хочется спросить тех же устроителей: чем нынешний трехцветный флаг и реанимированный орел-мутант лучше свастики?

— Как! — слышу кого-то вроде умного Гайдара.

— Свастику нам хотят навязать силой и повести нас под ее знаком в джунгли фашизма.

Ну, это еще, допустим, говорю, только гипотеза, прожект, мечта, курочка, как говорится, пока в гнезде, а вы уже навязали стране свои знаки, и притом именно силой. Недавняя попытка протащить их через Думу, узаконить всю эту госсимволику провалилась. Никто доброго слова о ней не сказал, кроме Козырева, слаще репы ничего не едавшего. Однако вы присобачиваете их всюду — от купола над Кремлем до свидетельства загса о смерти. И вы не просто мечтаете вести нас в джунгли, а уже привели. В те самые, где народ бедствует, вымирает. На панихиде В. Листьева политпрохвост Яковлев, как всегда, врал: "Убивают сторонников реформ, тех, кто предан президенту". Конечно, миллионер Листьев был сторонником, был предан, но это лишь очередь теперь по каким-то пока тайным причинам дошла и до таких, а первыми-то в сей длинноватенькой очереди были противники людоедских реформ, такие, как редактор калужской газеты коммунист Фомин, вице-премьер коммунист Поляничко, депутат Думы Мартемьянов, тоже коммунист, беспартийный Холодов, разоблачавший подлые порождения реформ, и люди, подобные им.

— Но! — раздается нервный голос Шумейко, что ли.

— Вы не имеете права забывать: трехцветный флаг — это старый символ великой России, а биглавый орел заимствован у Византии! Свастика же — символ гитлеровского фашизма. Ну правильно, отвечаю, символ гитлеровского фашизма. Но те, кому нравится свастика, уверяют, что она заимствована из древней Индии, где считалась знаком благодатного плодородия. Всего лишь! С другой стороны, какое нам дело до "старых символов" византийского происхождения, если одни из нас своими глазами видели, а другие доподлинно знают, что дивизии Буняченко и Зверева, составлявшие "армию" Власова, воевали против нашего народа именно под этим трехцветным знаменем. Между прочим, ввести в обиход биглавого орла они не решились — даже предателю Власову, в отличие от политбюрошника Ельцина, это показалось уж

такой комической дичью, такой чиновной дурью, что хоть святых выноси. Не настаивали на орле ни Гитлер, ни Гиммлер, прямой и непосредственный начальник Власова. Удивительно, что ныне даже оппозиционных лидеров орел ничуть не смущает: прекрасно зная, что эта птичка абсолютно незаконна, они как ни в чем не бывало поднимаются на трибуну Думы, где византийская пташка тоже красуется, и произносят речи о любви к своему народу. И никакого запроса по этому делу, никакого протеста. Никто не смеет противостоять, отважиться на то, чтобы заявить: "Не желаю выступать с такой трибуны!" Конечно, если бы нашлись, таких смельчаков легко зачислить в фашисты. Сейчас, после того, как сам президент обозвал миллионы и миллионы соотечественников "красно-коричневыми", нет ничего легче, чем угодить в фашисты. Впрочем, и раньше не так уж трудно было.

Вот есть, например, писатель Григорий Бакланов, тот самый, чья восковая фигура уже почти пять лет красуется в известном лондонском музее мадам Тюссо. Слепили ее, правда, по ошибке, перепутав романиста с однофамильцем из ГКЧП. Но когда оплошка выяснилась и к писателю обратились с вопросом, как быть, не убрать ли фигурку, он ответил, что нет, не надо, ибо если не сейчас, то в будущем я эту честь заслужу. И впрямь достоин, ибо давно уже он — крупнейший специалист по фабрикации фашистов в своем Отечестве. Работает он гениально просто. Есть, скажем, критик Ю. Б. Он о нем говорит: "Смекалист, не глуп, ум схватчивый, светлые не густые волосы, лоб белый, глаза голубые..." Вроде бы ничего порочащего. Но Бакланов люто его ненавидит. За какие грехи? Не говорит, неизвестно. Но вот что проделывает: "Я мысленно примерил на него эсэсовскую фуражку и поразился..." Перед ним стоял живой фашист!

Очень давно, еще в студенческую пору (а мы были однокурсниками в Литературном институте), Гриша Фридман, как его тогда по ошибке звали, примерил и на меня такую фуражку. Примерил и тотчас воскликнул на весь актовый зал, где я защищал диплом: "Фашист!" Правда, через несколько дней прискакал ко мне домой с извинениями, но ведь по тем временам это могло быть уже ох как поздно... Я ответил: "Бог простит". И повел Гришу в Измайловский парк, сводил в "комнату смеха", покатал на "чертовом колесе", угостил "эскимо" за 11 копеек. Словом, вроде помирились. Позже он подарил

мне том своих прекрасных сочинений, изданный не то в Кишиневе, не то во Владивостоке, сделав на нем трогательную надпись. Я в свою очередь давал ему, по его просьбе, кое-что почитать из своих сочинений, которые не мог напечатать, и т. д. Что ж, лады! Я был уверен, что ему о давнем хамстве и вспоминать стыдно. Фронтовик же он, коммунист, интернационалист...

Прошло много-много лет, целая жизнь. И вдруг в 1992 году раскрываю журнал "Знамя", который Бакланов не столь долго, сколь многоуспешно редактировал, и в его воспоминаниях читаю о тех далеких днях: "Я назвал Бушина фашистом". Сказано лихо, как о подвиге. И тут же вранье о том, как жестоко будто бы пострадал за это. И ни словечка об извинении, о том, что жрал мое мороженое, читал мои рукописи, дарил мне свои нетленки... Не утаю: тогда я мысленно примерил к его плечам голову шакала и поразился!

И вот говорят, что этот Бакланов входит в пятерку самых любимых писателей президента: Еврипид, Данте, Шекспир, Жванецкий и... он... Во всяком случае, его непременно приглашают на сальерианские радения худинтеллигенции с президентом. И он всегда произносит речи, которые президент слушает с большим вниманием. Помните, на последнем радении в ноябре прошлого года, еще до кровавой расправы с Чечней, Бакланов говорил: "Борис Николаевич, что ж это такое? Иду я намедни мимо американского посольства, а там напротив плакат: "Ельцин — убийца!" Иду мимо английского посольства — опять афишка: "Борис

Николаевич — Джек Потрошитель!" Иду в гости к израильскому послу — и там: "Ельцин — это Мишка Япончик сегодня!" И вы, всенародно обожаемый, терпите это! Неужели не можете примерить кое-кому если не эсэсовскую фуражку, то смирительную рубашку?"

Сейчас, после Чечни, Бакланов мог бы добавить: "Борис Николаевич! Что ж это такое? Носится по воскресной Тверской Валерия Новодворская, хлещет себя по заду пятками и вопит: "Долой фашистский режим!.. Ельцин

— Гитлер номер два!" Это та самая Новодворская, которая раньше носилась по той же улице, хлестала себя пятками и вопила: "Да здравствует новый режим в стране, режим великой демократии!.. Ельцин — отец народа!"

Можно представить себе, сколько фашистов вовсе не из воска налепит Бакланов для президента, который и сам бредит красно-коричневым бредом!

А между тем уж кому-кому, а нашему народу не надо объяснять, что такое фашизм и гитлеризм, у него на сей счет твердое, кровью миллионов оплаченное понимание.

Фашизм — это та сатанинская сила, которая сделала все, чтобы, во-первых, уничтожить в нашей стране Советскую власть, но этого ей не удалось. Замысел Гитлера выполнили Ельцин и вся его "черная банда" (А. Солженицын). Спрашивается, кто настоящие фашисты: те, кто лишь грозился уничтожить Советскую власть, лишь стремился к этому, или тот, кто действительно ее уничтожил? Когда 17 марта на митинге, посвященном четвертой годовщине всенародного плебисцита о единстве Советского Союза, я задал с трибуны этот вопрос, вся площадь одним выдохом ответила в полном соответствии со здравым смыслом и логикой.

Фашисты, во-вторых, — это те подонки, которые из кожи лезли, устилали трупами своими и нашими путь, мечтая уничтожить у нас социализм, но у них ничего не вышло. Советский народ под руководством Коммунистической партии, Советская Армия под водительством И. В. Сталина, его маршалов и генералов раздавили фашистов. Через несколько лет мечту фашистов осуществили партократский выкормыш и его "черная банда" (А. Солженицын). Кто же, спрашивается, подлинные фашисты — те, кто предается мечтам и расплачивается за это жизнью, или те, кто осуществляет эту мечту, превращает ее в реальность?

Фашизм, Гитлер, в-третьих, — это те бешеные ненавистники русского и всех народов нашей страны, которые ничего не жалели, чтобы только разорвать, раскромсать, разметать наши народы и наше государство, но и эта затея у них провалилась. Советский народ и его армия выбросили фашистов с нашей земли и добили их в Берлине. Но подлую затею фашистов удалось провернуть политбюрошнику и его "черной банде" (А. Солженицын). Наконец, Гитлер мечтал о "депопуляции" нашего народа и много в этом преуспел: от рук фашистов погибло более 20 миллионов наших людей. Ельцин идет этим же самым путем. Своей политикой он добился вымирания народа: в 1994 году смертность уже на 940 тысяч превысила рождаемость в стране. Кто же, спрашивается, теперь Гитлер № 1, а кто Ельцин № 2?

Так-то, полупочтенный Гриша, обстоит дело с фашизмом в нашем Отечестве.

И вот приближается юбилей нашей Победы над фашистской Германией. Это что же, вымыв руки после

"Белого дома" и Чечни, всенародно обожаемый этими же руками будет навешивать нам свои каиновы медальки? И встанет рядом с нами, впереди нас у могилы Неизвестного солдата? Его верный сатрап, полководец-министр будет командовать парадом? А кто будет принимать парад — опять же тот, кто обозвал нас "красно-коричневыми"? А потом нас усадят за праздничные столы с дармовой

водкой вместе с такими, как Бакланов? И мы, нажравшись заморских яств, освежившись любимым фруктом президента киви, должны будем с ними лобызаться? А потом пойти в пляс?..

Читатель Н. Ермоленко пишет мне из Уфы: "50-й День Победы — самый трагичный и унизительный праздник в истории человечества. Ведь все, за что отданы миллионы жизней, предано и потеряно. В этот день можно будет вспоминать героев и славные страницы истории Родины. Но — праздновать? Да еще вместе с предателями-выродками, да еще получать учрежденные ими награды? Это все равно что праздновать победу вместе с Гитлером.

Неужели наши ветераны не отдают себе в этом отчет? Неужели не видят всей нелепости и чудовищности предстоящего позора на весь мир?.. Оппозиционной прессе следует выступить с хорошо обоснованным обращением к народу. Никаких совместных праздников с предателями! Их присутствие должно быть ультимативно отвергнуто заранее".

Нет, дорогой товарищ Ермоленко, есть фронтовики, которые понимают невозможность и позор лобызаний с теми, кто выполнил все замыслы Гитлера. Один из них уже показал всем нам пример — лейтенант Юрий Бондарев. Как известно, в день своего семидесятилетия он отказался принять орден из рук Ельцина. И если его примеру последовал даже зигзагообразный Евтушенко, прочитав с телеэкрана по этому случаю издевательские стихи о биглавом орле, то можно ли сомневаться в том, последуют ли фронтовики примеру лейтенанта Бондарева?

Правда России. 1995. 6 апреля

СТАЛИНГРАДСКОЕ ПОБОИЩЕ И ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗОРИЩЕ

Ровно 53 года тому назад, 2 февраля 1943 года, завершилась Сталинградская битва, ставшая победоносным символом всей Великой Отечественной войны. Несколько дней тому назад завершилась Первомайская операция

наших войск в Дагестане, которая тоже, несомненно, станет символом.

По многим параметрам эти две военные акции, конечно, весьма различны, прежде всего — по масштабу. Действительно, допустим, на заключительной стадии Сталинградской битвы, начавшейся 19 ноября 1942 года контрнаступлением Красной Армии и полным окружением 23 ноября фашистских войск, наши силы составляли более 1,1 миллиона человек, около 15,5 тысячи орудий и минометов, 1463 танка и САУ, 1350 боевых самолетов. Вражеские силы насчитывали 1,02 миллиона человек, около 10,3 тысячи орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий, 1216 боевых самолетов.

В Первомайской же операции с нашей стороны участвовали около 2,5 тысячи человек, 32 орудия и миномета, 16 огнеметов, 10 гранатометов, 3 установки "ГРАД", несколько танков и боевых вертолетов, 54 БМП, 22 БТР, 4 БРДМ. А силы дудаевцев — около 300 человек и такие высоченные "горы оружия", что наш главнокомандующий отчетливо видел их в бинокль со Спасской башни Кремля.

Как видим, по масштабу, то есть в абсолютных цифрах, эти две операции совершенно несопоставимы. Но вполне возможно их относительное, их качественное сопоставление. И тут обнаруживается много поучительного. Прежде всего, в Сталинграде мы располагали превосходством над противником, но оно вовсе не было подавляющим, заранее гарантирующим успех; в Первомайском же оно оказалось именно таким. Чего стоит хотя бы одно только наше восьмикратное превосходство в живой силе! Тем более что среди высоченных "гор оружия", о которых говорил наш главковерх, никто не смог разглядеть в бинокль ни танков, ни вертолетов, ни установок "ГРАД"...

Или взять, скажем, командный фактор. Окружение немцев осуществили войска Юго-Западного, Донского, Сталинградского фронтов и левого крыла Воронежского. Ими командовали соответственно Н. Ф. Ватутин, К. К. Рокоссовский, А. И. Еременко и Ф. И. Голиков. Среди них не было в то время ни одного генерала армии и только один Еременко — генерал-полковник, остальные — генерал-лейтенанты. Но все они имели за плечами опыт гражданской войны, трое — еще и опыт первой мировой. В Первомайской операции по ее масштабу вполне мог бы командовать если не майор или подпол-
406
ковник, то в крайнем случае — полковник. А что же мы видим? Командовали генералы, и не какие-то там лейтенанты или — полковники, а генералы армии да еще с бриллиантовыми маршальскими звездами, только что навешанными им президентом. По возрасту и стажу воинской службы они уже старше своих сталинградских коллег, однако весь их реальный опыт исчерпывается расстрелом из танков безоружных защитников Дома Советов. Сей опыт ничем не мог помочь им в Первомайске, ибо это опыт не воинов, а палачей. Есть и еще одно примечательное отличие сталинградцев от первомайцев: те с молодых лет до конца жизни состояли членами коммунистической партии, а эти в молодые годы тоже вступили в партию и пробыли там лет по тридцать, но при первом же антисоветском шорохе дали деру, как немцы в декабре 41-го под Москвой. Правда, говорят, что Грачев зарыл свой партбилет (№ 084066992) у тещи на даче. Вот такие генералы...

Сопоставим Верховных главнокомандующих. Тот, кто был им в дни Сталинградской битвы, окончил лишь духовную семинарию и никакого воинского звания тогда не имел, но в годы гражданской войны показал себя деятельным и проницательным членом как Реввоенсовета республики, так и Военных Советов многих фронтов. Он многие годы лично руководил делом строительства и вооружения нашей армии и военную технику знал отменно. Нынешний главнокомандующий имеет высшее образование и звание полковника, присвоенное ему и Горбачеву еще соломенным маршалом Брежневым. Этот главнокомандующий в армии не служил и за всю свою жизнь не видел по военной части ничего более значительного, чем смена караула у Мавзолея Ленина. Правда, потом с удовольствием любовался вместе с Окуджавой и окуджатами расстрелом парламента своей родины. Но это, как уже сказано, не военная операция, а палаческая. Что касается отношения к коммунистической партии, то первый был одним из ее основателей в ту пору, когда о взятии власти никто и не думал; за свои коммунистические убеждения он подвергался неоднократным арестам, тюремным заключениям и далеким ссылкам. Второй, будучи стопроцентным выкормышем партии и аллилуйщиком всех генсеков, добрался аж до самой ее вершины и стал главным душителем и партии, и коммунизма, и свободы. Таковы, коротко говоря, люди, возглавлявшие две бессмертные военные операции нашей армии.
407

Сами операции вполне сопоставимы по эффективности. В Сталинграде 23 ноября было окружено 330 тысяч фашистских войск под командованием генерал-фельдмаршала Паулюса. 12 декабря из района Котельниково, что к юго-западу от Сталинграда, им на выручку ринулась ударная группа генерал-фельдмаршала Манштейна. За три дня ожесточенных боев ей удалось продвинуться на 45 километров, до Сталинграда оставалось только 40 километров. Но прорвать внешнее кольцо окружения Манштейну не удалось, он был остановлен на реке Мышкова и больше не продвинулся ни на метр. Уничтожение войск Паулюса, отклонивших предложение о капитуляции, продолжалось. Ни одна дивизия или бригада, ни один полк или батальон, ни одна рота не вырвались из кипящего

котла, устроенного им советскими войсками под командованием генералов-коммунистов. 2 февраля Паулюс приказал прекратить сопротивление и согласился на полную безоговорочную капитуляцию. В плен было взято 91 тысяча немцев, остальные погибли в окружении от ран и болезней, от голода и холода. Победа была абсолютной.

А насколько эффективной оказалась Первомайская операция? Один из бриллиантовых генералов заявил, будто она столь успешна, что не имеет аналогов в мире. Ну, действительно... Начать хотя бы с показателя, которого не знала Сталинградская битва, — с судьбы заложников. По официальным данным, 82 из них освобождены, 18 пропали без вести. "Советская Россия" закономерна недоумевает: "А что с остальными двумястами? Или их не было вообще, и столь устрашающая цифра — 300! — называлась для оправдания крупномасштабной акции?" Это интересует, разумеется, не одну "Советскую Россию".
По тем же данным, 153 террориста убито и 28 взяты в плен. Один "бриллиант" уверяет, что вырвались из окружения и скрылись 15—20 боевиков, другой "бриллиант" божится, что 20—25. Хорошо, пусть 25. Но опять тот же вопрос: "А что с остальными?" Ведь, по словам первого, их было около 300. Генералы этого сказать не хотят, но по их же данным выходит, что из "тройного кольца окружения" вырвались не 15—25, а около 100 террористов, то есть треть. К тому же ничего не остается, как признать: они еще и увели с собой около 100 заложников. Это все равно как если бы из Сталинградского котла, в котором оказалось 22 дивизии и свыше 160

отдельных частей, вырвались бы 7—8 дивизий и около 50 отдельных частей. А поскольку невредимым ушел и сам главарь Радуев, то невольно во главе тех предположительных дивизий ставишь самого генерал-фельдмаршала Паулюса. При этих условиях стала бы Сталинградская битва великим символом нашей победы?

Многие факторы обусловили наш блестящий успех в Сталинграде. Один из важнейших состоял в том, что Ставка и Генштаб, как писал маршал Жуков, "в процессе боевых действий тщательно изучали разведывательные данные о противнике, анализировали их и делали выводы о характере действий противника и своих войск. Они изучали соображения штабов, командующих фронтами, видами вооруженных сил и родами войск и, анализируя все эти данные, принимали решения". Причем изучались, анализировались, получали немедленную оценку данные, сведения, сигналы самого разного, порой совершенно неожиданного свойства. В этом смысле весьма показательна история с одним письмом Сталину, о которой вспоминал маршал Василевский. Контрнаступление назначалось на 19 ноября. Все спланировано, обдумано, взвешено. Войска изготовились для атаки. Вдруг чуть ли не накануне этой даты Сталин получает письмо — о, на такое письмо надо было решиться! — от командира 4-го механизированного корпуса В. Т. Вольского. Уже сам по себе факт своевременного получения Главнокомандующим письма с фронта выглядит в наши дни сказочно. Сейчас не то что командиру корпуса, но и министрам-то мудрено достучаться до главы государства и армии. Да что там: даже о его встречах с премьером даются специальные сообщения, словно это встречи с иностранным представителем...

Вольский, считая это своим долгом офицера и коммуниста, писал, что контрнаступление обречено на неудачу, и просил Сталина немедленно и тщательно проверить реальность принятых решений, отложить операцию, а может быть, и вовсе отменить ее. Казалось бы, чего тут Верховному думать? На одной чаше весов — обстоятельнейший план Ставки и Генштаба, веское мнение таких авторитетов, как Жуков и Василевский, командующие четырех фронтов, а

на другой — не паническое ли суждение безвестного генерала, каких сотни? Чего думать! Действительно, запас прочности операции был огромен: чего стоит хотя бы тот факт, что в окружении оказалось почти в четыре раза больше немцев,
409
чем ожидали, и это не сорвало операцию, а лишь оттянуло срок ее завершения.

Но Сталин не отмахнулся от письма. 18 ноября он срочно вызвал Василевского из Сталинграда, дал ему письмо и спросил, что он думает. Василевский ответил: его автор глубоко ошибается, контрнаступление подготовлено хорошо, есть все основания рассчитывать на успех. Тогда Сталин попросил соединить его по телефону с Вольским и сказал ему: "Ваш корпус, как и намечалось, выводится на острие атаки. Желаю успеха, генерал-лейтенант!"

И 4-й механизированный (позже 3-й гвардейский) выполнил свою задачу достойно. Вольский получил орден Суворова 2-й степени (потом и 1-й), а через год стал генерал-полковником.

Сопоставьте это с тем, что творится сейчас. Еще 23 декабря Верховный главнокомандующий, премьер-министр и министр обороны получили не письмо генерала-одиночки, а официальное донесение за подписью начальника Главного разведывательного управления Министерства обороны генерала Ф. Ладыгина, в котором говорилось о планах террористов нанести удар по Кизляру. Донесение в три высших адреса! И что же? В знаменитой трагикомической сцене порки своих силовых министров, переданной по телевидению, главнокомандующий честно признался: "Да, я проспал..." Может ли удивить такое признание в устах человека, о сонливости которого ходят легенды: он проспал не только, допустим, попутную встречу с ирландским премьер-министром, но даже Крым — жемчужину короны русской державы. Но ведь он говорит это в полной уверенности, что его уникальная сонливость полностью освобождает его от всякой ответственности перед народом.

Правда, редкостная сонливость главковерха порой, особенно в критические часы нашей жизни, вдруг оборачивается столь же редкостной резвостью странной направленности. Мы видели это в страшные дни Буденновска, когда он умчался за океан пообщаться с Клинтоном и другими друзьями, о которых соскучился. Мы видели это и теперь, когда, показав нам на пальцах, как 38 снайперов, взяв на мушку Радуева и всех остальных террористов, он рванул в Париж на похороны бывшего президента Франции. Уж если в родной стране такая трагическая ситуация и если умер бывший, то можно бы послать Черномырдина, который, кстати, очень хорошо
410
смотрится на погребальных церемониях. Так нет же — сам!.. 12 апреля 1945 года умер Рузвельт. В те дни завершалась подготовка к Берлинской операции, она началась 16 апреля. Невозможно представить, чтобы Сталин бросил тогда все дела и полетел в Вашингтон. Этого и не произошло. А ведь Рузвельт был не бывшим, а тогдашним президентом страны-союзницы.

"Да, я проспал, но вы-то!.." — воскликнул главковерх. А они, силовые министры, тоже поспать любят... Г. К. Жуков вспоминал: "Конец октября и начало ноября мне, А. М. Василевскому и другим представителям Ставки пришлось основательно поработать в войсках, чтобы помочь командованию, штабам и войскам полностью освоить план контрнаступления и способы его выполнения. Итоговые совещания в штабах фронтов, армий и войск показали, что эта сложная и трудоемкая работа была проведена командно-политическим составом с чувством большой ответственности и творческой инициативы". Да, сложная и трудоемкая работа в войсках — на месте, на боевых позициях. Ею по горло были заняты и представители Ставки, и командующие фронтами, и командармы, и комкоры, и комдивы — все генералы, офицеры и солдаты... А

нынешние бриллиантовые? Они покинули барсучью нору в столице и явились в Первомайское лишь перед самым началом операции.

И что же дальше? А дальше сразу стало ясно, что это просто неучи. Они даже не понимают и употребляют неправильно самые расхожие военные термины. Так, один бриллиантовый заявил, что "чеченцы оказались в мешке". Генерал думает, что "мешок" — это полное окружение, он не понимает того, что знал поручик Толстой. В "Войне и мире" один персонаж говорит: "Я клянусь вам честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он бы мог потерять половину армий, но не взять Смоленска". Известно, что под Смоленском войска Наполеона вовсе не были в окружении. Действительно, "мешок" — это или большое углубление в позицию противника, или частичное окружение, при котором еще остается "незавязанный" выход. Именно о таком "мешке" и говорит толстовский персонаж. А ведь чеченцы, если верить официальным сообщениям, находились чуть ли не в тройном полном окружении, в кольце, в котле.

Но что там военные термины! Бриллиантовые не понимают даже, что такое заложники и для чего они берутся. Ведь только этим полным непониманием можно объ-

яснить пущенный ими слух о тайном расстреле заложников. Конечно, если в руки террористов попали бы они сами, то, как можно судить по покушениям на Романова, Лобова, Завгаева, тайная расправа была бы вполне возможна. Но заложники?! Они же захватываются не ради голого живодерства, а для того, чтобы угрозой расправы над ними или самой расправой добиться определенной цели. Поэтому уж если дело дошло до расстрелов, то террористы крайне заинтересованы не в сокрытии их, а, наоборот, в том, чтобы придать этому самую широкую огласку.

И вот что говорит капитан В. Шурыгин, видевший все своими глазами: "Я не знаю, какие академии заканчивал генерал Барсуков. Боюсь, что самые умные из них — трамбовка сапогами кремлевской брусчатки. Ибо то, что происходило в Первомайском, было сделано на уровне тупого комбата, никогда не видевшего войну и не знающего, что такое спецоперация спецподразделений. Собрав в одном месте весь цвет спецназов России, он не придумал ничего умнее дневного штурма села в лоб... А где же молниеносные ночные броски штурмовых отрядов, где спецвооружение, слезоточивые газы, светошумовые гранаты? Где использование ночного вооружения, приборы ночного видения? Где внезапность и военная хитрость?" Словом, где реальное, конкретное доказательство брошенного на весь мир заявления главковерха о том, что "операция очень и очень хорошо подготовлена"?

В ответ на подобные вопросы генерал заявил: "Мы избрали тактику изматывания противника". Боже милостивый, террористы сидели в теплых домах, жрали-пили от пуза, заложники рыли для них окопы, строили укрепления, а наши солдаты порой не видели горячей пищи, одно подразделение даже застрелило бродившую недалеко корову, чтобы вволю поесть, — и это у ельцинских скоропостижных генералов называется тактикой изматывания! Да, изматывали, но кого?

А генерал продолжает. Операция, говорит, проведена успешно, несмотря на то что мы встретились с большими неожиданностями. Это с какими же? А я, говорит, не ожидал, что при угрозе смерти или плена чеченцы могут сбросить с себя все лишнее, даже сапоги, и помчаться босиком с такой быстротой, на какую в обычной жизни не способны. Он не ожидал! Да вспомнил бы того же Льва Толстого: у него русские офицеры Жилин и Костылин тоже бегут босиком из чеченского плена.

У всей этой демпублики самые излюбленные доводы и самые веские оправдания именно такого пошиба: "я не ожидал", "я не могу себе представить", "а мы-то думали" и т. п. Вспомните, как Горбачев, а за ним слово в слово и Ельцин одно время убеждали нас в невозможности развала страны: "Я не могу себе представить Россию без Украины!" Он не может себе представить, значит, этого не может быть. Столь крайняя степень умственного одичания в философии именуется солипсизмом.

Он самый, родимый солипсизм вылез наружу и в чеченском кровавом вопросе. 19 октября в беседе с журналистами Ельцин сказал буквально следующее: "Мы-то думали, что там обыкновенные чеченцы, кое в чем недовольные федеральной властью..." И вот при таком убеждении он бросил против кое в чем недовольных самолеты и танки. Но оказалось, говорит, там прекрасно обученные и вооруженные бандиты, и против них-то должны были воевать наши во всем плохо подготовленные мальчики... И полегли там русские мальчики только из-за того, что их главковерх — запойный и невежественный солипсист!

И опять то же самое слышим от него уже в нынешние дни: "Мы-то думали закончить операцию в один день. Мы-то думали, что там саманные домики. А оказывается, там — доты, дзоты, горы оружия, специальные сооружения. Там мощная подземная база Дудаева..." Конечно, за то время, что ты со своими бриллиантовыми предоставил террористам, они, имея в избытке рабочую силу заложников, могли построить и доты и дзоты. И за вашу сонливость, за ваш солипсизм опять своими жизнями расплачиваются русские ребята. "Большего идиотизма я в жизни не видел, — сказал после боя один боец "Альфы". — Это не спецоперация. Это бой хренового пехотного батальона в населенном пункте. Нас здесь выставляют под огонь, как обычную пехоту. Будь оно всё проклято!"

По официальным данным, у нас погибло 26 человек и 95 ранено. Главнокомандующий назвал это "минимальными потерями", при которых мы-де "урок Дудаеву дали основательный". Господи, ну есть ли предел тупоумию и бахвальству? Во-первых, по конституции твоя задача, святая обязанность не в том, чтобы регулярно давать уроки террористам, а в том, чтобы вчистую ликвидировать в стране терроризм и защитить покой, саму жизнь соотечественников. Во-вторых, если уж уроки, то

это не ты ему даешь их, а он тебе — и в кошмарную новогоднюю ночь в Грозном, и в Буденновске, и в Кизляре, и в Первомайском, и на теплоходе "Авросия", и в Серноводске, и опять в Грозном... Мало тебе уроков? Другому хватило бы одного. Но весь ужас в том, что и ты и твои бриллиантовые не понимают уроков, вы

— "системы, не способные к обучению". Да, именно такие "системы" только и могут быть там, где при распределении постов, должностей, звезд и бриллиантов берется во внимание только один критерий — "Ты меня уважаешь?". И ничего, кроме этого!

В конце концов такие "системы" начинают действовать не только против народа, страны, но и против себя. Вспомним еще раз дни Сталинграда: возможно ли, чтобы тогда по советскому радио, в наших газетах выступали Гитлер и Геббельс, Паулюс и Манштейн, чтобы они запугивали советский народ расплатой за Сталинград? Чушь!.. А ныне какую газету ни разверни, какую программу радио и телевидения ни включи — портреты террористов, интервью с ними, их угрожающие речи, устрашающие обещания... Словом, если наши бриллиантовые генералы не умеют бороться с террористами оружием, то наши СМИ смиренно и даже весьма активно еще и помогают террористам вести яростную психологическую войну против своего народа, против своей армии.. О том, что олухи демократии дойдут до такого полного идиотизма, чеченцы и мечтать не

могли. *Я* думаю, что большую часть нужных им сведений они получают от нашего телевидения. Действительно, если сам главковерх извещает по всем программам, например, что он послал в Первомайское 38 своих лучших снайперов, которые — пиф-паф! — в нужный момент сразят наповал всех, кого надо; если он говорит, что готов направить 150 лучших своих водолазов для спасения заложников на "Авросии"; если он напоказ выставляет свое полное, на уровне деда Щукаря, военное невежество... О, если бы только военное! Ведь чего стоит хотя бы одно лишь услышанное нами из его сахарных уст гневное заявление "на совете в Филях" о том, что радуевцы на пути в Кизляр беспрепятственно прошли две границы — чеченскую и дагестанскую. Сколько раз я вам, Николаев, говорил, шумел дед Шукарь, что надо бдительно охранять и чеченскую границу и дагестанскую! Да ведь это ж все равно как если бы кто-то стал уверять, что в Политбюро сидел один Ельцин, а душить коммунизм принялся тоже Ель-

414

цин, но совсем другой. Или — что президентом у нас один Ельцин, а главнокомандующим тоже Ельцин, но с президентом не имеющий ничего общего. Увы, все это один и тот же Ельцин, монолитный, как чечено-дагестанская граница...

Итак, две операции. О первой из них маршал Жуков писал: "Это была долгожданная и радостная победа не только для войск, осуществлявших разгром врага, но и для всего советского народа... Верные сыны России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Казахстана, Средней Азии своей стойкостью и массовым героизмом заслужили бессмертную славу".

За участие в этой операции Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, К. К. Рокоссовский, А. И. Еременко были удостоены ордена Суворова I степени, высокие награды получили многие генералы, офицеры и тысячи солдат. Вскоре Жуков и Василевский стали Маршалами Советского Союза и получили маршальские звезды с бриллиантами.

За вторую операцию я бы не только отобрал маршальские звезды — ведь точно такие же! — но и разжаловал бы звездоносцев в рядовые да еще и отправил на пересыльный пункт. Пусть, кто хочет, берет их в свою часть каптенармусами или поварами.

Завтра. 1996. № 6 (114). Февраль

ЗАЧЕМ ВЗРЫВАТЬ СИНАГОГИ?

Немало евреев находилось на руководящих постах и при Ленине, и при Сталине. Но в большинстве своем они были патриотами, знатоками порученного им дела, самоотверженными работниками. Взять, допустим, М. М. Литвинова, почти десять лет работавшего наркомом иностранных дел. Да, это еврей Меир Моисеевич Баллах, но еще и цепной пес на страже государственных интересов СССР. Он вступил в партию еще в 1898 году, до революции у него за плечами было почти двадцать лет напряженной и опасной подпольной работы, аресты, эмиграция, нелегальное возвращение на Родину. В первые годы революции — полпред в Англии, в Эстонии, потом почти десять лет работал заместителем наркома, и только после всего этого его назначили наркомом. Сравните его с недавним коллегой и соплеменником Козыревым.

415

Никому не ведомый чиновник, ничем не примечательная личность, он был извлечен Ельциным из недр МИДа и посажен вершить дипломатию великой державы! А на самом-то деле он больше всего своей податливостью, своей любезностью нравился американцам — так нравился, что президент США, как

известно, умолял нашего не трогать это сокровище и не гнать в шею, а наш 3 января 1993 года рассыпался мелким бесом по телефону: "Вы просили оставить на месте Козырева, и я выполнил вашу просьбу..." Словом, Литвинов и Козырев — это горный орел и цыпленок из инкубатора на Смоляге.

Если вспомнить из прошлого еще несколько еврейских имен, то что, кроме восхищения и благодарности, могут вызвать у нас хотя бы, допустим, знаменитый физик Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинских и Ленинских премий А. Ф. Иоффе, один из создателей нашей атомной бомбы трижды Герой Социалистического Труда Ю. Б. Харитон, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Д. А. Драгунский, генерал армии Герой Советского Союза Я. Г. Крейзер, летчица Герой Советского Союза П. В. Гельман, великий шахматист М. М. Ботвинник, замечательный композитор И. О. Дунаевский, певец Большого театра М. О. Рейзен, имевший не только три Сталинских премии и два ордена Ленина, но еще и два Георгиевских креста, легендарный тяжелоатлет Г. И. Новак и т. д.

И сравните их с евреями (если не по крови, то по духу) ельцинской тотальной мобилизации. Ведь здесь олух на олухе сидит и олухом погоняет. Взять, допустим, самого корифеистого из них — Гайдара. В таких табакерках улучшенной планировки, как "Правда" и "Коммунист", всю жизнь занимался экономикой, но так и не извлек из нее ничего, кроме докторского звания, но когда выскочил из приоткрытой "новым мышлением" щелки и Ельцин спросил его: "Фемистоклюс, хочешь быть главой правительства России?" — Он, как все они, тотчас выпалил: "Хочу!" А когда стал главой и объявил "либерализацию цен", то уверенно провозгласил: "Цены поднимутся раза в два-три, и после этого вскорости начнется небывалый экономический подъем и наступит "золотой век". И что же мы увидели? Цены подскочили не в два-три, а в сотни, в тысячи раз, сожрав все сбережения народа, и никаким подъемом до сих пор не пахнет нигде. Таким образом, ограбление русского и всех других народов страны, учиненное Ельциным еврейскими руками, превзошло все рас-

казачивания и раскулачивания, осуществленные в свое время при ведущей роли отцов и дедов обладателей названных рук. В любой стране грабителя народа судили бы, а Ельцин лишь спрятал его в какую-то новую комфортабельную табакерку вроде академии, института или фонда. Авось еще пригодится. И это, повторю, самый крупногабаритный, по словам Ельцина, самый умный из всех обитателей табакерки.

И вот такие злокачественные персонажи мельтешат ныне повсюду. Но этого мало! Ельцин ставит их на самые важные, ответственные, но и самые безнадежные посты, их устами оглашает наиболее бесстыдную ложь, их руками делает особенно грязную работу. Разумеется, это есть не что иное, как государственный антисемитизм, разжигание его в крайне изощренной и коварной форме. А в самом деле, что, кроме ненависти народа, могли и могут вызвать, допустим, премьер Гайдар, очистивший все наши сберкассы и продолжающий болтать о прогрессе, или вице-премьер Чубайс, сперва вравший, будто ваучер — это две "Волги", а потом подаривший за 5—10 процентов стоимости наши фабрики и заводы бывшим комсомольским активистам. Но ни эти два корифея, ни Немцов, прозванный Купидоном, ни все Лившицы, одержимые сиюминутной выгодой и хватательным рефлексом, не видят коварства Ельцина, не понимают, что рано или поздно гнев терпеливого русского народа обрушится со страшной силой на их некрепкие головы, черные и рыжие, кудрявые и лысые. Гнев народа может перекинуться и на ни в чем не повинных евреев. Ведь каждому не объяснишь, что они бывают разные, что, мол, прекрасный писатель Шолом-Алейхем тоже еврей. Ельцин не так дремуч, как выглядит. Евреи требуются ему в

неограниченном количестве так же, как многим королевским дворам средневековой Европы требовались швейцарские ландскнехты и кондотьеры. Но порой Ельцин все же не выдерживает своего "цивилизованного антисемитизма" и время от времени учиняет открытые мини-погромы. Так, в свое время взял да и безо всяких объяснений выставил на улицу несчастную Галину Старовойтову, числившуюся у него советником по национальным вопросам. По каким же еще! А совсем недавно, как пишут наши и зарубежные газеты, позвонил Борису Березовскому и сказал: "Слышал я, милейший, что у вас тут, в нашей России-матушке, собственности много. Заводы, нефтяные промыслы, телевидение... Так вот, в некий час

417

"икс" все это у вас может исчезнуть. Если не прекратите свои еврейские штучки, я вас вышвырну из страны, как неандертальца вышвырнул из Совета безопасности". И ведь мало того, не только наговорил подобных страшных гадостей бедному Абрамычу, но потом еще и рассказал об этом космонавтам, которым вручал награды!.. Но, конечно же, повторяю, это лишь маскировка, и положение остается невыносимым.

Казалось бы, возвысить голос тревоги первыми должны писатели. Н. И. Кондратенко назвал четырех: самая что ни на есть "совесть народа". Но, увы, они и слова-то "еврей" избегают.

Ну, уж если не писатели, то всенепременно должны бы ударить в набат коммунисты, вдохновленные своими учителями. Я уж не напираю на Маркса, который говаривал: "Нас пленяет эта работа — называть вещи своими именами". И написал знаменитую работу — "К еврейскому вопросу"! Но даже деликатнейший Плеханов, женатый, между прочим, на еврейке, не постеснялся сказать, что сионисты-бундовцы хотят "утвердить Сион не в Палестине, а в пределах Российского государства" (Соч. М.; Л., 1926. Т. 13. С. 165). А Ленин был еще круче. "Дорогие друзья! — писал он в 1913 году из Кракова. — Если молчать, то еврейские марксисты завтра верхом будут на нас ездить... Бунд приспосабливает социализм к национализму" (ПСС. Т. 48. С. 134—135).

Но вот пришло время, и не марксисты, а демократы еврейские уже едут на нас, на всей России верхом. И где же ученики Маркса, Плеханова и Ленина? Уж дальше-то чего ждать? Когда Старовойтова в прямом смысле оседлает нас и станет погонять Буничем? Ленин клялся: "Мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи" (там же. С. 169). А ведь принципиальную позицию нельзя сдавать не только сволочи, но и таким ангелам, как Старовойтова. Нет, китайцы лучше учились у Маркса, Плеханова и Ленина, отсюда и рост экономики у них составляет ежегодно 10-—15 процентов.

И вот, не дождавшись ни писателей, ни коммунистов, в защиту евреев от кремлевского антисемита сказанул словцо губернатор пятимиллионного Краснодарского края. Сразу замечу, что кое в чем я тут не согласен. Раз уж только что была упомянута "бундовская сволочь", то начну с утверждения автора о том, что "в Бунде состоял и Владимир Ильич". Но потом он "резко порывает с сионизмом". И покушение Каплан объясняется здесь тем,

418

что "они (сионисты) не могли ему такое предательство простить, они его, похоже, и умертвили". Все это имеет такую же степень достоверности, как заимствованные, видимо, у сказочника Ф. Чуева "валенки Сталина, подшитые им собственноручно".

Ни в каком Бунде Ленин не состоял, никаким сионистом быть не мог.

За словами о принадлежности Ленина к тем, кого он сам называл сволочью, видимо, стоит намек на старые побасенки о еврейском происхождении Владимира Ильича со стороны матери Марии Александровны, урожденной Бланк. Первым,

кто захотел копаться в генеалогии Ленина, был Н. В. Валентинов (Вольский. 1879—1964), большевик, ставший меньшевиком, с 1930 года эмигрант, автор книг "Мои встречи с Лениным", человек интеллигентный, образованный, знающий, что такое исследовательская работа.

Валентинов пришел к выводу, что Бланк не еврей. Во-первых, писал он, "плохо согласуется с его еврейством женитьба на немке Анне Ивановне Грошопф из явно состоятельной и по тому времени очень культурной семьи". Во-вторых, "трудно допустить, что в начале XIX столетия, при Николае I, еврей мог быть в Петербурге семь лет полицейским врачом". Наконец, в-третьих, "уж совсем нужно отвергнуть мысль, что еврей, даже крещеный, мог в то время стать владельцем крепостных душ" *{Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 365, 366, 387). В последнем доводе имеется в виду тот факт, что А. Д. Бланк в 1847 году купил имение Кокушкино.

После смерти Ленина ЦК партии поручил его сестре Анне Ильиничне Елизаровой собирание документов по истории семьи Ульяновых. В архиве департамента полиции ей сообщили, что Бланк был крещеным евреем, уроженцем Житомира. Она добивалась у Сталина согласия на публикацию этого великого открытия. Но говорят, что вождь ответил: "Это не прибавит народной любви ни Ленину, ни евреям".

С тех пор, то затихая, то оживляясь, бродили смутные слухи. Уже в наши дни за дело взялась М. Бычкова, специалист по генеалогии. Она установила, что Бланков было несколько, но тот, что купил Кокушкино, "происходил из православного купеческого рода. Начав службу в 1824 году, он в 40-е дослужился до чина надворного советника со старшинством (подполковник), который давал ему право на потомственное дворянство" (Поиск.

№ 37. 1993. 17—23 сентября). Как известно, Илья Николаевич Ульянов, отец Ленина, дослужив до чина действительного статского советника, тоже имел дворянское звание. Вот такие щирые евреи толпились за спиной Владимира Ильича. Так что он с полным правом называл себя великороссом и писал, что нам, великороссам-марксистам, национальная гордость вовсе не чужда.

Заглянем в справочник "Евреи в русской культуре" (М., 1996), составленный журналистом А. Ф. Козаком. Анатолий Федорович в великой печали: "Сегодня евреев около полумиллиона, в 280 раз меньше всех россиян..." Если так, то почему же их на телевидении в 140 раз больше всех россиян? Ответа нет, продолжаются стенания: "Еврейство в России завершает свой короткий век. Еще два-три десятка лет — и евреи станут на евразийских просторах СНГ реликтами..." Какой кошмар! Допустим, как уже сейчас — выхухоли. Однако, сдается нам, есть основание полагать, что на телевидении их и тогда будет в 70 раз больше всех россиян.

Но Козак безутешен и жаждет хоть как-то помочь беде: "Пока не поздно (!), надо рассказать о представителях этноса, тающего буквально на глазах, подобно последней апрельской льдинке..." Представляете, адвокат, именующий себя Макаровым, — апрельская льдинка? В чем же, однако, причина столь достослезного настоящего и столь трагического будущего? А это, говорит, "результат постоянной антисемитской пропаганды и юдофобской политики коммунистического правительства". Но кто занимался антисемитской пропагандой, кто проводил зверскую политику — кровавый Лев Троцкий? Жестокий Лев Каменев? Коварный Лев Мехлис? Или притворившиеся ягнятами Лев Маневич, Лев Ландау, Лев Кербель? "Останавливаться на этих факторах не входит в нашу задачу", — тут же потупил очи Анатолий Федорович. Едва ли ответит он на вопрос и о том, как при постоянной антисемитской пропаганде и юдофобской политике ему лично удалось стать автором сценариев около десятка

художественных фильмов, свыше ста документальных и научно-популярных, да еще отхватить премию? И как смог он протащить фильм "Долгая ночь Менахема Бейлиса", если принять во внимание, что Бейлис был евреем, а не турком? Ведь уже не было в живых ни одного из 83 деятелей русской культуры, выступивших когда-то в защиту Бейлиса, — ни Горького, ни Короленко, ни Блока, ни Куприна, ни Леонида Андреева, ни
420
Мережковского, ни Вернадского... Я уж не спрашиваю о том, как удалось при антисемитской власти так отменно преуспеть в жизни и работе более чем тысяче евреев, включенных в справочник — народные артисты! герои! мультиорденоносцы! суперлауреаты! — и десяткам тысяч, не упоминающихся здесь.

Взять из козаковского справочника хотя бы тоже сценариста Е. Габриловича, как дольше всех прожившего — до 94 лет! — в тисках антисемитского режима. Накатал (да, именно накатал, как оказалось) штук двадцать сценариев и не меньше книг прозы. Наиболее обстоятельно его необъятные писания исследовали знаменитые датские кинокритики И. Розенфельд и М. Гольденберг (настоящие фамилии Розенкранц и Гильденштерн). Они пишут: "В центре внимания Габриловича — простой и скромный советский человек, способный совершить подвиг во имя народа и революционного долга". Да, да, это и видим мы в фильмах по его сценариям. Кто не помнит, например, фильм "Коммунист", "достоверно рассказывающий о героических буднях 1919 года" (Розенкранц), или "Твой современник", "взволнованно повествующий о гражданском мужестве, партийной принципиальности коммуниста — сына коммуниста 20-х годов" (Гильденштерн). Сценарист особенно преуспел в разработке темы революции, образов большевиков, В. И. Ленина: "Рассказы о Ленине", "Ленин в Польше", "Ленин в Париже". Разумеется, получил он Золотую Звезду Героя, полдюжины Сталинских и Ленинских премий, полпуда высших орденов и кучу всяких почетных званий.

Но вот за несколько месяцев до его смерти ему предложили принять участие в качестве "документального персонажа" в фильме Александра Иванкина "Монстр", снятом на американские деньги. Что за монстр? Да, конечно, Сталин. И вылез Мафусаил из-под груды советских орденов, премий, звезд и прошамкал, имея в виду жизнеутверждающее советское искусство: "Я удивляюсь, неужели мы были раньше такими идиотами!" Нет, никаким идиотом он не был, когда сочинял все свои сценарии и книги, а потом бегал трусцой в Кремль за орденами и премиями. Не был он идиотом и перед смертью, прикидываясь идиотом. Всю свою столетнюю жизнь прожил он холуем и прихлебателем советской власти. Как же не внести такого монстра, такую льдинку и сосульку в бессмертную книгу "Евреи в русской культуре". Типичнейшая фигура!
421

Однако вернемся к выступлению Н. И. Кондратенко. Еще больше, чем зачисление в ряды Бунда В. И. Ленина и формирование бундовского легиона из русских людей, огорчают такие, например, откровения: "В начале века, когда революционеры из-за границы к нам приехали в кожанках, нацепив парабеллумы и окрасив нас, русских, в красных и белых, заставили стреляться (видимо, хотел сказать не "стреляться", а "стрелять друг в друга".

— *В. Б.),* то это был сионизм". То есть человек уверен, что Октябрьская революция произошла не в результате двадцати лет бездарного правления Николая, не вследствие позорного поражения в двух войнах, угнетения народа, разрухи и голода, не из-за расстрелов демонстраций трудящихся, а лишь из-за происков кучки сионистов. Ей, кучке сионистов, удалось размалевать в красных и белых 150-миллионный народ. Его раскрашивали, а он лбы подставлял? Да как же низко вы думаете о своем народе! Мой отец по своему положению — царский

офицер — был вроде белый, но в 17-м году он, сын морозовской ткачихи и тульского крестьянина, без колебаний встал на сторону народа и стал красным.

Но это дела чуть не столетней давности. А как же вам представляется нынешнее положение страны? Тоже кучка сионистов разделила народ на предателей и патриотов? А кто разделил нас на богатых и нищих? Кто развалил страну? Да, правительственные евреи сыграли во всем этом непомерно огромную роль, их ответственность тут несоизмерима с 280-й частью населения, но только ли дело в Гайдаре да Чубайсе, в Авене да Лившице? Главные-то правители и прежде всего наш наперсный дружок, что, все они члены Бунда?.. Вы же сами говорите: "Русский, пока ему не крикнули с телеэкрана — геноцид! — спокойно ходит". Да уже чуть не каждый день кричат, а он все "спокойно ходит". Вот в чем беда-то!

Один из названных Кондратенко писателей пророчествует: "Года через два-три, ежели ничего не изменится и волынка с властью, которая служит чужим интересам, будет продолжаться, то Россию силой заставят принять капиталистические "завоевания"... Государство, сознательно убивающее самое себя, — такого в мире еще не бывало". Словом, ничего нам не остается, как заказывать гроб. А вот и гвозди к нему: "Через два-три года с нами начнут поступать так же, как с Ираком и Фолклендскими островами". Так неужели такие пророчества могут воодушевить народ?

422

Вот и вы, товарищ Кондратенко, уверяете честный народ: "Сионизм завладел Россией..." Да, завладел "Белым домом", телевидением, почти всеми газетами, завладел и слабыми душами, но это еще не вся родина, Николай Игнатович, не вся. Помните, у Алексея Толстого? "Останется один уезд — и оттуда пойдет Россия". А для этого надо начать хотя бы с небольшого. Например, выйти на очередные демонстрации с лозунгом "Вон из "Белого дома" бундовскую сволочь!" Или: "Долой кремлевского антисемита!" Или: "Слава Сергею Кириенко, молодому перспективному губернатору острова Шикотан!"

Завтра. 1998. № 20. Май

РОМАНОВЫ И ЕЛЬЦИН

В памяти потрясенного человечества надолго сохранятся все подробности грандиозного церемониала погребения в Петропавловском соборе Ленинграда многострадальных и уже несколько замусоленных экспертами и телевизионщиками "екатеринбургских останков". И под сводами собора, и на наших телеэкранах все было величественно, впечатляюще, проникновенно...

Правда, как во всяком грандиозном деле, не обошлось, конечно, без двух-трех промашек. Так, телерепортер, движимый благородным желанием еще более наддать по части величавости, вдруг трагическим голосом прочитал известные строки Ахматовой:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит...

Это было несколько странно, ибо, во-первых, эпоха Николая погребена еще в феврале 1917 года; во-вторых, "надгробный псалом" как раз внятно звучал, — настоятель собора о. Борис усердствовал как мог.

Последующие строки четверостишья удручали еще больше:

Крапиве и чертополоху
Украсить ее предстоит.

Ну как же так! Кругом такая лепота, на лицах участников действа — скорбь, в их сердцах — благоговение, -и вдруг во весь голос упоминание о столь непрезентабельных представителях флоры! Еще хорошо, если Га-
423
лина Старовойтова, появлявшаяся на экране раз пять в прозрачной траурной шляпе с явным намерением посильно украсить церемониал, не приняла эту "крапиву" на свой счет, а Эдуард Радзинский, мелькнувший с тем же намерением только разок, не посчитал, что "чертополох" адресуется именно ему...

Мне показалось странным, лишним и то, что тележурналист счел возможным и нужным заявить, будто за всю нашу долгую историю только один Николай из всех русских правителей получил в народе прозвище Кровавый. Право, уж в такой-то день могли бы удержаться, промолчать, как промолчали же, допустим, о Распутине, о его хотя бы записочках царю и в таком духе: "Папа милай надо пособить человечку назначь его министром кланяюсь и целую ручки маме Григорий".

Интернационализм или идиотизм?

Есть в мировой истории, пожалуй, лишь один аналог мистической верности русских царей немецкому выбору. Это — столько же мистическая приверженность советских руководителей первого поколения к еврейкам. Еврейками были жены не только Троцкого, Зиновьева, Каменева, Кагановича, Литвинова, Ягоды, Ярославского, редактора "Правды" Мехлиса, редактора "Известий" Стеклова (Нахамкиса), начальника политуправления Красной Армии Гусева Сергея Ивановича (Драбкина Якова Давидовича), его преемника Гамарника и других высокопоставленных руководителей, которые сами были евреями, что, право, не свидетельствовало об интернационализме наших верхов. Ленин и Сталин, женатые на русских, были едва ли не исключением.

И это объясняет многое. В частности, если после поляков Дзержинского и Менжинского во главе ВЧК — ОГПУ встал Ягода, бывший до этого долгое время заместителем, а вслед за ним — женатый на еврейке Ежов, у которого заместителем был еврей Фриновский, то чего ж удивляться обилию евреев во всей системе карательных органов.

И в конце концов дело дошло до таких катастрофических интернационалистов, как В. Бакатин, признававшийся, что всю жизнь стыдился спрашивать людей об их национальности, словно это неприличная болезнь. В многонациональной-то стране! Вероятно, из-за стеснительности своей Бакатин не знал и того, что американцы—это американцы, граждане другой страны. Возможно, только
424
этим и объясняется тот непостижимый факт, что, будучи председателем КГБ, он выдал американцам схему наших подслушивающих устройств в их московском посольстве. Многие, к сожалению, уже напрочь забыли и сам факт выдачи, и то, какой высоконравственный и гордый довод выдвинул он при этом в обоснование своей неандертальской акции. Как же! "Я сэкономил американским налогоплательщикам огромную сумму, которую пришлось бы потратить на разыскание наших устройств!" Вы только полюбуйтесь на эту вершину интернационализма и идиотизма: радеет и тревожится не о своих налогоплательщиках, а о чужеземных. Бедняга свихнулся на почве обожания Горбачева, который уверил его, что с того дня, как он, лучший в мире немец на русском троне, провозгласил "новое мышление", у нас не стало в мире ни врагов, ни противников, ни даже конкурентов, а одни только пламенные друзья да почитатели... И сделал это Бакатин в полной уверенности, что американцы

непременно предпримут ответный жест в таком же неандертальском духе. Стал ждать. Дабы скоротать время, сочинил книгу "Избавление от КГБ". Наверняка рассчитывал, что и его коллега в Америке напишет книгу "Избавление от ЦРУ". А за ней появится и "Избавление от ФБР". Если его назначили бы министром здравоохранения или сельского хозяйства, то он и там повел бы дело так, что в результате получил бы полную возможность выпустить книги "Избавление от медицины" и "Избавление от сельского хозяйства". А время шло. Увы, американцы не ответили беззаветному интернационалисту...

А забытый всеми призыв Горбачева "Больше социализма!" трансформировался в недавно оглашенный Чубайсом девиз "Больше наглости!" — такова эволюция этой демократии. Ее творцы в своих лакейских снах и наяву все мечтают о "вхождении в мировую цивилизацию". Так вот, со своими суперклассными подслушивающими устройствами в американском посольстве мы вполне входили в эту цивилизацию. Бакатин нас оттуда вывел. А Чубайс со своим девизом вновь загоняет нас туда. Но это к слову.

Бирон, Немцов и Левка Задов

Да, Анна Иоанновна была "беспримесно русской", но оказалась едва ли не самой свирепой в нашей истории ненавистницей всего русского. Такой сделали ее то ли долгая жизнь в Курляндии, то ли многолетняя связь
425
с Бироном. Не с Густавом Бироном, не с Карлом Бироном, не с Магнусом Бироном, не с Петром Бироном

— вот какая туча наползла их на Русь при ней! — а с Эрнстом Иоганном, сыном придворного служителя герцогов курляндских. Немка Екатерина I поручала ему, как знавшему в этом толк, покупку лошадей, русская же Анна для начала произвела лошадника в высокий сан обер-камергера, а немного попозже сделала его вершителем всех дел империи.

Кроме этого курляндца за русский спиной племянницы Петра Великого удобно расположились еще Бурхард Миних, уроженец Ольденбурга, лет под сорок перешедший на русскую службу и ставший тут графом, генерал-фельдмаршалом, президентом Военной коллегии и, наконец, первым министром; Андрей (!) Иванович (!!) Остерман, уроженец Вестфалии, тоже ставший у нас графом и членом Верховного тайного совета; тут же и куча Левенвольдов: Карл Густав, Фридрих Казимир и Рейнгольд Густав, самый могущественный из них. Ну такая картина нам тоже хорошо знакома. Кто ж не знает этих левенвольдов, что толпятся, мельтешат за русской спиной всенароднообожаемого и учат нас жить.

Надо признать, что, в противоположность Бирону и Левенвольдам, Остерман и Миних, служившие еще при Петре, были далеко не бесталанны. Но, как пишет С. М. Соловьев: "Вместе с толпой иностранцев, Бироном и Левенвольдом поднятых и им подобных, и они оказались теми паразитами, которые производили болезненное состояние России в царствование Анны" (книга X, с. 269). Тут нельзя не подчеркнуть одно существенное различие веков: среди левенвольдов, копошащихся и жирующих за спиной Ельцина, нет ни одного Остермана и Миниха, а одни только паразиты в чистом виде. Самое большее, на что они способны, — это приползти на пузе в Международный валютный фонд и выцыганить там еще одну подачку, расплачиваться за которую будут не их, а наши внуки, до которых им дела нет. Много ли для этого ума надо?.. И тем не менее они живут в полной уверенности, что их уважают, им верят. Когда, например, схватили за лапу известного Альфреда Коха, Чубайс тотчас примчался на телевидение и пропел арию: Я знаю Коха много лет. Честнее Коха в мире нет!

Нечто подобное можно было встретить разве что в знаменитом Гуляй-Поле.

Ведь песенка Чубайса так похожа на охранную грамоту, что выдал в свое время
426
бандит Махно своему подручному и верному махновцу, начальнику Екатеринославского гарнизона, т. е. такому же бандиту Скальдицкому: "Я знаю Скальдицкого как честного человека. Всякий, кто ему не верит, — подлец. Батько Махно".

А Борис Ефимович Немцов! Он всегда напоминал мне начальника махновской контрразведки, знаменитого своей жестокостью Левку Задова, прекрасно сыгранного в кино народным артистом СССР В. Белокуровым. Напоминал и напоминает. Судите сами. Левка собственноручно душил попавших в плен и белых, и красных командиров. А Немцов недавно изрек: "Тем рабочим, которые блокируют железные дороги, мы денег не дадим". Вы только подумайте. Они потому и пошли на отчаянный шаг, что месяцами, годами им не выдают заработанные деньги, а он, сверкая бриллиантовой россыпью своего ума и сердца, лепит им в глаза: вот именно вам мы и не заплатим! Кто эти люди? Активисты рабочих коллективов, в сущности, их командиры. И Борька собственноручно душит этих командиров и их семьи, попавших в плен махновской системы.

Для духа бироновщины очень показателен такой эпизод. Вскоре по восшествии на престол Анна решила сформировать новый гвардейский полк, назвав его Измайловским. Полковником (командиром полка) царица назначила упоминавшегося Карла Густава Левенвольда, подполковником (заместителем командира) — шотландца Кейта и поручила остальных офицеров подобрать "из лифляндцев, эстляндцев, курляндцев и прочих наций иноземцев, а также из русских" (там же, с. 263). Полное впечатление, что русских кто-то дописал в последний момент, возможно, сам Бирон, спохватившись, что ведь живет в России. Есть веские основания полагать, что подобное поручение Ельцин давал и Карлу Гайдару, и Густаву Черномырдину, и Рейнгольду Кириенко. Русские наверняка тоже стояли там после "прочих наций", если вообще стояли. А уж при формировании телевизионных полков, это видит каждый, рекрутируют исключительно курляндцев: даже прогнозом погоды занимается теперь курляндец, и передачу "Спокойной ночи, малыши" ведет тоже россиянец курляндского происхождения.

Однако нельзя сказать, что при Анне вовсе не приближались ко двору, не выдвинулись русские. Нет, имели место и такие факты. Но, как отмечает Б. Г. Пашков,
427
царица приближала среди них лишь "знатных, но неопасных": князей Головиных, Салтыковых, Черкасских... Как теперь приближаются и выдвигаются фигуры, подобные гоф-маршалу Сергееву, обер-прокурору Скуратову, лейб-камергеру Ястржембскому. С той, правда, поправкой, что это люди не только неопасные, но и готовые ради принципала на все, может быть, даже — сожрать друг друга.

Во мне, в советском русском, природа не заложила такого чувства, чтобы я был решительно против присутствия евреев в нашем правительстве или в других высоких инстанциях. Совсем наоборот! Я считаю совершенно естественным, чтобы там, разумеется, при русском большинстве, были и евреи, и татары, и чуваши, да хоть японцы! Лишь бы не Хакамада. Лишь бы любили Россию и знали свое дело. Но ведь Ельцин-то вытворяет черт знает что! Кто только ни побывал у него в правительстве, кого только там нет из числа самых достослезных представителей еврейской нации! И потому мне гораздо ближе слова Льва Рохлина, который, как известно, был наполовину еврей: "Я не понимаю, почему национальное меньшинство в России руководит страной, а русских почти нет в правительстве". Так сказал он в интервью "Народному радио" 2 июля этого года за несколько часов до гибели...

Анна Иоанновна умерла 17 октября 1740 года. После ее смерти под прикрытием имени малолетнего Иоанна VI Брауншвейгского страной продолжали верховодить все эти карлы, густавы и Рейнгольды. Но долго это продолжаться не могло. 25 ноября 1741 года гвардия, совершив переворот, объявила императрицей дочь Петра. Историк свидетельствует: "Елизавета была возведена на трон поднимавшимся национальным движением, направленным против правительства, проводившего антирусскую, антинародную политику". С карлами Елизавета обошлась милостиво: всего лишь отправила в ссылку. Думается, что с нынешними карлами и Карловичами, включая известного Николая Карловича, история обойдется не столь милостиво.

16 и 61

Тут самое время вернуться к тому, с чего мы начали... Да, надгробный псалом гремел иерихонски. Правда, не было в соборе ни патриарха, ни одного хотя бы митрополита, но зато мы зрели скорбный лик академика
428
Лихачева, пребывающего в истинно патриаршьем возрасте. Не прибыла английская королева Елизавета (все-таки родственница Романовых!), но вместо этого мы наслаждались зрелищем порхания под сводами собора уже упомянутого белокрылого ангела в черной шляпе от Диора по имени Галина Старовойтова. Не порадовал своим присутствием немецкий канцлер Коль, но на наших глазах лил горючие слезы вице-канцлер Немцов Борис Ефимович. Неудивительно, если на похоронах объявился бы один из самых лютых антисоветчиков в мире — Згибнев Бжезинский, но и он манкировал великим историческим событием. Зато перед нами красовалась вполне равноценная замена отечественного производства — Эдвард Радзинский, которого мы тоже упоминали и еще упомянем. Наконец, поскольку Николай был верховным главнокомандующим, то можно было ожидать, что на похороны явится министр обороны Сергеев. И этот увильнул! Зато заливался слезами отставной генерал Лебедь, которому где бы ни красоваться, лишь бы не сидеть в Красноярске в губернаторском кресле...

Но уж особенно-то сильное впечатление во время погребального шоу оставил, конечно, президент. Начать хотя бы с того, с каким изяществом он в самый последний момент вскочил на подножку катафалка, уже набиравшего скорость. Все высоколобые его верноподданные залепетали в экстазе: "Какой сильный ход! Какой героический жест! Как беспощадно он обнажил все лицемерие и трусость этих вельмож, которые тотчас кинулись за ним в Питер!" Я безответно спрашивал близлежащих мыслителей, кто же именно кинулся? Строев, принародно усмехнувшись "там не известно, кого хоронят!", сказал, что не поедет и не поехал; Лужков сказал, что не поедет и не поехал; Россель сказал, что не поедет и не поехал... А что раньше говорили прибывшие на похороны Старовойтова, Явлинский и Радзинский (говорят, они шли от Москвы пешком), никому не известно. Есть основания полагать, что они с пионерских лет мечтали принять участие в такой торжественной линейке по случаю закрытия лагеря...

Но глубже всего меня проняли вот эти слова из надгробной речи президента: "С именем Романовых связаны многие славные дела в истории России". На них почему-то никто не обратил внимания, а ведь это святая правда, столь редкая в сих велеречивых устах...

Действительно, многие славные дела. Вспомним хотя бы родоначальника династии — Михаила Федоровича.
429
Его жизнь и дела заслуживают пристального внимания, а ныне — особенно. И не только для сопоставления с последним Романовым. На этом мы и

остановимся пообстоятельней...

Михаила избрали царем 21 февраля 1613 года на Земском соборе. В тот же день посланцы разных земель Руси — архиепископ рязанский Феодорит, архимандрит Новоспасский Иосиф, келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын и московский боярин Василий Морозов — взошли на Лобное место и спросили народ, заполнивший Красную площадь, кого он хочет в цари. И вся площадь как один человек выдохнула: "Михаила Романова!" Так что и раньше водились у нас правители всенародноизбранные, причем безо всякого телевидения и американских спецов по одурачиванию электората.

А вот что если бы сегодня, допустим, кремлевский келарь Ястржембский, саратовский губернатор Аяцков и писатель Радзинский взошли бы на Лобное место и спросили народ, хочет ли он, чтобы Ельцин продолжал сидеть в Кремле? Думаю, никто из них не решился бы на это из опасения тут же быть растерзанным в клочья. Как эрудит и знаток русской поэзии Радзинский наверняка вспомнил бы слова Маяковского: "Место Лобное для голов ужасно неудобное..."

В отличие от Ельцина, который стал всенародноизб-ранным при 33 процентах голосов избирателей в 61 год, Михаилу было 16 лет. Он жил с матерью в костромском монастыре, хорошо знакомом Борису Николаевичу и, возможно, бросающим его в дрожь названием — Ипатьевский. Когда прибывшее из Москвы посольство объявило юноше о его избрании на царство, он "с великим гневом и плачем" стал отказываться и согласился, говорят, только под прямой угрозой. О Ельцине тут бают разное. По одним сведениям, он тоже рыдал и отбрыкивался, ссылаясь, как Василий Иванович Чапаев, на незнание иностранных языков, и согласился только под угрозой американского президента: "Заставим вернуть все деньги, что в тебя вложили!" По другой версии, пожалуй, более достоверной, дело обстояло не совсем так. Но здесь я позволю себе небольшое отступление. Когда второй Романов, Алексей, задумал жениться, то собрали со всей Руси 200 первостатейных девушек и учинили конкурс красоты. В последний тур прошли шестеро. Царь выбрал дочь боярина Федора Всеволожского. Мисс Московия-1647! Но красавицу так потряс царский выбор, что

бедняжка тут же упала в обморок. Члены жюри заподозрили, что Божьему помазаннику хотели подсунуть припадочную, и ее, сердешную, вместе со всей семьей сослали в Сибирь, благо изрядная часть ее тогда уже была освоена. Вернулись Всеволожские только через шесть лет. Так вот, говорят, что при известии об избрании Ельцина президентом он тоже от потрясения грохнулся замертво. Тут бы безо всякого импичмента простым решением Избиркома и сослать его вместе с Наиной Иосифовной и дочерью Татьяной лет на 6—10 в Сибирь — он еще и сейчас пребывал бы в тех прекрасных краях. Но куда там! Падая в обморок, Борис Николаевич успел одной рукой так железно схватить "черный чемоданчик", а другой — вцепиться в президентское кресло, что даже и теперь весь народ оторвать его не может, а тем, кто хочет законно лишить его власти, он орет: "Сметем!" И действительно сметает...

Гор и горе

Когда Михаил Романов принял корону, положение в стране после всех этих лжедмитриев было крайне тяжелым. Народное хозяйство, оборонка, здравоохранение, просвещение остро нуждались в деньгах, а казна — пуста! И что же? Царь послал Чубайса в Международный валютный фонд клянчить доллары? Нет, у этого царя даже в первичном комсомольском возрасте было то, о чем и не подозревают как престарелые, так и молодые нынешние правители, — национальное достоинство, державное чувство.

А премьер Кириенко, среди человеческих добродетелей которого не подлежат сомнению только две — резвость и улыбчивость? Помните, будучи не так давно во Франции, с каким восторгом и умилением говорил он о том, что вот, мол, во всем мире финансовый кризис — и у нас тоже. Значит, мы вошли наконец в мировую цивилизацию, приобщились к ее благодати. Но дело ведь не только в финансовом кризисе. С большим успехом премьер мог бы продолжить убийственный перечень: безработица, нищета, преступность, заразные болезни, падение культуры — все как в цивилизованном мире. Ликуй, Исайя!..

Вскоре после возвращения из Франции, 24 июля, юный премьер принимал американского вице-премьера

431

Гора, одного из самых нежных и пламенных друзей нашего всенароднообожаемого и его реформаторской артели "Эй, ухнем!". Эта встреча дала возможность Кириенко — и он радостно ею воспользовался — показать любимому народу еще раз свою близость к мировой цивилизации и прогрессу. Блаженно улыбаясь, он поведал соотечественникам о многих знаменательнейших совпадениях в биографии Гора и своей. Представьте себе — оказывается, оба познакомились со своими будущими женами еще в школе, сейчас и той и другой очень нравится, когда муж хорошо выбрит; у обоих есть сыновья, им по четырнадцать лет, и американца звать Гога, и россиянина — Магога, у них одинаковое хобби (кажется, дергать кошек за хвост) и т. д. И этим наш премьер хотел нам понравиться! Ну можно ли помыслить, чтобы самый захудалый удельный князек времен татарского ига, приехав в Москву за колбасой, взошел бы на Лобное место и стал хвастаться, что он с ханом Тохтамышем познакомились с будущими женами, участвуя в телепередаче "Любовь с первого взгляда", что жены носят колготки одного размера, а сыновья любят колбасу, один — телячью, другой — конскую... Ах, Сергей Владиленович, если бы у вас была хоть одна черта общая не с заморским гостем, а с царем Михаилом: допустим, густая шевелюра. Увы, ведь даже тут глубокое расхождение!.. Горе ты наше, лыком подпоясанное...

Так вот, будучи подлинно русским человеком с чувством национального достоинства и зная, что иноземные займы — это кабала, царь Михаил не князя Воротынского послал за океан, а написал письмо купцам и промышленникам Строгановым с просьбой дать государству взаймы денег, хлеба и других товаров. И сейчас, когда в июле 1998 года Чубайс от имени России ползал на брюхе перед МВФ и скулил, чтобы дали 15—20 миллиардов долларов на покрытие преступной деятельности "черной банды" (А. Солженицын), была возможность такого решения. На это прямо указал мужественный коммунист Виктор Илюхин. Все слышали его предложение: "Зачем ползать? Ведь у нас теперь есть свои Рокфеллеры, Ротшильды, Строгановы: Потанин, Березовский, Черномырдин, Гусинский. Пусть эти шустрые ребятки скинутся для любимой родины — и все дела".

Строгановы-то помогли тогда царю Михаилу и стране, как помогали и потом. Недаром через сто лет трое из их рода стали баронами, а позже среди уже графов

432

Строгановых были видные дипломаты, губернаторы, деятели просвещения. Александр Сергеевич (1733—1811) возглавлял Академию художеств, Сергей Григорьевич (1794—1882) основал в 1825 году знаменитое Строгановское училище, до сих пор живое, был членом Государственного совета... А происходили Строгановы из поморских крестьян, никогда не забывали о своем простонародном происхождении и любили родину. В этом все дело.

А эти нувориши? Никто и не ворохнулся в ответ на призыв Илюхина. Ни один барон в законе, ни один граф с большой дороги... Какого происхождения

Потанин? Из бесстыжего племени комсомольской элиты брежневской эпохи. Чем занят Черномырдин после вышибона из Дома Советов? Тем, как бы теперь в Думу попасть. Что основал Гусинский? Синагогу на срытой Поклонной горе. Что возглавил Березовский? Субсидирование избрания Лебедя, который даже после того, как Ельцин употребил его и выбросил, все еще корчит из себя Бонапарта.

Какой след они оставят в жизни России? Чем вспомнят их наши внуки? Им давно было сказано:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют...

Атаман Заруцкий, министр Степашин и мадам Дементьева

После экономики вторая важная задача, вставшая перед царем Михаилом, была организованная преступность тех дней. Б. Г. Пашков пишет: "Не было ни одного места в стране, где бы казаки не грабили и не опустошали дома россиян" (с. 321). Особенно отличались атаманы Баловень и Заруцкий. Против первого послали князя Алексея Лыкова. Он разбил казаков и три тысячи их во главе с атаманом привел пленными в Москву. Казнили только Баловня, остальных царь простил и, как видно, зря, ибо "еще и в 1616 году шли вести из Владимира, Суздаля, Мурома, Нижнего Новгорода о казацких грабежах".

А еще позорнее было то, что иные казачьи атаманы выступали против царя вместе с врагами Москвы. Так, помянутый донской атаман Иван Заруцкий, бывший наперсником еще и Лжедмитрия Первого (Гришки Отрепьева)

и Лжедмитрия Второго (тушинского вора), который даровал ему боярство, теперь объединился с Иштреком, ханом Ногайской орды, и они задумали захватить Самару и Казань. Царь сулил прощение в случае добровольной сдачи. Заруцкий и слушать об этом не хотел. Дело кончилось тем, что воевода Василий Хохлов разбил изменника, он бежал на Яик вместе с польской авантюристкой Мариной Мнишек, доставшейся ему по наследству от Лжедмитриев, и там 25 июня 1614 года был схвачен, привезен в Москву. И уж тут сердобольный царь не стерпел: приказал предателя посадить на кол. А Марина умерла в темнице.

Пройдет много лет, а забот не уменьшится. В 1632 году Михаил вернул России много наших старых городов: Рославль, Невель, Себеж, Трубчевск, Стародуб, Пропойск... (О, русская планида!.. Через триста с лишним лет, в 1943 году, нам снова пришлось отбивать эти города. Помню я и Пропойск тех дней. Тогда Сталин начал давать воинским частям почетные наименования по освобожденным городам, и мы опасались, что наша 50-я армия станет Пропойской. Пронесло. А Симонов написал "Сказку о городе Пропойске".

Когда от войны мы устанем,
От грома, от пушек, от войск,
С друзьями мы денег достанем
И выедем в город Пропойск.

Должно быть, название это
Недаром Пропойску дано.
Должно быть, и зиму и лето
Там пьют беспробудно вино...

Да, триста лет лилось вино и лилась русская кровь за свою землю...)

Но когда воеводы Михаил Шеин и Артемий Измайлов осадили Смоленск, то

одновременно с поляками выступили против Москвы крымские татары и донские казаки. И тогда под Смоленском нас постигла большая неудача. Вину за это возложили на воевод, и у обоих в самом прямом смысле полетели головы...

Вот какая строгость за ущерб государству. А ведь и ныне есть воеводы и другие деятели такого рода, что одних следовало бы посадить на кол, а другим отрубить головы. Да хотя бы те ельцинские воеводы, что грозились разделаться с мятежными чеченцами за два часа, а на деле опозорили нашу армию. Шеин-то имел немалые

434

заслуги: почти два года возглавлял героическую оборону Смоленска, заслуживал сочувствия за восемь лет польского плена, успешно возглавлял пушкарский приказ, а вот же не пощадили за тот урон и позор, в чем оказался он виновен позже. А у этих-то какие заслуги, кроме паркетных? Кто из них, что оборонял, кроме, разве что своих жен от посягательства сослуживцев?.. Да нет, никто не жаждет крови, ибо Грачев и Степашин без голов ни в чем не уступают Грачеву и Степашину с головами. Но судить вояк чеченской войны — обязанность и долг любой уважающей себя власти. А их президент-главнокомандующий пожаловал орденами "За заслуги перед Отечеством" да повысил иных в должностях и званиях.

Еще одной большой заботой царя Михаила являлись самозванцы. Ведь после того как одного Лжедмитрия растерзали в Москве, другого в Калуге, самозванцы не перевелись. Был еще Илейка Муромец, которого казаки объявили царевичем Петром, был Сидорка, псковский вор — его двигал на престол все тот же казачий атаман Заруцкий, который позже и себя объявил царевичем Дмитрием, а свою сожительницу Марину Мнишек — Марией Нагой, последней женой Ивана Грозного, матерью Дмитрия. Потом в Крыму объявился еще один Лжедмитрий

— Иван Вергуненок, а в Константинополе — сын царя Василия Шуйского. И надо ж было постараться всех изловить, разоблачить и кого повесить, кого четвертовать, кого посадить на кол, кого хотя бы выпороть публично... Словом, это была настоящая эпидемия самозванства.

Что ж, и это нам хорошо знакомо. Разве, вытащив из недр МИДа никому не ведомого Козырева и назначив его министром иностранных дел, то есть объявив весьма крупным дипломатом, Ельцин не создал некое подобие Илейки Муромца? А извлеченный из глубин журнала "Коммунист" Гайдар, известный лишь в кабинетах этого журнала и вдруг ставший главой правительства страны,

— чем не Сидорка, псковский вор? Тем паче что он и впрямь обокрал весь народ. А писатель-взяточник Чубайс, призывающий своих собратьев к расцвету наглости и причисленный к лику великих реформаторов, отличим ли от Ивана Вергуненка? А мадам Дементьева, министр, видите ли культуры, в январе этого года при закладке памятника художнику Сурикову заявившая, что "раньше памятники ставили истуканам, а теперь — истинным героям", разве не Марина Мнишек с ее ненавистью ко

435

всему русскому, в частности и к памятникам, поставленным "раньше", в том числе и в советское время, множеству замечательных людей от Юрия Долгорукого до героев Великой Отечественной войны?.. Ведь это к ним ко всем обращен призыв поэта "Надо жить без самозванства!".

Венец и честь

Было в царствование первого Романова немало и других как славных, так и, увы, скорбных дел. Как не вспомнить сейчас, что имели место тогда и царские похороны: в 1635 году погребли Василия Ивановича Шуйского, умершего в 1612-

м, то есть за двадцать с лишним лет до этого. История эта драматическая.

17 июля 1610 года Захарий Ляпунов и князь Воротынский, как спустя почти триста лет Гучков и Шульгин, явились к царю и озвучили, как ныне говорят, решение Думы, что он должен отречься от престола и уехать в Нижний Новгород. Услышав это, царь с криком "Как ты смеешь!" кинулся было на здоровенного Ляпунова с ножом. Вот она, русская кровь! А можно ли представить себе, что Николай Второй 3 марта 1917 года в своем салон-вагоне во Пскове решился бы на что-то хоть отдаленно похожее, ну, допустим, залепил бы пощечину Шульгину, человеку довольно деликатного сложения (в 1967 году в Гаграх я его знавал). Нет, это представить невозможно. А ведь еще вопрос, чье положение было трудней. Да, свержения обоих царей требовали не только Думы, но и народ, это так. Однако в июле 1610 года Лжедмитрий Второй стоял уже в Коломне, а поляки после трагической для нас Клушинской битвы захватили Царево-Займище, другие города и даже подмосковный Можайск. В марте же 1917-го немцев не было ни под Петроградом, ни в Ревеле, ни в Минске, ни в Киеве, ни в Одессе... Конечно, не только этим определялось положение, но все же.

Через два дня, 19 июля, Ляпунов с тремя князьями снова явились к царю и объявили, что он должен постричься в монахи. Тот встретил пришельцев так же гневно, как в первый раз, но его схватили и, несмотря на отчаянное сопротивление, постригли, а князь Тюфяков при этом "озвучил" за невольника слова монашеского обета. Потом постригли и царицу, и обоих свезли в Чудов монастырь, где позже поляки и захватили Шуйско-

го... А какое сопротивление Гучкову, Шульгину или генералу Рузскому оказал Николай? Кто за него писал или оглашал обет отречения? Пусто! Он вел себя совершенно так же бездеятельно, как в 1991 году трусливый Горбачев при известии о Беловежском сговоре, по которому он становился уже не президентом СССР.

А в польском плену царь Василий держался так достойно, что о нем говорили: "Лишенный венца, он стал честью России". Так сказать о Николае не было оснований ни после отречения, ни после смерти, хотя и мученической. А что уж сказать о том, кто после свержения стал рекламировать пиццу!

В плену Шуйский и умер. И вот спустя двадцать три года по договоренности с польским королем Владиславом останки бывшего царя перевезли в Москву. 10 июня 1635 года московский люд устремился к Дорогомиловскому монастырю навстречу гробу. Радзинский в беседе со Сванидзе по телевидению уверял, что 17 июля сего года вот так же и ленинградцы рванули в Пулковский аэропорт навстречу екатеринбургским останкам, что иные даже ползли на коленях. Однако на телеэкранах, увы, этих пронзительных картиночек не было. Знать, снова цензура залютовала... Гроб с останками Василия Шуйского, прожившего "бедственную, но не бесславную жизнь", установили в Успенском соборе Кремля. Там его и погребли. Свергнутого, но не отрекшегося...

Посмотреть в глаза скорпиону

Из славных деяний первого Романова ныне следует упомянуть еще и создание Приказа Большой казны, ведавшего налогами и всеми денежными средствами государства. Конечно, и тогда появились на Руси такие загадочные персонажи, как Починок и Борис Федоров, как Задорнов и Дубинин. Но если бы царю, как Ельцину, взбрело бы в голову поставить во главе этого Приказа даже одного из них, то и тогда, в отличие от дней нынешних, налоги поступали бы исправно, и Алла Пугачева не прикидывалась бы старенькой инвалидкой, живущей на пенсию. Почему? Да потому, подданные уважали царя (ну, не все,

конечно) и побаивались власть. А ныне по телевидению даже, как это было 7 июля, в день похорон Льва Рохлина, на всю страну кричат: "Ельцин
437
— убийца!" И на площади городов уже выходят танки, на броне которых вместо "За Родину! За Сталина!", как во время войны, теперь пишут: "Отдай заработанное, кремлевский скорпион!" И как вы, вечно веселый и хорошо упитанный Федоров, получите налог с мужественного танкиста Игоря Беляева, майора, который на девятый месяц неполучения денежного довольствия сел в танк (пока без боекомплекта) и двинул на главную площадь нижегородского городка. А все голодающее население приветствовало его, как некогда — участников штурма Берлина. И генеральный прокурор, как и главный военный, обречены при этом вести себя в интересах собственного выживания так тихо и скромно, как монахи Ипатьевского монастыря. А название-то городка сколь многозначительно: Новое Смолино. Новый Смольный! А со Смольного-то все и началось...

Особого внимания и благодарности потомков заслуживает еще и активное освоение Сибири при Михаиле Федоровиче. Если в год его воцарения власть России простиралась до Енисея, то при нем были заложены и выросли Якутск и Олекминск на Лене, Верхоянск на Яне, Нижнеколымск на Колыме. А русские первопроходцы дошли уже почти до Камчатки. И общая площадь русских владений за годы правления Михаила возросла на 4 миллиона квадратных верст.

Царствовал первый Романов 32 года и умер, когда ему было 48 лет. Первый президент России в этом возрасте только что пробился на должность завотделом строительства Свердловского обкома КПСС. А теперь уже почти четверть того романовского срока верховодит страной. И что же? Какие города возвел? Говорят, столь отменно благоустроил и украсил Грозный, что жители ходатайствуют о переименовании его в Ельцинбург. А живы ли еще Олекминск и Верхоянск? А главное вот: за годы правления первого президента территория страны сократилась больше, чем при первом Романове увеличилась: было 22,4 миллиона квадратных километров, стало 17, то есть уменьшилась на 5,4 миллиона. Да еще, по его же собственному признанию, "экономика развалена, предприятия разрушены, сельское хозяйство в полном загоне". В таких случаях идут в монастырь, тайно бегут из страны или стреляются. Вот, блин, какой широкий выбор!

...На погребении "екатеринбургских останков" присутствовал князь Николай Романович Романов. Его называ-
438
ют главой Дома. Корреспондент "Правды-5" Н. Волынский задал князю вопрос, хочет ли он встретиться с Ельциным. Тот ответил: "Очень хочу! При нем в России произошло очень много перемен. И я теперь хочу посмотреть Ельцину в глаза, чтобы понять, любит ли он вообще Россию". Понятное и законное желание. Действительно, видимо, для многих за границей не совсем еще ясно, любит ли Ельцин Родину, как любили ее Михаил Романов и Петр Великий или как любили ее Анна и Николай Кровавые. Но нам-то, живущим здесь, уже давно все предельно ясно.

Завтра. 1998. № 35. Сентябрь

МЕРТВЫЕ ХОРОНЯТ СВОИХ МЕРТВЕЦОВ

Это было незабываемое зрелище. Едва ли, читатель, вы еще хоть раз в жизни увидите что-либо подобное. Спектаклю предшествовали важные события...

В начале весны безо всякого собеседования, предупреждения, уведомления, а своим обычным способом — под зад коленкой — точно так же, как до этого

вышибал прежних одноразовых любимцев от известной мыслительницы Старовойтовой до генерала Куликова, — наш несравненный президент вышиб и самого премьера Черномырдина, на которого пять с половиной лет не мог нарадоваться. Как и все остальные любимцы, получившие под зад склеротической коленкой, Виктор Степанович не только ни слова не возразил, не воспротивился, не потребовал объяснений, но даже не посмел на лучезарном лике своем хотя бы выразить удивление: как же, мол, так? за что, благодетель? уж не я ли из кожи лез, чтобы тебе, аспид, потрафить? Правда, надо заметить, что, вылетая из своего кресла, он не лепетал, подобно Лившицу, слова восторга и благодарности о том, что вот, мол, шесть лет проработал рядом с великим человеком.

Впрочем, на сей раз президентушка соизволил дать объяснение очередному вышибону. Староват, говорит, стал мой друг Степаныч. Вот-вот шестьдесят стукнет, а ведь даже битюги, знаменитые русские тяжеловозы, не живут больше тридцати лет. Так что Витюша отбегал, отпрыгал, откуковал две лошадиные жизни. Пора на

439

завалинку! Время в подкидного дурака с женой резаться... Надо выдвигать молодежь!

Как известно, Ельцин не затрудняет себя разнообразием как способов назначения на высокие посты, так и методов избавления от славных соратников. Вспомните, в свое время отыскал в "Коммунисте" какого-то Гайдара и посадил в кресло и. о. премьера. Потом из никому не ведомого Козырева сделал министра иностранных дел и т. д. И нельзя не удивиться прозорливости его каждого выбора! Действительно, допустим, Гайдар, казалось бы, примечателен только своей корпуленцией, а Козырев вообще ничем не примечателен, но вскоре выяснилось, что первый — выдающийся грабитель XX века, а второй — непревзойденный американский угодник. Как же было не взять их в свою команду, если именно эти цели перед ней и ставились: грабить родной народ и услаждать США. Я уж не говорю о такой кукле первого призыва, как Бурбулис, которого будущий отец народа разыскал на кафедре марксизма-ленинизма какого-то института в Свердловске. Этот вообще пустое место. Умеет только жестикулировать. Но и это пригодилось. Ельцин создал для него фантастическую должность с американским названием "государственный секретарь", дал ему кабинет в Кремле, и там он некоторое время весьма энергично и красиво жестикулировал, отвлекая людей от серьезных мыслей и дел.

Конечно, как правило, президент не сам находил таких замечательных соратников. В самом деле, откуда ему знать, скажем, что в кабинетах "Коммуниста" или в коридорах МИД таятся столь редкостные жемчужины ума. Ему эти жемчужины подбрасывали, подсовывали те, кто хорошо знал их.

И вот что особенно примечательно: каждая из этих говорящих кукол, как только Ельцин вытаскивал их из политического небытия и предлагал высочайший пост в стране, тотчас соглашалась его занять. Они делали это с легкостью и сиюминутной готовностью, с какой пятилетний сын гоголевского Манилова на вопрос отца: "Фемистоклюс, хочешь быть дипломатом?" — всегда отвечал: "Хочу!"

Именно так все было и в марте. Из каких-то уж вовсе дремучих потемок кто-то извлек 35-летнего Кириенко, подбросил его в кабинет Ельцина и сказал: "Вот кто спасет Россию!" Вы только, мол, полюбуйтесь на него: с одной стороны, это человек почти комсомольского возраста, да он и в самом деле не так давно был вторым

440

секретарем райкома комсомола, как знаменитый Собчак, с другой стороны, уже имеет авторитетную лысинку с десертное блюдечко, что может свидетельствовать

о зачатках большого ума. А посмотрите на него с точки зрения дружбы народов: отец — русский, мать — еврейка, фамилия украинская, родился в Сухуми, жил в Тбилиси, работал в Нижнем Новгороде, где крепко подружился с великим реформатором Немцовым...

Отцу народа особенно приглянулись тут два пункта. Первое — украинская фамилия. Человек с казацко-запорожской фамилией, подумал он, поможет нам вернуть Черноморский флот, и таким образом я выполню свою давнюю железную клятву: "Черноморский флот был и будет российским!" Второе — происхождение. Дело в том, что под старость лет у Ельцина появилось весьма своеобразное хобби: он страстно увлекся коллекционированием и рассаживанием в мягкие кресла вокруг себя ранее никому не ведомых лиц, главным образом молодых, причем отдавал предпочтение не кристально-прозрачным экземплярам вроде Лившица или Бравермана, а слегка затуманенным, опалово-дымчатым вроде Чубайса, Немцова, Христенко, Бойко. Почему именно дымчатым? Да уж ему из Кремля виднее.

И собрал он редчайшую в мире коллекцию. В ней были особи, пожалуй, на все буквы алфавита: от Авена до Ясина, кроме буквы К, а тут на тебе — Кириенко! Он его сразу спрашивает: "Хочешь быть главой россиянского правительства?" Тот, ни минуты не колеблясь, отвечает, как Фемистоклюс Манилов: "Хочу!" И добавил, как пионер на линейке: "Всегда готов!" Так шило Черномырдина президент обменял на мыло Кириенко, в полной к тому же уверенности, что мыло — бактерицидное.

В обществе новое назначение вызвало противоречивые отклики. Одни говорили: "Может, Кириенко и подошел бы на должность директора городского Дворца пионеров или, самое большее, на пост губернатора острова Шикотан, но глава правительства великой державы, да еще в такое время?!." Но другие, в том числе один известный телеюморист, решительно заявили: "Это историческое решение!" Конечно, историческое: за всю историю России главой правительства ни разу не был соплеменник графа Биконсфилда, премьер-министра Англии, а вот теперь — извольте! Коллекционный премьер...

Но вскоре выяснилось, что Кириенко уж такой не Биконсфилд, что хоть плачь. Почему? Ведь вроде бы

одного замечательного корня. А потому, что их сиятельство никогда не были вторым секретарем графкома комсомола Англии. К тому же, прежде чем стать премьером, он, вместо того чтобы с Немцовым в теннис шпарить, дважды в возрасте 48, а потом 52—53 лет поработал министром финансов. Премьером же был назначен первый раз в 64 года, а второй — в 70 и пробыл на этом посту до 76 лет, то есть в общей сложности семь годочков, немало сделав за это время для Англии, в частности оттяпал у турок Кипр. Тот самый благословенный островок, который ныне для "новых русских" стал излюбленным местом сладостного прожигания жизни.

Время шло, дела в стране становились все хуже, а Ельцин при любой возможности оглашал просторы державы воплем: "Вот кто спасет Россию!" — и похлопывал Кириенко по плечу...

Но вот настал светлый августовский день, и до президента наконец доперло: пора гнать комсомольца! Иначе вот-вот самого за хрип возьмут голодные трудящиеся. Но как избавиться от неудавшегося Биконсфилда? Может, обвинить в неуплате членских взносов за три месяца? Помнится, за это прежде из комсомола вышибали. Думал, думал, но в конце концов опять решил воспользоваться своим испытанным приемом: под зад коленкой. Сказано — сделано. Полетел Кириенко. Человечество изумилось новой лихости. Даже тиран Сталин так не расправлялся. Мир онемел...

Но человечество изумилось еще больше, у него просто отвалилась челюсть, когда на место юного нижегородского Дизраэли президент снова предложил пенсионера Черномырдина. Что такое? Ведь был же объявлен чуть-чуть отредактированный лозунг Маяковского: "Капитализм — это молодость мира, и его возводить молодым!"

Можно было с уверенностью надеяться, что Степаныч откажется от своего второго пришествия, сошлется на то, что он уж б/у. Ничего подобного! Зубами и когтями вцепился в возможность еще раз порулить. И началось представление...

Как оглашенный, пенсионер начал носиться между палатами Федерального Собрания и студиями телевидения. И везде, как Паниковский, с украденным гусем под мышкой бежавший за "Антилопой-Гну", твердил одно: "Возьмите меня! Я хороший... Это Кириенко плохой. Его отец вовсе не еврей, а прямой потомок Мамая. Вот он за

эти пять месяцев и прошел по стране, как настоящий Мамай. А я истинный, исконный россиянец, все мои корни здесь. Мой папа — потомок святого князя Александра Невского, а мама училась в одном классе с Димой Донским, они вместе играли в драмкружке. Могу показать фотографию. Шабдурасулов, найди фотку!.." От быстрого бега сердце трепыхалось в груди, а он продолжал: "Вспомните, при мне наша любимая Родина цвела и благоухала. Доход граждан пенсионного возраста, например нашего президента, в прошлом году составил около двух миллиардов старых рублей, иначе говоря, каждый божий день в карман пенсионера обламывалось по 5 с половиной миллионов. Это ли не возрождение России, это ли не расцвет!.. Но Мамай-Кириенко все испортил... Возьмите меня в премьеры! Я очень хороший! Я даже замечательный и прекрасный!.."

Депутаты обеих палат увещевали его: окстись, бесстыдник! Ты почти шесть лет верховодил страной. Ельцин давно уже ничего не соображает. И разве при Кириенко начались голодные забастовки? Разве при нем почти пятьсот офицеров нашей армии покончили жизнь самоубийством? Разве при нем шахтеры Воркуты явились на Горбатый мост? А кому взбрело в голову отдать французам царские долги столетней давности — 400 миллионов долларов! — да еще объявить такое полоумие "долгом чести"? И это в то время, когда свои соотечественники стреляются и мрут от нищеты. Да за одно такое намерение тебя судить надо...

Действительно, ведь эти французы в 1918—1920 годах принимали самое активное участие в интервенции против нашей страны и в Одессе, и в Архангельске, и во Владивостоке. И мы имели полное право потребовать у них материального возмещения. А за что маршал Франции Фош получил звание еще и маршала Польши? Ведь за то именно, что Франция крепко помогла вооружением, деньгами, специалистами и военными разработками этой окраине Российской империи в наглой агрессии против Советской России, предпринятой весной 1920 года, вскоре после того, как в результате Октябрьской революции сия окраина получила из рук Ленина независимость. По планчику, составленному Фошем, поляки доперли тогда аж до Киева, и пришлось их оттуда вышибать. Во что это обошлось, если иметь в виду даже только материальные затраты? Если Черномырдину и на это начхать, если он не считает своей родиной Советскую Россию, то, пожалуйста, может назначить из своего большого кармана

пожизненную пенсию потомкам Фоша, а заодно и Пилсудского, Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо — всех организаторов интервенции... А мы считаем гораздо более резонным, если бы наше правительство, учитывая бедственное положение страны, напомнило галантным французам о том ущербе, о тех жертвах, что мы понесли от их интервенции уже гораздо позже царских долгов.

И еще много чего в этом духе наговорили Черномырдину депутаты и газеты, причем даже такие ораторы и органы печати, которых с полным правом можно было бы назвать конкистадорами демократии и гуманизма. Так, в "Московских новостях" аж заместитель главного редактора г-жа Телень-Писарро, отмечая шутовской антиюбилей Черномырдина — "сто дней отставки", напялила на пенсионера колпак с бубенцами: "Кириенко исправлял ошибки предшественника"... "ЧВС никогда не считался перспективным политиком"... "Ельцин всегда и сознательно держал его на подсобной работе, извлекая из этого максимум пользы для себя"... "Он нужен был в 1993 году, чтобы помочь Ельцину удержаться"... "Он остался в 1994 году только потому, что его некем было заменить"... "Под его руководством страна на шестом году реформ оказалась на грани банкротства"... "Он заявил о своих претензиях на президентское кресло, но печать политической бесперспективности при таких планах равна приговору"...

Мало того что даже вчерашние обожатели говорили и писали такие бесстыдные вещи, — депутаты Госдумы еще и с великим грохотом, треском провалили кандидатуру настырного банкрота в премьеры. А Жириновский, как мне показалось, пел при этом "Интернационал". Но должен был состояться второй тур голосования.

И что же Черномырдин теперь? Ему, по размышлении здравом, следовало бы предпринять хоть что-нибудь решительное, конкретное, полезное с целью уж если не остановить, то пусть бы отчасти смягчить, поубавить хаос и панику, набиравшие в те дни всё больший размах и свирепость в банках, магазинах и на улицах. Но такое не могло и в голову прийти Черномырдину. И вместо живого дела он устроил беседу с известным телеумником Сванидзе, во время которой не придумал ничего лучше, как поносить Думу и опять же нахваливать себя: я из рода Александра Невского, я суперпатриот и т. п.

Тут с первого канала телевидения кинулся на выручку пенсионеру молодой телекаскадер Сергей Доренко. О, это глыба! Газета "Настоящее время" относит его к числу

"народных любимцев". Правда, тут же констатирует, что "одни его любят, другие ненавидят", не уточняя, сколько тех и других. Я думаю, что любят Доренко примерно процентов 7—8 населения, то есть те, кто поддерживает ельцинский режим.

Так вот даже молодые христопродавцы Доренко, Сванидзе не помогли: и при втором голосовании абитуриент получил меньше трети голосов. Он был ни жив ни мертв. Но когда охрана вынесла его из Думы ногами вперед, он сразу вскочил, помчался в Горки-9 и кинулся на шею президенту. Ельцин три дня утешал его, обещал направить послом в Ватикан, надбавить пенсию, но ЧВС оставался неутешен и твердил одно: "Хочу быть премьером! Нет более достойной кандидатуры, чем я!.."

А время шло, рубль падал, цены росли. И тут уже пошли разговоры о других кандидатах — о Примакове, Маслюкове, Лужкове... Забегая вперед, хочу напомнить, что когда первые двое получили назначение, то вдруг тут же были уволены со своих постов пресс-секретарь президента Ястржембский и секретарь Совета безопасности Кокошин. В чем дело? Прошел слух, будто именно они уговорили Ельцина не выдвигать газовщика в третий раз, и вот, мол, за это президент их и намахал. Странно! Он же согласился с ними и сам нахваливал свое назначение. Так надо бы благодарить, а не увольнять.

Нет, тут дело было совсем в другом. Ельцин не знал, не помнил, кто такие Примаков и Маслюков. Спросил Ястржембского: "Кажется, был герой гражданской войны Примаков. Не он ли? Проверь!" Тот не знал тоже, помчался в библиотеку, схватил первый попавшийся справочник, что-то выписал в блокнот,

прибежал обратно: "Так точно, тятя! Герой гражданской войны, кавалерист, комкор". "Это хорошо, что кавалерист, — сказал президент. — Мне нужны рубаки. Но сколько же ему годов?" Секретарь заглянул в блокнот: "Родился в 1897 году. Значит, недавно отметил столетие". "Это тоже хорошо, — сказал президент. — У рубаки большой опыт. А откуда взялся Маслюков?" Секретарь еще раз сбегал в библиотеку, доложил: "Есть цирковая семья Маслюковых: акробаты, фокусники. Среди них один был даже народным артистом РСФСР. Юрий Дмитриевич Маслюков, надо полагать, сын Дмитрия Семеновича, фокусника". Ельцин возликовал: "Это прекрасно! Нам только фокусников и не хватало. Они нам позарез нужны. Был у меня фокусник Чубайс, да ведь его теперь опасно

445

показывать людям, и потом — Чубайс всего лишь самоучка, а тут — потомственный профессионал! Это же просто находка для нашей экономики, для всего небывалого курса! Дай я тебя расцелую, Остроженский!.."

И тут же президент подписал указы о высоких назначениях Примакова и Маслюкова в полной уверенности, что первый — столетний герой гражданской войны, а второй — потомственный фокусник. Но буквально на другой же день обнаружилась правда. И тогда-то с досады Ельцин и учинил Ястржембскому вышибон. А заодно и Кокошину — неизвестно за что. Исправлять ошибку было поздно. Да и Клинтон посоветовал: не дергайся, говорит, а то опозоришься еще больше, чем я с этой стервозой Моникой.

Позорный провал отставного премьера привел его в бешенство такой степени, что этому, как справедливо отметил Г. Селезнев, могла бы позавидовать Новодворская. Несостоявшийся премьер решил тотчас обратиться с речью к соотечественникам. Речь была очень похожа на известное выступление на Съезде народных депутатов Шеварднадзе, когда он неожиданно объявил о своей отставке с поста министра иностранных дел и стращал страну близким приходом диктатуры. Вскоре после этого оратор отправился в родные палестины, а диктатура действительно настала, только не та, которой он пугал, а совсем другая: диктатура хаоса, нищеты, голода, кремлевской бездарности и самодурства. Такая диктатура царит ныне и в его Грузии.

И вот Черномырдин:

— Россиянцы! Пора называть вещи своими именами... С тяжелым сердцем я покидаю свой кабинет на Краснопресненской набережной... Экономика наша в непростом положении из-за пагубных решений Мамая-Кириенко в последние пять месяцев. К тому же оппозиция почувствовала за эти месяцы моего отсутствия реальную возможность захватить власть. Началась ползучая реставрация коммунизма. А как же еще это назвать, если сегодня, когда я ехал к президенту, Виктор Анпилов показал мне язык...

Я остаюсь в политике. Так что скучать вам не придется. Мне очень дорога Россия. В два раза дороже, чем мой бывший благоустроенный пост. Я не могу быть человеком, который вредит России. Я вредил слишком долго — больше не могу, устал. А вы, Борис Николаевич, жмите дальше. Адью, россиянцы! Очень тороплюсь: оренбургский губернатор пригласил по грибы...

446

Такова была эта великая речь. Сразу после нее пришло сообщение о назначении Примакова и Маслюкова. И что тут началось в наших СМИшках. Боже! Светлана Сорокина срочно пригласила в "Герои дня" Георгия Арбатова в явном расчете услышать от него хулу на новых руководителей. И ах как просчиталась! Сообразительный Арбатов вместо этого вовсю понес как неких бездарей Гайдара, Черномырдина, Кириенко. "Но не кажется ли вам, — смущенно лепечет теледамочка, — что по сравнению с командой блестящих молодых

реформаторов новые руководители слишком проигрывают по возрасту?" О чем еще может думать фемина бальзаковского возраста! Но тертый цековский калач и тут нашелся: я, говорит, не встречал в жизни более молодых и энергичных по духу людей, чем Отто Вильгельмович Куусинен, с которым познакомился, когда ему было 75. А фемина, видно было по ней, и не знает, кто это такой. Действительно, разве для него есть место в головах, где жуткая каша из Мандельштама, Бродского, Жванецкого, Раневской и Марка Захарова. К слову сказать, мадам, когда Кутузова назначили главнокомандующим, он был ровесником Примакова. А Пономарев завопил по второй программе: "Начинается охота на ведьм!" И тут как раз объявили: Собчак не так беспорочен, как говорит о нем его сидящая в Думе супруга. Да ведь все давно об этом знали! С чего-то же удрал он ночью на частном спортивном самолете, предоставленном финскими друзьями, из Ленинграда в Париж, где заранее купил квартиру. Но разве Собчак или такой же беглец Станкевич — ведьмы? Куда там! Это всего лишь мелкая болотная нечисть. Настоящие ведьмы и вельзевулы — это Горбачев и Ельцин, Гайдар и Черномырдин, Чубайс и Немцов... И как они все сейчас заверещали, задергались, забегали! Страшно...

Гайдар даже организовал митинг на Пушкинской площади, но на него не пришла даже Старовойтова. Однако это не помешало отставному и. о. премьера с апоплексическим пафосом обрушиться на коммунистов, на их угрозу человечеству. "Опыт показал, что коммунисты не способны руководить экономикой!" — вещал человек, весь личный опыт которого состоял в ограблении родного народа.

Но всех превзошел Немцов. В правительство вошел лишь один член фракции коммунистов, а он уже вопил,

что "к власти пришли коммунисты", что теперь они отвечают за все — за выплату пенсий, зарплаты, за состояние экономики и обороны, то есть за все то, что именно Немцовы разрушили, разворовали, уничтожили. Это похоже, как если бы команда пожарников, среди которых один рыжий, примчалась тушить пожар, а поджигатель, оказавшийся тут же, стал бы орать, что за пожар отвечают все рыжие державы. Немцова истошно поддержал в Думе голосистый Боровой, которого за клевету уже лишали в Думе права подниматься на трибуну. "Коммунистический переворот!" — сотрясал он воздух. А ведь у нас при виде кадрового состава руководства страны, при созерцании профилей мельтешащих на телеэкранах гораздо больше было права воскликнуть: "Переворот!"

...Мы давно знаем, что все эти разрушители невежественны и бездарны, лживы и бесстыдны. Но все-таки хотелось надеяться, что, обнаружив свое полное банкротство и убожество, они уйдут тихо, незаметно, скрытно. Нет! Они злобствуют и лгут, грозят и клевещут, запугивают и портят воздух до конца, до имперской канцелярии. Значит, они способны на все — и еще раз расстрелять парламент, и затопить берлинское метро, и воззвать к "мировому сообществу": "Спасите наши рожи!"

Правда. 1998. 18 сентября

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА И ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЕ МАРТОБРЯ ГРИГОРИЯ ЯВЛИНСКОГО

Бонапартисты тоже хворают

Недавно всем известный Григорий Явлинский, светоч русской демократии, угодил на больничную койку. В цветущем возрасте, увы, инфаркт. Что ж, все под

Богом ходим. Сперва светоча лечили в московской больнице, потом отправили в Германию. Тоже хорошо. Там новейшим способом страдальцу прочистили кровеносные сосуды, видимо, от попавшей в них желчи, несколько остудили перегретое политическими страстями сердце, и вот он, к радости 6—7 процентов избирателей, прочищенный, помолодевший после "евроремонта", опять в Москве, опять на телевидении, опять сотрясает атмосферу.
448

Какова была причина инфаркта? Ну скорее всего бурная политическая деятельность в течение десяти лет, а особенно — за предшествующий месяц. Вспомните-ка... Примаков приглашает его в правительство вице-премьером по социальной политике. Светоч оскорблен: "Фи! Я макроэкономист. Возиться с пенсиями мог бы и Анпилов. Пригласите его". Через несколько дней Примаков опять — сама любезность: "Хорошо, Григорий Алексеевич, если вы макро, то вот вам экономический блок. Кабинет после Ясина уже проветрен".

Светоч "согласился": "Что ж, пожалуй. Но при одном железном условии: со мной придет целая команда, мы должны получить двенадцать ключевых постов в правительстве и будем выполнять только мою программу".

Это было несколько чрезмерно. В сущности, выдвинуто требование о формировании нового правительства. Согласиться на такой вариант Примаков, конечно, не мог и не хотел. В итоге Григорий Алексеевич со своими двенадцатью макроапостолами остались за бортом. Процесс пошел, и поезд поехал без них.

Попытка мирного легитимного переворота не удалась. Разве это могло пройти бесследно для сердечно-сосудистой системы политика, который всему прогрессивному человечеству, как родной маме, объявил: "Я очень амбициозный человек. Мои амбиции выше, чем кресло президента"?

Словом, перед нами в чистом виде наполеоновский комплекс. И, конечно, невозможно представить, чтобы генералу Бонапарту как члену Директории было предложено персонально заниматься пенсиями или блоком экономических проблем. Он бы непременно потребовал: "Включить в Директорию Мюрата, Нея, Бернадота и еще девять известных макроэкономистов из моей команды!" В случае отказа уже прославленный молодой генерал учинил бы переворот не восемнадцатого брюмера, а гораздо раньше. Да, бонапартистскому сердцу и цезаристской кровеносной системе Григория Алексеевича был нанесен тяжелый удар.

Кремлевские "горемыки"

Но можно предположить и другую, вернее, еще одну дополнительную причину внезапной болезни. Александр Коржаков в своих воспоминаниях о Ельцине в чрезвычайно увлекательной, лучшей во всей книге главе "Фантазии
449
Явлинского" рассказывает, что в январе 1991 года, на другой день после снятия с поста заместителя председателя Совета Министров РСФСР, несчастный безработный макроэкономист пришел к нему. "Гриша был страшно подавлен, — читаем у бывшего охранника президента.

— Жаловался без устали. Самым обидным выглядела процедура изгнания из "Белого дома" за то, что, курируя экономический блок, Гриша много говорил, но конкретного делал мало и не горел желанием брать на себя ответственность... Чтобы хоть немного успокоить изгнанника, я предложил выпить шампанского".

Это было, конечно, издевательское предложение, ибо шампанское — вино победы, праздника, успеха, вино юбилея и свадьбы, а тут в сущности были поминки, и уж если непременно пить, то впору бы только горькую. Однако отставник, вероятно, по причине хотя и бонапартистского склада души, но все же

плебейского происхождения, не заметил коварства давнего приятеля. И за два часа задушевной беседы дружки усидели, по признанию Коржакова, бутылки три. Согласитесь, не мало. Говорят, знаменитый богач Савва Морозов иногда своих лошадей, если они выигрывали приз на бегах, тоже поил шампанским. Вот и здесь — лошадиная доза, хотя получен не приз, а вышибон. Ну что ж, демократия, новое мышление.

А вот еще один эпизод, имевший место в 1996 году перед началом президентских выборов. "Неожиданно лидер "Яблока" попросился ко мне на встречу, — рассказывает мемуарист. — Я достал бутылку водки и говорю:

— Или, может, по старой памяти — шампанского?.."

Обратите внимание, сразу, с ходу, первым делом — бутылку на стол! И что же светоч?

Он улыбнулся: "Можно водки..." Гриша изменился. В голосе уже не чувствовалось истерических интонаций. Он называл меня то Саша, то по имени-отчеству. Пришел на разведку перед выборами...

Итак, две встречи — две безотказные выпивки. Это заставляет предполагать, что так же обстояло дело при встречах бонапартиста и с другими крупногабаритными обитателями Кремля той поры — с Лобовым, Сосковцом, Барсуковым, а может, и с самим "гарантом".

А сколько было других неотвратимых поводов! Трудно допустить, например, что светоч не упился до положения риз по случаю своего провала на президентских выборах. Ведь он оказался позади не только Ельцина и Зюганова, но даже новобранца Лебедя и горлохвата

Жириновского. Не удивлюсь, если тогда он выхлестал бутылок пять шампанского да бутылки три водки... Так вот, разве сочетание столь порочной наклонности с сизифовой политической работой не могло сказаться на здоровье лидера "Яблока" самым скорбным образом? Конечно, могло!

Человеки русской культуры

Но, благодарение небесам, все позади. Кровеносная система промыта, продута, "евроремонт" успешно завершен. Григорий Алексеевич примчался на телевидение и кинулся в объятия Евгения Киселева. 25 октября, в воскресенье, — по календарю Великой французской революции это было третье брюмера — они ведут "ночной разговор". Киселев начал так:

— Как известно, вы крестник нового правительства...

С важным видом употреблять слова, смысла коих он не понимает, для этого аса эфира — обычное дело.

Вот анекдотическая нелепость и с употреблением слова "крестник". Ведь это крестный сын, то есть тот, кого ты окрестил. Но Явлинского по причине его национального происхождения, надо думать, ни в младенчестве, ни позже никто не крестил, в том числе и новое правительство. А тот, кто тебя окрестил, — это крестный отец, крестная мать. Киселев именно эту мысль и хотел выразить: вот, мол, поскольку вы первый с думской трибуны назвали имя Примакова как возможного главы правительства, то вас можно считать крестным отцом, но вместо этого брякнул: "Крестник!" Этим он поставил собеседника в дважды несуразное положение: крестником тот не был, как говорится, по определению, по грамматическому смыслу этого слова, а крестным отцом — по реальному существу дела. Словом, положение — ни проглотить, ни выплюнуть.

Конечно, Явлинский, объявивший себя "человеком русской культуры", возможно, знает разницу между крестником и крестным отцом и мог бы сказать собеседнику: "Вы, сударь, поменьше бы за своими усиками ухаживали, пореже бы

их фабрили, а почаще листали словари". Но он не решился перед лицом всего честного народа конфузить одного из самых свирепых защитников режима: может еще пригодиться, и — проглотил. Беседа потекла.
451

Мерзавцы бывают разные

И мы услышали много интересного. Так, голосом своей родной сестры Кассандры Алексеевны гость НТВ заявил:

— Прежнее правительство обманывало народ, а новое обманывает себя.

Это было сказано так, словно перед ним инопланетяне. Но ведь все слушатели доподлинно знали, что народ обманывало не только предыдущее правительство компьютерного Кириенко — нагло обманывали, грабили и все другие правительства ельцинских приспешников — и Силаева, и Гайдара, и Черномырдина. Как раз Кириенко-то по молодости и по краткосрочности греха еще можно, пожалуй, отпустить с миром, накормив предварительно березовой кашей. А уж Гайдара с Черномырдиным хоть сейчас, как Гришку Распутина, — в прорубь. Но мы продолжали мирно слушать.

— Скоро Примаков вынужден будет произвести перемены в правительстве.

Какие перемены, не сказал, но, пожалуй, и так всем было ясно: уволит, мол, Примаков ненавистных мне Маслюкова, Густова, Кулика, Матвиенко и других красных, а на их место призовет любимых мною сереньких — архиумного Гайдара, суперскромного Чубайса, мультишустрого Немцова и, конечно, меня, бонапартиста с дюжиной моих экономических мюратов — без нас, соли земли русской, ничего у них не получится. Позже депутат К. Боровой, такой же насквозь просоленный, радостно поддакнул: "У Примакова ничего не получается и никогда не получится!" Ан Г. Боос в октябре уже собрал налогов в два раза больше, чем в сентябре собрал бывший корифей Б. Федоров. Не первая ли ласточка?

— Если Примаков, — грозно продолжал Явлинский, — не произведет перемены, то ему придется объяснить народу, почему растет безработица, преступность и т. д.

Объяснять народу, что происходит в стране, обязано любое правительство. Но ведь ни Гайдар за целый год, ни Черномырдин за шесть лет ни разу не объяснили нам, почему с каждым днем их правления дела все хуже и хуже. Они только твердили: "Правильным курсом идем". И Явлинский терпел это, не рыпался, а тут вдруг — вынь да положь правду-матку! Больше нет терпежу! Вот вам их вариант известного американского девиза: "Сомоса, конечно, мерзавец, но это же наш мерзавец"...
452

Примаков в самые первые дни своего правления сказал, что не хочет ворошить прошлое, поминать своих предшественников, кого-то обвинять в ужасном положении страны. Жаль! Ибо такого благородства от Явлинских, боровых и Чубайсов вы, Евгений Максимович, не дождетесь. Они, семь лет разорявшие страну, уже теперь вопят, что дела идут плохо, и все валят на новое правительство. Я бы на вашем месте непременно издал Белую книгу, в которой со всей обстоятельностью было бы зафиксировано положение страны на день вашего прихода к власти, чтобы всегда иметь возможность остановить политических банкротов и государственных преступников, что за семь лет хозяйничанья и самоуправства довели страну до гибели. Позже эта Белая книга пригодится для прокурора, а еще позже ее поместят в Музее спасения России.

И. о. Остапа

Но недолго гость "Итогов" разводил рацеи о прошлых, нынешних и будущих

правительствах страны. Киселев довольно скоро и умело направил оратора в излюбленное русло — президентские выборы. "И тут Остапа понесло...":

— Мои шансы на президентских выборах сейчас исключительно велики. Я буду президентом! Я победю!.. Я побежу!.. Я побежу!..

— Вы серьезно? — спросил Киселев. Он был явно ошарашен. Действительно, это походило на острый приступ мании величия или на помешательство. — Ведь ваш рейтинг не превышает 7 процентов. И потом, у ваших будущих соперников за плечами какие-то конкретные дела, высокие должности, поступки — словом, есть биография. А что, извините, у вас?

Действительно, когда читаешь в биографическом справочнике статью о Явлинском, бросается в глаза, что несколько избыточную часть своей жизни он пребывал на таких должностях, как ученик, заместитель, исполняющий обязанности, советник, секретарь, что, естественно, лишало его возможности самостоятельных гениальных решений и судьбоносных действий. Даже великая программа "500 дней", которая обычно приписывается ему лично, была составлена в соавторстве с М. Задорновым, А. Михайловым и другими. Увы, она оказалась мертворожденной и даже "уа! уа!" произнести не успела.

Из вполне самостоятельных акций Явлинского можно назвать лишь несколько. Так, в августе 1991 года, будучи всего лишь советником на общественных началах (!) председателя Совмина, Григорий Алексеевич почему-то помчался арестовывать министра МВД Б. Пуго. Надо полагать, сбоку в деревянной кобуре у него болтался маузер. Историкам контрреволюции в СССР еще предстоит сказать свое слово об этом темном деле, итогом или спутником которого оказались два трупа — министра и его жены... Как о самостоятельном поступке можно еще упомянуть о заключенном в июне 1992 года с нижегородским губернатором Немцовым договоре на предмет составления плана, как добиться расцвета и благоухания области. Планчик был составлен, гонорар за него, видимо, был неплохой но, увы, практически результат оказался примерно таким же, что и у знаменитой программы "500 бессонных дней и ночей", если не считать замечательной книги Явлинского "Нижегородский пролог". Впрочем, как можно не считать! Говорят, по этой книге Роман Виктюк, земляк Явлинского — оба родились во Львове,—собирается ставить оперу. В этом же ряду можно вспомнить и о том, что Григорий Алексеевич лично, а не как заместитель, был чемпионом Украины по боксу среди юношей. Прекрасная страница биографии! И наконец, в октябре 1993 года опять-таки совершенно самостоятельно, а не как чей-то зам, демократ и гуманист Явлинский требовал беспощадного вооруженного разгрома защитников Дома Советов. Тоже заметный штришок биографии, достойный премии имени генерала Галифе.

На вопрос Киселева, что, мол, у вас, у хронического кандидата в президенты, за плечами значительного, хроник нервно вскинулся:

— Как что! Я был слесарем-электриком!

Действительно, был несколько месяцев. Говорят, умел ремонтировать электрические утюги, а позже научился исправлять и перегоревшую электрогрелку для болезненной тещи Сысуева. Но ведь такого опыта и навыка маловато для президента великой державы. Явлинский не зря слывет интеллектуалом: он понимает это. И потому стал перечислять свои посты и должности: заместитель... исполняющий обязанности... секретарь... заместитель... советник... заместитель... исполняющий обязанности... кандидат... Но, странное дело, ни словом не упомянул именно о тех своих свершениях и поступках, в которых он виден особенно ярко, отчетливо и как личность, и как политик: ни об участии с маузером на взводе в облаве на

министра Пуго, ни об энергичной поддержке октябрьского призыва рыночной интеллигенции: "Раздавите гадину!", ни даже о том, что благодаря его таланту и усердию теперь цветет и благоухает Нижегородская область. Одна во всей стране! И никак не может наблагоухаться.

Григорий Явлинский и Исаак Зальцман

Киселев смотрел на гостя, пожалуй, даже со страхом, словно в студию из гоголевских "Записок сумасшедшего" неожиданно явился Поприщин, возомнивший себя Фердинандом Восьмым, королем Испании. Действительно, гость прямо-таки зашелся в экстазе:

— Мне моего опыта хватит. Я буду президентом! А советский опыт, такой, например, как опыт директора танкового завода, мне абсолютно не нужен!

И вот здесь уже окончательно вылезла внутренняя суть бонапартиста — его презрение к советскому опыту, ненависть ко всему, что связано с коммунизмом, иначе говоря, ненависть к великой эпохе своего народа, в которой, конечно же, было немало дурного, но гораздо больше такого, чему нет ни цены, ни аналога. Вспомнил хотя бы своего отца: из беспризорника он стал полковником, а если у тебя начинаются корчи и судорога при одном лишь слове "коммунизм", можешь его не произносить, говори, допустим, "предшественники", но опыт любого предшественника важен, полезен, и тот, кто презирает его, отбрасывает, показывает лишь то, что он никакой не политик, а местечковый пустозвон, потерявший рассудок от жажды вылезть в президенты.

Танковый завод Явлинский назвал для примера. Это для него, как видно, самый убийственный символ советской примитивности, грубости, никому не нужной силы. Он не мог найти примера более выразительного для демонстрации содержания своей черепной коробки. Слышал бы его речи директор Уральского (Кировского) танкового завода в Челябинске Исаак Моисеевич Зальцман, Герой Социалистического Труда. На этом заводе, из ворот которого в годы войны вышли армады лучших в мире танков, спасших мир и в том числе родителей Явлинского, не покладая рук работали 60 тысяч беззаветных патриотов России, там было сложнейшее, высочайшего научно-технического уровня производство, там, не зная сна и отдыха, ломали головы над улучшением тан-

ков их знаменитые конструкторы во главе с трижды Героем Социалистического Труда Н. Л. Духовым и главным инженером, тоже Героем, С. Н. Махониным. И всем этим огромным городом надо было руководить: его многочисленный коллектив — направлять, конструкторам — умело ставить насущные задачи. И директор Зальцман всю войну, вопреки всем трудностям той суровой поры, делал это успешно. Другие директора — тоже. И при их умелом, умном, толковом руководстве наши танковые заводы, иные из которых были эвакуированы из Москвы, Ленинграда, Харькова — а это своя одиссея! — выпустили 102 тысячи машин, которые смели, смололи, распылили фашистский вермахт со всеми его гудерианами. И вот об этих людях, о спасителях Родины парламентский обитатель высокомерно бросает: "Мне их опыт не требуется!"

Будь еврей — и это не беда, как сказал Пушкин

А. Коржаков вспоминает, что, когда, выкушав неизвестное количество поллитровок водки, его друг уходил, произошла такая сцена. Он сказал гостю:

— Если пойдешь в президенты, просто сломаешь себе хребет. Ты, Гриша, им не станешь.

Но Гриша упорствовал:

— Александр Васильевич, я к вам очень хорошо отношусь, очень, но все равно пойду в президенты и выиграю выборы!

Тогда я применил запрещенный прием:

— Гриша, ты их не выиграешь, ты же еврей.

— Нет, мне это не помешает. Я вздохнул:

— Тогда прошу, не поливай, пожалуйста, грязью Бориса Николаевича.

— Хорошо, Саша, я обещаю, что не буду поливать, но в президенты все равно пойду!

Между прочим, они почти ровесники, и Коржаков в юности тоже несколько месяцев работал слесарем, потому мог бы прибегнуть еще к такому доводу: "Гриша, как слесарь слесарю советую тебе: не лезь в президенты! Послушай меня как труженик труженика. Взгляни на мои мозоли!.." Действительно, уже хотя бы тот факт, что один слесарь говорит другому: "Ты, Гриша", а тот ему:

456

"Вы, Александр Васильевич", убеждает, что второй из них никогда президентом не станет.

И впрямь, первый крестовый поход Явлинского за креслом президента окончился полным провалом: удалось обогнать только будущего рекламщика пиццы Горбачева, набравшего один процент голосов, да никому не ведомого Шаккума, которому посчастливилось наскрести три процента. Казалось бы, прогноз слесаря Коржакова сбылся аж на 120 процентов, ибо Гриша не просто "не выиграл" выборы, не ухватил кресло, но даже, выражаясь фигурально, схлопотал этим креслом по кумполу. И все-таки Коржаков был прав лишь отчасти.

Дело в том, что Явлинский провалился вовсе не потому, что еврей. Мало ли было в России на вершине власти людей самого разного национального происхождения: из немцев, украинцев, грузин, армян, поляков, да и тех же евреев. Вот теперь говорят, что Андропов был еврей. Судя по тому, что недавно поведал о нем Рой Медведев в "Правде-пять", это не исключено. К тому же сам Коржаков опровергает себя, когда пишет, что во время поездки с Ельциным в Нижний Новгород он сказал охраняемому объекту: "Борис Николаевич, вы ищете преемника, а вот он, и уже готовый, — Боря Немцов. Молодой, умный, иностранный (?) язык знает, энергии много. Вы еще на Олимпе пробудете лет десять, но если начнете Борю воспитывать, то за этот срок сумеете вырастить нового президента". Что ж, неужели матерый чекист не знал, что нижегородский обладатель иностранного языка того же самого происхождения, что и Явлинский?

Громоподобный провал Явлинского объясняется вовсе не тем, что он еврей, а тем, что этот самопровозглашенный "человек русской культуры" не смог, не захотел стать частичкой русского народа, слиться с ним, а остался чужд ему и злобно поносит пору величайшего взлета России — словом, претендует на принадлежность к тому же "второму лицу" еврейской нации. Ведь, как уже упоминалось, в те трагические дни октября вместе с Граниным и Даниным, Иодковским и Костюковским, заодно с похабным матерщинником Астафьевым и фарфорово-изящной старушкой Ахмадулиной он тоже вопил: "Добей гадину!" И после этого опять лезть в президенты России?.. Поставил бы мысленно рядом жизнь хотя бы одного лишь великого советского еврея Зальцмана и свою. Тогда, может быть, понял бы, каковы его подлинные шансы стать у нас президентом.

457

Разгон пылает, а Ахмадулина охладела

И вот что характерно, в пятую годовщину расстрела Дома Советов корреспондент газеты "Настоящее время" Игорь Зыбин обратился ко многим еще оставшимся в живых авторам того образца изящной словесности с вопросом: что они думают о своем поступке теперь? За одних ответил так и не скопивший за сто

лет своей жизни серого вещества Лев Разгон: "Я бы и сейчас с удовольствием (!) подписал письмо... Люди, которые стреляли по "Белому дому", были офицерами. Они выполняли свой долг, им было поручено, это была их работа". Нет, Мафусаил демократии, расстрел безоружных — это не работа, а убийство, и те офицеры выполняли не долг, а преступный приказ государственных преступников. А воинский устав и законодательство дают право такие приказы не выполнять. И потому напрасно надеетесь, что и в будущем при подобной ситуации офицеры поступят "согласно своему воинскому долгу", как вы этот долг понимаете. И потом, что ж вы проклинаете энкавэдэшников, которые расстреливали врагов Советской власти? Ведь они тоже выполняли приказ, и только.

В таком духе ответили и другие мастера художественного слова. Яков Костюковский: "Мое отношение к тем событиям практически (?) не изменилось... Действия президента были правильными..." Юрий Черниченко: "Ни о чем я не жалею. Этот путь пройден, но мы могли бы сделать много больше..." О, да! Могли.

Многие мастера-подписанты, как пишет газета, "под различными предлогами отказались отвечать": Григорий Бакланов, Татьяна Бек, Борис Васильев, Александр Гельман, Юрий Давыдов, Григорий Поженян. "Интересная история с Ахмадулиной, — пишет И. Зыбин. — Белла Ахатовна, я звонил вам девять дней, на десятый подошел к телефону ваш муж Борис Мессерер и сказал, что вы не интересуетесь политикой и ничего говорить не будете". "Ах, ах, мадам охладела к политике!"

Однако же кое-кто из этой публички хоть и стеснительно, но все-таки сожалеет о содеянном. Так, Римма Казакова сказала: "Чувствую, что это было, мягко выражаясь, непродуманное мероприятие. Тогда я была на стороне Ельцина... В итоге я поняла, что инакомыслящих надо убеждать, а не сражаться с ними. В какой-то момент расстрела "Белого дома" поняла, что все это неправильно... Тогда на месте Ельцина я всех бы из "Белого дома" выпустила..."
458

Что ж, хоть один голосок раскаяния, хоть негромкий, но все же прозвучал. Но ведь до сих пор мы не услышали ни единого слова сожаления ни от тех, кто вдохновлял на кровавую расправу и требовал ее, как те мастера художественного слова, как Новодворская и Немцов, ни от тех, кто руководил расправой, как Ельцин, Черномырдин и Грачев, ни от самих расстрельщиков, ни от тех, кто потом оправдывал расстрел, как Солженицын, Шумейко, Ковалев. И среди этих молчальников мы видим нашего "человека русской культуры", рвущегося в президенты.

Трехсоттысячники

Между прочим, странное дело: никто из опрошенных газетой "Настоящее время" не знает имен расстрельщиков. Разгон сказал: "Это справедливо, что их имена до сих пор не названы". Костюковский тоже не знает, но говорит в противоположность Разгону: "Считаю совершеннейшей несправедливостью, что до сих пор не названы те танкисты, которые защитили дмократию. Очень сожалею, что мы до сих пор не знаем имен подлинных героев тех дней, которые тогда спасли нас". Как же так? Герои, паля из танков по безоружным, спасли и демократию, и мерзавцев в придачу, а вы, небожители, даже не дали себе труда разыскать их имена, как, допустим, в свое время Сергей Смирнов разыскивал героев Брестской крепости. Черниченко еще и добавляет: "Если бы те офицеры-танкисты желали рекламы, они бы ее получили... Люди сами не хотят быть названными. Это не те вещи, за которые дают ордена..." Боже милосердный, они

не знают даже того, что ордена дали и даже Золотую Звезду навесили Ерину, были и повышения в званиях, были и по 300 тысяч за каждый выстрел по Дому Советов...

А ведь имена-то этих героев-трехсоттысячников не надо искать в сейфах Министерства обороны или в архивах, они были объявлены в широкодоступных столичных газетах. В доказательство этого я могу привести мое стихотворение "Письмо", адресованное генерал-майору Б. Н. Полякову, командиру 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии, расстрелявшей Дом Советов. Оно было напечатано не где-нибудь, а в "Правде", подписчиком которой Костюковский был лет сорок. Там есть такие строки:

459

...А довольны ли ими полученной мздой
Сослуживцы, что били по Дому Советов? —
Офицеры Ермолин, Брулевич, Рудой.
Или надо еще им накинуть за это?
А повышен ли в звании Серебряков?
Неужели остался в погонах майора?
А какую награду схватил Петраков?
А как вся остальная кровавая свора?
А Евневич, Таманской гвардейской комдив,
Навещает ли вас, боевого собрата?
Вспоминаете ль с ним, по стакану хватив,
Как в тот день вы громили народ Сталинграда?
Говорят, горько запил майор Башмаков,
Повредился умом подполковник Баканов.
Или это лишь россказни для простаков,
Совесть ищущих даже в душе истуканов?

Благородный порыв... из-за Ла-Манша

А Коржаков рассказывает, что хотя Гриша божился ему, что не будет "поливать грязью" Ельцина, но буквально через день в интервью по телевидению проделал эту процедуру со смаком и сладострастием. "После этого, — пишет мемуарист, — как человеком чести он перестал для меня существовать". Подумать только! В глазах генерала КГБ Гриша был "человек чести". Не смейтесь, читатель, а вспомните, что, допустим, в глазах Ельцина луноликий Гайдар — самый умный человек Северного полушария, а сам Ельцин в глазах Лившица — великий государственный деятель, а банкрот Лившиц в глазах банкрота Сванидзе — незаменимая, самая драгоценная опора его "Зеркала" и т. д. Все это — явление одного ряда.

Действия и заявления Явлинского в последние дни внесли окончательную, летальную ясность в облик этого "человека чести". Как уже упоминалось, бывший человек чести (БЧЧ) участвовал в программе "Итоги". Там в интервале между бесчисленными бонапартистско-поприщинскими восклицаниями о своем величии и победоносности БЧЧ промурлыкал: "У нас все больше и больше нарастает беспокойство в отношении экономической коррупции, в отношении просто занятия постов..." Сейчас Алексей Кондулуков, телевизионный мальчик на побегушках у "демократии", делает большие глаза: "Почему же сразу на это заявление никто не обратил внимания? Да потому, во-первых, что оно прозвучало в ночном разговоре", когда все порядочные лица, устав от честных трудов, уже спят. Во-вторых, в нем не было ничего

460

конкретного, и можно было только гадать, о каких "постах" сказал БЧЧ. Но если уже давно никому не охота ломать голову над дневными афоризмами Жириновского, то кто хоть на минуту задумается над ночными сентенциями Явлинского? Однако, судя по всему, это был пробный шар.

Историк наполеоновской эпохи А. Манфред пишет о событиях 18—19 брюмера 1799 года в Париже: "Странным образом, хотя, казалось, не было приложено заметных усилий, все шло точно, организованно, видимо, в полном соответствии с планом заговора". Так же было и здесь. На третий день после пробного шара, в великий день 28 октября, который должен стать его 18-м брюмера, на страницах лондонской газеты "Дейли телеграф" появилось интервью БЧЧ, в котором он обвинил в коррупции уже не кого-то безымянного, а конкретно только что начавшее работать правительство Примакова; там, дескать, посты продаются и покупаются, как петрушка на Центральном рынке. В этот же день лидер НДР А. Шохин так выразил свое понимание интервью: "Кто больше дал, тот и получил министерский портфель". И все поняли это так же.

Что было делать в ответ на тявканье из-за Ла-Манша? Можно было напомнить, с каким проворством и свирепостью "демократическая" публика всегда набрасывалась на соотечественника, когда тот, находясь за границей, позволял себе заметить, например, что наш Гарант Гарантыч иногда закладывает за воротник несколько больше, чем допустимо. Эта публичка негодовала: "Как он смеет поносить на чужбине нашего родного, единственного, Всенароднообожаемого! Что для него патриотизм? Что для него честь нашей любимой Родины?" Можно было спросить: "Почему ныне вы молчите, патриоты? Если за Одером или Рейном нельзя поносить родного президента, то почему за Ла-Маншем можно поносить родное правительство? Как мог решиться на это великий патриот Явлинский?"

Исходя из другой логики, можно было с невинным видом сказать: "А чего он тявкает? Его все знают как великого теоретика рынка. Вот и дошли его рыночные идеи до правительства: что хотим, то и продаем; сколько можем, столько и берем. Свобода, блин, свобода! А его друзья Попов, Гайдар, Лившиц давно убедили человечество, что никакого взяточничества и спекуляции не существует, это коммунистическая пропаганда, русская отсталость, а существует лишь коммерция".

461

Наконец, можно было вообще не обращать на интервью никакого внимания. Подобно тому как сам он не отвечает своему конкуренту Жириновскому, который не где-нибудь за Ла-Маншем, а в Государственной Думе, порой даже с ее трибуны, называет Явлинского американским агентом, его партию и фракцию — пятой колонной, получающей деньги в посольстве США. Но, увы, у членов правительства не хватило выдержки, чтобы промолчать. Простодушны! Все еще думают, что иезуиты — это достояние далекой истории. Нет выучки, хитроумия. Поди и не знают мудрое наставление Талейрана: "Никогда не поддавайтесь первому порыву, потому что он почти всегда благороден". Еще как поддались!

Все, кроме Боннэр, — воры и взяточники

Кажется, первым откликнулся министр труда С. Калашников: "Заявление Явлинского — глупость!" Потом Ю. Маслюков: "Возмутительно!" Позже поддались и те, кто не принадлежит к правительству. Так, директор ВЫМПЕЛКОМа Дмитрий Зимин, будто получивший от Маслюкова немыслимые блага, заявил: "Это какой-то бред!"... Конечно, глупость, но тщательно спланированная. Разумеется, возмутительно, но таков и был расчет. Понятно, что бред, но обдуманный и взвешенный, имеющий целью если не свалить правительство, но уж непременно деморализовать его, сбить с панталыку, ошарашить.

Манфред рассказывает: "В положенное время к дому Бонапарта на улице Шартерен собрались все генералы, державшие в своих руках командование

вооруженными силами Парижа и страны..." И тут — в положенное время. Ну не генералы, конечно, а всего лишь телевизионные кондотьеры "демократии" от Ревенко до Доренко, но точно — собрались. И первый из названных, к стыду своих честных родителей, огласил улицу Шартерен воплем: "Маслюков сделал вид, что обиделся". Чего, мол, обижаться на "святую" правду? И дальше об этой "святой" правде: "Критика Явлинского должна быть сигналом, что запас доверия к правительству исчерпан!" Ты бы, милок, о своих запасах лучше подумал, в частности о запасах черепной коробки. Ведь тебе еще жить да жить, может, еще предстоит жену искать. Вот что она скажет о твоих запасах? А Киселев тут как тут со своими диаграммками да табличками: 92 процента опрошенных верят, что мы получили правительство взяточников! Ве-
462
рят... А вот Александр Коржаков верит, что Киселев

— стукач с десятилетним стажем, и в своих воспоминаниях опубликовал анкету стукача с фотографией, и все сходится вплоть до нафабренных усиков. А ведь Коржаков — это не оратор Жириновский, а генерал КГБ.

Была мобилизована даже как ударная сила болезная Елена Боннэр. Ее доводы были убийственны: "Явлинский не сказал ничего нового. Разве Кулик не был многолетним руководителем сельского хозяйства? А разве дома, на кухне, мы не говорим: "Все они воры!" Говорим, мадам. И не только дома, но и на митингах, на демонстрациях. Да и как не говорить! Допустим, когда Чубайса назначили вице-премьером, у него журналист спросил: сразу ли он согласился — ведь трудная работа и большая ответственность? Тот ответил: "Сразу!" — "А почему?" — "А потому, что мне надоело жить в двухкомнатной квартире". О чем это говорит, мадам? О том, что у человека шкурные интересы на первом месте. И вскоре это подтвердили многие факты. Например, получение чуть ли не нобелевского гонорара за ненаписанную книгу. Или история с коробкой, которую пытались тайно вынести из Дома правительства вместе со странным содержимым — 538 тысяч долларов на выборы Ельцина. Коржаков пишет, что Чубайс потом умолял его вернуть эти отобранные деньги, так как они принадлежат отчасти ему лично, отчасти родной теще. Правда, как говорят, теща пожертвовала на Ельцина только три доллара, все остальные—любимого зятя. Спрашивается, откуда такие суммы у человека, который еще вчера торговал на базаре тюльпанами и жил в двухкомнатной квартире с тещей? У вас, мадам, были когда-нибудь такие суммы?

А взгляните на Бориса Ефимовича Немцова. Когда после великих успехов Нижегородской области Ельцин пригласил его тоже стать вице-премьером, шустрый нижегородец, словно только что с ярмарки, первым делом спросил: "А сколько баксов?" Президент сказал: два миллиона. "Мало! Хочу десять!" Ну, поторговались и сошлись на шести. О чем это говорит, мадам? О том, что у человека шкурные интересы на первом месте. И это подтверждается хотя бы опять-таки нобелевским гонораром за убогую книжонку "Провинциал".

Вот мы и кричали на митингах: "Все они воры! Всех

— на нары!" Уж какие еще нужны доказательства, что люди именно этого пошиба больше всех расположены к взяточничеству и коррупции. Вот и занялся бы Явлинский прежде всего ими, когда они были в правительстве. Так нет же! "Сомоса — мерзавец, но это наш мерзавец!"
463

Примаков — это не Ботто

Первым из телекондотьеров почуял, что дело пахнет керосином, Доренко. Он объявил, что интервью Явлинского — это плод наивности и необдуманности. Ну пошалил мальчик. Давайте оставим его без пирожного.

Однако БЧЧ еще продолжал произносить речи по всем каналам телевидения и

даже на Лубянской площади у "соловецкого камня" во время траурной церемонии. И эти речи политического деятеля, совсем недавно вернувшегося на родину после долгого отсутствия, очень напоминали то, что вечером 18 брюмера в Тюильрийском саду генерал Бонапарт бросал в лицо противникам. "Громовым голосом, в неистовом вдохновении, надвигаясь конем на пятившегося в страхе чиновника Ботто, перед замершей в глубоком внимании толпой Бонапарт выкрикивал грозные обвинения: "Что вы сделали с Францией, которую я оставил вам в таком блестящем положении? Я вам оставил мир, а нашел войну. Я вам оставил победы, а нашел поражения! Я вам оставил миллионы, а нашел нищету!.."

Однако Примаков оказался не так робок, как Ботто, он не стал пятиться перед конем Явлинского, а внятно сказал: "Нас на Бога не возьмешь. Факты, сударь, имена!"

И великий борец за правду струхнул. Да что вы, говорит, на меня кинулись? Я же хочу помочь Примакову, он на этом посту человек новый...

Примаков "новый человек"? Да ведь когда ты, Гриша, утюги и примуса чинил, он уже был академиком и входил в Политбюро. "Я хочу помочь"? Но ведь это можно было сделать со страниц любой столичной газеты, по любой программе телевидения, наконец, с трибуны Думы. Зачем же на берега Темзы для этого ехать?

Но атаки продолжались, в бой вступали новые когорты. Явлинский направил премьеру запрос из десяти с лишним пунктов, да еще три единомышленника из Думы подкинули 16 пунктов, в каждом из которых по нескольку вопросов. Так что в целом наберется, пожалуй, около сотни вопросов. Ну так и в Думе разные депутаты: одни над законами корпят, другие вопросы задают — все им непонятно что-то...

464

За бессмертие Попришина!

...Не раз уже было сказано, что ныне антикоммунизм — это крайняя форма русофобии. И теперь, когда бонапартистский переворот Явлинского провалился и помянутые страсти загнали его в угол, по-моему, у него есть только один выход. Надо попроситься на прием к Коржакову. И если он согласен принять, прийти наконец не на халяву, а со своим шампанским и выпить бутылок пять-шесть за бессмертие гоголевского Поприщина, по-прежнему здравствующего, как оказалось. Чего стоит одна лишь запись в его дневнике, сделанная (у него ведь был свой календарь) 86 мартобря неизвестного года, где в скобках я лишь пометил, как это соотносится с современностью: "Сегодня я для шутки пошел в департамент (в Думу)... Я глядел на всю канцелярскую сволочь (на фракцию КПРФ) и думал: "Если бы вы знали, кто рядом с вами сидит!.." Передо мной положили какие-то бумаги, чтобы я сделал из них экстракт (новый вариант программы "500 дней"), но я и пальцем не притронулся. Через несколько минут сказали, что идет директор (Ю. Маслюков). Что за директор? Какой он директор? Он пробка, а не директор. Простая пробка, которой закупоривают бутылки (а мы с Коржаковым откупориваем). Было забавно, когда подсунули мне бумагу (программу выхода из кризиса), чтобы я подписался. Они думали, что я подпишу на самом кончике листа: столоначальник такой-то. Как бы не так! Я на самом главном месте черкнул: "Фердинанд Восьмой" (будущий Президент России). Нужно было видеть, какое благоговейное молчание воцарилось; но я кивнул только рукою, сказав: "Не нужно никаких знаков подданства!" — и вышел..." Ни дать ни взять — лидер "Яблока"!

Правда. 1998.- 12, 13—16, 17—18 ноября

СПИСОК ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ*

Абуладзе Тенгиз Евгеньевич (1924—1994), кинорежиссер, удостоен премии Каннского фестиваля за фильм "Покаяние".
Авен Петр Олегович (р. 1955), радикальный реформатор, министр по внешнеэконом. связям РСФСР (1991—92), затем возглавлял "Альфа-Банк".
Аганбегян Абел Гезевич (р. 1932), ученый-экономист, ректор Акад. народн. хозяйства, один из ближайших сподвижников М. Горбачева.
Адамович Алесь (Александр) Михайлович (1927—1994), писатель. Народн. деп. СССР (1989-91).
Азеф, Азев Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) (1869—1918), один из лидеров партии эсеров, агент охранки.
Акаев Аскар, госуд. деятель. В 1989—90
— президент АН Киргизской ССР; с октября 1990 — Президент республики Кыргызстан.
Аксенов Василий Павлович (р. 1932), писатель, врач. Эмигрировал в 1980 г. в США.
Александров Георгий Федорович (1908— 1961), начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (1940-47), министр культуры СССР (1954-55).
Алексеев Сергей Сергеевич (р. 1922), юрист, председатель Комитета конституционного надзора СССР (1989—90). Одобрил действия властей 3—4 октября 1993 г.
Алексиевич Светлана Александровна (р. 1948), белорусская писательница.
Алексий II (Ридигер Алексей Михайлович) (р. 1929), Патриарх Московский и всея Руси (с 1990).
Алексин Анатолий Георгиевич (р. 1924), писатель.
Алиев Гейдар Алиевич (Али Рза оглы) (р. 1923), первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана (с июля 1969), в 1982-1987 - 1-й зам. Председ. Совета Министров СССР, с октября 1993 — Президент Азербайджана.
Алкснис Виктор Имантович (р. 1950), полковник, народн. деп. СССР (1989—91), один из лидеров деп. группы "Союз". Член РОС.
Аллилуева Надежда Сергеевна (1901—1932)
— жена И. В. Сталина. Работала в аппарате
СНК, в журнале "Революция и культура" (q 1919).
Амлинский Владимир Ильич (1935— 1989), писатель.
Ананьев Анатолий Андреевич (р. 1925), писатель, редактор журнала "Октябрь".
Андреева Нина Александровна (р. 1938), доцент Ленингр. технологич. института. С 1991 — Генеральный секретарь Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.
Андронов Иона Ионович (р. 1934), журналист-международник, народн. деп. РСФСР (1990—93), выступал активным противником Б. Н. Ельцина.
Анпилов Виктор Иванович (р. 1946). журналист, полит, деятель, руководитель движения "Трудовая Россия".
Ануфриев Владислав Григорьевич, секретарь ЦК Компартии Казахстана (1989).
Арбатов Георгий Аркадьевич (р. 1923), полит, деятель, академик, народн. деп. СССР (1989—91), почетный директор Института США и Канады.
Астафьев Виктор Петрович (р. 1924), писатель, народн. деп. СССР (1989—91).
Аушев Руслан Султанович (р. 1954), президент Республики Ингушетия (с 1993), Герой, Советского Союза.
Афанасьев Виктор Григорьевич (1922— 1994), полит, деят., главный редактор "Прав-і , ды" (1976-89). Народн. деп. СССР[1] (1989—91).
Афанасьев Юрий Николаевич (р. 1934), полит, деятель, историк. Народн. деп. СССР (1989-91), член МДГ.
Афиногенов Александр Николаевич (1904— 1941), драматург.
Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахматовна (р. 1937), поэтесса.
Ахромеев Сергей Федорович (1923—1991), Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Начальник Генштаба Вооруженных Сил СССР (1984—88). Советник Президента СССР (с марта 1990).
Аяцков Дмитрий Федорович (р. 1950), губернатор Саратовской области. Разрешил

* В списке не приводятся имена широко известных исторических личностей, классиков русской литературы, мифологических героев, а также те персоналии, биографические данные которых приведены в тексте книги.
Названия "Межрегиональная депутатская группа Съезда народных депутатов СССР" дается в аббревиатуре МДГ, а " Наш дом — Россия" — НДР.

в области куплю-продажу земли. Член исполкома НДР.
Бабурин Сергей Николаевич (р. 1959), юрист, полит, деятель, народн. деп. РСФСР (1990—93), деп. Госдумы РФ, зам. Председателя Госдумы, председатель партии "Российский общенародный союз".

Бакатин Вадим Викторович (р. 1937), парт, деятель, министр внутренних дел СССР (1988—90), председатель КГБ СССР (1991).
Бакланов Григорий Яковлевич (р. 1923), писатель, главный редактор журнала "Знамя" (1986—93).
Балаян Зорий Гайкович (р. 1945), журналист, народн. деп. СССР (1989—91), один из инициаторов выхода НКО из состава Азербайджана. *Бандера* Степан Андреевич (Попел) (1909—1959), руководитель националистической Украинской повстанческой армии в Западной Украине (1943—47). Сотрудничал с фашистами.
Баранников Виктор Павлович (1940—1995), генерал, министр внутренних дел РФ (с июля 1991), министр Безопасности РФ (янв. 1992 — июль 1993). В октябрьских событиях 1993 активный защитник законно избранной власти.
Барсуков Михаил Иванович (р. 1947), генерал армии. С 1992 — начальник Главного управления охраны Президента РФ, с 1995 по 1996 — Директор ФСБ РФ.
Барчук Василий Васильевич (р. 1941), был министром финансов РФ, ныне председатель правления Пенсионного фонда РФ.
Батурин Юрий Михайлович (р. 1949), юрист, пом. Президента РФ, Секретарь Совета обороны (1993—97), летчик-космонавт (1998). *Бойко* Максим Владимирович (р. 1959). В 1996—97 — зам. руководителя Администрации Президента РФ, с августа 1997 — председатель Госкомимущества. Замешан в ряде скандальных историй.
Бейлис Мендель (1874—1934), еврей, ложно обвиненный в ритуальном убийстве русского мальчика ("Дело Бейлиса").
Бек Татьяна Александровна, поэтесса. *Беляев* Альберт Андреевич (р. 1928), парт, деят., главный редактор "Советской культуры" в годы перестройки.
Березовский Борис Абрамович (р. 1946), математик, один из так называемых российских олигархов, зам. Секретаря Совета Безопасности РФ (1996), Исполнительный Секретарь СНГ (1998).
Бернадот Жан Батист (1763—1844), маршал Франции.
Блюхер Василий Константинович (1890—1938), Маршал Советского Союза. Участник гражданской войны. Командующий Особой Дальневосточной армией (1929—1938). *Багров* Дмитрий Григорьевич (Мордко (Мордехай) Гершков) (1887—1911), эсер, смертельно ранил П. А. Столыпина.
Богров (Багров) Григорий Исаакович (1825—1885), прозаик.
Бокий Глеб Иванович (1879—1937), госуд.
деятель, председ. Петроградского ЧК (1918).
Боннэр Елена Георгиевна (Сахарова) (р.
1923), обществ, деят., супруга академика
А. Д. Сахарова.
Боос Георгий Валентинович (р. 1963). Ген. директор АО "Светосервис", деп. Госдумы РФ (1995—98) (фракция НДР), руководитель Госуд. налоговой службы РФ (с 1998).
Боровой Константин Натанович (р. 1948), предприниматель, полит, деятель, деп. Госдумы РФ.
Борщаговский Александр Михайлович (р. 1913), писатель.
Бош Евгения Богдановна (Готлибовна) (1879—1925), революционерка, работник ЧК.
Браверман Александр Арнольдович (р. 1950), первый зам. министра Госкомимущества РФ.
Брагин Вячеслав Иванович (р. 1939), до избрания народн. деп. РСФСР (1990) — первый секретарь Центрального райкома КПСС в г. Калинине. В 1992—93 — Председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию.
Бразаускас Альгирдас Миколас Казевич (р. 1932), полит, деят., 1-й секретарь ЦК Компартии Литвы (1988—89), Президент Литовской Республики (1993—97).
Бродский Иосиф Александрович
(1940—1997), поэт, лауреат Нобелевской премии (1987), после эмиграции проживал в США.
Буковский Владимир Константинович (р. 1942), писатель, диссидент. Проживает в Англии.
Бунич Павел Григорьевич (р. 1925), полит, деятель, ученый-экономист, народн. деп. СССР (1989-91), деп. Госдумы РФ (фракция НДР).
Бурбулис Геннадий Эдуардович (р. 1945), первый зам. Председателя Правительства РФ (1991—92), Госсекретарь РФ (1992). Народн. деп. СССР (1989-91). Деп. Госдумы РФ.
Бурлацкий Федор Михайлович (р. 1927), журналист, юрист, народн. деп. СССР (1989-91). С 1987 - главный редактор "Литературной газеты".
Бурлюк Давид Давидович (1882— 1967), поэт и художник.
Вавилов Николай Иванович (1887— 1943), биолог, ботаник, генетик, первый Президент ВАСХНИЛ (1929-35).
Васенко Андрей Богданович (1899—1934), член экипажа "Осоавиахим-1".
Ватутин Николай Федорович (1901— 1944), генерал армии, Герой Советского Союза. В годы ВОВ командующий Воронежским, Юго-Западным и 1-м Украинским фронтами.
Веретенников Геннадий Владимирович (р. 1946). До избрания народн. деп. РСФСР (1990) — на

советской работе в Истринском
467
районе Московской области. С августа 1991 — Полномочный представитель Президента РФ в Московской области.
Вернадский Владимир Иванович (1863— 1945), ученый-естествоиспытатель.
Виктюк Роман Григорьевич (р. 1936), театральный режиссер.
Власов Юрий Петрович (р. 1935), олимпийский чемпион, полит, деятель, народи, деп. СССР (1989—91), писатель.
Волков Вячеслав Васильевич (р. 1949), на-родн. деп. РСФСР (1990—93). Накануне октябрьских событий 1993 перешел на работу в Администрацию Президента.
Волкогонов Дмитрий Антонович (1928— 1997), генерал-полковник, бывший зам. начальника Главпура, народн. деп. РСФСР (1990—93), советник Президента. Активно участвовал в событиях 3—4 октября 1993 на стороне властей.
Воробьев Константин Дмитриевич (1919— 1975), писатель.
Воронов Николай Николаевич (1899— 1968), Главный маршал артиллерии, Герой Советского Союза.
Воротынский Михаил Иванович (ок. 1510—1573), князь, воевода. Отличился при взятии Казани.
Габрилович Евгений Иосифович (1899— 1993), киносценарист, педагог.
Гайдар Егор Тимурович (р. 1956), экономист, работал в партийной печати. С конца 1991 возглавил правительство "реформаторов", проводившее курс "шоковой терапии" в экономике. Ныне — председатель партии "Демократический выбор России".
Галифе Гастон, (1830—1909), французский генерал, военный министр.
Гамарник Ян Борисович (1894— 1937), начальник Политуправления РККА (с 1929), заместитель председателя РВС СССР (1930-34).
Гельман Александр Исаакович (р. 1933), писатель-драматург, народн. деп. СССР (1989-91).
Гамсахурдиа Звиад Константинович (1939—1994), поэт, филолог, радикальный демократ. Первый Президент Республики Грузия (1991—92).
Гербер Алла Ефремовна (р. 1932), публицист, деп. Госдумы РФ (1993—95) от "Выбора России".
Гердт Зиновий Ефимович (1916— 1996), актер театра и кино. Активный сторонник Б. Ельцина.
Гермоген (ок. 1530—1612), русский патриарх (1602—12). Канонизирован Русской Православной Церковью.
Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945), поэтесса.
Глазунов Илья Сергеевич (р. 1931), художник, обществ, деятель, ректор Русской академии живописи.
468
Гмыря Борис Романович (1903—1990), солист Киевского оперного театра. Народный артист СССР.
Говоров Леонид Александрович
(1897—1955), Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. В годы ВОВ командующий Ленинградским фронтом.
Говорухин Станислав Сергеевич (р. 1936), кинорежиссер, полит, деят., деп. Госдумы РФ.
Голиков Филипп Иванович (1900—1980), Маршал Советского Союза. В годы ВОВ командовал рядом армий, войсками Брянского и Воронежского фронтов.
Гольданский Виталий Иосифович (р. 1923), ученый-физик, народн. деп. СССР (1989—91).
Горячева Светлана Петровна (р. 1946). До избрания народн. деп. РСФСР (1990) работала в прокуратуре Приморского края. В числе 6 руководителей ВС РСФСР выступила против Б. Ельцина. Зам. председателя Госдумы РФ (фракция КПРФ).
Гранин (Герман) Даниил Александрович (р. 1919), писатель, народн. деп. СССР (1989—91).
Грачев Павел Сергеевич (р. 1948), генерал армии. Командовал ВДВ (1990—91). В августе 1991 перешел на сторону Б. Ельцина. Отдал приказ на обстрел Дома Советов в октябре 1993. Один из инициаторов военного "умиротворения" Чечни. Министр обороны РФ в 1992—96.
Гроссман Василий Семенович (1905— 1964), писатель.
Гумилев Лев Николаевич (1912— 1992), историк, востоковед. Сын Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой.
Гусинский Владимир Александрович (р. 1945), предприниматель, банкир. Президент Российского еврейского конгресса.
Густое Вадим Анатольевич (р. 1948), полит, деятель. Губернатор Ленинградской области (1997—98), первый зам. Председателя Правительства РФ (с 1998).
Гучков Александр Иванович (1862—1936), деп. и с 1910 — председатель 3-й Госдумы. В 1917 — министр Времен, правительства.
Давыдов Юрий Владимирович (р. 1924), писатель.
Данин Даниил Семенович (р. 1914), писатель, литературный критик.
Дементьев Андрей Дмитриевич (р. 1928), поэт. В 80-е — редактор журнала "Юность", ныне —

заведующий корпунктом ВГТРК на Ближнем Востоке (Иерусалим).
Дементьева Наталья Леонидовна (р. 1945), историк, полит, деятель. Министр, зам. министра культуры РФ (1997—98).
Демичев Петр Нилович (р. 1918), парт, и госуд. деят., секретарь ЦК КПСС (1961— 74), министр культуры СССР (1974—86).
Джаримов Аслан Алиевич (р. 1939), полит, деятель. В 1990—91 — первый секретарь Адыгейского обкома Компартии РСФСР. Народн. деп. СССР (1989—91). С 1992 — президент Республики Адыгея.
Джугашвили Яков Иосифович (1908— 1943), сын И. В. Сталина. В 1941 добровольцем ушел на фронт. Погиб в лагере для военнопленных.
Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881), премьер-министр Великобритании, писатель.
Драгунский Давид Абрамович (р. 1910), генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза. В годы ВОВ командовал танковой бригадой.
Дубинин Сергей Константинович (р. 1950). Первый зам. министра финансов РФ (1993— 94). Председатель Центробанка РФ (1995— 98).
Дудаев Джохар Мусаевич (1944—1996). генерал-майор, полит, деятель. Первый Президент Чеченской Республики (1992—96).
Дудин Михаил Александрович (1916— 1993), поэт.
Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918— 1998), писатель.
Дунаев Андрей Федорович (р. 1939), генерал МВД. В августе 1991 назнчен министром внутренних дел РСФСР, в 1992 — зам. министра. В октябре 1993 выступал на стороне защитников Дома Советов.
Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933), поэт, народн. деп. СССР (1989—91).
Егоров Александр Ильич (1883—1939), Маршал Советского Союза, начальник Генштаба Красной Армии (1935—37), 1-й зам. наркома обороны СССР (1937—38).
Ежов Николай Иванович (1895—1940), с февраля 1935 — секретарь ЦК ВКП(б), Генеральный комиссар госбезопасности (1937), нарком внутренних дел СССР (1936—38).
Елизарова-Ульянова Анна Ильинична (1864—1935), парт, и госуд. деятель. Старшая сестра В. И. Ленина.
Елисеев Иван Дмитриевич (1901 —1974), вице-адмирал. В годы ВОВ начальник штаба Черноморского флота.
Емельянов Алексей Михайлович (р. 1935), экономист, сторонник радикальных реформ. Народн. деп. СССР 1989—91, член МДГ, деп. Госдумы (1993—95) от "Выбора России". Ныне ректор Академии госслужбы при Президенте РФ.
Еременко Андрей Иванович (1892—1970), Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. В годы ВОВ командовал рядом армий и фронтов.
Ерин Виктор Федорович (р. 1944), генерал армии, деятель МВД, министр внутренних дел РСФСР (с января 1992). Ныне — зам. директора службы Внешней разведки.
Ерофеев Виктор Владимирович (р. 1947), писатель, критик, член Пен-клуба.
Есенин-Вольпин Александр Сергеевич (р. 1925). В конце 50-х — один из лидеров диссидентского движения. Отбыл несколько сроков в психиатрических заведениях. Эмигрировал в 1972 на Запад.
Ефремов М ихаил Григорьевич (1897— 1942), генерал-лейтенант. С октября 1941 — командующий 33-й армией. Будучи тяжело раненным в бою под Вязьмой и не имея возможности вырваться из окружения, застрелился.
Жалакявичюс Витаутас (1930—1998), кинорежиссер, сценарист.
Жириновский Владимир Вольфович (р. 1946), юрист, полит, деятель, деп. Госдумы РФ, председатель Либерально-демократической партии России.
Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович) (1779—1869), русский генерал.
Жюэн Альфонс (1888—1967), маршал Франции.
Завадский Юрий Александрович (1894— 1977), актер, режиссер, педагог, народный артист СССР.
Завгаев Доку Гапурович (р. 1940), полит, деятель, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС (1986), Председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, Глава Чеченской Республики (1994—96).
Загребельный Павел Архипович (р. 1924), украинский писатель.
Задов Лев Николаевич (Зиньковский Левка) (1881—1942), в гражд. войну — начальник контрразведки у батьки Махно.
Задорнов Михаил Михайлович (р. 1963), один из авторов программы "500 дней", деп. Госдумы РФ первого и второго созывов. С ноября 1997 — министр финансов РФ.
Задорнов Николай Павлович (1909—1992), писатель. Автор многих известных исторических романов.
Зальцман Исаак Моисеевич (р. 1905), крупный организатор производства, директор Кировского танкового завода в Челябинске, в 1942—43 — нарком танковой промышленности. Герой

Социалистического Труда.
Заруцкий Иван Мартынович (?—1614), донской атаман.
Заславская Татьяна Ивановна (р. 1927), экономист и социолог, академик, народн. деп. СССР (1989—91).
Захаров Марк Анатольевич (р. 1933), театральный режиссер. С 1973 — художественный руководитель Театра Ленкома. Радикальный демократ.
Здродовский Павел Феликсович (1890— 1976), микробиолог.
Зимянин Михаил Васильевич (р. 1914), парт, деятель. Главный редактор газеты "Правда" (1965-76). Секретарь ЦК КПСС (1976-87).
Зиновьев Александр Александрович (р. 1922), философ, писатель. В 1978 эмигрировал в ФРГ. Активный критик нынешнего режима в России.
Зомбарт Вернер (1863—1941), немецкий социолог, философ-неокантианец.
469
Зорге Рихард (1895—1944), журналист, разведчик, Герой Советского Союза (1964, посмертно).
Зорькин Валерий Дмитриевич (р. 1943), преподаватель юриспруденции. С ноября 1991 — Председатель Конституционного Суда РСФСР, в 1993 выступил против антиконституционного Указа Президента № 1400. В настоящее время — член Конституционного Суда РФ.
Зюганов Геннадий Андреевич (р. 1944), полит, деятель, член Политбюро ЦК Компартии РСФСР (1989—90), деп. Госдумы РФ, Председатель Президиума ЦК КПРФ.
Иванов Александр Александрович (1936— 1996), поэт-пародист, член писательской Ассоциации "Апрель".
Иванов Юрий Павлович (р. 1944), юрист, адвокат, деп. Госдумы от КПРФ, беспартийный.
Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Александрович) (1891—1981), поэт-имажинист.
Изюмов Юрий Петрович (р. 1932), первый зам. главного редактора "Литературной газеты" (1980—90). Ныне главный редактор газеты "Гласность".
Ильин Александр Алексеевич (р. 1941), парт, журналист, главный редактор газеты "Правда" (с 1994).
Ильюшенко Алексей Николаевич (р. 1951), юрист, начальник ГПУ в Администрации Президента РФ, и. о. Генерального прокурора РФ (1994—95). В настоящее время — под следствием.
Илюмжинов Кирсан Николаевич (р. 1962), полит, деятель, народн. деп. РСФСР (1989—1991). Президент Республики Калмыкия — Хальмг-Тангч (с 1991).
Илюхин Виктор Иванович (р. 1949), юрист, полит, деятель. Будучи начальником Управления Прокуратуры СССР, возбудил уголовное дело против М. С. Горбачева за измену Родине (1989), за что был снят с должности. Деп. Госдумы, председатель Комитета Госдумы по безопасности. После гибели Л. Рохлина возглавил движение в поддержку армии (ДПА).
Исаков Владимир Борисович (р. 1950), полит, деятель, юрист, народн. деп. РСФСР (1990—93), зам. Председателя Верховного Совета РСФСР. Деп. Госдумы РФ (1993—95).
Казакова Римма Федоровна (р. 1932), поэтесса.
Кашнник Алексей Иванович (р. 1941), юрист, народн. деп. СССР (1989—91). Уступил свое место в Верховном Совете Б. Ельцину. Генеральный прокурор РФ (1993—94).
Калашников Сергей Вячеславович (р. 1951), полит, деятель, деп. Госдумы РФ первого и второго созывов (фракция ЛДПР). Министр труда и социального развития РФ (с 1998).
470
Каледин Сергей Евгеньевич (р. 1949), писатель.
Калмыков Юрий Хамзатович (1934—1995), юрист, народн. деп. СССР (1989—91), председатель Комитета ВС по законодательству (1990—91). Министр юстиции РФ (1993—94).
Катан Фанни (Дора) (1893—1918), член партии эсеров. В 1918 совершила покушение на В. И. Ленина.
Каплер Алексей Яковлевич (1904—1979) сценарист, журналист.
Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866), народник. В апреле 1886 покушался на жизнь императора Александра II.
Карпинский Лен Вячеславович (1929— 1993), журналист, редактор журнала "Молодой коммунист", секретарь ЦК ВЛКСМ. Работал в "Правде". Главный редактор "Московских новостей" (1992—93).
Корякин Юрий Федорович (р. 1930), публицист, социолог, народн. деп. СССР (1989-91).
Кафка Франц (1883—1924), австрийский писатель.
Кащенко Петр Петрович (1858/59— 1920), психиатр.
Кедрин Дмитрий Борисович (1907— 1945), поэт.
Кербель Лев Ефимович (р. 1917) скульптор.
Кириенко Сергей Владиленович (р. 1962), полит, деятель. Первый зам. министра топлива и энергетики РФ, и. о. Председателя, Председатель Правительства РФ "младореформа-торов" (март—август 1998).
Кирсанов Семен Исаакович (1908—1973), поэт.

Климов Элем Германович (р. 1933), кинорежиссер, в годы перестройки возглавлял Союз кинематографистов СССР.
Кобец Константин Иванович (р. 1939), генерал армии, назначен министром обороны РСФСР Ельциным после провала ГКЧП. С сентября 1992 — главный военный инспектор Вооруженных Сил РФ. В настоящее время — под следствием.
Кобзев Игорь Иванович (р. 1924), поэт.
Кобзон Иосиф Давыдович (р. 1937), эстрадный певец, народный артист СССР. Народн. деп. СССР (1989—91), деп. Госдумы РФ. Президент АО "Московит".
Ковалев Валентин Алексеевич (р. 1944), юрист. Зам. Председателя Госдумы РФ (1993—95), министр юстиции РФ (1996—97). Снят с должности в связи со скандальным "банным" делом.
Ковалев Иван Владимирович (1901— 1993), генерал-лейтенант. В 1941— 44 — начальник Управления военных сообщений Красной Армии, в 1944—48 — нарком, министр путей сообщения СССР.
Ковалев Сергей Адамович (р. 1930), полит, деятель, народн. деп. РСФСР (1990—93), деп. Госдумы РФ, Председатель Комитета по правам человека при Президенте РФ (1991—93).
Козырев Андрей Владимирович (р. 1951), полит, деятель, дипломат. В октябре 1990 назначен Ельциным министром иностранных дел, деп. Госдумы РФ первого и второго созывов.
Кокошин Андрей Афанасьевич (р. 1945), полит, деятель, ученый. Зам. директора Института США и Канады (1991—92), первый зам. министра обороны РФ (с 1992), Секретарь Совета обороны РФ (1997—98).
Кондратенко Николай Игнатович (р. 1940), полит, деятель. В 1990—91 — председатель Краснодарского краевого Совета народных депутатов. В сентябре 1991 за поддержку ГКЧП указом Президента снят с должности. В 1997 одержал убедительную победу на выборах Главы Администрации Краснодарского края.
Кондратьев Вячеслав Леонидович (1920—1993), писатель.
Кондрашин Кирилл Петрович (1914—1981), дирижер. В 1960—75 — гл. дирижер симфонического оркестра Моск. филармонии.
Кончаловский (Михалков-Кончаловский) Андрей Сергеевич (р. 1937), кинорежиссер.
Копелев Лев Зиновьевич (1912—1997), писатель, диссидент, с 1980 проживал в ФРГ.
Коптюг Валентин Афанасьевич (1931— 1997), ученый, обществ, деятель, председатель Сибирского отделения АН СССР (с 1980). До последнего дня жизни член ЦК КПРФ.
Коржаков Александр Васильевич (р. 1950), генерал-лейтенант, руководитель Службы безопасности Президента РФ. Деп. Госдумы РФ (с 1997).
Коржев (Коржев-Чувелев) Гелий Михайлович (р. 1925), живописец. Народный художник СССР.
Коровников Александр Венедиктович (р. 1955), армейский политработник, народн. деп. РСФСР (1990—93). Президент фонда "Возрождение".
Коротич Виталий Алексеевич (р. 1936), писатель. Активный пропагандист дем. реформ. Главный редактор журнала "Огонек" (1986— 91). Народн. деп. СССР (1989—91). В последние годы живет в основном в США.
Костиков Вячеслав Васильевич (р. 1940), журналист, полит, деятель. Пресс-секретарь Президента РФ (1992—94), затем посол РФ в Ватикане.
Костюковский Яков Аронович (р. 1921), поэт, драматург.
Кох Альфред Рейнгольдович (р. 1961), министр Госкомимущества РФ, зам. Председателя Правительства (1996—98). Его имя связано с рядом финансовых и политических скандалов.
Кравчук Леонид Макарович (р. 1934), го-суд., парт, деятель. С 1970 — в аппарате ЦК КП Украины. Член ЦК КПСС с 1990. Президент Украины (1991—94). Подписант Беловежских соглашений (декабрь 1991).
Красавченко Сергей Николаевич (р. 1940), экономист, зам. главного редактора журнала "Вопросы экономики" (до 1990). Народн. деп. РСФСР (1990—93). Радикальный демократ.
Крейзер Яков Григорьевич (1905— 1969), генерал армии, Герой Советского Союза. В годы ВОВ командующий рядом армий.
Крон (Крейн) Александр Александрович (1909—1983), писатель.
Крючков Владимир Александрович (р. 1924), генерал армии. С 1967 — в органах госбезопасности, председатель КГБ СССР (1988—91). В августе 1991 вошел в состав ГКЧП, подвергся аресту.
Кузнецов Николай Иванович (1911—1944), разведчик. Герой Советского Союза.
Кузнецов Федор Исидорович (1898—1961), генерал-полковник. В годы ВОВ командовал войсками Северо-Западного, Центрального фронтов.
Кузовлева Татьяна Витальевна (р. 1939), поэтесса.
Кулик Геннадий Васильевич (р. 1935), полит, деятель. В правительстве И. Силаева курировал сельское хозяйство, деп. Госдумы РФ (1995—98), зам. Председателя Правительства РФ (с 1998).
Куликов Анатолий Сергеевич (р. 1946), генерал армии. В 1995 — руководитель Объединенного командования группы войск в Чечне. С 1995 — министр внутренних дел РФ, в 1997—98 — зам. Председателя Правительства. Ныне входит в движение "Отечество".

Кунадзе Георгий Фридрихович (р. 1948), дипломат. В 1983—87 — атташе посольства СССР в Японии, с 1991 — зам. министра иностранных дел. Вел переговоры о возвращении Японии 4-х островов Курильской гряды.
Куняев Станислав Юрьевич (р. 1932), поэт, критик. Главный редактор журнала "Наш современник" (с 1989).
Курганов (Эстеркин) Оскар Иеремеевич (1907—1997), писатель. Автор сценария фильма-эпопеи "Освобождение" (1970—72).
Куркова Белла Алексеевна (р. 1939), тележурналист, продюсер. Народн. деп. РСФСР (1990—93), радикальный демократ. Руководитель 5-го канала TV.
Куросава Акира (1910—1998), японский кинорежиссер, сценарист.
Куусинен Отто Вильгельмович (1881— 1964), парт, и госуд. деятель. Председатель Президиума ВС Карело-Финской ССР, зам. Председателя Президиума ВС СССР (1940—56). Секретарь ЦК КПСС (с 1957).
Кушнер Александр Семенович (р. 1936),
Лакшин Владимир Яковлевич (1933— 1993), литературный критик, редактор журнала "Иностранная литература" (1991—92).
Ландау Лев Давидович (1908—1968), ученый, академик. Лауреат Нобелевской премии.
471
Ландсбергис Витаутас (р. 1932), музыковед, полит, деятель. Возглавлял движение за перестройку "Саюдис" (с 1988). Глава Литовского государства (1991—93).
Лахова Екатерина Филипповна (р. 1948). До избрания народи, деп. РСФСР (1990
— медработник из Свердловска. Советник Президента РФ, деп. Госдумы первого и второго созывов.
Лацис Отто Рудольфович (р. 1934). Первый зам. главного редактора журнала "Коммунист" (1986—91), обозреватель "Известий" (с 1991). Член ЦК КПСС (1990—91). Зам. главного редактора "Новых Известий".
Лебедь Александр Иванович (р. 1950), генерал-лейтенант. В августе 1991 перешел на сторону Б. Ельцина. С 1992 командарм 14-й армии. Деп. Госдумы РФ (1995—96), секретарь Совета Безопасности РФ (1996). Губернатор Красноярского края (с 1998).
Лееитанский Юрий Давидович (р. 1922), поэт, переводчик.
Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), философ, писатель.
Лившиц Александр Яковлевич (р. 1946), экономист, полит, деятель. Помощник Президента РФ (1994 — 96), министр финансов (1996—97), зам. руководителя Администрации Президента РФ (1997—98).
Лимонов (Савенко) Эдуард Вениаминович (р. 1943), писатель. Вернулся из эмиграции в Россию в 1991, возглавляет Национал-большевистскую партию.
Листьев Владислав Николаевич (1957—1995), тележурналист. С января 1995
— генеральный директор ОРТ. Убит при невыясненных обстоятельствах.
Лихачев Дмитрий Сергеевич (р. 1906), ученый-филолог, обществ, деятель. Народн. деп. СССР (1989—91). Герой Соц. Труда, лауреат Сталинской премии (1952), лауреат Государственной премии (1969). В 1996 награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного за № 1.
Лобанов Михаил Петрович (р. 1925), литературный критик.
Лобов Олег Иванович (р. 1937), полит, деятель. В 1989—91 — 2-й секретарь ЦК КП Армении. В августе 1991 поддержал Б. Ельцина. Первый зам. Председателя Правительства РФ (1993). Постоянный представитель Президента РФ в Чеченской Республике (1994-95).
Лужков Юрий Михайлович (р. 1936), полит, деятель. В 1987—90 — первый зам. председателя Исполкома Моссовета, в 1991—92
— вице-мэр Москвы, с июня 1992 — мэр Москвы. Возглавляет общественно-политическое движение "Отечество" (с декабря 1998).
Любимов Юрий Петрович (р. 1917), актер, режиссер. Художеств, руководитель Театра на Таганке.
472
Макаров Андрей Михайлович (р. 1954), адвокат, полит, деятель. Занимал руководящие должности в президентских и правительственных структурах. Деп. Госдумы РФ первого и второго созывов.
Макаров Николай Иванович (р. 1943), прокурор Саратовской области, возглавлял специальную прокурорскую комиссию, утвержденную на Съезде народных депутатов РСФСР, по расследованию фактов коррупции высших должностных лиц (1993).
Макашов Альберт Михайлович (р. 1938), генерал-полковник, полит, деятель. Командующий Уральского (1989), Приволжско-Уральского военных округов (1989—91). В октябре 1993 — организатор защиты Дома Советов. Деп. Госдумы (фракция КПРФ).
Максимов Владимир Емельянович (1930—1995), писатель, редактор, общественный деятель. В 1974 эмигрировал в Париж. Выступал непримиримым противником нынешнего режима в России.
Мандельштам Надежда Яковлевна (1899— 1980), писательница, жена поэта О. Мандельштама. Автор мемуаров "Воспоминания", "Вторая книга".

Маневич (Этьен) Лев Ефимович (1898— 1945), советский военный разведчик, полковник, Герой Советского Союза.
Маннергейм Карл Густав (1867— 1961), барон, главнокомандующий финской армией в войнах с СССР (1939—40 и 1941—44).
Маркузе Герберт (1898—1979), немецкий философ и социолог.
Мартемьянов Валентин Семенович (1932—1995), юрист, профессор. Отстаивал в Конституционном Суде интересы КПСС. Деп. Госдумы РФ от фракции КПРФ. Погиб от нанесенных побоев.
Мартынов Леонид Николаевич (1905— 1980), поэт.
Марченко Анатолий Тихонович (1938— 1986), писатель, диссидент, член правозащитной Хельсинкской группы. Отбывал наказание за антисоветскую деятельность. Умер в тюрьме.
Маслюков Юрий Дмитриевич (р. 1937), полит, и госуд. деятель. В 80-е — Председатель Госплана СССР, зам. Председателя СМ СССР. Деп. Госдумы РФ (1995—98). С 1998 — 1-й зам. Председателя Правительства РФ.
Матвиенко Валентина Ивановна (р. 1949), госуд. деятель, дипломат. До 1989 — зам. Председателя Исполкома Ленгорсовета. Возглавляла Комитет ВС СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства (1989—91). Затем посол СССР, РФ в Республике Мальта, посол в Греческой Республике. С 1998 — зам. Председателя Правительства РФ.
Матюхин Леонид Иванович (р. 1939), начальник Горьковской железной дороги. Народн. деп. СССР (1989—91).
Медведев Вадим Андреевич (р. 1929), экономист, парт, деятель. Секретарь ЦК КПСС (с 1986), член Политбюро ЦК КПСС (с 1988). Активный сподвижник М. Горбачева, ныне работает в его Фонде.
Медведев Рой Александрович (р. 1925), историк, писатель. Народн. деп. СССР (1989—91).
Медведев Николай Павлович (р. 1952), до избрания народн. деп. РСФСР (1990) на партийной работе в Мордовии. В апреле 1990 исключен из партии. Накануне октябрьских событий 1993 перешел на работу в Администрацию Президента. Деп. Госдумы РФ.
Медем Николай Васильевич (1796—1870), барон, русский военный теоретик, генерал от артиллерии.
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866— 1941), философ, писатель. После Октябрьской революции жил в эмиграции в Париже.
Местр Жозеф Мари дс (1753—1821), граф, французский полит, деятель.
Мехлис Лев Захарович (1889—1953), генерал-полковник, начальник Главного Политуправления Вооруженных Сил (1937—40 и с 1941), нарком Госконтроля СССР (1940).
Миних Бурхард Кристоф (1683— 1767), граф, военный и госуд. деятель.
Миронова Мария Владимировна (1911— 1997), артистка эстрады, театра и кино. Активная сторонница Б. Ельцина.
Михайлов Алексей Юрьевич (р. 1963), экономист, один из авторов программы "500 дней". Деп. Госдумы РФ (фракция "Яблоко").
Михалков Никита Сергеевич (р. 1945), кинорежиссер, актер, обществ, деятель, руководитель Российского фонда культуры, возглавляет Союз кинематографистов РФ (с 1998). Деп. Госдумы от НДР.
Морозов Павлик (Павел Трофимович) (1918—1932), юный участник борьбы с кулачеством в Свердловской области. Председатель пионерского отряда с. Герасимовка. Зверски убит кулаками.
Мравинский Евгений Александрович (1903—1988), дирижер, народный артист СССР.
Мурашов Аркадий Николаевич (р. 1950), физик, народн. деп. СССР (1989—91), член МДГ. Радикальный демократ. В 1993 — начальник ГУВД г. Москвы.
Мухин Юрий Игнатьевич (р. 1948), гл. редактор оппозиционной газеты "Дуэль".
Набоков Владимир Владимирович (1899-1977), писатель.
Нагибин Юрий Маркович (1920— 1994), писатель. Пропагандист радикальных дем. реформ.
Назым Хикмет Ран (1902—1963), турецкий поэт, коммунист. С 1951 жил в СССР.
Наровчатов Сергей Сергеевич (1919— 1981), поэт, редактор, обществ, деятель.
Нарусова Людмила Борисовна (р. 1951), жена А. Собчака, деп. Госдумы от НДР.
Невзоров Александр Глебович (р. 1958), тележурналист. Автор известной передачи "600 секунд". Выступал с разоблачением нынешнего режима. Деп. Госдумы первого созыва.
Неизвестный Эрнст Иосифович (р. 1925), скульптор. В начале 60-х подвергался резкой критике за формализм в искусстве. Эмигрировал из СССР в 1976.
Некрасов Виктор Платонович (1911— 1987), писатель. За повесть "В окопах Сталинграда" удостоен Сталинской премии. С 1974 жил в эмиграции в Париже.
Некрошюс Эймунтас (р. 1952), режиссер Молодежного театра Литвы.
Немцов Борис Ефимович (р. 1959), полит, деятель. До избрания народн. деп. РСФСР в 1990 — сотрудник Горьковского НИИ радиофизики. В 1991 — Представитель Президента в Нижегородской области, с декабря 1991 — Глава Администрации Нижегородской области.

Первый вице-премьер в правительстве "младореформаторов" (1997—98).
Ненашев Михаил Федорович (р. 1929), полит, деятель, редактор. Главный редактор "Советской России" (1978—86). Председатель Госкомпечати СССР (1986—89). Председатель Госкомитета по телевидению и радиовещанию (1989—90). Министр печати и информации СССР (1990—91).
Новак Григорий Иремович (1919—1980), заслуженный мастер спорта (тяжелая атлетика). Серебряный призер Олимпийских игр (1952). Неоднократный чемпион СССР.
Новодворская Валерия Ильинична (р. 1950), филолог, переводчица, полит, деятель. Возглавляет партию "Демократический союз". Антикоммунистка.
Нуйкин Андрей Александрович (р. 1931), журналист. Активный пропагандист радикальных реформ. Деп. Госдумы РФ от НДР.
Нурпеисов Абдижамил Каримович (р. 1924), казахский писатель.
Окуджава Булат Шалвович (1924—1997), поэт, писатель. Активный сторонник режима.
Олейник Борис Ильич (р. 1935), поэт, полит, деятель. Народн. деп. СССР (1989—91) от КПСС.
Олеша Юрий Карлович (1899— 1960), писатель.
Орлов Юрий Федорович (р. 1924), ученый, правозащитник, член Хельсинкской правозащитной группы. После выдворения из СССР жил в США.
Ортега-и-Гассет Хосе (1883—1955), испанский философ и публицист.
Оскоцкий Валентин Дмитриевич (р. 1931), критик, журналист. Работал в парт, печати. С 1991 — сторонник радикальных демократических реформ.
Остерман Андрей Иванович (1686—1747), граф, член Верховного Тайного совета при правлении Анны Иоанновны.
473
Павлов Дмитрий Григорьевич (1897— 1941), генерал армии. Герой Советского Союза. В начале ВОВ командовал войсками Западного фронта.
Памфилова Элла Александровна (р. 1953), полит, деятель. Избрана народн. деп. СССР (1989) от профсоюзов. Активная сподвижница Б. Ельцина. Министр социальной защиты населения в правительстве Е. Гайдара (1991—92). Деп. Госдумы РФ.
Пастернак Борис Леонидович (1890— 1960), поэт, писатель. Лауреат Нобелевской премии (1958).
Петров Владимир Михайлович (1896— 1966), кинорежиссер, сценарист. Народный артист СССР.
Петров Николай Арнольдович (р. 1943), пианист, народный артист России. Сторонник радикальных демократических реформ.
Пивоваров Николай Дмитриевич (р. 1938), полит, деятель. До 1989 — председатель Ростовского областного Совета народных депутатов. Народн. деп. СССР (1989—91).
Пильняк (Вогау) Борис Андреевич (1894—1938), писатель.
Подопригора Владимир Николаевич (р. 1954). До избрания народн. деп. РСФСР в 1990 — зам. председателя исполкома Мож-гинского горсовета Удмуртской ССР. Накануне октябрьских событий 1993 перешел на работу в Аппарат Президента.
Поженян Григорий Михайлович (р. 1922), поэт-песенник.
Познер Владимир Владимирович (р. 1934), тележурналист. Родился в Париже, вырос в США в богатой семье. В 1952 при Сталине в возрасте 18 лет вернулся с семьей в СССР.
Полозков Иван Кузьмич (р. 1935). С 1985
— первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС. Народн. деп. РСФСР (с 1990), один из создателей Компартии РСФСР, ее первый секретарь (1990—91).
Полторанин Михаил Никифорович (р. 1939), журналист, полит, деятель. Работал в парт, печати. Один из ближайших сподвижников Б. Ельцина. Министр печати (1991—93). Руководитель Федерального информационного центра (1993). Народн. деп. СССР (1989-91). Деп. Госдумы (1993—95).
Поляничко Виктор Петрович (1937—1993). До 1991 — на парт, работе. В 1993 — вице-премьер Правительства РФ, Глава Временной Администрации в зоне осетино-ингушского конфликта. Погиб в 1993 в результате теракта.
Пономарев Лев Александрович (р. 1941). До избрания народн. деп. РСФСР (1990)
— сотрудник Института теоретич. и эксперимент, физики. Сопредседатель Свободной Демократической партии России.
Попов Гавриил Харитонович (р. 1936), экономист, полит, деятель. Редактор журнала "Вопросы экономики" (1988). Народн. деп.
474
СССР, один из лидеров МДГ. Председатель Моссовета (1990—91), мэр Москвы (1991—92).
Попцов Олег Максимович (р. 1934), журналист. Был на комсомольской работе. Редактировал журнал "Сельская молодежь". Один из ближайших сподвижников Б. Ельцина. Народн. деп. РСФСР (1990—93). Председатель ВГТРК (1992-95).
Потанин Владимир Олегович (р. 1961). Был секретарем комитета ВЛКСМ МГИМО, с 1993 — президент ОНЭКСИМ Банка. Активно поддерживал переизбрание Б. Ельцина. В 1996—97 — зам. Председателя Правительства РФ.

Починок Александр Петрович (р. 1958), экономист, полит, деятель. Народн. деп. РСФСР (1990—93). С сент. 1993 назначен зам. министра финансов 'РФ. Деп. Госдумы (1995—97). Руководитель Госуд. налоговой службы РФ (1997—98).
Примаков Евгений Максимович (р. 1929), госуд. деятель, академик. Директор Института МЭ и МО АН СССР (1985—89). Директор службы Внешней разведки (1991—96). Министр иностранных дел РФ (с 1996), Председатель Правительства РФ (с авг. 1998).
Приставкин Анатолий Игнатович (р. 1931), писатель, возглавляет Комиссию по помилованию при Президенте РФ.
Проханов Александр Андреевич (р. 1938), писатель, обществ, деятель. Главный редактор газеты "Завтра".
Пуго Борис Карлович (1937—1991), парт, и госуд. деятель. Председатель КПК при ЦК КПСС (1988—90), министр внутренних дел СССР (с 1990). Входил в состав ГКЧП.
Пятаков Георгий Леонидович (1890— 1937), госуд., парт, деятель. Член ЦК партии (1923—27, 1930—36). Член ЦИК СССР.
Радек Карл Бернгардович (1885—1939), парт, публицист. В 1919—24 — член ЦК РКП(б), член Исполкома Коминтерна.
Радзинский Эдвард Станиславович (р. 1936), писатель, драматург.
Разгон Лев Эммануилович (р. 1908), писатель. В годы перестройки стал радикальным демократом. В 1998 награжден орденом "За заслуги перед Отечеством".
Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892—1939), госуд. и военный деятель, дипломат. Командующий Балт. флотом (1920—21). Был полпредом в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии.
Распутин Валентин Григорьевич (р. 1937), писатель, публицист. Народн. деп. СССР (1989—91). Обществ, деятель, представляющий патриотическую оппозицию.
Резун Владимир Богданович (Суворов Виктор Александрович), майор ГРУ. Перебежал на Запад в 1972.
Рейснер Лариса Михайловна (1895—1926), писательница. В годы гражданской войны — политработник Красной Армии.
Рекемчук Александр Евсеевич (р. 1932), писатель, руководитель частной издательской фирмы "ПИК".
Решетовская Наталья Алексеевна (р. 1914), кандидат наук, первая жена А. Солженицына.
Родионов Игорь Сергеевич (р. 1937), генерал армии. В конце 80-х — командующий Закавказским военным округом. Министр обороны РФ (1996—97). Резко критиковал военную политику Президента.
Рождественский Роберт Иванович (1932—1994), поэт, обществ, деятель. Лауреат Государственной премии.
Романов Анатолий Александрович (р. 1948), генерал-полковник, бывший зам. командующего внутренними войсками.
Россель Эдуард Эргардович (р. 1937), строитель, полит, деятель. Председатель Свердловской областной думы (1994—95). Губернатор Свердловской области (с 1995).
Рохлин Лев Яковлевич (1947—1998), генерал-лейтенант, полит, деятель. Воевал в Афганистане, участник освобождения г. Грозного в 1994. Отказался от звания Героя России. Деп. Госдумы РФ (1995—98), возглавлял движение в поддержку армии. Убит при невыясненных обстоятельствах.
Румянцев Олег Германович (р. 1961), до избрания народ, деп. РСФСР (1990—93) работал в Институте экономики мировой соц. системы. С 1991 — ответств. секретарь Конституционной комиссии ВС РСФСР.
Руцкой Александр Владимирович (р. 1947), генерал-майор, Герой Советского Союза (1988), полит, деятель. Вице-президент РФ (1991—93). В сентябре 1993 на съезде в осажденном Доме Советов избран и. о. Президента РСФСР. С 1997 — губернатор Курской области.
Рыдз-Смиглы Эдвард (1886—1941), маршал, фактически диктатор Польши (с 1935).
Рыжков Николай Иванович (р. 1929), госуд. деятель. Возглавлял Правительство СССР в 1985—91. Народн. деп. СССР (1989— 91). Руководитель фракции "Народовластие".
Рыков Алексей Иванович (1881— 1938), госуд. и парт, деятель. Председатель СНК СССР (1924-30).
Рютин Мартемьян Никитич (1890— 1937), активный участник революции. В 20-е — на парт, работе. Репрессирован за свою работу — "Сталин и кризис пролетарской диктатуры" ("платформа Рютина").
Рябов Николай Тимофеевич (р. 1946), до избрания народн. деп. РСФСР (1990) — зам. директора сельхозтехникума в Ростовской области. Председ. Совета Республики ВС РСФСР (1991—93). Накануне октябрьских событий 1993 назначен председателем Центральной избирательной комиссии (1993—96). Ныне — посол РФ в Чехии.
Рязанов Эльдар Александрович (р. 1927), кинорежиссер. Народный артист СССР. В 1996 активно агитировал за переизбрание Б. Ельцина президентом.

Савельев Владимир Семенович (1934— 1998), поэт.
Салье Марина Евгеньевна (р. 1934), народн. деп. РСФСР (1990—93) сопредседатель Свободной Демократической партии России.
Сагдеев Роальд Зиннурович (р. 1932), ученый-физик, академик. Директор Института физики высоких температур АН СССР (1973—88). Руководитель ряда международных космических проектов. Народн. деп. СССР (1989). С 1990 - проживает в США.
Саенко Геннадий Васильевич (р. 1945), до избрания народн. деп. РСФСР (1990) — секретарь Курского обкома КПСС. Был среди защитников Дома Советов.
Салуцкий Анатолий Самуилович (р. 1938), публицист.
Сорное Венедикт Михайлович (р. 1927), критик, литературовед.
Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989), физик-теоретик, академик, обществ, деятель, трижды Герой Соц. Труда. Народн. деп. СССР (1989), член МДГ. Лауреат Нобелевской премии (1975).
Селезнев Геннадий Николаевич (р. 1946), полит, деятель, журналист. Главный редактор "Комсомольской правды" (1980—88), "Учительской газеты" (1988—91), "Правды" (1992—93). Председатель Госдумы РФ (с 1996). Член Президиума ЦК КПРФ.
Селюнин Василий Илларионович (1927— 1994), публицист, экономист. В 80-е — активный пропагандист радикальных реформ. Деп. Госдумы (1993) от "Выбора России".
Сергеев Игорь Дмитриевич (р. 1938), Маршал Российской Федерации. Главком Ракетными войсками стратегического назначения (1992—97), министр обороны РФ (с мая 1997).
Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин) (1754 (по др. данным — 1759) — 1833), один из наиболее почитаемых в Русской Православной Церкви святых.
Силаев Иван Степанович (р. 1930), зам. Председателя СМ СССР (1985—90). Председатель СМ РСФСР (1990—91).
Синявский (псевд. Абрам Терц) Андрей Донатович (1925—1997), писатель-диссидент. С 1973 жил в Париже. Выступал с критикой нынешнего режима в России.
Скоков Юрий Владимирович (р. 1938). В 1990—91 — ген. директор НТО "Квант", первый зам. Председателя СМ РСФСР. Будучи Секретарем Совета Безопасности РФ, в сентябре 1993 отказался визировать антиконституционный Указ Президента РФ № 1400 и подал в отставку.
Слободкин Юрий Максимович (р. 1939), юрист. До избрания народн. деп. РСФСР (1990) — председатель Солнечногорского горсуда Московской области. В Верховном Совете занимал антиельцинскую позицию, активно

выступал против проекта Конституции 1993 года.
Смеляков Ярослав Васильевич (1913— 1972), поэт.
Снегур Мирча Иванович (р. 1940). С 1985
— секретарь ЦККП Молдавии, с апреля 1990
— председатель ВС Молдавской ССР, в 1990—97— Президент республики Молдавии.
Собчак Анатолий Александрович (р. 1937), юрист, радикальный демократ. Народн. деп. СССР (1989—91), член МДГ, активный сподвижник Б. Ельцина. Мэр Санкт-Петербурга (1991—96). Ныне, скрываясь от прокуратуры, проживает в Париже.
Солженицын Александр Исаевич (р. 1918), писатель. Лауреат Нобелевской премии (1970). С 1974 жил за границей; вернулся в Россию в 1994. Резко критикует нынешнюю власть. Отказался принять награду Президента — орден Святого апостола Андрея Первозванного (1998).
Соловейчик Симон Львович (1930—1996), публицист. Главный редактор "Учительской газеты".
Солоухин Владимир Алексеевич (1924— 1996), писатель.
Сосковец Олег Николаевич (р. 1949), госуд. деятель. Работал на Карагандинском металлург, комбинате (1971—91), министр металлургии СССР (1991), первый зам. Премьер-министра РФ (1994—96).
Софронов Анатолий Владимирович (1911—1990), писатель, драматург. Главный редактор журнала "Огонек" (1953—86).
Станкевич Сергей Борисович (р. 1954). До избрания народн. деп. СССР (1989) работал в Институте истории АН СССР. Член МДГ. Зам. председателя Моссовета (1990—92). С сентября 1992 — советник Президента РФ. Ныне скрывается от органов прокуратуры в Польше.
Старовойтова Галина Васильевна (1946—1998). До избрания народн. деп. СССР (1989) работала в Институте этнографии АН СССР. Член МДГ. Депутат Госдумы РФ первого и второго созывов. Сопредседатель партии "Демократическая Россия". Убита при невыясненных обстоятельствах.
Степанков Валентин Георгиевич (р. 1951). До избрания народн. деп. РСФСР (1990)
— прокурор Хабаровского края. Генеральный прокурор РФ (1992—93). Замешан в ряде скандальных историй. Деп. Госдумы.
Степашин Сергей Вадимович (р. 1952). До избрания народн. деп. РСФСР (1990) преподавал в Ленинградском Высшем политическом училище МВД СССР. С 1992 — зам. министра безопасности РФ, в 1995—97 — директор ФСБ. С июня 1997 — министр юстиции РФ. Министр внутренних дел РФ (с 1998).

Судоплатов Павел Анатольевич (1907— 1997), генерал-лейтенант НКВД.
Тарасов Артем Михайлович (р. 1950), до избрания народн. деп. РСФСР (1990) — ди-

ректор внешнеэкономической ассоциации "Исток". Замешан в финансовых аферах, связанных с чеками "Урожай-90". До 1993 скрывался в Англии. В декабре 1993 стал деп. Госдумы РФ. Ныне проживает за границей.
Татлин Владимир Евграфович (1885— 1953), живописец, график.
Терехов Станислав Николаевич (р. 1955). В 1991 создал Союз офицеров, в 1992 уволен из Вооруженных Сил за "служебное несоответствие". В качестве председателя Союза офицеров входит в руководство движения "Трудовая Москва".
Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900—1981), биолог, генетик. Главный герой романа Д. Гранина "Зубр".
Тихонов Владимир Александрович (1927— 1994), экономист, академик ВАСХНИЛ. Активный сторонник радикальных реформ. Народн. деп. СССР (1989-91).
Тойнби Арнольд Джозеф (1889—1975), английский историк и социолог.
Толстая Татьяна Никитична (р. 1951), писательница. Внучка А. Н. Толстого.
Томко Егор Андреевич (р. 1935), вице-адмирал, Герой Советского Союза (1978). Был командиром соединения подводных лодок, затем — начальник Ленинградского военно-морского училища подводного плавания. Открыто выступал с обличениями мэра А. Собчака.
Тулеев Аман-гельды Молдагазыевич (р. 1944). До избрания народн. деп. РСФСР (1990) — председатель Кемеровского областного Совета народных депутатов. С 1997
— губернатор Кемеровской области. *Тухачевский* Михаил Николаевич (1893—
1937), Маршал Советского Союза. С 1936
— зам. министра обороны СССР.
Умалатова Сажи Зайндиновна (р. 1953). До избрания народн. деп. СССР (1989)
— бригадир машиностроительного завода в Грозном. Ныне — председатель постоянного Президиума Съезда народн. деп. СССР, председатель Партии мира и согласия.
Уражцев Виталий Георгиевич (р. 1944), подполковник. До избрания народн. деп. РСФСР (1990) преподавал в военных училищах. В октябре 1993 был среди защитников Дома Советов.
Уринсон Яков Моисеевич (р. 1944). Работал в Госплане (1972—93). Первый зам. министра экономики РФ (в ранге министра) (1994—97). С марта 1997 по апрель 1998
— зам. Председателя Правительства РФ, министр экономики РФ.
Урусевский Сергей Павлович (1908—1974), кинооператор.
Усыскин Илья Давидович (1910—1934), член экипажа стратостата "Осоавиахим-1".
У ханов Иван Сергеевич (р. 1940), писатель.
Федоров Борис Григорьевич (р. 1958), экономист-финансист. В 1989—90— консультант ЦК КПСС. В 1990 — министр финансов РСФСР. С декабря 1992 — зам. Председателя Правительства РФ, а с марта 1993 — министр финансов России. С мая по сентябрь 1998 возглавлял Государственную налоговую службу России.
Федоров Святослав Николаевич (р. 1927), изестный офтальмолог, предприниматель, полит. деятель. Народн. деп. СССР (1989—91). Деп. Госдумы РФ. Председатель партии самоуправления трудящихся.
Федосеенко Павел Федорович (1898—1934), командир стратостата "Осоавиахим-1".
Федотов Михаил Александрович (р. 1949), юрист, полит, деятель. Активный сподвижник Б. Ельцина. Министр печати и информации РФ (1992—93).
Филатов Сергей Александрович (1936). До избрания народн. деп. РСФСР (1990) — зав. отделом ВНИИ металлургии. В 1990—93 — секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР. Накануне событий 3—4 октября 1993 возглавил Администрацию Президента.
Филби Ким (Гаролд Адриан Расселл) (1912—1988), английский разведчик, работал по идейным мотивам на Советский Союз.
Хакамада Ирина Муцуовна (р. 1956), полит, деятель. Работала экономистом на Российской товарно-сырьевой бирже. Деп. Госдумы РФ (1996—98), председатель Госуд. Комитета по поддержке малого предпринимательства (1998).
Хасбулатов Руслан Имранович (р. 1942), экономист, полит, деятель. Работал в ЦК ВЛКСМ, преподавал в ВУЗе. Председатель Верховного Совета РСФСР (1990—93). 3—4 октября 1993 до конца оставался среди защитников Дома Советов.
Хижа Георгий Степанович (р. 1938), госуд. деятель, ученый. В 1992—93 — зам. Председателя Совета Министров РСФСР.
Хозин Михаил Семенович (1896—1979), генерал-полковник. В годы ВОВ — командующий 54-й Армией, Особой группой войск Северо-Западного фронта.
Христенко Виктор Борисович (р. 1957), полит, деятель. В 1997 — Полномочный представитель Президента в Челябинской области, с 1998 — зам. Председателя Правительства, ныне — зам. министра финансов.

Чернавин Вадим Николаевич (р. 1928), адмирал флота. Герой Советского Союза. В 1985-91 — командующий ВМФ СССР. Народн. деп. СССР (1989—91).
Черниченко Юрий Дмитриевич (р. 1929), публицист. Многие годы работал в парт, печати. Радикальный демократ. Возглавляет (с 1991) Крестьянскую партию России.
Черномырдин Виктор Степанович (р. 1938), полит, деятель. В 1978—82 работал в ЦК КПСС, в 1986—89 — министр газовой про-
мышленности СССР, в 1989—92 возглавлял "Газпром". С декабря 1992 по март 1996 — Председатель Правительства РФ. Лидер движения "Наш дом — Россия" (с 1996).
Чубайс Анатолий Борисович (р. 1955), полит, деятель. В 1990—91 — зам. пред. Ленгорисполкома. С ноября 1991 — председатель Госкомимущества РФ. Автор грабительской "чековой" приватизации. С 1992 — зам. Председателя Правительства РФ, с 1996 возглавлял Администрацию Президента.
Чудакова Мариэтта Омаровна (р. 1937), литературовед. Радикальный демократ.
Чуев Феликс Иванович (р. 1941), поэт.
Чу лаки Михаил Михайлович (р. 1941), писатель. Председатель писательской организации Санкт-Петербурга.
Чуянов Алексей Семенович (1905—1977), 1-й секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) (1938-46).
Шабдурасулов Игорь Владимирович (р. 1952). Руководитель Департамента культуры и печати Правительства РФ (до 1998), зам. руководителя Администрации Президента РФ. Ныне — ген. директор ОРТ.
Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888— 1982), писательница, лауреат Госуд. премии.
Шаккум Мартин Люцианович (р. 1951), президент Международного фонда экономических и социальных реформ.
Шапошников Борис Михайлович (1882—1945), Маршал Советского Союза, зам. наркома обороны СССР (1937—43).
Шапошников Евгений Иванович (р. 1942), Маршал Советского Союза, полит, деятель. Командующий ВВС страны (с 1990). В августе 1991 перешел на сторону Б. Ельцина и назначен министром обороны СССР. В последнее время — помощник Президента РФ.
Шаталин Станислав Сергеевич (1934— 1994), академик-секретарь отделения экономики АН СССР. Один из создателей экономической программы "500 дней". Член ЦК КПСС (1990—91). Народн. деп. СССР (1989—91). С 1991 — сопредседатель Российского движения демократических реформ.
Шатров (Маршак) Михаил Филиппович (р. 1932), драматург.
Шафаревич Игорь Ростиславович (р. 1923), ученый-математик, историк, академик. Лауреат Ленинской премии (1958). С конца 60-х активно участвовал в движении за права человека, был близок к Солженицыну. В 1993 входил в состав Политсовета Фронта национального спасения.
Шафраник Юрий Константинович (р. 1952), инженер-нефтянник. В 1990 — председатель Тюменского облсовета народн. деп., в 1991 назначен Главой администрации области, в 1993—96 — министр топлива и энергетики РФ.
Шахназаров Георгий Хосроевич (р. 1924), парт, деятель, академик. Пом. Генсека ЦК

КПСС (с 1988), Президента СССР (с 1990). С 1992 — в Фонде Горбачева.
Шахрай Сергей Михайлович (р. 1956), юрист, полит, деятель. До избрания народн. деп. РСФСР (1990) — зав. лабораторией МГУ. Занимал высокие посты в правительстве (министр по делам национальностей, зам. Председателя Правительства), в Администрации Президента РФ (зам. Руководителя Администрации). Представлял президентскую сторону в Конституционном Суде по делу КПСС. Один из разработчиков документов Беловежских соглашений 1991 г.
Шашвиашвили Иван Арчилович (р. 1961), кемеровский шахтер. Народн. деп. РСФСР (1990—93). В октябре 1993 защищал в Доме Советов законно избранную власть. Ныне — сопредседатель Партии мира и согласия.
Швед Владислав Николаевич (р. 1947), секретарь Временного ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС) (1988—91).
Шевелева Екатерина Васильевна (1916— 1997), поэтесса.
Шейнин Лев Романович (1906—1967), писатель, старший следователь Прокуратуры СССР по особо важным делам (1934—50).
Шейнис Виктор Леонидович (р. 1931). До избрания народн. деп. РСФСР (1990) — сотрудник Института МЭ и МО АН СССР. Деп. Госдумы от фракции "Яблоко".
Шилов Александр Максович (р. 1943), художник, народный художник СССР.
Шкловский Виктор Борисович (1893— 1984), писатель, литературовед.
Шохин Александр Николаевич (р. 1951), полит, деятель. В 1991 — министр труда РСФСР. Зам. Председателя Правительства РФ (1991—92, 1993—94), министр экономики РФ (1994). Деп. Госдумы РФ, до декабря 1998

— лидер фракции НДР.
Шульгин Василий Витальевич (1878—1976), монархист. После Октябрьской революции — один из организаторов борьбы против Советской власти.
Шумейко Владимир Филиппович (р. 1945), полит, деятель. Народн. деп. РСФСР (1990— 92), зам. Председателя Верховного Совета РФ (1991—92), первый зам. Председателя Правительства РФ (1992), Председатель Совета Федерации РФ (1993—95). Ныне — председатель движения "Реформы — новый курс".
Шумилов Михаил Степанович (1895— 1975), генерал-полковник, Герой Советского Союза. Участник героической обороны Сталинграда.
Эйдельман Натан Яковлевич (1930— 1989), писатель, историк.
Эймс Олдрич (р. 1933), сотрудник ЦРУ. В 1985 г. завербован КГБ и работал на нашу разведку. Арестован в 1994 и приговорен к пожизненному тюремному заключению.
Явлинский Григорий Алексеевич (р. 1952), полит, деятель. Зам. Председателя СМ РСФСР (1990 — январь 1991). Один из авторов программы "500 дней". Деп. Госдумы РФ первого и второго созыва, лидер движения "Яблоко".
Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938), зам. председателя ГПУ (с 1924), нарком внутренних дел НКВД (1934—36).
Язов Дмитрий Тимофеевич (р. 1923), Маршал Советского Союза. Министр обороны СССР (1987—91). В августе 1991 входил в состав ГКЧП, подвергся аресту.
Яковлев Александр Николаевич (р. 1923), полит, деятель. С 1953 — в аппарате ЦК. Секретарь ЦК КПСС (1986—90), член Политбюро ЦК КПСС (1987—90). После августа 1991 — на службе нового режима.
Яковлев Егор Владимирович (р. 1930), журналист, полит, деятель. Один из идеологов перестройки. Главный редактор "Московских новостей" (1986—91). После августа 1991 — председатель ВГТРК, с декабря 1991 — телекомпании "Останкино".
Якубовский Дмитрий Олегович (р. 1963), юрист. В 1982 назначен Полномочным представителем правоохранительных органов, спецслужб в Правительстве РФ. Замешан в крупных аферах. Был осужден за организацию кражи древних рукописей.
Якунин Глеб Павлович (р. 1934). Бывший священник Никольской православной церкви в г. Щелково. Народн. деп. РСФСР (1990—93), деп. Госдумы (1993—95) от "Выбора России". В 1994 лишен сана священника за отказ от политич. деятельности.
Янов Александр Львович (р. 1934), журналист, историк. Работал в комсомольской печати. Эмигрировал в 1974 и обосновался в США.
Яров Юрий Федорович (р. 1942), до избрания народн. деп. РСФСР — председатель Ле-ноблсовета. В 1990—93 — зам. Председателя Правительства РФ. Первый зам. Руководителя Администрации Президента РФ (до 1998).
Ясин Евгений Григорьевич (р. 1934), экономист. Работал в НИИ ЦСУ СССР. Министр экономики, (министр) в правительстве В. С. Черномырдина.
Ястржембский Сергей Владимирович (р. 1953), дипломат. Старший референт Международного отдела ЦК КПСС (1988—90). С 1992 — директор Департамента информации и печати МИД России. До 1997 — посол РФ в Словакии. В 1997—98 — пресс-секретарь Президента РФ. С 1998 — зам. Председателя Правительства Москвы.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 3
Об авторе книги 5
БАРДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
Выступление на VII съезде писателей России 8
Письма поэту, который больше, чем поэт 15
Партсобрание в Чистый четверг 49
"Вундеркинды" Бурлацкого 53
Письмо ровеснику Виктору Астафьеву о нашей солдатской молодости 59
Жуликоватый патриарх 75
Музы лжи 85
Орфей в аду 91
Герои, пустозвоны и молчальники 118
Никита Михалков и папертники 123
ОБОРОТНИ
Лучший идеолог всех времен и кагалов 144
Орденоносец Александр Яковлев 163
Анатолий Собчак, ходец 171

Ба! Знакомые все лица 182
Лебединая песнь Шумейки 192
Пришельцы и самозванцы 202
Юбилейные поросенки и похоронные побасёнки 208
ТИТАНЫ И ПИГМЕИ
Консенсус 218
Колокола громкого боя 226
Койоты 238
479
Театр одного павлина 251
Сталинизмус унд мерцализмус 310
Чудеса в тылу, на фронте и в чернильнице 321
"Он все увидит, этот мальчик" 334
КАИНОВА ДЕМОКРАТИЯ
Бадья и оглобля 352
Поищите дураков в другой деревне 359
Генераторы ненависти 368
Честь нации спасена 377
Офицеры и клятвопреступники 392
Фабрикация фашистов 400
Сталинградское побоище и Первомайское позорище 406
Зачем взрывать синагоги? 415
Романовы и Ельцин 423
Мертвые хоронят своих мертвецов 439
Восемнадцатое брюмера и восемьдесят шестое мартобря
Григория Явлинского 448
Список имен, упоминаемых в книге 466

Владимир Сергеевич Бушин
ЧЕСТЬ И БЕСЧЕСТИЕ НАЦИИ

Заведующий редакцией *В. Я. Грибенко*
Редактор *Т. И. Шагова*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Е. Ю. Куликова*
ЛР№ 010273 от 10.12.97. Сдано в набор 09.12.98. Подписано в печать 10.01.99. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$
Бумага офсетная № 1. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 28,54. Тираж 4000 экз. Заказ № 3809.
Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.
Российский государственный
информационно-издательский Центр "Республика" Государственного комитета Российской Федерации по печати.
Издательство "Республика".
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Полиграфическая фирма "Красный пролетарий".
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Весь этот мир от блещущей звезды
До малой птахи, стонущей печально,
Весь этот мир труда, любви, вражды,
Весь этот мир трагичен изначально.

И ничего иного тут не жди,
А наскреби терпенья по сусекам
И, зная все, сквозь этот ад иди
И до конца останься человеком.
Владимир Бушин

Да, все доступно, все возможно!
Не падай духом ни на миг.
Одно лишь, друг мой, безнадежно —
Рассчитывать на черновик.

И не рисуй свой путь превратно:
Меня, мол, время так вело.
Ты знал, что жизнь — единократна
И все в ней сразу — набело!
Владимир Бушин